Въ журналѣ за 1893 годъ напечатаны, между прочимъ, статьи: **Вл. С. Соловьева.** „Смыслъ любви“.—**Н. Я. Грота.** „Нравственные идеалы нашего времени“.—**А. А. Козлова.** „Французскій позитивизмъ“. — **Кн. С. Н. Трубецкого.** „О признакахъ сознанія“.—**Л. М. Лопатина.** „Подвижныя ассоціаціи представленій“.—**П. Е. Астафьева.** „Послѣднія тѣни прошлаго“. — **Ѳ. Л. Радлова.** „Очерки изъ исторіи скептицизма“.—**Н. А. Иванцова.** „Проблема бытія внѣшняго міра“.—**Александра И. Введенскаго.** „О видахъ вѣры въ ея отношеніяхъ къ знанію“.—**С. С. Глаголева.** „Вопросъ о безсмертіи души“.—**Алексѣя И. Введенскаго.** „О задачахъ современной философіи въ связи съ вопросомъ о возможности философіи самобытно-русской“.—**Г. И. Челпанова.** „Глазомѣръ и иллюзіи зрѣнія“ и „О природѣ времени“.—**П. Н. Милюкова.** „Разложеніе славянофильства“. — **П. Д. Боборыкина.** „Красота, жизнь и творчество“.—**В. В. Чуйко.** „Эрнестъ Ренанъ“.—**В. П. Сербскаго.** „Психологическія воззрѣнія Мейнерта“.— **А. А. Токарскаго.** „Психическія эпидеміи“. — **Е. А. Боброва.** „Искусство и нравственность“.—**Н. Н. Ланге.** „Законъ перцепціи“.—**В. А. Вагнера.** „Психологическая природа инстинкта“.—**П. А. Каленова.** „Вѣра и знаніе“.—**В. К. Яркерштедта.** „Міросозерцаніе кружка Станкевича и поэзія Кольцова“ и др.

## Содержаніе январьской (21) книги 1894 г.

**Левъ Толстой.** „Къ вопросу о свободѣ воли“.—**А. А. Козловъ.** „Французскій позитивизмъ. Полупозитивисты: Альфредъ Фуллье“.—**Н. Я. Гротъ.** „Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи“.—**Александръ И. Введенскій.** „О видахъ вѣры въ ея отношеніяхъ къ знанію“ (Окончаніе).—**Вл. С. Соловьевъ.** „Смыслъ любви“ (ст. пятая).— **Н. Н. Страховъ.** „О задачахъ исторіи философіи“.—**А. А. Корниловъ.** „О человѣческой рѣчи“. (Окончаніе).—**Н. Я. Пясковскій.** „Философскіе принципы въ современной физіологіи и отношеніе философіи къ естествознанію и медицинѣ“.—**С. С. Корсаковъ.** „Къ психологіи микроцефаловъ“ (съ портретомъ).—**Н. И. Шишкинъ.** „Пространство Лобачевскаго“.— **Критика и библіографія.** I. Обзоръ книгъ.—II. Обзоръ журналовъ.—**Психологическое Общество.** — **Кн. С. Н. Трубецкой.** „Новая книга Б. Н. Чичерина“.

Дозволено цензурою. Москва, 29 января 1894 г.

Москва, типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., соб. д.

ИЗДАНІЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

# ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ
## и
# ПСИХОЛОГІИ,

**подъ редакціей профессоровъ Н. Я. Грота и Л. М. Лопатина.**

## МАРТЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.



**МОСКВА.**

Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., собств. домъ.

1894.

# ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

# „Вопросы Философіи и Психологіи“.

## Изданіе МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

**(Годъ 5-й, съ 1-го января 1894 г.).**

***Въ журналѣ за предыдущіе годы принимали участіе слѣдующія лица:***

**Н. А. Абрикосовъ, Архимандритъ Антоній, П. Е. Астафьевъ, Н. Н. Баженовъ, проф. А. Н. Бекетовъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. Н. В. Бугаевъ, В. А. Вагнеръ, доц. Алексѣй И. Введенскій, проф. Александръ И. Введенскій, проф. П. Г. Виноградовъ, В. А. Гольцевъ, проф. Н. Я. Гротъ, проф. Н. А. Звѣревъ, Н. А. Иванцовъ, П. А. Каленовъ, проф. Н. И. Карѣевъ, А. А. Козловъ, Я. Н. Колубовскій, проф. С. С. Корсаковъ, проф. Н. Н. Ланге, В. В. Лесевичъ, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. М. А. Мензбиръ, П. Н. Милюковъ, Л. С. Миноръ, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, В. П. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, В. В. Розановъ, Г. И. Россолимо, В. П. Сербскій, проф. П. П. Соколовъ, Вл. С. Соловьевъ, Всев. С. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ, А. А. Токарскій, гр. Л. Н. Толстой, кн. Е. Н. Трубецкой, кн С. Н. Трубецкой, Е. И. Челпановъ, проф. В. Ф. Чижъ, В. Н. Чичеринъ, Н. И. Шишкинъ и др.**

---

## ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, опытная и физіологическая психологія, психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библіографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (въ началѣ января, марта, мая, сентября и ноября) книгами не менѣе 17 печатныхъ листовъ.

---

## Содержаніе январьской (21) книги 1894 г.

**Левъ Толстой.** „Къ вопросу о свободѣ воли“.—**А. А. Козловъ.** „Французскій позитивизмъ. Полупозитивисты: Альфредъ Фуллье“.—**Н. Я. Гротъ.** „Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи.—**Александръ И. Введенскій.** „О видахъ вѣры въ ея отношеніяхъ къ знанію“ (Окончаніе).—**Вл. С. Соловьевъ.** „Смыслъ любви“ (ст. пятая).—**Н. Н. Страховъ.** „О задачахъ исторіи философіи“.—**А. А. Корниловъ.** „О человѣческой рѣчи“. (Окончаніе).—**Н. Я. Пясковскій.** „Философскіе принципы въ современной физіологіи и отношеніе философіи къ естествознанію и медицинѣ“.—**С. С. Корсаковъ.** „Къ психологіи микроцефаловъ“ (съ портретомъ).—**Н. И. Шишкинъ.** „Пространство Лобачевскаго“.—**Критика и библіографія.** I. Обзоръ книгъ.—II. Обзоръ журналовъ.—**Психологическое общество.**—**Кн. С. Н. Трубецкой.** „Новая книга Б. Н. Чичерина“.

ИЗДАНІЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

# ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

# ПСИХОЛОГІИ.

## ЖУРНАЛЪ,

*основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.*

ГОДЪ V.

**Книга 22 (2).**

Подъ редакціей профессоровъ **Н. Я. Грота** и **Л. М. Лопатина**.

**МАРТЪ 1894 г.**

**МОСКВА.**
Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., соб. д.
1894.

## II. ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.



---

## ПРИЛОЖЕНІЯ:

# Формулы и термины въ области прекраснаго.

Въ послѣднее время вопросъ объ искусствѣ, его самостоятельномъ значенiи и томъ методѣ, по которому слѣдовало бы, въ критикѣ художественныхъ произведенiй, изучать его—поставленъ былъ на очередь, и я долженъ сознаться, что мой этюдъ: «*Красота, жизнь и творчество*»*) подалъ поводъ къ цѣлому ряду, большею частью, полемическихъ замѣчанiй и даже довольно объемистыхъ статей.

Я не позволю себѣ входить въ препирательство съ тѣми противниками, которые въ своихъ нападкахъ преслѣдовали не цѣль объективнаго разъясненiя относительной истины, а задачу гораздо менѣе благодарную и серьезную: дѣлать личность отвѣтственною за то, что имъ принципiально не нравится. Въ смыслѣ разработки вопроса, въ самыхъ значительныхъ по размѣру статьяхъ о моемъ этюдѣ врядъ ли человѣкъ, желающiй выясненiя задачъ искусства и художественной критики, найдетъ сколько-нибудь цѣнные вклады въ эту область.

Мнѣ хочется побесѣдовать, главнымъ образомъ, о тѣхъ недоразумѣнiяхъ, которыя накопились во всемъ этомъ, довольно сложномъ, дѣлѣ. Изъ того, что я слышалъ въ устныхъ пренiяхъ и читалъ въ журналахъ и газетахъ, для меня ясно, что самые существенные моменты художественной критики—термины и понятiя—употребляются часто

*) См. „Вопросы философiи и психологiи“ Кн. 17 (Мартъ 1893).

въ неточномъ значеніи не только противниками, но даже иногда и людьми одного и того же лагеря.

Прежде всего, очень многіе смѣшиваютъ двѣ вещи: воззрѣнія писателя на область искусства и на *методы* его изученія, и *работу* того же писателя, если онъ выступаетъ, какъ художникъ, напримѣръ, въ сферѣ беллетристики. Это смѣшеніе—самое грубое, и врядъ ли можно назвать его вполнѣ неумышленнымъ. Вы, какъ теоретикъ искусства, стоите за его полную самобытность и считаете утилитарную критику художественныхъ произведеній такой работой, которая не способствуетъ научно - философскому изслѣдованію той огромной и привлекательной стороны человѣческой души, которая въ исторіи культурнаго развитія ея играла и играетъ такую яркую и содержательную роль. И въ то же время вы, какъ романистъ, драматургъ, лирическій поэтъ, можете, въ силу вашихъ прирожденныхъ или пріобрѣтенныхъ расположеній, извѣстнымъ образомъ выводить окружающую васъ жизнь, отзываясь и умомъ, и чувствомъ на то, что въ ней есть самаго цѣннаго и яркаго и производя въ читателяхъ, волей-неволей, настроеніе, которое, въ данномъ случаѣ, будетъ служить религіознымъ, политическимъ, нравственнымъ и соціальнымъ идеямъ, упованіямъ и задачамъ. И развѣ мыслимо считать за серьезный аргументъ указаніе на то, что писатель въ своихъ произведеніяхъ не довольствовался только отвлеченностями или полетами фантазіи, идиллическими и другими невинными изображеніями? Какъ будто бы это лишаетъ его права быть въ дѣлѣ научно-философскаго изслѣдованія эстетическихъ вопросовъ сторонникомъ самаго строгаго метода, а не защитникомъ такой критики, которая пользуется искусствомъ только для иллюстраціи своихъ утилитарно-общественныхъ симпатій и домогательствъ?

Возьму примѣръ поэта, отдѣленнаго отъ насъ уже на цѣлый слишкомъ вѣкъ и родившагося среди чужого народа. Это—Фридрихъ Шиллеръ. Развѣ въ его произведеніяхъ, въ лирикѣ и драмѣ, онъ не былъ не только вдохно-

веннымъ, но и передовымъ сыномъ своей страны и своей эпохи? Съ первыхъ своихъ шаговъ, въ юношескихъ драмахъ, онъ выступалъ даже какъ революціонеръ, предшественникъ тѣхъ романистовъ и драматурговъ, которые, на протяженіи нашего столѣтія, расшатывали старые устои, подкапывались подъ существующія идеи и вѣрованія во имя свободы мысли и чувства, въ интересахъ человѣчности, поднятія политическихъ и соціальныхъ правъ обездоленныхъ классовъ.

И что же мы находимъ въ Шиллерѣ — теоретикѣ искусства? Самое искреннее исканіе научно-философской правды. Исторія его эстетическаго міровоззрѣнія, говоря мимоходомъ, въ высшей степени интересна. Въ послѣднее время она сдѣлалась предметомъ серьезныхъ монографій даже у французовъ, и если время мнѣ позволитъ, я выберу одну изъ этихъ монографій для обстоятельнаго обсужденія вопроса. Но, конечно, всѣ здѣсь присутствующіе и безъ спеціальныхъ этюдовъ знаютъ, что если подвести итогъ взглядамъ и принципамъ Шиллера, то окажется, что онъ былъ эстетикъ, ставилъ искусство на совершенно самостоятельную почву, всю свою жизнь не переставалъ страстно заниматься разработкой и разъясненіемъ своего художественно-критическаго исповѣданія вѣры. Въ философіи Канта, установившаго въ „Критикѣ способности сужденія“ самодовлѣющее значеніе искусства, Шиллеръ нашелъ краеугольный камень для своихъ воззрѣній. И если онъ, по пылкости своей натуры, уклонялся въ сторону, дѣлалъ уступки во имя менѣе философскихъ интересовъ, то въ общемъ онъ остался убѣжденнымъ сторонникомъ искусства, преслѣдующаго свою главную цѣль—воспріятіе красоты, художественное творчество, обработку всего духовнаго опыта человѣка для чистыхъ наслажденій прекраснымъ. Шиллеръ такъ преданъ былъ искусству, какъ его теоретикъ, что отдавался работѣ мыслителя не менѣе искренне и страстно, чѣмъ творчеству, поддерживалъ обширную корреспонденцію на эти теоретическія темы, печаталъ въ разные періоды

своей жизни статьи, въ которыхъ выступалъ защитникомъ и разъяснителемъ принциповъ, дорогихъ ему въ дѣлѣ научно-философскаго пониманія задачъ искусства.

Такіе примѣры можно было бы привести и въ большемъ количествѣ, взявъ другія, болѣе близкія къ намъ эпохи— всѣ они доказываютъ одно и то же: призывать писателя къ отвѣту за то, что онъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ выступаетъ не какъ дилетантъ и не какъ безстрастный изобразитель, а какъ сынъ своего времени и своей страны,—пріемъ сомнительнаго достоинства. Я надѣюсь, что въ нашей средѣ врядъ ли кто будетъ защищать его.

Пойдемъ дальше въ разъясненіи путаницы понятій, мѣшающей правильной обработкѣ эстетической области.

Формулы: „*искусство для искусства*", или „*чистое искусство*"—только сбиваютъ съ толку и мѣшаютъ выясненію самаго главнаго вопроса—вопроса о методѣ изслѣдованія художественнаго творчества и мастерства. Какимъ бы то или другое ни оказалось въ исторіи своего развитія, чистымъ или нечистымъ, самостоятельнымъ или несамостоятельнымъ, во всякомъ случаѣ, оно имѣетъ право на серьезное, положительное изслѣдованіе путемъ опредѣленнаго метода. Вотъ этого-то метода мы до сихъ поръ и не видимъ у насъ, даже еслибы вся критика художественныхъ произведеній и свелась къ тому, чтобы исключительно лишь по нимъ изучать движеніе идей, политическихъ интересовъ и нравственныхъ идеаловъ. Какимъ бы ни было искусство въ данную эпоху, оно, во всякомъ случаѣ, существуетъ въ силу психической потребности, и его изслѣдованіе должно быть изслѣдованіемъ самостоятельной части человѣческой психіи.

Почему, спросимъ мы, до сихъ поръ злобно нападаютъ на тѣхъ, кто заявляетъ во имя *этой* части психіи право заниматься ею такъ, какъ уже давнымъ-давно позволено заниматься изученіемъ интеллекта вообще, или воли, или нравственнаго чувства?

Не находите ли вы, что тутъ, опять-таки подъ оболочкой извѣстныхъ идей, возбуждающихъ всегда въ читате-

ляхъ и слушателяхъ давно назрѣвшія симпатіи, сидитъ все та же борьба между наукою и чувствомъ, какая ведется теперь и у насъ, и на Западѣ? Возьмете ли вы новѣйшія нео-католическія поползновенія парижскихъ молодыхъ писателей и студентовъ; или же остановитесь на нашемъ русскомъ движеніи, нашедшемъ въ проповѣди знаменитаго романиста одну изъ своихъ формулъ,—и тамъ, и здѣсь одинъ и тотъ же процессъ. Чувство, вѣра, увлеченіе — назовите, какъ хотите—бунтуютъ противъ знанія, не желаютъ подчиняться ему, не допускаютъ торжества фактической правды. Почему? Потому что положительная основа каждой области знанія сама себѣ довлѣетъ, и надо съ ней мириться. Но *ея* выводы могутъ быть весьма и весьма непріятны сторонникамъ другихъ ученій. Точно то же и въ дѣлѣ публицистики, преслѣдующей свои цѣли. Противъ науки она уже не смѣетъ протестовать, когда рѣчь идетъ о внѣшней природѣ или психіи человѣка—по такимъ ея отдѣламъ, которые не представляютъ для публицистики ничего щекотливаго. Каждая точная наука имѣетъ цѣлую прикладную область. Утилитаристамъ и людямъ партійнымъ всегда можно утѣшиться тѣмъ, что наука служитъ прогрессу человѣчества такъ, какъ они его понимаютъ. Но искусство—другое дѣло. Казалось бы, оно безобидно. Суть его—вызывать и поддерживать въ человѣчествѣ чувство красоты, которое, во всякомъ случаѣ, имѣетъ законное право на существованіе. Но литература изъ всѣхъ другихъ отдѣловъ человѣческаго творчества выдѣляется своею тѣсною связью съ жизнью. И тутъ все то, что есть въ теперешнемъ культурномъ обществѣ враждебнаго наукѣ, можетъ въ борьбѣ съ нею прикрываться самыми гуманными и прогрессивными лозунгами; это гораздо опаснѣе, потому что явно мистическія ученія не церемонятся съ научно-философскимъ знаніемъ и прямо объявляютъ его никуда негоднымъ для достиженія истиннаго царствія Божія на землѣ.

Было бы въ высокой степени интересно: научно отпрепарировать этотъ своеобразный видъ борьбы аффекта съ

положительнымъ знаніемъ, который, въ извѣстной степени, и объясняетъ то, почему до сихъ поръ въ нашей литературѣ и прессѣ такъ мало поощрялись попытки изучать область искусства, какъ нѣчто само себѣ довлѣющее.

Избитыя формулы „искусства для искусства“ и „чистаго искусства“, принявшія въ устахъ противниковъ эстетики отрицательный, презрительный оттѣнокъ, заключаютъ въ себѣ и еще одно весьма крупное, очевидное недоразумѣніе. Онѣ представляютъ собой несомнѣнный анахронизмъ, грубо противорѣчащій ходу развитія художественнаго творчества во всѣхъ его отдѣлахъ, начиная съ музыки, переходя къ пластикѣ и кончая литературнымъ творчествомъ. Наукѣ нѣтъ дѣла до тѣхъ дилетантовъ и эстетическихъ старичковъ, которые замыкаются въ узкія рамки искусства, отрѣшеннаго отъ жизни. Она показываетъ, что во всѣхъ этихъ отдѣлахъ происходила и происходитъ эволюція, заключающаяся, между прочимъ, въ томъ, что искусство, по самой природѣ своей, все глубже и разностороннѣе сбираетъ дань съ живой жизни,—другими словами: углубляетъ и расширяетъ свое содержаніе.

До сихъ поръ *форму* противупоставляютъ *содержанію* слишкомъ рѣзко и односторонне. Эстетики, увлекающіеся субъективною теоріей искусства, сводятъ почти все исключительно къ формѣ,—иными словами: считаютъ искусство въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е мастерство, отдѣлку, сознательную и произвольную работу—за нѣчто, исчерпывающее область красоты. Односторонность такого взгляда достаточно выяснена, и въ моемъ прошлогоднемъ этюдѣ я старался показать, какъ защитникъ такого односторонняго эстетизма, князь Волконскій, увлекаясь этою теоріей, упустилъ изъ виду необходимость обосновать научное изслѣдованіе области прекраснаго на болѣе твердой психологической почвѣ.

Утилитаристы и поборники моральной публицистики думаютъ всегда, что они выходятъ побѣдоносно изъ преній по этому вопросу, когда указываютъ на важное значеніе въ

исторіи развитія искусства — *содержанія, идеи*,—того внутренняго процесса, который проявляется въ произведеніяхъ изящнаго. Но эта побѣда слишкомъ легкая. Для всякаго, кто смотритъ на область художественнаго творчества, какъ на существенную и самобытную сторону жизни, содержаніе—т. е. творческая идея—будетъ всегда имѣть такое же значеніе, какъ и форма, если еще не большее. Но только надо, чтобы идея всегда зарождалась въ силу творческаго процесса, относящагося къ воспроизведенію красоты, чтобы она, ища своего выраженія вовнѣ, отвѣчала на чувство прекраснаго, хотя бы въ то же время удовлетворяла попутно и другимъ душевнымъ потребностямъ человѣка: исканію научной истины или установленію нравственныхъ идеаловъ.

Движеніе въ области прекраснаго показываетъ, во всѣхъ отдѣлахъ художественнаго творчества, все большее и большее взаимодѣйствіе жизни и искусства въ тѣсномъ смыслѣ; поэтому расширеніе его содержанія—вполнѣ законно. Въ послѣдніе годы, среди мыслителей, занимавшихся эстетикой, мы найдемъ искреннихъ защитниковъ такого расширенія. Къ числу самыхъ убѣжденныхъ и краснорѣчивыхъ принадлежалъ покойный французскій мыслитель Гюйо, книгѣ котораго: „Задачи современной эстетики" особенно посчастливилось у насъ. Этотъ успѣхъ объясняется тѣмъ, что утилитаристы и моралисты пожелали, разумѣется, воспользоваться для своихъ цѣлей широкой постановкой вопроса о связи искусства съ жизнью. Въ моемъ этюдѣ, напечатанномъ вскорѣ послѣ выхода книги Гюйо, подъ заглавіемъ „Источники прекраснаго", я старался объективно изложить все существенное, что было въ этой книгѣ Гюйо, идя за нимъ до тѣхъ предѣловъ, гдѣ расширеніе сферы источниковъ прекраснаго рискуетъ превратиться уже въ полное смѣшеніе моментовъ и потребностей душевной жизни человѣка. Можно, конечно, не уклоняясь грубо отъ истины, показать, что даже многіе чувственные инстинкты и наслажденія принимаютъ, въ продуктахъ поэзіи и пла-

стическаго искусства, художественныя формы и говорятъ косвенно нашему чувству прекраснаго. Но это чувство всегда, въ своихъ *настоящихъ* проявленіяхъ, будетъ преимущественно обращаться къ нашимъ высшимъ духовнымъ органамъ.—Не нужно забывать, что даже въ древней философіи учитель Платона, Сократъ, по свидѣтельству своего ученика, опредѣляетъ красоту какъ нѣчто неразрывно связанное съ дѣятельностью высшихъ, духовныхъ органовъ чувствъ человѣка. Въ діалогѣ Платона „Гиппіасъ" (Major) Сократъ, на вопросъ софиста, отвѣчаетъ чрезвычайно ясною формулой, которую и теперь можно было бы выбрать лозунгомъ для всякаго психо-физіологическаго изученія красоты: „прекрасное,—сказалъ онъ,—есть то, что намъ пріятно путемъ слуха и зрѣнія" (τὸ καλόν ἐστι τὸ δι' ἀκοῆς τε καὶ ὄψεως ἡδύ).

Источники прекраснаго безконечны; но какова бы ни была ихъ природа и каковы бы ни были первоначальныя воспріятія, они должны непремѣнно пройти чрезъ наши высшіе органы чувствъ и вызвать особенное настроеніе, не имѣющее прямой связи ни съ животно-чувственными наслажденіями, ни съ отвлеченными разсудочными категоріями мысли, ни съ усиліями воли, направляющей наши поступки къ искомому добру.

Нетвердость и даже путаница понятій въ нашемъ обиходномъ критицизмѣ сказывается и въ томъ, какъ самыя законныя опредѣленія свойствъ эстетическаго чувства вызываютъ протесты, показывающіе, что у насъ не согласились даже насчетъ терминовъ, которые были установлены самыми авторитетными мыслителями въ данномъ вопросѣ.

Возьмите терминъ *безкорыстный*, въ примѣненіи его къ чувству прекраснаго. Онъ былъ установляемъ уже въ древней философіи, а въ новой Кантъ употребляетъ его неизмѣнно. Всѣ мыслители, занимавшіеся эстетикой съ самыхъ противоположныхъ сторонъ: и метафизики, и люди строгаго научнаго метода, всѣ признаютъ за чувствомъ прекраснаго безусловную безкорыстность. Другого выраженія быть не

можетъ. Красота, когда она въ чемъ-нибудь проявляется и говоритъ нашей психіи, составляетъ общее достояніе и не вызываетъ въ душѣ отдѣльнаго человѣка никакихъ своекорыстныхъ поползновеній. Вы наслаждаетесь прекраснымъ предметомъ, не имѣя вовсе желанія сдѣлать его объектомъ своей чувственности или своего любостяжанія. Но этого мало. Созерцая красоту, вы совершенно забываете о себѣ, вы не испытываете ни одного изъ тѣхъ чувствъ, которыя неизбѣжны въ преслѣдованіи нравственной цѣли: вы ничего не боитесь и ничего не домогаетесь; моральное же совершенствованіе немыслимо безъ постояннаго напряженія воли. Какъ бы вы ни были возвышенны въ вашихъ нравственныхъ идеалахъ, достигая ихъ, вы хотите чего-то своего, даже и въ томъ случаѣ, если приносите въ жертву свое матеріальное и духовное достояніе, во имя истины и справедливости. Ничего подобнаго въ созерцаніи красоты нѣтъ. Оно наполняетъ васъ радостью, и только. Эта радость вполнѣ безкорыстна, но не безстрастна. Она служитъ символомъ того, что вы не можете имѣть никакихъ счетовъ съ предметомъ вашего эстетическаго созерцанія.

Позволительно поэтому воздержаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ доказательствъ того, что терминъ „безкорыстный", въ примѣненіи къ чувству прекраснаго,точенъ и вѣренъ,— быть можетъ, самый вѣрный и точный изъ всѣхъ предложенныхъ для опредѣленія преобладающаго качества искусства. Довольно и того, что вездѣ въ философскихъ и научныхъ трактатахъ этотъ терминъ пріобрѣлъ полное право гражданства; вездѣ, кромѣ нашей критики, гдѣ до сихъ поръ еще не желаютъ признать, что область художественнаго творчества и вызываемое ею созерцаніе прекраснаго, по натурѣ своей, лишены всякаго своекорыстнаго оттѣнка, будь то изъ сферы чувственности, или изъ сферы моральныхъ домогательствъ.

Смѣшеніе понятій засоряетъ до сихъ поръ и употребленіе терминовъ: творчество, искусство, мастерство.

Тѣ, кто будетъ доказывать, что *творчество* не есть

свойство души человѣческой, предназначенное исключительно для эстетическихъ цѣлей, этимъ возраженіемъ не нарушатъ вовсе самостоятельности прекраснаго. Да, творчество есть общее свойство души. Оно одинаково дѣйствуетъ и въ научной области, и въ техникѣ, и въ искусствѣ. Его синонимами, нѣсколько болѣе ограниченными, являются слова: *открытіе, изобрѣтеніе, выдумка*. Но расположеніе творческихъ способностей въ данной натурѣ бываетъ сообразно тому, что преобладаетъ въ мозговой организаціи: склонность ли къ отвлеченнымъ идеямъ, или къ научному синтезу, къ техникѣ или къ созерцанію красоты, разлитой въ природѣ и произведеніяхъ искусства. Творчество не составляетъ вовсе и сути эстетическаго наслажденія; но когда оно вызываетъ его, это доказываетъ, что эстетическое чувство и стремленіе къ прекрасному были, въ данномъ случаѣ, его главными источниками.

Даже самый употребительный терминъ — *искусство* (безъ котораго нельзя написать пяти строкъ, когда рѣчь идетъ о художественныхъ произведеніяхъ) заключаетъ въ себѣ много недосказаннаго, а еще чаще заходитъ за тѣ рамки, въ которыхъ должно было бы ему оставаться. Безпрестанно его смѣшиваютъ съ творчествомъ, между тѣмъ какъ ихъ психическая природа различна. Изящное искусство имѣетъ связь съ творчествомъ только тогда, когда послѣднее чисто-художественнаго характера. Кромѣ того, есть безчисленные виды искусства, не имѣющіе ничего общаго съ настоящей сферой прекраснаго. Но другого слова нѣтъ, или его не желаютъ употреблять,—и смѣшеніе понятій растетъ съ каждымъ днемъ.

Точно то же происходитъ и съ терминомъ—*мастерство*. Онъ можетъ быть употребляемъ, какъ синонимъ искусства, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ говорится о художественной работѣ. Въ новѣйшее время имъ стали злоупотреблять, придавая ему оттѣнокъ высшей похвалы, когда рѣчь идетъ о произведеніяхъ изящнаго искусства, а не о простой техникѣ, не о работѣ ремесленника, хотя бы и высшаго порядка.

Творчество, съ одной стороны, искусство и мастерство, съ другой (даже когда они относятся исключительно къ сферѣ прекраснаго) — понятія, представляющія между собою принципіальное различіе въ *психическомъ* смыслѣ.

Тутъ мы наталкиваемся, опять-таки, на два термина, безъ которыхъ нельзя обойтись въ эстетикѣ, на термины: *безсознательный* и *непроизвольный*.

Недоразумѣніе по этой части доходитъ иногда до послѣдняго предѣла. Противники научно-философской обработки области прекраснаго пользуются обыкновенно терминомъ „безсознательный“ или „безсознательность“, чтобы доказывать отсутствіе, въ доводахъ эстетиковъ, признающихъ безсознательность процесса творчества, самой элементарной научной правды. Но въ большинствѣ случаевъ, они или говорятъ совсѣмъ о другомъ, или пользуются обмолвками тѣхъ, кто, въ данномъ примѣрѣ, вмѣсто термина „безсознательный“, долженъ былъ бы употреблять слово „непроизвольный“, что, какъ всѣ согласятся, не одно и то же.

Для разъясненія этой путаницы, надо установить нѣсколько основныхъ понятій, занявшихъ уже прочное мѣсто въ опытной психологіи.

Область *безсознательной* человѣческой жизни огромна и несомнѣнна. Во всякомъ случаѣ, она несравненно обширнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ это. Вся пластическая, созидательная жизнь организма, выработка всѣхъ функцій его, сложная и непрерывная, относится къ области безсознательнаго. Конечно, этимъ терминомъ не нужно злоупотреблять, и мы не желаемъ придавать ему того значенія, которое пріобрѣлъ онъ, напримѣръ, въ системѣ нѣмецкаго мыслителя Гартмана. Гораздо допустимѣе держаться той защиты безсознательнаго въ психологіи, какая была послѣднимъ словомъ одного изъ самыхъ даровитыхъ психологовъ нашей эпохи, покойнаго Льюиса.

Не только по простой внѣшней аналогіи, но и по самому существу дѣла, творческій процессъ, происходящій въ нашемъ мозгу, какъ результатъ извѣстнаго строя душевной

дѣятельности, подобно другимъ функціямъ органической жизни, имѣетъ вначалѣ свое теченіе „подъ порогомъ сознанія". Отрицать это серьезно—невозможно. Фактъ давнымъ-давно установленъ и подтвержденъ безчисленными примѣрами изъ творческой дѣятельности людей одаренныхъ. На зарожденіе и на созрѣваніе идеи, образа, научнаго вывода или музыкальной мелодіи нашъ разсудокъ, воля, другими словами, произволъ—не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого непосредственнаго воздѣйствія.

И когда кто-либо, защищая самобытность области прекраснаго и необходимость ея изученія научно-философскимъ путемъ, правильно употребляетъ терминъ „безсознательность", возражать противъ него—значитъ возставать противъ фактической очевидности. Но продуктъ первоначально безсознательнаго, какъ бы тайнаго, творческаго процесса, въ дальнѣйшій моментъ докладывается нашему сознанію, и тогда употреблять этотъ терминъ неумѣстно. Изъ этого не вытекаетъ, однако же, чтобы то, что становится сознательнымъ, нельзя было называть „непроизвольнымъ". И, въ большинствѣ случаевъ, даже убѣжденные эстетики дѣлаютъ обмолвки и употребляютъ терминъ „безсознательный" вмѣсто „непроизвольный", чѣмъ увеличиваютъ общую путаницу. Эта непроизвольность въ творчествѣ составляетъ самую основу его и его характернѣйшее отличіе отъ всей той области искусства и мастерства, гдѣ вступаютъ въ свои права другія, чисто-сознательныя и волевыя свойства и пріемы нашей души: направленіе фантазіи въ ту или другую сторону, выборъ, руководимый вкусомъ, художническій разсчетъ, отдѣлка формы, предполагающая постоянное напряженіе воли, умышленное достиженіе того совершенства, которое предносится въ головѣ артиста.

И все, что утилитаристы возражаютъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ о постоянномъ участіи сознанія и свободнаго выбора въ художнической работѣ,—относится исключительно къ выполненію, къ мастерству въ тѣсномъ смыслѣ: это ни малѣйшимъ образомъ не нарушаетъ основы твор-

чества, его несознательнаго зарожденія и его непроизвольности въ тотъ моментъ, когда идея или образъ докладываются нашему сознанію.

И безъ всякой натяжки можно прибавить, что даже и въ артистической работѣ какого бы то ни было рода, когда дѣло идетъ о выполненіи извѣстнаго замысла, безъ непроизвольнаго творчества обойтись нельзя; только здѣсь оно сводится къ подробностямъ, къ нахожденію способовъ, посредствомъ которыхъ будетъ достигнуто наилучшее проявленіе идеи. Кто же станетъ спорить съ тѣмъ, что одной доброй воли, одного напряженія, какъ бы оно ни было упорно, мало для того, чтобы художническая работа шла какъ слѣдуетъ? Всякій знаетъ, что это дѣло таланта.

Вотъ и это, опять-таки, терминъ, которымъ такъ злоупотребляли въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій. Когда-то у насъ, съ легкой руки Бѣлинскаго, любили противопоставлять термины „талантъ и геній“ и „простое дарованіе“ и „творческое дарованіе“. Путаница понятій отъ этого не прояснилась. Но какъ ни злоупотребляютъ словомъ талантъ, несомнѣнно однако то, что оно обозначаетъ собою нѣкоторую прирожденную способность; а такая способность сейчасъ же связана съ чѣмъ-то независящимъ отъ нашей доброй воли, почему самый старательный труженикъ и не превратится никогда въ даровитаго человѣка по собственному желанію.

И мы видимъ, что въ работѣ осуществленія творческаго замысла каждый выдающійся художникъ долженъ только помогать полету фантазіи, ассоціаціи идей, что онъ не въ состояніи ничего достичь помимо игры своего мозга. Старательность и отдѣлка, въ которыхъ участвуютъ усиліе воли и разсудочная способность, не пойдутъ никогда дальше техническаго мастерства. Это все равно, какъ усилія, которыя мы дѣлаемъ, когда намъ сразу не приходитъ въ голову какое-нибудь слово или имя. Всякій студентъ, отвѣчающій изъ психологіи, знаетъ, что такія напряженія воли ни къ чему не ведутъ. Слово не дастся вамъ до тѣхъ поръ, пока вы не будете, какъ французы выражаются: „думать около этого“,—другими сло-

вами, не поможете непроизвольной ассоціаціи идей. Не только аналогическій, но прямо тождественный процессъ долженъ происходить и тогда, когда талантливый художникъ, живописецъ, музыкантъ, поэтъ сидятъ надъ выполненіемъ своей артистической работы.

Въ послѣднее время, и во Франціи, и у насъ, любятъ указывать на примѣры такихъ художниковъ изящнаго слова, какъ покойный Флоберъ, который сидѣлъ цѣлыми часами, отыскивая самый лучшій эпитетъ, самую красивую постройку фразы. Но такіе примѣры вовсе не говорятъ противъ нашей мысли. Наоборотъ, они прямо подтверждаютъ только-что мною сказанное. Если Флоберъ долженъ былъ такъ томительно отыскивать отдѣльное слово и построеніе фразы,—несомнѣнно, онъ не отличался легкой ассоціаціей идей, позволяющей въ теченіе нѣсколькихъ минутъ перебрать всевозможныя краски своей художнической палитры.

Стало-быть, не отрицая сознательнаго и волевого момента въ области искусства и мастерства, которыя служатъ лишь осуществленію творческихъ образовъ и идей, позволительно признать, что и въ нихъ разсудокъ и воля должны дѣйствовать одновременно съ прирожденною способностью, съ непроизвольной психической игрой, составляя то, что на обыкновенномъ языкѣ называется талантомъ, дарованіемъ, склонностью и разными другими, болѣе или менѣе неопредѣленными терминами.

Самыя простыя и общеупотребительныя слова: *природа и искусство*,—когда ихъ рѣзко противопоставляютъ одно другому, желая показать, что то или другое выше противоположнаго ему термина, служатъ также источникомъ заблужденій. Все составляетъ природу и ея жизнь. Жизнь—источникъ красоты; но никто не уполномочиваетъ насъ объявлять, что она во всемъ своемъ составѣ есть красота. Творчество, находящее въ искусствѣ путь для своего осуществленія, есть часть психіи человѣка, которая вся, во всемъ своемъ составѣ—одинъ изъ моментовъ общей жизни. Рѣзко противопоставлять жизнь и область искусства значитъ придавать

до сихъ поръ значенiе чисто-формальнымъ, схоластическимъ категорiямъ и различiямъ. Точно такъ же нельзя сколько-нибудь серьезно отрицать и того, что творческое искусство составляетъ одно изъ самыхъ высшихъ преимуществъ человѣческой души и что оно не имѣетъ въ остальной природѣ ничего равнаго себѣ, если не по грандiозности образовъ, то по самобытной способности перерабатывать воспрiятiя красоты и производить творческiя идеи путемъ душевной организацiи, составляющей на землѣ достоянiе человѣка.

Недоразумѣнiе по этому вопросу (которое поддерживается, главнымъ образомъ, въ лагерѣ утилитаристовъ и сторонниковъ ограниченнаго псевдо-реализма) ведетъ къ тому, что люди, отрицающiе художественное превосходство человѣческаго творчества, совершенно упускаютъ изъ виду такое соображенiе: утилитаристамъ-то и сторонникамъ гражданскихъ и нравственныхъ идеаловъ прежде всего и слѣдуетъ ставить художественное творчество и мастерство выше того, что даетъ одна природа, не обработанная человѣкомъ въ глубинѣ своего *я*. Совершенно ясно, что одна природа не дастъ сторонникамъ этихъ ученiй поддержки въ ихъ стремленiяхъ къ идеаламъ человѣчества, направленныхъ на правду и справедливость, такъ какъ ни космическая жизнь, ни жизнь на нашей планетѣ, идущая внѣ насъ, не преслѣдуютъ вовсе цѣлей нашего нравственнаго совершенствованiя или общественнаго блага. Только человѣческое творчество и искусство производятъ и будутъ производить продукты, прямо отвѣчающiе на всякаго рода потребности человѣка, чисто-отвлеченныя и практическiя.

Великiе художники и великiе умы, понимавшiе, что такое область красоты, умѣли находить самыя простыя формулы, устраняющiя всякое смѣшенiе понятiй. Врядъ ли кто станетъ отрицать, что Гёте понималъ, что такое искусство; а онъ любилъ повторять такой немудреный афоризмъ: „искусство есть искусство, потому именно, что оно не природа“; но, говоря такъ, онъ, конечно, не желалъ доказывать, что

искусство заключаетъ въ себѣ что-либо враждебное природѣ, что его первоисточникъ не есть та органическая жизнь на землѣ, безъ которой немыслимо никакое ощущеніе и никакое проявленіе творческой идеи.

Весьма важно было бы также разъ навсегда установить такіе существенные термины, какъ: *эстетическое чувство*, затѣмъ *художественное наслажденіе* и, наконецъ, *красота*, проявляемая природой и продуктами изящнаго творчества.

Мы видѣли, по прошлогоднему моему этюду, въ той его долѣ, гдѣ подробно разбиралась лекція кн. Волконскаго, что и молодые эстетики, увлекаясь теоріей наслажденія, придаютъ этому моменту всеобъемлющій смыслъ и, уклоняясь отъ психической почвы, не выясняютъ для себя достаточно природы и особенностей „чувства прекраснаго“,—„эстетическаго наслажденія“ ,въ тѣсномъ смыслѣ, и „красоты, самой по себѣ“, самостоятельное существованіе которой въ природѣ и въ человѣческомъ творчествѣ не можетъ быть отрицаемо ни въ опытной психологіи, ни въ психофизикѣ.

Уже нѣсколько разъ я позволялъ себѣ и въ прошлогоднемъ моемъ этюдѣ, и въ этомъ рефератѣ опредѣлять *чувство прекраснаго*, во-первыхъ, какъ нѣчто, вовсе не тождественное съ творческою способностью. Но представляетъ ли оно собою самую суть душевнаго отправленія? Или же оно есть какъ бы показатель извѣстной функціи? Мнѣ кажется, несмотря на нѣкоторыя возраженія, которыя были мнѣ сдѣланы въ прошломъ году, что эстетическое чувство есть одна изъ основныхъ потребностей человѣческой души; въ своихъ же проявленіяхъ она обнаруживается совершенно такъ, какъ и наши воспріятія внѣшняго міра и внутренней душевной жизни, служащія показателями реальныхъ образовъ, существующихъ внѣ насъ, или внутреннихъ душевныхъ процессовъ. Врядъ ли будетъ парадоксально провести аналогію между этой областью нашей души и всѣми почти физіологическими и патологическими процессами. Безчисленные аффекты, сопровождающіе, напримѣръ, различныя душевныя разстройства, часто еще болѣе яркіе и интенсивные, чѣмъ

аффекты эстетическаго характера, представляютъ собою несомнѣнные показатели извѣстнаго болѣзненнаго процесса. Такъ точно, симптомы нормальной и заразной патологіи указываютъ всегда на какое-нибудь органическое разстройство или на присутствіе какого-нибудь микроба.

Чувство прекраснаго развивается и въ отдѣльномъ человѣкѣ, и въ культурномъ человѣчествѣ, вмѣстѣ съ развитіемъ способности воспринимать красоту. Вкусъ, съ своей стороны, есть какъ бы придатокъ его, подлежащій неустойчивымъ колебаніямъ. Брать вкусъ мѣриломъ красоты было бы неразумно. И то, что такое мѣрило въ высшей степени неустойчиво, нисколько не дѣлаетъ невозможнымъ установленіе извѣстныхъ законовъ въ эволюціи области прекраснаго. Вкусы измѣнчивы, но развитіе эстетическаго чувства въ исторіи культурнаго человѣчества обнаруживаетъ поступательный ходъ, въ которомъ мы видимъ все бóльшую и бóльшую способность отыскивать и понимать красоту и во внѣшней природѣ, и въ творческихъ произведеніяхъ.

Какъ же опредѣлить *наслажденіе,* какъ извѣстный самобытный моментъ въ психіи человѣка, разумѣя, въ данномъ случаѣ, наслажденіе прекраснымъ? Оно есть главный показатель эстетическаго чувства. Этимъ признакомъ чувство соприкасается съ областью остальныхъ душевныхъ аффектовъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, удовольствіе и боль представляютъ собою два полюса и два регулятора. Но наслажденіе, само по себѣ, даже и чисто-художественное, не можетъ, ни въ какомъ случаѣ, исчерпывать области прекраснаго; оно связано съ чѣмъ-то опредѣленнымъ, что заключаетъ въ себѣ, въ данномъ случаѣ, элементъ прекраснаго. Связать этотъ элементъ исключительно съ человѣческимъ *я* мы также не имѣемъ права, во-первыхъ, потому, что и животныя обладаютъ эстетическимъ чувствомъ, склонностью къ краскамъ, формамъ и звукамъ, доставляющею имъ несомнѣнное удовольствіе; во-вторыхъ, потому, что, разсуждая такъ, мы вдались бы въ слишкомъ яркій метафизическій скептицизмъ, который довелъ бы насъ до отри-

цанія реальнаго міра; такимъ путемъ мы дошли бы, пожалуй, до сведенія всего сущаго къ нашему духу, понимаемому въ смыслѣ трансцендентальнаго идеализма.

Терминомъ *красота* противники эстетики пользуются больше для того, чтобы показать его неустойчивость. Они обыкновенно напираютъ на то, что искусство, для своихъ продуктовъ, беретъ не только красивое, но и безобразное. Этотъ доводъ пора бы сдать въ архивъ. То, что само по себѣ красиво въ природѣ и въ продуктахъ человѣческаго творчества, представляетъ собою какъ бы высшую инстанцію красоты. Но творчество и мастерство выполненія творческихъ замысловъ могутъ переработывать всякіе образы, и то, что въ жизни было только безобразно, въ искусствѣ получаетъ несомнѣнную привлекательность. Почему? Потому что въ творчествѣ и мастерствѣ импульсомъ къ воспроизведенію чего-либо безобразнаго служитъ потребность въ созерцаніи, имѣющемъ художественно-творческій характеръ.

Гармонія и взаимодѣйствіе красоты, какъ таковой, и чувства прекраснаго, весьма легко согласуются—для тѣхъ, кто наклоненъ къ метафизическимъ взглядамъ—съ пантеизмомъ, а для людей научныхъ обобщеній съ извѣстнаго рода монизмомъ. Во всякомъ случаѣ, есть возможность признавать общность источника и хода развитія между „красотой“, разлитой въ природѣ, и „душевными свойствами“, проявляющимися въ творчествѣ и въ чувствѣ прекраснаго.

Въ связи со смѣшеніемъ понятій и неточнымъ употребленіемъ терминовъ, въ психологіи прекраснаго находятся и разныя недомолвки, предразсудки, неумѣренныя требованія, съ которыми должна имѣть дѣло наука, работающая надъ этой областью.

Психологіи вообще пришлось бороться болѣе, чѣмъ другимъ отраслямъ знанія, занимающимся человѣкомъ, съ излишествами скептицизма. Всѣмъ извѣстно, что позитивная школа, въ лицѣ ея основателя, Огюста Конта, отнеслась къ психологіи самонаблюденія черезчуръ радикально, хотя и выходила изъ нѣкоторыхъ, весьма основательныхъ тре-

бованій біологическаго характера. Но съ тѣхъ поръ утекло не мало воды. Опытная психологія, хотя и въ предѣлахъ эмпирическаго знанія, пробивала себѣ дорогу и накопила довольно богатый запасъ фактовъ, которыхъ отрицать нельзя потому только, что они добыты большею частью путемъ самонаблюденія. Съ другой стороны, психофизика, сдѣлавшая также довольно значительные успѣхи въ послѣднюю треть нашего вѣка, самыми этими успѣхами показала, что сведеніе психическихъ моментовъ къ явленіямъ чисто-физическаго характера, при всей научной серьезности, все-таки не даетъ ключа къ полному выясненію себѣ тѣхъ состояній души, тѣхъ ея стремленій и навыковъ, которые группируются вокругъ идеи прекраснаго. Для эстетика, для художника, для всякаго друга красоты, для каждаго мыслителя, желающаго уйти въ міръ творческаго искусства, даже помощь чисто - описательной психологіи, не отвергающей метода самонаблюденія, въ высшей степени полезна. Только путемъ сопоставленія фактовъ, добытыхъ и въ описательной, и въ экспериментальной психологіи, съ тѣмъ, что даютъ намъ творческіе продукты изящной литературы, и можно отличать фальшь отъ психологической правды. установлять извѣстныя группы явленій, углублять анализъ того, что мы называемъ чувствомъ прекраснаго, и того, что зовутъ художественнымъ творчествомъ, въ тѣсномъ смыслѣ.

Обыкновенно возражаютъ: „научно - философской теоріи красоты и художественнаго творчества еще не выработано; эстетика полна разнохарактернѣйшихъ выводовъ и общихъ взглядовъ и страдаетъ до сихъ поръ преобладаніемъ апріорныхъ обобщеній; истинно научный вкладъ въ эстетику и психологію творчества слишкомъ бѣденъ, чтобы можно было позволять себѣ какія - нибудь прочныя, обязательныя для всѣхъ, положенія“.

Все это въ извѣстной степени справедливо, но, вѣдь, есть уже такія пріобрѣтенія опытнаго знанія и философскаго мышленія, которыя позволяютъ отмежевать искусству и его изслѣдованію совершенно опредѣленную область. Кто бы имъ те-

перь ни занимался: физіологъ, психологъ, знатокъ исторіи искусства или мыслитель, для котораго дороги еще извѣстныя метафизическія первоосновы, ни одинъ изъ этихъ работниковъ надъ областью прекраснаго не будетъ заниматься ею съ посторонними цѣлями. Всѣ будутъ признавать несомнѣнную *самобытность* той стороны человѣческой души, которая отвѣчаетъ идеѣ и факту красоты. Разбродъ еще великъ, но кто въ послѣдніе годы внимательнѣе присматривался къ тому, куда идутъ работы въ эстетической области, тотъ долженъ будетъ признать, что съ каждымъ годомъ чувствуется все болѣе прочная почва — почва *психологическая* по преимуществу.

Не слѣдуетъ смущаться тѣмъ, что до сихъ поръ каждая философская система старается обработывать положительные факты изъ области красоты въ интересахъ признанія своихъ первооснов. Въ общихъ метафизическихъ положеніяхъ можетъ быть большое разногласіе; но все, что касается анализа душевныхъ явленій,—связано съ чувствомъ красоты и творчества; тутъ уже никто не споритъ противъ фактовъ, и самые закоренѣлые метафизики пользуются ими, признавая авторитетность точнаго знанія.

Огромная сокровищница, накопившаяся въ исторіи искусства, представляетъ собою не что иное, какъ колоссальныхъ размѣровъ многовѣковой складъ продуктовъ „психической“ дѣятельности человѣка въ томъ ея отдѣлѣ, гдѣ импульсами служили: чувство красоты и способность воспріятія ея, пробуждающая нашъ духъ къ творческой работѣ. До сихъ поръ спеціалисты по исторіи искусства, увлекаясь культомъ *формы*, ограничивались больше чисто-описательнымъ методомъ, не умѣли освобождать себя отъ извѣстныхъ условностей, традицій, предвзятыхъ понятій, которыя мѣшаютъ и самымъ тонкимъ знатокамъ искусства подняться выше дилетанства, выше своихъ рубрикъ, опредѣленій и оцѣнокъ, и примѣнить къ развитію каждой отрасли искусства эволюціонный методъ. Недостаточность научно-философскаго элемента въ работахъ многихъ знатоковъ искусства нисколько не компрометируетъ,

однако, будущности той отрасли знанія и мышленія, которая занимается областью прекраснаго.

Мы видимъ, что какъ разъ въ послѣдніе годы работы по психологіи творчества и эстетическаго чувства пріобрѣтаютъ все болѣе серьезный характеръ. Эти темы дѣлаются весьма привлекательными для физіологовъ и психологовъ. Чувствуется искренняя потребность не въ одномъ только накопленіи эмпирическихъ фактовъ, а и въ установкѣ метода, въ проникновеніи въ самую суть вопроса, и почти всегда на научной почвѣ. У преподавателей, занимающихъ каѳедры философіи во Франціи, Германіи, Англіи, мы видимъ особенный интересъ къ такимъ темамъ. Никто изъ нихъ и не преувеличиваетъ авторитетности научнаго анализа и синтеза въ эстетическихъ вопросахъ; почти никто не задается сразу задачами, которыя превышали бы способы изслѣдованія, выработанные современною наукой. Но у всѣхъ есть желаніе вывести эстетику на вѣрную дорогу плодотворнаго метода, — не ограничиваться только нагроможденіемъ фактовъ и не успокоиваться на бездоказательныхъ обобщеніяхъ.

Обратите вниманіе, напримѣръ, на дѣятельность двухъ профессоровъ философіи во Франціи и Англіи, уже составившихъ себѣ имя, какъ разъ по этимъ вопросамъ. Таковъ, напримѣръ, профессоръ на словесномъ факультетѣ въ городѣ Лиллѣ, Поль Суріо. Въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ онъ не перестаетъ работать по тому отдѣлу психологіи, въ которомъ сосредоточивается вся творческая и художественная дѣятельность человѣка. Въ 1881 году онъ напечаталъ изслѣдованіе, служившее ему, вѣроятно, диссертаціей для пріобрѣтенія степени доктора. Оно называется: „Теорія изобрѣтенія“ *). Одно перечисленіе заглавій, какія носятъ отдѣльныя главы, покажетъ вамъ сейчасъ, что этотъ профессоръ философіи ставитъ вопросы категорически и держится на научной почвѣ: принципъ изобрѣтенія, его детер-

*) „Théorie de l'invention“ par Paul Souriau. Paris. Hachette 1881.

минизмъ; условія, благопріятныя оригинальности; внушающая сила способовъ выраженія. Каждая изъ этихъ основныхъ главъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько весьма существенныхъ выводовъ по природѣ творческаго изобрѣтенія. Главные изъ нихъ слѣдующіе: изобрѣтеніе не есть продуктъ размышленія; оно не есть также дѣло логики; его принципъ не устраняетъ случайности. Авторъ разсматриваетъ, въ цѣлыхъ четырехъ главахъ своей книги, детерминизмъ мысли, образованіе оригинальныхъ идей и условія, способствующія ему: здоровье, силу, гигіену, знаніе, память. Онъ подвергаетъ также анализу способы творческаго выраженія, т.-е. языкъ, письмо и разные артистическіе пріемы.

Тотъ же Поль Суріо въ 1889 году выпустилъ книгу: „Эстетика движенія" *). Въ ней подробно разсматриваются всѣ виды движенія, связанные съ красотой и съ экспрессіей. Наконецъ, въ теченіе 1893 года, тотъ же профессоръ философіи выпустилъ въ видѣ довольно объемистой книги свои лекціи, въ которыхъ онъ сдѣлалъ попытку чрезвычайно интересную и сравнительно новую — привести въ связь область красоты, эстетическаго чувства и художественнаго творчества съ тѣмъ, что теперь въ физіологіи и медицинѣ называется гипнозомъ и внушеніемъ. Книга и носитъ заглавіе: „Внушеніе въ искусствѣ" **). Путь изслѣдованія — аналитическій. Анализъ идетъ гораздо дальше, чѣмъ это было до сихъ поръ въ изученіи нашихъ эстетическихъ воспріятій. Возможность внушенія распространяется на всѣ сферы чувственнаго воспріятія; въ послѣдовательномъ порядкѣ авторъ разбираетъ зрительное и слуховое внушеніе, связанное съ воспріятіемъ изящныхъ ощущеній; отъ колорита, свѣтовыхъ измѣненій, отъ игры физіономіи и всевозможныхъ рельефовъ переходитъ онъ къ подражательной и описательной музыкѣ, а затѣмъ къ чтенію, живопис-

*) „L'esthétique du mouvement" (Bibliothèque de philosophie contemporaine). P. Félix Alcan. 1889.—**) „La Suggestion dans l'art". Paris. Félix Alcan. 1893. См. критическій отзывъ объ этой книгѣ проф. А. Гилярова въ библіографическомъ отдѣлѣ настоящаго № журнала.

ному описанію, къ поэтическимъ образамъ. Въ послѣднихъ двухъ главахъ онъ анализируетъ внушеніе органовъ чувствъ и тѣ измѣненія, какія могутъ происходить въ человѣческой личности, вплоть до самыхъ интересныхъ и недостаточно изученныхъ видовъ такъ называемаго трансферта человѣческаго *я*, раздвоенія личности и психологіи художниковъ-творцовъ въ состояніи творческаго наитія.

Въ Англіи мы видимъ въ лицѣ талантливаго профессора философіи Найта такого же ревностнаго сторонника области красоты. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ онъ выпустилъ два тома, озаглавленные: „Философія прекраснаго, какъ очеркъ исторіи эстетики и вкладъ въ его теорію и въ вопросы искусства" *). Объ этой книгѣ недавно было сообщено въ литературной хроникѣ „Вѣстника Европы". Первый томъ, вышедшій въ 1891 году, заключаетъ въ себѣ довольно полный, хотя и сжатый, обзоръ развитія эстетическихъ идей, начиная съ эпохи древняго восточнаго искусства вплоть до нашихъ дней; не опущена даже эстетическая философія въ Америкѣ, до текущаго десятилѣтія включительно. Второй томъ, запоздавшій на цѣлые два года (авторъ имѣлъ несчастіе потерять рукопись его въ вагонѣ), заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ методическихъ этюдовъ: о природѣ красоты; идеальное и реальное; одностороннія эстетическія теоріи; задатки болѣе полной теоріи красоты; искусство, его природа и отправленія; взаимная связь между различными искусствами; анализъ особенностей поэзіи, музыки, архитектуры, скульптуры и даже танцовальнаго искусства. Въ прибавленіи есть очеркъ развитія критическихъ идей въ Россіи, составленный, по просьбѣ автора, г-жой Венгеровой. Ей, вѣроятно, и принадлежитъ замѣтка въ „Вѣстникѣ Европы", гдѣ профессоръ Найтъ характеризуется скорѣе какъ сторонникъ искусства съ соціально-нравственной тенденціей. Съ

*) „The Philosophy of the Beautiful being Outlines of the history of Aesthetics, by William Knight, professor of Philosophy in the University of Andrews. London. T. I, 1891. T. II. 1893 съ такимъ подзаглавіемъ: „being a Contribution to its Theory, and to a Discussion of the Arts".

такой характеристикой согласиться нельзя. Книга профессора Найта проникнута явнымъ культомъ прекраснаго и самымъ искреннимъ стремленіемъ: установить его психическіе законы, выяснить глубокую связь, существующую между красотой, разлитой въ природѣ, и стремленіемъ къ ней человѣческой души, обладающей, кромѣ того, свойствомъ творческой дѣятельности.

Приведу нѣсколько строкъ изъ той главы второго тома, гдѣ трактуются натура и отправленія искусства.

„Искусство,—говоритъ профессоръ Найтъ,—есть вообще трудъ человѣка надъ природой, разработка явленій, доставляемыхъ ему природой. Оно есть его созданіе, отъ перваго до послѣдняго слова: плана, замысла и цѣли, входящихъ сюда. Одинаково очевидно, что подражаніе или копированіе того, что есть, — самый элементарный изъ тѣхъ корней, откуда выросло на свѣтѣ искусство". Этихъ словъ достаточно, чтобы видѣть въ авторѣ убѣжденнаго сторонника взглядовъ, по которымъ искусство не должно никогда быть помѣщаемо въ подчиненное положеніе къ чему бы то ни было.

**П. Боборыкинъ.**

# Французскій позитивизмъ.

*(Окончаніе.)*

(Полупозитивисты: Гюйо и Тардъ.)

II.

**Гюйо (Guyau), какъ тѣсно связанный съ Фулье представитель полупозитивизма.**

Относительно подробное обозрѣніе философіи Альфреда Фулье, самаго важнаго представителя всей группы полупозитивистовъ, даетъ мнѣ право ограничиться только самою общею и бѣглою характеристикой двухъ остальныхъ: Гюйо и Тарда. Тѣмъ болѣе я могу обойти всякія подробности относительно философіи Гюйо, что этотъ мыслитель, по своей тѣсной дружбѣ съ Фулье и по вліянію, которое тотъ имѣлъ на него, какъ старшій возрастомъ, чрезвычайно близко сходится съ нимъ и въ общемъ направленіи, и въ существенныхъ пунктахъ философскихъ воззрѣній. Въ концѣ концовъ, они отличаются другъ отъ друга только второстепенными, преимущественно индивидуальными, особенностями. Поэтому я прежде всего перечислю главныя философскія сочиненія Гюйо и, кстати, укажу на важнѣйшіе пункты совпаденія его философіи съ философіей Фулье. Для этого я воспользуюсь однимъ мѣстомъ книги того же Фулье, гдѣ это перечисленіе со-

провождается чрезвычайно краткою, но въ то же время довольно вѣрною оцѣнкой содержанія сочиненій Гюйо *).

„Труды Гюйо начинаются сочиненіемъ „La morale d'Epicure" (о морали Эпикура), представляющимъ изложеніе и критику эпикуреизма, а въ то же время и обширный трактатъ о матеріи съ совершенно новыми взглядами на теорію случайности и свободы у Эпикура **). Продолженіемъ этого труда служитъ не менѣе глубокое сочиненіе: „La morale anglaise contemporaine" (Современное англійское ученіе о морали) ***), которое ученикъ Спенсера, Pollock, считаетъ, безъ всякаго сравненія, замѣчательнѣйшимъ изъ всѣхъ тѣхъ, которыя даже въ Англіи касались этого предмета. Далѣе, сочиненіе—„L'esquisse d'une morale sans obligation, ni sanction" (Очеркъ моральной системы безъ долженствованія и санкціи) представляетъ теорію жизни и творчества (fécondité) въ сферѣ морали, вводящую въ натуралистическую этику существенно-новые элементы, дающую оригинальное опредѣленіе „эквивалентовъ моральности" и тонкую, сильную критику традиціонныхъ идей: обязанности

---

*) Эта книга Фуллье озаглавлена такъ: «La morale, l'art et la réligion d'après M. Guyau» par Alfred Fouillée. Paris, 1889 и представляетъ какъ бы дорогой надгробный памятникъ надъ могилою безвременно погибшаго мыслителя, воздвигнутый горячимъ и глубокимъ чувствомъ дружбы. Гюйо умеръ 33-хъ лѣтъ, въ 1888 году; отличаясь большою эрудиціей, рѣдкою раннею зрѣлостью таланта и энергіей въ трудѣ, онъ въ свою не долгую жизнь успѣлъ создать цѣлую серію замѣчательныхъ философскихъ произведеній, высоко оцѣненныхъ спеціалистами не только во Франціи, но и за границей.

**) Изъ этого сочиненія можно ясно видѣть, что Гюйо принялъ отъ Фуллье и „методу соглашенія доктринъ" и что онъ сходится съ нимъ не только въ воззрѣніяхъ, но даже какъ бы и во внѣшнихъ обстоятельствахъ философской дѣятельности. Какъ и Фуллье, онъ начинаетъ съ изученія древней философіи (Платона, Эпиктета) и далѣе переходитъ къ Канту. Подобно Фулльe, онъ уже съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности возбуждаетъ вниманіе ученаго міра и, имѣя только 19 лѣтъ, за свою первую работу уже получаетъ премію отъ Академіи. Съ другой стороны, его первые труды: объ Эпикурѣ и о современной англійской философіи—ясно свидѣтельствуютъ, что психологическимъ мотивомъ для нихъ служилъ безпокойный вопросъ о *соглашеніи* Платона и Канта съ утилитаристами и эволюціонистами.

***) Это сочиненіе носитъ на себѣ ясные слѣды вліянія Фуллье, наприм., въ понятіи свободы и въ соглашеніи „натурализма съ идеализмомъ".

и санкціи *). Въ сочиненіи: „Les problèmes d'esthétique contemporaine" (Проблемы современной эстетики) мы имѣемъ вполнѣ основательную доктрину о серьезномъ въ искусствѣ и теорію жизни, по которой она есть *основаніе для прекраснаго*,—теорію, исправляющую и Канта, и Спенсера, видящихъ въ искусствѣ „игру". Что же касается до сочиненія: „Vers d'un philosophe" (Стихи философа), то оно служитъ его личнымъ примѣромъ серьезнаго и искренняго искусства, въ которомъ всегда звучитъ истина и которое поэтому всегда дѣйствуетъ трогательно. Позднѣе же *въ искусство вносится соціологическая точка зрѣнія* **) вмѣстѣ съ новыми критическими принципами, которые изъ нея вытекаютъ. Въ другомъ соціологическомъ этюдѣ: „Éducation et hérédité" ***) (Воспитаніе и наслѣдственность) мы находимъ аналогичныя начала, обновляющія теорію воспитанія и имѣющія цѣлью показать, какъ воспитаніе можетъ противодѣйствовать уже установившейся наслѣдственности въ пользу новой наслѣдственности. Наконецъ, сочиненіе: „L'irréligion de l'avenir" (Безрелигіозность въ будущемъ) представляетъ преобразованіе науки о религіи посредствомъ приложенія той же *соціологической* методы и служитъ какъ бы вѣнцомъ для всѣхъ этихъ различныхъ трудовъ. Въ немъ содержится общая картина великихъ метафизическихъ системъ съ новыми и смѣлыми взглядами на будущее человѣчества и міра,—однимъ словомъ, ученіе о жизни и ея индивидуальномъ или коллективномъ расширеніи (expansion), которое даже изъ самой метафизики дѣлаетъ самое высшее проявленіе и основной потокъ жизни. Всѣ эти труды въ области философіи свидѣтельствуютъ о томъ, какъ прекрасно этотъ молодой

*) Эта „истинная и научная этика" представляетъ, съ одной стороны, особое развитіе принципа, съ которымъ мы уже встрѣтились у Фулльe, а именно, что скептицизмъ, неизбѣжный въ силу нашего незнанія основы вещей, долженъ считаться этическимъ началомъ воздержанія, а съ другой, это—отраженіе борьбы Фулльe съ кантовою идеей долга.

**) Въ сочиненіи: L'art au point de vue sociologique.

***) Есть хорошій переводъ этого сочиненія на русскій языкъ К. К. Толстого.

человѣкъ въ теченіе своей 33-лѣтней жизни реализировалъ свой собственный идеалъ плодотворной жизни".

„Что же касается до его значенія, какъ литератора, то если выбрать изъ его книгъ мысли, которыя поражаютъ своею силой и глубиной, а также и краснорѣчивыя страницы, которыя, никогда не погрѣшая противъ естественности, нерѣдко представляютъ образецъ возвышеннаго, то можно составить сборникъ, который выдержалъ бы сравненіе со многими книгами, сдѣлавшимися классическими. Но рѣдкія качества его, какъ мыслителя и писателя, достигаютъ самой высшей степени въ „L'irréligion de l'avenir", гдѣ обнаруживается свойство, одинаково цѣнное какъ въ философіи, такъ и въ литературѣ, а именно: абсолютная искренность, съ которою онъ смѣло поднимаетъ всяческіе вопросы и затрогиваетъ господствующія идеи, не заботясь о томъ, что о немъ подумаютъ или скажутъ, но только стараясь настолько же приблизиться къ дѣйствительности, насколько вѣрующій стремится приблизиться къ Богу" (см. названное сочиненіе Фуллье, стр. 190—191).

Послѣднее сочиненіе Гюйо: „L'irréligion de l'avenir", самое блестящее изъ всѣхъ, подаетъ мнѣ поводъ указать и на другіе, кромѣ вышеупомянутыхъ, пункты совпаденія его съ Фуллье. Подобно этому послѣднему, и онъ отрицаетъ *трансцендентную* метафизику и признаетъ только *имманентную*, опытную. Точно также и у Гюйо *достовѣрность* и *истина* есть принадлежность науки, а метафизика должна создать гипотезы, которыя бы дополнили научное знаніе, главнымъ образомъ, ради морали. Подобно Фуллье, и Гюйо относится скептически къ идеѣ Бога, потому что идеи какъ Творца, такъ и Провидѣнія требуютъ весьма труднаго оправданія для зла, несомнѣнно существующаго въ мірѣ *). Но Гюйо признаетъ важность для людей этихъ идей и не прочь

*) Собственно, не по своей сущности, идеи Творца, Провидѣнія и зла представляютъ затрудненія, а потому, что сами философы въ теченіе вѣковъ внесли въ эти понятія множество неосновательныхъ и несовмѣстимыхъ элементовъ, въ чемъ, по-моему, повинны и Фуллье съ Гюйо.

отъ того, чтобы онѣ оставались въ качествѣ какой-то *темной и неопредѣленной основы* вещей. Но главное, что, по мнѣнію Гюйо, не благопріятствуетъ этимъ идеямъ, это то, что наука не находитъ ничего божественнаго въ природѣ: вселенная безконечна, безъ всякаго центра, безъ общаго сознанія, и поэтому ничего не говоритъ ни за теизмъ, ни за пантеизмъ. Съ другой стороны, если природа, съ научной точки зрѣнія, не божественна, то, съ той же точки зрѣнія, она,—думаетъ Гюйо, высказываясь противъ пессимизма,—и не есть нѣчто сатанинское. Впрочемъ, изъ двухъ воззрѣній на бытіе: *натурализма* и *идеализма*, самъ онъ склоняется къ идеализму и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ *пантеистическому монизму*, хотя, подобно Фуллье, *вѣра въ науки* и почтеніе передъ *научностью*, стоящею на безконечности, причинности и движеніи, и у него дѣлаютъ монизмъ только *призрачнымъ желаніемъ*. Что касается до матеріализма, то Гюйо вообще высказывается противъ него и думаетъ, что если, по новымъ теоріямъ, водородъ долженъ быть признанъ основою всего міра, то это есть нѣчто рѣшительно непостижимое безъ жизни. Съ другой стороны, онъ, подобно Фуллье, высказывается и противъ телеологіи, потому что она *не опирается* ни на какую „научную индукцію".

Но мнѣ нѣтъ надобности прослѣживать дальше и въ мелочахъ пункты совпаденія воззрѣній Фуллье и Гюйо: вполнѣ достаточно и указанныхъ. Вообще, примѣры такого философскаго единомыслія, какъ у нихъ *), чрезвычайно рѣдки. Въ современной Франціи я, кромѣ этого, знаю только одинъ примѣръ: это—единомысліе Ренувье и Пиллона. Само собою разумѣется, что при этомъ единомысліи всѣ замѣчанія и возраженія, которыя я дѣлалъ выше, въ заключеніи моего обзора системы Фуллье, относятся также и къ философіи Гюйо.

**Общее заключеніе о философіи Гюйо.** Говоря о вліяніи Фуллье на Гюйо, я весьма далекъ отъ того, чтобы видѣть

*) Поэтому, обыкновенно, и тотъ, и другой подкрѣпляетъ свои положенія, прямо приводя соотвѣтствующія мѣста изъ сочиненій другъ друга.

въ немъ только пассивнаго ученика Фуллье. Нѣтъ, уже одна талантливая и широкая натура его несовмѣстима съ однимъ пассивнымъ воспроизведеніемъ чужого! Напротивъ, онъ былъ настолько самостоятеленъ, что освѣщалъ и съ своей стороны особымъ свѣтомъ родственное и общее ему съ его другомъ направленіе. Это особое освѣщеніе зависѣло, по моему, главнымъ образомъ, отъ той рѣзкой личной особенности Гюйо, что онъ весьма оригинально совмѣщалъ въ себѣ и философа, и поэта; въ немъ философъ, что бываетъ рѣдко, нисколько не мѣшалъ ему быть поэтомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Несмотря на то, что темы его поэтическихъ думъ, чувствъ и образовъ всегда были возвышенны и гармонировали съ его философски-развитымъ умомъ, все-таки въ его поэзіи нѣтъ никакихъ слѣдовъ *дидактизма*; она нисколько не похожа на сухія разсужденія въ стихахъ *).

Но если Гюйо не превращалъ своей поэзіи въ философію, то въ своей философіи (метафизикѣ) *широко практиковалъ* licentiam poëticam, или свободу, приличествующую болѣе поэту, чѣмъ философу (метафизику). Принципіально онъ, по моему, былъ, пожалуй, болѣе, чѣмъ Фуллье, позитивистомъ и скептикомъ, но на практикѣ подъ видомъ научно-метафизическихъ гипотезъ часто дѣлалъ чрезвычайно смѣлые набѣги и прыжки въ область непознаваемаго. Правда, эти набѣги дѣлаются въ формѣ весьма остроумныхъ и соблазнительныхъ, не скажу—гипотезъ въ строгомъ смыслѣ, а *предположеній, догадокъ, чаяній*, даже просто *желаній*, но въ то же время они выражаются въ столь колеблющихся въ своемъ значеніи формулахъ, что читатель, никогда не встрѣчаясь съ явно нелѣпыми положеніями, можетъ долго еще думать, что онъ вмѣстѣ съ Гюйо стоитъ на почвѣ, хотя весьма тонкихъ и замысловатыхъ, но тѣмъ не ме-

*) Въ этомъ отношеніи достаточно, напримѣръ, указать на его стихотвореніе: „L'analyse spectral", чтобъ убѣдиться, что только истинный поэтъ могъ такъ художественно обработать и выразить такой сухой сюжетъ, по преимуществу подлежащій абстрактной наукѣ.

нѣе, философскихъ гипотезъ *). Къ этому можно еще прибавить, что свойственный Гюйо языкъ, поражающій *роскошью* въ оттѣнкахъ понятій и естественною для него, какъ поэта, *картинностью* выраженій, хотя строго-опредѣленной мысли и не даетъ, но все-таки увлекаетъ и возбуждаетъ ожиданія.

Можетъ возбуждать ихъ, по моему мнѣнію, и „научная мораль безъ обязательствъ и санкцій", хотя она, въ сущности, ничего не дастъ тому, кто желалъ бы имѣть моральную систему, могущую служить твердымъ руководствомъ для дѣйствій. Всякая система, которая дѣйствительно заслуживаетъ имя моральной, непремѣнно включаетъ въ себѣ implicite, въ ясной или скрытой формѣ, *телеологическій принципъ*, который въ свою очередь такъ или иначе *постулируетъ* идею долженствованія.—Другой *примѣръ* неопредѣленности мысли можно видѣть въ формулѣ Гюйо, резюмирующей, съ одной стороны, *основную* мысль всѣхъ его главныхъ сочиненій, касающихся искусства, морали и религіи, а съ другой, выражающей *принципъ* эволюціонизма, какъ его понимаетъ Гюйо**).

---

*) Таковы, напримѣръ, метафизико-поэтическія догадки и соображенія, что если въ прошедшей безконечности времени, a parte ante, разныя надежды и мечты о всеобщемъ счастьѣ, любви, справедливости и т. под. не осуществились, то почему же бы должно отказаться отъ надежды ихъ осуществленія и въ другой безконечности времени, a parte post? Вѣдь, бываютъ же такіе факты, что женщина родитъ *теперь* дитя, о которомъ *нѣкогда* мечтала и котораго желала, т. е. похожее на когда-то любимаго человѣка, котораго давно уже нѣтъ въ живыхъ. Далѣе, если наука, соображаетъ Гюйо, ничего не даетъ для личнаго безсмертія, то метафизика, опирающаяся на любовь, имѣетъ право на догадку, что любящій и любимый должны же какъ-либо жить другъ въ другѣ. Почему не предположить возможности такого широкаго сознанія, въ которомъ соединятся всѣ братскія сознанія? Или почему не предположить возможности такого «естественнаго подбора (sélection)», что путемъ его, въ концѣ концовъ, возникнутъ божественныя существа.

**) Хотя Гюйо раздѣлялъ теорію „идей - силъ" Фуллье, однако, въ томъ далеко не развитомъ видѣ, въ какомъ она высказана была имъ еще въ разныхъ раннихъ его сочиненіяхъ (напримѣръ, въ 1880 г ); но въ окончательной формѣ, въ которой мы съ нею познакомились и въ которой она стала для самого Фуллье основаніемъ теоріи эволюціи, Гюйо съ нею не былъ знакомъ, такъ какъ умеръ ранѣе. Поэтому и вышло то, что теорія эволюціи формулирована у обоихъ философовъ нѣсколько рлазично. Впрочемъ,

По этой формулѣ эволюція состоитъ въ *сознаніи широкой* (expansion) и *интенсивной* (intensité) *жизни*. Конечно, эта формула заключаетъ въ себѣ нѣчто вѣрное, но только приблизительно; точнѣе говоря, она только намекъ на истину—уже потому, что всѣ термины ея могутъ быть понимаемы различно и съ различныхъ точекъ зрѣнія. Терминъ: „жизнь“, напримѣръ, значитъ, съ точки зрѣнія физіологіи, одно, а съ точки зрѣнія сознанія, или психологіи — совсѣмъ другое. Точно также терминъ: „расширеніе“—весьма двусмысленъ. Значитъ ли оно *воспроизведеніе жизни* вовнѣ *), или же постепенное *развитіе задатковъ нашего существа*, нашей природы **)? Конечно, можно прибавить къ вышеприведенной формулѣ два слова и сказать: сознаніе экспансивной и интенсивной жизни во *всѣхъ отношеніяхъ*. Но возможно ли сознавать себя въ одно и то же время и Донъ-Жуаномъ, и великимъ ученымъ, и искуснѣйшимъ художникомъ, и техникомъ, и великимъ полководцемъ, финансистомъ и т. под. безъ конца? Неизбѣженъ какой-либо порядокъ въ дѣятельностяхъ,—порядокъ, обусловливаемый цѣлями, расположенными въ іерархическомъ ряду, въ которомъ низшія должны быть подчинены высшимъ и, въ концѣ концовъ, всѣ подчинены одной послѣдней, высочайшей. Далѣе, цѣли эти не могутъ зависѣть только отъ доброй воли и постановки преслѣдующаго ихъ субъекта, но отъ объективныхъ отношеній его въ разныхъ системахъ, гдѣ его дѣя-

---

разница эта не существенна и касается болѣе внѣшняго выраженія, чѣмъ сущности.

*) Лѣтъ двадцать пять тому назадъ г. Флеровскій, одинъ изъ нашихъ публицистовъ, видѣлъ весь прогрессъ въ томъ, чтобы „плодить жизнь“, а потому считалъ китайцевъ самою прогрессивною націей. Далѣе, развѣ можно отказать *въ сознаніи* расширенной и интенсивной жизни: Донъ-Жуану, Тамерлану, Наполеону, наконецъ, Нерону и т. под.,—однимъ словомъ, всѣмъ энергичнымъ и способнымъ людямъ, безъ различія цѣлей ихъ жизни и средствъ, которыми они ихъ преслѣдуютъ и достигаютъ.

**) Но для этого, замѣчу я кстати, нужно, чтобы наше существо было субстанціей, а между тѣмъ, по Гюйо, наше „я“ есть нѣчто сложное и собирательное, такъ какъ нашъ организмъ образованъ изъ множества элементарныхъ организмовъ.

тельность координируется съ дѣятельностью другихъ существъ, въ системахъ: семейной, общественной, народной, государственной, общечеловѣческой, наконецъ, міровой... На всѣ эти запросы и недоразумѣнія мы надлежащихъ рѣшеній у Гюйо не найдемъ; всѣ его объясненія не достаточны, по ихъ неопредѣленности, и требуютъ новыхъ объясненій и т. д. безъ конца, потому что исходные пункты воззрѣній Гюйо, какъ и Фуллье, коренятся еще въ старой философской почвѣ.

Такимъ образомъ, я могу смѣло сказать, что и Гюйо такъ же, какъ и Фуллье, не могъ удовлетворительно провести своего эволюціонизма, состоящаго въ сознаніи экспансивной и интенсивной жизни, а также не справился и съ понятіями матеріи и движенія и потому, конечно, не могъ преодолѣть господствующаго цѣлые вѣка въ философіи дуализма.

## III.

### Тардъ, какъ соціологъ-полупозитивистъ.

Всякая вполнѣ развитая философская система черезъ посредство тѣхъ своихъ понятій, которыя становятся *основными и исходными* для частныхъ наукъ, можетъ отражаться во всѣхъ сферахъ знанія человѣческаго (наукахъ), но прежде всего она высказывается въ слѣдующихъ *спеціально* философскихъ дисциплинахъ: метафизикѣ, теоріи познанія или логикѣ, этикѣ, психологіи, правовѣдѣніи и обществовѣдѣніи (или по другой терминологіи: соціологіи, философіи исторіи). Но далеко не всегда система философа того или другого направленія выражается de facto во всемъ циклѣ сейчасъ названныхъ философскихъ наукъ. Часто философъ ограничивается въ своей дѣятельности одной или двумя изъ вышеназванныхъ дисциплинъ; прочія же такъ или иначе подразумѣваются.

Что касается до Тарда, то большая часть его сочиненій относится къ *обществовѣдѣнію* и *правовѣдѣнію* *) и различнымъ

*) Тардъ долго отправлялъ весьма почетную во Франціи профессію судебнаго слѣдователя, выступилъ на литературное поприще болѣе десяти лѣтъ тому

ихъ сторонамъ или отдѣламъ, за исключеніемъ весьма немногихъ статей, которыя принадлежатъ отчасти къ психологіи, отчасти же къ философіи природы и указываютъ на тѣ основныя философскія начала, съ точки зрѣнія которыхъ онъ понимаетъ общество и его жизнь и которыя даютъ право причислить его къ *группѣ* полупозитивистовъ.

Однимъ изъ самыхъ *раннихъ* и *основоположныхъ* является его сочиненіе: „La croyance et le désir et la possibilité de leur mesure" (Увѣренность, желаніе и возможность ихъ измѣренія), помѣщенное въ Revue Philosoph. 1880 г., въ №№ 8 и 9. Здѣсь Тардъ изслѣдуетъ основныя, по его мнѣнію, *психологическія* силы, изъ которыхъ комбинируется все разнообразіе нашей индивидуальной психической, а затѣмъ и общественной жизни. Это: *увѣренность*, *желаніе* и *ощущеніе*. Увѣренность и желаніе, не сводимыя на ощущенія, составляютъ, по Тарду, единственное условіе для того, чтобы *содержаніе ощущеній* вошло *въ наше знаніе*, т.-е. чтобы различныя ощущенія въ различныхъ степеняхъ могли комбинироваться другъ съ другомъ въ наши разнообразныя психическія состоянія: воспріятіе, воспоминаніе, память, удовольствіе и страданіе, любовь, ненависть, сознаніе истины и блага и многія другія. Входя въ эти состоянія всего чаще вмѣстѣ и въ неравныхъ дозахъ, увѣренность и желаніе сообщаютъ имъ характеръ *количественный*. Каждое же данное *чистое* ощущеніе не воспроизводимо, а потому и не способно къ той перемѣнѣ, которая называется *увеличеніемъ и уменьшеніемъ*. Предметъ нашихъ желаній есть всегда *реальное осуществленіе* ощущеній, которое зависитъ отъ достовѣрности возможности этого осуществленія. Значитъ, всѣ наши страсти и желанія—положительныя и отрицательныя—ведутъ къ увѣренности, къ знанію. Поэтому какъ личная

назадъ и сразу обнаружилъ значительный талантъ, эрудицію и большую производительность. Сочиненія его многочисленны и сначала печатались въ видѣ небольшихъ статей въ журналахъ (главнымъ образомъ, въ «Revue Philosophique»), а потомъ изъ нихъ составлялись цѣлыя книги. Я, возможно кратко, коснусь и скажу только о важнѣйшихъ для моей цѣли.

жизнь отдѣльнаго человѣка, такъ и жизнь общества и всего человѣчества постоянно увеличиваютъ массу увѣренностей, между тѣмъ какъ желанія ослабѣваютъ вслѣдствіе удовлетворенія или остаются стаціонарными; но все-таки человѣческія желанія никогда не останавливаются, а лишь замѣняются все новыми и новыми, однако, далеко не въ такой прогрессіи, въ какой возникаютъ новыя увѣренности, достовѣрности. Этотъ ростъ ихъ и есть не что иное, какъ вся возрастающая цивилизація, наука и всевозможныя общественныя учрежденія, въ которыхъ какъ бы матеріализуется сила увѣренности. Увѣренность и желаніе для ощущеній, по Тарду, то же, что пространство и время для матеріальнаго міра. Ощущенія же соотвѣтствуютъ распредѣляющейся въ нихъ матеріи. Какъ невозможно было бы естествовѣдѣніе безъ пространства и времени, комбинація которыхъ даетъ движеніе, такъ невозможенъ былъ бы и психическій міръ безъ комбинаціи различныхъ степеней увѣренности и желанія, которыя суть, по Тарду, *количества*, подобно пространству и времени, а безъ количества и измѣренія невозможны науки и ихъ законы. Какъ идеалъ естествовѣдѣнія—свести качества тѣлъ на движенія и количества, такъ и идеалъ психологіи—свести ощущенія на увѣренность и желаніе.

Эту характеристику психическихъ силъ: увѣренности и желанія, Тардъ иллюстрируетъ и какъ бы подкрѣпляетъ *аналогіями*, заимствованными изъ наукъ о мірѣ физическомъ въ двухъ особыхъ сочиненіяхъ, относящихся къ философіи природы и помѣщенныхъ также въ Revue Philosophique. Одно изъ нихъ «Les traits communs de la nature et de l'histoire»: (Общія черты въ природѣ и исторіи) напечатано въ 1882 г. № 9, а другое: «Darvinisme naturel et darvinisme social» (Дарвинизмъ въ природѣ и дарвинизмъ въ обществѣ) въ 1884 г., № 6 *). *Сущность* этихъ двухъ сочиненій въ самомъ краткомъ

*) Я считаю не безполезнымъ упомянуть, что къ статьѣ объ увѣренности и желаніи тѣсно примыкаетъ статья въ R. Ph. 1881 г. №№ 9 и 10—«La psychologie en économie politique» (Психологія въ политической экономіи), гдѣ

изложеніи состоитъ въ слѣдующемъ. Всякая наука прежде всего живетъ числомъ и мѣрою,—слѣдовательно, возможна только тамъ, гдѣ существуетъ однообразное повтореніе фактовъ, дозволяющее обобщать ихъ въ законы, вычислять и измѣрять. Такія сходства, происходящія отъ *повтореній*, существуютъ во всѣхъ сферахъ знанія. Въ области физической господствуетъ *колебательное*, *волнообразное* повтореніе (движеніе) атомовъ и молекулъ. Въ мірѣ органическомъ это повтореніе (или воспроизведеніе, наростаніе) состоитъ въ *наслѣдственности*, воспроизведеніи себѣ подобныхъ, и наконецъ, въ области соціальной является повтореніе *подражательное* (въ обычаяхъ, модахъ, симпатіяхъ, повиновеніи, воспитаніи и т. под.).

Тардъ подробно развиваетъ аналогіи между этими повтореніями, причемъ, конечно, явленія міра органическаго и общественнаго уподобляетъ явленіямъ міра физическаго. Въ связи съ этими аналогіями онъ оспариваетъ ставшее моднымъ, ошибочное мнѣніе Спенсера и другихъ соціологовъ, что будто бы общество и его образованіе есть нѣчто болѣе сложное и непонятное, чѣмъ происхожденіе и строеніе организмовъ, или даже предметовъ неорганической природы, и что поэтому мы должны строить понятіе объ обществѣ на основаніи біологіи, по аналогіи съ матеріальнымъ организмомъ. Тардъ, съ своей стороны, доказываетъ, что общество и факты его происхожденія и образованія намъ гораздо извѣстнѣе и яснѣе, чѣмъ факты происхожденія организма, потому что первые раздѣльнѣе и непосредственно знакомѣе, чѣмъ вторые. Отъ этого предразсудка, по Тарду, вносятся дарвинистами-соціологами въ понятія

---

Тардъ прилагаетъ сейчасъ изложенную теорію къ политической экономіи и доказываетъ, что и въ этой области господствуютъ тѣ же силы увѣренности и желанія. Вслѣдствіе этого у него являются совершенно въ иномъ, сравнительно съ господствующими воззрѣніями, видѣ всѣ *основныя экономическія понятія*, напримѣръ, цѣнности, капитала, труда и пр. Не входя въ изложеніе этой теоріи, я замѣчу только, что она весьма остроумна и оригинальна и что читатель можетъ познакомиться съ нею по подробному изложенію ея въ моемъ этюдѣ: „Тардъ и его теорія общества". 1887 г.

общества, его происхожденія и жизни ложные элементы. Въ соціологію изъ біологіи вносится одностороннее и утилитарное понятіе борьбы и подбора, посредствомъ которыхъ будто бы въ обществахъ сохраняется только полезное для его членовъ, между тѣмъ какъ исторія общественной жизни указываетъ намъ, что одними борьбой и подборомъ никакъ не можетъ объясняться сохраненіе многихъ общественныхъ явленій. Въ этомъ случаѣ, соціологіей упускается изъ виду важное значеніе въ обществѣ изобрѣтеній чего-либо новаго, хотя бы и мало полезнаго или совсѣмъ безполезнаго, но появляющагося не въ силу борьбы за *уже извѣстные* интересы и потребности, а просто въ силу большаго или меньшаго генія изобрѣтателя, созидающаго совершенно новые интересы, потребности и отношенія, потому что для него самого изобрѣтеніе связано съ великимъ наслажденіемъ. Распространяются же и сохраняются изобрѣтенія путемъ подражанія.

Теперь я укажу на важное сочиненіе Тарда, помѣщенное въ № 11-мъ 1884 г. Revue Philosophique, гдѣ онъ отвѣчаетъ на вопросъ: „*что такое общество*“ и оспариваетъ мысль, что будто бы общество, цивилизуясь, отдаетъ предпочтеніе экономическимъ отношеніямъ передъ юридическими и что въ основѣ общественной жизни лежитъ *взаимный обмѣнъ* услугъ. По Тарду, общество есть скорѣе всего „*взаимное опредѣленіе соглашеній, правъ и обязанностей*“, а не взаимная помощь. „Соціальная жизнь,—говоритъ онъ,—есть собраніе существъ, готовыхъ подражать другъ другу, или такихъ, которыя, не подражая другъ другу, сходны одни съ другими и имѣютъ общія черты, представляющія старинныя копіи съ одного и того же образца“. Резюмируя эту статью, Тардъ заключаетъ, что общество есть подражаніе, „а подражаніе есть видъ сомнамбулизма“ и подкрѣпляетъ это положеніе указаніями на исторію, гдѣ великіе люди, принадлежащіе къ разнымъ областямъ жизни и дѣятельности: цари, полководцы, основатели религій и другіе общественные дѣятели, вообще, всякіе выдающіеся люди такъ же обаятельно

и неотразимо дѣйствовали на общество, какъ магнетизеры на сомнамбулъ.

Къ этому сочиненію тѣсно примыкаетъ другое, появившееся значительно позже (въ 1890 г.), „Les lois de l'imitation, étude sociologique" (Законы подражанія. Соціологическій этюдъ). Въ немъ высказывается та мысль, что во всѣхъ вышеозначенныхъ трехъ формахъ повтореній предполагается нѣчто *новое* и *первичное* (въ соціологіи—изобрѣтеніе); отсюда, заключаетъ Тардъ, исторія есть не что иное, какъ собраніе вещей, которымъ наиболѣе подражали. Причины же подражанія, по его мнѣнію, *двояки:* однѣ *логическія*, а другія *не логическія*. Первыя основываются на признаніи полезности или истинности, вторыя же—на преемствѣ, или переходѣ отъ высшаго къ низшему, отъ модели къ копіи, отъ господина къ слугѣ и т. под. Къ нелогическимъ подражаніямъ принадлежатъ: подражаніе предкамъ, древнимъ — *обычай*, или же современникамъ и всего чаще чужимъ—*мода*. Въ разныя эпохи господствуетъ то одно, то другое подражаніе; значитъ, въ концѣ концовъ, въ основѣ всяческихъ *единообразій* и естественныхъ законовъ лежитъ случай *).

Для моей цѣли совершенно достаточно настоящаго краткаго знакомства съ Тардомъ, какъ съ соціологомъ, поэтому я совсѣмъ не коснусь его сочиненій **) по *правовѣдѣнію* и не буду говорить о немъ съ этой точки зрѣнія. Для читателей же, желающихъ познакомиться съ Тардомъ въ этомъ отношеніи, могу указать на почтенную и компетентную статью на русскомъ языкѣ г. Спасовича: „Новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права" (Вѣстникъ Европы 1891 г., № 10).

*) Въ этомъ сочиненіи встрѣчается, между прочимъ, довольно вѣрная мысль, что соціальная наука, или соціологія, не можетъ существовать, подобно другимъ наукамъ, въ отдѣльности отъ соціальной философіи, а потому стремленіе многихъ сдѣлать ее позитивною (эмпирическою, фактическою, не зависящею отъ философскихъ системъ) наукою есть, по Тарду, не болѣе, какъ иллюзія.

**) Таковы, напримѣръ, „Le type criminel" (Типъ преступника) 1885 г. (по поводу сочиненій Ломброзо и Гарофало), или статья: „Problèmes de criminalité" (Вопросы, относящіеся къ преступности); или позднѣйшее обширное сочиніе: „La philosophie pénale" (Философія уголовнаго права).

### Общее заключеніе о Тардѣ и о полупозитивизмѣ.

Мнѣ кажется, что едва ли кто, познакомившись съ Тардомъ только по краткимъ, сдѣланнымъ мною, указаніямъ, станетъ оспаривать его *талантливость* и *оригинальность*. И дѣйствительно, онѣ проявляются не только въ цѣлыхъ его статьяхъ, но весьма часто даже и въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ, положеніяхъ и опредѣленіяхъ, которыя высказаны какъ бы мимоходомъ, безъ тѣсной связи съ главными темами его сочиненій. Они иногда бываютъ такъ мѣтки и содержательны, что невольно сравниваешь ихъ съ электрическими искрами и думаешь, что ихъ можно было бы развить даже въ цѣлыя сочиненія. Но, несмотря на эту блестящую талантливость Тарда, у него встрѣчаются и недостатки, которые зависятъ отчасти отъ общаго направленія, которому онъ слѣдуетъ, отчасти же отъ его личныхъ свойствъ, преимущественно же отъ спѣшности въ работѣ, сказавшейся въ невыработанности его понятій и промахахъ въ проведеніи и формулировкѣ его положеній.

Невыработанность понятій и ея обычное слѣдствіе—ихъ неясность и возможность смѣшенія—обнаруживается у Тарда всего болѣе въ областяхъ метафизики, теоріи познанія и психологіи. Совершенно справедливо считаетъ онъ увѣренность и желаніе несводимыми на ощущенія и тѣмъ, выходя изъ рядовъ сенсуалистовъ, долженъ быть включенъ въ категорію *полупозитивистовъ*. Однако, онъ при этомъ, по моему, ошибается, думая, что увѣренность есть *первоначальная* психическая сила. Увѣренность и противоположное ей сомнѣніе суть уже производныя и сложныя психическія состоянія, въ которыя входятъ акты психическихъ функцій: мышленія и чувства (воли). Далѣе, желаніе, или воля, конечно, есть нѣчто первоначальное, но у Тарда неясно, отождествляетъ ли онъ волю съ чувствомъ, или же считаетъ раздѣльными. Если же раздѣляетъ, то тогда почему не считаетъ онъ чувство (эмоцію) столь же основною силою, какъ и волю, или желаніе. Потомъ я еще долженъ указать на

важную, по моему, ошибку у Тарда въ томъ, что онъ считаетъ пространство и время и, далѣе, увѣренность и желаніе *количествами*. Не только желаніе и увѣренность, но и пространство съ временемъ вовсе *не суть* количества. Впрочемъ, эту ошибку Тардъ раздѣляетъ со многими философами *), которые считаютъ величину, или количество, реальностью, существующею о себѣ, тогда какъ это — только продукты нашего мышленія, сравнивающаго свои объекты съ точки зрѣнія категоріи величины. Для меня очевидно, что Тардъ впалъ въ эту ошибку отъ *поспѣшнаго* желанія ввести въ науку о психическихъ состояніяхъ элементы, которые сдѣлали бы ее похожею на естественныя науки, представляющіяся и ему, вмѣстѣ съ позитивистами и полупозитивистами, *образцомъ* знанія и достовѣрности. Подобно имъ, и Тардъ тихомолкомъ субстанціируетъ пространство и время и, такъ какъ эти идеи (при помощи фантазіи) у людей (но не у животныхъ) довольно рано подвергаются сравненію, измѣренію, счету, то и не замѣчаетъ, что они дѣлаются количествами только *условно*, въ сравнивающемъ (измѣряющемъ) человѣческомъ мышленіи, а потому вмѣстѣ съ ними субстанціируется и ихъ *количественность*. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ этимъ уже кладутся незыблемыя основанія для философскаго дуализма духа и матеріи и для обычнаго затѣмъ наклона къ матеріализму. Впрочемъ, Тардъ, сколько мнѣ извѣстно, и не клянется, подобно Фуллье, быть правовѣрнымъ монистомъ. Отъ того же поспѣшнаго стремленія *опозитивить* науку объ обществѣ, или поставить ее на ряду съ естествознаніемъ, происходятъ и *неправильныя* аналогіи, въ которыхъ Тардъ отождествляетъ повторенія въ наслѣдствен-

*) Пространство и время суть точки зрѣнія, съ которыхъ мы совершаемъ наши акты мышленія, когда упорядочиваемъ или *всѣ* наши состоянія (во времени — прежде, послѣ, потомъ), или же *только* ощущенія (въ пространствѣ — рядомъ, подлѣ). Конечно, пространство и время, какъ и само ощущеніе, допускаютъ приложеніе къ нимъ актовъ мышленія съ точки зрѣнія величины, или количества, но сами они никакъ не количества; количество нигдѣ, кромѣ какъ въ этихъ актахъ нашего сравнивающаго мышленія, не существуетъ.

ности и въ подражаніи съ повтореніями въ волнообразномъ движеніи атомовъ и молекулъ. Вѣдь, отождествлять наслѣдственность, или соціальное подражаніе, съ механическими движеніями, состоящими въ перемѣнѣ мѣста въ пространствѣ, можно только *фигурально*, въ переносномъ смыслѣ, и слѣдовательно, дѣлать заключенія по аналогіи тогда, когда термины, которыми выражаются аналогизируемые предметы, въ одномъ случаѣ берутся въ прямомъ, а въ другомъ— въ переносномъ смыслѣ,—неправильно; отсюда можно получить только ложное умозаключеніе по аналогіи.

Но такія же погрѣшности и невыработанность понятій встрѣчаемъ мы и въ спеціальной области Тарда,—соціологіи. Такъ, напримѣръ, онъ вѣрно включилъ подражаніе *) въ факторы общественной жизни, а между тѣмъ не сдѣлалъ попытки объяснить, почему посредствомъ подражанія осуществляется *соціализація*, или общность въ языкѣ, образованіи, воспитаніи, идеяхъ, нравахъ и т. под. Иначе говоря, онъ не остановился надъ вопросомъ о происхожденіи подражанія **) и не попытался разрѣшить его, хотя бы съ точки зрѣнія какой-либо гипотезы. Но если бы кто-либо, становясь на позитивистическую точку зрѣнія, возразилъ за Тарда, что ему вовсе не было надобности входить въ метафизическія гипотезы и можно было удовлетвориться простымъ „научно-констатированнымъ фактомъ" подражанія, то слѣдующій упрекъ кажется мнѣ уже ничѣмъ не устранимымъ, а именно: Тардъ *не далъ опредѣленія* понятію подражанія, потому что красивая фраза: „подражаніе есть видъ сомнамбулизма", есть только фраза, но не настоящее опредѣленіе, потому что сомнамбулизмъ есть частный и притомъ анормальный случай, а подражаніе у

*) Правда, подражаніе поставлено у него слишкомъ односторонне, ибо однимъ этимъ факторомъ нельзя объяснить соціализаціи въ ея цѣломъ.

**) Корень этого важнаго понятія лежитъ, по моему, сперва въ координаціи актовъ различныхъ дѣятельностей въ сферѣ одной субстанціи и, далѣе, въ сферѣ взаимодѣйствія каждой субстанціи съ другими въ системѣ цѣлаго міра.

Тарда есть нормальный общественный процессъ. Впрочемъ, Тардъ, по моему, вообще не имѣетъ права укрываться отъ гипотезъ подъ знамя чистаго позитивизма, потому что онъ позволяетъ себѣ совершенно *не научныя*, сказалъ бы строгій позитивистъ, предположенія. Такъ, въ статьѣ о дарвинизмѣ онъ, правда, недостаточно ясно, дѣлаетъ предположенія, что въ физическихъ молекулахъ или даже въ атомахъ есть какія-то первоначальныя *внутреннія психическія состоянія*, такъ что эти основные дѣятели природы производятъ не только все разнообразіе явленій міра физическаго (волны свѣта, теплоты, электричества и проч.), но и первоначальныя ощущенія, мысли, желанія и чувства. Вотъ въ этомъ-то пунктѣ и заключалась, по моему, для Тарда возможность метафизическаго объясненія какъ факта подражанія, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и факта первоначальнаго изобрѣтенія; но онъ уклонился отъ этого объясненія въ обычный asylum ignorantiae, или признаніе случайности. Но если бы онъ сдѣлалъ попытку къ метафизической гипотезѣ, то, по моему, весьма вѣроятно столкнулся-бы съ двумя затруднительными для него *понятіями — телеологіи* и *субстанціи*. Какъ видно изъ разныхъ его сочиненій, вообще онъ вовсе не относится къ телеологіи отрицательно по принципу, подобно Фуллье и Гюйо: но для него было бы весьма трудно и даже невозможно — провести безъ грѣховъ противъ логики телеологическое объясненіе изобрѣтенія и подражанія при томъ условіи, чтобы послѣдними принципами этого объясненія были молекулы и атомы, хотя бы и снабженные какими-либо внутренними состояніями. Что же касается до понятія субстанціи, то Тардъ, конечно, признаетъ наше „я" практически, или „въ обыкновенномъ смыслѣ", по выраженію Тэна, не различая при этомъ понятій субстанціи и личности *).

*) Кстати должно замѣтить, что Тардъ весьма энергично отстаиваетъ дѣйствительность и тождественность индивидуума или лица, когда касается понятія юридической *отвѣтственности* и когда оспариваетъ нѣкоторыя современныя уголовныя теоріи, разсматривающія преступника, какъ естественный

Итакъ, изъ всего предыдущаго несомнѣнно, что Тардъ ничѣмъ, кромѣ различій индивидуальныхъ, а также зависящихъ отъ главнаго предмета его философской дѣятельности, не отличается отъ Фуллье и Гюйо и имѣетъ полное право войти въ одну съ ними категорію полупозитивистовъ.

Въ заключеніе моей статьи мнѣ остается только возможно кратко сказать, что я разумѣю подъ французскимъ *полупозитивизмомъ*.

Хотя это направленіе и вышло изъ позитивизма въ качествѣ реакціи противъ него, но все-таки носитъ на себѣ многіе его признаки. Оно отрекается отъ господствовавшихъ прежде направленій философіи во Франціи: *спиритуализма* и *матеріализма*; но точно такъ же не согласно оно и съ *позитивизмомъ*, который возникъ тамъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ англійской философіи и который нѣсколько лѣтъ тому назадъ можно было даже считать преобладающимъ. Въ основаніи болѣе чистаго позитивизма лежитъ *сенсуалистическая теорія познанія*, по которой, хотя и признается на ряду съ чувственнымъ познаніемъ умственное, но оно всецѣло сводится на чувственное, такъ что умственное никакого самостоятельнаго и реальнаго значенія не имѣетъ. Поэтому, при образованіи на узкомъ базисѣ этой теоріи познанія цѣлыхъ философскихъ ученій и системъ, сенсуализмъ (или чистый позитивизмъ), въ силу *требованій мыслящаго разума*, неизбѣжно впадаетъ въ метафизику матеріализма, все-таки, хотя и обманчиво, но удовлетворяющаго этимъ требованіямъ, и именно научнаго матеріализма, который ищетъ и находитъ въ естественныхъ наукахъ *альфу* и *омегу* всяческой *реальности* и *достовѣрности*, не понимая того, что, въ строгомъ смыслѣ слова, никакого внѣшняго опыта и познанія нѣтъ, такъ какъ ощущенія принадлежатъ также къ внутреннему опыту, и что естественныя науки стоятъ только на условныхъ понятіяхъ и имѣютъ *условное*,

---

продуктъ природы, невмѣняемый въ смыслѣ юридическомъ. Но все-таки онъ въ принципѣ относится къ субстанціальности нашего «я» такъ же, какъ и другіе позитивисты и полупозитивисты.

*символическое* значеніе. Полупозитивизмъ и представляетъ *реакцію* противъ сенсуалистическо-позитивистическаго направленія, хотя ясно и не сознаетъ такого своего происхожденія и значенія. Не удовлетворяясь сенсуалистической или даже скептической теоріей познанія, полупозитивизмъ признаетъ реальностью не одно только ощущеніе, данное, по его ошибочному мнѣнію, во внѣшнемъ чувственномъ опытѣ, но хочетъ признать ее и за другими психическими дѣятельностями человѣка, данными во внутреннемъ опытѣ непосредственнаго сознанія. Но такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ позитивизмомъ, считаетъ за исходную точку истиннаго и достовѣрнѣйшаго философскаго познанія естественныя науки, то впадаетъ въ разныя неразрѣшимыя затрудненія и противорѣчія (напримѣръ, субстанціируетъ понятія и представленія), какъ это мы видѣли на примѣрѣ Фуллье *). Но и въ этомъ пунктѣ признанія реальными различныхъ другихъ психическихъ дѣятельностей, а не одного ощущенія, полупозитивизмъ не освобождается отъ важнаго заблужденія. Вѣдь, еще *недостаточно* признать *реальными* волю, чувство, разумъ или идею; нужно признать реальною и субстанцію человѣка, потому что всѣ эти функціи, сами по себѣ, въ отдѣльности не существуютъ, а *существуютъ* только различно *координированными* въ томъ существѣ, которое въ нихъ проявляется и дѣйствуетъ, именно,—въ человѣческой субстанціи. Отсюда, если признаются реальными только эти функціи (акциденціи), но не признается таковымъ ихъ носитель (субстанція), то даже и такіе талантливые люди, какъ, напримѣръ, Фуллье, неизбѣжно впадаютъ въ разныя *ошибки* и *недоразумѣнія*.

**А. Козловъ.**

---

*) Изъ того, что я выбралъ Фуллье, Гюйо и Тарда представителями этого направленія вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ немъ не было другихъ второстепенныхъ и менѣе извѣстныхъ представителей.

# Споръ разсудка съ вѣрой.

Помѣщенная въ 18-й книгѣ журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“ статья моя—„Вѣра и знаніе“—вызвала замѣчанія профессора А. Ив. Введенскаго. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ принимаюсь я за отвѣтъ ему, что это даетъ мнѣ возможность нѣсколько полнѣе развить мысли, выраженныя въ указанной статьѣ довольно сжато. Свою статью „О видахъ вѣры въ ея отношеніяхъ къ знанію“ *) г. Введенскій начинаетъ возраженіями мнѣ и затѣмъ, какъ бы расчистивъ такимъ образомъ почву, излагаетъ уже и свои воззрѣнія на сущность вѣры.

Отвѣтивъ на сдѣланныя мнѣ замѣчанія, я позволю себѣ высказать также и мой взглядъ на воззрѣнія самого г. Введенскаго.

Считаю нужнымъ напомнить, что въ статьѣ моей я далъ такое опредѣленіе вѣры и знанія: знаніе есть сужденіе, признанное истиной послѣ логической провѣрки его разсудкомъ; а вѣра—сужденіе, признанное истиной безъ такой провѣрки. Затѣмъ я вывелъ три вида вѣры: 1) вѣру наивную, возникающую въ человѣкѣ до пробужденія въ немъ критической дѣятельности разсудка, 2) вѣру слѣпую, вызванную страстнымъ чувствомъ, заглушающимъ голосъ разсудка, и 3) вѣру сознательную, состоящую въ признаніи чего-либо за истину уже не при полномъ молчаніи разсудка, какъ въ первыхъ двухъ видахъ, но *наперекоръ его протесту*.

*) См. кн. 20 и 21 „Вопр. фил. и псих.“

По поводу этого дѣленія г. Введенскій замѣчаетъ, что я указалъ лишь на количественное, а не на существенное различіе между слѣпою и сознательною вѣрой. И въ томъ, и въ другомъ видѣ, говоритъ онъ, разсудокъ заглушенъ насильственно, но съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ вѣрѣ слѣпой онъ заглушенъ вполнѣ, а въ сознательной еще высказываетъ порою свои протесты.

Нельзя не признать справедливости этого замѣчанія. Дѣйствительно, въ началѣ моей статьи различіе между слѣпою и сознательною вѣрой выражено недостаточно ясно; но, думается мнѣ, при внимательномъ чтеніи всей статьи могло бы выясниться то, въ чемъ я полагаю ихъ существенное различіе. Итакъ, спѣшу исправить указанный недостатокъ и утверждаю теперь, что сознательная вѣра такъ же, какъ и слѣпая, основана на чувствѣ, заглушающемъ протестъ разсудка; но между тѣмъ, какъ слѣпая вѣра вызывается чувствомъ, иногда, можетъ быть, и почтеннымъ, но не необходимымъ въ природѣ человѣка,— вѣра сознательная въ своихъ двухъ догматахъ (свобода воли и бытіе Божіе) неразрывно связана съ двумя *коренными* чувствами, безъ которыхъ немыслимъ человѣкъ—существо сознательно дѣйствующее. Вотъ эти два чувства:

1) Чувство своего *я,* самостоятельно противостоящаго внѣшнему міру, рѣшающагося дѣйствовать такъ, а не иначе, и могущаго,—конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ, — сообразно своему рѣшенію измѣнить заранѣе предопредѣленный ходъ внѣшнихъ событій. Съ этимъ чувствомъ неразрывно соединено представленіе свободы воли, т.-е. того, что выборъ мною одного изъ двухъ противоположныхъ дѣйствій не подчиненъ никакой необходимости, какъ подчинены ей всѣ явленія внѣшняго міра.

Ни одно самое незначительное дѣйствіе, если только оно совершается сознательно, т. е. по заранѣе намѣченному плану, не мыслимо безъ представленія свободы воли, которое implicite заключается въ обдумываніи всякаго плана. Для чего бы, въ самомъ дѣлѣ, сталъ я обдумывать, какъ

мнѣ поступить, если бы я былъ вполнѣ убѣжденнымъ предетерминистомъ, т. е. зналъ бы несомнѣнно, что всѣ мои поступки заранѣе предопредѣлены съ желѣзною необходимостью? А такъ какъ я не могу не обдумывать своихъ поступковъ, то не могу и проникнуться предетерминизмомъ, отказавшись отъ вѣры въ свободу воли, какъ бы эта вѣра ни казалась нелогичной. Вполнѣ убѣжденный предетерминистъ превратился бы изъ человѣка въ автоматъ.

2) Коренное чувство, съ которымъ неразрывно связано представленіе Бога,—міроправящаго разума-воли,—я назвалъ бы *космическимъ чувствомъ*. Тѣсные предѣлы моей отвѣтной статьи не дозволяютъ мнѣ высказать опредѣленнѣе, что я разумѣю подъ космическимъ чувствомъ, и тѣмъ самымъ оправдать предложенное мною названіе. Ограничиваюсь здѣсь лишь указаніемъ на это чувство.

Но можетъ ли оно быть признано кореннымъ, какъ первое чувство, т. е. можно ли утверждать, что человѣкъ, лишенный его, такъ же немыслимъ, какъ лишенный чувства своего дѣятельнаго *я*? Категорически отвѣчать на этотъ вопросъ я не рѣшаюсь, но думаю, что если и есть люди, лишенные космическаго чувства, то они, вмѣстѣ съ нимъ, лишены и эстетическаго чутья и истинной нравственности, т.-е. способности безкорыстно служить безусловному благу, и могутъ только носить маску такого служенія, прикрывая ею стоящій у нихъ на первомъ планѣ эгоизмъ.

Но хотя бы это космическое чувство и не всѣмъ было присуще, оно можетъ быть признано кореннымъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ зрѣніе признается коренною способностью, хотя есть и слѣпорожденные, и ослѣпшіе. Какъ слѣпые признаются ненормальными, такъ и лишенные космическаго чувства должны быть признаны или психически недоразвившимися, или лишенными коренного задатка.

Два вышеуказанныхъ коренныхъ чувства, въ своей неразрывной связи съ двумя догматами сознательной вѣры, вызываютъ и коренную дѣятельность человѣка: чувство свободнаго *я* вызываетъ всякую сознательную дѣятельность

вообще; а космическое чувство Бога вызываетъ: во-1-хъ, науку въ ея эстетическомъ, а не утилитарномъ духѣ, во-2-хъ, добродѣтель, т. е. безкорыстное служеніе безусловному благу.

Если кто-нибудь, кромѣ указанныхъ мною двухъ догматовъ: свободы воли и бытія Божія, считаетъ нужнымъ признать еще третій, четвертый и т. д. догматъ, пусть укажетъ на третье и четвертое коренное чувство, съ догматомъ связанное; я же третьяго чувства не вижу, а потому не вижу и третьей истины, которая могла бы быть названа догматомъ сознательной вѣры.

Спѣшу, впрочемъ, оговориться: два названные мною догмата я считаю не *вообще* единственными, но лишь единственными *основными* догматами. Есть, конечно, и еще догматы, аналитически выведенные изъ основныхъ, напримѣръ, догматъ безусловнаго блага, выведенный изъ догмата бытія Божія. Наибольшую же важность имѣетъ синтетически составленный изъ обоихъ основныхъ догматъ нравственнаго долга, т.-е. обязательнаго подчиненія свободной воли человѣка міровой божественной волѣ.

Въ неразрывной связи съ коренными чувствами заключается сила, которую сохраняютъ догматы вѣры *наперекоръ протесту разсудка.* На этомъ протестѣ разсудка я особенно настаиваю, такъ какъ вижу въ немъ главнѣйшую психическую особенность, отличающую человѣка отъ другихъ животныхъ. Особенность эта состоитъ во внутренней борьбѣ психическихъ элементовъ, усложняющей въ человѣкѣ общеживотную борьбу съ внѣшнимъ міромъ за существованіе. Но именно на этотъ протестъ разсудка г. Введенскій направилъ главную силу своихъ возраженій мнѣ.

Г. Введенскій полагаетъ, что подавленный протестъ разсудка направленъ лишь противъ утвержденій вѣры слѣпой; догматы же сознательной вѣры онъ относитъ къ весьма обширной, по его словамъ, области вѣры, *допускаемой* разсудкомъ. Подъ этою, допускаемою разсудкомъ, областью вѣры онъ разумѣетъ довольно значительное число истинъ,

которыя разсудокъ одинаково вправѣ и признавать, и отрицать,—напримѣръ: Богъ есть и Бога нѣтъ, душа безсмертна и смертна, міръ сотворенъ и несотворенъ, и множество другихъ.

Въ этой области, полагаетъ онъ, развиваются два вида вѣры: суетная и сознательная. Установленію предѣловъ допускаемой разсудкомъ вѣры посвящена первая часть статьи г. Введенскаго. Установивъ ихъ, онъ во второй части пытается открыть въ этихъ предѣлахъ тѣ истины, которыя онъ признаетъ догматами вѣры сознательной въ отличіе отъ суетной.

Какъ же опредѣляются границы этой области?

По мнѣнію г. Введенскаго, философскія открытія Юма и Канта сдѣлали человѣческій разсудокъ до крайности сговорчивымъ и готовымъ соглашаться на такія положенія, на которыя онъ ни за что не далъ бы своего согласія, не подвергшись Юмо-Кантовской дрессировкѣ. Г. Введенскій такъ прямо и утверждаетъ, что „нашъ разсудокъ, узнавши законъ Юма, находитъ себя поставленнымъ вслѣдствіе этого въ такое положеніе, что теперь относительно многихъ объектовъ онъ *логически обязанъ* считать *одинаково* позволительными діаметрально противоположныя сужденія" (кн. 20, стр. 172).

Самый же законъ Юма г. Введенскій формулируетъ такъ: „связь причины съ дѣйствіемъ имѣетъ синтетическій характеръ (т.-е. раціонализированію не поддается) и познается нами не иначе, какъ при помощи прежняго или новаго опыта" (стр. 172). Позволю себѣ указать на крупную ошибку, заключающуюся въ этой формулировкѣ, предложенной г. Введенскимъ.

Юмъ не утверждалъ, что причинная связь *познается* при помощи опыта. Опытное познаніе причины догматически предполагалось предшествующими ему эмпириками: Бэкономъ и Локкомъ, а самъ Юмъ утверждалъ какъ разъ противоположное,—что причинная связь *не познается* изъ опыта. Юмъ утверждалъ, что опытъ показываетъ намъ только постоянную *временную* послѣдовательность двухъ событій, не-

обходимой же *причинной связи* между ними мы не видимъ и, только благодаря воображенію, основанному на привычкѣ, придаемъ безъ всякаго основанія къ опытному post hoc метафизическое propter hoc. Такимъ образомъ, признавая, какъ и предшествующіе ему эмпирики, *раціональную* непознаваемость причинной связи, а вмѣстѣ съ тѣмъ отрицая и ея *эмпирическую* познаваемость, Юмъ обратилъ понятіе причины въ иллюзію, а основанныя на ней опытныя науки низвелъ со степени достовѣрныхъ знаній на степень болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній. Такимъ образомъ, Юмъ первый изъ эмпириковъ въ своей прямолинейной послѣдовательности заподозрилъ аксіому причинности, гносеологическую полноправность которой возстановилъ потомъ Кантъ въ „Критикѣ чистаго разума." Но правильна или нѣтъ предложенная г. Введенскимъ формулировка закона Юма, несомнѣнно только то, что самъ онъ вполнѣ проникнутъ спектицизмомъ Юма и считаетъ аксіому причинности послѣ него упраздненною, а потому утверждаетъ, что разсудокъ, узнавши законъ Юма, *логически обязанъ* теперь считать одинаково позволительными діаметрально противоположныя сужденія о многихъ объектахъ.

Этимъ самымъ г. Введенскій чрезвычайно расширяетъ область вѣры, допускаемой разсудкомъ. Такую податливость разсудка онъ желаетъ наглядно доказать на догматѣ загробной жизни. Даже матеріалистъ, говоритъ онъ (кн. 20, стран. 173), рѣшительно отвергавшій прежде загробную жизнь, обязанъ теперь признать ея возможность. Матеріалистъ, думаетъ онъ, считающій физіологическую жизнь головного мозга причиною душевной жизни, могъ прежде, опираясь на положеніе: cessante causa cessat effectus и зная, что жизнь мозга (causa) прекращается со смертію, считать и душевную жизнь (effectus) прекращенной; но теперь, съ упраздненіемъ, благодаря открытію Юма, обязательности вышеприведеннаго положенія, мы обязаны считать возможнымъ и безпричинное существованіе чего бы то ни было, а потому и матеріалистъ обязанъ теперь считать безпри-

чинную загробную жизнь возможною. Итакъ, очевидно, г. Введенскій признаетъ аксіому причинности упраздненной Юмомъ. Я лично признать этого не могу и, хотя вполнѣ согласенъ и со всѣми эмпириками вообще, что причинная необходимость не можетъ быть выведена раціонально, и съ Юмомъ въ частности, что она не можетъ быть усмотрѣна въ опытѣ, тѣмъ не менѣе признаю *логическую* необходимость этой аксіомы, т. е. полагаю, что съ упраздненіемъ закона причинности, который есть модификація основного закона логики, закона тождества и противорѣчія, упраздняется и самый этотъ законъ и дѣлается невозможнымъ мышленіе о какомъ бы то ни было предметѣ. Не такъ, повидимому, думаетъ г. Введенскій. Продолжая доказывать, что даже матеріалистъ теперь логически обязанъ считать возможнымъ продолженіе жизни послѣ смерти, несмотря на прекращеніе со смертію причины ея, г. Введенскій говоритъ (кн. 20, стр. 173): „опытъ свидѣтельствуетъ, что существуютъ такія дѣйствія, которыя, разъ возникши, продолжаются *вѣчно*, несмотря на прекращеніе вызвавшей ихъ причины".

Прежде всего въ этихъ словахъ меня удивляетъ подчеркнутое мною слово *вѣчно*, — особенно удивляетъ въ устахъ философа, стоящаго на точкѣ зрѣнія Юма: вѣдь главное значеніе Юма и состоитъ въ указаніи имъ той истины, что ничто вѣчное не усматривается въ опытѣ. Но если даже и принять это слово за невольный lapsus linguae, то все-таки, вникнувъ въ смыслъ приведенной фразы, нельзя не видѣть въ ней вопіющаго нарушенія логики. Въ самомъ дѣлѣ, если мы какое-нибудь явленіе *a* считаемъ причиною другого явленія *b* и видимъ, однако, на опытѣ, что *b* продолжается, не смотря на прекращеніе *a*, то логика обязываетъ насъ не къ тому выводу, что дѣйствіе продолжается безъ причины, а лишь къ тому, что мы *ошибочно* считали *a* причиною *b*, что оно или вовсе не стоитъ къ *b* въ причинномъ отношеніи, или служитъ причиною не самого *b*, а лишь какой-нибудь качественной или количественной модификаціи его, которая,

конечно, и прекращается съ прекращеніемъ вызвавшей ее причины. Такъ, если бы матеріалистъ могъ какъ-нибудь убѣдиться, что жизнь, дѣйствительно, продолжается по разрушеніи организма, онъ долженъ былъ бы убѣдиться и въ томъ, что функціи этого теперь разрушеннаго организма были причиною не самой жизни, но лишь нѣкоторыхъ качественныхъ опредѣленій ея, которыя, безъ сомнѣнія, и уничтожились вмѣстѣ съ организмомъ. Итакъ, никакой опытъ не можетъ упразднить апріорнаго правила: cessante causa cessat effectus, ибо упразднить его значило бы признать, что нѣчто можетъ происходить и безъ причины, изъ ничего, что *a* можетъ быть и не *a*,—а вѣдь это было бы ниспроверженіемъ всякой логики. Слѣдовательно, если такъ называемый матеріалистъ допускаетъ возможность продолженія жизни по смерти, а такъ называемый спиритуалистъ возможность ея прекращенія, то происходитъ это не потому, чтобы Юмъ давалъ имъ на это разрѣшеніе, а просто потому, что ни тотъ, ни другой не знаютъ ни сущности жизни, ни сущности смерти, а потому не знаютъ и того, прекратится ли со смертію причина жизни, или нѣтъ. Итакъ, вышеприведенныя слова г. Введенскаго, что, узнавши законъ Юма, разсудокъ *логически обязанъ*, относительно многихъ объектовъ, считать одинаково позволительными діаметрально противоположныя сужденія, заключаютъ въ себѣ странную мысль, что законъ Юма логически обязываетъ нарушать логику. Если, дѣйствительно, о какомъ-нибудь предметѣ позволительны діаметрально противоположныя сужденія, то логически *непозволительно* что-либо говорить о такомъ предметѣ, кромѣ того лишь, что мы его не знаемъ, ибо всякія другія разсужденія будутъ разглагольствованіемъ безъ достаточнаго основанія, нетерпимымъ логикой.

Но г. Введенскій, повидимому, не считаетъ такое разглагольствованіе непозволительнымъ и все съ тою же цѣлью, чтобы доказать возможность загробной жизни, заводитъ длинныя разсужденія о ней (стр. 173—175), къ которымъ я и отсылаю интересующагося читателя, самъ не подвергая

ихъ разбору. Не могу, впрочемъ, не остановиться на одномъ мѣстѣ этихъ разсужденій, которое кажется мнѣ особенно любопытнымъ. Если, говоритъ г. Введенскій, въ дѣлѣ о допущеніи возможности загробной жизни руководиться указаніемъ опыта, то посредствомъ аналогіи можно придти къ такому заключенію: такъ какъ послѣ смерти матерія тѣла (субстратъ душевной жизни) какъ бы растворяетея во всей остальной матеріи, то и душевная жизнь отъ этого расширяется (?). Ея носителемъ послѣ смерти тѣла служитъ *вся земля* *) (а не тѣсные только предѣлы того кладбища, гдѣ тѣло растворилось?—осмѣлюсь я спросить), и въ новой душевной жизни теперь уже прямо, безъ помощи физіологической дѣятельности органовъ чувствъ, будетъ отражаться какъ космическая жизнь земли, такъ и жизнь всѣхъ организмовъ (стр. 175).

Не думаю, чтобы разсудокъ не протестовалъ противъ такихъ заключеній изъ опыта, хотя бы и посредствомъ аналогіи. Впрочемъ, и самъ г. Введенскій, какъ бы снисходя къ подобному заключенію, говоритъ, что „пожалуй, можно“ сдѣлать его.

Показавъ, какъ расширены Юмомъ предѣлы допускаемой разсудкомъ вѣры, г. Введенскій говоритъ, что Кантъ расширилъ ихъ еще болѣе. Сдѣлалъ же онъ это, указавъ на различіе вещей въ себѣ и явленій и доказавъ, что апріорныя идеи и логическіе законы, обязательные въ сужденіи о явленіяхъ, не обязательны въ сужденіи о вещахъ въ себѣ. Поэтому, думаетъ г. Введенскій, о предметахъ вѣры: Богѣ, мірѣ и свободной волѣ, которые принадлежатъ къ вещамъ въ себѣ, можно судить, не стѣсняясь даже основнымъ закономъ логики, запрещающимъ противорѣчіе.

Но возможно ли судить о чемъ бы то ни было, даже о вещахъ въ себѣ, не подчиняясь законамъ логики? Самъ Кантъ, утверждая неприложимость категорій къ вещамъ въ себѣ, прилагалъ ихъ, однако, къ нимъ, считая вещи въ себѣ

---

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

*причиною* міра явленій. Вѣдь, всякія разсужденія о томъ, къ чему неприложимы законы логики, будутъ опять-таки разглагольствованіемъ вкривь и вкось, противъ котораго разсудокъ, конечно, протестуетъ. Если вещи въ себѣ таковы, то о нихъ можно сказать лишь одно, что мы ихъ не знаемъ и не можемъ знать. Ужели же различныя, выдаваемыя за истину, антропоморфическія толкованія о Богѣ не встрѣтятъ протеста со стороны разсудка? Благодаря Канту, не встрѣтятъ,—думаетъ г. Введенскій. Юмъ, говоритъ онъ, еще не уполномочивалъ насъ вѣрить въ реальность какого-нибудь объекта, если его понятіе содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, а Кантъ далъ и это разрѣшеніе относительно вещей въ себѣ. Страннымъ является съ этой точки зрѣнія прогрессъ философской мысли: онъ какъ будто совпадаетъ съ расширеніемъ области ничѣмъ не сдерживаемаго разглагольствованія. Г. Введенскій какъ бы спѣшитъ воспользоваться полученнымъ отъ Канта разрѣшеніемъ и, начиная съ 189 до 201 страницы, ведетъ мало назидательныя разсужденія о возможности допустить сотвореніе міра не только за семь тысячъ лѣтъ до нашего времени, но даже и въ началѣ 19-го столѣтія, даже за нѣсколько мгновеній до настоящей минуты,—сотвореніе міра со всѣми зданіями, книгами, учрежденіями,—словомъ, со всѣмъ, что есть въ немъ теперь.

Но если бы даже и согласиться съ г. Введенскимъ, что разсудокъ не протестуетъ противъ разглагольствованій о вещахъ въ себѣ,—Богъ съ ними, съ вещами въ себѣ, до которыхъ мы никогда не доберемся,—дѣло-то вѣдь, однако, въ томъ, что главнымъ образомъ разсудокъ протестуетъ противъ вмѣшательства вѣры въ область явленій, которыя онъ считаетъ себя призваннымъ истолковывать,—протестуетъ, такъ какъ это вмѣшательство препятствуетъ ихъ истолкованію.

Истолковывать явленія значитъ убѣждаться въ необходимости ихъ происхожденія. Въ своей истолковывающей дѣятельности разсудокъ отправляется, какъ отъ гипотезы-

аксіомы, отъ міросозерцанія почти одинаковаго съ міросозерцаніемъ Спинозы, а именно, что міръ есть единая, вѣчная субстанція, жизнь которой проявляется въ рядѣ необходимо вытекающихъ изъ нея и другъ изъ друга модусовъ—явленій. Но только методъ созидающаго науки разсудка діаметрально противоположенъ методу, которымъ пытался идти Спиноза. Исходя отъ идеи будто бы непосредственно познаваемой единой субстанціи, Спиноза путемъ a priori шелъ къ объясненію необходимости происхожденія модусовъ; разсудокъ же путемъ a posteriori идетъ отъ многихъ, преходящихъ, усматриваемыхъ на опытѣ явленій къ единой, вѣчной, неизвѣстной субстанціи, познать которую, хотя бы отчасти, онъ надѣется не иначе, какъ усмотрѣвъ необходимость ряда явленій. Такимъ образомъ, совпадающая съ идеей субстанціи, идея необходимости является и начальнымъ предположеніемъ, и конечною цѣлью разсудка. Безъ этой идеи немыслима функція разсудка — мышленіе. Но даже соглашаясь съ эмпириками, что необходимость связи причины и дѣйствія не можетъ быть выведена раціонально, a priori, соглашаясь и съ Юмомъ, что она не усматривается и въ опытѣ, разсудокъ однако не можетъ не признавать, такъ сказать, метафизическаго (подземнаго, по выраженію Шопенгауэра) значенія непонятной и невидимой необходимости. Такимъ образомъ, усматривая на опытѣ лишь фактъ сочетанія двухъ элементарныхъ явленій, напримѣръ—толчка и движенія, и возведя этотъ непонятный фактъ въ законъ, разсудокъ стремится истолковывать явленія сложныя, т.-е. понять необходимость ихъ происхожденія, ихъ тождество съ сочетаніемъ всѣхъ элементовъ, вызвавшихъ эти явленія, подобно тому какъ въ ариѳметикѣ усматривается тождество суммы съ сочетаніемъ всѣхъ слагаемыхъ. Такимъ образомъ, незыблемо устанавливаются и несомнѣнно развиваются такія точныя науки, какъ механика и физика, не только эмпирически знающія, но и раціонально понимающія явленія, входящія въ ихъ сферу, т.-е. усматривающія ихъ необходимость и безошибочно ихъ предсказывающія.

Ища убѣдиться въ необходимости сложныхъ явленій, разсудокъ въ своихъ поискахъ, въ мышленіи, руководствуется законами логики: основнымъ закономъ ея, закономъ тождества и противорѣчія, который, какъ метафизическая истина, высказываетъ бытіе единой и неизмѣнной субстанціи, и закономъ достаточнаго основанія, который есть лишь модификація закона тождества и, какъ метафизическая истина, высказываетъ необходимость происхожденія модусовъ — естественныхъ явленій—изъ субстанціи.

Идея естественной необходимости, постулатъ разсудка, діаметрально противоположна идеѣ свободы, постулату сознательной воли. Представленіе необходимости есть представленіе безусловной невозможности противоположнаго; а на естественныя явленія мы иначе и смотрѣть не можемъ, какъ на необходимый результатъ ихъ налично существующаго достаточнаго основанія. Иногда, повидимому, мы признаемъ одинаковую возможность двухъ противоположныхъ естественныхъ явленій; такъ, мы думаемъ, что дождь можетъ пойти и не пойти. Но вѣдь мы при этомъ знаемъ, что такая одинаковая возможность есть не дѣйствительная, но только кажущаяся намъ возможность, происходящая лишь отъ незнанія нами существующихъ въ настоящую минуту условій, изъ которыхъ съ необходимостью выйдетъ лишь одно явленіе, обнаруживъ бывшую невозможность явленія противоположнаго.

Но представленіе свободы есть представленіе не мнимой только, а дѣйствительной возможности совершать любой изъ двухъ противоположныхъ поступковъ. А потому, когда одинъ изъ нихъ совершился, онъ не обнаруживаетъ бывшей невозможности другого, и мы вмѣняемъ въ заслугу или вину совершителю, что онъ не воспользовался этою возможностью; но вѣдь нельзя вмѣнять въ заслугу исполненіе физически необходимаго, а въ вину неисполненія невозможнаго. Такое убѣжденіе въ одинаковой возможности совершить одинъ изъ двухъ противоположныхъ поступковъ есть вѣра въ свободу воли, противорѣчащая всѣмъ законамъ логики.

Ибо признавать поступокъ свободнымъ, значитъ признавать его явленіемъ, совершившимся безъ естественнаго основанія; а такое явленіе, съ точки зрѣнія логическаго разсудка, было бы противоестественнымъ чудомъ,—невозможностью.

Итакъ, протестуя противъ догмата свободы, разсудокъ протестуетъ не противъ признанія какой-то трансцендентной сущности, но противъ приданія естественнымъ явленіямъ противоестественнаго характера.

То же самое мы должны признать и относительно протеста разсудка противъ догмата бытія Божія.

Вѣра въ Бога, какъ въ міровой разумъ и всемогущую волю, не ограничивается только признаніемъ Его бытія въ трансцендентномъ мірѣ, но соединена и съ признаніемъ силы нашей молитвы, т.-е. возможности вызвать Его сверхъестественное вмѣшательство въ необходимый ходъ естественныхъ явленій, измѣнить эту, съ точки зрѣнія разсудка, неизмѣнно установившуюся необходимость. Такимъ образомъ, вѣра въ бытіе Божіе соединена съ вѣрою въ чудо. Всякая молитва есть молитва о чудѣ. Ибо не имѣетъ смысла молиться о томъ, что само собою естественно должно совершиться; не имѣетъ смысла и молиться безъ вѣры въ чудо, т.-е. въ возможность нарушенія естественнаго порядка, а чудо—логическій абсурдъ. Итакъ, вѣра въ своихъ двухъ основныхъ догматахъ, въ догматѣ бытія безусловной божественной воли, могущей нарушить всякій естественный порядокъ, и въ догматѣ свободной воли человѣка, могущей нарушить этотъ порядокъ лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ,—вѣра опирается на идею чуда, противорѣчащую идеѣ необходимости, постулату всякаго мышленія. Непримиримая борьба вѣры съ логикой есть борьба этихъ двухъ идей, которыя обѣ неизбѣжно постулируются психическою природою человѣка, а ужиться вмѣстѣ не могутъ. Но хотя протестъ разсудка, главнымъ образомъ, направленъ противъ вмѣшательства вѣры въ область опыта, однако, разсудокъ не можетъ относиться безразлично и къ отвлеченнымъ сужденіямъ о сущности трансцендентныхъ объектовъ вѣры, къ

попыткамъ уяснить эту сущность; ибо всѣ такія сужденія большею частью подсказываются антропоморфизирующимъ вообраҗеніемъ и, какъ исходящія изъ основанія, заключающаго въ себѣ внутреннее противорѣчіе, сами неизбѣжно страдаютъ противорѣчіемъ и являются такимъ образомъ празднымъ разглагольствованіемъ. Протестъ разсудка умолкаетъ только тогда, когда догматы вѣры, ограничиваясь лишь признаніемъ бытія своихъ объектовъ и отказавшись отъ всякихъ дальнѣйшихъ теоретическихъ разъясненій, функціонируютъ, какъ практическіе регуляторы сознательно дѣйствующей воли.

Въ спорѣ вѣры и разсудка разумъ, высшая инстанція въ человѣкѣ, говоритъ вѣрующей волѣ: дѣйствуй, не мудрствуя лукаво, по внушенію коренного чувства,—а разсудку: отыскивая, насколько можешь, достаточное основаніе явленій, помни, что въ самихъ явленіяхъ есть нѣчто тебѣ недоступное. Но дѣло только въ томъ, что обѣ стороны плохо внемлютъ этимъ наставленіямъ разума: вѣра, мудрствуя лукаво, т.-е. ударяясь въ раціонализмъ, плодитъ безплодные трактаты о вещахъ въ себѣ; разсудокъ, мнящій себя единственнымъ критеріемъ истины въ мірѣ явленій, насильственно пробивается за Геркулесовы столбы, туда, гдѣ небо сходится съ землею.—и спору между ними не видно конца.

Вотъ мой отвѣтъ на главное возраженіе г. Введеннаго, что будто бы разсудокъ не протестуетъ противъ догматовъ сознательной вѣры и что существуетъ обширная область вѣры, допускаемой разсудкомъ. Мнѣ лично область эта представляется мнимой, такъ какъ состоитъ или изъ разглагольствованій о вещахъ въ себѣ, не допускаемыхъ строгимъ разсудкомъ, или изъ сужденій о чудѣ, не допускаемыхъ уже никакимъ разсудкомъ.

О догматахъ вѣры не разсуждаютъ, но, при всей ихъ ирраціональности, имъ необходимо подчиняются, какъ регуляторамъ воли.

Ошибочность моихъ воззрѣній на вѣру г. Введенскій объясняетъ предположеніемъ, что у меня не въ ладу умъ съ

сердцемъ (кн. 20, стр. 162). Да, онъ угадалъ,—такимъ разладомъ я страдаю; но думаю, что и самъ онъ имъ страдаетъ, и даже болѣе того—что имъ страдаетъ всякій сознательно живущій. Ибо это страданіе, если только оно страданіе, есть характеризующая человѣка внутренняя борьба воли, руководимой идеей чуда, и мышленія, руководимаго идеей необходимости, — борьба, съ большею или меньшею силою происходящая во всякомъ человѣкѣ, хотя бы онъ и не признавалъ ее.

Перехожу теперь къ разсмотрѣнію того, что г. Введенскій называетъ суетною и сознательною вѣрой.

Въ широкой области вѣрованій, допускаемыхъ разсудкомъ, г. Введенскій различаетъ два вида вѣры: суетную и сознательную. Объекты той и другой таковы, что о нихъ одинаково возможны діаметрально противоположныя сужденія. Но все-таки, полагаетъ г. Введенскій, по какимъ-нибудь мотивамъ, человѣкомъ совершается выборъ одной изъ этихъ противоположностей. И вотъ, если эти мотивы ничтожны по своей внутренней цѣнности, то избранная вѣра будетъ суетной; а если они имѣютъ высокую цѣнность,—сознательной. Но странною кажется мнѣ мысль, будто бы вѣра зависитъ отъ мотивированнаго, т.-е. цѣлесообразнаго выбора сужденія, которое само по себѣ вовсе не имѣетъ силы, понуждающей къ принятію ее за истину, такъ какъ вѣдь одинаково возможно и сужденіе противоположное. Значитъ, если человѣкъ вѣритъ въ Бога, то онъ вѣритъ не потому, что не можетъ не вѣрить, но по какимъ-то инымъ соображеніямъ, которыя, если измѣнятся, то онъ, пожалуй, и перестанетъ вѣрить. Такое воззрѣніе, лишая вѣру характера непроизвольности, придаетъ ей характеръ какой-то цѣлесообразной искусственности.

Но въ чемъ же заключаются суетность и цѣнность мотивовъ избранія вѣры? Не давая разграничивающаго опредѣленія и довольствуясь лишь приведеніемъ примѣровъ той и другой вѣры, г. Введенскій предоставляетъ самимъ читателямъ сдѣлать такое опредѣленіе.

Если бы кто-нибудь, говоритъ онъ, *ради моды* проникся ученіемъ матеріализма, бывшаго у насъ въ модѣ въ 60-хъ годахъ, то это было бы суетною вѣрой. Другой примѣръ: если бы *ради оригинальности* человѣкъ сталъ вѣровать, что міръ созданъ въ началѣ XIX вѣка (вѣдь, такое вѣрованіе дозволяется, благодаря открытіямъ Канта), то и это было бы вѣрой суетной. Ужели можетъ это быть удостоено названія вѣры, хотя бы и суетной? Вѣдь, всякая вѣра прежде всего есть убѣжденность. Ужели стремленіе прослыть передовымъ человѣкомъ или оригиналомъ можетъ придать эту убѣжденность фразерству одного и безумному бреду другого? Такая *вѣра* психически невозможна.

Но что же такое вѣра сознательная, и чѣмъ отличается она отъ суетной? Самъ г. Введенскій такъ опредѣляетъ ее: „она отличается отъ суетной тѣмъ, что возникаетъ и поддерживается подъ вліяніемъ мотивовъ высокой цѣнности, а отнюдь не суетнаго характера“ (кн. 21, стр. 73). Но изъ этихъ словъ для пониманія сознательной вѣры не извлечешь болѣе того, что она отнюдь не суетна. Удовольствуемся же и для сознательной вѣры примѣрами, на которые г. Введенскій вообще болѣе щедръ, чѣмъ на точныя опредѣленія.

Вотъ примѣръ догмата сознательной вѣры — безсмертіе души. Разсудокъ одинаково можетъ и признавать его, и отрицать. Для чего же въ него вѣрятъ? Если согласиться съ воззрѣніемъ г. Введенскаго, то о догматахъ вѣры нужно спрашивать, не *почему*, а *для чего* въ нихъ вѣрятъ. Такъ, мы видѣли, что нѣкоторые вѣрятъ въ сотвореніе міра въ началѣ XIX вѣка для того, чтобы прослыть оригиналами. Итакъ, для чего же вѣрятъ въ безсмертіе души?—Для того, отвѣчаетъ г. Введенскій, чтобы поддержать смыслъ предписаній нравственнаго долга—служить счастію ближнихъ. Г. Введенскій разсуждаетъ такъ: предписаніе нравственнаго долга имѣетъ смыслъ лишь при условіи осуществимости счастія. Но такъ какъ на землѣ безусловное счастіе невозможно, а возможно лишь въ загробной жизни, то съ отрицаніемъ ея отрицается и осуществимость безусловнаго

счастія, а слѣдовательно, становится нелѣпымъ требованіе служить такому счастію.

Это разсужденіе было бы совершенно логично, если бы нравственный долгъ дѣйствительно повелѣвалъ намъ служить *безусловному* счастію ближнихъ; но такого требованія нравственный долгъ не предъявляетъ, такъ какъ безусловное счастіе не въ нашей власти. Требованія нравственнаго долга, хотя и трудны, но болѣе исполнимы: накорми голоднаго, утѣшь печальнаго, и другія заповѣди христіанской любви. Но г. Введенскій полагаетъ, что накормить голоднаго должно только при условіи, если его душа безсмертна, а иначе это будетъ безсмысленно. „Безъ вѣры въ безсмертіе, говоритъ онъ, безсмысленно служить счастію людей. Да безсмысленно и любить ихъ: ну, чѣмъ они будутъ отличаться отъ любого животнаго, хотя бы отъ собаки“? (кн. 21, стр. 65) Странная любовь, зависящая отъ метафизическихъ соображеній!

Вѣра въ безсмертіе, думаетъ г. Введенскій, не потому нужна, что она перспективой награды и наказанія спасаетъ смыслъ нравственнаго закона,—она спасаетъ его, убѣждая въ осуществимости безусловнаго счастія. Итакъ, если мы вѣримъ въ безсмертіе, то не потому, что безсмертіе, а съ нимъ вмѣстѣ и осуществимость безусловнаго счастія сами по себѣ убѣдительны (вѣдь, одинаково возможно и противоположное), а по цѣнному соображенію, что иначе нравственный долгъ утратитъ всякій смыслъ,

Я не думаю, чтобы разумный смыслъ нравственнаго долга нуждался въ поддержкѣ со стороны вѣры въ безсмертіе. Человѣкъ поступаетъ нравственно не въ виду награды (перспектива награды низвела бы нравственность на степень благоразумія), и не въ виду осуществимости какого-то немыслимаго даже безусловнаго счастія, а по могучему побужденію космическаго чувства. При мысли же о смерти истинно-нравственный человѣкъ не старается наполнить непроницаемый мракъ фантастическими образами *личнаго* безсмертія, но проникается чувствомъ, выражающимся въ

словахъ: да будетъ воля Твоя. Мнѣ думается, что смыслъ догматовъ вѣры, т. е. сила ихъ убѣдительности, заключается не въ постороннихъ, хотя бы и цѣнныхъ, соображеніяхъ, но въ тѣхъ коренныхъ чувствахъ, съ которыми они неразрывно соединены, а потому не нуждается въ оправданіи. Г. же Введенскій, считая такое оправданіе нужнымъ, прибѣгаетъ къ какимъ-то раціоналистическимъ пріемамъ, хотя самъ же, въ упрекъ мнѣ за неправильность моихъ воззрѣній, титулуетъ меня раціоналистомъ.

Находя, однако, недостаточнымъ оправданіе разумности нравственнаго закона черезъ допущеніе безсмертія, г. Введенскій прибѣгаетъ и къ другимъ еще допущеніямъ. Ходъ разсужденій его таковъ: нравственный законъ сохраняетъ свой смыслъ лишь при допущеніи безсмертія, т.-е. осуществимости той конечной цѣли, ради которой созданъ человѣкъ и вложено въ него сознаніе долга; а цѣль эта, какъ мы видѣли, есть совершенное счастіе и притомъ, какъ мы это далѣе увидимъ, счастіе не однихъ только достойныхъ счастія, но всѣхъ и каждаго безъ исключенія. Итакъ, счастіе всѣхъ и каждаго должно быть осуществимо, иначе нравственный долгъ—безсмыслица. Но если эта цѣль осуществима какимъ-нибудь инымъ путемъ, кромѣ исполненія нравственнаго долга, и если нарушеніе его не препятствуетъ ея осуществленію, то нравственный долгъ опять-таки утрачиваетъ смыслъ. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ идти болѣе труднымъ путемъ повиновенія долгу къ тому, что можетъ осуществиться и при нарушеніи его? Итакъ, нарушеніе нравственнаго долга должно препятствовать осуществленію высочайшей цѣли. Но вѣдь нравственный долгъ ежечасно и нарушался, и нарушается, и можно лишь надѣяться, что только въ отдаленномъ будущемъ всѣ будутъ безусловно праведными, а слѣдовательно, одни только эти будущіе праведники достигнутъ совершеннаго счастія, прошедшіе же и настоящіе грѣшники его не достигнутъ. Но вѣдь если такъ, то конечная цѣль—счастіе всѣхъ безъ исключенія—не достижима, а слѣдовательно, какъ мы въ

этомъ ранѣе условились, нравственный долгъ не имѣетъ смысла. Ergo, разсуждаетъ г. Введенскій, чтобы спасти смыслъ нравственнаго долга, нужно открыть въ самомъ человѣчествѣ средство вызволить грѣшниковъ и пріобщить ихъ къ совершенному счастію. Такое средство г. Введенскій легко находитъ въ молитвѣ праведниковъ, благодаря которымъ всѣмъ будетъ даровано прощеніе и такимъ образомъ, къ общему благополучію, осуществится конечная цѣль человѣчества. Deus ex machina!

Итакъ, безъ предстательства праведниковъ плохо пришлось бы не только грѣшникамъ, но и самому нравственному закону; а теперь смыслъ его, по мнѣнію г. Введенскаго, окончательно спасенъ. Я, однако, позволю себѣ высказать нѣкоторое сомнѣніе. Вѣдь, если къ осуществленію конечной цѣли приведетъ только предстательство праведниковъ, то, значитъ, для грѣшниковъ цѣль эта осуществится другимъ путемъ, нежели исполненіемъ ими самими нравственнаго долга. А какъ бы это не повредило смыслу самого нравственнаго долга? Вѣдь, въ увѣренности, что счастіе мое такъ или иначе непремѣнно осуществится, я, пожалуй, стану нарушать этотъ нравственный законъ. Конечно, придется за это поплатиться, помучиться, можетъ быть, и долго въ ожиданіи, пока другіе меня выручатъ; но вѣдь даже вѣка ничто въ сравненіи съ вѣчностью, а потому отчего же не рискнуть и не пожуировать на землѣ? Итакъ, спасая смыслъ нравственнаго долга, находка г. Введенскаго, пожалуй, погубитъ его.

Я привелъ лишь самую суть аргументаціи г. Введенскаго; читатель, интересующійся его подлинными словами, найдетъ ихъ въ 21 книгѣ на 69, 70 и 71 страницахъ. Аргументація эта показываетъ, какъ опасно раціонализировать вѣру; вѣдь, это значитъ довѣрять интересы вѣры ея естественному антагонисту—разсудку, который, въ разсмотрѣнномъ нами случаѣ, взявшись оправдать ея смыслъ, раскрылъ только ея внутреннее противорѣчіе, ирраціональность, т. е. отсутствіе смысла—съ точки зрѣнія того же разсудка.

Неудачная попытка г. Введенскаго раціонализировать вѣру, т. е. примирить ее съ разсудкомъ, понять ее, поучительна именно своею неудачей, такъ какъ еще разъ доказываетъ, что разсудокъ не только понять вѣры не можетъ, но что даже чѣмъ болѣе онъ вникаетъ въ нее, тѣмъ болѣе открываетъ въ ней противорѣчій, а потому, съ единственно возможной ему точки зрѣнія естественной необходимости, не можетъ не протестовать противъ нея, какъ противъ абсурда.

Въ заключеніе своихъ разсужденій г. Введенскій характеризуетъ вѣру, какъ *состояніе, исключающее сомнѣніе иначе, чѣмъ это дѣлается при знаніи* (кн. 21, стр. 75). Слова эти самимъ авторомъ поставлены курсивомъ,—значитъ, онъ придаетъ имъ особенное значеніе, какъ выводу изъ всего имъ сказаннаго.

Выводъ этотъ страдаетъ неясностью. Во всей статьѣ ни слова не сказано о томъ, какъ исключается сомнѣніе при знаніи. Что же касается того, будто бы сомнѣніе исключается самою вѣрой, то на такой выводъ не даютъ права ни факты, показывающіе, какъ часто люди вѣрующіе подпадаютъ сомнѣнію, ни самая идея вѣры, истины, признаваемой безъ санкціи разсудка,— ирраціональной истины. Сомнѣніе тотчасъ возникаетъ изъ вѣры, какъ только она, выступивъ за предѣлы своей законной функціи — служить практическимъ регуляторомъ воли, дѣлаетъ попытку стать теоретическимъ основоположеніемъ мышленія. Но не только нельзя строить на вѣрѣ новыхъ истинъ, нельзя даже исправлять ея внутреннихъ противорѣчій, не возбудивъ протеста разсудка, т. е. сомнѣнія. Доказательство этому мы видимъ на попыткѣ г. Введенскаго раціонализировать догматъ нравственнаго долга.

Не могу не закончить моей статьи сопоставленіемъ догматовъ сознательной вѣры съ теоретическими аксіомами. Аксіомы, сообщая достовѣрность всѣмъ другимъ истинамъ, сами являются истинами непосредственно очевидными, застрахованными отъ всякаго сомнѣнія; догматы же вѣры, хотя и не могутъ по своей ирраціональной природѣ лежать

въ основанiи доказательствъ другихъ истинъ, но сами, какъ постулаты коренныхъ чувствъ, ни въ какомъ доказательствѣ не нуждаются и являются столь же непосредственными истинами, какъ и аксiомы. Главная ошибка многихъ вѣрующихъ состоитъ въ томъ, что они, считая нужнымъ *доказывать* догматы, ищутъ для нихъ разсудочной санкцiи. Низводя такимъ образомъ догматы со степени истинъ непосредственно достовѣрныхъ и измышляя неподходяшiя къ нимъ доказательства, эти *вѣрующiе рацiоналисты* колеблютъ догматы, возбуждая противъ нихъ, какъ противъ иррацiональныхъ, сомнѣнiе. Но какъ бы сомнѣнiе ни колебало догматовъ, опровергнуты они быть не могутъ, ибо безъ нихъ—какъ практическихъ регуляторовъ сознательной воли, не мыслимъ человѣкъ — существо разумно-волящее.— Итакъ, въ сравненiи съ незыблемостью рацiональныхъ теоретическихъ аксiомъ, догматы сознательной вѣры—иррацiональныя практическiя аксiомы—обладаютъ, хотя и колеблющеюся, но неопровержимою устойчивостью.

**П. Каленовъ.**

---

# Міросозерцаніе кружка Станкевича и поэзія Кольцова.

(Изъ исторіи литературно-философскаго движенія въ Россіи.)

(*Окончаніе.*)

## IV.

Серебрянскій пристрастился къ философіи еще въ воронежской семинаріи, откуда потомъ поступилъ въ Московскую Медико-хирургическую академію; уже въ семинаріи онъ прославился пѣснью: „Быстры, какъ волны, дни нашей жизни"... и поэмою: „Безсмертье" и до конца жизни оставался поэтомъ и эстетикомъ, какъ можно видѣть изъ его статьи: „Мысли о музыкѣ", которая привела въ восторгъ Бѣлинскаго.

Вообще, надо замѣтить, что всѣ лучшіе шеллингисты—Одоевскій, Станкевичъ, Бѣлинскій—увлекались музыкой; истолкователемъ ихъ мыслей и чувствъ и явился Серебрянскій въ этой статьѣ, напечатанной въ „Московскомъ Наблюдателѣ" (май 1838 года). Впослѣдствіи она была перепечатана Бѣлинскимъ въ собраніи стихотвореній Кольцова—какъ статья замѣчательная не только въ русской, но и въ европейской литературѣ. Серебрянскій является въ ней шеллингистомъ; онъ развиваетъ ту же мысль по отношенію къ музыканту, какую мы дальше увидимъ въ примѣненіи къ поэту въ думѣ: „Поэтъ". „Да!—говорится въ заключеніи,—музыка—общій идеалъ языка натуры. Ея аккорды перенесены въ аккорды міра. Ее подслушалъ у натуры геній—человѣкъ. Онъ собралъ

тоны, разсѣяные въ безпредѣльномъ пространствѣ, и приблизилъ ихъ къ своему уху, одушевивъ ихъ жизнью своего сердца и фантазіи". Ноты и струны—тѣ же буквы, слова, только удаленныя отъ опредѣленной частности ихъ значенія въ музыкальную поэтическую общность... струны генія звучатъ жизнью всемірною; ревъ звѣря, шелестъ вѣтерка, плескъ волны и т. д.,—все отозвалось на нихъ и получило вторую поэтическую жизнь: такъ все откликается на свой родимый звукъ, сдается, будто откликнулось и то, что имѣетъ только цвѣтъ, запахъ, вкусъ, или существуетъ какъ осязаемое... „Трогая струны, музыкантъ трогаетъ безчисленное множество струнъ міра... Сила звука—легкія крылья, чтобы носиться духомъ въ безпредѣльности жизни"...

Серебрянскій въ одномъ мѣстѣ своей статьи называетъ музыку „нашею мятежною душою". Соглашая текстъ пѣсни съ звукомъ инструментовъ, человѣческій голосъ, говоритъ онъ, есть самый лучшій представитель тѣснаго союза между жизнью звуковъ и жизнью сердца, между „душою всякаго музыкальнаго созданія и духомъ каждаго внемлющаго ему безъ равнодушія; а характерная мимика подъ тонъ музыки ясно указываетъ на этотъ союзъ. Музыка—мятежная душа наша".

Несомнѣнно, что и въ этомъ бурномъ настроеніи, въ этомъ эмоціональномъ порывѣ проглядывала та же шеллингіанская основа, неясная и туманная, но порывистая, такъ какъ въ томъ же смыслѣ — движенія, порыва, стремленія къ чему-то лучшему, въ какомъ говорилъ Серебрянскій о музыкѣ, можно назвать «мятежною душою» и самую философію Шеллинга съ его ученіемъ о поляризаціи, о борьбѣ и постоянномъ колебаніи вещей, о вѣчномъ движеніи, живымъ символомъ котораго былъ самъ философъ, всю жизнь остававшійся въ нерѣшимости между двумя своими философіями, отличными одна отъ другой.

Все это не говоритъ, конечно, въ пользу систематичности шеллингіанства, но за то обнаруживаетъ въ немъ лиризмъ, порываніе, стремленіе къ лучшему. Душа, по ученію шеллин-

гистовъ, тоже, пожалуй, «мятежная», какъ мятежна музыка у Серебрянскаго, но «мятежная» въ томъ высшемъ, лучшемъ смыслѣ неудержимаго „стремленія къ лучшему", котораго совершенно не понимали Магницкіе, Руничи и подобные имъ мраколюбцы, гонители просвѣщенія въ пору крайняго застоя. Если вѣренъ взглядъ, по которому отличительною чертой художественной дѣятельности служитъ *инстинктъ лучшаго*, въ смыслѣ природнаго стремленія къ нему человѣка,—а такому взгляду нельзя отказать въ основательности,—то становится понятнымъ, почему философія искусства такъ высоко ставилась шеллингіанствомъ, а съ другой стороны,—почему послѣднее привлекло къ себѣ художниковъ и поэтовъ, какъ кн. Одоевскій, Веневитиновъ и, наконецъ, Кольцовъ *).

Извѣстно, какая высокая роль отводилась искусству по ученію Шеллинга: философія увѣнчивалась эстетикою, такъ какъ послѣдняя изучаетъ высшую дѣятельность духа, проявляющуюся въ искусствѣ, какъ сознательномъ воспроизведеніи безсознательной идеальности природы,—а въ единствѣ сознательнаго и безсознательнаго и заключается именно высшая дѣятельность духа. Художникъ достигаетъ своей высокой цѣли съ помощію интеллектуальной интуиціи, той высшей психической способности, которою познается тожество идеальнаго и реальнаго въ абсолютномъ, сознается единство „я" съ міровымъ разумомъ: искомое абсолютное начало великаго міра осуществляется художникомъ въ

*) Другой наставникъ-руководитель юнаго Кольцова въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, А. Д. Вельяминовъ, читалъ въ воронежской семинаріи философію и физико-математическія науки. У него Кольцовъ бралъ книги и пользовался литературными совѣтами его, какъ большого любителя и знатока словесности. Самъ поэтъ-прасолъ не занимался естественными науками; но онъ былъ большимъ любителемъ, тонкимъ наблюдателемъ и знатокомъ природы и проводилъ большую часть времени между степью и поэзіей. Слѣдовательно, не какая-нибудь случайность, а общность развитія сближала всѣхъ, причастныхъ къ кружку Станкевича, приводила къ нему, какъ къ центру, всѣхъ, кто, съ одной стороны, воспринималъ идеи передовыхъ ученыхъ и мыслителей, а съ другой—эти идеи популяризировалъ и сообщалъ въ художественно-переработанномъ видѣ.

искусствѣ, когда онъ создаетъ свои маленькіе художественные міры. Объ этой способности художника Станкевичъ, по словамъ его біографа, впервые услышалъ на лекціяхъ Надеждина, который называлъ искусство „мірозданіемъ въ миніатюрѣ“ *).

Мы уже знаемъ, что лекціи Надеждина посѣщались такъ же усердно, какъ и лекціи его антипода—проф. Павлова, и оказали несомнѣнное вліяніе на взгляды молодежи изъ кружка Станкевича, а черезъ нее и на Кольцова. Въ самый разгаръ своей лекторской дѣятельности Надеждинъ изложилъ свои взгляды на „современное направленіе изящныхъ искусствъ“ въ словѣ, произнесенномъ въ торжественномъ университетскомъ собраніи 6 іюля 1833 года. Исходя изъ шеллинговой точки зрѣнія, что весь безбрежный океанъ бытія состоитъ изъ двухъ противоположныхъ стихій,—матеріи и духа, формъ и идей, надо признать, что художественное одушевленіе можетъ имѣть только два главныя направленія: внѣшнее, средобѣжное, матеріальное, и внутреннее, средостремительное, идеальное. Но первое исчерпано уже классическою древностью, а второе — христіанскимъ энтузіазмомъ среднихъ вѣковъ. Что же остается для современнаго генія? „Соединить идеальное одушевленіе среднихъ временъ съ изящнымъ благообразіемъ классической древности, уравнять душу съ тѣломъ, идею съ формою“. Задача великая, потому что соединеніе это отнюдь не должно быть механическое и эклектическое; нѣтъ, „это должно быть внутреннее, живое сліяніе обоихъ полюсовъ бытія, обоихъ элементовъ творчества“, и такое сліяніе уже сказывается „съ большею или меньшею ясностію въ различныхъ движеніяхъ современной художественной дѣятельности“.

*) Надеждинъ былъ магистромъ богословія и профессоромъ изящныхъ искусствъ и археологіи въ Московскомъ университетѣ; съ 1832 по 1835 годъ онъ читалъ сначала теорію изящныхъ искусствъ, потомъ ихъ исторію, или археологію, наконецъ, логику, такъ какъ убѣдился, по его словамъ, въ не возможности изучать законы искусствъ безъ предварительнаго ознакомленія съ законами самой мысли. Въ 1836 году была упразднена каѳедра эстетики и археологіи по случаю введенія новаго устава.

Какъ бы предугадывая въ этой своей рѣчи начавшуюся около того времени поэтическую дѣятельность Кольцова, Надеждинъ говорилъ далѣе о такихъ частныхъ требованіяхъ, проистекающихъ изъ главнаго, только что упомянутаго начала, какъ естественность и народность. Исходя изъ шеллинговой точки зрѣнія на творческую дѣятельность, какъ на „воспроизводительницу бытія, соревновательницу духа жизни, струящагося въ нѣдрахъ природы“, Надеждинъ считаетъ потребность въ естественности свойственною генію, хотя природа противополагается обыкновенно искусству. Греко-римское и средневѣковое искусства изображали только „полміра, полжизни, полбытія, а это развѣ естественно?“ Современное эстетическое направленіе „спрашиваетъ, напротивъ, у образа: гдѣ твой духъ? у мысли: гдѣ твое тѣло?“,—требуя отъ художественныхъ произведеній „полнаго сходства съ природою и равно чуждаясь поддѣльнаго изящества какъ въ наружныхъ матеріальныхъ формахъ, такъ и во внутренней, идеальной выразительности“. Въ народности Надеждинъ видѣлъ послѣдствіе естественности, являющееся по причинѣ существенной внутренней связи духа съ природою. Подъ народностію онъ подразумѣвалъ то „патріотическое одушевленіе изящныхъ искусствъ, которое, питаясь родными впечатлѣніями и воспоминаніями, отражаетъ въ своихъ произведеніяхъ родное благодатное небо, родную святую землю, родныя драгоцѣнныя преданія“ и проч. Надеждину оставалось бы прибавить къ этому „родную пѣсню“, художественнымъ воспроизведеніемъ которой именно и прославился нашъ народный лирикъ.

Но Надеждинъ былъ сыномъ своего вѣка: талантливый теоретикъ-профессоръ, о лекціяхъ котораго Станкевичъ писалъ, что онѣ развили въ немъ чувство изящнаго, какъ бы ни были недостаточны онѣ сами по себѣ,—какъ эстетикъ-практикъ, т.-е. какъ литературный критикъ, онъ оказался слабъ даже въ глазахъ тѣхъ, кто видитъ въ немъ „предшественника и учителя“ Бѣлинскаго. Ему недоставало непосредственнаго эстетическаго вкуса, почему онъ часто „садился не въ свои

сани", когда брался за оцѣнку современныхъ художественныхъ произведеній. Такъ случилось съ Надеждинымъ и по отношенію къ Кольцову: когда появилась книжечка стихотвореній послѣдняго, изданная Станкевичемъ въ 1835 году, то „одинъ знаменитый московскій литераторъ (кажется, Надеждинъ) счелъ ее за мистификацію, шутку со стороны Бѣлинскаго,—удивляясь, при встрѣчѣ съ послѣднимъ, что онъ нашелъ въ этихъ стишонкахъ, какой—тутъ талантъ?..." Разсказъ этотъ передается біографами, какъ, напримѣръ, г. Огарковымъ, въ біографической библіотекѣ Ф. Павленкова, съ оговоркою: „кажется, Надеждинъ". Фактъ не удостовѣренъ, но съ Надеждинымъ не разъ случались подобные казусы, которыхъ не скрываютъ его біографы. Кому бы, кажется, какъ не ему, оцѣнить такого народнаго реальнаго поэта, какъ Кольцовъ, въ лучшихъ произведеніяхъ котораго народный бытъ и окружающая природа отражаются съ такою естественностью, которая вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ эстетической теоріи шеллингіанцевъ; въ нихъ осуществлено вполнѣ ихъ требованіе нераздѣльнаго и естественнаго слiянія формы и содержанія, тѣла и мысли. Но, видно тогдашняя общественная атмосфера была слишкомъ неблагопріятна для распознанія и оцѣнки истинной народности и реальности въ литературѣ,—Надеждинъ не нашелъ никакого таланта въ стишонкахъ поэта-прасола, а славянофилы—тѣ просто проглядѣли его, хотя могли бы воспользоваться его восходившею звѣздой. Какъ бы то ни было, заслугою шеллингіанской натурфилософіи остается то, что своимъ одушевленнымъ порывомъ она пробудила любовь къ естественности и самобытности въ литературѣ и въ жизни и помогла развитію, выдвинула такихъ ученыхъ, какъ Надеждинъ и Павловъ, такихъ критиковъ и эстетиковъ, какъ Бѣлинскій, какъ Серебрянскій, такихъ поэтовъ, какъ Кольцовъ.

Благодаря этой связи идейныхъ теченій, поэтъ нашъ долженъ былъ въ этомъ кругу встрѣтить высокую оцѣнку. И дѣйствительно, онъ былъ оцѣненъ критикою, благодаря

Станкевичу, развитію котораго былъ данъ толчокъ въ этомъ направленіи лекціями Павлова и Надеждина. Когда передъ нимъ закрылась пропасть, раздѣлявшая природу и духъ, Станкевичъ,—какъ говоритъ его біографъ,—„по свойству и праву мышленія переносилъ природу въ самого себя, разбиралъ ее въ нѣдрахъ собственнаго сознанія, словомъ—становился ея центромъ, судьею и объяснителемъ. Природа была поглощена имъ и въ немъ же воскресла для новаго, разумнаго и одухотвореннаго существованія". Съ восторгомъ развивалъ подобныя мысли, какъ извѣстно, и Бѣлинскій въ „Литературныхъ мечтаніяхъ", называя искусство выраженіемъ великой идеи вселенной въ ея безконечно-разнообразныхъ явленіяхъ... Все искусство поэта заключается въ томъ, чтобы показать читателю природу въ миніатюрѣ, какъ земной шаръ на ландкартѣ, чтобы заставить его хотя на минуту забыть свое *я*, почувствовавъ вѣяніе, дыханіе общей жизни природы; въ этомъ заключается наслажденіе изящнымъ. Кольцовъ выразилъ ту же мысль въ думѣ: „Поэтъ", говоря: *„цѣлая природа—въ душѣ человѣка"*...

Проникнуты чувствомъ,
Согрѣты любовью,
Изъ нея всѣ силы
Въ образахъ выходятъ...

Властелинъ-художникъ
Создаетъ картину—
Великую драму,
Исторію царства.

Въ нихъ духъ вѣчной жизни,
Самъ себя сознавши,
Въ видахъ безконечныхъ
Себя проявляетъ;

И живетъ столѣтья,
Умъ нашъ поражая,
Надъ бездушной смертью
Вѣчно торжествуя.

## V.

Итакъ, Кольцову, поэту-реалисту, пришлось быть авторомъ „Думъ", въ которыхъ онъ пытался выразить своеобразное и очень отвлеченное философское міросозерцаніе, и послѣ думъ появились его лучшія пѣсни, перлы кольцовской поэзіи... Для постановки вопросовъ философскаго характера въ популярной формѣ онъ былъ достаточно подготовленъ и пытливостью своего сильнаго, хотя не развитого ума, и непосредственнымъ интеллектуальнымъ воззрѣніемъ, сильно развитымъ въ немъ, какъ въ чуткомъ, отзывчивомъ художникѣ. Многіе согласны съ Бѣлинскимъ, что вопросы поставлены въ думахъ прекрасно: слабыми признаются лишь неудачныя попытки дать отвѣты на нихъ, на мучившія поэта метафизическія проблемы о жизни и смерти. Но, вѣдь, дѣло шло о преодолѣніи такой огромной трудности, какъ поэтическое воплощеніе отвлеченной философской мысли...—Можно ли было ожидать, чтобы поэтъ-прасолъ вполнѣ справился съ такой задачей? Добиваясь рѣшенія мудреной задачи, онъ пережилъ сильный кризисъ; казалось, можно было опасаться за его творческую способность; сильно потрясло и на время остановило его творческую дѣятельность глубокое и потрясающее впечатлѣніе, произведенное на Кольцова философскимъ опредѣленіемъ жизни природы. „Долго не могъ онъ,—пишетъ біографъ Станкевича,—обрѣсти того непосредственнаго взгляда на міръ, который составлялъ сущность его поэзіи". Но природа Кольцова претворила новый элементъ. Онъ обратилъ въ свое добро вопросы, возникшіе въ его умѣ, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ нѣкоторыя изъ его думъ, больше половины которыхъ относится къ 1836 и 1837 годамъ.

Съ этого же времени начинаютъ появляться лучшія пѣсни нашего поэта, какъ „Лѣсъ", посвященный памяти Пушкина, „Пѣсни Лихача Кудрявича", „Измѣна суженой" и проч. Особенно плодовитъ былъ 1838 годъ, къ которому относятся: „Деревенская бѣда", „Послѣдній поцѣлуй"; съ

„Бѣгства", написаннаго въ 1839 году, талантъ Кольцова все крѣпнетъ и даритъ поэзію такими пѣснями, какъ „Путь", „Что ты спишь, мужичокъ?", „Хуторокъ", „Такъ и рвется душа" и проч. Кольцовъ - думецъ, если можно такъ выразиться, по примѣру Де-Пуле, —поэтъ-философъ—не только не помѣшалъ, а пришелъ на помощь лирику - пѣсеннику, что стало бы еще яснѣе, если бы въ собраніи стихотвореній Кольцова, изданномъ Бѣлинскимъ, думы были помѣщены между пѣснями въ хронологическомъ порядкѣ, а не выдѣлены въ особый отдѣлъ, какъ сдѣлано нашимъ критикомъ, хотя это дало въ руки орудіе его противникамъ. „Философія, или проще,—знакомство съ философскими началами, даже отрывочное, случайное и неполное, — говоритъ Анненковъ,— оказалось для поэзіи Кольцова тѣмъ благодатнымъ дождемъ, который, повидимому, своимъ паденіемъ придавливаетъ растительность къ землѣ, а послѣ способствуетъ ея росту и живучести". Самъ Кольцовъ предупредилъ это удачное сравненіе, называя думы тучами, говоря въ стихотвореніи: „Поминки", посвященномъ памяти Станкевича, о членахъ его кружка, что „ихъ думы—какъ тучи, ихъ рѣчи горятъ"... Поэзія Кольцова была орошена, оплодотворена философіей кружка, причемъ однимъ изъ плодовъ ея оказалось то замѣчательное соотвѣтствіе идеи съ формою, которое удивляетъ критиковъ, какъ напримѣръ, Стоюнина, справедливо замѣтившаго что у Кольцова нельзя и представить себѣ одно безъ другого, такъ какъ „одно родилось въ другомъ, какъ душа въ тѣлѣ".

## VI.

Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить и того факта, что шеллингіанство имѣло на Кольцова другое вліяніе: онъ,— народный поэтъ-реалистъ, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ думъ является мистикомъ: такъ, мистицизму, хотя и нельзя сказать, чтобъ слишкомъ туманному, несомнѣнно отдалъ дань нашъ народный лирикъ въ своихъ думахъ о „будущемъ природы", о „Божьемъ мірѣ", гдѣ „нѣтъ безсильной смерти, нѣтъ

бездушной жизни", о „Человѣкѣ" съ его любовью и ненавистью, добромъ и зломъ, о „Великомъ словѣ", которымъ огласилась глубокая вѣчность: „То слово—да будетъ!",—наконецъ, о „Вопросѣ": „когда будетъ конецъ брани?", брани духа съ землею, т.-е. съ тѣломъ, земляною глыбою, въ которую „сила неба жизнь вложила"... „Земь не хочетъ быть рабою... Духу жъ неба невозможно съ этой глыбой породниться"...

Буду ль жить я
Въ безднѣ моря?
Буду ль жить я
Въ дальнемъ небѣ?
Буду ль помнить,
Гдѣ былъ прежде?
Что я думалъ
Человѣкомъ?
Иль за гробомъ
Все забуду,
Смыслъ и память
Потеряю?
Что жъ со мною
Тогда будетъ,
Творецъ міра,
Царь природы?...

Съ наивностью непосредственнаго, хотя и сильнаго ума сознается поэтъ, что „въ моемъ толкѣ смыслу нѣту, чтобъ провидѣть дѣла Божьи..." Вмѣсто отвѣта онъ ищетъ утѣшенія въ „Молитвѣ", какъ называется одна изъ лучшихъ думъ:

Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы.
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна!
Что слухъ мой замѣнитъ?
Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?

. . . . . . . . .

Къ этому вопросу нѣсколько разъ возвращается Кольцовъ; имъ задавался и Серебрянскій, когда писалъ въ своихъ „Мысляхъ о музыкѣ“: „Услышу ль я твою гармонію (т.-е. гармонію природы), когда приложусь слухомъ къ землѣ, когда закроюсь безмолвной одеждой могилы? Не умру! Живъ буду! Это слова неба на землѣ“... У Кольцова преобладаетъ, однако, сомнѣніе, вопросительная форма, оставляемая безъ отвѣта, хотя онъ и говоритъ въ „Неразгаданной истинѣ“: „Подсѣку жъ я крылья дерзкому сомнѣнью...“. Но, съ другой стороны, поэтъ думаетъ, что „умъ нашъ не шагаетъ міра за границу...“,—въ послѣднихъ словахъ слышится уже позитивистъ. Позитивизмомъ еще сильнѣе, рѣзче--запечатлѣны слѣдующія строфы думы: „Молитва“:

На крестъ, на могилу,
На небо, на землю,
*На точку начала*
*И цѣли твореній*
Творецъ всемогущій
Накинулъ завѣсу,
Наложилъ печать:
Печать та на вѣки;
Ея не расторгнутъ
Міры, разрушаясь;
Огонь не растопитъ,
Не смоетъ вода!...
. . . . . . . . .
. . . . . . . . .

Трезвый умъ въ связи съ жизнерадостнымъ настроеніемъ въ молодости удержалъ нашего поэта отъ крайностей туманнаго мистицизма. Туманно-загадочными или просто непонятными являются только начальныя строки думы „Божій міръ“: „Отецъ свѣта—вѣчность, сынъ вѣчности—сила; духъ силы есть жизнь: міръ жизнью кипитъ“... Можно догадываться, что здѣсь поэтъ намѣревался выразить натурфилософскую теорію, въ родѣ теорій Павлова или Велланскаго.

Въ виду того, что мистицизмъ сравнительно рѣдко проявлялся у Кольцова, было бы ошибкою придавать особенное

значеніе послѣдней его думѣ, посвященной князю П. А. Вяземскому и написанной въ 1841 году: „Не время ль намъ оставить про высоты мечтать, земную жизнь безславить, что есть иль нѣтъ—желать?“ Въ этомъ стихотвореніи, одномъ изъ послѣднихъ, писанномъ уже въ болѣзни, сказалось не столько отреченіе отъ мистицизма, отъ котораго поэтъ освободился еще раньше, сколько порывъ къ жизни на краю могилы, когда „темна, страшна могила; за далью—мракъ густой... А тутъ дары земные, дыханіе цвѣтовъ“... Если тутъ былъ переломъ, то далеко не такой рѣзкій, какимъ было бы полное отреченіе отъ философіи,—на томъ основаніи, что она приводитъ, будто бы, къ мистицизму. Вѣрнѣе, это былъ естественный переходъ отъ метафизики къ философіи, или отъ алхиміи къ химіи, какъ замѣтилъ Добролюбовъ въ своей біографіи Кольцова, написанной для юношества. Подобно тому, какъ химія многимъ обязана алхиміи, такъ и въ философіи—во главѣ съ философіей искусства, эстетикою—возникла, зародилась лучшая часть поэзіи Кольцова, чѣмъ еще разъ подтверждается на живомъ, наглядномъ примѣрѣ тѣсное взаимодѣйствіе между искусствомъ, поэзіею, съ одной стороны, а съ другой, философіею,—въ частности, такою философіею, какою было шеллингіанство, усвоенное поэтическо-философскимъ кружкомъ Станкевича. Метафизико-мистическій осадокъ не мѣшалъ нашему поэту-философу развивать свою творческую способность, которая расцвѣтала все пышнѣе и пышнѣе.

Но тутъ, въ пору полнаго расцвѣта таланта, Кольцова постигла болѣзнь, которая и свела его въ могилу. Случайности, раздражавшія поэта и человѣка, привели его къ философіи; одна же изъ такихъ роковыхъ случайностей, которыми кишѣла тогдашняя общественная атмосфера, заставила нашего поэта-философа замолкнуть навсегда. Можно только догадываться о томъ, какъ бы развивалась поэзія Кольцова, если бы смерть не унесла его преждевременно въ могилу. Во всякомъ случаѣ, мы должны видѣть въ думѣ: „Не время ль намъ оставить про высоты мечтать“... послѣд-

ней по времени, прощаніе съ алхиміей, метафизическою мистикой, и переходъ къ химіи, къ философіи въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Нужно было вовсе не знать или не понимать, что такое шеллингіанство въ томъ его видѣ, въ какомъ оно понималось въ кружкѣ, чтобы ожидать, что Станкевичъ *уволитъ поэта отъ философіи*. Пусть Кольцовъ наивно сознавался въ письмахъ, что „субъекта и объекта немножко понимаетъ, а абсолюта — ни крошечки, или весьма худо"... все же, какъ художникъ, какъ тонкій психологъ, Кольцовъ все это или, во всякомъ случаѣ, многое изъ этого хорошо чувствовалъ, если не понималъ; не забудемъ, что чрезъ психологію лежитъ главный и самый широкій путь и входъ въ громадный лабиринтъ философіи. Пусть поэтъ путался въ терминахъ, опредѣленіяхъ до того, что въ подобныя минуты имѣлъ видъ нетрезваго, какимъ и показался однажды Никитенкѣ, но не онъ только одинъ, а и большинство шеллингистовъ были восторженными людьми, энтузіастами. Извѣстенъ энтузіазмъ Бѣлинскаго, извѣстно, напримѣръ, его обращеніе къ музыкѣ: „музыка, музыка, чортъ съ тобою!". Серебрянскій, какъ извѣстно, едва не поплатился арестомъ за восторженное чтеніе своей упомянутой выше поэмы на семинарскомъ актѣ: присутствовавшій архіерей принялъ его за нетрезваго; но къ счастью, за него заступился губернаторъ Бѣгичевъ, не безызвѣстный романистъ, – и недоразумѣніе выяснилось. Біографъ Бѣлинскаго, А. Н. Пыпинъ замѣчаетъ, правда, въ одномъ мѣстѣ своей книги, что „философія никакъ не давалась Кольцову, и самъ соборъ (какъ онъ называетъ кружокъ Станкевича) не чувствовалъ, что могъ бы уволить его отъ философіи". Де-Пуле, воспользовавшись недосказанностію этой фразы, подчеркнулъ и переиначилъ ее, причемъ у него вышло, будто «даже біографъ Бѣлинскаго замѣчаетъ, что Кольцова можно было бы уволить отъ философіи".

Между тѣмъ, біографу Бѣлинскаго была хорошо извѣстна переписка Станкевича, напрасно игнорированная біографомъ Кольцова, Де-Пуле. А Станкевичъ писалъ Невѣрову,—какъ

мы уже говорили, большому скептику въ дѣлѣ философіи,— что философія для него „ступень" къ другимъ занятіямъ, и что не столько манитъ его рѣшеніе вопросовъ, которые болѣе или менѣе рѣшаетъ вѣра, сколько самый методъ. „Я,— писалъ Станкевичъ,—еще болѣе хочу убѣдиться въ достоинствѣ человѣка и, признаюсь, хотѣлъ бы убѣдить потомъ другихъ и пробудить въ нихъ высціе интересы". Какъ выразительны, характерны эти мысли по отношенію къ культурному значенію у насъ философіи Шеллинга, а съ другой стороны, какъ подходятъ онѣ къ Кольцову. У Шеллинга теоретически, а у Кольцова практически философія является ступенью къ искусству, къ поэзіи. Какъ Кольцова манило не столько рѣшеніе вопросовъ, сколько смѣлая, пытливая постановка ихъ, такъ и ученіе Шеллинга своимъ порывистымъ стремленіемъ къ лучшему въ наукѣ, въ искусствѣ, въ нравственности убѣждало въ достоинствѣ человѣческаго ума и сердца. Въ другомъ письмѣ, отъ 10 ноября 1835 года, на имя того же Невѣрова, не вѣровавшаго въ философію, Станкевичъ писалъ, что стремленіе къ философіи спасло многое ъ немъ; оно занимало его болѣе, нежели что-нибудь другое, а всякое знаніе казалось ему одностороннимъ, если не имѣло философскаго значенія: „*Гегеля я еще не знаю*,—писалъ въ то время Станкевичъ;—скучны формы, въ которыя заключена философія, но мы потерпимъ за будущее поколѣніе и, можетъ быть, съ Божьей помошью, облегчимъ его трудъ". Въ заключеніе онъ говоритъ, что философія заставитъ его съ большимъ жаромъ изучать исторію и искусства. То, что было обаяніемъ шеллингіанства, то же самое привлекало и къ Станкевичу, волновало сердца и выводило ихъ изъ летаргіи: куда бы этотъ животворящій „*философско-поэтическій*" элементъ ни обращался въ своемъ теченіи, онъ увлекалъ за собою самыя упорныя, самыя лѣнивыя натуры, говоритъ его біографъ. Философская поэзія, особенно Шиллера и Гёте, на которой воспитался Станкевичъ, гармонировала своимъ характеромъ съ поэтическою философіей природы, по ученію Шеллинга. Но въ кружкѣ

Станкевича рано и настоятельно почувствовалась потребность связать все это крѣпкимъ нравственнымъ ученіемъ, которое отодвигалось на задній планъ натурфилософами; между тѣмъ оно стало выдающеюся и самою обаятельною особенностью ихъ русскихъ комментаторовъ и послѣдователей. Станкевичъ и члены его кружка не пренебрегали въ наукѣ и въ философіи тѣмъ, отъ чего отворачивались, какъ отъ скуки, какъ отъ суши, искатели однихъ наслажденій и сильныхъ ощущеній, всякаго рода жуиры. Если тутъ на высотахъ царилъ „умственный холодъ", по выраженію одного изъ новѣйшихъ біографовъ Кольцова, которому осталась, какъ видно, незнакомою переписка Станкевича, то развѣ тотъ холодъ, въ которомъ носятся „думы—тучи", прежде чѣмъ онѣ оросятъ землю теплымъ, благодатнымъ дождемъ. Самъ пламенный В. Г. Бѣлинскій вовсе не былъ „прямою противоположностью" этого „умственнаго холода", какъ думаетъ г. Огарковъ, такъ какъ отсюда, изъ этого кружка, отъ этихъ людей, повторяемъ, вѣяло тепломъ, согрѣвшимъ и нашего геніальнаго критика. Извѣстно, далѣе, что впослѣдствіи сблизились оба московскихъ кружка, враждовавшіе прежде между собою: кружокъ Станкевича, въ которомъ преобладалъ философско-поэтическій элементъ, гдѣ ставились эстетическіе и метафизическіе „вопросы", и другой кружокъ, называвшійся послѣ кружкомъ Герцена и занимавшійся въ особенности соціальными и политическими идеями и идеалами, какіе назрѣвали въ общественной атмосферѣ того времени.

## VII.

Дѣйствительно, несмотря на отвлеченность большей части темъ, подвергавшихся обсужденію и изученію, міросозерцаніе кружка Станкевича увѣнчивалось высокимъ *нравственнымъ ученіемъ,* надъ выработкою и проведеніемъ въ жизнь котораго много потрудились и, можно сказать, „потерпѣли за будущія поколѣнія" главные его участники. Исходною точкой для Станкевича, общею ему со всѣми членами кружка,

служило „чувство всеобщей идеи“, съ помощію котораго онъ пытался, „жаждалъ утвердить на мысли и разумѣ всѣ самыя тонкія психологическія ощущенія“, „узаконить всѣ надежды сердца, стремленія, предчувствія и радости“, говоря словами его біографа. Высшая нравственная обязанность заключалась въ томъ, чтобы „высвободить въ себѣ божественную часть міровой идеи отъ всего случайнаго, нечистаго и ложнаго“ и тѣмъ получить „право на блаженство дѣйствительно разумнаго существованія“. Но такое моральное „блаженство“ достигается не иначе, какъ цѣною упорной борьбы съ случайностями и нелѣпостями жизни, которымъ, какъ извѣстно, этика объявляетъ самую непримиримую, безпощадную войну. И если философія Шеллинга увѣнчивается философіей искусства, увѣнчивается невольно, сама собою, свойственнымъ ей порывомъ, стремленіемъ къ чему-то иному, лучшему, то только русскимъ шеллингистамъ въ кружкѣ Станкевича пришлось съ достаточною энергіей подчеркнуть и развить кроющійся здѣсь этическій элементъ. Только этикою оплодотворяются оба господствовавшія въ кружкѣ начала: философско-метафизическое и философско-поэтическое, при чемъ оба вмѣстѣ сливаются въ тотъ дѣйствительно „животворящій философско-поэтическій элементъ“, который былъ, такъ сказать, воплощеннымъ обаяніемъ, своего рода магнитомъ, для первыхъ членовъ кружка--въ лицѣ Станкевича и отчасти Серебрянскаго, а для всего общества, для ближайшаго и отдаленнаго потомства — есть и будетъ въ лицѣ Бѣлинскаго и отчасти Кольцова. Нравственная жизнь вѣчной идеи заключается, по взгляду Бѣлинскаго, въ борьбѣ между добромъ и зломъ, любовью и эгоизмомъ; такъ же и въ физической жизни борются силы сжимательная и расширительная. Въ примѣненіи къ нравственной жизни послѣдняя соотвѣтствуетъ эгоизму, а первая—альтруизму; мысль эту горячо развивалъ Бѣлинскій въ упоеніи знаменательнымъ и новымъ для той поры признаніемъ, что въ основѣ явленій природы и духа лежатъ одни и тѣ же законы и что не существуетъ пропа-

сти между обоими мірами. Вспомните горячую проповѣдь въ его „Литературныхъ мечтаніяхъ“, въ которыхъ сказались многія задушевныя мысли кружка: „не забывай, что твое безконечное, высочайшее блаженство состоитъ въ уничтоженіи твоего «я» въ чувствѣ любви... Что ты не рѣшаешься? Этотъ *подвигъ* тебя страшитъ, кажется тебѣ не по силамъ? Ну, такъ вотъ тебѣ другой путь; онъ шире, спокойнѣе, легче: люби самого себя больше всего на свѣтѣ... Если ты рожденъ сильнымъ земли, гни твой хребетъ... губи, угнетай, пей кровь и слезы...“ А къ 1833 году относится стихотвореніе Станкевича: „Подвигъ“, въ которомъ выражена та же мысль, воодушевлявшая кружокъ:

Когда любовь и жажда знаній
Еще горятъ въ душѣ твоей,
Бѣги отъ суетныхъ желаній,
Отъ убивающихъ людей.
Себѣ всегда предъ всѣми вѣренъ,
Иди, люби и не страшись!
Пускай твой путь земной измѣренъ —
Съ непогибающимъ дружись!

Вотъ первыя двѣ строфы стихотворенія. Станкевичъ, правда, не блисталъ поэтическимъ талантомъ, но, вѣдь, и муза Кольцова съ трудомъ налаживалась на подобныя темы. Послѣднія три строфы этого стихотворенія Станкевича очень характерны по отношенію къ Кольцову и другимъ членамъ кружка:

Пускай *гоненье свѣта* взыдетъ
Звѣздой злосчастья надъ тобой,
И міръ тебя возненавидитъ:
Отринь, попри его стопой!...
Онъ для тебя погибнетъ, дольній,
Но спасена душа твоя!
Ты притечешь самодовольный
Къ предѣламъ страшнымъ бытія,
Тогда свершится *подвигъ* трудный,
Перешагнешь предѣлъ земной —
*И станешь жизнію повсюдной* —
И все наполнится тобой!...

Разъ кружокъ предъявлялъ къ жизни такія высокія нравственныя требованія, разъ онъ настаивалъ на ихъ важности, требовалъ ихъ осуществленія, понятно, что онъ долженъ былъ стать во враждебныя отношенія къ этой жизни и возбудить въ ней противъ себя реакцію, подвергнуться гоненіямъ съ ея стороны. „Гоненіе свѣта", дѣйствительно, обрушилось на всѣхъ, въ томъ числѣ и на Кольцова въ самую тяжелую минуту его жизни, когда поэтъ медленно угасалъ въ родномъ городѣ, но какъ будто среди чужихъ, покинутый семьей и друзьями, которые отступились отъ него съ нетерпимостью провинціальныхъ муравейниковъ. Положеніе его было тѣмъ тяжелѣе и невыносимѣе, что цѣль жизни, этотъ „подвигъ", никакъ не удавалась ему ни въ буквальномъ, ни въ переносномъ смыслѣ. Тогда какъ Станкевичъ не сомнѣвался, что „подвижникъ", проникнутый всеобщею, вѣчною идею, „станетъ жизнію повсюдною", Кольцовъ спрашиваетъ: „Буду-ль жить я въ дальнемъ небѣ? Буду-ль жить я въ безднѣ моря?..." Въ „Косарѣ" нашъ народный лирикъ прекрасно опоэтизировалъ, правда, удаль земледѣльческаго труда, увлеченіе упорнымъ тяжелымъ трудомъ: здѣсь, какъ и въ другихъ стихотвореніяхъ, изображающихъ поэзію труда, Кольцову приходится быть глубокимъ этикомъ, высоко-нравственнымъ писателемъ. Но это былъ не тотъ подвигъ, какой воплотился въ жизни Бѣлинскаго и Станкевича: перваго, какъ высоко-талантливаго труженика, борца за правду, за свѣтъ, а второго, какъ умнаго, многосторонне образованнаго и высоко развитаго человѣка.

Кольцова мѣтко охарактеризовалъ Валерьянъ Майковъ, назвавъ его лирику поэзіею порыва, страстнаго стремленія къ какому-то неопредѣленному идеалу, неясному для самого поэта; Кольцовъ восклицаетъ: „Такъ и рвется душа изъ груди молодой! Хочетъ воли она, проситъ жизни другой", — онъ не опредѣляетъ, однако, ни этой, ни другой жизни, которая лишь смутно представлялась ему. Поэта, не разъ побывавшаго въ столицахъ, томили провинціальные мракъ и застой; онъ рвался отъ нихъ, не зная, какъ слѣ-

дуетъ, куда идти и на чемъ остановиться. Томительная неизвѣстность будущаго, полное одиночество мучили умиравшаго Кольцова; всѣ покинули его, всѣ забыли о немъ до такой степени, что днемъ смерти поэта до сихъ поръ считается девятнадцатое октября, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, онъ отошелъ въ вѣчность десятью днями позднѣе.

Послѣднимъ интеллигентнымъ человѣкомъ, посѣтившимъ безнадежно-больного поэта, былъ Аскоченскій, товарищъ Серебрянскаго по семинаріи; поэту оставалось жить не дольше двухъ мѣсяцевъ,—онъ говорилъ гостю тихимъ, сиповатымъ голосомъ:—„Боже мой! какъ вы счастливы,—вы учились, а мнѣ Богъ не судилъ... Я такъ и умру—неученый".

А между тѣмъ, по справедливому выраженію Майкова, Кольцовъ, какъ чистый лирикъ, вполнѣ выразилъ свою „исполинскую личность" съ отличавшимъ ее „всестороннимъ развитіемъ потребностей" въ своей поэзіи, проникнутой „необыкновенною дѣльностью и нормальностью". Чуждый крайностей и болѣзненныхъ проявленій раздражительности, поэтъ производилъ впечатлѣніе человѣка, находящагося въ самой равной борьбѣ съ обстоятельствами, сильнаго борца, вполнѣ увѣреннаго въ побѣдѣ.

Трагизмъ положенія Кольцова, какъ человѣка, заключался, какъ мы видѣли, въ несоотвѣтствіи его знаній, умственныхъ пріобрѣтеній—силамъ и способностямъ. Но, вѣдь, онъ и умеръ едва тридцати четырехъ лѣтъ; увѣренность же въ своихъ силахъ была у него такъ велика, что и въ тридцать лѣтъ онъ готовъ былъ всему учиться.

Этимъ стремленіемъ къ знанію, этой любовью къ наукѣ и свѣту Кольцовъ, несомнѣнно, въ значительной степени былъ обязанъ взглядамъ кружка, и въ особенности, его руководителя—Станкевича. Станкевичъ былъ далекъ отъ исключительности во всемъ: и въ философіи, не отдаваясь безраздѣльно отвлеченнымъ логическимъ построеніямъ, и въ искусствѣ, которое не обожалъ до забвенія природы; наконецъ, и за природою, которую любилъ, онъ не забывалъ общества. „Онъ былъ какъ-то дома во всѣхъ этихъ сферахъ

и обращался въ нихъ съ равною свободой", говоритъ его біографъ. Не потому ли Станкевичъ и былъ „человѣкомъ, котораго одно присутствіе настраивало окружающихъ на правду, на презрѣніе къ темнымъ дѣяніямъ грубости и произвола". Какъ велико было обаяніе этой замѣчательной личности, можно убѣдиться изъ того, что (спустя двадцать лѣтъ послѣ вышеприведенной характеристики Станкевича, сдѣланной Анненковымъ) когда появилась книга Де-Пуле, который написалъ множество страницъ въ доказательство вреднаго будто бы вліянія кружка на Кольцова, какъ на поэта-пѣсенника, то и въ ней отдана справедливость Станкевичу. Де-Пуле не сомнѣвается въ неоспоримомъ благотворномъ вліяніи личности Станкевича на Кольцова, какъ и на всѣхъ окружающихъ, но утверждаетъ лишь, что вліяніе это не было ни продолжительно, ни послѣдовательно, и что, во всякомъ случаѣ, личное вліяніе Станкевича надо отдѣлять отъ кружковаго, тенденціознаго. Между тѣмъ, сдѣлать этого нельзя, такъ какъ то и другое переплетаются во многихъ существенныхъ отношеніяхъ самымъ тѣснымъ образомъ. Кружку Кольцовъ обязанъ, въ значительной степени, направленіемъ своихъ лирическихъ порывовъ, всегда чуждыхъ всего грубаго и дикаго, проникнутыхъ вѣрою въ людей, любовью къ нимъ и надеждою на лучшее будущее. Пятидесятилѣтіе со времени смерти Станкевича прошло не отмѣченнымъ въ печати, но память о немъ тѣсно связана съ памятью Кольцова, котораго онъ открылъ для русской литературы. Такое „открытіе" не могло быть случайнымъ, и, дѣйствительно, какъ мы видѣли, оно обусловливается какъ личностію Станкевича, такъ и составомъ кружка, особенностями его главныхъ участниковъ, такъ, наконецъ, и всѣмъ его міросозерцаніемъ *).

**В. Ярмерштедтъ.**

---

*) Напомнимъ кстати, что вліянію Станкевича съ его кружкомъ обязана русская литература и русская критика—тѣмъ, что былъ согрѣтъ, успокоенъ мягкимъ, теплымъ участіемъ и сохраненъ въ жизни, быть-можетъ, на нѣсколько лѣтъ нашъ геніальный критикъ В. Г. Бѣлинскій. Все тотъ же Станкевичъ первый пробился въ эту душу, глубоко отзывчивую ко всему доброму и свѣтлому.

# „Заклинаніе со стрѣлой“ тибетскихъ ламъ.

Заклинаніе это мнѣ пришлось видѣть въ 1889 году въ Кяхтѣ. Оно производилось буддійскими ламами: однимъ монгольскимъ, другимъ бурятскимъ, причемъ послѣдній пользовался молитвой, написанной на тибетскомъ языкѣ. Въ виду того, что какъ монгольскіе, такъ и бурятскіе ламы не употребляютъ другихъ книгъ, кромѣ тибетскихъ, хотя монголы пользуются ими въ переводѣ, заклинаніе и слѣдуетъ считать пришедшимъ изъ Тибета.

Заклинаніе со стрѣлой употребляется въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется что-нибудь отыскать, потерянную или пропавшую вещь преимущественно. Оно заключается въ томъ, что лама даетъ кому-нибудь изъ желающихъ стрѣлу и послѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ приготовленій начинаетъ произносить заклинательную молитву. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ стрѣла начинаетъ дрожать въ рукѣ держащаго и затѣмъ увлекаетъ его, помимо воли и сознательнаго участія, туда, гдѣ находится отыскиваемый предметъ. Понятно, существуетъ множество разсказовъ о томъ, какъ были такимъ образомъ найдены затерянныя или украденныя вещи, часто очень хитро припрятанныя.

Благодаря любезности торгующаго на Кяхтѣ г. А. Я. Нѣмчинова, мнѣ пришлось видѣть это заклинаніе, и то, что я видѣлъ, поразило меня своей простотой и въ тоже время сложностью.

Изъ двухъ пришедшихъ въ гости ламъ сначала сталъ про-

изводить заклинаніе монгольскій лама, но скоро онъ былъ смѣненъ другимъ, бурятомъ, который производилъ заклинаніе въ томъ же домѣ раньше.

Лама, молодой бурятъ, живой, но въ то же время какъ-то безстрастно спокойный, поставилъ передъ собою небольшой столикъ, спросилъ двѣ свѣчи и два блюдечка. Свѣчи требовались только для освѣщенія стола, а на блюдечки онъ положилъ нѣсколько травъ для куренья. Это все, что было нужно. Иногда на столъ ставятся священные предметы, напримѣръ, хонхо, колокольчикъ, употребляемый ламами при богослуженіи, когда онъ находится въ рукахъ у старшаго ламы—ширетуя—вмѣстѣ съ священнымъ жезломъ. Этотъ жезлъ—вачиръ—иногда дается въ руки вмѣсто стрѣлы, иногда только кладется на столъ. Эти предметы, хотя во время богослуженія они употребляются только старшимъ ламой, находятся нерѣдко у монголовъ въ видѣ священныхъ предметовъ вмѣстѣ съ идолами, молитвенными мельницами и пр. на жертвенныхъ столикахъ, и тотъ маленькій колокольчикъ, который я показывалъ на засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества въ 1890 году, былъ купленъ мною въ простой юртѣ. Кромѣ того, на столъ ставятся двѣ или нѣсколько жертвенныхъ чашечекъ. Въ одну изъ нихъ кладутся куренья, въ другую -- наливается вино. Зачѣмъ нужно вино, будетъ видно далѣе. Вѣроятно, нерѣдко ставятся и другіе священные предметы, можетъ быть, идолы и пр. Собственно заклинаніе должно производиться по вполнѣ опредѣленнымъ правиламъ, изложеннымъ въ священныхъ книгахъ, гдѣ указаны также и предметы, которые ставятся на столъ. Правила эти, впрочемъ, не соблюдаются вполнѣ строго, и на столъ ставятся то тѣ, то другіе предметы. Притомъ они не необходимы, потому что для заклинанія, которое я описываю, потребовалось только блюдечко для куреній, которыя скоро сгорѣли и много разъ молитва читалась уже безъ всякой обстановки.

Приступая къ заклинанію, лама далъ въ руки находившемуся въ комнатѣ монголу стрѣлу, которую заставилъ дер-

жать въ правой рукѣ, какъ держатъ долото, слѣдовательно, совершенно удобно и крѣпко, предоставивъ положить руку какъ угодно. Монголъ прислонилъ предплечье къ столу. Лама подставилъ подъ руку блюдечко съ куреньемъ, дымъ котораго сталъ подниматься къ рукѣ мимо стрѣлы. Впрочемъ, черезъ нѣкоторое время, когда просто стало неловко держать руку надъ блюдечкомъ, лама убралъ его. Словомъ, положеніе руки, также какъ и поза, вполнѣ зависѣли отъ держащаго стрѣлу и были вообще удобны. Впрочемъ, большинство присутствовавшихъ, которыя потомъ держали стрѣлу, не старались избирать положенія достаточно удобнаго, что зависѣло отъ непривычки, отъ чувства нѣкотораго стѣсненія, наконецъ, отъ того, что стрѣлу требовалось подержать въ теченіе всего нѣсколькихъ минутъ и мысль о возможности утомленія, повидимому, не приходила въ голову тѣмъ, кто садился за столъ.

Усадивъ держащаго стрѣлу, лама досталъ изъ-за пазухи тетрадку съ написанной въ ней по-тибетски молитвой и началъ читать. Онъ читалъ вполголоса, довольно скоро, но совершенно внятно, съ тѣмъ особеннымъ монотоннымъ оттѣнкомъ, который вообще свойственъ чтенію молитвъ. У монголовъ и бурятъ монотонность чтенія молитвъ вообще гораздо больше, чѣмъ у европейцевъ. Она имѣетъ своеобразный оттѣнокъ и по характеру совершенно напоминаетъ чтеніе какого-нибудь деревенскаго мальчугана, котораго пономарь или солдатъ научилъ читать псалтирь. Тотъ же оттѣнокъ носитъ молитва даже произносимая наизусть, такъ что, когда при мнѣ заставили однажды бурята сказать какую-нибудь молитву, онъ тотчасъ заговорилъ нараспѣвъ и монотонно. Но лама не читалъ нараспѣвъ и монотонность его чтенія была гораздо меньше, чѣмъ мнѣ приходилось слышать напримѣръ, въ кумирнѣ во время богослуженія. Для непредубѣжденнаго человѣка его чтеніе не показалось бы даже монотоннымъ, и наиболѣе правильная характеристика того, какъ читалъ лама, на мой взглядъ заключается въ выраженіи: благоговѣйное чтеніе.

Съ тѣмъ же благоговѣніемъ онъ складывалъ время отъ времени ладони, сближая концы пальцевъ, медленно подносилъ ихъ ко лбу, склоняя голову, и также медленно опускалъ ихъ опять.

Больше онъ не предпринималъ ничего и только изрѣдка пристально взглядывалъ на стрѣлу, которая оставалась совершенно спокойной. Чтеніе продолжалось около 5 минутъ. Стрѣла осталась неподвижной.

Лама сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и такъ же спокойно смотрѣлъ на окружающихъ. Въ его лицѣ нельзя было прочесть ни малѣйшаго смущенія, какъ будто не онъ произносилъ заклинанія и онъ, казалось, просто ожидалъ, чего отъ него потребуютъ далѣе.

Чтобы не тратить напрасно время, позвали бурята Батму, надъ которымъ заклинаніе уже однажды производилось съ успѣхомъ. Батма, самый обыкновенный бурятъ, если и отличался чѣмъ-нибудь отъ своихъ единоплеменниковъ, то развѣ нѣсколько большей смышленостью и развязностью, которую онъ пріобрѣлъ вслѣдствіе частыхъ сношеній съ русскими, среди которыхъ иногда жилъ по цѣлымъ мѣсяцамъ.

Батма усѣлся такъ же, какъ и его предшественникъ. Его лицо, такъ-же какъ и лицо ламы, носило обычное выраженіе. Нельзя было замѣтить никакой перемѣны.

Чтеніе вновь началось. Опять тотъ же тихій речитативъ, то-же прикладываніе рукъ ко лбу. Черезъ нѣсколько минутъ чтеніе окончилось. Батма сидѣлъ по прежнему. Не было ничего, по чему можно бы судить о впечатлѣніи, которое сдѣлало на него чтеніе. Можно было отмѣтить только, что выраженіе его лица и поза остались совершенно безъ всякой перемѣны, но эта неподвижность не имѣла въ себѣ ничего характернаго. Повидимому, онъ не желалъ измѣнять свое положеніе, и только.

Окончивъ молитву, лама спросилъ рюмку водки и снова началъ читать, все тѣмъ же тономъ. Затѣмъ онъ помочилъ въ принесенной водкѣ конецъ безымяннаго пальца и движе-

ніемъ щелчка стряхнулъ нѣсколько капель на стрѣлу. Это былъ первый ясный намекъ на то, что наступилъ уже моментъ, когда стрѣла должна бы начать движеніе, котораго впрочемъ, не послѣдовало.

Постепенно чтеніе измѣняло свой характеръ: оставаясь по прежнему тихимъ, оно становилось быстрѣе и въ то же время утрачивало свою монотонность. По временамъ голосъ ламы какъ бы совсѣмъ замиралъ и затѣмъ неожиданно, сравнительно громко, хотя все-таки вполголоса, онъ произносилъ короткое слово: „цокъ!“ и тотчасъ опять продолжалъ читать. Неожиданно произнесенное первый разъ „цокъ!“ заставило вздрогнуть нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ, но Батма отнесся къ нему довольно равнодушно, по крайней мѣрѣ, наружно. Чтеніе продолжалось, становясь все болѣе торопливымъ.

Наконецъ, стрѣла дрогнула.

Лама все читалъ по прежнему быстро, можетъ быть, еще быстрѣе.

Теперь можно было замѣтить, что Батма не сохраняетъ своего спокойствія. Его лицо выражало удивленіе и испугъ. Онъ не спускалъ глазъ со стрѣлы, которая продолжала вздрагивать и наконецъ воскликнулъ: „пошла!“

Дѣйствительно, его руку какъ будто тянуло впередъ. Но она была уже вытянута совсѣмъ и не могла вытягиваться болѣе; тогда Батма сталъ подниматься со стула. Рука уже не только вздрагивала, но просто билась о столъ.

Лама все продолжалъ свое чтеніе, быстро, насколько это было возможно.

— „Идетъ, идетъ, держите!“—крикнулъ Батма, рука котораго стала совершать быстрыя колебательныя движенія. Понемногу онъ сталъ уже отходить отъ стола.

— „Ну, теперь все перебьетъ, не удержишь“,—сказалъ кто-то.

Мы всѣ уже стояли на ногахъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ схватилъ Батму, надѣясь удержать его руку, но напрасно. Черезъ нѣсколько времени онъ отказался отъ

чрезвычайныхъ усилій, доходившихъ до боли въ рукахъ, такъ какъ рука Батмы качалась съ очень большой силой.

– „Держите, держите!“—говорилъ Батма, рука котораго съ силой стала биться опять о столъ. Ему, видимо, было больно.

— „Не удержишь, надо убрать вещи“, опять было сдѣлано замѣчаніе.

Еще одинъ изъ присутствовавшихъ сдѣлалъ попытку удержать руку Батмы, но опять напрасно.

Я также подошелъ къ Батмѣ и первоначально взялъ руку съ силой, но тотчасъ убѣдился въ безполезности прямой борьбы. Сила его движеній много превосходила мою, и стремиться пересилить его было бы напраснымъ. Да это было и не нужно. Конечно, не въ этомъ былъ интересъ данной минуты. Было лишь любопытно знать, насколько Батма вообще доступенъ внѣшнему вліянію, обратному тому, которое уже произвело свое дѣйствіе и притомъ поддерживалось невольными замѣчаніями присутствующихъ. Я положилъ свою руку на его, просто, безъ всякихъ усилій, предоставилъ ей прыгать подъ толчками его руки и сказалъ скорѣе присутствующимъ, чѣмъ самому Батмѣ: „сейчасъ онъ перестанетъ“. Движенія, дѣйствительно, стали медленнѣе, но далеко не прекратились. Я повторилъ свое замѣчаніе, но черезъ минуту рука стала двигаться опять съ большой силой. Лама все читалъ. Моя рука продолжала лежать на предплечіи Батмы, и еще черезъ нѣсколько секундъ стрѣла выпала изъ его руки. Почти тотчасъ послѣ того его рука перестала совершать свои движенія, онъ схватился за плечо, заохалъ и убѣжалъ изъ комнаты. Одновременно съ тѣмъ, какъ выпала стрѣла, пересталъ читать и лама.

Опытъ окончился, причемъ Батма остался убѣжденнымъ, что, держа на его рукѣ свою, я читалъ въ то же время свои противоположныя заклинанія, вслѣдствіе которыхъ стрѣла и выпала изъ его рукъ, чего не бываетъ обыкновенно, такъ какъ она почти судорожно охватывается держащими ее пальцами.

Стрѣла могла, конечно, выпасть совершенно случайно, если не была достаточно крѣпко захвачена, могло играть нѣкоторую роль и мое вмѣшательство,—это рѣшить почти невозможно, да и не важно, такъ какъ прекращеніе движеній есть обстоятельство второстепенное.

Главный вопросъ заключается въ томъ, чтó заставило руку начать свои движенія и затѣмъ продолжать ихъ съ такою силой и упорствомъ.

При настоящемъ положеніи знаній естественно можетъ возникнуть вопросъ: Какое отношеніе имѣютъ описанныя явленія къ гипнотизму? Нельзя ли считать разсматриваемое явленіе не только родственнымъ, но тожественнымъ съ явленіями гипнотическими? Не видимъ ли мы здѣсь очевиднаго вліянія цѣлаго ряда косвенныхъ внушеній, которыя играютъ такую важную роль въ гипнотизмѣ?

Я полагаю, что отвѣтъ на эти естественные вопросы обнаружится съ достаточною ясностью уже изъ краткаго анализа описаннаго факта.

Что видимъ мы передъ собой?

Одинъ сидитъ со стрѣлою въ рукахъ, другой читаетъ молитву. Этому не предшествуетъ никакихъ приготовленій. Тѣ небольшія приготовленія, безъ которыхъ можно обойтись, какъ обошелся и нашъ лама, вызываютъ только напоминаніе, или лучше сказать, идею о Высшей Силѣ, но это напоминаніе нисколько не больше того, которое вызовутъ стоящія тутъ же изображенія божества. Видъ колокольчика и чашечекъ слишкомъ привыченъ для буддиста, чтобы этому придавать значеніе. Запахъ куренья ничтоженъ и значитъ не больше самой курильницы.

Такимъ образомъ, все, что можетъ дать обстановка, заключается въ нѣсколько болѣе, можетъ быть, серьезномъ настроеніи дѣйствующаго лица, но это еще вѣрнѣе и скорѣе вытекаетъ изъ общаго настроенія присутствующихъ.

Остается молитва. По мнѣнію буддистовъ, по крайней мѣрѣ, низшаго класса, именно молитва и двигаетъ стрѣлу. Такого же мнѣнія склонны держаться и русскіе, съ тою

разницею, что въ случаѣ надобности они могутъ допустить и участіе чорта.

Что касается молитвы, то здѣсь могутъ имѣть значеніе, съ одной стороны, слова, съ другой—характеръ чтенія, монотонность звуковъ, неподвижность чтеца.

Слова остались мнѣ неизвѣстными, и пока я еще не имѣю перевода. Относительно чтенія я уже замѣчалъ, что хоть его и можно было назвать монотоннымъ, но эта монотонность не была чрезмѣрной.

Остается еще вліяніе личности ламы. Несомнѣнно, это вліяніе очень велико. Буддисты въ религіозномъ отношеніи совершенно не просвѣщенны и потому суевѣрны и склонны къ мистическому въ чрезвычайной степени. Притомъ, они до крайней степени невѣжественны. Человѣкъ, читающій книги,—рѣдкость, это почти всегда лама; и не удивительно поэтому, что лама даже низшей степени пріобрѣтаетъ уже большое значеніе въ смыслѣ авторитетности въ рѣшеніи всякихъ вопросовъ, особенно выходящихъ за предѣлы обычныхъ житейскихъ потребностей, и всюду, гдѣ человѣкъ встрѣчается съ явленіемъ природы, начиная отъ рожденія до смерти, лама, и только лама, если не сумѣетъ научить человѣка, все-таки найдетъ соотвѣтствующую молитву или поученія въ своихъ книгахъ. А книгъ великое множество, такъ что они недоступны никакому ламѣ. Къ тому же книги написаны, а не напечатаны и поэтому рѣдки и цѣнны, что внушаетъ уваженіе къ нимъ даже тибетскимъ ученымъ. И чѣмъ меньше начитанъ лама, тѣмъ съ большимъ почтеніемъ относится онъ къ этимъ неизвѣстнымъ ему книгамъ, такъ что самое невѣжество ламы представляетъ моментъ благопріятный для поддержанія слѣпого довѣрія къ нему.

Аффекты заразительны, и благоговѣніе ламы передается его окружающимъ. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается, быть можетъ, больше, чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ.

Такимъ образомъ, казалось бы вполнѣ дозволительнымъ слѣдующее разсужденіе.

Держащій стрѣлу находится подъ впечатлѣніемъ, что долж-

но совершиться нѣчто необыкновенное, что стрѣла потянетъ его руку. Лама своимъ чтеніемъ и всею обстановкой ослабляетъ въ немъ воспріимчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніемъ. Монотонные звуки производятъ нѣчто въ-родѣ слабой степени гипнотическаго состоянія. Образуется какъ бы состояніе моноидеизма. Идея, господствующая въ сознаніи, оставшись безъ контроля ассоціацій, переходитъ въ актъ, что ускоряется отрывочными аффектирующими восклицаніями ламы, его брызганіемъ на стрѣлу, его тономъ глубокаго убѣжденія. Слѣдовательно, говоря кратко, лама загипнотизировалъ Батму, и затѣмъ, подъ вліяніемъ внушеній и самовнушеній, Батма замахалъ рукою.

Но при этомъ необходимо имѣть въ виду слѣдующее:

Гипнотизмъ есть явленіе опредѣленное. Благодаря разнообразію формъ, въ которыхъ онъ проявляется, и большому количеству фактовъ, которые онъ объединяетъ, правильныя границы этого явленія нерѣдко не узнаются. Гипнотическое вліяніе усматривается чуть не ежеминутно вездѣ, гдѣ есть личное взаимодѣйствіе между людьми. Вслѣдствіе этого гипнотизмъ становится явленіемъ слишкомъ общимъ, обнимающимъ чуть не всю психическую жизнь человѣка.

Въ интересахъ правильной классификаціи явленій и, слѣдовательно, болѣе правильнаго ихъ изученія, такой взглядъ меньше всего заслуживаетъ одобренія.

Гипнотическія явленія суть явленія, производимыя искусственно. Это—непремѣнное условіе ихъ характеристики. Подъ вліяніемъ извѣстныхъ, разнообразныхъ воздѣйствій, человѣкъ приходитъ въ особое стойкое физіологическое состояніе, характеризующееся съ психической стороны тѣмъ, что психическая дѣятельность загипнотизированныхъ приходитъ въ болѣе или менѣе полное соотвѣтствіе съ внѣшними вліяніями и преимущественно съ вліяніями, исходящими отъ гипнотизирующаго лица.

Слѣдовательно, гипнотизмъ имѣетъ опредѣленныя границы и опредѣленную характеристику. Это—частное явленіе ду-

шевной жизни человѣка, и за нимъ можно сохранять только частное значеніе.

Между тѣмъ, существуетъ общее свойство психической дѣятельности, включающее въ себя отчасти и гипнотическія явленія, съ опредѣленною характеристикой послѣднихъ.

Это общее свойство есть психическій автоматизмъ.

Такъ называется то свойство психической дѣятельности, вслѣдствіе котораго она совершается, въ предѣлахъ опредѣленнаго психическаго механизма, постоянно, пока присутствуетъ достаточно интенсивная жизнь, и притомъ безъ участія какой-либо непосредственно сознаваемой внѣшней или внутренней причины, кромѣ той, которая обусловливаетъ самое существованіе психической жизни.

Всякій разъ, какъ только сознаніе окружающаго нѣсколько ослабѣваетъ, если только это не происходитъ въ связи съ ослабленіемъ психической дѣятельности вообще, какъ это бываетъ, напримѣръ, при извѣстныхъ отравленіяхъ, при засыпаніи, или въ гипнотическомъ состояніи,—такъ выступаетъ съ большею или меньшею ясностью психическій автоматизмъ.

Достаточно напоминанія о тѣхъ случаяхъ, извѣстныхъ каждому, гдѣ выступаютъ несомнѣнно ускользнувшіе отъ сознанія и отъ вліянія воли акты, совершенные среди ряда другихъ актовъ, вполнѣ отчетливо сознаваемыхъ. Такъ, напримѣръ, если вы идете по хорошо знакомой дорогѣ, то, задумавшись, легко можете повернуть въ знакомый переулокъ, хотя на этотъ разъ и намѣревались идти совсѣмъ въ другую сторону.

Эти автоматическіе акты обыкновенно зависятъ отъ внутреннихъ причинъ, отъ извѣстныхъ, уже существующихъ ассоціацій. Это есть только проявленіе извѣстной части психическаго содержанія—не болѣе.

Если мы возвратимся теперь къ Батмѣ, то увидимъ, что и онъ началъ совершать рядъ движеній, повинуясь, главнымъ образомъ, не внѣшнему вліянію даннаго момента, а тѣмъ идеямъ, которыя уже были въ его сознаніи раньше. Его убѣж-

деніе, что стрѣла его потащитъ, доходило до слѣпой вѣры. Онъ зналъ, что его рука будетъ качаться и что онъ не въ силахъ будетъ ее остановить. Нуженъ былъ только толчокъ, только ничтожное ослабленіе контроля внѣшнихъ чувствъ, и данная группа ассоціацій вступила въ свои права и дала въ результатѣ рядъ движеній Батмы. Толчокъ былъ данъ всей внѣшней обстановкой и чтеніемъ ламы, постоянно поддерживавшимъ идею о движеніи стрѣлы.

Результатомъ обстановки явился аффектъ, который и обусловилъ нѣкоторое пониженіе сознательной дѣятельности вообще, т. е. ослабилъ вліяніе ассоціацій, тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ съ дѣятельностью органовъ чувствъ.

Этотъ аффектъ и былъ главной причиной появленія автоматичныхъ актовъ, т.-е. движенія стрѣлы.

На первый взглядъ можетъ показаться, что тѣ же разсужденія сохранятъ свою силу и съ точки зрѣнія существованія гипнотическаго состоянія.

Идея Батмы создала движеніе. Это—самовнушеніе.

Аффектъ обусловилъ ослабленіе сознательной дѣятельности: это—гипнотизація.

Но мнѣ кажется болѣе правильнымъ воздержаться отъ напраснаго смѣшенія понятій, хотя и представляющихъ только тонкое различіе, потому что изъ различія понятій, характеризующихъ психическій процессъ, вытекаютъ и различные практическіе выводы.

И дѣйствительно, еслибы гипнотическое состояніе играло главную роль въ этомъ и подобныхъ случаяхъ, то можно бы предполагать, что, съ одной стороны, каждый воспріимчивый къ гипнотическому вліянію человѣкъ не удержалъ бы стрѣлу спокойно; съ другой стороны, человѣкъ невоспріимчивый къ гипнотизированію въ прямомъ смыслѣ этого слова, всегда удержалъ бы ее.

Если же гипнотическое состояніе играетъ здѣсь только случайную, второстепенную роль, чего никакъ нельзя отрицать, такъ какъ появленіе его легко возможно,—то стрѣла можетъ пойти у человѣка очень мало воспріимчиваго къ

гипнотизированію собственно и даже невоспріимчиваго совершенно, если таковой найдется; и наоборотъ, она останется спокойной у многихъ воспріимчивыхъ лицъ.

По отношенію къ заклинанію этотъ вопросъ остается открытымъ и можетъ быть окончательно рѣшенъ только наблюденіемъ, но есть большое количество фактовъ, которые заставляютъ считать болѣе вѣроятной именно послѣднюю возможность. На основаніи тѣхъ же фактовъ необходимо строго отличать внушаемость вообще отъ внушаемости въ гипнотическомъ состояніи и отъ способности къ самовнушеніямъ. Наконецъ, подъ самовнушеніемъ слѣдуетъ разумѣть только сознательныя усилія человѣка создать въ себѣ извѣстное внутреннее состояніе и тѣмъ обусловить извѣстныя дѣйствія.

Тѣ же внутреннія состоянія и сопровождающія ихъ дѣйствія, которыя возникаютъ въ человѣкѣ самостоятельно, какъ естественное слѣдствіе предшествовавшихъ психическихъ процессовъ, не могуть быть названы ни внушеніемъ, ни самовнушеніемъ. Это—проявленіе психическаго автоматизма.

И гипнотизмъ есть средство для обнаруженія автоматизма психической жизни. Но это средство не единственное и притомъ не всегда вполнѣ дѣйствительное, по самымъ свойствамъ происходящихъ при этомъ физическихъ измѣненій. Это также средство для того, чтобы пользоваться психическимъ автоматизмомъ въ смыслѣ измѣненія психическаго содержанія, но опять только при извѣстныхъ условіяхъ.

Но есть и другія вліянія, усиливающія внушаемость и обусловливающія наступленіе непроизвольныхъ движеній и дѣйствій, и между этими вліяніями на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить аффективное состояніе человѣка.

Возможно, что гипнотическое состояніе по существу близко къ аффектамъ. Но даже отсюда не будетъ слѣдовать, что аффектъ и гипнотическое состояніе суть понятія тожественныя, хотя бы они и вели къ одинаковому конечному результату, къ яркому проявленію психическаго автоматизма.

Аффектъ есть одно условіе, гипнотическое состояніе—другое. Найдутся и еще условія, какъ напримѣръ, интенсивность отдѣльныхъ ассоціаціонныхъ сочетаній, обыкновенно называемая сосредоточенностью или напряженіемъ вниманія, напряженная дѣятельность отдѣльныхъ органовъ чувствъ. Каждое изъ этихъ условій можетъ вести къ обнаруженію психическаго автоматизма, но каждое изъ нихъ сохраняетъ въ то же время свое самостоятельное значеніе, которое не уменьшается даже тѣмъ, что при соединеніи нѣкоторыхъ изъ этихъ условій ихъ вліянія могутъ суммироваться и даже просто сливаться.

Поэтому я считаю неправильнымъ ставить аффектъ, производимый заклинаніемъ въ зависимость отъ гипнотическаго вліянія и сообщаю объ немъ съ намѣреніемъ обратить вниманіе на явленіе, очень близкое къ гипнотическимъ, происходящее, быть можетъ, при нѣкоторомъ участіи гипнотическаго вліянія, что исключить невозможно, да и не нужно,—но по существу своему не гипнотическое.

Остается еще вопросъ, который мнѣ можетъ быть предложенъ. Именно, стрѣла находитъ потерянныя вещи, что подтверждается многими наблюдателями. Какое значеніе имѣютъ эти утвержденія, и нельзя ли здѣсь искать вліянія мысленнаго внушенія? Этого я не думаю. Впрочемъ, я совершенно не задавался этимъ вопросомъ, потому что рѣшеніе его, требующее чрезвычайной тонкости наблюденій, рѣшительно нельзя было предпринимать въ глубинѣ Азіи, среди чуждаго народа, говорящаго на незнакомомъ языкѣ. Рѣшеніе этого вопроса, въ томъ или другомъ смыслѣ, возможно только при точномъ знаніи обстановки и при возможности измѣнять условія наблюденія по своему желанію.

Ламы практикуютъ не одно только описанное заклинаніе. Ихъ существуетъ много, но большинство изъ нихъ имѣютъ чисто-медицинское примѣненіе, слѣдовательно, обусловливаютъ, если оказываются дѣйствительными, нѣкоторыя внутреннія измѣненія въ организмѣ, о чемъ теперь я совершенно не могу говорить. Упомяну лишь еще объ

одномъ занятіи, о которомъ мнѣ пришлось только слышать и которое ламы практикуютъ въ монастыряхъ: напримѣръ, въ монастырѣ, лежащемъ на дорогѣ между Кяхтой и Ургой. Среди комнаты ставится круглый столъ. Надъ этимъ столомъ вѣшается стрѣла, почти касающаяся его поверхности. Затѣмъ на столъ въ формѣ окружности, имѣющей видъ широкой дорожки, насыпается зола. Ламы садятся вокругъ стола и держатъ его руками. Черезъ нѣсколько времени столъ начинаетъ качаться, причемъ стрѣла задѣваетъ дорожку изъ золы и совершенно отчетливыми тибетскими буквами пишетъ отвѣтъ на поставленный вопросъ.

Самъ я не видѣлъ этого прототипа нашихъ вертящихся столовъ и теперь не буду останавливаться на этомъ, такъ какъ верченіе столовъ уже нашло себѣ достаточное объясненіе.

**А. Токарскій.**

# Къ психологіи микроцефаловъ.

(*Окончаніе.*) *).

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что у нашей микроцефалки существуетъ психическая дѣятельность, и притомъ очень живая, но въ то же время чрезвычайно рѣзко отличающаяся отъ психической жизни нормальныхъ людей. Въ чемъ же заключается главное отличіе ея? Постараемся выяснить, постепенно разбирая, насколько Маша отступаетъ въ своихъ психическихъ проявленіяхъ отъ нормы психическихъ свойствъ человѣка.

Прежде всего мы должны остановиться на томъ, насколько организмъ Маши приспособленъ къ первому акту развитія психической жизни, къ полученію ощущеній. Безъ ощущеній не можетъ развиться психическая жизнь человѣка, и образованіе ихъ составляетъ первый актъ въ процессѣ развитія его психической дѣятельности. Съ этой стороны, Маша, повидимому, не представляетъ никакихъ рѣзкихъ особенностей, такъ какъ всѣ органы чувствъ ея функціонируютъ и чувствительность ея въ отношеніи нѣкоторыхъ родовъ чувствъ довольно тонкая.

Второй актъ въ развитіи психической дѣятельности, въ частности,—ея интеллектуальной сферы, составляетъ образованіе представленій. Что представленія у Маши образуются и хранятся въ запасѣ въ видѣ образовъ воспоминаній,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. У нея, какъ было видно изъ всего предыдущаго, существуетъ много образовъ тѣхъ предметовъ, которые на нее производили впечатлѣніе. Она различаетъ предметы и нѣкоторые изъ нихъ называетъ опредѣленными названіями (ключъ, ротъ,

*) См. кн. 21 «Вопросовъ философіи и психологіи».

носъ, платокъ, столъ и пр.). Но предметовъ, которые имѣютъ опредѣленные словесные знаки, у нея не много. Несомнѣнно, что масса образовъ, которые являются въ ея психикѣ, не имѣютъ опредѣленныхъ названій; на эти образы она реагируетъ различно, смотря по ихъ свойствамъ, но не можетъ ихъ назвать какими-либо словами. Она различаетъ меня отъ сидѣлки, больную отъ сидѣлки, хотя назвать никого не умѣетъ.

Но если и существуютъ у Маши образы, и довольно стойкіе, все-таки ихъ гораздо меньше, чѣмъ у нормальныхъ людей. Самое большое количество впечатлѣній, повидимому, совсѣмъ не вызываетъ въ Машѣ воспріятій—не вызываетъ возстановленія образовъ воспоминанія, и эта масса впечатлѣній проходитъ, не оставляя слѣда въ ея психикѣ. Такимъ образомъ, во второмъ актѣ психическаго развитія мы встрѣчаемся у Маши уже съ рѣзко выраженнымъ уменьшеніемъ тѣхъ психическихъ процессовъ, которые характеризуютъ при нормальныхъ условіяхъ этотъ актъ психическаго развитія, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ интеллектуальной сферѣ. Но это уменьшеніе мы видимъ не только въ интеллектуальной сферѣ, но и въ другихъ: въ сферѣ чувства и воли. Такъ, тому акту, который въ интеллектуальной сферѣ характеризуется образованіемъ представленій, въ сферѣ чувства соотвѣтствуетъ образованіе элементарныхъ чувствованій удовольствія и неудовольствія. Мы видѣли, что и въ этомъ отношеніи Маша представляетъ довольно рѣзкое количественное отличіе отъ нормальныхъ людей. Она, несомнѣнно, испытываетъ эти чувствованія, но все-таки очень многія внѣшнія впечатлѣнія вовсе не сопровождаются у ней чувственнымъ тономъ. Къ громадному большинству предметовъ и внѣшнихъ вліяній она безразлична: дифференцировка чувствованій у нея ничтожна.

Въ сферѣ воли мы видимъ то же самое. Второму акту въ этой сферѣ будутъ соотвѣтствовать движенія, не только координированныя, но составляющія въ своей послѣдовательности двигательныя проявленія, имѣющія видъ какого-либо дѣйствія. О такихъ двигательныхъ проявленіяхъ у Маши мы уже говорили: она одѣвается, продѣлываетъ подражаніе шитью, дѣлаетъ крестное знаменіе, наконецъ, произноситъ фразы. Но всѣ эти дѣйствія крайне однообразны. Въ ея репертуарѣ есть, такъ сказать, только нѣсколько заученныхъ пьесъ, но нѣтъ того разнообразія, того множества поступковъ, которое характеризуетъ дѣятельность нормальнаго человѣка.

Такимъ образомъ, во второмъ актѣ развитія душевной жизни— мы встрѣчаемся у Маши съ крайней бѣдностью ея, съ рѣзкимъ уменьшеніемъ психическихъ продуктовъ, и эта бѣдность въ сферѣ интеллекта выражается въ маломъ числѣ представленій, въ томъ, что масса впечатлѣній, дѣйствующихъ на Машу, совсѣмъ не вызываютъ образовъ воспоминанія, а потому и проходятъ безслѣдно для душевнаго содержанія.

Отъ чего это зависитъ? Несомнѣнно, это находится въ зависимости отъ дефектовъ, существующихъ въ способности впечатлѣній и образовъ—къ сочетанію, къ образованію сложныхъ ассоціацій.

О томъ, что въ извѣстной мѣрѣ ассоціація представленій и вообще элементарныхъ психическихъ актовъ у Маши существуетъ, мы говорили: примѣровъ этого мы видѣли достаточное количество, такъ какъ множество проявленій психической жизни Маши представляютъ явленія сложныя, обязанныя своимъ происхожденіемъ сочетаніямъ представленій и соединенныхъ съ ними двигательныхъ актовъ. Но, какъ мы видѣли, въ сочетаніяхъ этихъ замѣтны рѣзкіе дефекты. У Маши существуютъ ассоціаціи по совмѣстности—и онѣ лежатъ въ основѣ почти всего запаса ея душевнаго содержанія, такъ какъ онѣ крѣпче всего хранятся ея памятью. Гораздо меньше сочетаній по сходству, и хотя нѣкоторыя изъ этихъ сочетаній тоже хранятся памятью, но уже въ гораздо меньшей степени; запасъ такихъ сочетаній не великъ, вслѣдствіе чего и способность узнаванія у Маши очень слабо развита. Но если этихъ сочетаній мало, то все-таки ихъ гораздо больше, чѣмъ сочетаній еще болѣе высокаго порядка, сочетаній, въ которыхъ элементомъ связующимъ должно являться *соотношеніе* предметовъ и явленій,—сочетаній «по смыслу», какъ я ихъ называю. Этихъ сочетаній у Маши *почти* совсѣмъ не происходитъ, что и составляетъ, по моему, самое главное, самое существенное отличіе Маши отъ нормальнаго человѣка, и не только отъ взрослаго, но и отъ ребенка, у котораго уже очень рано мы замѣчаемъ образованіе сочетаній «по смыслу». У Маши мы не видимъ продуктовъ сочетаній «по смыслу», и потому всего того, что обусловливается ими въ психической жизни нормальнаго человѣка, въ психической жизни Маши нѣтъ. Я смотрю на образованіе продуктовъ сочетаній «по смыслу», какъ на третій актъ развитія психической жизни человѣка, дающій

совершенно новый обликъ душевнымъ проявленіямъ, именно—вносящій въ нихъ элементъ „пониманія“ и этотъ-то актъ у Маши почти отсутствуетъ. У нея почти нѣтъ пониманія, нѣтъ понятій, нѣтъ мышленія, нѣтъ смысла во всѣхъ ея чувствованіяхъ и дѣйствіяхъ. Все то, что въ человѣческой жизни обусловливается пониманіемъ, сознаніемъ цѣли, сознаніемъ отношеній, все это у Маши отсутствуетъ, или если и существуетъ, то только въ зачаточномъ состояніи, и вся ея живая психическая дѣятельность—безсмысленна, всѣ ея дѣйствія автоматичны, и сознаніе ея поэтому является лишь простымъ бодрствованіемъ, а не дѣйствительнымъ сознаніемъ, освѣщеннымъ свѣтомъ самосознанія.

Эти особенности, описываемыя нами у Маши, отмѣчаются и другими авторами у всѣхъ микроцефаловъ того типа, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ очеркѣ. Конечно, попадаются малоголовые, т. е. индивидуумы съ крайне малой головой, не представляющіе этихъ особенностей психическаго строя, но они, по всей вѣроятности, принадлежатъ къ другой группѣ малоголовыхъ, у которыхъ малое развитіе костей черепа обусловливается другими причинами и имѣетъ другой патогенезъ, чѣмъ у тѣхъ микроцефаловъ, къ которымъ относится Маша и которые были предметомъ вышеназванной монографіи Карла Фохта. По отношенію къ индивидуумамъ этой послѣдней группы всѣ авторы отмѣчаютъ, что у нихъ пониманіе, если и есть, то ничтожное, а Карлъ Фохтъ прямо утверждаетъ, что у микроцефала этого типа—мышленіе совершенно отсутствуетъ: у него не можетъ быть самостоятельной мысли. Хотя это заключеніе К. Фохта, основанное, впрочемъ, на старательной оцѣнкѣ всего, что извѣстно было ему относительно всѣхъ описанныхъ микроцефаловъ,—слишкомъ категорично, такъ какъ при этомъ не принято во вниманіе, что мы можемъ ошибаться въ оцѣнкѣ психическихъ явленій, наблюдаемыхъ у низшихъ существъ,—но тѣмъ не менѣе, для всякаго объективнаго наблюдателя ясно, что, анализируя психическія проявленія микроцефаловъ этого типа, можно замѣтить рѣзкую разницу по отношенію къ ассоціаціямъ различныхъ категорій: механическія ассоціаціи смежности у нихъ очень развиты, ассоціаціи по сходству существуютъ, но ихъ уже меньше, а ассоціацій «по смыслу» крайне мало или даже почти совершенно нѣтъ.

Вотъ эта-то особенность психическаго строя микроцефаловъ и заслуживаетъ, по моему мнѣнію, большого вниманія психоло-

говъ. Для меня она иллюстрируетъ нѣкоторыя воззрѣнія, касающіяся развитія нашего интеллекта, и подтверждаетъ одно изъ важнѣйшихъ положеній теоретической психологіи, котораго я держусь, а именно—необходимость признанія особой функціи сочетанія идей въ опредѣленномъ направленіи, признанія въ психикѣ человѣка особой *направляющей* функціи.

По отношенію къ развитію нашей интеллектуальной дѣятельности я держусь воззрѣнія, сходнаго съ воззрѣніемъ тѣхъ психологовъ, которые (какъ, напримѣръ, Вундтъ) не довольствуются для объясненія интеллектуальныхъ процессовъ простой ассоціативной теоріей, а считаютъ необходимымъ добавить ее предположеніемъ существованія особой направляющей дѣятельности (активной апперцепціи—по Вундту). По моему представленію, наша интеллектуальная дѣятельность получаетъ первоначальный матеріалъ изъ ощущеній. Благодаря громадному количеству получаемыхъ человѣкомъ ощущеній разнаго качества и различной интенсивности, притомъ различно локализующихся, и благодаря тому, что они не исчезаютъ мгновенно, а оставляютъ слѣды,—ощущенія составляютъ громадный элементарный капиталъ, который и служитъ для развитія дальнѣйшихъ проявленій душевной жизни, и прежде всего—для развитія образовъ предметовъ, или представленій: такъ какъ получаемыя человѣкомъ ощущенія при своемъ появленіи входятъ черезъ посредство богатой ассоціаціонной сѣти нервныхъ волоконъ въ соечтаніе съ хранящимися въ запасѣ слѣдами прежнихъ ощущеній и такъ какъ психическому организму человѣка принадлежитъ непостижимое свойство проэцировать свою дѣятельность во внѣшній міръ, то и являются изъ ощущеній новые элементарные психическіе продукты — *представленія*. Представленія могутъ быть чрезвычайно разнообразны въ зависимости отъ ощущеній, изъ которыхъ они развились; а такъ какъ ощущеній у человѣка множество, то и представленій чрезвычайно много. Они входятъ между собою въ обширныя и многочисленныя сочетанія, черезъ посредство ассоціаціонныхъ волоконъ, и образуютъ множество болѣе или менѣе сложныхъ представленій. Сложныя представленія бываютъ очень разнообразны въ зависимости отъ входящихъ въ составъ ихъ элементовъ и отъ качества ихъ связи, но изъ нихъ особую важность для душевной жизни человѣка имѣютъ тѣ сложныя представленія, которыя называются—*понятіями*.

Я, конечно, разойдусь во взглядѣ со многими профессіональными психологами въ опредѣленіи того, чтó такое понятіе, но я считаю необходимымъ выяснить, что для меня это слово имѣетъ значеніе очень опредѣленнаго продукта психической дѣятельности, притомъ тѣсно связаннаго съ его филологическимъ смысломъ: понятіе должно имѣть въ себѣ элементомъ пониманіе, или попытку пониманія. Это будетъ яснѣе видно изъ слѣдующаго.

Когда я вижу нѣсколько разъ одинъ и тотъ же предметъ и знаю, съ какими другими предметами этотъ предметъ находится *въ соотношеніи*, я не только имѣю образъ этого предмета въ своей душѣ, но и начинаю понимать его значеніе, понимать, чтó составляетъ основной признакъ этого предмета; съ даннымъ представленіемъ сочетается представленіе о смыслѣ, лежащемъ въ основѣ различія предмета, соотвѣтствующаго этому представленію, отъ другихъ предметовъ, о значеніи и цѣли этого предмета. Это я и называю понятіемъ. Напримѣръ, я вижу знакомаго и говорю, что это—человѣкъ. «Человѣкъ» можетъ обозначать и представленіе, и понятіе; это—понятіе, если я подъ нимъ разумѣю не образъ одного человѣка, а основные признаки человѣческаго существа. Возьмемъ другой примѣръ: когда я вижу ключъ, которымъ отпираютъ замокъ, у меня является сочетаніе представленій его формы, блеска тяжести и т. п., и въ концѣ концовъ образуется сложное представленіе ключа. До поры до времени это —только представленіе, хотя и сложное.

Но вѣдь, я могу говорить о ключѣ, и не представляя себѣ формы этого ключа, а имѣя въ виду только смыслъ ключа, т. е. предмета, при помощи котораго можно отворять то, что заперто. Въ этомъ случаѣ, слово «ключъ» будетъ обозначать уже не представленіе, а понятіе. Итакъ, для понятія необходимо, чтобы у меня складывался не только образъ предмета, но была бы, хотя и элементарная, попытка понять его значеніе,—понять, что составляетъ основной признакъ этого предмета, что объединяетъ всѣ составные элементы его. Понятія образуются изъ комбинацій представленій, какъ и всѣ сложныя представленія; а отъ другихъ сложныхъ представленій они отличаются тѣмъ, что въ нихъ связующимъ представленія цементомъ должно служить то, что короче всего можно назвать «осмышленіемъ». Для образованія понятій недостаточно сочетаній по смежности и одновременности

или по одному внѣшнему сходству, а должна быть связь представленій «по смыслу».

Терминъ «связь по смыслу» очень трудно замѣнить какимъ-либо другимъ, хотя я понимаю, что онъ не обозначаетъ ясно того условія, которое я считаю необходимымъ признакомъ «понятія». Его нельзя замѣнить терминами: по «причинной зависимости», по «цѣлесообразности», потому что все это будутъ только частичныя формы тѣхъ соотношеній между предметами, которыя мы опредѣляемъ словомъ «осмышленіе». Мнѣ кажется, что этотъ терминъ будетъ понятнѣе, если я выскажу, что основною задачей осмышленія я считаю объединеніе множества, нахожденіе логическаго единства во множествѣ. Одною изъ функцій человѣческой психики, — функцій, опредѣляемыхъ непреодолимою потребностью нормальной психической жизни и, вѣроятно, основными свойствами психической организаціи нормальнаго человѣка, является исканіе и нахожденіе единства во множествѣ; удовлетвореніе этой потребности даетъ высшія чувствованія: эстетическія, нравственныя и логическія. Эта-то потребность въ приложеніи къ сочетанію представленій и вызываетъ ихъ комбинацію по принципу логическаго объединенія. Какъ только начинаетъ дѣйствовать притягательная сила логическаго объединенія (осмышленія), начинаютъ образовываться и понятія. Актъ этого объединенія есть логическое сужденіе, продуктъ его — понятіе. Если память хороша, то запасъ образовавшихся понятій составляетъ главный капиталъ ума.

Такимъ образомъ, подъ связью представленій «по смыслу» я разумѣю сочетаніе ихъ по принципу логическаго объединенія, сочетаніе въ силу рокового стремленія найти единое во множествѣ. Эти сочетанія иногда могутъ оставаться только попытками къ такого рода объединенію; но если въ нихъ принимаетъ участіе эта всеобъединяющая функція, они будутъ заслуживать названіе «понятій».

Способность къ образованію большого количества понятій и большой запасъ ихъ составляютъ свойство исключительно человѣческаго интеллекта, въ отличіе отъ интеллекта животныхъ, и естественно является мысль, что именно въ человѣческой организаціи лежатъ наиболѣе благопріятныя условія для того, чтобы происходили сочетанія по этой высшей связи, т.-е. по смыслу; столь же естественно искать въ головномъ мозгу человѣка усло-

вій для этого рода сочетаній. Повидимому, условія эти находятся въ энергичной дѣятельности нѣкоторыхъ отдѣловъ мозговой коры, назначенныхъ для того, чтобы давать направленіе сочетаніямъ представленій между собой. Отъ нервныхъ клѣтокъ, залегающихъ въ этихъ отдѣлахъ, исходитъ импульсъ иннерваціоннаго процесса, служащаго субстратомъ сочетанія представленій «по смыслу», благодаря чему и образуются понятія.

Эти отдѣлы начинаютъ проявлять себя у человѣка очень рано; уже въ первые годы жизни нормальнаго ребенка мы замѣчаемъ у него неудержимое стремленіе къ разрѣшенію задачъ, представляющихся ему среди окружающихъ его явленій; оттого дѣти такъ часто и спрашиваютъ: «почему? и зачѣмъ?» Въ этихъ «почему и зачѣмъ» видны основныя свойства человѣческой психики—находить смыслъ въ окружающихъ предметахъ и сочетать замѣчаемыя явленія по ихъ значенію, по ихъ цѣлесообразности, по ихъ причинной зависимости другъ отъ друга. Я говорю: «причинной зависимости, цѣлесообразности»—потому, что все это входитъ, какъ части, въ понятіе «смысла», составляя проявленія роковой потребности логическаго объединенія.

Гдѣ же локализируются эти отдѣлы, въ какой части мозга должны мы искать аппаратовъ, откуда направляются эти импульсы, какіе элементы служатъ для этой направляющей сочетанія функціи? Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только приблизительно. Многими фактами установлено, что ближайшее отношеніе къ умственной дѣятельности имѣютъ полушарія головного мозга и что функціи различныхъ отдѣловъ полушарій не одинаковы, и я не буду подробнѣе говорить объ этомъ. Опыты Гольца, произведенные надъ собаками, привели къ заключенію, что хотя у собаки способность замѣщенія функцій удаленныхъ или разрушенныхъ частей мозга очень велика (вслѣдствіе чего очень часто явленія, развившіяся послѣ операціи удаленія какой-нибудь части, сглаживаются съ теченіемъ времени), но все-таки и его опытами установлено, что задніе и передніе отдѣлы полушарій имѣютъ не одинаковыя функціи. По опытамъ Гольца, при удаленіи у собаки обѣихъ переднихъ долей теряется «умѣнье» производить дѣйствія, при удаленіи же заднихъ—разстраивается способность узнаванія. При отнятіи переднихъ долей съ обѣихъ сторонъ, собака, напримѣръ, не умѣетъ держать кость лапами, не умѣетъ подавать лапу; она не можетъ найтись въ затруднительныхъ положеніяхъ, вяла, тупа. При этомъ у нея остаются привязанности, половая похоть,

сторожливость, злость; она слышитъ, видитъ и обоняетъ. При удаленіи обоихъ заднихъ отдѣловъ полушарій собака сохраняетъ способность держать кость лапами; умѣнья у нея вообще больше, но она не узнаетъ (зрѣніемъ) знакомыхъ людей, дѣлается равнодушна къ угрожающимъ жестамъ, къ плеткѣ. Таковы экспериментальныя данныя; они съ несомнѣнностью доказываютъ не только то, что полушарія имѣютъ отношеніе къ психической дѣятельности, но и то, что функціи различныхъ отдѣловъ полушарій не совсѣмъ одинаковы по отношенію къ психическимъ отправленіямъ: задніе отдѣлы имѣютъ наибольшее отношеніе къ чувствованію и узнаванію, передніе же—къ направленію дѣйствій и къ умѣнью. Задніе отдѣлы имѣютъ больше отношенія къ воспринимаиію, передніе же—къ активности. Это соотвѣтствуетъ и тому, что констатировано многочисленными наблюденіями надъ человѣкомъ, а именно, что въ корѣ заднихъ отдѣловъ мозга находятся центры зрѣнія, слуха и осязанія, тогда какъ центры для движеній, психомоторные центры—находятся впереди.

Отсюда не трудно сдѣлать предположеніе, что тѣ центры, откуда, главнымъ образомъ, исходятъ двигательные импульсы, должны находиться въ переднихъ отдѣлахъ мозга и что, слѣдовательно, въ переднихъ отдѣлахъ мы должны искать и тѣхъ центровъ, отъ которыхъ исходитъ импульсъ, вліяющій на направленіе сочетаній идей; импульсъ къ сочетанію идей есть двигательный актъ, и потому мы должны локализировать его центры въ переднихъ отдѣлахъ мозговой коры. Въ виду этого естественно является предположеніе, что значеніе центра, откуда происходитъ направленіе сочетаній по логическому объединенію, «по смыслу», съ вѣроятностью можетъ быть приписано лобнымъ долямъ или переднимъ отдѣламъ темянныхъ долей, тѣмъ болѣе, что прямые опыты Гитцига и Гольца указываютъ, что удаленіе лобныхъ долей у собаки спеціально вліяетъ на ослабленіе умственныхъ способностей. Благодаря функціи элементовъ, залегающихъ въ лобныхъ или темянныхъ отдѣлахъ, и совершается, можетъ-быть, соединеніе представленій въ силу принципа объединенія, и, благодаря этому, образуются своеобразныя сложныя представленія, называемыя понятіями.

Во избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ однако прибавить, что, если для образованія понятій и необходимъ, по всей вѣроятности, импульсъ, исходящій изъ переднихъ отдѣловъ полушарій, то это не значитъ, что уже образовавшіяся понятія локализиру-

ются только въ этихъ отдѣлахъ, напримѣръ, въ лобныхъ доляхъ. Они локализируются, по всей вѣроятности, во всѣхъ тѣхъ отдѣлахъ коры, въ которыхъ образуются и хранятся всякія представленія, и потому человѣкъ, съ глубокимъ и обширнымъ поврежденіемъ заднихъ отдѣловъ полушарій, будетъ такъ же лишенъ способности къ умственной дѣятельности, какъ и лишенный переднихъ. Для умственной дѣятельности необходимо гармоническое взаимодѣйствіе всѣхъ центровъ психической жизни.

Мысль, что именно въ переднихъ доляхъ нужно искать центровъ, изъ которыхъ исходятъ импульсы для сочетаній «по смыслу», есть, конечно, предположеніе, нуждающееся еще въ подтвержденіи. И вотъ, однимъ изъ подтвержденій этой мысли являются результаты изученія микроцефаловъ. Изъ анализа явленій, представляемыхъ нашей микроцефалкой Машей, мы пришли къ заключенію, что у нея чрезвычайно рѣзко выражается отсутствіе или крайняя бѣдность сочетаній логическихъ, на-ряду съ обиліемъ чисто механическихъ сочетаній, Это уже, само по себѣ, составляетъ весьма важный фактъ, служащій доказательствомъ физіологической раздѣльности этихъ двухъ родовъ сочетаній. Но этотъ фактъ пріобрѣтаетъ еще большее значеніе, когда мы знаемъ, что этому свойству психическихъ явленій соотвѣтствуетъ недоразвитіе опредѣленныхъ отдѣловъ головного мозга. У всѣхъ микроцефаловъ, принадлежащихъ къ типу, описанному Карломъ Фохтомъ, къ которому принадлежитъ и Маша, отмѣчалось крайне слабое развитіе именно переднихъ отдѣловъ полушарій, особенно темянныхъ и лобныхъ долей, и, конечно, этотъ фактъ въ значительной мѣрѣ гармонируетъ со взглядомъ, по которому переднимъ отдѣламъ полушарій, и въ частности лобнымъ (или темяннымъ) долямъ, слѣдуетъ приписать значеніе центровъ, изъ которыхъ исходитъ сочетаніе идей въ опредѣленномъ направленіи, со взглядомъ, утверждающимъ, что тамъ нужно искать исходный пунктъ силы, направляющей умъ.

Изслѣдованіе психологіи микроцефаловъ представляетъ еще много интересныхъ фактовъ, которые могли бы послужить для выясненія или иллюстраціи нѣкоторыхъ психологическихъ воззрѣній, напримѣръ, относящихся до теоріи сознанія, теоріи развитія чувствованій, теоріи вниманія, но и такъ мой очеркъ вышелъ слишкомъ длиннымъ, и я не могу затрогивать такіе важные вопросы. Тѣмъ болѣе, что самое главное, чему насъ можетъ на-

учить изученіе микроцефала съ психологической точки зрѣнія, это, по моему мнѣнію, то, на чемъ я довольно подробно остановился, а именно: это изученіе заставляетъ насъ считать необходимымъ признаніе *физіологической* раздѣльности процессовъ, лежащихъ въ основѣ механическихъ сочетаній и сочетаній логическихъ, т.-е. имѣющихъ цѣлью логическое объединеніе. А физіологическая раздѣльность этихъ двухъ родовъ сочетаній заставляетъ признать существованіе физіологической функціи, направляющей сочетанія въ смыслѣ логическаго объединенія, или, говоря иначе, направляющей функціи ума, *высшей направляющей функціи* *).

Многіе психологи, вмѣстѣ съ Вундтомъ, считаютъ, что для объясненія умственной дѣятельности недостаточно предположенія простыхъ ассоціативныхъ процессовъ, а нужно еще допустить существованіе дѣятельности, имѣющей содержаніемъ своимъ направленіе сочетаній. Это—«активная апперцепція» Вундта. Необходимость допущенія такой направляющей дѣятельности вытекаетъ уже изъ того, что мы не можемъ отрицать у людей самыхъ различныхъ національностей и различныхъ историческихъ періодовъ — единства логики и единства многихъ другихъ высшихъ проявленій душевной жизни, какъ, напримѣръ, нравственнаго императива въ широкомъ смыслѣ этого слова. Для объясненія этого единства недостаточно однихъ механическихъ ассоціацій смежности и одновременности и даже простыхъ сочетаній по внѣшнему сходству,— нужны еще сочетанія по извѣстному, единому для всего рода человѣческаго, направленію. Только признавая существованіе направляющей функціи, и можно объяснить высшія проявленія разума и его единство для всѣхъ нормальныхъ людей.

Я сказалъ, что Вундтъ называетъ функцію, завѣдующую логическими сочетаніями—активной апперцепціей. Я избѣгаю употреблять это названіе, а говорю или просто «направляющая функція», или «направляющая сила ума, или разума». Я это дѣлаю потому,

*) Во избѣжаніе недоразумѣнія, я считаю нужнымъ прибавить, что, признавая физіологическую раздѣльность сочетаній по смежности и сходству отъ сочетаній логическихъ и видя одно изъ основаній для этого различія въ томъ, въ какой степени участвуетъ въ образованіи сочетаній различныхъ категорій— направляющая функція, я однако не хочу сказать, чтобы направляющая функція *совсѣмъ* не вліяла на образованіе сочетаній по смежности и сходству; она вліяетъ на ихъ образованіе, но въ меньшей степени, и именно, меньше всего въ ассоціаціяхъ по смежности, нѣсколько болѣе — въ ассоціаціяхъ сходства.

что Вундтовская апперцепція (сколько я могу понять его нѣсколько туманное изложеніе этого предмета)—есть высшее проявленіе сознательности. Апперцепція его есть приведеніе психическихъ актовъ въ ясный пунктъ сознанія. Правда, съ этимъ соединено и дѣйствіе, и даже мускульное движеніе, и дѣйствіе это заключается въ логическомъ сочетаніи представленій,—но на первомъ планѣ все-таки стоитъ наибольшая ясность сознанія.

Мнѣ кажется, что нельзя такъ соединять двѣ функціи: одну—приведеніе въ ясный пунктъ сознанія, а другую — направленіе сочетаній по принципу логическаго объединенія. Есть факты, служащіе указаніемъ, что сочетанія по этому принципу совершаются и ниже уровня яснаго сознанія. Высшія творческія сочетанія, происходящія во время поэтическаго вдохновенія, совершаются въ силу роковой потребности объединенія и чаще всего безъ отчетливаго сознанія, и только готовый результатъ является въ ясномъ полѣ сознанія, да и то не всегда. То же можно сказать и о сочетаніяхъ, лежащихъ въ основѣ геніальныхъ открытій, художественнаго творчества и высокихъ нравственныхъ дѣяній. Это и заставляетъ меня считать, что «направляющая функція разума» должна быть отдѣлена отъ высшей сознательной дѣятельности, отъ активной апперцепціи, для которой активное вниманіе является главнымъ орудіемъ.

Правда, очень часто эти функціи дѣйствуютъ и развиваются параллельно, но все-таки онѣ не тождественны. Активная апперцепція есть приведеніе психическихъ актовъ въ наиболѣе ясный пунктъ сознанія, а направляющая функція разума есть болѣе широкая и болѣе глубокая дѣятельность, заключающаяся вообще въ сочетаніи идей, чувствованій и стремленій—по опредѣленному направленію. Эта дѣятельность присуща человѣческой организаціи; она есть результатъ спеціальнаго дифференцированія физіологическихъ отправленій нервныхъ центровъ человѣка; она обусловливаетъ образованіе понятій, она обусловливаетъ гармонію высшихъ проявленій разума. Ея дѣятельность можетъ быть и ниже уровня сознанія. Конечно, активная апперцепція пользуется этой общей и глубокой функціей: для приведенія психическихъ актовъ въ ясный пунктъ сознанія необходимо, чтобы была возможность активнаго, произвольнаго сочетанія идей (а именно это и происходитъ при активной апперцепціи); но это только одна часть дѣятельности направляющей функціи ума. Правда, это—часть

очень важная, не только по своему непосредственному значенію для ясности сознаванія, но и потому, что этимъ путемъ дается способъ произвольнаго приложенія направляющей функціи, а это даетъ возможность не только направлять ее для тѣхъ или другихъ цѣлей сознанія, но и стимулировать и развивать ее. Въ произвольномъ вниманіи, обращенномъ на то или другое, мы имѣемъ способъ концентрировать физіологическія функціи именно на этой направляющей дѣятельности и тѣмъ имѣемъ возможность упражнять ее, усиливать и развивать. Отсюда — величайшее значеніе дисциплины активнаго вниманія для каждаго человѣка, отсюда и то, что даже люди очень даровитые, съ обширнымъ запасомъ направляющихъ сочетанія импульсовъ, должны много и активно работать, чтобы ихъ сила не растрачивалась попусту. Насколько активное вниманіе увеличиваетъ проявленіе этой силы, можно видѣть на той же Машѣ, которая была предметомъ этого очерка. У Маши функція, управляющая сочетаніями логическими, крайне слаба; проявленія ея дѣятельности чрезвычайно немногочисленны, но мы видимъ, что и у нея подъ вліяніемъ тѣхъ стимуловъ, которые возбуждаютъ у нея, хотя бы на короткое время, активное вниманіе,—является усиленіе процесса сочетаній по смыслу, являются, хотя очень небольшія, проявленія этого процесса въ видѣ смутнаго сознанія какой-то цѣли, въ видѣ послушанія, хотя и недостаточно осмысленнаго, а иногда даже въ словахъ, наводящихъ на мысль объ существующей, хотя и слабой, разумности.

Въ заключеніе я долженъ прибавить, что признаніе существованія функціи, заключающейся въ направленіи сочетаній по опредѣленному плану, который можетъ быть названъ разумнымъ, — кажется для многихъ уступкой метафизическимъ воззрѣніямъ. Но я совершенно не согласенъ съ этимъ. Разумъ человѣка не есть что-то метафизическое, — это такое свойство психической дѣятельности человѣка, съ которымъ мы имѣемъ дѣло на каждомъ шагу. Правда, мы не можемъ еще дать этому понятію точнаго опредѣленія, но намъ постоянно приходится дѣлать различеніе того, что разумно и что неразумно,—слѣдовательно, непосредственное пониманіе того, что такое разумъ, у насъ имѣется. Для разума, какъ свойства нормальной человѣческой организаціи, мы должны предполагать и субстратъ, и механизмъ, и вотъ, для уясненія этого механизма является почти необходи

мымъ предположеніе направляющей сочетанія функціи. Лишь опредѣленіе сущности того направленія, по которому должны происходить различныя сочетанія, ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ нѣкоторыми метафизическими воззрѣніями, но и оно еще не вводитъ насъ въ ихъ область, такъ какъ здѣсь мы и останавливаемся, ограничиваясь въ этомъ опредѣленіи простой символической формулой: мы говоримъ, что понятіе смысла (когда говорятъ объ осмысленныхъ сочетаніяхъ) уясняется больше всего представленіемъ о нахожденіи этимъ путемъ *единаго во множествѣ*. Несмотря на кажущуюся метафизичность этой формулы, она, однако, не можетъ считаться таковой, потому что является выраженіемъ результатовъ эмпирическаго изслѣдованія и выводомъ, сдѣланнымъ изъ анализа множества проявленій душевной жизни человѣка.

Но если предположеніе существованія направляющей функціи разума и не есть предположеніе метафизическое, а результатъ наблюденій и опыта, тѣмъ не менѣе оно все-таки остается только предположеніемъ, съ которымъ далеко не всѣ психологи-эмпирики могутъ согласиться. Въ виду этого и всякій фактъ, который можетъ намъ уяснить значеніе этой функціи и, тѣмъ болѣе, подтвердить существованіе ея, имѣетъ неоспоримое значеніе. Къ такимъ фактамъ принадлежатъ, по моему мнѣнію, и данныя, добываемыя изученіемъ микроцефаловъ.

**С. Корсаковъ.**

# Недоразумѣнія во взглядахъ на основанія геометріи *).

Мм. гг.!

Среди многочисленныхъ открытій, изслѣдованій и теорій, которыми такъ богата научная лѣтопись истекающаго столѣтія, весьма видное мѣсто принадлежитъ тѣмъ чрезвычайно любопытнымъ и оригинальнымъ математическимъ изысканіямъ, которыя представляютъ собою обобщеніе основныхъ положеній и дальнѣйшихъ выводовъ науки о пространствѣ. Первая мысль о подобнаго рода изслѣдованіяхъ принадлежитъ Гауссу и, по его собственному свидѣтельству, восходитъ къ концу прошлаго столѣтія (къ 1792 году). Самъ Гауссъ, высказавшій нѣсколько краткихъ указаній въ перепискѣ съ астрономомъ Шумахеромъ, ничего не издалъ по этому предмету; первыя напечатанныя изслѣдованія въ этой новой отрасли математическихъ знаній принадлежатъ нашему соотечественнику, казанскому профессору Лобачевскому, котораго память чествовалась русскимъ обществомъ и всѣмъ ученымъ міромъ два съ половиною мѣсяца тому назадъ по случаю столѣтія со дня его рожденія. Лобачевскій въ продолженіе тридцати лѣтъ, начиная съ 1826 года, до самой своей смерти въ 1856 году, продолжалъ заниматься новою задачей, которая имъ впервые была разрѣшена во всей полнотѣ и съ замѣчательною силой и послѣдовательностію мысли. Онъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ старался придать своимъ изслѣдованіямъ болѣе совершенную форму и большую убѣдительность;

*) Рѣчь, читанная на послѣднемъ общемъ собраніи IX-го Съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ 11-го января 1894 г.

но, за исключеніемъ Гаусса, никто изъ современныхъ ему ученыхъ не обратилъ вниманія на его труды, а также и на сходные по содержанію и выводамъ труды Вольфганга и Іоганна Боліаи—двухъ венгерскихъ ученыхъ того же времени. Дѣло оставалось въ такомъ положеніи до конца шестидесятыхъ годовъ, когда ближайшій изъ учениковъ Гаусса, талантливый математикъ Риманъ, поднялъ тотъ же вопросъ, придавъ ему несравненно большую общность; статья Римана и появившіяся вслѣдъ за нею изслѣдованія Гельмгольца привлекли всеобщее вниманіе ученыхъ; съ того времени быстро развилась обширная литература по этому предмету, и въ настоящее время ученіе о непрерывныхъ многообразіяхъ составляетъ весьма значительный и важный новый отдѣлъ математическаго анализа. Русская ученая литература обязана признательностію Казанскому Физико-Математическому Обществу за изданіе къ столѣтнему юбилею Лобачевскаго перевода на русскій языкъ важнѣйшихъ основныхъ сочиненій по этой новой отрасли математики въ видѣ сборника подъ общимъ заглавіемъ: «Объ основаніяхъ геометріи».

Общія изысканія о непрерывныхъ многообразіяхъ несомнѣнно представляютъ глубокій интересъ и существенную важность, какъ со стороны аналитическихъ пріемовъ, помощью которыхъ разрѣшаются относящіеся сюда вопросы, такъ и по тѣмъ болѣе общимъ точкамъ зрѣнія, съ которыхъ эти изслѣдованія даютъ возможность смотрѣть на геометрическія соотношенія въ дѣйствительномъ пространствѣ. Но нельзя не замѣтить, что мнѣнія почти всѣхъ ученыхъ о критическомъ и реформирующемъ значеніи этой новой теоріи многообразій для науки о дѣйствительномъ пространствѣ и преимущественно для ея начальныхъ основаній едва ли могутъ быть признаны свободными отъ недоразумѣній и преувеличеній. Настоящая рѣчь имѣетъ цѣлію указать на нѣкоторыя наиболѣе распространенныя изъ этихъ недоразумѣній; позволяю себѣ думать, что такой предметъ, несмотря на его незначительность и сухость, на отсутствіе въ немъ всякаго блеска и эффекта, не будетъ признанъ неумѣстнымъ въ собраніи лицъ, соединенныхъ здѣсь прежде всего стремленіемъ къ истинѣ.

Почти всѣми геометрами, начиная съ Гаусса, занимавшимися новыми вопросами о многообразіяхъ, высказывалась съ большею или меньшею опредѣленностью та мысль, что этими новыми математическими изслѣдованіями совершенно измѣняются прежнія

воззрѣнія на достовѣрность начальныхъ положеній общепринятой Евклидовой геометріи, и что дѣйствительное пространство можетъ обладать совсѣмъ другими свойствами, чѣмъ мы привыкли думать до сихъ поръ. Если это такъ, то, принимая въ соображеніе, что задача науки заключается не въ однихъ только отвлеченныхъ логическихъ упражненіяхъ, и вдумываясь въ глубокое, коренное значеніе началъ геометріи для всѣхъ нашихъ знаній о внѣшнемъ мірѣ, мы должны бы прійти къ заключенію, что этимъ знаніямъ грозитъ полное разрушеніе, что въ нихъ все должно быть перестроено отъ самыхъ основаній, причемъ только одинъ математическій анализъ, силою котораго должна совершиться эта грандіозная реформа, остался бы неприкосновеннымъ. Однако, мы видимъ, что въ наукѣ ничего столь страшнаго не происходитъ: на ряду съ новыми взглядами продолжаютъ мирно существовать и старая геометрія, и старая механика, и физика, и всѣ другія науки. Очевидно, тутъ есть недоразумѣніе, которое, по моему мнѣнію, объясняется очень просто: новыя математическія изысканія о многообразіяхъ не только не измѣнили, но и не могли измѣнить прежнихъ основаній геометріи, потому что они ихъ вовсе не касались и не могли касаться. Для объясненія сказаннаго я долженъ войти въ нѣкоторыя подробности.

Въ «Началахъ Евклида»,—первомъ систематическомъ трактатѣ геометріи, появившемся слишкомъ 2100 лѣтъ тому назадъ и представляющемъ удивительный для такой глубокой древности и для перваго шага въ наукѣ образецъ силы и ясности сужденія,—приняты за основаніе двѣнадцать положеній, называемыхъ аксіомами. Эти положенія, а также и три сопровождающіе ихъ постулата, приведены у Евклида безъ всякихъ объясненій относительно ихъ обязательной силы и происхожденія. Это—истины, съ которыми всякій, приступающій къ изученію геометріи, долженъ согласиться вслѣдствіе ихъ непосредственной очевидности. Изъ 12 аксіомъ только четыре выражаютъ собою свойства, исключительно принадлежащія пространственнымъ протяженіямъ; остальныя относятся столько же къ протяженіямъ, сколько и къ отвлеченнымъ числамъ, т.-е. къ величинамъ вообще. Знаменитая въ исторіи науки XI-я аксіома, формулирующая необходимость встрѣчи перпендикуляра и наклонной, болѣе, чѣмъ остальныя аксіомы Евклида, имѣетъ видъ теоремы, т.-е. вызываетъ желаніе вывести ее изъ какихъ-либо другихъ положеній, обладающихъ

въ большей степени непосредственною убѣдительностію. Попытки замѣнить эту XI-ю аксіому другими, болѣе очевидными истинами встрѣчаются уже въ древности и продолжаются до настоящаго времени. Ровно сто лѣтъ тому назадъ начальная геометрія была тщательно переработана французскимъ геометромъ Лежандромъ, трудамъ котораго мы обязаны хорошо всѣмъ намъ знакомою формою изложенія, преобладающею въ современныхъ учебникахъ геометріи. Замѣтимъ кстати, что эта форма изложенія, представляя по сравненію съ «Началами Евклида» несомнѣнное улучшеніе системы и значительное упрощеніе предмета, къ сожалѣнію, устранила изъ нашего учебнаго курса многія существенно важныя и глубокомысленныя идеи и разсужденія древняго первоучителя. Лежандру и его современнику Бертрану, изъ Женевы, принадлежатъ наиболѣе извѣстныя доказательства XI-й аксіомы, которыя, какъ и должно быть, сводятся къ замѣнѣ этой аксіомы другими, равносильными ей положеніями. Я не могу указать, когда и гдѣ въ первый разъ высказана была неправильная мысль, будто бы эти попытки имѣли цѣлію чисто логическій выводъ XI-й аксіомы изъ остальныхъ аксіомъ Евклидовой геометріи, а не пріисканіе на ея мѣсто другого, болѣе очевиднаго, предложенія. Однако, въ разсматриваемомъ нами новомъ научномъ движеніи, котораго начало относится къ тому же самому времени, вся аргументація въ пользу отрицанія XI-й аксіомы и въ пользу права замѣнить ее предложеніемъ болѣе общимъ сводится исключительно къ указанію на безплодность усилій доказать эту аксіому изъ остальныхъ. Дѣло представляется, слѣдовательно, въ такомъ видѣ: Евклидъ установилъ извѣстную систему аксіомъ; его послѣдователи придавали имъ, не измѣняя сущности и смысла, другія формы выраженія и, между прочимъ, замѣняли XI-ю аксіому равнозначащими съ ней допущеніями. Конечно, отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что XI-ю аксіому, или какую угодно другую, должно признать невѣрною или излишнею. Аксіомы, по самому своему понятію, какъ истины первоначальныя, не могутъ сами обосновываться чисто логически; для ихъ признанія должно существовать какое-либо иное основаніе; въ данномъ случаѣ это основаніе есть непосредственная очевидность. Если смотрѣть на геометрію только какъ на рядъ математическихъ умозаключеній, то будетъ совершенно безразлично, примемъ ли мы за исходныя положенія истины, безспорныя по своей очевидности, или, на-

противъ, такія предложенія, которыя прямо несогласны съ нашими пространственными представленіями; необходимо только, чтобы эти положенія не противорѣчили другъ другу; при этомъ условіи правильно выведенныя слѣдствія, во всякомъ случаѣ, будутъ представлять систему предложеній, не заключающую въ себѣ никакихъ логическихъ противорѣчій. Если за основныя положенія будутъ избраны обобщенія аксіомъ Евклидовой геометріи, то само собою разумѣется, что выведенная система слѣдствій будетъ заключать въ себѣ геометрію Евклида, какъ частный случай, какъ разъ соотвѣтствующій возвращенію отъ обобщенныхъ аксіомъ къ ихъ первоначальной частной формѣ. Такова именно такъ называемая, не-евклидова геометрія, или геометрія псевдосферическаго пространства, выведенная Лобачевскимъ изъ обобщенія XI-й аксіомы. Подобнымъ же образомъ возникли позднѣе ученія о сферическомъ и Римановомъ пространствѣ, о пространствахъ съ перемѣнною кривизною и о пространствахъ со многими измѣреніями. Со временемъ появятся, вѣроятно, теоріи пространствъ, въ которыхъ Пиѳагорова теорема не имѣетъ мѣста даже для безконечно-малыхъ разстояній, пространствъ съ дробнымъ числомъ измѣреній и т. п. Подобныя математическія изысканія могутъ быть не только весьма любопытны, но и существенно полезны во многихъ отношеніяхъ: ими, съ одной стороны, вызывается разработка новыхъ аналитическихъ пріемовъ; съ другой стороны, полученные результаты находятъ примѣненіе въ разныхъ отдѣлахъ математики и въ свою очередь являются усовершенствованными орудіями изслѣдованія. Они могутъ быть очень полезны и для геометріи, потому что, представляя собою обобщеніе геометрическихъ соотношеній, могутъ указывать на такія зависимости и связи между предложеніями геометріи, подмѣтить которыя безъ ихъ помощи было бы невозможно, и такимъ образомъ могутъ открывать новые пути для изслѣдованій о дѣйствительномъ пространствѣ.

Но во всемъ этомъ не видно и намека не только на опроверженіе или критику, но даже на какое-либо отношеніе этихъ математическихъ изысканій къ тѣмъ основаніямъ, изъ которыхъ геометрія почерпаетъ свою безспорную достовѣрность. Здѣсь оказывается возможнымъ только одно, и притомъ прямо обратное, критическое отношеніе: является именно вопросъ, насколько могутъ быть согласованы съ требованіями очевидности начальныя

положенія и выводы новыхъ математическихъ теорій. Для того, кто признаетъ законность требованій очевидности и не считаетъ ихъ заранѣе иллюзіями, отвѣтъ можетъ быть только одинъ: всякое измѣненіе существеннаго смысла аксіомъ должно приводить къ заключеніямъ, не согласующимся съ нашими дѣйствительными пространственными представленіями. Такъ называемыя, пространства четырехъ и большаго числа измѣреній, дающія поводъ ко множеству чрезвычайно интересныхъ, остроумныхъ и заманчивыхъ разсужденій, совсѣмъ недоступны для нашего представленія и потому никакой очевидности имѣть не могутъ. Что касается различныхъ видовъ трехмѣрнаго многообразія, отличающихся отъ Евклидова пространства, то непримиримость ихъ съ требованіями очевидности безъ труда обнаруживается какъ въ основоположеніяхъ, такъ и въ дальнѣйшихъ выводахъ.

Итакъ, математическія изслѣдованія о многообразіяхъ ничему не могутъ насъ научить въ вопросѣ о геометрическихъ аксіомахъ, ничего не могутъ сказать ни за, ни противъ ихъ достовѣрности. А потому—мысль о критическомъ значеніи этихъ изслѣдованій и о томъ, будто бы ими опровергнута признававшаяся до сихъ поръ достовѣрность основаній геометріи, есть логическая ошибка и недоразумѣніе, проистекающее отъ того, что математики съ недостаточнымъ вниманіемъ и осторожностію, а иногда и съ пренебреженіемъ относятся къ вопросамъ о характерѣ и источникѣ истинъ, лежащихъ въ основаніи математическаго знанія.

Въ тѣсной связи съ этимъ находится другое недоразумѣніе, относящееся къ вопросу о происхожденіи аксіомъ и о возможности убѣждаться въ ихъ истинѣ посредствомъ опытной повѣрки.

Допустивъ равноправность какихъ угодно положеній въ качествѣ основаній геометріи, лишь бы они были удобны для математической обработки, нѣкоторые изъ представителей новаго ученія пришли къ заключенію, что вопросъ о томъ, какія аксіомы лежатъ въ основаніи геометріи дѣйствительнаго пространства, можетъ быть рѣшенъ только посредствомъ внѣшняго опыта.

Въ этомъ мнѣніи слышится отголосокъ и чувствуется вліяніе эмпирическихъ и матеріалистическихъ воззрѣній, которыя въ наукѣ текущаго столѣтія составляютъ самое слабое мѣсто и самый тяжкій грѣхъ, коснувшійся наконецъ въ этомъ пунктѣ и

ясной области математическаго знанія. Я говорю здѣсь объ основномъ догматѣ эмпиризма, заключающемся въ отрицаніи духовной сущности сознанія и духовнаго бытія вообще. Мечтая о возможности такого отрицанія, послѣдователь эмпиризма уподобляется человѣку, который сталъ бы отрицать всякій смыслъ написаннаго или напечатаннаго на бумагѣ на томъ безспорномъ основаніи, что этого смысла нельзя открыть никакими микроскопическими или химическими изслѣдованіями бумаги и чернилъ. Для всякаго, кто допускаетъ возможность познанія, кто признаетъ обязательную силу логики и хотя какое-нибудь различіе между истиною и заблужденіемъ, несостоятельность этого отрицанія доказана уже давно, и доказана не какими-нибудь туманными, сомнительными философствованіями, но съ полною математическою строгостію и непререкаемою убѣдительностію. Знать объ этомъ для людей науки болѣе необходимо, чѣмъ знать первыя правила ариѳметики.

Существенныя черты понятія о внѣшнемъ опытѣ выясняются при разсмотрѣніи коренного различія объектовъ, непосредственно данныхъ въ нашемъ сознаніи, отъ тѣхъ, которые вносятся въ сознаніе въ видѣ показаній о внѣшнемъ мірѣ, доставляемыхъ намъ внѣшними чувствами. Эта существенная разнородность объектовъ знанія сказывается самыми ясными и опредѣленными признаками. Чувственныя воспріятія съ принудительною силой удостовѣряютъ насъ въ существованіи какого-то чуждаго намъ, загадочнаго и полнаго тайнъ матеріальнаго міра, постиженіе котораго составляетъ неисчерпаемую задачу и неотразимую привлекательность естествознанія. Но эти данныя чувственнаго опыта, именно вслѣдствіе ихъ чуждаго происхожденія и неустранимаго несовершенства доставляющихъ ихъ орудій, никогда не могутъ имѣть той безусловной достовѣрности и точности, какая свойственна идеальнымъ показаніямъ разума, на которыхъ зиждется, между прочимъ, и математическое познаніе. Въ свою очередь математическія науки, имѣя характеръ чисто умозрительный, не утверждаютъ и не могутъ утверждать никакого матеріальнаго бытія; но онѣ становятся необходимыми при стремленіи къ болѣе полному—а тѣмъ болѣе научному—уразумѣнію опытныхъ данныхъ, дѣлающихся предметомъ точнаго изслѣдованія не иначе, какъ послѣ предварительнаго упрощенія, обобщенія и идеализаціи. Лучшимъ свидѣтельствомъ разнородности умозрительныхъ

и опытныхъ объектовъ знанія можетъ служить то обстоятельство, что въ научномъ языкѣ нѣтъ слова, выражающаго понятіе столь неясное и неопредѣлимое, какъ слово «вещество» или «матерія», а между тѣмъ слово это существенно необходимо для выраженія именно того чуждаго элемента, который вносится въ наше сознаніе путемъ внѣшняго опыта. Напротивъ того, пространственныя представленія понимаются нами въ совершенной полнотѣ и съ идеальною ясностію, будучи, такъ сказать, вполнѣ и насквозь проницаемы для нашего ума. Всякое опытное знаніе представляетъ собою очень сложное сплетеніе умозрительныхъ и чисто-опытныхъ элементовъ, которые ясно распознать и раздѣлить можно только посредствомъ весьма тщательнаго и осмотрительнаго анализа.

Лобачевскій думалъ, что можно непосредственными измѣреніями угловъ въ очень большихъ треугольникахъ убѣдиться, равна ли сумма этихъ угловъ полуокружности, или нѣтъ. Онъ даже дѣйствительно производилъ такую повѣрку въ треугольникахъ, вершинами которыхъ были два положенія земли и одна изъ неподвижныхъ звѣздъ, параллаксъ которой считался извѣстнымъ. Подобныя измѣренія не могли, само собою разумѣется, привести ни къ какому результату, такъ какъ самый планъ наблюденій построенъ былъ на логической ошибкѣ, которая называется ложнымъ кругомъ; дѣло въ томъ, что параллаксъ звѣзды, предполагаемый извѣстнымъ, опредѣляется на основаніи повѣряемой аксіомы какъ разъ изъ тѣхъ наблюденій, которыя, по мнѣнію Лобачевскаго, должны эту аксіому повѣрять.

Но Лобачевскому вовсе не нужно было производить новыхъ измѣреній: астрономы уже давно и неоднократно встрѣчались съ треугольниками, не удовлетворяющими требованіямъ Евклидовой геометріи; но это именно несогласіе повело ихъ не къ измѣненію аксіомъ геометріи, а къ открытію рефракціи, аберраціи, собственнаго движенія звѣздъ и т. д. Только при безусловномъ довѣріи къ началамъ геометріи могли быть сдѣланы эти и многія другія, можетъ быть даже всѣ безъ исключенія, открытія въ наукѣ о природѣ. Если бы мы имѣли возможность перенестись съ нашими инструментами въ центры Сиріуса и Полярной звѣзды и, произведя измѣреніе угловъ громаднаго треугольника: Земля—Сиріусъ—Полярная, нашли бы даже сумму, отступающую отъ двухъ прямыхъ, то вывели бы конечно изъ этого факта не

поправку началъ геометріи, а либо новые, неизвѣстные до сихъ поръ законы распространенія свѣта, либо какія-нибудь другія причины замѣченнаго отступленія. Да и уноситься на звѣзды нѣтъ никакой надобности: измѣренія на земной поверхности также давали и даютъ результаты болѣе или менѣе уклоняющіеся отъ требованій геометріи; по этимъ уклоненіямъ геодезисты судятъ, однако, не о степени вѣрности XI-й аксіомы Евклида, а о степени вѣрности своихъ инструментовъ и, когда встрѣчаются съ отклоненіями, выходящими за предѣлы ошибокъ, то открываютъ рефракцію лучей свѣта въ нижнихъ слояхъ атмосферы и т. п. Все, что мы до сихъ поръ знаемъ относительно внѣшней природы и ея законовъ, уже предполагаетъ аксіомы геометріи и существенно на нихъ основывается, такъ что, во всякомъ случаѣ, не въ опытѣ слѣдуетъ искать поводовъ для ихъ измѣненія. Съ другой стороны, опытныя данныя сами по себѣ, вслѣдствіе неизбѣжнаго недостатка точности, настолько податливы, что всегда могутъ быть приноровлены и къ не-евклидовой, и ко всякой другой геометріи, а изъ этого еще съ большею ясностію обнаруживается, что достовѣрность аксіомъ не можетъ ни подтверждаться, ни опровергаться посредствомъ опытной повѣрки.

Имѣя въ виду сказать также нѣсколько словъ о воззрѣніяхъ Римана, приведу здѣсь небольшую, относящуюся къ занимающему насъ предмету, цитату изъ его статьи: «О гипотезахъ, лежащихъ въ основаніи геометріи» *):

«Многократно протяженная величина можетъ обладать различными метрическими соотношеніями, и пространство поэтому является только нѣкоторымъ особеннымъ случаемъ трекратно-протяженной величины. Необходимымъ же слѣдствіемъ отсюда будетъ то, что теоремы геометріи не могутъ быть выведены изъ общихъ понятій о величинѣ, но что тѣ свойства, которыми отличается пространство отъ другихъ мыслимыхъ трекратно-протяженныхъ величинъ, могутъ быть выведены только изъ опыта».

Въ этихъ словахъ не только указывается, но и мотивируется необходимость выводить изъ опыта всѣ свойства, которыми пространство отличается отъ другихъ трехмѣрныхъ многообразій. Изъ общихъ понятій о величинѣ можетъ быть выведено сколь-

---

*) «Объ основаніяхъ геометріи». Казань, 1893 г., стр. 67.

ко угодно самыхъ разнообразныхъ многообразій; съ другой стороны, какъ сказано было ранѣе, опытъ можетъ быть также согласованъ съ самыми разнообразными предположеніями; кромѣ того, одинъ опытъ можетъ приводить къ однимъ, а другой—къ другимъ свойствамъ пространства; нынѣшній опытъ можетъ завтра замѣниться другимъ, болѣе совершеннымъ, который снова заставитъ перемѣнить принятыя гипотезы. Такимъ образомъ, наука, древнѣйшая по происхожденію, болѣе чѣмъ двадцать одно столѣтіе не возбуждавшая сомнѣній и лежащая въ основаніи всѣхъ другихъ наукъ, наука Архимеда и Ньютона, ставится въ какое-то комическое положеніе неустойчивости и это именно въ томъ XIX вѣкѣ, когда эта старая наука сдѣлала такъ много успѣховъ, обогатившись болѣе простыми и самостоятельными способами изслѣдованія и вылившись въ особенно стройную, изящную форму. Теперь всякому предоставляется имѣть собственную геометрію и мѣнять ее по мѣрѣ надобности. Всѣ разработанныя до сихъ поръ математическимъ анализомъ геометріи имѣютъ ту особенность, что онѣ въ очень малыхъ частяхъ пространства совпадаютъ съ геометріею Евклида. Самому Риману, какъ это видно изъ послѣднихъ параграфовъ его статьи, нравилась другая, еще не получившая развитія, геометрія, которая допускаетъ различныя свойства пространства въ очень близкихъ точкахъ его, но такъ, чтобы въ среднемъ, для всякаго конечнаго объема, выходила справедливою старая Евклидова геометрія. И всѣ эти странныя, неправдоподобныя вещи приходится читать и слышать по поводу основаній самаго простого и яснаго изъ всѣхъ нашихъ знаній. Неужели это не есть недоразумѣніе? Не особенно трудно и здѣсь усмотрѣть, въ чемъ оно состоитъ и откуда проистекаетъ.

Риманъ, какъ видно изъ приведенной цитаты, признаетъ два источника точнаго знанія, именно—опытъ и общія понятія о величинѣ, т.-е. математическій анализъ. Но съ этимъ воззрѣніемъ не согласятся ни сторонникъ, ни противникъ опытнаго происхожденія геометрическихъ аксіомъ. Математическій анализъ, безъ сомнѣнія, самъ въ концѣ концовъ опирается на какія-нибудь основныя истины; какъ онъ ни осложняется обиліемъ условныхъ символовъ и обобщеній, онъ, однако, нисколько не представляетъ изъ себя безвыходнаго лабиринта формальныхъ умозаключеній, въ которомъ окончательно потеряна нить, ведущая къ точкамъ исхода. Весь вопросъ заключается въ томъ, что это за

истины, на которыхъ основывается анализъ. Чистый эмпирикъ скажетъ, что эти истины сами должны истекать изъ опыта, и признаетъ умозаключеніе Римана или логической ошибкой, или тавтологіей, ибо, съ точки зрѣнія эмпирика, аксіомы геометріи должны основываться на опытѣ не потому, что онѣ не вытекаютъ изъ анализа, а потому, что всякое знаніе, будетъ ли это геометрія или анализъ, не можетъ, по его мнѣнію, имѣть другого источника. Противникъ эмпиризма потребуетъ указанія тѣхъ первоначальныхъ положеній, на которыхъ основывается достовѣрность анализа, и спроситъ объясненія, почему же аксіомы не могутъ имѣть своимъ основаніемъ тѣ же, или другія, столь же достовѣрныя, первоначальныя истины; отвѣтомъ же на этотъ вопросъ можетъ быть только признаніе непосредственной очевидности, равно необходимой для принциповъ какъ геометріи, такъ и анализа. Риманъ, не приводя объясненій, причислилъ пространство къ трехмѣрнымъ протяженіямъ; любопытно бы было знать, опытъ ли, или что другое, служило ему для этого основаніемъ.

Итакъ, вѣрованіемъ въ опытное происхожденіе геометріи ее можно только разрушить, лишить достовѣрности, опредѣленности и точности, но никакъ не утвердить основы, на которыхъ она зиждется.

Послѣ сдѣланныхъ замѣчаній о недоразумѣніяхъ, встрѣчающихся во взглядахъ на основанія геометріи, передъ нами возникаетъ вопросъ, гдѣ же въ самомъ дѣлѣ причина ихъ неоспоримой достовѣрности, что́ такое эта непосредственная ихъ ясность и очевидность? Пытаясь дать отвѣтъ на это, мы чувствуемъ себя какъ бы у преддверія всякаго знанія, у того источника, изъ котораго непосредственно почерпаются начала знанія; мы какъ бы находимся въ томъ пунктѣ, откуда въ одну сторону открывается передъ нами внѣшній міръ явленій, а въ другую—глубина нашего духа, область мысли съ ея логическими законами, область сознанія и духовнаго созерцанія. Въ этомъ пунктѣ и находимъ мы искомую очевидность, и эта очевидность есть именно пространство,—пространство, не какъ слово или отвлеченное понятіе, но какъ живое, дѣятельное представленіе въ нашемъ умѣ. Мы имѣемъ дѣло съ простѣйшимъ умственнымъ актомъ, не допускающимъ ни сомнѣній, ни доказательствъ. Если отъ меня требуется объясненіе сказаннаго, то я могу только обозначить

описательно путь, приводящій къ этому умственному усилію, или акту, предоставляя доброй волѣ слушателя послѣдовать этому пути и въ дѣйствительности пережить сказанный умственный процессъ.

Я обращаюсь къ той, всѣмъ близко знакомой и постоянно упражняемой способности нашей, которую называютъ воображеніемъ, созерцаніемъ, пространственнымъ представленіемъ (Anschauung) и которую было бы вѣрнѣе всего называть умозрѣніемъ, если бы послѣднее слово не употреблялось въ иномъ значеніи. Эта способность представлять и воображать себѣ внѣшніе предметы и явленія, въ какой бы ни находилась она зависимости отъ испытанныхъ нами или унаслѣдованныхъ чувственныхъ воспріятій, во всякомъ случаѣ неизмѣримо шире и разнообразнѣе, чѣмъ наблюденіе дѣйствительности; она ни въ малой степени не подчинена никакимъ физическимъ законамъ, нимало не стѣснена ни размѣрами и разстояніями, ни временемъ. Можно сказать, что она безусловно подчинена законамъ математическимъ, и это совершенно вѣрно, но происходитъ это только потому, что именно математическіе законы и составляютъ ея существенную принадлежность, ея, такъ сказать, основное свойство. Пользуясь этою способностію, мы безъ всякаго затрудненія можемъ мысленно устранить всѣ безъ исключенія матеріальные предметы внѣшняго міра, представить себѣ, что они исчезли, уничтожились, такъ что ничего вещественнаго не осталось. Тогда передъ нашимъ умственнымъ взоромъ предстанетъ образъ безграничной, безконечной, непрерывной, повсюду и по всѣмъ направленіямъ однообразной пустоты, того абсолютнаго простора, который оказывается необходимою средою и вмѣстилищемъ всѣхъ внѣшнихъ явленій и всѣхъ нашихъ представленій и который носитъ названіе пространства. Это есть чистое, никакимъ внѣшнимъ чувствамъ недоступное и отъ нихъ совершенно не зависящее представленіе, съ совершенною полнотою и ясностію открытое для нашего ума. Все, что мы вполнѣ отчетливо усматриваемъ въ пространствѣ, имѣетъ для насъ непосредственную достовѣрность и очевидность. Только благодаря представленію пространства, мы имѣемъ ясныя понятія о раздѣльности и непрерывности, о числѣ и величинѣ, о томъ, что̀ есть цѣлое и что̀ часть, что̀ больше и что̀ меньше и т. д. Какъ аксіомы геометріи, такъ и первыя положенія ариѳметики и анализа получаютъ характеръ безспорныхъ

истинъ только чрезъ представленіе пространства. Въ сущности, аксіомы геометріи представляютъ собою замѣну описанія свойствъ, принадлежащихъ непосредственно усматриваемымъ простѣйшимъ формамъ двухъ и одного измѣренія, т.-е. плоскости и прямой линіи, имѣющихъ съ самимъ пространствомъ одинаковые основные признаки: безконечность, непрерывность и тождество во всѣхъ частяхъ. Въ научной обработкѣ геометріи эти основныя формы служатъ элементами для построенія всѣхъ другихъ пространственныхъ формъ, чѣмъ и объясняется возможность свести изученіе ихъ къ чисто-логическому выводу слѣдствій изъ аксіомъ и опредѣленій. Аксіома, соотвѣтствующая XI-й аксіомѣ Евклида, имѣетъ назначеніемъ формулировать вышеупомянутыя свойства полнаго безразличія и единообразія, принадлежащія плоскости и прямой линіи, и это можетъ быть достигнуто различными формами выраженій той же мысли. По моему мнѣнію, напримѣръ, всего лучше можно бы было замѣнить XI-ю аксіому указаніемъ на несуществованіе въ пространствѣ обязательной, изъ самой сущности пространства вытекающей, линейной единицы мѣры, т.-е. параметра, причемъ было бы совершенно ясно видно существенное различіе между мѣрою прямыхъ линій и угловъ. Въ сущности, та же самая мысль очень кратко и мѣтко выражена Гауссомъ *) въ видѣ положенія: «въ Евклидовой геометріи ничто не велико абсолютнымъ образомъ»; но Гауссъ, упомянувшій объ этомъ въ письмѣ къ Шумахеру, гдѣ онъ излагаетъ и отстаиваетъ принципы не-евклидовой геометріи, призналъ это совершенно вѣрное положеніе иллюзіей.

Ограничимся этими немногими намеками, такъ какъ говорить объ этомъ здѣсь съ бóльшими подробностями было бы неумѣстно.

Такимъ образомъ, геометрическія представленія и ихъ законы имѣютъ чисто - умственное происхожденіе и именно отъ этого обладаютъ идеальными качествами точности и достовѣрности. Геометрія имѣетъ особое, въ высшей степени важное значеніе для науки о внѣшней природѣ вслѣдствіе того, что геометрическія формы представляются намъ въ томъ же пространствѣ, въ которомъ находятся и объекты внѣшняго опыта,—особенность, не принадлежащая понятіямъ отвлеченнымъ.

---

*) «Объ основаніяхъ геометріи». Казань, 1893 г., стр. VIII.

Встрѣчаясь съ непобѣдимыми противорѣчіями при объясненіи изъ опыта чисто-умозрительныхъ и идеальныхъ основъ математическаго знанія, эмпирики второй половины нашего вѣка стали вводить въ свои разсужденія нѣкоторую поправку: не настаивая болѣе на необходимости, чтобы каждый изъ собственнаго опыта пріобрѣталъ себѣ геометрическія воззрѣнія, стали говорить, что эти воззрѣнія вырабатываются долговременнымъ путемъ накопленія опытовъ въ предшествующихъ поколѣніяхъ и передачи ихъ потомству по законамъ наслѣдственности. Но эта поправка едва ли что-нибудь поправляетъ: какую бы особую первобытную мудрость мы ни приписывали нашимъ отдаленнымъ предкамъ, для насъ все-таки останется совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ они могли извлекать изъ опыта то, что для нашего современнаго сознанія никоимъ образомъ изъ опыта извлечено быть не можетъ. Останется неяснымъ и то, какимъ образомъ предки, жившіе, надо полагать, какъ и мы, подъ такимъ же круглымъ сводомъ неба, замѣчавшіе, какъ и мы, что все, что кажется прямымъ на близкомъ разстояніи, при удаленіи неизбѣжно искривляется по линіи горизонта, наблюдавшіе, что съ удаленіемъ предметы становятся меньше и меньше,—какимъ образомъ они не выработали себѣ геометрическихъ воззрѣній, наиболѣе согласующихся съ этими ближайшими и постоянными опытными данными, а пришли къ Евклидовскимъ воззрѣніямъ, на первый взглядъ нисколько этими данными не указываемымъ. Еслибъ я былъ въ силахъ хотя въ какой-нибудь степени уяснить себѣ смыслъ трактуемаго объясненія, я, можетъ быть, не соглашался бы съ нимъ, считая его неправдоподобнымъ, или недостаточно доказаннымъ; но мнѣ приходится сознаться, что я его совсѣмъ не понимаю, какъ не понимаю представленія четырехъ измѣреній, или утвержденія, что дважды-два—не четыре. Говорю о своемъ непониманіи совершенно искренно и правдиво; если кто-нибудь такъ же правдиво скажетъ, что непонятое мною для него ясно, то мнѣ останется только признать, что въ самомъ дѣлѣ не коснувшаяся меня эволюція мысли за послѣдніе два-три десятка лѣтъ подвинулась настолько, что разоблачила и уяснила то, что для меня представляется необъяснимымъ. Я долженъ положить оружіе, оставаясь по совѣсти, хотя бы совершенно одинокимъ, при своихъ устарѣлыхъ мнѣніяхъ.

Если возможны недоразумѣнія и заблужденія даже въ такой

простой области познаній, какъ науки математическія, то въ необозримой, чрезвычайно разнообразной и сложной области естествовѣдѣнія для мысли представляется, безъ сомнѣнія, еще болѣе опасности попасть на ложный путь неправильныхъ выводовъ и незаконныхъ обобщеній. Въ эту область, гдѣ опытъ доставляетъ и матеріалъ для научнаго изслѣдованія и средство для контроля гипотезъ и теоретическихъ выводовъ, гдѣ глубина замысла, остроуміе и искусство въ производствѣ опыта составляютъ высокое умственное наслажденіе естествоиспытателя и нерѣдко его славу, въ эту область чаще всего проникаютъ тлетворныя воззрѣнія эмпиризма, которыя, унижая достоинство человѣка отрицаніемъ его духовной природы, стремятся сдѣлать его рабомъ матеріи. Для всякаго безпристрастно мыслящаго человѣка эмпиризмъ опровергается строго логическими доказательствами, но еще болѣе возмущается противъ него нравственное чувство, такъ какъ отрицаніемъ духовнаго бытія уничтожается единственная прочная опора нравственности и подавляются всѣ высшія идеальныя стремленія человѣка.

Наука и истинное знаніе не должны быть рабами опыта; они должны надъ нимъ господствовать и заставить его служить своимъ задачамъ. Вѣрно то, что наука должна руководиться не матеріальными, а идеальными стремленіями; но еще вѣрнѣе то, что она основывается не на матеріальныхъ, а на идеальныхъ началахъ. Высшія качества науки—это ясность, простота и искренность или добросовѣстность мысли; свѣточъ науки—это идеалъ истины. Но наука есть только одна изъ сторонъ духовнаго бытія и жизни человѣка; тотъ же идеалъ истины является съ другихъ сторонъ, то какъ идеалъ красоты и гармоніи, то какъ идеалъ добра и чести, правды и человѣколюбія; это одинъ и тотъ же идеалъ, — тотъ, передъ которымъ мы всѣ, безъ различія возрастовъ и положеній, безъ различія взглядовъ и убѣжденій, безъ различія заслугъ и талантовъ, благоговѣйно преклоняемся, какъ передъ идеаломъ божественной мудрости и любви!

**В. Я. Цингеръ.**

# Вопросы познанія въ области физическихъ наукъ *).

«Каждый вѣкъ имѣетъ свои нужды и стремленія, ему присущія способности и силы. То, что въ данный моментъ представляется осторожностью и похвальною сдержанностью, позднѣе становится чрезмѣрною робостью. То, что въ данную эпоху должно казаться смѣлостью и самонадѣянностью, въ другую покажется мудростью и справедливымъ сознаніемъ силы. При быстромъ прогрессѣ науки бываетъ полезно и даже необходимо сдѣлать остановку на нѣсколько мгновеній, осмотрѣться и мысленно измѣрить какъ путь уже пройденный, такъ и путь еще предстоящій».

Эти слова, произнесенныя Жоффруа-Сентъ-Илеромъ въ 1841 г.**), могутъ быть приложены и къ нашему времени.

Теоріи, перешедшія къ намъ изъ болѣе или менѣе близкаго прошлаго, созданныя для раздѣльныхъ классовъ явленій, остановились въ своемъ развитіи, смущенныя нивеллирующими законами взаимной превращаемости явленій. Онѣ удерживаются въ наукѣ, благодаря потребности человѣческой мысли группировать факты около идей, и ждутъ или своихъ замѣстителей, или отвода новаго мѣста въ области познанія. Факты, умножающіеся съ съ каждымъ днемъ, колеблютъ и ученія, выросшія на почвѣ современности.

Въ такое время возникаютъ сомнѣнія въ возможности практическаго выполненія научнаго идеала, стремящагося установить гармонію между потребностями человѣческой мысли и требова-

*) Рѣчь, произнесенная на первомъ общемъ собраніи IX Съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей (въ Москвѣ) 4-го января 1894 года.

**) Предисловіе къ сочиненію «Essais de Zoologie générale».

ніями точной науки. «Конечная цѣль научнаго знанія,—говоритъ Гельмгольцъ, — заключается въ изысканіи постоянныхъ причинъ явленій. Здѣсь не идетъ рѣчи о томъ, всѣ ли факты могутъ быть сведены къ такимъ причинамъ,—иными словами, всегда ли природа доступна нашему пониманію,—или же въ ней происходятъ перемѣны, которыя, ускользая отъ законовъ необходимости, принадлежатъ къ области произвола, свободы. Но можно утверждать, что наука, ставящая своею цѣлью пониманіе вселенной, должна допускать эту постижимость; она должна, исходя изъ этой гипотезы, продолжать свое дѣло хотя бы для того, чтобы пріобрѣсти не подлежащую сомнѣнію увѣренность въ ограниченности нашей познавательной способности». Такимъ образомъ, основною гипотезой физическаго знанія ставится предположеніе, что законы природы сообразованы съ законами нашего мышленія, что вселенная раціональна.

Но на запросы, вытекающіе изъ такого воззрѣнія, наука, опирающаяся на факты, отвѣчаетъ часто символомъ, не поддающимся раціональному объясненію. Отсюда исходятъ два одинаково законныхъ теченія научной мысли—раціонализмъ и символизмъ. Познаніе въ различныя эпохи склоняется то въ ту, то въ другую сторону: условія равновѣсія обоихъ теченій намъ не открыты, и только на эмблемахъ XVII столѣтія разумъ и опытъ идутъ въ согласіи.

Эта мысль выясняется и слѣдующими словами Жоффруа-Сентъ-Илера: «Уже много лѣтъ двѣ школы, оказавшія неисчислимыя услуги, раздѣляютъ умы; двѣ школы, которыя можно охарактеризовать немногими словами, одну—почти исключительнымъ изысканіемъ фактовъ путемъ наблюденія; другую — непрестаннымъ стремленіемъ къ обобщенію и отвлеченію.

«Первая—позитивная школа, по ея собственному опредѣленію, робкая школа — предпочитаетъ факты идеямъ... Вторая школа, систематическая, или прогрессивная и философская, подчиняетъ, напротивъ того, наблюденіе—отвлеченію.

«Эти два направленія, одинаково похвальныя и прекрасныя, могутъ быть преувеличены. Одни пренебрегаютъ фактами ради выводовъ, другіе впадаютъ въ противоположную крайность. Иногда возводятъ въ общіе законы природы результаты небольшого числа наблюденій, желаютъ охватить всѣ факты импровизированными теоріями и теряются въ неопредѣленныхъ отвлеченіяхъ;

другіе отбрасываютъ, какъ праздныя дедукціи, наиболѣе установленные факты: для нихъ существуетъ только то, что они могутъ видѣть своими глазами.

«Позитивная школа доказала необходимость построенія научнаго знанія на незыблемой почвѣ наблюденія и фактовъ... Мы должны опасаться скорыхъ обобщеній, изгнать окончательно изъ науки неопредѣленные взгляды, наименьшее неудобство которыхъ — въ томъ, что они прикрываютъ наше невѣжество и пробѣлы, которые мы стремились бы наполнить при другихъ условіяхъ».

Орудіе научной мысли, работающей на пути исканія истины, обоюдо-острое: созидая новое, или останавливаясь на старомъ, оно непрестанно испытываетъ ихъ своими лезвіями. Научныя системы падаютъ; но, разрушаясь, онѣ не исчезаютъ безслѣдно: на ихъ обломкахъ строятся теоріи болѣе совершенныя и долговѣчныя. Такое паденіе системъ вызываетъ нерѣдко сомнѣнія, которыя, повышаясь, захватываютъ и вопросы о задачахъ и предѣлахъ познанія. Мы не имѣемъ критерія для ихъ разрѣшенія, и намъ остается, исторически освѣщая эпоху, уяснить себѣ смыслъ подобныхъ запросовъ и тѣмъ самымъ предугадывать ближайшія судьбы научной мысли.

Эти судьбы, въ наше время, волнуютъ не тѣсный кружокъ профессіональныхъ ученыхъ: съ каждымъ годомъ становится очевиднѣе, что главное русло человѣческой мысли лежитъ въ наукѣ, а потому все болѣе сознается настоятельная потребность въ сопоставленіи внѣнаучнаго мышленія съ научнымъ. Не такъ тѣсенъ и самый кругъ профессіональныхъ ученыхъ: его предѣлы не могутъ быть точно обозначены; они все болѣе и болѣе стираются временемъ. На нашихъ глазахъ сбывается предсказаніе, идущее къ намъ изъ далекаго XVII-го столѣтія. Въ эту отдаленную эпоху Бэконъ Веруламскій провозгласилъ человѣка жрецомъ новаго научнаго культа вселенной, испытывающаго ее въ ея глубинахъ, охватывающаго въ ея неисчерпаемомъ разнообразіи, въ ея подавляющемъ величіи, не отдаваясь ни призрачнымъ фантазіямъ Востока, ни тонкостямъ греческой софистики и средневѣковой схоластики.

Одни факты, безъ гипотезъ и теорій, получали, по ученію Бэкона, первостепенное значеніе; это повышеніе цѣнности наблюденія не только плодотворно вліяло на пріобрѣтеніе достовѣрныхъ знаній, но оказало наукѣ и человѣчеству еще другую не-

оцѣненную услугу: святая святыхъ, считавшаяся доступною только генію, открывалась каждому, способному къ правильному наблюденію,—и тысячи тружениковъ, соразмѣрно своимъ силамъ, стали собирать матеріалы для величаваго научнаго зданія!

---

Семнадцатое столѣтіе передало намъ типическія формы двухъ направленій физическаго знанія. Онѣ характеризуются словами Вольтера, содержащими и сужденіе восемнадцатаго вѣка:

«Гипотеза есть признакъ генія и въ то же время признакъ заблужденія. Начинать съ гипотезы это значитъ ставить идею, почерпнутую въ насъ, на мѣсто вещей, это значитъ выводить изъ такой идеи то, чѣмъ должна быть дѣйствительность. Это все равно, какъ еслибы мы означили на картѣ еще неизвѣстные истоки потока, по воображаемому теченію котораго мы желаемъ плыть къ его устью; между тѣмъ, мы не болѣе какъ странники, стоящіе у этого устья, обязанные еще восходить по теченію, чтобы дойти до истоковъ».

Восходя отъ устья—сложнаго явленія—по теченію, мы достигаемъ мѣстности намъ недоступной: истинные истоки остаются намъ неизвѣстны; мы говоримъ условно: здѣсь, гдѣ мы остановились, начинается потокъ; измѣримъ скорость его водъ, размѣры русла и этими данными, съ помощью законовъ механики и математическаго анализа, объяснимъ теченіе. Условно принятое нами начало потока съ величинами, его характеризующими, представляетъ собою символъ,которымъ мы объясняемъ совокупность явленій. Такимъ символомъ будетъ, напримѣръ, представленіе о тяготѣющихъ другъ къ другу частицахъ матеріи. Школа, руководящаяся въ познаваніи природы намѣченными принципами, называется Ньютоніанской, и на ея знамени начерчены слова безсмертнаго Ньютона: «hypotheses non fingo» (я не выдумываю гипотезъ). Символы Ньютоніанской школы извѣстны: взаимно тяготѣющія частицы матеріи, взаимно дѣйствующія электрическія и магнитныя жидкости, свѣтовая и тепловая матерія. Эти символы такъ же, какъ и построенныя на нихъ теоріи, стоятъ рядомъ, безъ внутренней связи, до первой четверти нашего столѣтія. Характерныя черты Ньютоніанской школы мы находимъ у Бэкона и еще ранѣе у Леонардо-да-Винчи. «Опытъ—говоритъ онъ—объясняетъ пріемы природы; онъ никогда не обманываетъ насъ; наши заклю-

ченія часто приводятъ къ заблужденію, потому что мы ожидаемъ послѣдствій, которыя противоположны опыту. Мы должны сообразоваться съ опытомъ, измѣняя условія, пока не выведемъ изъ него общихъ законовъ, ибо, поступая только такимъ образомъ, мы находимъ истинные законы... Мы должны начинать съ опыта и черезъ него восходить къ общимъ принципамъ».

Но у Вольтера намѣченъ и другой путь: идею, почерпнутую въ насъ, ставить на мѣсто вещей. Среди такихъ именно идей лежатъ и основы раціональнаго объясненія вселенной. По этому пути идетъ Декартъ, поставившій себѣ, какъ говоритъ физикъ Біо, великую задачу—свести всѣ естественныя явленія на простое развитіе законовъ механики.

Физика Декарта основывается на двухъ элементахъ: веществѣ и движеніи. Для обхода символическихъ свойствъ вещества мы должны принимать матерію единой по своей сущности, недѣятельной и инертной.

Передача движенія совершается только толчкомъ и при соприкосновеніи,—гипотеза, допускаемая въ современной теоріи газовъ. Вмѣсто силъ, дѣйствующихъ на разстояніи, являются движенія тонкой матеріи, наполняющей все пространство, — эѳиръ современной науки.

Роль вещества заключается въ воспріятіи и передачѣ движенія. Если движеніе уменьшается или прекращается въ одной формѣ, оно является въ другой: количество движенія во вселенной неизмѣнно. Въ этихъ положеніяхъ, несмотря на иную формулировку, скрыто современное ученіе о сохраненіи вещества и энергіи.

Всѣ физическія явленія вызываются движеніями. «Потирая руки, — говоритъ Декартъ,—мы ихъ согрѣваемъ, и всякое тѣло можетъ быть нагрѣто безъ огня, только подъ условіемъ, чтобы ему были сообщены сотрясенія, которыя привели бы въ движеніе его малѣйшія части, а эти послѣднія сообщали бы его такимъ же частямъ нашихъ рукъ». Два столѣтія послѣ Декарта современные физики не говорятъ ничего болѣе опредѣленнаго о движеніяхъ, вызывающихъ тепловое ощущеніе. «Я предполагаю, — говоритъ Декартъ, — существованіе безчисленнаго множества разнообразныхъ движеній, вѣчно присущихъ міру ; отмѣчая наибольшія изъ нихъ, дающія намъ дни, мѣсяцы и годы, я останавливаюсь на непрестанномъ теченіи паровъ къ облакамъ съ поверхности земли, восходящихъ и нисходящихъ,—на томъ, что воздухъ движет-

ся вѣтромъ, что море не остается въ покоѣ, что источники и рѣки текутъ неизмѣнно, что прочнѣйшія зданія падаютъ и разрушаются, растенія и животныя растутъ или дряхлѣютъ,—словомъ, нигдѣ нѣтъ неизмѣннаго... Я не останавливаюсь на изысканіи причины этихъ движеній, потому что мнѣ достаточно сознанія, что они начались вмѣстѣ съ существованіемъ міра. Въ этомъ я нахожу достаточное основаніе для утвержденія, что прекращеніе этихъ движеній невозможно и самое ихъ измѣненіе не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ измѣненіемъ формы; это значитъ, что свойство или способность къ движенію, встрѣчающаяся въ одномъ тѣлѣ, можетъ переходить на другое и не быть уже въ первомъ, но оно не можетъ исчезнуть изъ вселенной... Такими заключеніями можно объяснить причину всѣхъ перемѣнъ, происходящихъ въ мірѣ». Въ этихъ положеніяхъ скрыто современное ученіе о сохраненіи силы или, точнѣе, ученіе о сохраненіи энергіи. У Ньютона мы не встрѣчаемъ идей, аналогичныхъ съ только что приведенными.

Цвѣтъ, запахъ, вкусъ и т. д.—все это, по Декарту, опредѣляется отношеніями между нашими органами чувствъ и движеніями матеріи. Введеніе отношенія двухъ элементовъ—внѣшняго движенія и ощущенія—срываетъ съ окружающей насъ природы ея символическую одежду, способности, аттрибуты, приписывавшіеся вещественному міру для объясненія разнообразія производимыхъ имъ впечатлѣній.

Итакъ, вся вселенная есть машина, въ которой слѣдуетъ изучать только формы и движенія ея частей. Законы механики становятся основаніемъ науки о вещественномъ мірѣ.

Школа, исповѣдующая такія воззрѣнія, называется Картезіанской; она не считаетъ своими союзниками тѣхъ, коихъ разумъ не простирается далѣе концовъ ихъ пальцевъ. Современной физикѣ прилагаютъ эпитетъ картезіанской, такъ какъ въ идеяхъ Декарта мы находимъ ея основы: 1) механическая природа физическихъ явленій, 2) инерція матеріи, 3) сохраненіе вещества и энергіи, 4) существованіе эѳира. Путь, указываемый Декартомъ, при недостаточномъ знакомствѣ съ явленіями, легко приводитъ къ ложнымъ теоріямъ: вначалѣ ему слѣдовали съ увлеченіемъ, затѣмъ покинули и только два вѣка спустя, обогащенные опытомъ, мы возвращаемся къ тѣмъ же принципамъ. На конгрессѣ нѣмецкихъ натуралистовъ въ Инсбрукѣ въ 1869 г. Гельмгольцъ высказывалъ такія мыс-

ли: «Все во внѣшней природѣ сводится къ перемѣнѣ формы аггрегатовъ химическихъ элементовъ, вѣчно неизмѣнныхъ, къ различію состава, распредѣленія и структуры образуемыхъ ими тѣлъ. Во всѣхъ явленіяхъ они остаются тѣми же самыми. Иными словами, нѣтъ иныхъ возможныхъ измѣненій въ природѣ, какъ измѣненія въ распредѣленіи и расположеніи различныхъ элементовъ въ пространствѣ, что сводится къ движенію. Отсюда слѣдуетъ, что если всѣ перемѣны суть движенія,—силы ихъ производящія, суть силы механическія». Не звучатъ ли эти строки такъ же, какъ слова Декарта: «дайте мнѣ протяженіе и движеніе, и я построю вселенную!» Еще къ концу XVII-го столѣтія картезіанцевъ упрекали въ ненужной болтовнѣ о малыхъ тѣлахъ, коихъ строеніе намъ неизвѣстно и представляется не болѣе, какъ потаеннымъ свойствомъ. Лейбницъ приходилъ въ нетерпѣніе отъ общихъ разсужденій, покрывавшихъ только праздность и незнаніе.

Слѣдующій, XVIII-й вѣкъ произнесъ суровый приговоръ надъ картезіанскими ученіями, блѣднѣвшими передъ геніальными открытіями Ньютона и противорѣчившими новымъ научнымъ фактамъ. Ньютоніанская школа сознательно исключила гипотезу изъ области физики. Мы знаемъ мнѣніе Вольтера о гипотезѣ.

Болѣе умѣренные (Фонтенель) находили, что Декартъ исходитъ изъ очевидныхъ принциповъ, которые, однако, не всегда приводятъ къ дѣйствительнымъ явленіямъ; напротивъ того, Ньютонъ исходитъ изъ фактовъ, принимая ихъ такъ, какъ они ему представляются, но эти факты не всегда приводятъ его къ достаточно очевиднымъ принципамъ.

D'Alembert выражаетъ радость, что наклонность къ построенію системъ, ласкающихъ воображеніе и не просвѣщающихъ разума, изгнана изъ всѣхъ порядочныхъ работъ.

Химикъ Руель начертилъ въ лабораторіи, въ которой работалъ Лавуазье, девизъ Локка: «nihil est in intellectu, quod non prius ſuerit in sensu». Ищущій познанія долженъ забыть все, ранѣе пріобрѣтенное, долженъ низвести до *tabula rasa* свое духовное содержаніе. Намъ откроется царство истины, если мы будемъ просты, какъ дѣти.

«По отношенію къ наукѣ, говоритъ знаменитый химикъ Лавуазье, мы не болѣе, какъ дѣти, и путь, намъ предстоящій, тотъ самый, которому слѣдуетъ природа, создавая и развивая идеи.

Гипотеза есть ядъ разумѣнія и чума философіи; можно дѣлать только тѣ заключенія и построенія, которыя непосредственно вытекаютъ изъ опыта».

Наука XVIII-го вѣка, вернувшаяся къ чистому и простому наблюденію, показала, что на этомъ пути можно научиться многому и безъ построенія неизвѣстной сущности матеріи.

Однако, постепенно, къ осторожности въ изученіи явленій присоединялась смѣлость мысли: опасеніе гипотезъ и системъ переходило изъ области факта въ оговорку, освященную научными приличіями. Съ цѣлымъ рядомъ такихъ оговорокъ, Лавуазье представляетъ позднѣе (въ 1775 г.) свою знаменитую теорію горѣнія.

Ньютоніанское направленіе постепенно оттѣсняется, и наука, подъ покровомъ пророческихъ опытовъ Румфорда и Деви надъ превращеніемъ работы въ тепло, вступаетъ въ эпоху нашего столѣтія.

Преобладаніе фактовъ надъ идеями постепенно исчезаетъ. Мѣсто недовѣрія къ творческой дѣятельности человѣка заступаетъ снисходительное отношеніе. Ученыхъ сравниваютъ съ поэтами; Шеврель, Клодъ-Бернаръ, Бертело восхваляютъ роль воображенія въ научныхъ открытіяхъ. Брюстеръ осуждаетъ пренебреженіе къ праву человѣческой мысли дѣлать выборъ между фактами, подлежащими изслѣдованію. Химикъ Либихъ возмущается, что науку стремятся низвести до простого наблюденія явленій безъ гипотезъ и заключеній. Чисто эмпирическаго изслѣдованія не существуетъ,—опытъ, не связанный напередъ съ теоріей или идеей, такъ же похожъ на изслѣдованіе, какъ трещотка на музыку.

Наука, съ довѣріемъ смотрящая на идеи и теоріи, пріобрѣтаетъ еще новую черту, не замѣчаемую въ двухъ предшествующихъ столѣтіяхъ,—стремленіе къ чистой истинѣ, безъ разсчета той матеріальной пользы, которую можетъ извлечь изъ нея человѣчество. Въ этихъ цѣляхъ прогрессируетъ разработка наукъ какъ математическихъ, такъ и физическихъ. Физика стремится принять обликъ отвлеченной науки: ученія о свѣтѣ и теплотѣ строятся на механическихъ началахъ, и химія ищетъ идеи для уясненія таинственной области превращенія веществъ.

Недоступное человѣческому чувству становится предметомъ изслѣдованія: устанавливаются законы свѣтового эѳира.

Полезность изгоняется изъ науки, искусства и этики, и —

странное дѣло! — нашъ вѣкъ становится свидѣтелемъ безпримѣрныхъ и величавыхъ практическихъ приложеній: это вѣкъ пара и электричества! Ученіе объ энергіи, энергетика, дѣлается знаменемъ не только отвлеченной науки, но и практическихъ примѣненій. Подъ сѣнью тройственнаго идеала: добро для добра, наука для науки, искусство для искусства, развиваются къ пятидесятымъ годамъ нашего столѣтія блестящія научныя теоріи въ рамкахъ картезіанскихъ ученій.

Во-первыхъ, открыты связи въ различныхъ классахъ явленій между величинами, доступными непосредственному измѣренію; открыта взаимная превращаемость явленій. Изученіе послѣдней привело къ двумъ символамъ: одинъ имѣетъ своимъ содержаніемъ сохраненіе энергіи; другой—условія ея перехода въ иныя формы и къ инымъ напряженіямъ. Эти два символа управляютъ и освѣщаютъ явленія, какъ солнце—планеты. Лабиринтъ, созданный многообразными свойствами тѣлъ природы, развертывается въ стройныя системы, въ которыя укладываются, по ихъ родству, эти свойства.

Хотя на этомъ ньютоніанскомъ пути мы не подвигаемся въ пониманіи явленій въ смыслѣ картезіанцевъ, тѣмъ не менѣе такое содержаніе науки считается многими первоклассными учеными совершенно достаточнымъ. Вотъ что говоритъ Сенъ-Клэръ-Девилль въ своихъ Leçons sur l'affinité: «Нужно отбросить всѣ эти неизвѣстныя силы, къ которымъ прибѣгаютъ только потому, что ихъ дѣйствія не измѣрены. Напротивъ того, все наше вниманіе должно быть направлено къ наблюденію и численному опредѣленію этихъ дѣйствій, что одно намъ доступно».

Найденные символы получаютъ далѣе картезіанское толкованіе и въ связи съ механическимъ міровоззрѣніемъ приводятъ къ теоріямъ въ области молекулярнаго міра, причемъ въ своихъ послѣднихъ элементахъ не могутъ обойтись безъ ньютоніанскаго символа силы.

Извѣстный геометръ Бертранъ указываетъ на блѣдность тѣхъ образовъ, которые можно себѣ составить о мірѣ молекулъ, не привлекая спеціальныхъ символовъ, добытыхъ наблюденіемъ и анализомъ фактовъ, а руководясь только картезіанскимъ толкованіемъ сохраненія энергіи. Какія свѣдѣнія о планетной системѣ можно было извлечь изъ наблюденій, руководясь однимъ принципомъ сохраненія энергіи? Солнце, отвѣчаетъ Бертранъ, есть

центръ планетныхъ движеній; оно непрестанно дѣйствуетъ на окружающія его свѣтила, и это дѣйствіе можетъ зависѣть только отъ разстояній между массами и ихъ относительной скорости. Работа этой силы равна нулю во время одного полнаго обращенія планеты, потому что планета возвращается на свое мѣсто съ тою же скоростью, съ которою она изъ него вышла. Прежнія условія возстановлены; сила получаетъ прежнее значеніе, дѣйствуетъ въ прежнемъ направленіи, и—вѣчное движеніе по одной и той же орбитѣ *объяснено*. Не болѣе того можетъ быть сказано о молекулярномъ мірѣ безъ новыхъ символовъ, открытіе которыхъ еще предстоитъ опытной наукѣ. Каково напряженіе дѣйствующей силы, ея направленіе, ея законъ? Почему орбита имѣетъ эллиптическую форму, почему солнце лежитъ въ ея фокусѣ?

Незнаніе процессовъ въ мірѣ молекулъ восполняется частью эксплоатаціей одной его особенности. Мы имѣемъ дѣло съ неисчислимымъ множествомъ объектовъ, именно: молекулъ, ихъ орбитъ, скоростей, движеній, представляющихъ въ данный моментъ безпредѣльное, исчерпывающее разнообразіе, а потому картина этого міра, предполагаемая составленною статистическимъ методомъ, представляется или неизмѣнною, или же непрерывно измѣняющеюся. Приписывая величинамъ, надъ которыми можно оперировать методами механики, указанный выше предположительный статистическій смыслъ, мы примѣняемъ механику къ молекулярному міру. Этотъ пріемъ, хотя и приводитъ къ результатамъ, согласнымъ съ опытомъ, далеко не можетъ считаться законнымъ, съ точки зрѣнія переноса математическихъ операцій на среднія значенія величинъ.

Во многихъ случаяхъ нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ Бертрана: «Оказывая на философію физическихъ наукъ огромное и законное вліяніе, новыя теоріи пріучили, повидимому, выдающіеся умы снисходительно относиться къ строгости доказательствъ и точной формулировкѣ гипотезъ».

Въ закрытомъ для насъ молекулярномъ мірѣ мы не имѣемъ путей для провѣрки законности тѣхъ средствъ, которыми мы пользуемся для достиженія цѣлей познанія.

Извѣстный химикъ Вюртцъ говорилъ въ 1874 г.: «Въ движеніяхъ атомовъ и молекулъ ищутъ въ настоящее время не только источникъ химическихъ силъ, но и причину физическихъ измѣ-

неній вещества, измѣненій его состоянія, явленій свѣта, тепла и электричества».

Какія условія налагаетъ современная наука на такіе поиски? Не одними движеніями, но и свойствами молекулъ и атомовъ объясняются явленія. Сведеніе этихъ свойствъ на движенія, предполагая существованіе единой матеріи, встрѣчаетъ затрудненіе въ характерной чертѣ, отличающей законъ сохраненія вещества отъ закона сохраненія энергіи.

Законъ сохраненія энергіи установленъ для всей совокупности энергій, но не для отдѣльныхъ формъ; электрическая энергія, напримѣръ, можетъ исчезать, превращаясь въ свѣтовую и тепловую и т. д. Но законъ сохраненія вещества принимается не только для всей совокупности матеріи, участвующей въ какомъ-нибудь явленіи, но и для отдѣльныхъ ея классовъ или видовъ: азотъ не превращается въ кислородъ, хлоръ — въ калій и т. д. Вотъ что говоритъ Максуэлль: «Мы знаемъ, что существуютъ естественныя причины, которыя могутъ измѣнить и, въ концѣ концовъ, разрушить расположеніе земли, планетъ и солнца. Но каковы бы ни были катастрофы въ небесныхъ пространствахъ въ отдаленномъ будущемъ или въ настоящее время, каково бы ни было разрушеніе старыхъ міровъ и нарожденіе изъ ихъ обломковъ новыхъ, молекулы, изъ коихъ построены эти міры, основные камни мірозданія, не измѣнятся ни въ своихъ размѣрахъ, ни въ своихъ свойствахъ. Сегодня, какъ и въ моментъ творческаго акта, они совершенны въ числѣ, мѣрѣ и вѣсѣ».

Въ другомъ мѣстѣ Максуэлль говоритъ: «...каждый индивидуумъ въ мірѣ молекулъ остается вѣчнымъ. Здѣсь нѣтъ рожденія, разрушенія, измѣненія, и нѣтъ никакого различія между индивидуумами одного и того же рода».

Итакъ, каждый классъ матеріи имѣетъ свою личность, неизмѣнную и вѣчную. Такихъ классовъ наука насчитываетъ въ настоящее время около 70 и столько же символовъ и потаенныхъ свойствъ, противъ которыхъ возставали картезіанцы. Но и въ этой таинственной области наука сдѣлала значительный шагъ впередъ въ ньютоніанскомъ направленіи, устанавливая классификацію элементовъ, подчиняющуюся періодическому закону, открытому Менделѣевымъ.

Гипотезы, стремящіяся объяснить свойства отдѣльныхъ классовъ молекулъ различными формами движенія универсальной

матеріи, должны считаться съ указаннымъ выше спеціальнымъ характеромъ закона сохраненія вещества, а именно: искомыя формы движенія не могутъ переходить другъ въ друга. Пока только гипотеза вихревыхъ колецъ Вилльяма Томсона удовлетворяетъ этому условію.

Картезіанскія, или употребляя научный терминъ, кинетическія, теоріи взвѣсили и измѣрили размѣры молекулъ. Нанизывая на неосязаемо тонкую нить молекулы воздуха, занимающія объемъ одного кубическаго сантиметра, такъ, чтобы онѣ касались другъ друга, мы намотали бы эти молекурныя четки двѣсти разъ по экватору земли.

Въ этихъ воззрѣніяхъ молекулы представляются сфабрикованными, ходячей монетой, отчеканенной по опредѣленному образцу. Такое пониманіе молекулярнаго міра противорѣчитъ духу картезіанскихъ ученій. Максуэлль, сравнивая два различныхъ объясненія взаимодѣйствія тѣлъ: гипотезу о непосредственномъ дѣйствіи на разстояніи—съ гипотезой, объясняющей взаимное тяготѣніе тѣлъ состояніемъ среды, въ которую они погружены, отдаетъ предпочтеніе послѣдней, опираясь на чисто картезіанскую формулу: если принять первую гипотезу, то дальнѣйшее мышленіе о процессѣ, обусловливающемъ взаимодѣйствіе, исключается.

Можетъ быть, при современномъ состояніи знаній, на планкѣ съ отверстіями различныхъ размѣровъ, прикидываемой нами къ незримо малому для опредѣленія его калибра — недостаетъ отверстій болѣе тонкихъ?...

Поиски инертной матеріи увлекаютъ насъ все глубже и глубже въ міръ неосязаемаго. Тѣло, повидимому, находящееся въ покоѣ и неспособное, по закону косности, измѣнять своего состоянія, представляется картезіанцу цѣлымъ міромъ движеній и перемѣнъ. Инертность переносится имъ съ тѣла, какъ цѣлаго, на его движущіяся части! Если, съ развитіемъ науки, оказывается, что и эти части способны, кажущимся образомъ, самостоятельно совершать перемѣны, мысль картезіанца раздробляетъ ихъ на мельчайшія, инертныя части. Раздробленіе тѣлъ на молекулы и недѣлимые атомы представляется идеальнымъ предѣломъ, послѣднимъ недостижимымъ членомъ безконечнаго ряда операцій на пути исканія инертной матеріи. Но и этотъ недостижимый членъ не приводитъ насъ къ цѣли; эти послѣднія частицы, разсматриваемыя даже въ одиночку, повидимому, произвольно измѣняютъ свое со-

стояніе: здѣсь, въ помощь процессу раздробленія является гипотеза о невѣсомой матеріи, проникающей всю вселенную, объ эѳирѣ,—гипотеза, уже созидающая.

Въ началѣ нашего столѣтія составилось ясное представленіе о колебаніи частицы свѣтового эѳира, какъ явленіи, дающемъ намъ свѣтовое впечатлѣніе; законы и строеніе свѣтового эѳира были вполнѣ опредѣлены.

Работы Фарадея, Максуэлля, Гертца и др. устанавливаютъ тѣсную связь между свѣтовыми и электромагнитными явленіями. Оказалось, что эти послѣднія должны происходить въ невѣсомой и тонкой матеріи, разлитой во всемъ пространствѣ, — въ электрическомъ эѳирѣ. Электрическій и свѣтовой эѳиръ должны быть тождественны. Но законы свѣтового эѳира не совмѣстимы съ законами электрическаго эѳира. Свѣтовой эѳиръ, какъ гипотеза, *объясняющая* явленіе, вычеркивается изъ науки. Свѣтъ переносится въ неизвѣстную область электрическаго эѳира, законы котораго не подходятъ къ законамъ осязаемаго вещества. Ясное представленіе о свѣтовомъ колебаніи теряется. Вмѣсто объясненія остаются только формулы, начерченныя на безпредѣльномъ пергаментѣ, простирающемся черезъ всю вселенную!

Является мысль, что механика, принципы которой почерпнуты изъ опытовъ вещественнаго міра, не тождественна съ механикой эѳира. Послѣдняя покоится на иныхъ началахъ, частнымъ видомъ коихъ должны явиться принципы механики вещественнаго міра.

Около 70-хъ годовъ нашего вѣка теоретическое изслѣдованіе явленій, построенное на почвѣ механическаго міровоззрѣнія, сдѣлало такіе блестящіе успѣхи, что цѣлью естествознанія ставилось *объясненіе* природы. Съ другой стороны, описательныя естественныя науки торжествовали, получивъ возможность, въ гипотезѣ Дарвина, не только описывать формы живыхъ существъ и явленія жизни, но и *объяснять* ихъ. Страннымъ образомъ, почти одновременно физика дѣлаетъ обратный шагъ.

Знаменитый Кирхгофъ провозглашаетъ идеи, отставляющія физику въ область описательныхъ наукъ. Этотъ взглядъ находитъ себѣ послѣдователей. *Задача физики* низводится на представленіе и описаніе простѣйшими формулами непосредственно наблюдаемыхъ явленій, не прикрывая ихъ пестрымъ одѣяніемъ гипотезъ, сотканныхъ нашею фантазіей.

Формула, представляющая математическое описаніе явленія, можетъ быть изображаема, иллюстрируема или геометрически, или механически подыскиваніемъ ей аналогій въ механизмахъ, составленныхъ изъ зубчатыхъ колесъ, маховиковъ, блоковъ и т. д. Такія аналогіи представляются и реальными моделями.

Старыя теоріи, какъ свѣтовой эѳиръ, теорія газовъ, схемы химиковъ, выводы законовъ сохраненія энергіи и ея свойствъ на началахъ механики, разсматриваются только какъ механическія аналогіи, и наконецъ, рождается ученіе, что вообще познаніе есть не что иное, какъ изысканіе аналогій.

Остроумныя, воображаемыя или дѣйствительно построенныя модели, своими зубчатками, блоками, ремнями и проч. воспроизводящія даже электрическій эѳиръ, конечно, не имѣютъ ничего общаго съ механическимъ или картезіанскимъ міровоззрѣніями. Онѣ даютъ для построенія теорій сложный и своеобразный символъ, устанавливающій символическою рѣчью соотношенія между величинами, подлежащими наблюденію, но реальный смыслъ которыхъ намъ остается неизвѣстнымъ. Есть символы, напримѣръ, установленные для электро-магнитныхъ явленій геніальнымъ Максуэллемъ, не сразу обнаруживающіе свои свойства и только постепенно раскрывающіе свою почти неисчерпаемую магическую силу.

Уклоненіе современныхъ взглядовъ отъ картезіанскихъ воззрѣній высказывается нѣкоторыми учеными въ болѣе крайнихъ формахъ.

Въ трудѣ Карла Неймана, появившемся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, мы находимъ слѣдующія мысли: «Теплота обнимаетъ особый классъ явленій, необъясняемыхъ механическими принципами», и «мелькающіе вдали истинные и простые принципы электродинамики и магнетизма не будутъ только механическими».

Не разумѣетъ ли Нейманъ, что ключъ къ объясненію этихъ загадокъ дастъ, быть-можетъ, механика эѳира?

Въ своемъ введеніи въ химическую механику (изд. въ истекшемъ году) Duhem, разсмотрѣвъ современныя гипотезы какъ картезіанской, такъ и смѣшанной механики и ихъ приложенія къ явленіямъ физическаго міра, высказываетъ слѣдующее мнѣніе. Мы прослѣдили эту методу на дѣлѣ; мы удостовѣрились, какъ мало опытъ согласовался съ результатами ея дедукцій. Въ виду этихъ неудачъ, не слѣдуетъ ли отказаться отъ ходячихъ пріемовъ?

«Не создавая механическихъ построеній для объясненія структуры и свойствъ тѣлъ природы, будемъ разсматривать эти свойства такими, какими они являются намъ въ нашихъ ощущеніяхъ или въ нашемъ сознаніи. Къ чему разсматривать температуру какъ нѣчто соотвѣтствующее или нѣкоторому количеству невѣсомой матеріи, или живой силы; не достаточно ли разсматривать ее какъ признакъ свойства тѣлъ вызывать въ насъ ощущеніе тепла или холода, свойства удлинять или укорачивать ртутный столбикъ термометра? Къ чему представлять себѣ измѣненія состоянія—какъ обусловленныя перемѣщеніемъ молекулъ, перемѣною ихъ орбитъ и т. д.?

«Не достаточно ли характеризовать измѣненіе физическаго состоянія тѣла измѣненіемъ плотности, выдѣленіемъ или поглощеніемъ тепла и т. п.? Нужно ли стремиться къ тому, чтобы основы, на которыхъ покоятся теоріи, были заимствованы изъ принциповъ статики и динамики? Не достаточно ли руководиться принципами, почерпнутыми изъ опыта, какова бы ни была ихъ форма и каковы бы ни были символы, въ которыхъ они находятъ свое выраженіе?

«Эти размышленія побуждаютъ перевернуть методы, которымъ слѣдовали физики до настоящаго времени. Идеалъ теоретиковъ заключался въ изображеніи явленій небольшимъ числомъ простыхъ механическихъ гипотезъ, которыя разсматривались какъ дѣйствительныя объясненія; мы должны отказаться отъ этого идеала; лучшею теоріей будетъ та, которая введетъ въ свои разсужденія величины, имѣющія физическій смыслъ и непосредственно измѣряемыя».

Не слышимъ ли мы въ этихъ словахъ такого же осужденія гипотезъ, какъ и въ XVIII-мъ вѣкѣ?

Не стоимъ ли мы, въ исходѣ пятидесятилѣтняго безпримѣрнаго роста естествознанія, на предѣлахъ постижимаго?

Изложенная передъ вами въ бѣглыхъ чертахъ исторія развитія физическихъ знаній даетъ и надежду, и успокоеніе. Въ сомнѣніяхъ и колебаніяхъ современности мы усматриваемъ соперничество двухъ направленій научной мысли, обнаружившееся и въ XVIII-мъ вѣкѣ, когда слышался отбой по всей линіи картезіанскихъ ученій.

Можетъ быть, будетъ правильнымъ резюмировать современное состояніе науки словами Гельмгольтца, сказанными имъ

въ періодъ наибольшаго блеска картезіанскихъ теорій: «Далеко не всѣ естественныя дѣйствія сведены къ первоначальному дѣйствію движенія.] Разнообразіе и многосложность этихъ дѣйствій, невозможность ихъ непосредственнаго наблюденія, представляетъ столько же препятствій, мѣшающихъ открыть первичную форму движенія. Эта задача можетъ осуществиться только въ далекомъ будущемъ, и ея рѣшеніе останется, можетъ быть, неизвѣстнымъ современнымъ поколѣніямъ».

Если творенія Ньютона даютъ высочайшее удовлетвореніе человѣческому духу своею ясностью и пластичностью, мы спокойно и увѣренно встрѣчаемъ занимающуюся надъ современною наукой зарю его безсмертнаго генія.

**Н. Умовъ.**

# Анализъ условій пространства и времени при ассоціаціяхъ идей*).

Для ассоціаціонной психологіи, которая до сихъ поръ всецѣло господствуетъ въ Англіи, а въ послѣднее время получила и у насъ преобладающее значеніе, вся душевная жизнь человѣка слагается изъ рядовъ идей, проходящихъ вереницами по законамъ простого преемства; идеи смѣняютъ другъ друга, какъ рядъ туманныхъ картинъ, вставляемыхъ въ оптическій фонарь, въ той послѣдовательности, въ какой онѣ были первоначально положены; онѣ слѣдуютъ другъ за другомъ съ большею или меньшею быстротой, но остаются всегда раздѣльно стоящими величинами, какъ зубцы на вертящемся колесѣ; онѣ ассоціируются между собою, но не гармонизируются, не согласовываются другъ съ другомъ. Такимъ образомъ, для ассоціаціонистовъ вся задача науки о духѣ сводится исключительно къ изученію рядовъ состояній, въ которыхъ духъ преемственно существуетъ; а что невозможно свести на простое преемство, то систематически игнорируется; такъ, явленія памяти, вниманія, воображенія, личности, сознанія или почти вовсе не разбираются, или, если разбираются, то только для того, чтобы показать, что они не имѣютъ значенія, «такъ какъ это все—иллюзіи, внушаемыя пустыми словами». Суживая такимъ образомъ свой взглядъ, ассоціаціонная психологія сдѣлалась неподражаемой въ дѣлѣ описанія явленій, которыхъ она коснулась,—безъ всякихъ затѣй, просто по ихъ смежности или преемству во времени.

*) Сообщеніе, читанное въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ 13-го ноября 1893 г.

Шире гораздо посмотрѣла нѣмецкая психологія. Она старалась обнять разомъ всю совокупность явленій и пыталась проникнуть въ самую глубь законовъ душевной жизни. Преимущественно Herbart и его школа,—Volkmann, Drobisch, Waitz, Lotze, Lazarus, Steinthal—и новѣйшая психофизическая школа: Fechner, Wundt и ихъ ученики собрали много матеріала для описанія тѣхъ сторонъ психической жизни, которыя почти не нашли себѣ мѣста у ярыхъ ассоціаціонистовъ. Стараясь вникнуть въ глубь явленій, нѣмецкая психологія не могла ограничиться простымъ описаніемъ того, что непосредственно дано наблюденіемъ,—наука на этомъ не должна останавливаться. Но нѣмецкая психологія тотчасъ попала въ дебри ни на чемъ не основанныхъ гипотезъ, составленныхъ исключительно какъ бы по наитію,—вмѣсто описанія явленій она дала аллегорическія картины ихъ, вмѣсто науки—метафизику. Старая нѣмецкая психологія теперь почти уже забыта даже у насъ, гдѣ она прежде всецѣло господствовала.

Но среди нашего Психологическаго Общества въ послѣднее время явилась тендеція обратить опять свое вниманіе на явленія, оставленныя въ сторонѣ ассоціаціонною психологіей. Не желаютъ цѣликомъ возвратиться къ старой нѣмецкой метафизикѣ, и потому появляются попытки самостоятельной разработки вопросовъ, избѣгаемыхъ ассоціаціонною психологіей, стоящихъ въ связи съ законами согласованія идей и не имѣющихъ ничего общаго съ законами простого преемства. Я, съ своей стороны, также старался подойти къ явленіямъ, затронутымъ въ нашей средѣ, но пришелъ къ заключенію, что анализъ явленій возможенъ только при подробномъ предварительномъ анализѣ главныхъ условій ихъ существованія, условій мѣста или распространенія ихъ въ пространствѣ и условій времени или распространенія ихъ во времени.

Не желая вовсе вдаваться въ теорію познанія, я однако позволю себѣ сдѣлать на этомъ мѣстѣ небольшую вставку, замѣтивъ, что сложныя явленія природы вообще, а явленія жизни въ особенности, прежде всего должны быть изучаемы именно по отношенію къ общимъ условіямъ ихъ происхожденія и существованія. Если мы къ условіямъ пространства и времени прибавимъ еще условія числа, то мы назовемъ самыя общія условія, безъ которыхъ ни одно явленіе не могло бы сдѣлаться и быть тѣмъ, что оно есть. Даже при самомъ элементарномъ описаніи явленія прежде всего необходимо установить обстоятельства времени,

мѣста и числа. Чѣмъ точнѣе установлены эти общія условія, тѣмъ точнѣе сдѣлано описаніе; точное же описаніе есть анализъ; точный же анализъ, — вотъ, можетъ быть, и все, чего только возможно требовать отъ точной науки.

Перехожу прямо къ этому анализу.

### I. Условія пространства.

Психическія явленія опредѣляются большинствомъ психологовъ, какъ лишенныя (въ противуположность явленіямъ физическимъ) всякой протяженности. Съ извѣстной точки зрѣнія, и я считаю такое опредѣленіе *безусловно*-вѣрнымъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію тотъ фактъ, что явленія душевной нашей жизни, насколько они составляютъ внутренній нашъ міръ, не имѣютъ пространственныхъ свойствъ,—они ни толсты, ни тонки, ни длинны, ни коротки, ни широки, ни узки — въ смыслѣ протяженности въ пространствѣ; они совершаются, въ сущности, Богъ знаетъ гдѣ и Богъ знаетъ въ какой формѣ. Дѣйствительно, наша душевная дѣятельность непосредственно вовсе не чувствуется совершающейся въ опредѣленномъ мѣстѣ. Напротивъ, намъ всегда кажется, что мы находимся со своими мыслями совершенно неопредѣленно гдѣ-нибудь,—не то здѣсь, гдѣ мы сидимъ, не то тамъ, куда мы случайно переносимся съ своими мыслями,—т. е., въ сущности, вездѣ и нигдѣ. Глядя, напримѣръ, на внѣшній предметъ, мы чувствуемъ, что мы, находясь здѣсь, касаемся его тамъ, и обхватываемъ его тамъ, гдѣ онъ намъ кажется. Мы чувствуемъ предметъ на концѣ палки, которою мы его трогаемъ, мы слышимъ стукъ экипажей на улицѣ, мы видимъ звѣзды на небѣ; меньше всего мы ощущаемъ все это въ своей собственной головѣ, а фантазія уноситъ наши мысли съ одинаковою легкостію какъ за версту, такъ и въ заоблачную даль.

Размышленіе, а не непосредственное наше сознаніе насъ учитъ, что все-таки все это иллюзія, и мы все-таки знаемъ, что наша психическая жизнь совершается не безразлично гдѣ бы то ни было, а непремѣнно внутри насъ, гдѣ-нибудь между ушами и позади глазъ. Наука (а не непосредственное наше сознаніе), насъ учитъ, далѣе, что субстратомъ или носителемъ нашей психической жизни должна быть нервная система, а центромъ этой жизни головной мозгъ. Самое здравое размышленіе само собою не могло бы додуматься до этихъ убѣжденій, искусственно

и съ трудомъ и терпѣніемъ добытыхъ данными науки; а для непосредственнаго сознанія, несмотря на всѣ данныя науки, психическія явленія не имѣютъ пространственныхъ опредѣленій точно такъ, какъ для непосредственнаго сознанія до сихъ поръ солнце вертится вокругъ земли.

Дѣйствительно, глядя самимъ себѣ внутрь съ закрытыми глазами, мы никакъ не можемъ себѣ вообразить, что все, что мы при этомъ чувствуемъ, совершается тамъ, въ тѣсно ограниченномъ пространствѣ. А представляя тамъ, гдѣ мы чувствуемъ, пространство, мы рѣшительно ничего не видимъ. Совершенно не то, если мы (не только съ открытыми глазами, но еще черезъ посредство всякихъ научныхъ пріемовъ) посмотримъ дѣйствительно кому-нибудь внутрь. Мы увидимъ тамъ, правда, крайне мало, но то, что мы увидимъ, представится намъ ясно и отчетливо, и мы обязательно придемъ, въ концѣ концовъ, къ тому заключенію, что всѣ психическіе факты совершаются непремѣнно гдѣ-нибудь въ опредѣленномъ мѣстѣ, у меня тутъ, за этимъ лбомъ, у васъ тамъ, въ вашихъ головахъ.

Итакъ, съ объективной точки зрѣнія, опредѣленіе психическихъ фактовъ, какъ не имѣющихъ никакого пространственнаго опредѣленія, не выдерживаетъ критики. Пусть душа будетъ абсолютно имматеріальное существо, само по себѣ настолько же безтѣлесное и недѣлимое, какъ математическая точка (что и я, съ своей стороны, вполнѣ признаю), а все же эта душа чувствуетъ, мыслитъ и желаетъ непремѣнно въ опредѣленномъ мѣстѣ. Да гдѣ же? Въ мозгу. А гдѣ въ мозгу? Въ большихъ полушаріяхъ мозга, говорятъ физіологи. Такъ, —но большія полушарія головного мозга—слишкомъ обширная арена для того, чтобъ ею опредѣлить положеніе математической точки, и никакъ нельзя удовлетвориться сказавъ, что она, молъ, пропадаетъ въ неизвѣстности гдѣ-нибудь, приблизительно въ этомъ пространствѣ. Куда, спрашивается, доходитъ физіологическое раздраженіе, если человѣкъ такъ или иначе реагируетъ чувствомъ, мыслію и желаніемъ, и откуда исходятъ импульсы, если онъ такъ или иначе выражаетъ то, что онъ чувствуетъ, мыслитъ и желаетъ? Научныя данныя, собранныя за послѣдніе десятки лѣтъ, склоняются къ предположенію, что различныя впечатлѣнія собираются въ различныя, но опредѣленныя мѣста, и различные волевые импульсы исходятъ изъ различныхъ, но опредѣленныхъ мѣстъ

головного мозга. Какъ извѣстно, нарушеніе цѣлости опредѣленныхъ частей головного мозга нарушаетъ цѣлость и опредѣленныхъ психическихъ отправленій. Не допуская даже мысли, чтобы можно было убить часть души, разрушая часть мозга, нужно тѣмъ не менѣе допустить, что вмѣстѣ съ нарушеніемъ цѣлости органа душа лишается возможности функціонировать въ опредѣленномъ мѣстѣ опредѣленнымъ образомъ. Но вмѣстѣ съ разрушеніемъ частей органа исчезаетъ не только возможность проявлять свои душевныя состоянія внѣшнимъ образомъ, уничтожается, несомнѣнно, также способность *имѣть* опредѣленныя внутреннія психическія состоянія. Афазикъ, напримѣръ, не просто не владѣетъ рѣчью, у него совершенно не то, чтобы просто языкъ отнялся,—у него совершенно отсутствуютъ звуковые образы словъ, у него самая внутренняя сторона всего явленія пропала. У него пропало именно то, присутствіе чего можетъ быть констатировано только внутреннимъ наблюденіемъ, часть внутренняго духовнаго міра. У него какъ бы сгинула часть его души. Онъ чувствуетъ, можетъ-быть, чего у него не хватаетъ. Онъ только не знаетъ, гдѣ именно случилась пропажа. Объ этомъ ему его непосредственное чувство ничего не говоритъ. Но знаніе объективныхъ данныхъ пополняетъ намъ пробѣлъ, оставляемый самонаблюденіемъ. При знаніи фактовъ, сюда относящихся, можно діагносцировать, съ большей или меньшей вѣроятностью, мѣсто изъяна. Изъянъ этотъ—чисто-психическая недостаточность опредѣленнаго рода; слѣдовательно, прежній психическій достатокъ потерпѣлъ опредѣленный уронъ въ опредѣленномъ мѣстѣ. Въ другомъ мѣстѣ уронъ будетъ другого рода, въ третьемъ третьяго рода и т. д. Слѣдовательно даже тѣ, которые (вмѣстѣ со мной, въ скобкахъ будь сказано) признаютъ, что душа есть абсолютно имматеріальная субстанція, должны признать, что душевныя явленія совершаются по различнымъ мѣстамъ. Даже признавая не болѣе, какъ одинъ обязательный *параллелизмъ* (коррелативность, или эквивалентность) между двумя въ сущности совершенно различными порядками явленій,—между физіологическими отправленіями, съ одной стороны, и психическими состояніями съ другой, нельзя отрицать, что параллелизмъ этотъ распространяется не на одни только интензивности и время, но и на распредѣленіе въ пространствѣ о трехъ измѣреніяхъ. Выводъ поразительный, но очень простой.

Это распредѣленіе въ пространствѣ психическихъ явленій имѣетъ мѣсто, однако, въ совершенно иномъ порядкѣ, чѣмъ можно было предположить a priori. Когда въ началѣ нашего столѣтія Галль впервые выступилъ съ ученіемъ о локализаціи душевныхъ способностей, то онъ на черепѣ старался опредѣлить мѣста для домовитости, привязанности, вороватости, храбрости и т. д. А когда затѣмъ Флурансъ дѣлалъ свои опыты надъ мозгами курицъ, то онъ искалъ мѣстопребыванія памяти, чувства, разума, воли и т. д. До сихъ поръ многіе психологи распредѣляютъ идеи цѣликомъ по разнымъ клѣточкамъ мозга, не предполагая вовсе, что они впадаютъ этимъ въ чистѣйшую метафизику. Явленія афазіи дали первыя опытныя основанія для болѣе правильнаго пониманія господствующихъ въ головномъ мозгу принциповъ локализаціи. Открытіе Hitzig'омъ и Ferier двигательныхъ центровъ пролили дальнѣйшій свѣтъ. А въ настоящее время, сколько бы ни существовало еще недомолвокъ и недоразумѣній въ результатахъ экспериментальныхъ изслѣдованій и патологическихъ наблюденій въ этой области, ясно по крайней мѣрѣ то, что элементарныя душевныя качества присущи въ зачаткѣ каждому нервному элементу (опыты Пфлюгера), а сложныя душевныя явленія зависятъ отъ совмѣстнаго дѣйствія самыхъ разнообразныхъ частей нервной системы. Функціи же въ головномъ мозгу (центральной станціи нервной системы) распредѣляются не по искусственнымъ категоріямъ какой-либо изъ существующихъ классификацій, а по физіологическимъ функціямъ периферическихъ органовъ ощущенія и движенія, имѣющихъ каждый своего представителя въ центральной станціи. Преимущественно патологическія наблюденія выяснили, что то, что мы обозначаемъ какъ представленіе или идею, не есть что-нибудь простое, какъ принимали прежніе психологи, по отношенію къ распредѣленію въ пространствѣ, но составляется изъ множества частичныхъ признаковъ, изъ которыхъ каждый возникаетъ, сохраняется и воспроизводится въ своемъ спеціальномъ мѣстѣ головного мозга и можетъ въ отдѣльности быть разрушенъ извѣстными патологическими процессами. Простѣйшихъ, совершенно не сложныхъ идей нѣтъ и не можетъ быть. Всякая идея состоитъ минимумъ изъ двухъ признаковъ: одного чувственнаго, а другого двигательнаго. Въ дѣйствительности же (безъ искусственнаго отвлеченія!) всякое представленіе состоитъ изъ большей или мень-

шей суммы положительныхъ и отрицательныхъ признаковъ. Представленіе, напримѣръ, «апельсина» состоитъ изъ зрительнаго, двигательнаго, обонятельнаго, осязательнаго и вкусового признаковъ; кромѣ того, ему соотвѣтствуетъ еще нѣсколько символическихъ знаковъ; всему этому соотвѣтствуетъ въ мозгу, по крайней мѣрѣ, семь мѣстъ, въ которыхъ эти чувственныя признаки воспринимаются, сохраняются и воспроизводятся. Относящіеся къ предмету факты, доказывающіе локализацію психическихъ функцій въ головномъ мозгу именно по элементарнымъ чувственнымъ признакамъ, а не по психологическимъ категоріямъ сложныхъ явленій, вамъ, конечно, достаточно хорошо извѣстны. Остается только признать значеніе этихъ фактовъ.— Вопросы, относящіеся къ этому ученію, конечно, далеко еще не закончены, и психофизики ждутъ не дождутся еще дальнѣйшихъ фактовъ, которые, въ сущности, могутъ быть даны только патологическою казуистикой, ибо опыты надъ животными даютъ сбивчивые результаты. Но для нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, признаковъ представленій теперь уже окончательно доказано, что они распредѣляются въ отдѣльныхъ, пространственно раздѣленныхъ центрахъ. И пусть это будетъ пока одно только предположеніе, что, молъ, *всѣ* признаки представленій распредѣлены по разнымъ частямъ головного мозга, гдѣ они воспринимаются, запечатлѣваются и воспроизводятся въ отдѣльности, но это предположеніе имѣетъ уже достаточно данныхъ, которыя говорятъ въ его пользу.

Чѣмъ же отличается одна идея (или одно представленіе) отъ другого? Отвѣчаю категорично: своебразною группировкой этихъ признаковъ, распредѣляющихся по разнымъ мѣстамъ головного мозга. Если такимъ образомъ принять доказаннымъ, что элементарные признаки идей воспринимаются, сохраняются и воспроизводятся въ разныхъ (и притомъ опредѣленныхъ) мѣстахъ головного мозга, и всякая идея, даже самая простая, состоитъ изъ группировки такихъ признаковъ, то для появленія всей идеи необходима совмѣстная функція всѣхъ соотвѣтствующихъ мѣстъ. Всякая же другая идея, какъ изъ этого слѣдуетъ, будетъ состоять изъ другого сочетанія признаковъ и изъ функціонированія сочетанія другихъ мѣстъ головного мозга. Элементарныхъ признаковъ, качественно между собою различныхъ, въ сущности, сравнительно немного, и подобно тому, какъ на шахматной дос-

кѣ съ ея 64 фигурами возможны почти безконечно разнообразныя комбинаціи, такъ и небольшого сравнительно количества элементарныхъ данныхъ въ различныхъ комбинаціяхъ достаточно для того, чтобы дать въ результатѣ безконечное разнообразіе возможныхъ для человѣческаго ума представленій, понятій и мыслей.

Соединеніе между собою элементарныхъ признаковъ въ одно представленіе можно назвать элементарной ассоціаціей. Ей соотвѣтствуетъ, какъ анатомическій субстратъ, ассоціаціонные пути, которые для каждаго отдѣльнаго представленія должны имѣть своеобразный ходъ. А если себѣ ясно представить, какъ долженъ быть построенъ весь анатомическій субстратъ отдѣльнаго представленія, то само собою будетъ ясно, что сходныя съ нимъ представленія обязательно должны имѣть параллельные ассоціаціонные пути, отклоняясь только въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ существуетъ разница въ признакахъ.

Итакъ, анатомическимъ субстратомъ всякой идеи служитъ опредѣленный ассоціаціонный путь, соединяющій въ своеобразномъ сочетаніи центры элементарныхъ впечатлѣній; *физіологическимъ же эквивалентомъ* возникшей идеи является функція такого субстрата; всякая же идея, неразрывно связанная съ ея физіологическимъ эквивалентомъ, имѣетъ вмѣстѣ съ нимъ опредѣленное для себя мѣсто возникновенія и опредѣленную форму распространенія по фибрамъ нервной системы.

Спрашивается, какимъ образомъ, при такихъ воззрѣніяхъ, объяснить фактъ несомнѣннаго единства, господствующаго во всѣхъ психическихъ явленіяхъ, единства представленій, единства воли, единства сознанія,—словомъ, единства души? На это я отвѣчу: душевныя явленія едва ли такъ просты, какъ абсолютно математическая точка въ абсолютно пустопорожней безконечности. Только такая простота была бы абсолютна и исключала бы всякую сложность. Но это была бы единичность, но не единство. Понятіе о единствѣ не только не исключаетъ понятія о сложности, но требуетъ его какъ логическаго своего дополненія. Единство можетъ господствовать только между кѣмъ и чѣмъ-нибудь. Единство есть простота или гармонія въ сложномъ. Абсолютно простое или единичное можетъ быть только агармонично, и объ единствѣ тутъ рѣчи быть не можетъ. Душевныя же явленія, хотя и самыя сложныя явленія во всемъ извѣстномъ намъ мірѣ, пред-

ставляютъ намъ единственный въ своемъ родѣ примѣръ высшаго единства, чудной гармоніи и божественной красоты.

Перехожу безъ всякихъ предисловій къ анализу другого условія sine qua non всякаго явленія, къ анализу условій времени психическихъ явленій.

## II. Условія времени.

Вопросъ объ условіяхъ времени психическихъ явленій кажется гораздо болѣе простымъ. Тутъ громаднымъ подспорьемъ для насъ, или даже прямо руководствомъ можетъ послужить непосредственное чувство, которое намъ совершенно ясно и опредѣленно говоритъ, что всѣ психическія явленія совершаются, внѣ всякаго сомнѣнія, во времени. Но, конечно, всякая субъективная оцѣнка времени крайне неточна. Попытки замѣнить эту субъективную оцѣнку объективными способами измѣренія времени, въ которомъ протекаютъ психическіе акты, вамъ, несомнѣнно, очень хорошо извѣстны изъ психофизики. Я предполагаю также для васъ хорошо извѣстными всѣ изслѣдованія касательно такъ-называемой узости сознанія, доказывающія, что въ единицу времени можетъ существовать только весьма ограниченное число представленій, обязательно сливающихся, при совмѣстномъ ихъ существованіи, въ одинъ общій объектъ представляющагося. Не объ этихъ изслѣдованіяхъ я хочу вести рѣчь. Я хотѣлъ бы только сдѣлать небольшую попытку воспользоваться приблизительной оцѣнкой времени психическихъ актовъ для того, чтобы общія условія времени приложить къ общимъ условіямъ пространственныхъ отношеній (какъ я ихъ понимаю) и дать себѣ такимъ способомъ нѣкоторый отчетъ объ образѣ дѣйствія ассоціаціи идей въ обширномъ смыслѣ слова, понимая подъ этимъ не только механическое сцѣпленіе представленій, но и гармоническую ихъ смѣну въ логическомъ мышленіи. При этомъ считаю возможнымъ предупредить, что всѣ мои спеціальныя соображенія относительно субстратовъ и физіологическихъ эквивалентовъ представленій не имѣютъ рѣшающаго значенія относительно всего послѣдующаго; дѣло не въ этихъ спеціальныхъ соображеніяхъ, а въ принципіальной постановкѣ вопроса. При послѣдующемъ анализѣ условій времени психическихъ фактовъ я остановлю сегодня ваше вниманіе исключительно на явленіяхъ *дискурсивнаго* мышленія, т. е. на той формѣ ассоціаціи идей, которая имѣетъ своимъ выраже-

ніемъ членораздѣльную рѣчь. Это выраженіе мысли, устное или письменное, вполнѣ объективно, а потому имѣетъ неоспоримыя преимущества, давая намъ факты, которые каждый можетъ провѣрить. Оставлю въ сторонѣ всю не менѣе интересную для нашего вопроса область явленій взаимныхъ отношеній идей, которыя не имѣютъ или имѣютъ въ очень незначительной степени такое объективное выраженіе,—область явленій нравственныхъ и волевыхъ, ибо это повело бы насъ слишкомъ далеко.

Начну съ примѣровъ простѣйшихъ ассоціацій идей. Пусть я вамъ опять скажу слово «апельсинъ». Изъ совокупности признаковъ, въ характерномъ ихъ сопоставленіи, составляющихъ идею апельсина, одинъ признакъ явился у васъ, т. е. у слушателей, раньше другихъ, а именно звуковой образъ «а-пель-синъ». Уже потомъ онъ вызвалъ по навыку всѣ прочіе признаки: форму, запахъ, вкусъ и т. д. Такимъ образомъ идея апельсина въ вашихъ головахъ взяла свое начало въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, а затѣмъ распредѣлилась по всѣмъ другимъ мѣстамъ своего субстрата. Но такъ какъ всѣ признаки, не исключая словеснаго знака, составляютъ одно неразрывное цѣлое, то, очевидно, частичный признакъ (или его физіологическій эквивалентъ?) долженъ былъ пережить время присоединенія къ нему другихъ признаковъ, чтобы составить цѣльную идею апельсина. Слово «апельсинъ» составило вмѣстѣ съ другими признаками этого предмета одинъ, какъ я себѣ позволю выразиться, общій аккордъ.

Что же возникаетъ вслѣдъ за этимъ аккордомъ?

Въ психической жизни только съ наступленіемъ глубокаго сна наступаетъ остановка, иначе все движется, все течетъ, идея, возникшая разъ, обязательно вскорѣ смѣняется другой, третьей и т. д. Переведя этотъ эмпирическій законъ на понятіе о движеніи,—о движеніи не въ переносномъ, аллегорическомъ смыслѣ, а о движеніи въ пространствѣ и во времени,—должно его формулировать такъ: возбужденіе, возникнувъ въ одномъ мѣстѣ, обязательно должно цѣликомъ или отчасти тотчасъ перейти на другое мѣсто, съ одного анатомическаго субстрата идей на другой. Смѣна представленій, совершающаяся такимъ образомъ, называется ассоціаціей идей, теченіемъ представленій или ходомъ мышленія.

Съ чѣмъ же ассоціируется въ нашемъ случаѣ идея апельсина? Какъ это знать? Что ни голова, то своеобразный рядъ пред-

ставленій, что ни времена, то различно во всякой головѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько условій нужно брать въ разсчетъ и взвѣсить, чтобы предугадать, куда пойдетъ ассоціація? Не милліоны, а милліарды. Если отсюда заключить о возможности ни на чемъ не основаннаго произвола въ ассоціаціяхъ, то это было бы, по меньшей мѣрѣ, легкомысленно. Какъ бы сложны ни были явленія, а должны быть законы, по которымъ опредѣляется связь нашихъ представленій. Психологи скажутъ: ассоціація пойдетъ по закону смежности или сходства, или даже, какъ то и дѣлаютъ самые ярые ассоціаціонисты, по одной смежности. Я противъ такого простаго рѣшенія трудной дилеммы рѣшительно ничего не имѣю. Законы смежности и сходства представляютъ изъ себя общее выраженіе для фактовъ, въ которыхъ сомнѣваться никоимъ образомъ нельзя. Но исчерпывается ли ими все, что для насъ любопытно знать о духѣ? Положимъ, ассоціація пойдетъ отъ идеи апельсина по какой-нибудь смежности или по какому-нибудь сходству. Что же изъ этого? Въ головномъ мозгу, вѣдь, все функціонально смежно, а въ душѣ все связно, и вездѣ по всѣмъ направленіямъ найдутся точки прикосновенія. Законъ смежности идей въ психологіи то же, чѣмъ былъ бы законъ встрѣчи людей въ соціологіи. Всѣ общественныя явленія можно бы свести на яко бы «законъ» встрѣчи. Возьмите всѣ формы встрѣчъ людей между собой, все равно, какія бы они тамъ ни были,—опишите, какъ люди сходятся, раскланиваются и опять расходятся, вездѣ и повсюду,—и вы получите, несомнѣнно, прекрасную картину житья-бытья людей, но вы были бы еще очень далеки отъ пониманія законовъ, управляющихъ общественною жизнью. Законъ смежности у ассоціаціонистовъ, впрочемъ, въ сущности, всегда скрываетъ другой законъ, о которомъ большею частію говорится какъ-то вскользь: это—законъ, по которому ассоціація яко бы идетъ легче всего по слѣдамъ тѣхъ смежностей, которыя наи[illegible] чаще уже повторялись. Этотъ законъ *привычной преемственности* имѣетъ несомнѣнно большое значеніе, но только тамъ, гдѣ ассоціація идей идетъ, такъ сказать, наизусть, чисто-механическимъ путемъ, и гдѣ вообще психическій складъ уступаетъ мѣсто механическому навыку, гдѣ исчезаетъ психика и начинаетъ дѣйствовать готовая машина. Въ мышленіи же механическое повтореніе играетъ роль, только какъ подспорье; мышленіе, конечно, пользуется въ широкихъ размѣрахъ тѣмъ, что извѣстно наизусть,

но само мышленіе, какъ таковое, есть противоположность всякому механическому пересказу.

Перейдемъ, впрочемъ, скорѣе къ своему предмету. Мы спросили себя, что же мы ассоціируемъ съ идеей «апельсина»? Чтобы установить единство въ вашихъ головахъ, я вамъ назову: лимонъ, яблоко, груша,—по закону, положимъ, наичаще повторявшейся уже преемственности, или по закону сходства, какъ хотите. Какъ вы теперь полагаете, въ то время, пока я вамъ говорилъ: лимонъ, яблоко, груша, и пока *эти* соотвѣтствующія идеи преемственно изображались въ вашихъ умахъ, продолжала ли свое существованіе рядомъ съ ними идея апельсина? Я думаю: и да и нѣтъ, смотря по обстоятельствамъ. Идея апельсина какъ будто и смѣнилась послѣдовательнымъ рядомъ другихъ представленій, но какъ будто продолжала и существовать. Она какъ-то чувствовалась, хотя, можетъ быть, больше и не представлялась. Могло быть и такъ, что рядомъ съ апельсинами вы представляли себѣ груды другихъ фруктовъ, тогда явилась одна общая картина разныхъ фруктовъ, напримѣръ, на столѣ передъ вами или въ мелочной лавочкѣ, или тамъ не знаю, гдѣ. А можетъ быть, и такъ, что представленіе апельсина какъ-то стушевалось, стушевались также последовательно представленія о лимонахъ, яблокахъ и грушахъ, и осталось одно общее впечатлѣніе. Въ послѣднемъ случаѣ отъ перечисленныхъ отдѣльныхъ идей въ концѣ концовъ остался одинъ только общій аккордъ, образовалась одна общая идея,— словомъ, то, что называется понятіемъ; образовалось понятіе о фруктахъ, которое можетъ-быть даже сопровождалось, implicite или explicite, и соотвѣтствующимъ символомъ, — словомъ «фрукты». Можно ли предположить, что отдѣльныя идеи, входящія въ составъ общаго понятія, продолжаютъ свое отдѣльное существованіе даже послѣ сліянія ихъ въ одно общее понятіе? Это, по-моему, возможно бы допустить, потому что всякая идея имѣетъ свой отдѣльный субстратъ и свое отдѣльное существованіе въ мозгу. Но этому противорѣчитъ то, что при общемъ понятіи опредѣленныя идеи, входящія въ его составъ, перестаютъ отдѣльно представляться. Или ничего, можетъ быть, не остается, кромѣ слова? Но въ нашемъ случаѣ этого слова, какъ символа, связывающаго рядъ представленій, можетъ быть, вовсе и не было; при образованіи взаимной связи между родственными представленіями слово вовсе не обязательно. Слѣдовательно, я здѣсь во-

все не поднимаю старый споръ о номинализмѣ и реализмѣ. Вопросъ здѣсь просто въ томъ, остаются ли отдѣльныя представленія, вошедшія въ составъ общаго аккорда, остаются ли они и продолжаютъ ли они дѣйствовать? Положимъ, представленія остаются. Но что же это за представленія, которыя уже не представляются, что же это за идеи, которыя продолжаютъ свое существованіе послѣ своего исчезновенія? Это классическій nonsens, — классическій потому, что онъ повторяется почти всѣми классическими философами со временъ — jam ante Platonem, достигаетъ классическихъ геркулесовыхъ столбовъ у нѣмцевъ, а въ скрытомъ, замаскированномъ видѣ содержится даже въ ученіяхъ классиковъ англійскаго ассоціаціонизма (сравни законъ относительности и соотносительности всѣхъ идей и т. д.).

Однако же, что-то остается послѣ образованія этого общаго аккорда. Притомъ, ясно чувствуется, что остается не только въ совокупности, но даже какъ-то въ отдѣльности, остается и, что важнѣе всего, форменно продолжаетъ дѣйствовать и вліять. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ говорятъ: представленія остаются на второмъ планѣ сознанія, или за порогомъ сознанія. Я никакъ не могу согласиться, чтобы такія и подобныя выраженія можно было назвать удачными, и чтобы эти выраженія давали хоть какое-либо представленіе о томъ, что совершается. Сознаніе здѣсь изображается какою-то комнатою, въ которую представленія входятъ, — милости просимъ, — черезъ какой-то дверной порогъ; или сценою съ кулиссами, за которыми представленія стоятъ и ждутъ очереди, чтобы представиться почтеннѣйшей публикѣ; или полемъ, надъ горизонтомъ котораго представленія всходятъ и заходятъ, какъ солнце, или экраномъ, на который проэцируется картина, вырисовывающаяся ясно только въ серединѣ, какъ отъ плохой camera lucida. Это все аллегоріи и больше ничего,—аллегоріи о какихъ-то пространствахъ тамъ, гдѣ пространства, въ сущности, нѣтъ, по утвержденію, по крайнѣй мѣрѣ, самихъ изобрѣтателей всѣхъ этихъ аллегорій. Я же, съ своей стороны, признавая дѣйствительныя пространственныя отношенія въ фактахъ душевной жизни, стараюсь избѣгнуть всякой неясности и считаю всякую аллегорію, даже въ простомъ описаніи, для картинности, напримѣръ, описуемаго, вреднымъ пріемомъ, способнымъ только внушить иллюзію пониманія тамъ, гдѣ этого пониманія рѣшительно нѣтъ, и дающимъ дурную привычку удов-

летворяться ничего не значащими фразами.—Фактъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ сущности, самъ по себѣ очень не сложенъ. Исчезнувшія въ данный моментъ представленія намъ кажутся какъ бы еще существующими, хотя мы ясно сознаемъ, что въ дѣйствительности ихъ уже нѣтъ; или, вѣрнѣе, мы чувствуемъ, что отъ нихъ что-то осталось, хотя ихъ самихъ уже нѣтъ. Такое чувство существованія чего-то, что соотвѣтствуетъ представленію въ то время, когда этого представленія навѣрное нѣтъ, достигаетъ иногда высокой степени интенсивности, такъ что сомнѣваться въ существованіи факта, о которомъ идетъ рѣчь, едва ли возможно. Такъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы ищемъ подходяшаго слова, не находимъ его. Представленія нѣтъ на лицо, но мы чувствуемъ, что оно имѣется. Чувство это можетъ дойти до степени самой интенсивной душевной муки, — представленіе не является... оно явится, можетъ быть, впослѣдствіи — вдругъ, посреди совершенно посторонней мысли.—Итакъ, остается или нѣтъ представленіе апельсина послѣ того, какъ я назвалъ далѣе: лимонъ, яблоко, груша, въ тотъ моментъ, когда изъ ряда представленій образовался одинъ общій аккордъ? Представленія, вошедшія въ составъ такого, какъ я это называю, аккорда, скажутъ мнѣ, продолжаютъ, вѣроятно, существовать, но только они не сознаются, существуютъ не въ дѣйствительности, а только виртуально, интенціонально. Такъ, — но нѣчто, что не существуетъ болѣе для сознанія, продолжаетъ ли то принадлежать къ міру открываемому внутреннимъ опытомъ, въ противоположность къ міру, открываемому внѣшнимъ опытомъ? Можетъ ли то, что исчезло какъ элементъ сознанія, быть выражено въ терминахъ сознанія? Очевидно, нѣтъ. Что перестало непосредственно сознаваться, то перестало быть предметомъ внутренняго опыта, то можетъ быть представлено только какъ внѣ этого опыта лежащее; что перестало представляться, то перестало быть представленіемъ; и если представленіе и оставило послѣ себя что-нибудь, то это можетъ быть только слѣдомъ, но слѣдомъ оставленнымъ не психологическою стороной всего акта, а стороной, шедшей параллельно съ ней, стороной физіологической, т. е., слѣдомъ не представленія, какъ таковаго, а слѣдомъ его физіологическаго эквивалента. Слѣдовательно, изъ дилеммы, поставленной мною, есть только одинъ исходъ: нужно признать, что остаются не представленія, какъ таковыя, а только *физіологическіе ихъ эквиваленты*.

Какая же разница между эквивалентомъ, когда онъ сопровождается представленіемъ, и тѣмъ же эквивалентомъ, когда онъ не сопровождается представленіемъ? Я объ этомъ ничего не знаю Я даже не могу высказать здѣсь никакихъ на этотъ счетъ предположеній, потому что это было бы не у мѣста. Достаточно признать, что остаются физіологическіе эквиваленты въ то время, когда сами представленія уже исчезли. Про эти эквиваленты можно сказать только то, что Бэнъ говоритъ о возобновленныхъ чувствованіяхъ, сравнивая ихъ съ оригинальными чувствованіями: эквиваленты «даютъ занятіе» тѣмъ же самымъ частямъ мозга и такимъ же точно образомъ, какъ и идеи (представленія), — и никакимъ другимъ частямъ, никакимъ другимъ, доступнымъ опредѣленію, образомъ (Bain: The Senses and the Intell., p. 344).

Перечисленіе предметовъ, которое я сдѣлалъ для примѣра, содержало въ себѣ извѣстный логическій смыслъ. Это, очевидно, зависѣло отъ того, что, кромѣ ихъ привычной смежности, между ними оказалось еще большое число точекъ соприкосновенія; предметы перечисленные имѣли много общихъ признаковъ, другими словами, они принадлежали къ группѣ представленій, въ извѣстной степени сходныхъ между собою. Представленія легко и какъ бы сами собою вступили между собою въ очень тѣсную взаимную связь и составили одно общее понятіе. Физіологически, съ моей точки зрѣнія, это очень легко понять, потому что всѣ субстраты идей, сходныхъ между собою, лежатъ параллельно другъ другу въ ближайшемъ сосѣдствѣ, отклоняясь только въ очень несущественныхъ чертахъ. Гдѣ нѣтъ такой тѣсной логической связи представленій, входящихъ въ составъ перечней, тамъ, вопреки смежности представленій, въ смыслѣ ассоціаціонной психологіи, связь устанавливается съ трудомъ, даже вопреки частому повторенію той же ассоціаціи,—вопреки закону наиболѣе частой преемственности. Чтобы показать на примѣрѣ, какую громадную роль играетъ съ самаго начала логическая связь при ассоціаціи идей, беру совершенно произвольный рядъ представленій, напримѣръ, сигара, пѣтухъ, Цицеронъ, пуговица, квасъ, шляпа и т. д. Тутъ, конечно, невозможно найти какую-либо логическую связь; перечисленіе безсмысленное и, соотвѣтственно этому, исходная идея сигары съ трудомъ переживаетъ время возникновенія сосѣдей по ассоціаціи. Члены алогическаго перечисленія не составляютъ общаго понятія,—между ними нѣтъ сходства, нѣтъ общихъ признаковъ,

и ихъ физіологическіе эквиваленты лежатъ въ полномъ безпорядкѣ во всѣхъ направленіяхъ въ мозгу. Члены алогическаго порядка обыкновенно забываются быстро, исчезновеніе ихъ изъ головы чувствуется моментально, и даже при очень частомъ повтореніи запоминаніе идетъ очень туго, развѣ только ухо совершенно внѣшнимъ образомъ привыкнетъ къ странному сочетанію безсвязныхъ звуковъ.

Рядъ идей, связанныхъ между собою логически, составляетъ, во всякомъ случаѣ, одинъ общій аккордъ, все равно, вызовутъ ли эти идеи общее для нихъ понятіе explicite, или это понятіе останется, какъ это чаще всего бываетъ, implicite. Образованіе такого общаго понятія чувствуется, несмотря на то, что оно, можетъ быть, не развилось въ отдѣльно стоящую единицу мышленія. Тогда я говорю: образовался, по крайней мѣрѣ, одинъ общій аккордъ, соотвѣтствующій общему понятію, а также соотвѣтствующій этому физіологическій эквивалентъ, можетъ быть еще никогда не выразившійся въ отдѣльности. Вотъ вамъ, кстати, и примѣръ физіологическаго основанія для того, что у насъ принято называть безсознательной дѣятельностію идей. Я же этого выраженія не употребляю, потому, во-первыхъ, что нахожу противорѣчіе въ выраженіи «безсознательная идея», а во-вторыхъ—потому, что не убѣжденъ, совершенно ли безсознательно то, что происходитъ: можетъ быть, образованіе аккорда между идеями сопровождалось здѣсь же довольно опредѣленнымъ чувствомъ, чувствомъ гармоническаго сложенія, какъ предчувствія возникновенія въ будущемъ уже готоваго понятія.

Если данъ аккордъ (или связующее понятіе explicite или implicite), то уже легко предсказать, куда далѣе пойдетъ ассоціація. Я, напримѣръ, сказалъ вамъ: фрукты, а вы тотчасъ скажете: апельсинъ, лимонъ, яблоко, груша; я сказалъ: апельсинъ, лимонъ, яблоко, груша, а вы быстро и какъ бы сами собою добавите: персикъ, абрикосъ, слива, вишня и т. д. Это потому, что всякій логическій перечень содержитъ въ себѣ понятіе, а всякое понятіе содержитъ въ себѣ логическій перечень; первое есть синтезъ втораго, а второе есть анализъ перваго. Но и всякая идея, сама по себѣ, принадлежитъ къ извѣстной группѣ другихъ идей, или, другими словами, содержитъ въ себѣ implicite соотвѣтствующее понятіе. На этомъ основано то пониманіе, которое сопровождаетъ въ большей или меньшей степени всякое представленіе; оно есть

не что иное, какъ образованіе гармонической связи не одного представленія, конечно, съ другими, не представляющимися представленіями, а съ физіологическими эквивалентами другихъ, сродныхъ представленій.

Изъ вышеизложеннаго ясно, какое громадное, можно сказать, всемогущее значеніе имѣютъ при ассоціаціи идей общія понятія. Они руководятъ даже простѣйшею формой ассоціаціи, простымъ перечисленіемъ. Они производятъ то, что наше мышленіе не есть алогическое скаканіе отъ одного предмета къ другому по случайной ихъ смежности, хотя бы сто тысячъ разъ повторенной, и даже не по случайно найденнымъ сходствамъ, но синтетическій ростъ, аналитическое развитіе и гармоническое единство.

Ассоціація идей, конечно, сравнительно рѣдко протекаетъ въ простыхъ перечисленіяхъ. Несравненно чаще, даже сплошь, ассоціація идей состоитъ изъ ряда сужденій. Простѣйшее сужденіе, выраженное дискурсивно, состоитъ изъ подлежащаго и сказуемаго. Возьмемъ для примѣра простѣйшее сужденіе: «апельсинъ зрѣетъ». Переживаетъ ли идея апельсина идею созрѣванія? Да, непремѣнно, иначе идея апельсина не могла бы согласоваться съ идеей созрѣванія, а подлежащее—апельсинъ—не могло бы согласоваться съ сказуемымъ—зрѣетъ. Слѣдовательно, идеи не просто механически вызвали другъ друга по смежности и не стали просто рядомъ; онѣ вступили между собою въ опредѣленное взаимное отношеніе. Слово «зрѣетъ» выражаетъ перемѣну, совершившуюся *надъ* представленіемъ апельсина. Когда я сказалъ: апельсинъ зрѣетъ, то тогда въ вашихъ головахъ апельсинъ сталъ и краснѣе, и слаще, и вкуснѣе. Переведя это на физіологическую точку зрѣнія, я сказалъ бы: вслѣдствіе новаго слухового впечатлѣнія, линіи, ассоціировавшія элементарные признаки, у васъ нѣсколько передвинулись. У меня же въ головѣ, въ тотъ моментъ, по крайней мѣрѣ, когда я впервые придумывалъ примѣръ, дѣло происходило, вѣроятно, иначе: сначала признаки апельсина измѣнились, а потомъ уже появилось сужденіе о томъ, что онъ зрѣетъ. Отчего же оригинальная ассоціація идей пошла у меня именно по такому, а не по иному направленію? Очень можетъ быть, что и по закону привычной уже смежности. Незрѣлые апельсины, можетъ быть, часто лежали около зрѣлыхъ. Все можетъ быть. Но гораздо вѣроятнѣе, что ассоціація приняла такое именно направленіе черезъ посредство общаго понятія, содержащагося implicite

въ представленіи объ апельсинахъ. «Плоды растутъ и зрѣютъ, апельсинъ—плодъ, слѣдовательно, апельсинъ растетъ и зрѣетъ»,— вотъ то логическое основаніе, можетъ-быть, еще никогда въ такой формѣ explicite не выраженное, которое по своей общности (а не по своей привычности) есть наиболѣе вѣроятная причина появленія даннаго сужденія въ частности. Но, помимо этого, дѣло могло произойти еще гораздо проще (и въ одномъ изъ предыдущихъ засѣданій Психологическаго Общества на эту возможность уже указывалъ д-ръ А. А. Токарскій). Дѣло въ томъ, что всякое представленіе, нѣкоторое время просуществовавшее, имѣетъ тенденцію измѣниться прежде, чѣмъ исчезнуть совершенно, можетъ быть, на тѣхъ же физіологическихъ основаніяхъ, какъ мѣняются оптическіе слѣды на сѣтчаткѣ. Какъ бы то ни было, но физіологическій эквивалентъ представленія апельсина претерпѣлъ видоизмѣненіе,—надъ представленіемъ совершилось дѣйствіе, и это дѣйствіе выразилось глаголомъ, согласованнымъ, какъ сказуемое, со своимъ подлежащимъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этихъ трансформаціяхъ физіологическихъ эквивалентовъ представленій заключается самый обильный источникъ не только сновидѣній и бреда, но и всякаго творчества. А въ сущности, всякое наше сужденіе, даже самое простое, но самостоятельное, а не повторенное по привычной преемственности, есть актъ несомнѣннаго творчества.

Между появленіемъ подлежащаго и появленіемъ сказуемаго можетъ протечь нѣкоторое время, большее или меньшее—въ извѣстныхъ границахъ. Напримѣръ, апельсинъ этотъ..... (многоточіе).... гнилъ. Ставлю свой старый вопросъ: продолжаетъ ли въ этотъ промежутокъ времени свое существованіе подлежащее въ ожиданіи своего сказуемаго? Да или нѣтъ? Трудно въ данномъ случаѣ съ положительностію рѣшить. А если вставляются еще разныя, часто къ предмету вовсе не относящіяся мысли? напримѣръ, если я скажу: «этотъ апельсинъ (не въ обиду будь вамъ сказано, я вообще никого не хотѣлъ бы чѣмъ бы то ни было задѣть за живое) —гнилъ». Мысль часто перерывается еще гораздо болѣе неподходящими вставками, въ особенности, такими, которыя врываются извнѣ. Напримѣръ, начнетъ человѣкъ свою рѣчь такъ: «Апельсины, милостивые государи (здѣсь онъ возьметъ глотокъ чаю, закуритъ папиросу, а затѣмъ продолжаетъ) растутъ въ Италіи». Если предположить, что въ теченіе всего времени перерыва мысли посторонними дѣлами, представленіе объ апельсинѣ дер-

жалось въ головѣ съ одинаковою силой, то это мало вѣроятно. Напротивъ, нужно предположить, что представленіе, какъ таковое, въ подобныхъ случаяхъ совершенно исчезаетъ, хотя, съ другой стороны, отъ него остается что-то такое, что не есть представленіе. Съ субъективной точки зрѣнія, если что, можетъ быть, и остается, то развѣ только общее и неопредѣленное чувство, что представленіе сейчасъ должно опять вызваться; а съ объективной точки зрѣнія нужно признать, что въ мозгу остается физіологическій эквивалентъ представленія, который и дѣлаетъ то, что начавшій свою рѣчь не будетъ слишкомъ долго посреди нея пить чай и курить папиросу и не забудетъ, что онъ рѣчь завелъ объ апельсинахъ.

Я нарочно для примѣра взялъ алогическую вставку для того, чтобы рѣзче отмѣтить значеніе физіологическихъ эквивалентовъ представленій. Въ непрерывной же логической рѣчи всѣ вставки, въ родѣ всякихъ опредѣленій, дополненій, придаточныхъ предложеній и вводныхъ словъ и т. д., связаны и согласованы въ одинъ цѣльный, гармоническій аккордъ. Вдумываясь въ сложность взаимныхъ отношеній идей, входящихъ въ составъ такой сложной мысли, мнѣ даже страннымъ кажется, какъ можетъ тутъ быть рѣчь о господствѣ единственно только закона наиболѣе обычной преемственности, если говоритъ человѣкъ, а не попугай. Не стану вдаваться въ подробности,—это значило бы повторять здѣсь то, что говорится (съ иною, конечно, цѣлью) въ каждой грамматикѣ. Всѣ этимологическія и синтаксическія формы членораздѣльной рѣчи суть выраженія многообразныхъ взаимныхъ отношеній, которыя существуютъ между представленіями (черезъ посредство ихъ физіологическихъ эквивалентовъ). И какъ бѣденъ кажется даже самый богатый формами языкъ по сравненію съ безконечнымъ разнообразіемъ того, что человѣкъ хотѣлъ бы выразить! Безпомощность языка въ этомъ отношеніи, повидимому, все болѣе и болѣе чувствуется цивилизованнымъ человѣчествомъ, и, отчаявшись, оно начинаетъ упрощать грамматическія формы своей рѣчи. Но, какъ бы то ни было, пока мы всѣ еще не сократили свой языкъ, подобно англичанамъ, и пока мы еще не перешли къ слогу телеграммъ, рѣчь останется самымъ живымъ объективнымъ выраженіемъ того, что совершается внутри насъ, когда мы мыслимъ. Фактъ на-лицо: представленія послѣдовательно ассоціируются другъ съ другомъ, возникаютъ и, возникнувъ,

тотчасъ исчезаютъ, а все-таки между ними оказывается опредѣленное согласованіе. Согласованіе, говорятъ, совершается по чутью. Это такъ, —но не можетъ же представленіе существующее согласоваться съ представленіями исчезнувшими и съ представленіями еще не представившимися? Выводъ мой одинъ: хотя представленія и исчезаютъ тотчасъ послѣ ихъ появленія одно за другимъ, но остаются ихъ физіологическіе эквиваленты, которые не только вліяютъ на то, что далѣе должно появиться въ ассоціаціи, но и опредѣляютъ, какъ и въ какой связи оно должно появиться. Такимъ-то образомъ играютъ, по моему мнѣнію, въ человѣческой головѣ тѣ чудныя мелодіи, которыя называются логическимъ мышленіемъ. Общіе аккорды обязательно сопровождаютъ эти мелодіи. Они являются или съ самаго начала, и тогда мелодія есть какъ бы саморазвитіе этихъ аккордовъ, или они являются,—въ особенности, при воспріятіи чужихъ мыслей,—только въ концѣ. Любопытно наблюдать, какъ нетерпѣливо иногда ждутъ всякія второстепенныя дополненія, опредѣленія, придаточныя предложенія и т. д. своего окончательнаго согласованія въ главномъ предложеніи. Напримѣръ, если я начну свою рѣчь такъ: въ прекрасномъ климатѣ Италіи, гдѣ нѣтъ нашихъ зимнихъ вьюгъ и морозовъ, гдѣ термометръ рѣдко опускается ниже нуля и т. д., и т. д... Да что въ Италіи? причемъ тутъ вьюги, морозы и термометръ? Я давно знаю, къ чему это, зналъ даже раньше, чѣмъ началъ свою рѣчь, а у васъ все это ждетъ своего разрѣшенія, своей гармонизаціи. Итакъ, что же въ Италіи?—то, что простолюдинъ не нуждается въ полушубкахъ. А сколько разнообразныхъ мыслей въ это время толпилось въ вашихъ головахъ, пока я не покончилъ съ своей фразой? Начатая фраза требовала съ извѣстнымъ напряженіемъ своего окончанія. Но что, спрашивается, требовало? —Чувство,—но за этимъ чувствомъ скрывалось опредѣленное содержаніе. Содержаніе это дано было представленіями. Представленія, возникнувъ, исчезали послѣдовательно, уступая другъ другу мѣсто. Оставались только ихъ физіологическіе эквиваленты, съ извѣстнымъ напряженіемъ требовавшіе дальнѣйшей ассоціаціи.

Какъ сложны и извилисты бываютъ ассоціаціи въ логически связанномъ мышленіи! Вспомните, напримѣръ, тяжеловѣсный слогъ Ломоносова и Карамзина, вспомните хитросплетенную конструкцію фразъ вашей латыни или пресловутое нѣмецкое Haben, Wer-

den, Sein на концѣ предложенія въ полторы страницы—и вы согласитесь, что легко могло показаться, будто образы, представленія, понятія и сужденія цѣлыми массами и рядами въ громадномъ числѣ толпятся рядомъ другъ около друга, тѣснятъ и толкаютъ другъ друга, сплетаясь и расплетаясь, точно въ котильонѣ. Одно лишь вѣрно, что ряды представленій, которыя смѣнялись бы только по смежности, хотя бы съ прибавкой еще сходства и различія, дали бы мышленіе, по существу, безсвязное, еслибы они не явились какъ повтореніе чего-то наизусть. Можно различить три степени недостаточности связи въ мышленіи: непослѣдовательность, безсвязность и спутанность. Въ послѣдней степени спутанности замѣчается отсутствіе даже грамматическаго согласованія словъ при полномъ господствѣ законовъ смежности и сходства, и это только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ остраго бреда (Délire aigu), гдѣ жизнь—какъ психическая, такъ и физическая—виситъ на волоскѣ.

Аккорды, приводящіе къ окончательному согласованію рядъ идей, являются у слушателей, большею частію, подъ самый конецъ, по выслушаніи всей фразы или рѣчи. Однако, у слушателя нерѣдко мысль предугадывается, является ясное и опредѣленное предчувствіе того, что далѣе должно слѣдовать, выраженіемъ чего служатъ восклицанія, въ родѣ: «а, знаю!» «понимаю», «ну, конечно», «какъ бы не такъ» и тому подобныя. И это происходитъ моментально. За этими словами скрывается опредѣленное содержаніе,—не представленія и мысли, конечно, ибо что это за представленія, которыя еще не представились, и что это за мысли, которыя еще не мыслились. Это опять-таки физіологическіе эквиваленты извѣстныхъ представленій и мыслей, которые, возбудившись, держатся съ извѣстною степенью напряженія и требуютъ своего дальнѣйшаго развитія. Говорящій экспромптомъ обыкновенно разомъ чувствуетъ все содержаніе своей будущей мысли; ему только остается дать свободный ходъ своему порыву, и слова текутъ, какъ изъ рога изобилія, наполняясь на ходу новыми вдохновенными мыслями. Описываемымъ и другимъ подобнымъ фактамъ даютъ обыкновенно такое толкованіе, что будто бы разомъ съ необыкновенною быстротою «мимо духовнаго ока проносятся мысли». Такой неимовѣрной быстроты смѣны представленій и мыслей въ дѣйствительности никто не наблюдалъ; опыты, напротивъ, показываютъ, что представленія для своей смѣны требуютъ сравни-

тельно довольно продолжительнаго времени (до $^1/_3$ и даже до 1 секунды). Самонаблюденіе показываетъ только, что нерѣдко мы разомъ чувствуемъ присутствіе болѣе или менѣе обширнаго содержанія, но при этомъ много если одно или нѣсколько представленій, какъ ракеты, промелькнутъ въ головѣ, все прочее въ такіе моменты вовсе не представляется и не мыслится. Предполагаемая быстрота смѣны мыслей въ такіе моменты вовсе не фактъ самонаблюденія, а одна изъ попытокъ объяснить явленіе. Но если и допустить невѣроятное, то все же никакой быстротой не объяснить всего послѣдующаго: съ какой бы быстротой ни промелькнули представленія и мысли, они, во всякомъ случаѣ, не могли бы оставаться, а потому не могли бы и руководить послѣдующимъ дискурсивнымъ мышленіемъ. Остается, говорятъ, чувство, которое и руководитъ ходомъ представленій. Это допустить можно, но вмѣстѣ съ этимъ должно также признать, что позади этого чувства стоитъ опредѣленное содержаніе. Если же это содержаніе и не могло быть разомъ готово, то оно могло быть сразу подготовлено въ одномъ общемъ основномъ аккордѣ физіологическихъ эквивалентовъ представленій и мыслей.

И этотъ аккордъ звучитъ все дальше и дальше, осложняется и комбинируется съ новыми звуками и неудержимо требуетъ дальнѣйшаго своего развитія, пока, наконецъ, въ заключительномъ созвучіи онъ не получитъ окончательнаго своего разрѣшенія.

Фактически очень рѣдко бываетъ, чтобы одна единичная идея ассоціировалась съ другой единичной идеей, не касаясь вовсе всего прочаго содержанія, скрытаго въ данный моментъ въ чувствѣ. Обыкновенно цѣлые ряды предыдущихъ представленій и мыслей вызываютъ слѣдующія представленія и мысли въ извѣстной логической послѣдовательности. Еслибъ идеи шли, какъ косточки въ четкахъ, одна за другой въ той преемственности, въ которой онѣ проявляются, то только именно послѣдняя идея обязательно рождала бы слѣдующую. Это дѣйствительно такъ и бываетъ, но не при логическомъ мышленіи, а только при повтореніи наизусть съ трудомъ заученнаго въ зубрячку. Бываетъ ли вообще предыдущая идея когда-либо причиной возникновенія послѣдующей идеи? Не знаю, можетъ быть... но, во всякомъ случаѣ, только въ самомъ обыкновенномъ, популярномъ смыслѣ слова «причина», т.-е. она можетъ лишь случайно играть роль послѣдняго толчка для возникновенія послѣдующей идеи. Но бываетъ

ли непосредственно предшествующая идея когда-либо условіемъ для возникновенія послѣдующей идеи? Нѣтъ, никогда. Я одинаково могу сказать: апельсины зрѣютъ въ Италіи, въ Италіи зрѣютъ апельсины, зрѣютъ въ Италіи апельсины и т. д., и это все въ зависимости отъ условій, въ этой фразѣ вовсе не лежащихъ. Идеи вяжутся съ идеями, мыслями не по ихъ случайному сосѣдству и не по случайно и односторонне найденному сходству, а по ихъ относительному значенію въ ряду всей совокупности представленій и мыслей во взаимномъ отношеніи ихъ эквивалентовъ. На болѣе значительныхъ идеяхъ и мысляхъ лежитъ удареніе: если не онѣ сами, то, навѣрное, ихъ физіологическіе эквиваленты съ извѣстнымъ напряженіемъ и упорствомъ удерживаются въ головѣ, и ими обусловливается направленіе и распредѣленіе всего дальнѣйшаго теченія ассоціаціи. Напряженіе и упорство не самихъ, конечно, представленій и мыслей, а того, что послѣ нихъ остается или что имъ предшествуетъ, чувствуется иногда совершенно ясно и составляетъ то, что называется чувствомъ интеллектуальнаго интереса. Умственный интересъ возбуждается всегда, когда къ уже сложившемуся гармонически цѣлому присоединяются элементы, грозящіе нарушить эту гармонію, или если къ агармоническому комплексу присоединяются новые элементы, обѣщающіе возстановить новую, небывалую гармонію. Это фактъ, фактъ, можетъ быть, неудачно выраженный, но тѣмъ не менѣе фактъ, что что-то внутри насъ требуетъ извѣстнаго пополненія и развитія. Живучесть же этихъ чисто интеллектуальныхъ интересовъ увеличивается черезъ присоединеніе къ нимъ, по законамъ ассоціаціи, интересовъ нравственныхъ съ ихъ эмоціями, страстями, желаніями, стремленіями и хотѣніями.

Время мнѣ не позволяетъ здѣсь объ этомъ распространяться, хотя именно въ этой области можно найти самые разительные примѣры, иллюстрирующіе все значеніе физіологичечкихъ эквивалентовъ представленій. Напомню только, что умственный интересъ къ извѣстному предмету, слѣдовательно, по-моему, напряженное состояніе опредѣленныхъ физіологическихъ эквивалентовъ идей и мыслей--можетъ пережить не только минуты и часы, а можетъ существовать и продолжать дѣйствовать, капля за каплей, цѣлые годы, десятки лѣтъ и всю жизнь.

Умственнымъ интересомъ обусловливаются тѣ явленія, кото-

рыя извѣстны подъ названіемъ интеллектуальнаго вниманія. Вниманіе есть, такъ сказать, проявленіе интереса въ надлежащее время и въ надлежащемъ мѣстѣ. Вниманіе можетъ относиться до внѣшняго міра, до чужихъ мыслей, выслушиваемыхъ или вычитываемыхъ, и тогда это вниманіе внѣшнее; но оно можетъ относиться также до собственныхъ представленій и мыслей, и тогда это вниманіе внутреннее. При усиленномъ вниманіи чувствуется, обыкновенно говорятъ, извѣстное напряженіе извѣстныхъ мышцъ. Очень можетъ быть. Но что заставляетъ мышцы напрягаться? Опредѣленныя представленія? — Едва ли, потому что представленія идутъ своимъ чередомъ, измѣняясь. Это — напряженіе извѣстныхъ физіологическихъ эквивалентовъ представленій и мыслей, которое можетъ продолжаться въ теченіе неопредѣленнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Итакъ, вниманіе есть то напряженное состояніе физіологическихъ эквивалентовъ представленій и мыслей, которымъ подготовляется воспріятіе и которымъ предопредѣляется возникновеніе извѣстныхъ идей и мыслей. Понятно послѣ этого, какую роль играетъ внутреннее вниманіе въ дѣлѣ правильнаго гармоническаго мышленія. Это — та сила, перераспредѣляющая и направляющая всякую ассоціацію идей сообразно опредѣленнымъ цѣлямъ, о которой здѣсь не разъ уже говорилось; но я, конечно, не въ точномъ смыслѣ назвалъ вниманіе силой, потому что везутъ лошади, а не кучеръ, который ими управляетъ.

Чѣмъ же управляется, спросятъ, само вниманіе? Развѣ изъ всего вышесказаннаго это не ясно? Говорятъ, вниманіе управляется волей. Коротко и неясно. Воля позади явленій? Къ чему тутъ этотъ deus ex machina? Волевое вниманіе не управляется волей, будто бы позади явленія стоящей: само волевое вниманіе есть актъ воли, одинъ изъ видовъ явленій, называемыхъ волевыми. Наша воля, съ субъективной точки зрѣнія, не можетъ означать ничего другого кромѣ особаго класса духовныхъ явленій, отличнаго отъ ума и отъ чувствъ. Съ физіологической же точки зрѣнія, на которую я стараюсь стать, воля есть то напряженіе эквивалентовъ представленій, которое предваряетъ будущіе духовные акты, облегчая наступленіе однихъ и препятствуя, прямо или косвенно, наступленію другихъ. Въ интеллектуальной сферѣ волевымъ вниманіемъ предопредѣляется содержаніе будущихъ представленій и мыслей. А управляется ассоціація идей, въ концѣ

концовъ, даже не собственно волевымъ вниманіемъ, которое есть только ближайшій распорядитель, а законами согласованія идей, въ томъ смыслѣ, какъ явленія природы вообще «управляются ея законами».

Если же кто-нибудь сталъ бы утверждать, что ему уже извѣстны эти законы, то онъ сказалъ бы неправду. Но законы согласованія должны существовать—сверхъ законовъ простой ассоціаціи. Это тѣ законы, по которымъ слагается та простота въ безконечно сложномъ, которая не есть абсолютная единичность въ неопредѣленной и пустопорожней безконечности, а единство высшаго порядка, гармонія, красота, микрокосмъ, единство духа и тѣла, единство живой разумной души.

**В. Р. Буцке.**

# КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

## 1. Обзоръ книгъ.

**Girard**. La Transmigration des âmes et l'évolution indéfinie de la vie au sein de l'Univers. Paris, 1892, p. 406.

Riddles of the Sphinx. A study in the Philosophy of Evolution, by a Troglodyte. London. 1891, pp. XXVII+468.

**Petavel-Oliff**. Le Problème de l'immortalité, 2 vols. Paris, 1891—92, pp. XII+441+499.

Авторъ первой изъ названныхъ книгъ задался цѣлью доказать нравственными и метафизическими доводами предсуществованіе и безсмертіе души. По его мнѣнію, «изъ всѣхъ проявленій религіозной идеи на землѣ только одна эта способна дать рѣшеніе наиболѣе грозныхъ вопросовъ, тревожащихъ людей, и въ то же время объяснить великую тайну мірозданія». Авторъ приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы «очистить ее отъ грубыхъ и дѣтскихъ идей, измѣнившихъ въ прошломъ ея истинный духъ, и вмѣсто неопредѣленныхъ, неполныхъ и часто противорѣчивыхъ указаній, которыми мы обладаемъ, дать философскую теорію, достойную нашего времени и способную удовлетворить самые возвышенные умы» (p. 8).

Безконечное существованіе души доказывается безконечнымъ прогрессомъ, а этотъ послѣдній предполагается нравственными постулатами. «Настоящій міръ не удовлетворяетъ ни утратившія надежду сердца, обледенѣлыя подъ бурями несчастья и отъ людского вѣроломства, ни потерянныя души, разбившіяся о скалы жизни. Ни тотъ, кто разочарованъ во всемъ и позналъ ничтожество земныхъ радостей и величія, ни тотъ, кто разсчитываетъ

на будущее, не могутъ удовлетвориться настоящею жизнью». Большинство для ея продолженія нуждается въ поддержкѣ надеждой, что мы идемъ «къ идеалу болѣе возвышенному, справедливости болѣе совершенной, счастью менѣе скоротечному» (p. 22).

Предсуществованіе души необходимо для того, чтобы можно было понять безконечное разнообразіе способностей, инстинктовъ и условій нашей жизни. Существованіе души послѣ смерти необходимо для исполненія всѣхъ тѣхъ обѣщаній, которыя даетъ намъ судьба «на зарѣ нашей юности», для осуществленія нашихъ «золотокрылыхъ грезъ», для вознагражденія за незаслуженныя роковыя потери, непризнанныя самопожертвованія, не понятыя чувства, для оправданія нашихъ идеаловъ истины и справедливости, для завершенія начатыхъ, но не доконченныхъ въ этой жизни благихъ дѣлъ и т. д. (pp. 25—26).

При этомъ безконечный прогрессъ требуетъ, чтобы наша вѣчная жизнь не была прикована къ одной нашей планетѣ, но протекала бы послѣдовательно въ безконечномъ множествѣ безконечно разнообразныхъ, все болѣе и болѣе совершенныхъ міровъ.

Автору не безъизвѣстны тѣ доводы, которыми обыкновенно думаютъ рушить подобныя теоріи. Съ понятіемъ человѣческой души (такъ обыкновенно разсуждаютъ) связано понятіе индивидуальности, а индивидуальность доказывается непрерывностью памяти. Между тѣмъ, мы помнимъ лишь то, что испытали въ этой жизни, и не знаемъ ничего изъ того, что, по предположенію, должны были пережить въ прежнихъ существованіяхъ, а потому и не имѣемъ права говорить объ этихъ послѣднихъ.

Однако (возражаетъ нашъ авторъ) память вовсе не есть нѣчто непрерывное. Зрѣлый человѣкъ не помнитъ того, что съ нимъ было въ ранней юности, глубокій старецъ иногда забываетъ о томъ, что имъ пережито въ зрѣлыхъ годахъ. Можно ли на этомъ основаніи отрицать индивидуальность?

Да и дѣйствительно ли мы не хранимъ никакихъ воспоминаній изъ предвѣчной жизни? Чѣмъ инымъ объяснить тѣ небесныя грезы, которымъ ничто не соотвѣтствуетъ въ наличной дѣйствительности, тѣ возвышенныя чаянія, которыя заставляютъ насъ переноситься въ міръ идеаловъ? Эти грезы и чаянія не говорятъ ли намъ смутно о томъ, что мы когда-то видѣли и испытывали (pp. 68—71)?

Теорія эта, очевидно, отзвукъ Платоновой. Другія параллели приведены у автора. Для сочувствующихъ подобному міровоззрѣнію, быть можетъ, будетъ не безъинтереснымъ указаніе, что взглядъ, совершенно сходный съ тѣмъ, какой защищаетъ Жираръ, уже давно нашелъ превосходное поэтическое выраженіе въ когда-то знаменитой, но теперь позабытой (между прочимъ, и нашимъ авторомъ) одѣ Вордсворта «Intimations of immortality», особенно въ стихахъ:

> Our birth is but a sleep and a forgetting:
> The Soul that rises with us, our life's Star,
> Hath had elsewhere its setting,
> And cometh from afar:
> Not in entire forgetfulness,
> And not in utter nakedness,
> But trailing clouds of glory do we come
> From God, who is our home:
> Heaven lies about us in our infancy etc. *).

Несочувствующая критика, еслибъ удостоила книгу Жирара вниманіемъ, нашла бы въ ней не мало данныхъ для отрицательнаго приговора. Можно было бы отмѣтить слабую разработку плана, отсутствіе «солидной эрудиціи», неточность терминовъ, недостатокъ «строгихъ доводовъ», быть можетъ, кто-нибудь упрекнулъ бы даже за поэтическій характеръ изложенія. Съ двумя послѣдними укорами мы не согласились бы. «Строгость доводовъ» кажется намъ понятіемъ неопредѣленнымъ и растяжимымъ. Мы думаемъ, что для каждой области вѣдѣнія существуетъ своя метода доказательствъ: въ математикѣ—математическая, въ естествовѣдѣніи—экспериментальная, въ метафизикѣ — отвлеченно раціоналистическая, а въ нравственныхъ вопросахъ, по нашему мнѣнію, могутъ быть только нравственныя доказательства. Тамъ, гдѣ эти вопросы не затрогиваются, достаточно формальной убѣдительности, поскольку она соотвѣтствуетъ или не противорѣчитъ фактамъ; но въ нравственной области необходимо справляться съ нравственнымъ чувствомъ, такъ какъ здѣсь всякій вѣруетъ прежде всего въ то, въ чемъ находитъ наибольшее удов-

---

*) *Рус. пер.:* Наше рожденіе—это только сонъ и забвеніе. Душа, восходящая вмѣстѣ съ нами, звѣзда нашей жизни, гдѣ-то въ иномъ мѣстѣ имѣла свое пребываніе, и приходитъ издалека. Не въ полной забывчивости и не въ совершенной наготѣ, но влача облачное сіяніе, приходимъ мы отъ Бога, который есть наше обиталище. Небеса окружаютъ насъ въ нашемъ дѣтствѣ и т. д.
*Ред.*

летвореніе. Вслѣдствіе того, что въ этой области форма не отдѣлима отъ содержанія, а содержаніе столь же разнообразно и подвижно, какъ сама наша жизнь, нравственную достовѣрность нельзя выразить ни въ какой отвлеченной схемѣ. Но еслибы мы на этомъ основаніи стали отрицать правоспособность такой достовѣрности, то вся наша жизнь, а слѣдовательно, и вся наша дѣятельность, не исключая и теоретической, утратила бы всякій смыслъ, такъ какъ смыслъ жизни раскрывается лишь на почвѣ нравственнаго міровоззрѣнія. Какое нравственное міровоззрѣніе правильно, это, конечно, другой вопросъ.

Поэтическая форма была бы мало пригодна для передачи положеній, такъ называемыхъ, точныхъ наукъ, но вполнѣ умѣстна для выраженія нашихъ высшихъ чаяній. Полная истина познается не одной какой-нибудь способностью души, но всею душой въ ея нераздѣльной цѣльности, и такъ какъ эта цѣльность проявляется только въ сознаніи красоты, то поэтическая форма изложенія, коль скоро служитъ выраженіемъ прекраснаго содержанія, должна быть вмѣнена не въ укоръ, а въ заслугу мыслителю.

Всякій по своему оцѣнитъ широкія фантазіи нашего автора, что «въ составъ нашего тѣла, быть можетъ, входятъ атомы, принадлежавшіе когда-то мудрецамъ Индіи и Греціи, красавицамъ Вавилона и Аѳинъ, дикимъ и ручнымъ животнымъ, ядовитымъ и цѣлебнымъ растеніямъ» (p. 17), но едва ли кто не отнесется съ полнымъ сочувствіемъ къ надеждѣ, которой онъ заключаетъ свою книгу: «Если человѣкъ почиталъ на землѣ только идоловъ грязи и плоти, унижалъ свой разумъ, заглушалъ преступленіемъ чувство долга, то онъ отойдетъ съ душой, обремененной страшною отвѣтственностью, разбитой, приниженной и преслѣдуемой отвратительными призраками; но если онъ понялъ высокое призваніе своей жизни, если чувство добра вдохновляло всѣ его дѣйствія, если благородныя занятія ему открыли великолѣпіе разума, онъ уйдетъ въ сопровожденіи улыбающихся видѣній и унесетъ съ земли грустныя воспоминанія и возвышенныя надежды, величественныя впечатлѣнія и восхитительные образы» (p. 401).

Быть можетъ, въ подобныхъ фантазіяхъ не все—фантазія.

Напомнимъ, что въ настоящее время нѣтъ недостатка въ попыткахъ доказать предсуществованіе и безсмертіе души не только на нравственной и метафизической, но и на біологической почвѣ. Какъ

а образецъ въ области философской литературы, можно укаать на соотвѣтствующій отдѣлъ во второй изъ названныхъ нами нигъ, The Riddles of the Sphinx—своеобразной системѣ плюраизма, построенной путемъ критики основныхъ метафизическихъ роблемъ на почвѣ ученія о развитіи и признающей существоваіе Божества, но одинаково чуждой какъ пантеизму, такъ и равовѣрному теизму.

Если (такъ приблизительно разсуждаетъ ея авторъ) справедива теорія Дарвина, что человѣкъ произошелъ отъ животныхъ, эти послѣднія въ свою очередь отъ менѣе развитыхъ формъ, ъ которыхъ мы должны видѣть лишь низшую ступень обособенія единой вселенской жизни, то не вправѣ ли мы говорить безконечной исторіи человѣческаго духа? Но считать человѣка ѣнцомъ эволюціи нѣтъ основанія. «Параллельно съ физической волюціей идетъ эволюція духовная, которая относится къ перой, какъ смыслъ и мотивъ—къ внѣшнему и зримому обнаружеію. И нѣтъ причины, почему бы этотъ процессъ не былъ развитіемъ не духа вообще, но единичныхъ духовъ, и почему бы диничное *я* не могло пройти чрезъ послѣдовательный рядъ рганизмовъ и развитій сознанія, отъ амебы до человѣка, отъ еловѣка до совершенства. Такой взглядъ есть какъ бы *спириуалистическое истолкованіе происхожденія человѣка отъ животыхъ* и въ то же время обезпечиваетъ за нимъ надлежащую, соотвѣтственную часть въ безсмертіи высшаго (ultimate) духа» р. 404). Одной нашей планеты недостаточно для такой эволюіи; развитіе, начавшееся на землѣ, можетъ продолжаться и заершаться въ иныхъ мірахъ. Разсматриваемая въ этомъ свѣтѣ, еорія Дарвина есть ученіе не о нисхожденіи (descent), но восожденіи (ascent) человѣка (р. 411). Въ справедливости ученія Дарвина нашъ авторъ такимъ образомъ не сомнѣвается, а возаженія противъ индивидуальности, построенныя на фактахъ паяти, опровергаетъ совершенно сходно съ Жираромъ. Нельзя олько не пожалѣть, что онъ въ своемъ анализѣ оставляетъ безъ ниманія ученіе Вейсманна о *Keimplasma*, въ которомъ мысль объ рганическомъ безсмертіи могла бы найти подтвержденіе *).

Покажется ли эта мысль убѣдительной? Нашъ авторъ не только

---

*) Интересующихся мы отсылаемъ, кромѣ трудовъ самого Вейсманна, къ нигѣ Geddes and Thomson, The Evolution of Sex, 2 ed. Lond. 1891, гдѣ вооосъ объ органическомъ безсмертіи разобранъ сжато и ясно, pp. 258—262.

въ этомъ сомнѣвается, но даже думаетъ, что его теоріи способны возбудить противъ него ненависть. Оттого онъ и скрывается въ своей анонимной книгѣ, словно «троглодитъ въ пещерѣ», оправдываясь эпиграфомъ изъ Платона, что того, кто попытался бы освободить людей изъ пещеры и вывести на свѣтъ, они были бы готовы схватить и убить (De Rep. 517 A). Теперь онъ можетъ опасаться только убійства своихъ теорій. Будетъ ли оно совершено, увидимъ. Книга «троглодита» заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ какое выпало до сихъ поръ на ея долю и какое могли удѣлить ей здѣсь мы, говоря о ней лишь по поводу частнаго вопроса.

Если въ первой изъ разсмотрѣнныхъ книгъ вопросъ о безсмертіи обсуждается съ нравственной и метафизической точки зрѣнія, во второй преимущественно съ біологической, то въ третьей—съ историко-богословской. Взвѣшивая всѣ вообще доводы въ пользу безсмертія, какъ старые, такъ и новые, авторъ приходитъ къ выводу, что единственно убѣдительныя доказательства могутъ быть даны только Откровеніемъ. Сообразно съ этимъ, онъ приводитъ и критически оцѣниваетъ относящіеся сюда тексты изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, съ цѣлью представить въ историческомъ развитіи и истинномъ свѣтѣ христіанское ученіе о судьбахъ нашей души. Несмотря на нефилософскую постановку основного вопроса, историческая часть имѣетъ строго научный характеръ, вполнѣ соотвѣтствующій высокому развитію современной богословской критики на Западѣ. Насколько намъ извѣстно, трудъ Петавель-Олиффа даетъ впервые исчерпывающее, всесторонне разработанное и документально доказательное изложеніе христіанскаго ученія о безсмертіи.

Такимъ образомъ, вопросъ о конечныхъ судьбахъ нашей души одновременно интересуетъ представителей различныхъ направленій. Не знаменіе ли это переживаемаго настроенія? Пора легкомысленнаго отрицанія и осмѣянія стародавнихъ вѣрованій, повидимому, миновала; наступило время приложить и къ нимъ непредубѣжденный скептицизмомъ анализъ. Вмѣсто того, чтобы отыскивать въ этихъ вѣрованіяхъ несообразное и смѣшное, какъ было въ обычаѣ недавняго прошлаго, теперь стараются въ нихъ находить элементы цѣнные и истинные. Такой перемѣнѣ можно только порадоваться.

**А. Гиляровъ.**

**Külpe**. Grundriss der Psychologie auf experimenteller Grundlage dargestellt. Leipzig. 1893, стр. 478.

Къ числу выдающихся явленій въ современной психологической литературѣ нужно отнести книгу Кюльпе «Очеркъ психологіи». Въ общемъ, о ней можно сказать, что она примыкаетъ къ направленію, созданному Вундтомъ, непосредственнымъ ученикомъ котораго является авторъ. Всѣ основныя воззрѣнія автора тѣ же, что и у Вундта; даже можно сказать, что взгляды Вундта получили наилучшее объясненіе въ книгѣ Кюльпе, которая въ этомъ смыслѣ представляетъ прекрасное введеніе въ психологію Вундта, такъ какъ разъясненія Кюльпе во многихъ мѣстахъ даютъ возможность понимать то, что у Вундта остается непонятнымъ. Впрочемъ, мы не хотимъ этимъ сказать, что книга Кюльпе есть простое повтореніе психологіи Вундта; по нашему мнѣнію, въ ней все отъ начала до конца вполнѣ оригинально: совершенно своеобразный планъ сочиненія, множество экспериментовъ, произведенныхъ авторомъ и поясняющихъ важнѣйшіе законы психической жизни, сжатое, точное изложеніе и строго, до конца выдержанный планъ. Самое главное достоинство книги Кюльпе мы видимъ въ томъ, что онъ среди огромнаго матеріала экспериментальной психологіи сумѣлъ удержать равновѣсіе и сдѣлать изъ физіологической психологіи *психологію*, а не *физіологію*, какъ это дѣлаютъ многіе другіе: онъ ни на минуту не забываетъ, что физіологія есть только вспомогательная величина, которую слѣдуетъ отбрасывать тотчасъ же, какъ только миновала въ ней надобность. Хотя книга автора и изобилуетъ физіологическимъ матеріаломъ, тѣмъ не менѣе ему отведено второстепенное мѣсто: авторъ неизмѣнно преслѣдуетъ свою основную задачу—«описаніе психическихъ явленій».

Во введеніи разсматривается вопросъ о понятіи и задачахъ психологіи, о ея методахъ и вспомогательныхъ средствахъ. Здѣсь авторъ выражаетъ свой взглядъ на «отношеніе психологіи къ физикѣ и физіологіи», которое, какъ намъ кажется, вполнѣ вѣрно имъ оцѣнивается. «Говоря о вспомогательныхъ средствахъ психологіи, замѣчаетъ Кюльпе, мы умолчали о физикѣ и физіологіи, потому что онѣ намъ помогаютъ не столько въ построеніи психологіи, сколько въ работѣ пріобрѣтенія психологическихъ фактовъ: мы нуждаемся

въ физическихъ аппаратахъ и познаніяхъ для установки психологическихъ экспериментовъ, и всякій прогрессъ въ познаніи физическихъ и химическихъ условій чувственнаго воспріятія имѣетъ цѣну также и для психологическаго изслѣдованія, но результаты физики не суть матеріалъ для психологіи. Нѣсколько иначе обстоитъ съ физіологіей, такъ какъ физіологія чувствъ даетъ намъ свѣдѣнія объ ощущеніяхъ и воспріятіяхъ, физіологія же центральныхъ нервныхъ органовъ — о духовныхъ функціяхъ. Поэтому есть не мало физіологовъ, которые въ психологіи видятъ только часть физіологіи. Но это воззрѣніе основывается на теоретико-познавательномъ заблужденіи. Правда, психологія и часть физіологіи примыкаютъ другъ къ другу тѣснѣйшимъ образомъ, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что послѣднія намѣренія и цѣли въ обѣихъ наукахъ совершенно различны. Въ интересахъ прогресса психологическаго познанія, можно желать, чтобы работы физіологовъ, имѣющія психологическое значеніе, существовали, какъ было до сихъ поръ, и на будущее время. При недостаткѣ психологическихъ институтовъ, помощь такого рода со стороны физіологіи весьма желательна».

Психологію свою Кюльпе дѣлитъ на три части. Въ первой изъ нихъ говорится объ *элементахъ* сознанія, во второй о *соединеніяхъ элементовъ сознанія* и, наконецъ, въ третьей—о *состояніи сознанія*. Первая часть—объ элементахъ сознанія — распадается на вопросы: объ *ощущеніяхъ* (анализъ ощущенія, качество ощущенія, интенсивность ощущенія, репродукція и ассоціація) и о *чувствованіяхъ*. Вторая часть—о соединеніяхъ элементовъ сознанія—распадается на вопросы: о *сліяніи* (Verschmelzung) [сліяніе слуховыхъ ощущеній, сліяніе между другими ощущеніями, аффекты и влеченія] и *связи* (Verknüpfung) [пространственныя и временныя отношенія ощущеній], и, наконецъ, въ третьей части— о состояніи сознанія—говорится о *вниманіи*, о *волѣ* и *самосознаніи*, о *снѣ* и *сновидѣніяхъ*, о *гипнозѣ*. Уже изъ этого плана легко видѣть, какъ стройно расположенъ весь матеріалъ психологіи.

Въ главѣ объ «анализѣ ощущенія» Кюльпе излагаетъ, между прочимъ, т. назыв. «психофизическіе методы» съ такою полнотою и ясностью, какая только возможна въ такомъ трудномъ вопросѣ. Въ главѣ о репродукціи и ассоціаціи имъ, на основаніи ряда опытовъ, высказываются оригинальныя соображенія объ отноше-

образовъ воспоминанія къ образамъ воспріятія, а также о можности репродукціи, не основанной на ассоціаціи. Затѣмъ, › приводится рядъ критическихъ замѣчаній по поводу ученія › *ассоціаціи идей* въ такомъ видѣ, какъ она въ настоящее мя наиболѣе признана. Ассоціативная психологія утвержда-, что только раньше образовавшаяся ассоціація ощущеній тавляетъ условіе для возвращенія ихъ въ сознаніе. Съ этимъ бованіемъ находятся въ противорѣчіи два случая: во-пер-ъ, непосредственная репродукція, или сами по себѣ появ-ощіяся представленія: часто происходитъ, что у насъ мгно-но появляются сложныя центральныя ощущенія, ассоціативнаго исхожденія которыхъ мы не въ состояніи указать. Во-вто-ъ, неоспоримъ тотъ фактъ, что можетъ существовать посред-енная репродукція безъ того, чтобы предшествовала ассоціа-репродуцированнаго и репродуцирующаго представленія, безъ о, чтобы процессы сознанія, вошедшіе въ это отношеніе, ра-: стояли бы другъ съ другомъ въ какой-либо связи. Совер-нно новыя впечатлѣнія, которыя мы воспринимаемъ, вызываютъ насъ болѣе или менѣе обширныя движенія представленій. Кто кетъ сказать, что онъ исчерпалъ все изобиліе различаемыхъ пеней яркости, кто можетъ сказать, что онъ знаетъ уже лю-оттѣнокъ и встрѣчалъ его въ какой-либо ассоціаціи? Тѣмъ менѣе, всякій, при воспріятіи подобнаго оттѣнка, коль скоро сдѣлается предметомъ его вниманія, тотчасъ побуждается какому-либо обозначенію его, а, можетъ быть, и къ дру-ъ единичнымъ представленіямъ. Каждая картина, каждая зь тоновъ, видъ природы, какъ цѣлое, могутъ вызывать цен-ьно возбужденное ощущеніе, и мы не будемъ въ состояніи зать, что всегда единичные факторы общаго впечатлѣнія были одными пунктами репродукціи. Затѣмъ, въ дальнѣйшей кри-ѣ авторъ между прочимъ указываетъ, что ассоціація по сход-, какъ она обыкновенно понимается, не можетъ быть зако-ъ репродукціи. Въ отдѣлѣ о сліяніи (Verschmelzung) подробно :матривается вопросъ о сліяніи звуковыхъ ощущеній. Вопросъ гъ, выдвинутый Штумфомъ, имѣетъ огромную психологи-кую важность и состоитъ приблизительно въ слѣдующемъ: оринимаемъ ли мы сліяніе отдѣльныхъ тоновъ (напр., въ ак-дѣ), какъ нѣчто единичное или же какъ нѣчто множествен-? Разъясненію этого вопроса посвящено много мѣста у Кюльпе

Мы не можемъ въ краткой замѣткѣ дать полнаго отчета о всемъ томъ, что имѣется въ книгѣ Кюльпе, но рѣшаемся рекомендовать тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые не имѣютъ достаточной подготовки для изученія экспериментальной психологіи по Вундту, воспользоваться книгой Кюльпе, которая содержитъ все самое существенное изъ психологіи этого направленія.

**Е. Челпановъ.**

**Souriau.** La Suggestion dans l'Art. Paris, 1893, pp. 348. Разсматриваемая книга — одно изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ современнаго увлеченія гипнотическими теоріями. Авторъ пытается объяснить творческіе процессы и дѣйствіе искусства сближеніемъ съ явленіями, наблюдаемыми при гипнотизмѣ и внушеніи. Поэты, музыканты и художники очаровываютъ насъ на подобіе того, какъ гипнотизеры—своихъ субъектовъ; музыка своимъ ритмомъ, поэзія размѣромъ и чередованіемъ риѳмъ, живопись—блестящими красками, всѣ вообще произведенія искусства «художественнымъ навожденіемъ» дѣйствуютъ на насъ такъ же, какъ на гипнотиковъ «гипногенные пріемы»: однообразные звуки, фиксація зрѣнія, внушеніе. Созерцая картину или статую, слушая музыку, углубляясь въ поэтическое произведеніе, мы впадаемъ въ состояніе, напоминающее гипнотическую летаргію и переходящее, подобно этой послѣдней, въ экстазъ. И какъ въ гипнотической практикѣ гипнозъ имѣетъ значеніе лишь какъ средство, облегчающее дѣйствіе внушенія, точно также и главная цѣль произведеній искусства—внушать нашей душѣ ихъ содержаніе, а «художественный» гипнозъ есть лишь споспѣшествующее этой цѣли средство. Силою художественнаго внушенія мы, подобно гипнотическимъ субъектамъ, испытываемъ иллюзіи, галлюцинаціи, неотступныя идеи, раздвоеніе личности и т. д. Наконецъ, поэты, художники и композиторы переживаютъ состоянія, сходныя съ тѣми, которыя испытываютъ субъекты, получившіе внушенія, особенно на долгій срокъ. Какъ скоро художникомъ овладѣетъ творческая идея, онъ не успокоивается до тѣхъ поръ, пока не приведетъ ее въ исполненіе, т. е. не выразитъ въ своемъ произведеніи.

Съ формальной стороны, нельзя не согласиться съ этими аналогіями, но по существу онѣ, быть можетъ, скорѣе мнимыя, чѣмъ дѣйствительныя. Безспорно, существуютъ и такія произведенія «художества», которыя обладаютъ свойствомъ погружать въ сонъ,

но это свойство—плохая рекомендація для ихъ авторовъ. Всякое же истинно-художественное произведеніе дѣйствуетъ прямо противоположно гипнозу: оно не суживаетъ, но расширяетъ «поле сознанія», не обѣдняетъ его содержанія, а обогащаетъ, не понижаетъ духовную дѣятельность, но повышаетъ, и притомъ безъ всякой промежуточной стадіи, въ родѣ летаргіи. Точно также и свойственную гипнотическому состоянію амнесію мы напрасно стали бы искать въ дѣйствіи искусства.

Говоря о гипнозѣ, Суріо, очевидно, подразумѣваетъ подъ этимъ словомъ нѣчто отличное отъ того, что обыкновенно подъ нимъ подразумѣвается. Но тогда большая часть его сближеній—простая игра словъ. Равнымъ образомъ, и вводимое имъ въ эстетику ученіе о внушеніи не проливаетъ никакого свѣта. Это ученіе могло бы быть плодотворнымъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы мы знали, что такое внушеніе. Но на этотъ вопросъ книга Суріо отвѣчаетъ столь же мало, какъ и труды всѣхъ другихъ авторовъ о гипнотизмѣ. Повидимому, подъ внушеніемъ мы должны, по Суріо, подразумѣвать всякое впечатлѣніе, сохраняемое памятью и способное побуждать насъ къ его выраженію. Если такъ, то что же новаго вноситъ въ эстетику это ученіе?

Красота природы, по нашему автору, способна оказывать такое же гипногенное дѣйствіе, какъ и художественныя произведенія. Въ доказательство онъ приводитъ нѣсколько отрывковъ изъ поэтовъ, исключительно французскихъ, главнымъ образомъ, романтическаго направленія (Ламартинъ, Гюго). На это нельзя не замѣтить, что всякое вообще стихотвореніе выражаетъ обыкновенно только личное настроеніе его автора, притомъ, по большей части, лишь въ извѣстный моментъ. Приведеннымъ Суріо образцамъ можно противопоставить другіе, опровергающіе его мысль. Можно ли, напримѣръ, прослѣдить что-нибудь подобное гипнотическому состоянію въ извѣстныхъ «Erhabner Geist» etc. Гёте, «There is a pleasure» etc. Байрона, «Ce qu'on entend sur la montagne» В. Гюго? Для объясненія чувствъ, выраженныхъ въ этихъ общеизвѣстныхъ образцахъ, приходится обращаться не къ руководствамъ по гипнотизму, но къ метафизическимъ трактатамъ, напримѣръ, Гегеля или Шопенгауэра. А вѣдь подобныхъ примѣровъ можно привести сколько угодно. Въ нихъ нѣтъ недостатка и у цитуемыхъ авторомъ поэтовъ. (У В. Гюго они на каждомъ шагу, у Ламартина, напримѣръ, въ Jocelyn и Childe Harold).

Къ красотамъ природы принадлежитъ и «цвѣтущая женская красота», о которой не забываетъ вскользь упомянуть и нашъ авторъ. Быть можетъ, кого-нибудь она и погружаетъ въ «гипнотическую летаргію», большинство же при видѣ ея испытываютъ «экстазъ», притомъ едва ли гипнотическій.

Умиротворяющее свойство всякой вообще красоты объясняется не сродствомъ ея съ гипнозомъ, но тѣмъ, что она способна приводить нашъ духовный организмъ въ равновѣсіе, удовлетворяя одинаково какъ чувство, такъ и мыслительную способность и сосредоточивая волю на отрадной созерцательной дѣятельности, порою требующей внѣшняго выраженія. Вотъ старая, общеизвѣстная, совершенно «истинная истина». Ея вполнѣ достаточно для объясненія какъ эстетическаго наслажденія, такъ и творческихъ процессовъ, и къ гипнотизму здѣсь прибѣгать нѣтъ никакой нужды. Да и какая можетъ быть отъ него въ данномъ случаѣ польза, когда происходящіе при этомъ психологическіе процессы вовсе неизвѣстны?

Суріо увлекается своими сближеніями настолько, что прямо заявляетъ о своей «амбиціи», вызванной его «открытіемъ». И надо отдать ему справедливость: онъ можетъ гордиться своей книгой,—однако, безъ всякаго отношенія къ гипнотическимъ теоріямъ. Она свидѣтельствуетъ о широкомъ знакомствѣ его со всѣми вообще отраслями искусства и о вдумчивомъ къ нему отношеніи. Въ ней разсѣяно множество тонкихъ, мѣткихъ и остроумныхъ психологическихъ замѣчаній, интересныхъ не только для обыкновеннаго читателя, но весьма поучительныхъ и полезныхъ и для художниковъ, музыкантовъ, поэтовъ. Къ тому же она написана яснымъ и изящнымъ слогомъ.

Давая такую оцѣнку, мы вполнѣ соглашаемся съ заявленіемъ самого автора, что все то, что онъ говоритъ въ спеціальной части своего труда, до извѣстной степени,—внѣ зависимости отъ его гипнотическихъ теорій и можетъ остаться правильнымъ и въ томъ случаѣ, если мы откажемся отожествлять дѣйствіе искусства съ дѣйствіемъ гипнотизма. (р. 81).

**А. Гиляровъ.**

**Проф. М. И. Каринскій.** Объ истинахъ самоочевидныхъ. Спб., 1893. Выпускъ первый. Стр. 196.

Однимъ изъ блестящихъ явленій въ нашей философской литературѣ служитъ новый трудъ проф. Каринскаго, заглавіе

котораго нами выписано. Насколько можно судить о немъ по первому выпуску, онъ задуманъ широко: авторъ хочетъ выяснить природу самоочевидныхъ истинъ, лежащихъ въ основанiи всего нашего знанiя и служащихъ его первыми посылками, подвергнувъ предварительно критической оцѣнкѣ противоположные отвѣты на этотъ вопросъ — Канта и представителей новѣйшаго эмпиризма. Но на этотъ разъ онъ останавливается лишь на *разборѣ мнѣнiя Канта*. Этотъ разборъ, впрочемъ, и независимо отъ цѣлаго, представляетъ самостоятельный и глубокiй интересъ.

Основная мысль, господствующая надъ всѣмъ критическимъ этюдомъ автора, можетъ быть выражена такъ: ученiе Канта о самоочевидныхъ истинахъ (главнымъ образомъ, о категорiяхъ и основоположенiяхъ разсудка: причинности, субстанцiальности и пр.), какъ оно изложено въ *Трансцендентальной эстетикѣ* и *аналитикѣ* и въ параллельныхъ мѣстахъ *Пролегоменъ*, есть ученiе не критическое, а догматическое, такъ какъ, по смыслу ученiя Канта, эти истины «представляются чѣмъ-то роковымъ, на подобiе обычно предполагаемыхъ нами законовъ мертваго вещества» (50, ср. 44, 48 — 9, 66, 196). Съ большою проницательностью онъ вскрываетъ догматизмъ уже въ самой постановкѣ основной задачи *Критики*, — въ признанiи универсальности и необходимости основныхъ понятiй (аксiомъ математики, категорiй), безъ предварительнаго изслѣдованiя вопроса о томъ, «правомѣрно ли это убѣжденiе логически» (8), вслѣдствiе чего и для Канта, какъ и для Декарта и Лейбница, все, въ сущности, сводится къ акту вѣры, которая «составляетъ для него не поводъ только, не исходный пунктъ только для изслѣдованiя, и даже не основанiе только для личнаго непосредственнаго убѣжденiя въ истинности аксiомъ, а прямо, безъ всякаго ея анализа, безъ всякой попытки ея научнаго оправданiя, считается за научный, совершенно достаточный и безспорный доводъ, которымъ можно установить дѣйствительную всеобщность и необходимость, а слѣдовательно, умозрительный характеръ этихъ аксiомъ» (16). Установивъ этотъ исходный пунктъ съ большою тщательностiю и, по нашему мнѣнiю, съ непоколебимою твердостью, почтенный критикъ шагъ за шагомъ отнимаетъ у Канта почву и разрушаетъ его аргументы, — доказываетъ самымъ очевиднымъ образомъ, что между отдѣльными положенiями у Канта часто не достаетъ согласованности; что его терминологiя по мѣстамъ двусмысленна; формулировка

тезисовъ не ясна и измѣнчива; что при установкѣ тезисовъ онъ часто не руководствуется никакими опредѣленными критеріями (28, 51, 61); что, вслѣдствіе этого, его доказательства часто переходятъ въ софизмы и представляютъ кругъ; что даже въ важнѣйшей части его критики, въ ученіи о категоріяхъ, у него все сплошь перетолковано «съ одной стороны, вслѣдствіе крайняго несовершенства его психологическаго анализа, съ другой—подъ рѣшительнымъ вліяніемъ предвзятой тенденціи описать процессы такъ, чтобъ отсюда получались доказательства предполагаемыхъ имъ основоположеній отношенія» (86). Результатъ антикритики проф. Каринскаго, насколько мы его понимаемъ, можетъ быть выраженъ въ двухъ слѣдующихъ *контр-тезисахъ*. Вопервыхъ, по смыслу Кантовой теоріи, оправданіе самоочевидныхъ истинъ лежитъ въ томъ, что онѣ, будто бы, суть *необходимыя условія постановки объекта*,—говоря иначе, Кантъ хочетъ оправдать ихъ изъ условій, въ которыхъ поставлено наше мышленіе при своемъ познаніи дѣйствительности. Но наше сознаніе,—таковъ общій смыслъ возраженія проф. Каринскаго,—руководится при постановкѣ внѣшней дѣйствительности *совсѣмъ иными*, не имѣющими ничего общаго съ абстрактными категоріальными понятіями, мотивами,—именно, опирается на показанія мускульнаго чувства, сопровождаемыя сознаніемъ произвольности и непроизвольности воспріятія, въ связи съ законами перемѣщенія сферы воспріятія, благодаря чему мы отлично научаемся различать, исчезъ ли совершенно предметъ, выступившій изъ сферы нашего наличнаго воспріятія, или онъ еще продолжаетъ существовать совмѣстно съ воспринимаемою нами дѣйствительностью. Наоборотъ, Кантова теорія, при ея послѣдовательномъ проведеніи, приводитъ къ ошибочной мысли, будто «для человѣческаго знанія не можетъ быть и рѣчи о констатированіи познанія объекта въ смыслѣ какъ внутренно переживаемой самимъ субъектомъ, такъ и внѣшней ему дѣйствительности» (194), откуда у Канта и возникло его предположеніе о творческомъ синтезѣ чистаго самопознанія,—о томъ, что наше познаніе есть будто бы *не констатированіе предмета*, но его построеніе, *твореніе*. Во-вторыхъ, Кантъ связываетъ свои синтетическія требованія разсудка съ тожествомъ самосознанія,—разсматриваетъ ихъ, какъ «условія сохраненія этого тожества». Но и на этой почвѣ, какъ разъясняетъ критикъ, Кантъ устоять не могъ—и не устоялъ. Въ самомъ дѣлѣ,

такъ какъ между отдѣльными эмпирическими состояніями сознанія (созерцаніями), какъ признаетъ и разъясняетъ это и самъ Кантъ, обыкновенно вовсе нѣтъ связи, соотвѣтствующей особенно категоріямъ отношенія (причинности и пр.), то приходилось бы признать, что условіемъ тожества самосознанія служитъ не *дѣйствительный синтезъ* даннаго матеріала по категоріямъ, но лишь *возможность* его или, точнѣе, «*вѣра*, что представленія должны допускать связь по извѣстному общему типу синтеза», а отсюда слѣдуетъ, что, на самомъ дѣлѣ, категоріи вовсе не необходимыя условія тожества самосознанія, что «представленія, составляющія достояніе одного и того же сознанія, фактически могутъ оставаться разрозненными и не составлять одного представленія, съ точки зрѣнія категорій отношенія» (184 — 7). Такимъ образомъ, основоположенія у Канта лишены надлежащаго оправданія, «въ смыслѣ разъясненія логическаго, понятнаго для мысли права пользоваться ими». Они для мысли являются чѣмъ-то внѣшнимъ, фатальнымъ, роковымъ *).

Проф. Каринскій не разъясняетъ нарочито положительныхъ предпосылокъ своей критики и лишь мимоходомъ намекаетъ на нихъ. Что онъ реалистъ, это несомнѣнно: онъ признаетъ реальность внѣшняго міра открыто и весьма рѣшительно (173—6). Но какъ онъ обосновываетъ этотъ реализмъ и *что́* такое для него самого очевидныя истины, объ этомъ пока можно строить только догадки. Когда, выясняя процессъ и мотивы постановки нами внѣшней дѣйствительности, онъ возвышаетъ моментъ опыта (показанія мускульнаго чувства); когда думаетъ, что только послѣдовательный эмпиризмъ новаго времени снимаетъ со сцены остатки догматизма, столь значительные еще у Канта, и проводитъ критическое направленіе далѣе (16); когда, выясняя необоснованность Кантова положенія о чисто умозрительной природѣ математическихъ истинъ, говоритъ, что «ничто не можетъ препятствовать, напримѣръ, *устанавливать (?) какую угодно геометрическую аксіому на основаніи частныхъ примѣровъ*, ее под-

*) Позволимъ себѣ привести здѣсь, для поясненія изложенныхъ контр-тезисовъ, остроумное *reductio ad absurdum* ученія Канта. „Всѣ условія,—говоритъ проф. Каринскій, – всѣ условія или требованія для постановки объективности въ сознаніи, если ихъ разсматривать, именно, какъ требованія для постановки объективности, должны считаться (съ точки зрѣнія Канта) иллюзорными требованіями, такъ какъ не на констатированіе объекта, а на сохра-

тверждающихъ» (18), «ничто не можетъ препятствовать строго эмпирическимъ путемъ убѣждаться въ истинности аксіомы», такъ что «каждая геометрическая теорема можетъ быть доказываема чисто опытнымъ путемъ, путемъ измѣренія, сличеній и пр. п. данныхъ во внѣшнемъ опытѣ пространственныхъ фигуръ» и т. д. (19): во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ, повидимому, есть достаточный поводъ истолковывать предпосылки автора въ смыслѣ философіи эмпиризма. Но когда, съ другой стороны, въ ученіи Канта о пространствѣ и времени, какъ *апріорныхъ* созерцаніяхъ, онъ видитъ мысль «глубокую и вѣрную» и только лишь получившую «несоотвѣтственную форму» (16—17); когда, разъясняя и оцѣнивая ученіе Канта о категоріяхъ и основоположеніяхъ разсудка, онъ признаетъ въ немъ «совершенно вѣрною мысль, что разнообразныя связи, въ которыхъ воспринимаемое нами непосредственно дано нашему сознанію, не входятъ цѣликомъ сами собою въ нашу душу, какъ представляется то непосредственному сознанію, и никакъ не составляютъ результата совершенно пассивнаго процесса, по образцу пассивныхъ процессовъ природы, какъ принимаетъ ходячая психологія новаго времени, но предполагаютъ въ нашемъ сознаніи активность, самодѣятельность духа, активные процессы, въ которыхъ какъ-бы *скрыто подразумѣваются нѣкоторыя предположенія,* ко-

неніе тождества сознанія они разсчитаны, и на самомъ дѣлѣ не констатируютъ предмета для сознанія, а даютъ только призракъ предметности. А если это такъ, то.... можно ли доказывать, что подведеніе подъ извѣстное понятіе даетъ понятное для мысли, логически очевидное право ставить то или другое отношеніе въ объективномъ бытіи, когда то, что ставится, признается только призрачною объективностью, не имѣющею никакого логическаго права приниматься за то, чѣмъ оно ставится, и когда даже самый синтезъ, который долженъ считаться логически оправдывающимъ объективную постановку, оказывается въ концѣ концовъ только синтезомъ, необходимымъ для сохраненія единства сознанія? Если, напримѣръ, доказательство причинности перевести на точный языкъ, не злоупотребляя скользкимъ терминомъ объективности, то будетъ ли оно содержать въ себѣ какую-нибудь другую мысль, кромѣ слѣдующей: для того, чтобы сознаніе съ логическою необходимостью приняло совершенно ошибочную мысль, будто перемѣна произошла не въ его только представленіи, но и внѣ его, для этого необходима причинная зависимость этой перемѣны отъ нѣкоторой другой? *Такъ какъ логическаго права для логической ошибки быть не можетъ, то ясно, что подъ разъясняемою доказательствомъ логическою необходимостью можетъ разумѣться не логическое право, а роковая необходимость для мысли....*" *(195—6).*

торыми какъ бы руководится сознаніе при активномъ усвоеніи даннаго ему матеріала» (85—6), нѣкоторое «молчаливо и несознательно подразумѣваемое понятіе о предметѣ, о томъ бытіи, которое составляетъ цѣль знанія»,—нѣкоторыя «скрытыя антиципаціи мысли» (47—8): во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ, повидимому, являются достаточныя основанія классифицировать критика уже въ рядъ апріористовъ. Но въ чемъ же, въ концѣ концовъ, здѣсь дѣло? Намъ кажется, выходъ изъ этого затрудненія, путь къ опредѣленію точки зрѣнія автора, на которой у него примиряются и его эмпиризмъ и его апріоризмъ, намѣченъ имъ самимъ въ двухъ слѣдующихъ, едва ли не самыхъ рѣшительныхъ, его сужденіяхъ принципіальнаго характера. Во-первыхъ, онъ признаетъ у насъ возможность и средства проникать своею мыслью въ область дѣйствительности *дальше* того предѣла, до котораго доводитъ насъ *логика:* «несомнѣнно,—говоритъ онъ,—что непосредственное сознаніе въ своемъ констатированіи объекта и его отношеній имѣетъ сторону, которая *никогда и ни въ какомъ случаѣ логически оправдана быть не можетъ*" (173), такъ что „непосредственное сознаніе въ своей постановкѣ внѣшней дѣйствительности идетъ далѣе того, что можетъ быть логически оправдываемо» (175). Во-вторыхъ, какъ мы отчасти уже знаемъ, онъ повсюду подчеркиваетъ свободный и активный характеръ мышленія, которое не знаетъ надъ собою никакихъ непроницаемыхъ для него законовъ, никакихъ роковыхъ формъ, не терпитъ на себѣ никакихъ отвнѣ наложенныхъ путъ: «мышленіе,—говоритъ онъ,—есть дѣятельность, изслѣдующая право на достовѣрность всего, что только можетъ стать предметомъ этой дѣятельности» и, хотя «чистой, совершенной безпредвзятости фактически не представляетъ никакое научное изслѣдованіе», однако, «было бы чистымъ догматизмомъ признать цѣлую систему понятій относящеюся къ природѣ самой мысли, или составляющею самую сущность разсудочнаго синтеза,—признать ранѣе, чѣмъ эта система сдѣлалась бы *насквозь прозрачной для мысли въ ея логической необходимости*, ранѣе, чѣмъ она въ цѣломъ и частяхъ получила бы разумное оправданіе по самому своему содержанію» (49—50). Если мы смягчимъ интеллектуалистическій оттѣнокъ въ выраженіи послѣдней мысли и уравновѣсимъ его вышеприведеннымъ сужденіемъ автора объ относительно узкихъ границахъ, въ которыя заклю-

чена логика сравнительно съ другими рессурсами познанія, которыми владѣетъ нашъ духъ, то положительныя предпосылки критики проф. Каринскаго, очевидно, опредѣлятся предъ нами въ смыслѣ *волюнтаризма*,—въ смыслѣ возвышенія въ познаніи волевыхъ и вообще практическихъ мотивовъ мысли, т. е. въ томъ направленіи, къ которому почтенный авторъ склоняется уже въ первомъ своемъ литературно-философскомъ произведеніи, изданномъ двадцать лѣтъ тому назадъ („*Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи*", Спб., 1873). Если предлагаемое нами истолкованіе взглядовъ почтеннаго представителя нашей современной философіи вѣрно, то въ его дѣятельности мы имѣемъ рѣдкій случай неизмѣнной вѣрности разъ принятому направленію, – упорной работы мысли въ виду однихъ и тѣхъ же, твердо поставленныхъ съ самаго начала, задачъ. И понятно, какой въ виду этого интересъ должны представлять дальнѣйшіе выпуски начатаго труда.

И изъ того немногаго, что нами сказано о монографіи проф. Каринскаго, можно усмотрѣть, что она заслуживаетъ полнаго вниманія и самаго серьезнаго отношенія со стороны представителей нашей философіи. Правда, она читается не легко. Скажемъ даже болѣе: читать её весьма трудно. Мы не припомнимъ ни одной книги не только русской, но даже и нѣмецкой, чтеніе которой потребовало бы съ нашей стороны такого напряженія мысли, какого потребовала монографія проф. Каринскаго. Но за то, съ другой стороны, мы знаемъ очень немного философскихъ книгъ, которыя бы, по прочтеніи, оставляли такое полное удовлетвореніе, порождали такое высокое возбужденіе мысли, какъ эта монографія: важности затронутыхъ въ ней вопросовъ вполнѣ отвѣчаетъ серьезность отношенія къ нимъ хорошо подготовленнаго и обладающаго тонкимъ и строго дисциплинированнымъ мышленіемъ автора. Особенно на представителяхъ нашей критической философіи лежитъ обязанность отнестись къ его труду съ возможнымъ вниманіемъ: послѣ того какъ авторитетъ главы школы въ этой монографіи значительно поколебленъ, она не можетъ уже по прежнему продолжать спокойно и догматически раскрывать его взгляды и обязана принять обращенный къ ней вызовъ.

**Алексѣй Введенскій.**

**Памяти отца современной педагогіи, Яна Амоса Коменскаго.** По поводу 301 годовщины его рожденія. Изд. Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній. Ц. 30 коп. С.-Петербургъ, 1893.

Безспорно, многія идеи этого великаго славянскаго «отца народной школы» не только до сихъ поръ не потеряли своего глубокаго, универсальнаго значенія, но еще долго будутъ ждать ихъ достойнаго, полнаго практическаго осуществленія. Въ особенности, это представляется вѣрнымъ по отношенію къ Россіи, гдѣ онѣ всего менѣе, качественно и количественно, осуществлены. Хуже того, наблюдая практику и направленіе нашихъ народныхъ школъ за послѣднія 10 — 12 лѣтъ, невольно приходится даже констатировать крайне печальный фактъ, что эти могучія, свѣтлыя идеи у насъ тускнѣютъ и какъ-бы отходятъ въ область «забытыхъ словъ»... Между тѣмъ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Моздалевскій въ одной своей рѣчи, посвященной памяти Коменскаго, ученіе послѣдняго, оставаясь по существу своему универсальнымъ, все же, естественно, болѣе другихъ подходитъ къ духу родного ему славянства. Истинный реализмъ взглядовъ у него не противорѣчитъ высокому идеализму настроенія. Его стремленіе усвоить и примирить въ высшемъ синтезѣ всѣ жизненные элементы западно-европейскаго образованія—глубоко соотвѣтствуетъ потребностямъ русскаго духа. Поэтому мы, пользуясь случаемъ, съ полной симпатіей отмѣчаемъ дѣятельность недавно возникшаго при Педагогическомъ музеѣ «Отдѣла Коменскаго», задавшагося прекрасною цѣлью распространять въ нашей публикѣ идеи великаго мыслителя и педагога, главнымъ образомъ, путемъ хорошихъ переводовъ на русскій языкъ его лучшихъ сочиненій. Въ настоящее время членами «Отдѣла» переведены и уже появились въ свѣтъ «Великая дидактика» и «Материнская школа» Коменскаго. Плодомъ той же симпатичной дѣятельности «Отдѣла» является и рецензируемая нами книга. Она содержитъ, кромѣ введенія и приложеній, слѣдующія статьи: Отчетъ о дѣятельности отдѣла Коменскаго за первый годъ его существованія. М. Ю. Поповскаго.—Очеркъ дѣятельности международнаго общества Коменскаго. Е. А. Леве. — О сочиненіи Коменскаго «Путь къ свѣту» (Via lucis). Рѣчь проф. А. Д. Вейсмана. — Отрывки изъ соч. Коменскаго «Великая дидактика», перев. И. А. Шляпкина.—Стихотвореніе Лейбница, посвященное

памяти Коменскаго. Сообщено Л. Н. Моздалевскимъ.— О сочиненіи Коменскаго «Всякъ своего счастья кузнецъ» (Faber fortunae). М. А. Холодняка. — Къ книгѣ приложенъ хорошій портретъ Коменскаго.

**Т. Ясаковъ.**

**Тимоѳей Соловьевъ.** Теорія волевыхъ представленій. Отношеніе ея къ специаціи и элеваціи органическаго міра. С.-Пб. 1892.

Теорія г. Т. Соловьева выставила не одинъ (какъ указываетъ авторъ въ предисловіи), а два новыхъ фактора органическаго развитія:

1) субъективное вниманіе и

2) волевое представленіе.

1. Согласно теоріи субъективнаго вниманія, организмъ (и всякое видоизмѣненіе его) есть продуктъ дѣйствія индивидуальнаго вниманія, какъ *досознательной* (?) силы задержки извѣстныхъ молекулярныхъ колебаній. Къ сожалѣнію, г. Соловьевъ нигдѣ не доказываетъ дѣйствительнаго существованія этой силы.

2. Согласно теоріи волевого представленія, организмъ (и всякое видоизмѣненіе его) есть *продуктъ воли*. Насколько отношеніе *воли къ своему продукту* понятно, какъ нѣчто аналогичное отношенію *сознанія къ своему объекту*, настолько идея организма, какъ продукта индивидуальной, т. е. детерминированной воли, представляется намъ дѣйствительно правильной, истинной. Продуктивность воли только не должно отождествлять съ причиннымъ обусловленіемъ: какъ продуктъ воли, организмъ не есть дѣйствіе воли, какъ нѣкоторой опредѣленной причины: *Воля не причиняетъ, а оформляетъ только, какъ и сознаніе*. Въ качествѣ же дѣйствія причины, организмъ всецѣло падаетъ въ міръ безконечной причинности, или индивидуальную природу. Волевое представленіе, значитъ, вовсе не факторъ развитія; субъективное же вниманіе—факторъ еще не доказанный.

Вообще, мы въ основномъ расходимся съ теоріей г. Т. Соловьева, но вполнѣ оцѣниваемъ въ ней своеобразную естественно-научную обработку обильно собраннаго матеріала.

**Ѳ. Шперкъ.**

**К. Гильти,** профес. Бернскаго университета. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Переводъ съ ..-го

нѣмецкаго изданія и предисловіе Александра Острогорскаго. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». С.-Петербургъ, 1894.

Основная идея книги—несомнѣнно, вѣрна, и притомъ проводится подчасъ съ истиннымъ нравственнымъ одушевленіемъ. Существуетъ нравственный міропорядокъ. По законамъ его и нашей природы, трудъ, согрѣтый любовью къ людямъ, сознательный, свободный и уравновѣшенный, есть необходимое условіе, главный факторъ истиннаго, личнаго и общаго, счастья. Безъ всеобщей любви къ труду, безъ глубокаго пониманія его универсальнаго значенія, не можетъ быть и рѣчи о здоровомъ личномъ существованіи, объ исцѣленіи по существу страшныхъ соціальныхъ язвъ, унижающихъ и разъѣдающихъ человѣчество, наполняющихъ міръ слезами и скорбью... Къ сожалѣнію, эта глубоко симпатичная идея у автора философски не обоснована и притомъ развита односторонне: недостаточно подчеркнута великая роль науки (что, впрочемъ, отчасти восполнено въ прекрасномъ предисловіи переводчика). Психологическій и общественный анализъ крайне слабъ. Повидимому, въ связи съ этимъ у автора стоитъ странное недоразумѣніе: онъ полагаетъ, что философія вообще, будучи недоступна большинству, «является самой невыносимой аристократіей», что совсѣмъ не вяжется, прежде всего, съ его же представленіемъ о христіанствѣ, какъ общедоступной «истинной *философской* основѣ абсолютной демократіи.» Одно изъ двухъ: или въ христіанствѣ нѣтъ совсѣмъ никакой философской основы, или истинная философія, говоря вообще, по существу своему доступна всѣмъ, и дѣло только въ формѣ изложенія,— пишетъ же авторъ *популярные* очерки по философіи.. Въ книгѣ подчасъ встрѣчаются и банальности, какъ наприм.: «Излишне пить пиво во всякое время дня», или еще—настойчивый совѣтъ не читать *чрезмѣрно* много газетъ... Но такихъ мѣстъ очень немного; въ общемъ же получается впечатлѣніе свѣтлое, бодрящее. Переводъ сдѣланъ подходящимъ языкомъ.

**Т. Ясаковъ.**

---

## Новыя книги и брошюры, полученныя редакціей.

**L'Anomalo**. Rivista mensile di antropologia e sociologia criminale, psichiatria e medicina legale. Napoli, 1893 (Gennáio - Settembre). Direttore Angelo Zuccarelli.

**Алексѣй Введенскій**. Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. Сергіевъ посадъ. 1894. XXXIII+186+330 стр. Ц. 3 рубля.

**К. Гильти**, проф. Бернскаго унив. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Пер. А. Острогорскаго. Изд. ред. жур. «Образованіе». Спб. 1894. 94 стр. Ц. 50 к.

**De la Grasserie**. De la classification objective et subjective des arts, de la littérature et des sciences. Paris. 1893. 304 стр.

**E. Gruber**. Experimentelle Untersuchungen über die Helligkeit der Farben. Leipzig. 1893. 30 стр.

**Н. П. Каменевъ**. Случай психологическаго автоматизма (Оттискъ.)

**Кожевниковъ, В. А**. Безцѣльный трудъ, «недѣланіе», или дѣло? Второе исправленное изданіе. М. 1894. 56 стр. Ц. 20 к. 50% выручки поступаетъ въ пользу церковно-приходской школы въ селѣ Мордовскомъ-Качимѣ, Городищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи.

**Краткій** очеркъ дѣятельности Тобольскаго Общества трезвости. Тобольскъ. 1893.

**Международная библіотека**. Одесса. Изд. Бейленсона и Юровскаго. 1893—4, по 15 к. **№ 6. Ферд. Брюнетьеръ.** Отличительный характеръ французской литературы. 30 стр. **№ 7. Ш. Рише**. Геніальность и помѣшательство. 32 стр. **№ 8. Г. фонъ-Шель.** Самоубійство и современная цивилизація. 32 стр. **№ 9. И. Тэнъ.** В. Шекспиръ. I. 36 стр.

**«Сократъ и его время»**. Историческій очеркъ **В. Д. Сиповскаго.** **«Тѣни»** (фантазія). **В. Г. Короленко.** М. 1894. 110 стр. 35 к.

**Шербюлье, Викторъ.** Искусство и природа. Перевелъ М. Калмыковъ. Спб. 1894 Ц. 1 р. 50 к. X+214 стр.

## II. Обзоръ журналовъ.

**Revue Philosophique.** 1893 г. №№ 3, 4, 5 и 6.

Bourdon. О послѣдовательности психическихъ явленій (№ 3).

Авторъ излагаетъ свои опыты надъ ассоціаціею идей: онъ называлъ ряду лицъ буквы и слова, а тѣ писали ему непосредственно ассоціировавшіяся съ названными буквы, цвѣта и различныя группы словъ. Въ среднемъ, каждый вопросъ и отвѣтъ занимали четыре секунды. Изслѣдовалась не быстрота ассоціаціи, а логическое и грамматическое *значеніе* ассоціируемыхъ элементовъ, причемъ, напримѣръ, оказалось, что большая часть ассоціацій происходила между понятіями соподчиненными; идеи же классовъ высшихъ съ идеями низшихъ связывались гораздо рѣже; названія качествъ вызывали приблизительно одинаково часто идеи какъ другихъ качествъ, такъ и предметовъ, названія же предметовъ и дѣйствій обыкновенно ассоціировались съ идеями тѣхъ же группъ. Особенно новыхъ и важныхъ выводовъ у автора нѣтъ.

Danville. Патологическое ли состояніе любовь? (№ 3).

Теоріи, сводящія любовь къ слѣпому родовому инстинкту, невѣрны. Любовь есть специфическое влеченіе къ *опредѣленному* субъекту другого пола, такъ что къ ней не относятся внѣшне похожія на нее влеченія, *безразличныя*—къ какому-либо индивидууму, а также влеченія къ части или аттрибуту таковаго (послѣдній случай есть проявленіе эротической патологіи). Любовь есть явленіе вполнѣ нормальное, прогрессивное и плодотворное; сродство ея проявленій съ припадками безумія и фактами вырож-

денія, а также иногда бывающая связь ея съ преступленіями объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что она есть *продуктъ очень высокаго дифференцированія* и поэтому стоитъ недалеко отъ легко переходимаго предѣла правильнаго теченія психическихъ функцій. Проявляясь и на низшихъ ступеняхъ животной жизни, полнаго развитія любовь достигаетъ лишь у человѣка и представляетъ собою мгновенное и безсознательное суммированіе, отожествленіе (identification) всѣхъ накопленныхъ въ теченіе жизни воспріятій, имѣющихъ отношеніе къ области родовой жизни, чѣмъ и объясняется внезапность проявленія любви.

R. Koehler. Почему мы походимъ на нашихъ родителей? Опытъ о природѣ и происхожденіи оплодотворенія (№ 4).

Указавъ на недостаточность старыхъ теорій, авторъ излагаетъ результаты новыхъ изслѣдованій, устанавливающихъ эволюцію полового продолженія рода изъ первичнаго, безполаго, совершающагося простымъ дѣленіемъ клѣтки-матери, черезъ рядъ фазисовъ, въ которыхъ безполое воспроизведеніе послѣдовательно теряетъ значеніе и затушевывается половымъ; послѣднее вводитъ «омоложеніе» (rajeunissement) организма, которое дѣлается для него все болѣе необходимымъ, по мѣрѣ его совершенствованія и подъема на лѣстницѣ органическихъ существъ. Авторъ указываетъ на тѣ элементы яичка и оплодотворяющаго начала, которые анатомически, матеріально служатъ для передачи по наслѣдству свойствъ отцовскихъ и материнскихъ клѣтокъ и перечисляетъ нѣкоторыя причины, видоизмѣняющія строгую наслѣдственность.

L. Arreat. Графологическій методъ (№ 4).

Авторъ предлагаетъ пользоваться анализомъ письма, какъ одного изъ видовъ естественной мимики и жестикуляціи человѣка, для изученія основныхъ типовъ характера—въ обширномъ смыслѣ этого слова; онъ указываетъ на нѣкоторые элементы писанія, выражающіе, по его мнѣнію, степень аффективности, интеллигентности и эстетическаго вкуса пишущихъ: для первой характерны признаки разгонистости или сжатости письма, его энергіи, быстроты, для второй—признаки связности, экономіи и стройности движеній, для послѣдняго—изящество, пропорціональность, общая гармонія письма.

F. Picavet продолжаетъ свое обозрѣніе (въ отдѣлѣ «Revue

générale») новыхъ трудовъ по нео-томизму и исторіи схоластики (№ 4). Предыдущее «обозрѣніе» было въ мартовской книжкѣ 1892 года.

L. Dauriac. Психологія музыканта (№№ 5 и 6).

Обыкновенные люди воспринимаютъ, но забываютъ свои восприятія, у художника же они объединяются, организуются. Для историка искусства, артисты—только тѣ, кто создалъ какое-либо художественное произведеніе, для психолога же—артистами въ извѣстной степени являются критики, исполнители, а также внимательные зрители и слушатели такихъ произведеній, сочувственно переживающіе ихъ содержаніе. Статья состоитъ изъ двухъ частей: въ первой авторъ говоритъ о развитіи музыкальныхъ способностей, во второй—объ условіяхъ «музыкальнаго уха».

F. Houssay. Общественность и мораль у животныхъ (№ 5). Обыкновенно эволюціонисты слишкомъ выдвигаютъ на первый планъ въ числѣ факторовъ эволюціи — борьбу за существованіе и естественный подборъ; между тѣмъ, особенно въ области эволюціи нравственности, половой подборъ, борьба за воспроизведеніе—играютъ чрезвычайно важную роль. У безполыхъ особей живущихъ обществами перепончатокрылыхъ, у рабочихъ пчелъ, муравьевъ—только два главныхъ направленія дѣятельности: интересъ личный и интересъ общественный. Между тѣмъ, у людей выступаетъ третья тенденція, третій общій мотивъ практики — борьба за основаніе и поддержаніе семьи. Это чрезвычайно усложняетъ дѣло и разрѣшается борьбой между обществомъ и семьей, изъ которой, въ концѣ концовъ, вырабатывается нѣкоторый modus vivendi: на Востокѣ—полное разъединеніе семейной и общественной жизни, на Западѣ—проникновеніе той и другой элементами другъ друга и смѣшеніе ихъ. У пчелъ и муравьевъ значительное совершенство ихъ общественной организаціи достигается лишь подавленіемъ половой жизни у массы особей—рабочихъ; жизнь же рода продолжается одной самкой—царицей. Очевидно, что такая организація возможна лишь при сравнительно сильной плодовитости насѣкомыхъ; при гораздо меньшей плодовитости людей, такой порядокъ немыслимъ, и факторъ полового подбора неустранимъ; разныя же искусственныя попытки его устранить могутъ привести, при послѣдовательномъ примѣненіи, къ прекращенію человѣческаго рода. Поэтому, вышеуказанный инстинктъ долженъ

значительно противодѣйствовать всѣмъ попыткамъ провести на практикѣ полное и безусловное преобладаніе общественнаго, коллективнаго интереса.

G. Marchesini. Объ общихъ идеяхъ (№ 5).

Эта статья представляетъ собою одну главу изъ неизданнаго сочиненія автора о «Психологическомъ монизмѣ». Авторъ является рѣшительнымъ номиналистомъ.

«Всякая идея, по своей природѣ, есть, первично, ощущеніе... Общія или отвлеченныя идеи, сами въ себѣ и по себѣ, не существуютъ. Всякая отвлеченная форма есть лишь логическій аспектъ, получаемый, посредствомъ анализа, изъ чувственныхъ данныхъ и ассоціаціи ощущеній... Всякій элементъ идеи, какъ дѣйствительнаго, такъ и *возможнаго,* есть чувственное данное... Образуемый общею идеею классъ—субъективенъ, какъ и образующее его сужденіе различенія; но онъ также и объективенъ, такъ какъ представляетъ конкретныя отношенія. Недоразумѣніе, заставляющее вѣрить въ существованіе отвлеченныхъ и общихъ идей—въ собственномъ смыслѣ, происходитъ отъ того, что полагаютъ, будто субъективный фактъ можетъ существовать самъ собою, независимо отъ объективнаго,—другими словами, что синтезъ (общая идея) составляется не изъ тѣхъ же терминовъ, изъ какихъ состоитъ анализъ (воспріятіе)... Всеобщее понятіе есть просто логическая функція ощущенія... Психическая активность перерабатываетъ, при помощи опыта, реальныя чувственныя данныя, и всѣ элементы идей имѣютъ опытное происхожденіе: врождена только способность ощущать и мыслить извѣстнымъ образомъ... Способность отвлеченія состоитъ въ безконечной возможности воспроизведенія ощущенія,—ошибаются, думая, что при этомъ покидаютъ всѣ чувственныя данныя и творятъ особыя умственныя формы». Идеація есть основное, существенное качество всякой формы мысли,—и понятіе идеи можетъ дать основ[illegible] *психическому монизму.*

J. M. Charcot et A. Binet (№ 6) описываютъ нѣкоего г. Діаманди, замѣчательнаго счетчика, но не съ слуховымъ (как[illegible] Иноди), а съ зрительнымъ типомъ памяти.

Y. Delages (№ 6) излагаетъ возбудившую много споро[illegible] «теорію наслѣдственности» Вейсманна.

**lind.** New Series, № 8. Октябрь, 1893.

ırthur James Balfour. Критика современныхъ еалистическихъ теорій. Если, исходя изъ того взгля- что конечная цѣль философіи состоитъ въ отысканіи еди- о во многомъ и многаго въ единомъ, мы спросимъ, какой объемлющій принципъ выставлялся идеалистической филосо- ій, то, несомнѣнно, придется отвѣтить, что идеалистическая лософія придаетъ всеобъемлющее значеніе только той истинѣ, всѣ явленія, какова бы ни была ихъ природа, всегда должны ть объединены въ опытѣ единаго самопознающаго субъекта, они даже существуютъ только вслѣдствіе этого объединенія. это общее положеніе, какова бы ни была его цѣнность, не жетъ нами руководить при приложеніи подчиненныхъ кате- ій. Оно не даетъ намъ указанія для примѣненія того или иного нципа при изслѣдованіи поля опыта. Оно не даетъ намъ права лагать законъ причинности къ явленіямъ опыта и не даетъ ъ возможности убѣдиться въ существованіи міра объектовъ.

E. E. C. Jones. О природѣ логическаго сужде- я. Всѣ простыя сужденія могутъ быть выражены въ одной изъ ѣдующихъ формъ: 1) S есть P; 2) S не есть P. Въ обоихъ учаяхъ мы имѣемъ дѣло съ тожествомъ въ разнообразіи; въ номъ случаѣ существованіе этого тожества утверждается, а другомъ — отрицается. Этотъ взглядъ на сужденіе, какъ на жество въ разнообразіи (Identity in Diversity) можетъ служить новою ученія о силлогизмѣ и разъяснить множество спорныхъ просовъ, напримѣръ, вопросъ о квантификаціи предиката.

Prof. H. Jones. Идеализмъ и теорія познанія. основѣ современныхъ теорій познанія лежитъ противорѣчіе. иѣ смѣшиваютъ два совершенно различныхъ вопроса. Первый просъ можно выразить такъ: можемъ ли мы перейти отъ по- анія къ дѣйствительности, или, другими словами, можемъ ли познать *какую бы то ни было* дѣйствительность? Другой же просъ заключается въ томъ, можемъ ли мы отъ субъективныхъ стояній, какъ извѣстныхъ намъ реальностей, перейти къ дру- мъ реальностямъ. Первый вопросъ изслѣдуетъ возможность рехода отъ знанія, исключающаго всякую реальность, къ ре- ьности; второй же вопросъ занятъ возможностью перехода отъ анія, заключающаго въ себѣ извѣстную дѣйствительность, къ ругимъ дѣйствительностямъ.

Поскольку теорія познанія занимается первымъ вопросомъ, постольку она — невозможная наука. Она до сихъ поръ казалась возможною только потому, что подъ видомъ отвѣта на этотъ первый вопросъ, въ сущности, занималась изученіемъ второго вопроса, т.-е. вопроса о возможности познанія чего либо, *сверхъ* субъективныхъ состояній. Но тутъ она перестаетъ быть теоріею познанія и является психологіей, стремящейся сдѣлаться метафизикой. Тутъ она не предшествуетъ онтологіи, а слѣдуетъ за нею.

C. L. Franklin. Теоріи свѣтового ощущенія. Авторъ критикуетъ теоріи Гельмгольца и Геринга, предложенныя этими учеными для объясненія свѣтовыхъ ощущеній; затѣмъ авторъ предлагаетъ свою теорію, которую онъ, впрочемъ, самъ считаетъ не окончательною, а скорѣе примѣромъ того, *въ какомъ родѣ* должна быть настоящая теорія свѣтового ощущенія. Сущность этой теоріи сводится къ тому, что первичнымъ ощущеніемъ считается ощущеніе сѣраго цвѣта, а всѣ остальные цвѣта суть результатъ дифференціаціи первичной молекулы, раздраженіе которой вызываетъ сознаніе сѣраго цвѣта; однако, не всѣ эти молекулы дифференцировались и, такимъ образомъ, въ нашемъ глазѣ раздраженіе не дифференцированныхъ молекулъ вызываетъ ощущеніе сѣраго цвѣта, а раздраженіе молекулъ дифференцированныхъ вызываетъ ощущеніе всѣхъ остальныхъ цвѣтовъ.

**П. Мокіевскій.**

---

**Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. Bd. 101 и 102.**

O. Liebmann. Psychologische Aphorismen.

Это—рядъ афористически изложенныхъ мыслей по поводу различныхъ психологическихъ вопросовъ; размышленія касаются и Аристотеля, и современной психофизики, и вопроса о параллелизмѣ психическихъ и физическихъ явленій, ассоціаціи идей и т. п. Въ общемъ, статья производитъ впечатлѣніе какъ бы нѣкотораго раздумья.

E. v. Hartmann. Unterhalb und oberhalb von gut und böse.

Возможны три точки зрѣнія по отношенію къ нравственности: натуралистическая точка зрѣнія, которая признаетъ только область

естественнаго порядка природы и отрицаетъ всякое значенiе нравственной и сверхъ-нравственной областей, 2) *моралистическая*, которая смотритъ на естественную область, какъ на лежащую ниже нравственнаго и долженствующую быть препобѣжденной нравственной областью, и 3) *супраморалистическая* точка зрѣнiя, которая видитъ цѣль и оправданiе мiра въ сверхъ-нравственной области. Каждая изъ нихъ имѣетъ свою долю истины, но взятая односторонне и обособленно, ведетъ къ ложнымъ слѣдствiямъ. Истина лежитъ въ синтезѣ трехъ областей: естественной, нравственной и сверхъ-нравственной—такимъ образомъ, чтобы онѣ образовали органическое цѣлое: подобно тому, какъ чисто-причинная или механическая сторона естественнаго порядка есть только средство для его телеологической стороны, точно такъ реализующiйся въ механизмѣ естественнаго порядка природы телеологическiй мiропорядокъ есть только средство для нравственнаго мiропорядка; равнымъ образомъ, и нравственный мiропорядокъ является только средствомъ для сверхъ-нравственнаго порядка спасенiя (Heilsordnung). Подобно тому, какъ сознательный духъ не можетъ оторваться отъ естественной обусловленности своихъ функцiй, точно такъ и сверхъ-нравственная, телеологическая основа бытiя не должна отрываться отъ своего нравственнаго базиса. На почвѣ такого синтеза Гартманнъ выясняетъ вопросы о происхожденiи зла и нравственной отвѣтственности; зло есть самоутвержденiе низшаго момента телеологической системы при столкновенiи съ высшимъ моментомъ; нравственная отвѣтственность обусловливается имманентностью Бога человѣку: человѣкъ отвѣтственъ, не какъ человѣкъ въ его естественной индивидуальности, но какъ функцiональное ограниченiе Бога, или какъ человѣкобогъ.

L. Busse. Zu Kants Lehre vom Ding an sich.

Статья эта представляетъ самостоятельное критическое изслѣдованiе, примыкающее въ то же время къ изложенiю работы другого лица, а именно—диссертацiи японскаго ученаго Накашимы: «Kants doctrine of the things in itself». Въ систематической части своего труда Накашима изслѣдуетъ: 1) понятiе вещи въ себѣ въ эстетикѣ, 2) въ аналитикѣ, 3) въ дiалектикѣ, 4) сущность Кантовскаго идеализма, сравнительно съ идеализмомъ Бэркли и 5) вопросъ о совмѣстности понятiя вещи въ себѣ съ субъективностью категорiй причинности и существованiя. Особенно оригиналенъ взглядъ Накашимы на отношенiе понятiя вещи въ себѣ

къ идеаламъ разума: онъ полагаетъ, что «идеи разума совершенно различны отъ noumen'а и вещи въ себѣ эстетики и аналитики, такъ что между тѣми и другими нѣтъ никакого отношенія». Буссэ оспариваетъ этотъ взглядъ. Что касается до отношенія Кантовскаго идеализма къ идеализму Бэркли, то Н. различаетъ критическій или трансцендентальный идеализмъ Канта отъ догматическаго идеализма Бэркли и скептическаго идеализма Декарта. По поводу этого Буссэ дѣлаетъ обширный критическій экскурсъ и приходитъ къ тому результату, что Кантовское понятіе феноменальности отличается отъ бэрклеевскаго; однако, если развить его въ его послѣдовательности, то оно совпадетъ съ послѣднимъ. Въ вопросѣ о причинности по отношенію къ вещи въ себѣ Н. отбрасываетъ теорію Эрдмана и К. Фишера о причинности черезъ свободу и пытается сгладить коренящееся здѣсь противорѣчіе при помощи Рилевскаго различенія причинности, какъ принципа и какъ понятія. Однако, Буссэ не признаетъ, чтобы эта попытка достигала цѣли, и видитъ въ этомъ пунктѣ Кантовскаго ученія явное противорѣчіе, корень котораго, однако, лежитъ не въ томъ, что Кантъ принимаетъ существованіе вещи въ себѣ, а въ томъ, что онъ отрицаетъ возможность какого бы то ни было ея познаванія. Нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ Буссэ, что разъ мы необходимо должны мыслить вещь въ себѣ существующей, то нѣтъ основанія оспаривать правомѣрность дальнѣйшихъ опредѣленій ея природы. Равнымъ образомъ, и Н. признаетъ ошибочнымъ ограниченіе познанія одними явленіями и замѣчаетъ, что если знаніе о трансцендентномъ невозможно, то и вся критика чистаго разума, изслѣдующая нефеноменальныя условія явленій, не представляетъ собственно никакого знанія.

E. Dreher. Geistige und materielle Kraft.

Въ очеркѣ «Das Wachstum d. Energie in der geistigen u. organischen Welt» проф. М. Карьеръ старается доказать, что законъ сохраненія энергіи не имѣетъ значенія въ области духа, такъ какъ здѣсь мы замѣчаемъ увеличенія энергіи съ теченіемъ времени. Соглашаясь съ Карьеромъ, Dr. Dreher сомнѣвается вообще въ томъ, чтобы законъ сохраненія энергіи имѣлъ значеніе всеобщаго закона и въ физической области.

Кромѣ того, въ указанныхъ книгахъ журнала помѣщены слѣдующія статьи:

*Döring*, Doxographisches zur Lehre vom τέλος, *Wreschner*, E. Platner's und Kant's Erkenntnisstheorie, *Volkelt*, Psychologische Streitfragen и др.

**А. Басистовъ.**

---

**Перечень** самостоятельныхъ статей, помѣщенныхъ въ послѣднихъ книжкахъ иностранныхъ философскихъ журналовъ:

**The Monist. Vol. 4. № 2.** (янв. 1894) — Shaku Soyen. The Universality of truth.—Z. Ashitsu. The fundamental teaching of Buddhism.—R. Garbe. On the connexion between indian and greek Philosophy. — Lester F. Ward. A monistic theory of mind.— R. Lewins. The unity of thought and thing. — Mc. Crie. The subjective and objective relation.—P. Carus. Monis and henism.— J. Delboeuf. Are the dimensions of the physical World absolute? — G. Ferrero. The problem of Woman, from a bio-sociological point of view.

**The psychological Review. Vol. I. № 1** (янв. 1894). — G. T. Ladd. President's Address before the New-York Meeting of the American Psychological Association.—J. Royce. The Case of John Bunyan.— H. Münsterberg. Studies from the Harward Psychological Laboratory.—F. Galton. Arithmetic by smell.—J. Dewey. The Psychology of infant language.—E. W. Scripture. Work at the Yale Laboratory.—**№ 2.**—G. S. Fullerton. The psychological Standpoint.—J. Royce. idem.—J. Jastrow. Community and Association of Ideas. — C. S. Dolley a. J. Mc. Keen Catell. Reaction times and the Velocity of the nervous impulse.

**Vierteljahrschrift f. wissenschaftliche Philosophie. XVIII Jahrgang (1894).--Heft 1.**—Willy. Das erkenntniss - theoretische Ich und der natürliche Weltbegriff.—Avenarius. Anmerkung zu der vorst. Abhandl. — Petzold. Einiges zur Grundlegung der Sittenlehre (II Art).—Ehrenfels. Werththeorie und Ethik (V Art). — Swereff, N. Zur Frage über die Freiheit des Willens (II Art.).

**Revue philosophique. 1893. № 11**—J. Delboeuf. L'ancienne et les nouvelles geométries. I. L'espace réel est il l'espace euclidien?—A. Lalande. Sur les paramnésies.—F. Paulhan. La classification des types moraux et la psychologie générale.—**№ 12.** G. Tarde. La logique sociale des sentiments.—Calinon. Sur l'indetermination géométrique de l'univers.—V. Henri. Les laboratoires de psycho-

logie expérimentale en Allemagne. — **1894. № 1.**—A. Fouillée. L'abus d'inconnaissable et la réaction contre la science.—Dugas. Observations sur la fausse mémoire.—Lévy-Bruhl. Jacobi et le spinosisme.—**№ 2.** Janet (Pierre). Histoire d'une idée fixe.— G. Ferrero. L'inertie mentale et la loi du moindre effort.—**№ 3.** — Sollier. Recherches sur les rapports de la sensibilité et de l'émotion.—F. Paulhan. La sanction morale.—F. Bouillier. Deux nouveaux historiens de Descartes.

# Психологическое Общество.

## CIX. Изложеніе преній по реферату П. Д. Боборыкина: „Формулы и термины въ области прекраснаго“ *), происходившихъ въ засѣданіи 30-го октября 1893 года.

### Положенія референта.

1. Формулы: «искусство для искусства» и «чистое искусство» только мѣшаютъ выясненію вопроса о *методѣ* изслѣдованія художественнаго творчества и мастерства.

2. Морально-публицистическая критика художественныхъ произведеній является однимъ изъ косвенныхъ симптомовъ борьбы аффекта съ положительнымъ знаніемъ.

3. Избитыя формулы, приводимыя обыкновенно, въ отрицательномъ смыслѣ, противниками эстетики, представляютъ собою несомнѣнный анахронизмъ: онѣ не отвѣчаютъ тому *эволюціонному* взгляду на искусство, которымъ можетъ руководиться наука о прекрасномъ.

4. Взаимодѣйствіе жизни и творчества даетъ содержанію, т.-е. творческимъ идеямъ, такую же важность, какъ и формѣ.

5. Расширеніе *источниковъ прекраснаго*—законно, въ предѣлахъ области эстетическаго чувства.

6. Терминъ «безкорыстный»—въ примѣненіи къ чувству прекраснаго вѣрный и точный—установленъ и принятъ выдающимися мыслителями и психологами какъ метафизическихъ, такъ и опытныхъ школъ.

7. Термины: «творчество», «искусство», «мастерство»—нуждаются въ болѣе точномъ опредѣленіи. Психическая природа *твор-*

*) Рефератъ напечатанъ въ первомъ отдѣлѣ настоящей книги журнала.

*чества* и *искусства* различна и не можетъ быть смѣшиваема: въ первомъ дѣйствуютъ *безсознательность и непроизвольность*; во второмъ—въ извѣстной степени— волевые и разсудочные импульсы.

8. Слово «талантъ» ждетъ болѣе точной оцѣнки. Присутствіе *таланта* предполагаетъ также постоянное участіе непроизвольныхъ творческихъ ассоціацій, обусловленныхъ прирожденнымъ дарованіемъ; воля того, кто выполняетъ свой замыселъ, только помогаетъ этимъ непроизвольнымъ ассоціаціямъ.

9. Противопоставленіе *природы*, или *жизни—искусству* въ томъ смыслѣ, что одно исключаетъ другое, не имѣетъ никакого серьезнаго значенія и представляетъ собою одно изъ произвольныхъ положеній псевдо-реализма.

10. Эстетическое *наслажденіе* не исчерпываетъ собою всей области прекраснаго. Оно есть только *показатель* душевнаго свойства. *Красота-же*, разлитая въ природѣ и душевныхъ тайникахъ человѣка, имѣетъ и самобытное значеніе. Она пользуется эстетическимъ чувствомъ для своего обнаруженія. Между ними есть постоянное взаимодѣйствіе.

11. Несмотря на всѣ научно-философскіе пробѣлы въ ученіи о красотѣ, творчествѣ и эстетическомъ чувствѣ, оно уже можетъ опираться на психологическую почву, и его дальнѣйшіе успѣхи обезпечены всѣмъ тѣмъ, что психологія самонаблюденія и опытная психофизика вносятъ существеннаго и плодотворнаго.

12. Исторія искусства, накопившая огромный складъ документовъ художественно-творческой дѣятельности человѣка, тогда только выйдетъ изъ рамокъ дилетантства или узко-описательнаго знанія, когда эволюціонный методъ, на психологической почвѣ, научно преобразуетъ ее и сдѣлаетъ пригодной и для философскихъ обобщеній.

---

*А. А. Токарскій.* Въ одномъ мѣстѣ Вашего сообщенія, мнѣ кажется, нѣтъ достаточной ясности. Именно, въ положеніи четвертомъ, устанавливая различіе понятій: творчество, искусство, талантъ, Вы находите это различіе въ томъ, что въ творчествѣ дѣйствуютъ безсознательность и непроизвольность, въ искусствѣ волевые и разсудочные импульсы. Талантъ же, далѣе, характеризуется непроизвольностью, но не безсознательностью.

Между тѣмъ, анализируя понятія творчества, искусства, мастерства, таланта, съ указанной Вами точки зрѣнія, должно прид

къ заключенію, что между ними нѣтъ, въ сущности, никакой разницы, что и показываетъ недостаточность избраннаго Вами критерія.

Дѣйствительно, степень проявленія сознательности, произвольности, равно какъ безсознательности и непроизвольности, очень различна во всѣхъ сложныхъ психическихъ актахъ, и всѣ эти элементы почти постоянно присутствуютъ совмѣстно. Вы, повидимому, придаете слишкомъ исключительное значеніе моменту перехода психическаго возбужденія черезъ «порогъ сознанія», тогда какъ, совершается ли въ большей или меньшей степени такой переходъ для нѣкоторыхъ возбужденій, лежащихъ въ основѣ сложнаго психическаго акта, присоединяется ли при этомъ ощущеніе произвольности, или нѣтъ,—всегда психическій актъ будетъ результатомъ гармонической дѣятельности элементовъ сознательныхъ, безсознательныхъ, произвольныхъ и непроизвольныхъ. Сознательные и произвольные элементы опредѣляются нами уже въ началѣ или въ теченіе процесса, безсознательные же и непроизвольные открываются нами лишь впослѣдствіи, по достигнутому результату, такъ какъ мы всегда находимъ въ этомъ результатѣ нѣкоторое добавленіе къ тому, что лежало въ нашихъ сознательныхъ и произвольныхъ импульсахъ, откуда мы собственно и заключаемъ объ участіи элементовъ безсознательности и непроизвольности.

И такъ какъ открыть всѣ эти элементы можно во всякомъ сложномъ психическомъ актѣ, то, слѣдовательно, всѣ эти элементы должны находиться и въ психологической характеристикѣ всѣхъ приведенныхъ Вами терминовъ: творчество, искусство, мастерство, талантъ.

Поэтому, принятый Вами критерій слѣдуетъ признать недостаточнымъ, и для различенія этихъ понятій надо избрать другую исходную точку. Такъ, напримѣръ, разсматривая ихъ съ точки зрѣнія созиданія, мы найдемъ, что творчество есть внутреннее созиданіе образца, искусство есть созиданіе внѣшнее - воспроизведеніе даннаго образца, причемъ мастерство есть только низшая степень искусства. Талантъ есть понятіе характеризующее присутствіе способности созиданія, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго (почему для полноты будетъ правильнымъ употребленіе термина «творческій талантъ»).

Степень же сознательности, безсознательности, произвольности и непроизвольности во всѣхъ этихъ проявленіяхъ психической

жизни будетъ то больше, то меньше, такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ она не во всякій моментъ одинакова.

*Л. М. Лопатинъ* въ своихъ замѣчаніяхъ П. Д. Боборыкину остановился, главнымъ образомъ, на роли сознанія въ творческомъ процессѣ. По мнѣнію Л. М. Лопатина, референтъ слишкомъ принижаетъ роль сознанія и отводитъ ему недостаточное мѣсто въ своей схемѣ художественнаго творчества. Это прежде всего отражается на даваемомъ у референта перечнѣ моментовъ художественно-творческой дѣятельности.

П. Д. Боборыкинъ указываетъ лишь два основные момента въ психологическомъ возникновеніи художественныхъ произведеній: 1) непроизвольное и безсознательное пробужденіе творческаго замысла (собственно *творчество*); 2) болѣе или менѣе сознательное воплощеніе этого замысла въ словѣ, картинѣ, статуѣ черезъ примѣненіе различныхъ техническихъ пріемовъ (*искусство* или *мастерство*). Можно ли сказать, что этими двумя моментами исчерпывается художественный процессъ? Развѣ безсознательный, подобно грезѣ возникшій, первый замыселъ сразу облекается во внѣшнія, осязательныя формы, свойственныя тому или иному искусству? Не очевидно ли, что между этими двумя моментами лежитъ еще третій, едва ли не самый существенный: совершаемый внутреннею дѣятельностью воображенія подборъ отдѣльныхъ образовъ, положеній, картинъ, лицъ, отвѣчающихъ содержанію замысла, который первоначально представляется нашей фантазіи въ очень неопредѣленныхъ, тусклыхъ и безсвязныхъ очертаніяхъ.

Когда романистъ создаетъ романъ или когда драматургъ пишетъ драму, то самый процессъ писанія, конечно, не составляетъ наиболѣе важной стороны задачи и является лишь заключительнымъ звеномъ долгой внутренней работы: комбинаціи разнообразныхъ характеровъ, рѣчей, столкновеній. Эту ли работу слѣдуетъ считать во всемъ ея составѣ *безсознательною* и *непроизвольною?* Нельзя спорить, что такое предположеніе доказать чрезвычайно трудно: если вообще когда-нибудь сказывается у художника сознательный и обдуманный выборъ, то, конечно, прежде всего приходится имѣть въ виду эти внутреннія проявленія воплощающей замыселъ дѣятельности фантазіи. Между тѣмъ, въ этой избирающей дѣятельности заключается именно та часть творческаго процесса, которая только и дѣлаетъ его *ху-*

*дожественнымъ*; вѣдь, пока она не началась, безсознательно шевелящійся въ душѣ художника замыселъ его будущаго произведенія мало чѣмъ отличается отъ навязчиваго сновидѣнія или болѣзненной галлюцинаціи. Поэтому, въ художественномъ творчествѣ должно признать три момента: 1) первое возникновеніе замысла или творческой идеи, иногда совершенно безотчетное, причемъ эта идея нерѣдко овладѣваетъ душою съ патологическою силой; 2) внутреннею работою фантазіи производимое воплощеніе идеи въ ясныхъ, раздѣльныхъ, осмысленно связанныхъ между собою образахъ; 3) внѣшнюю объективацію продуктовъ такой работы въ опредѣленныхъ художественныхъ созданіяхъ помощью техническихъ средствъ, сродныхъ отдѣльнымъ искусствамъ. Референтъ не обратилъ вниманія на второй моментъ художественнаго процесса, и черезъ это психическая природа творчества у него цѣликомъ попала въ область *безсознательнаго и непроизвольнаго* (тез. 7). Между тѣмъ, задача такъ просто не рѣшается: безсознательный и непроизвольный элементъ, несомнѣнно, присутствуетъ во всѣхъ трехъ моментахъ художественнаго творчества, но онъ никакъ не исключаетъ огромной роли сознательныхъ и произвольныхъ дѣйствій ума и фантазіи въ созданіи произведеній искусства. Отношеніе *сознательнаго* и *безсознательнаго* въ художественномъ процессѣ есть очень деликатная проблема психологіи, которой, кажется, еще довольно далеко до полнаго и научнаго разрѣшенія.

*Н. А. Звѣревъ* замѣтилъ, что онъ не можетъ согласиться съ утвержденіемъ референта относительно непроизвольности художественнаго замысла, какъ непремѣннаго условія творчества. Замыселъ можетъ быть не только произволенъ, но прямо преднамѣренъ, какъ показываетъ, напримѣръ, художественная дѣятельность Лессинга; далѣе, онъ можетъ быть внушенъ даже со стороны, какъ это, напримѣръ, было съ «Мертвыми душами» Гоголя, сюжетъ которыхъ подсказанъ Пушкинымъ.—Но, не раздѣляя упомянутаго утвержденія въ его безусловной формѣ, трудно не согласиться съ референтомъ, что въ творчествѣ художника есть, дѣйствительно, много непроизвольного, въ особомъ, однако, значеніи слова. Съ этой стороны, творчество художника весьма напоминаетъ работу ученаго, хотя тамъ и здѣсь умственные процессы въ другихъ отношеніяхъ мало сходны между собою и отмѣчены своеобразными чертами. Ученый, вращаясь въ

мірѣ общихъ, абстрактныхъ понятій, въ своихъ заключеніяхъ и выводахъ скованъ законами логики, какъ скоро ему даны опредѣленныя посылки: тутъ нѣтъ для него никакого произвола, если только онъ правильно ведетъ свою работу. Точно такъ же и художникъ, имѣя дѣло съ образами, долженъ подчиняться въ движеніяхъ своей творческой мысли внутренней логикѣ этихъ образовъ: если образъ сложился въ его умѣ, онъ не воленъ дѣлать съ нимъ, что́ хочетъ, подобно тому какъ ученый не воленъ въ своихъ выводахъ изъ данныхъ посылокъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ дальнѣйшая работа пойдетъ въ извѣстномъ и уже хорошо предопредѣленномъ направленіи. Въ этомъ смыслѣ, но не въ другомъ, слѣдуетъ, казалось бы, понимать непроизвольность художественнаго творчества.

*С. С. Корсаковъ* такъ изложилъ свои замѣчанія на докладъ П. Д. Боборыкина.

Мое возраженіе касается, во-первыхъ, Вашего десятаго тезиса. Я такъ же, какъ Л. М. Лопатинъ и Н. А. Звѣревъ, полагаю, что Вы слишкомъ умаляете значеніе сознанія въ творческомъ актѣ, говоря, что въ немъ, въ отличіе отъ искусства, дѣйствуютъ безсознательность и непроизвольность. Акты художественнаго творчества, въ значительной части своей, дѣйствительно, совершаются въ области безсознательной, но безъ участія сознанія они все-таки происходить, по моему мнѣнію, не могутъ. Всякому, занимавшемуся литературнымъ трудомъ, извѣстно слѣдующее: когда что-нибудь пишешь, то часто совершенно неожиданно является новая идея, и рѣшающая вопросъ оригинальная мысль приходитъ въ голову уже во время писанія; это значитъ, что сочетанія, лежащія въ основѣ этой мысли, происходили ниже уровня сознанія. Но разъ явились въ сознаніи такая мысль или открытіе, они вызываютъ рѣзкую эмоцію удовлетворенія, довольства; а это является толчкомъ для дальнѣйшей работы; въ то же время явившаяся идея открываетъ новые горизонты и заставляетъ направлять умственный процессъ по новому направленію, по которому онъ не пошелъ бы, не будучи освѣщенъ сознаніемъ и подвинутъ той радостной эмоціей, которая появляется при сознаніи удовлетворительнаго сочетанія идей.

Изъ чередующейся смѣны такого рода процессовъ, происходящихъ то въ безсознательной области, то въ сознательной, и состоитъ актъ творчества. Сознаніе для него необходимо. Я не думаю, чтобы у человѣка, лишеннаго сознанія и его координирующаго

вліянія въ направленіи хода сочетаній, могло происходить дѣйствительно высокое творчество, хотя, конечно, вполнѣ признаю, что отдѣльныя и въ высшей степени важныя части творческаго акта происходятъ ниже уровня сознанія.

Кромѣ того, я имѣю еще вопросъ по поводу пятаго тезиса. Вы говорите въ немъ, что «расширеніе источниковъ прекраснаго законно, въ предѣлахъ области эстетическаго чувства». Если это значитъ, что источниками прекраснаго могутъ быть и впечатлѣнія, получаемыя не черезъ высшіе органы чувствъ, а черезъ низшіе, то мнѣ хотѣлось бы знать, Вы, *лично*, признаете ли, что, дѣйствительно, можетъ быть эстетическое чувство въ области, напримѣръ, вкуса и другихъ низшихъ чувствъ?

*В. Н. Ивановскій* изложилъ свои замѣчанія такъ: рѣшительно нельзя согласиться съ отрицательнымъ отношеніемъ референта къ «морально-публицистической критикѣ», въ которой онъ видитъ лишь «одинъ изъ косвенныхъ симптомовъ борьбы аффекта съ положительнымъ знаніемъ» (положеніе 2). Въ связи съ этимъ мнѣніемъ у референта стоитъ цѣлый рядъ другихъ неясныхъ положеній: наприм., «расширеніе *источниковъ прекраснаго*—законно, въ предѣлахъ области эстетическаго чувства» (полож. 5); „красота, разлитая въ природѣ и душевныхъ тайникахъ человѣка, имѣетъ и самобытное значеніе. Она пользуется (?) эстетическимъ чувствомъ для своего обнаруженія. Между ними есть постоянное взаимодѣйствіе» (полож. 10); «противопоставленіе *природы* или *жизни*—искусству въ томъ смыслѣ, что одно исключаетъ другое, не имѣетъ никакого серьезнаго значенія» (пол. 9); «взаимодѣйствіе жизни и творчества даетъ содержанію, т.-е. творческимъ идеямъ, такую же важность, какъ и формѣ» (полож. 4).

При такихъ утвержденіяхъ неясно, что именно понимаетъ референтъ подъ «взаимодѣйствіемъ жизни и творчества», подъ «красотою, разлитой въ природѣ и въ душевныхъ тайникахъ человѣка», подъ «расширеніемъ *источниковъ прекраснаго*»...

По мнѣнію оппонента, всѣ неясности и противорѣчія вытекаютъ изъ одного, главнаго: у референта не рѣшенъ, даже не поставленъ вопросъ о томъ, *что такое красота*. Если она, по мнѣнію референта, «разлита въ природѣ и душевныхъ тайникахъ человѣка», то въ чемъ же она *не разлита?* Что есть, помимо природы и духа, объекта и субъекта? Слѣдовательно, казалось

бы, красота—*вездѣ, во всемъ*. Между тѣмъ, есть вещи и явленія, несомнѣнно, непричастныя красотѣ.

Дѣло въ томъ, что есть красота, и есть безобразіе, и есть нѣчто среднее, безразличное... *Красота* (или безобразіе, или ни то ни другое) есть *одна сторона всякаго предмета или явленія*, точка зрѣнія на него, и правы авторы, расширяющіе аттрибуты красоты (или ея отсутствія), эстетичности (или неэстетичности) на всѣ проявленія жизни какъ міра, такъ и духа. Съ этой точки зрѣнія, дѣйствительно, красота положительная или отрицательная (т.-е. результатъ оцѣнки явленій съ *эстетической* точки зрѣнія) имѣетъ *самобытное значеніе* потому, что существуетъ совершенно самостоятельно и потому именно отнюдь не исключаетъ всѣхъ остальныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія на предметы и явленія. А разъ это такъ, красота, *можетъ быть* (или не быть) вездѣ: и въ области грозныхъ, величественныхъ, или ясныхъ и мягкихъ явленій природы, и въ области человѣческой мысли, и въ области чувствъ (какъ низшихъ, такъ и особенно всѣхъ высшихъ, т.-е. эмоцій), и въ области проявленій человѣческой самодѣятельности, активности, характера. Внѣшнія чувства имѣютъ и свою область красоты (гармонія цвѣтовъ, запаховъ, звуковъ), но въ передачѣ красоты *собственно духовной* служатъ лишь орудіями, средствами выраженія другого вида красоты.

Изъ полной самостоятельности и раздѣльности областей красоты и добра, прекраснаго и нравственнаго, эстетики и этики естественно вытекаетъ, что могутъ быть явленія изящныя, удовлетворяющія эстетическому чувству, но въ то же время безнравственныя, враждебныя нормамъ морали (нѣкоторыя произведенія порнографической и декадентской литературы), и, наоборотъ, могутъ быть произведенія очень нравственныя по взглядамъ, высказываемымъ ихъ авторами, но не эстетичныя, анти-художественныя (многія произведенія тенденціозной литературы); первыя—вредны для нравственности, вторыя — скучны, и тѣ, и другія—негармоничны, односторонни оттого, что въ нихъ элементы эстетическій и этическій находятся въ разладѣ. Соединеніе же и гармоническое сочетаніе обоихъ элементовъ даетъ художественныя и въ то же время вполнѣ нравственныя творенія. Здѣсь гармонія обоихъ элементовъ, а не единство, какъ думаютъ сторонники объективнаго значенія красоты. Дѣйствительно, на вопросъ, что̀ объединяетъ всю сферу прекраснаго, что даетъ

ей особое названіе, повидимому, можетъ быть данъ одинъ отвѣтъ: красота есть характеристика всѣхъ предметовъ и явленій, которыя возбуждаютъ въ насъ эстетическое чувство, или вѣрнѣе цѣлый рядъ эстетическихъ, связанныхъ съ воспроизведеніемъ, чувствъ: эстетическія эмоціи красиваго, изящнаго, ужаснаго, величественнаго, грознаго, трогательнаго, нѣжнаго, смѣшного и т. д.

Поэтому можетъ быть и красота идеаловъ человѣческой дѣятельности, и красота общественныхъ эмоцій и движеній, вообще красота, такъ сказать, соціальная. Пока эта красота существуетъ въ самой жизни, не воспроизведена, она составляетъ часть *красотъ природы*; но эта же красота проявляется и въ искусствѣ, если она воспроизведена, прошла черезъ творческій духъ художника и затѣмъ выражена въ образахъ, словахъ, краскахъ и т. п., удовлетворяющихъ, въ свою очередь, требованіямъ эстетическаго чувства, — притомъ, съ соблюденіемъ необходимыхъ условій художественной дѣятельности: безкорыстности, доступности для общаго пользованія и т. п. Я не берусь перечислить ихъ.

Дѣло здѣсь—въ этомъ процессѣ *идеаціи* и въ соблюденіи этихъ условій художественной дѣятельности, а не въ чемъ иномъ.

При такомъ взглядѣ, какъ кажется, можно избѣгнуть нѣкоторыхъ противорѣчій, существующихъ у референта. Если область нравственности и общественности можетъ составлять предметъ художественнаго произведенія, то и критика, уже съ этой точки зрѣнія, должна оцѣнивать не только эстетичность, но и правдивость (не строго фактическую, конечно, а общую, художественную) изображенія; слѣдовательно, долженъ быть произведенъ *анализъ* изображаемаго явленія, указаны его условія, причины, игра мыслей, страстей, интересовъ и т. п., лежащая въ его основѣ, и рѣшено, соотвѣтствуетъ или не соотвѣтствуетъ реальности воспроизведеніе ея художникомъ: воспроизвелъ или исказилъ онъ дѣйствительность. Это еще не «морально-публицистическая» критика, но уже и не эстетическая только...

«Морально-публицистическая» критика начинается дальше... Всякое произведеніе искусства есть *актъ* человѣка, продуктъ его дѣятельности, поступокъ, и, какъ и всѣ поступки, подлежитъ нравственной оцѣнкѣ: оно можетъ или быть согласно съ требованіями морали и основанными на нихъ обще-

ственными идеалами и взглядами, или противорѣчить имъ; он можетъ или помогать, или мѣшать улучшенію *нравственнаı строя* жизни извѣстной группы людей, или всего человѣчества и общественной организаціи, представляющей средство и усло віе совершенствованія нравственности. Съ этой стороны, всяко художественное произведеніе подлежитъ суду морали, а черезъ нея и общественныхъ точекъ зрѣнія (каковы бы онѣ ни были) И это—не нарушеніе, а пополненіе критики эстетической, кото рая, въ противномъ случаѣ, дѣлается узкой и односторонней примѣры чего и бывали.

Затѣмъ, художественное произведеніе есть результатъ творче ства автора, его психической дѣятельности; и несомнѣнно, что какъ моральные, такъ и общественные взгляды и убѣжденія автора (ихъ не можетъ не быть) отразятся на его произведеніи; для многихъ и многихъ авторовъ, обладающихъ истиннымъ творчествомъ и эстетичностью формы, художественныя произведенія ихъ являются очень важнымъ способомъ и путемъ къ заявленію своихъ убѣжденій, и они были бы изумлены, если бы вопросъ о содержаніи ихъ произведеній совсѣмъ не былъ поднятъ и всѣ сужденія критиковъ ограничились чистой эстетичностью ихъ произведеній.

Наконецъ, и въ *той* «морально-публицистической» критикѣ, какую, повидимому, имѣетъ въ виду референтъ, въ критикѣ, мѣшающей эстетическую оцѣнку съ моральной, есть частица правды: она смѣшиваетъ различныя вещи, но если она раздѣльно скажетъ: «это произведеніе изящно и прекрасно, но безнравственно или противообщественно», и обратно—«такое-то имѣетъ въ основѣ хорошее стремленіе, но не художественно, надумано, вымучено, тенденціозно», — то трудно будетъ найти въ ея приговорахъ особую фальшь.

Поиски референта за правильнымъ методомъ изслѣдованія художественнаго творчества и мастерства могутъ, повидимому, легко разрѣшиться: методъ ихъ изученія — есть общій методъ субъективно-психологическихъ изслѣдованій, достаточно выясненный и установленный. Эстетическая сторона художественныхъ произведеній подлежитъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія теоріи эстетическихъ эмоцій, общественное же содержаніе произведеній подлежитъ критикѣ съ точки зрѣнія моральной и общественной, поскольку онѣ выработаны и установлены. Въ своей теоріи эстетической критики референтъ, повидимому, впадаетъ въ одностороннїи-

ость, указывая только на *психологію творчества*, какъ на основу стетики, и забывая совсѣмъ *психологію эстетическаго воспріятія, критики и оцѣнки*.

Нѣсколько замѣчаній было сдѣлано *О. П. Герасимовымъ* и *Г. Ѳ. Рачинскимъ*.

Отвѣчая на замѣчанія оппонентовъ, *П. Д. Боборыкинъ* высказалъ, въ общихъ чертахъ, слѣдующее:

Разграниченіе, какое референтъ полагаетъ между творческимъ амысломъ и его выполненіемъ (творчество, искусство, мастертво), основывается на извѣстномъ различіи психической природы того и другого. *Степень* этого различія — вопросъ болѣе етальный, котораго референтъ ни въ текстѣ своего доклада, и въ положеніяхъ, извлеченныхъ изъ него, не касается. Смѣшиать термины: *творчество, искусство, мастерство*,—во всякомъ слуаѣ, не научно. Существуютъ безчисленные виды даже *художетвеннаго* мастерства, въ которыхъ элементъ непроизвольныхъ амысловъ, т. е. творческихъ идей, не играетъ никакой роли и се дѣло сводится къ болѣе или менѣе совершенному выполнеію по разъ заданному плану.

Расширеніе предѣловъ искусства и источниковъ прекраснаго опустимо только тогда, когда факторами воспріятій будутъ высіе *эстетическіе* органы чувствъ: зрѣніе и слухъ. Другіе органы увствъ могутъ доставлять поводы и импульсы къ идеямъ и натроеніямъ, къ образамъ и мотивамъ эстетическаго характера,— о не прямо, а путемъ переработки ихъ въ тѣхъ отдѣлахъ ушевной жизни, гдѣ чувственныя побужденія и инстинкты не аютъ главнаго тона.

Противопоставленіе природы (жизни) и красоты, которое обыковенно приводятъ лже-реалисты, клонится всегда къ тому, чтоы признать всю область прекраснаго, созданную человѣкомъ, ишь блѣднымъ отраженіемъ красотъ, доставляемыхъ жизнью природы и общества. Въ этомъ смыслѣ и говорится въ соотѣтственномъ тезисѣ реферата. Такое смѣшеніе жизни съ областью скусства, или подчиненіе послѣдней принципу, по которому ворческое искусство есть только блѣдное подспорье дѣйствиельности,—одинаково ведутъ къ полной эстетической анархіи; ычеркиваютъ изъ человѣческой психики цѣлую самостоятельную феру бытія, которая только въ сознаніи человѣка и въ глубиахъ его душевной организнціи находитъ свое обоснованіе и

свой высшій смыслъ. Морально-публицистическая обработка произведеній изящнаго творчества и творческаго искусства имѣетъ свой особенный объектъ; она пользуется областью искусства для своихъ спеціальныхъ цѣлей, и въ этомъ смыслѣ ни у кого нѣтъ права ограничивать ее. Но тѣ, кто доказываетъ ея односторонность и недостаточность, точно также правы, когда рѣчь идетъ объ изслѣдованіи сферы прекраснаго, какъ *таковой*. Въ этой сферѣ есть свои законы развитія, она держится за особенныя потребности и отправленія человѣческой психики. Рѣшеніе вопросовъ *этики* представляетъ собою законный интересъ, но эти вопросы не могутъ быть разрѣшаемы изученіемъ прекраснаго и эстетическаго чувства. Мораль, когда *ей* служатъ произведенія искусства, преслѣдуетъ свои задачи, которыя держатся за функціи *души*, не имѣющія непосредственной связи съ красотой и ея воспріятіемъ.

## CX. Изложеніе преній по реферату В. Р. Буцке: „Анализъ условій мѣста и времени при ассоціаціи идей" *), происходившихъ въ засѣданіи 13-го ноября 1893 года.

*А. А. Токарскій* спросилъ, существуютъ *ли*, по мнѣнію референта, для представленія и понятія отдѣльные физіологическіе эквиваленты, и обратилъ вниманіе на отсутствіе въ рефератѣ объясненія происхожденія понятій. Затѣмъ, онъ высказалъ мнѣніе, что процессъ гармоническаго сочетанія психическихъ элементовъ недостаточно объясняется присутствіемъ одной руководящей основной идеи.

*С. С. Корсаковъ* такъ резюмировалъ основную мысль доклада В. Р. Буцке:

В. Р. Буцке считаетъ, что въ душевной жизни существуетъ «единство». По его мнѣнію, единство въ душевной жизни является какъ результатъ основныхъ свойствъ человѣческой природы. Человѣкъ чувствуетъ потребность единства, и эта потребность является мотивомъ для объединенія разнообразнѣйшихъ психическихъ актовъ. «Единство» явленій душевной жизни есть реальный фактъ, и мы можемъ его чувствовать. Орудіями объ-

---

*) Рефератъ этотъ напечатанъ во второмъ отдѣлѣ настоящей книги журнала.

единенія въ насъ являются общія понятія, которымъ и принадлежитъ доминирующая и направляющая роль въ процессахъ мышленія.

Я думаю, что этой главной мысли докладчика достаточно для того, чтобъ его рефератъ представилъ интересъ, особенно если принять во вниманіе, что его дѣлаетъ натуралистъ. Если для спиритуалиста вопросъ о «единствѣ» душевныхъ явленій есть вопросъ, почти не требующій доказательствъ и рѣшаемый a priori, то этого нельзя сказать относительно натуралистовъ. Для натуралиста—подвести представленіе объ «единствѣ» душевныхъ явленій, объ объединяющей дѣятельности, къ общему уровню натуралистическихъ воззрѣній — задача чрезвычайно трудная и въ то же время очень важная.

Въ видахъ рѣшенія этой задачи важно даже, если удастся хотя бы приблизить предполагаемое объединеніе душевныхъ явленій къ тѣмъ фактамъ, которые доступны анализу по методу естественныхъ наукъ.

Съ этой точки зрѣнія, является очень интересной мысль докладчика, что единство вытекаетъ, какъ необходимость, изъ *чувства* человѣка. Когда можно свести дѣло на чувство, то разсматриваемое явленіе уже значительно придвигается къ уровню явленій, изслѣдуемыхъ натуралистомъ, потому что чувство есть такая область душевныхъ явленій, которая тѣснѣе, чѣмъ, напримѣръ, интеллектуальная сфера, связана съ *ощущеніями*, а ощущенія представляютъ собою матеріалъ, уже вполнѣ доступный физіологическому изслѣдованію. Такимъ образомъ, основная мысль докладчика представляетъ, по-моему, большой интересъ.

Развивая свою мысль, В. Р. говоритъ, что общимъ понятіямъ, которыя доминируютъ въ душѣ и даютъ направленіе умственной дѣятельности при всякомъ сочетаніи представленій, соотвѣтствуютъ анатомо-физіологическіе эквиваленты. Въ своемъ докладѣ онъ, однако, не опредѣляетъ болѣе точно, что это за эквиваленты.

Для меня въ этомъ отношеніи представляется интереснымъ разрѣшеніе такого вопроса: должны ли мы представлять анатомо-физіологическіе эквиваленты, лежащіе въ основѣ доминирующихъ общихъ понятій, въ формѣ *непрерывно-дѣйствующей* функціи нервныхъ элементовъ, или только въ формѣ *предрасположенія* къ дѣятельности, которая является при извѣстныхъ условіяхъ? Допуская, что нервному процессу соотвѣтствуетъ состояніе вибраціи въ нервныхъ элементахъ, я могу поставить вопросъ мой дру-

гими словами такъ: вибрируютъ ли въ нашей нервной системѣ *безпрерывно* тѣ элементы, дѣятельность которыхъ служитъ субстратомъ общихъ понятій, или ихъ вибрація существуетъ только въ потенціи, а въ дѣйствительности является лишь тогда, когда иннерваціонный процессъ по ассоціаціоннымъ путямъ дойдетъ до соотвѣтствующихъ нервныхъ элементовъ?

Для меня лично кажется болѣе удобнымъ допущеніе перваго предположенія, потому что при немъ гораздо понятнѣе становится неизмѣнность основныхъ чертъ личности у одного и того же нормальнаго индивидуума въ теченіе всей его жизни: объ этомъ, впрочемъ, я имѣлъ уже случай говорить въ Психологическомъ Обществѣ.

Если допустить существованіе этой непрекращающейся дѣятельности, т.-е. существованіе постоянной вибраціи нервныхъ элементовъ, хранящихъ слѣды образовавшихся общихъ понятій, — то спрашивается: въ какомъ видѣ можно представить себѣ направляющее вліяніе этой дѣятельности?

По моему мнѣнію, ее можно представить двояко: или эта дѣятельность проявляется аналогично физіологическому мышечному тонусу, благодаря которому существуетъ опредѣленное положеніе частей человѣческаго тѣла, или она измѣняетъ результатъ сочетанія представленій въ ряды, усиливая нѣкоторыя изъ сочетаній и ослабляя другія; это могло бы дѣлаться аналогично тому, какъ въ музыкальномъ инструментѣ звуки пріобрѣтаютъ оттѣнокъ, свойственный именно данному инструменту, такъ какъ и форма, и матеріалъ инструмента способствуютъ тому, что одни изъ тоновъ звучатъ сильнѣе, другія слабѣе. Мнѣ думается, что предположеніе о дѣятельности *на подобіе мышечнаго тонуса*—болѣе вѣроятно.

*В. Р. Буцке.* Я понимаю, почему С. С. Корсаковъ ставитъ мнѣ вопросъ о непрерывности функціи нервныхъ элементовъ. Онъ вспоминаетъ другой мой рефератъ, въ которомъ я отрицалъ необходимость принимать непрерывность этой функціи, въ извѣстномъ смыслѣ, для объясненія явленій памяти. По моему, для моего сегодняшняго реферата безразлично, въ какую сторону рѣшить поставленный вопросъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что физіологическіе эквиваленты функціонируютъ въ извѣстномъ смыслѣ, только когда происходитъ соотвѣтствующій психологическій фактъ.

*Л. М. Лопатинъ* замѣтилъ, что упрекъ, дѣлаемый референтомъ
э адресу нѣмецкихъ психологовъ, можно обратить противъ него
ıмого: въ своихъ выводахъ онъ отправляется отъ предвзятой
етафизической теоріи. Отсюда чрезвычайная оригинальность
ѣкоторыхъ его мнѣній, съ которыми, однако, едва ли можно
эгласиться. Такъ, референтъ возстаетъ противъ истины, кото-
ую, въ виду ея очевидности, признаютъ обыкновенно психологи
сѣхъ школъ,—что психическія явленія лишены протяженности,
го наши мысли, чувства, акты воли не имѣютъ ни толщины, ни
лины, ни какой-нибудь фигуры въ пространствѣ. В. Р. Буцке
умаетъ, что этотъ взглядъ основанъ на иллюзіи: психическимъ
зленіямъ онъ приписываетъ опредѣленное бытіе въ простран-
гвѣ и въ доказательство ссылается на пространственную лока-
изацію и неизбѣжную протяженность *физіологическихъ эквивален-
овъ* психическихъ процессовъ. Другими словами, онъ *отожде-
пвляетъ* психическія явленія съ ихъ физіологическими эквивален-
ıми. Но возможно ли утверждать такое тождество, и говорить
немъ не значитъ ли предрѣшать метафизическій вопросъ о
ущности души? Вѣдь все, на что насъ уполномочиваетъ опытъ,
ıключается въ признаніи нѣкотораго параллелизма между душев-
ыми и физіологическими явленіями. И при этомъ не нужно за-
ывать, что такой параллелизмъ есть понятіе лишь относитель-
ое и отъ тождества весьма далекое. Психическая и физіологи-
еская сферы представляютъ коренные и непримиримые пункты
азличія. Въ физіологической сферѣ совершается въ каждое
гновеніе неограниченное множество одновременныхъ явленій,—
поле сознанія ограничено: въ немъ въ каждый данный моментъ
ротекаютъ лишь немногія идеи, ощущенія и дѣятельности. Фи-
іологическіе процессы, при всемъ ихъ разнообразіи, качественно
днородны (представляютъ лишь механическія видоизмѣненія
виженія атомовъ вещества); психическія явленія качественно
азнородны до полной невозможности логически свести содер-
каніе однихъ явленій души на содержаніе другихъ (напримѣръ,
щущеній свѣта нельзя выразить въ терминахъ ощущеній звука).
сихическія и физіологическія явленія не имѣютъ ничего об-
аго по своему непосредственному содержанію и составу:
примѣръ, видимый нами красный цвѣтъ и соотвѣтствующій
шему воспріятію *безцвѣтный* процессъ въ атомахъ мозга не
ıѣютъ никакого сходства. Наконецъ, физіологическіе процес-

сы, въ математическомъ смыслѣ, *непрерывны*; психическія явленія отличаются свойствомъ математической *прерывности* (не всѣ физическія измѣненія отражаются въ нашей психической сферѣ, а лишь достигнувшія извѣстной степени интенсивности). Эти рѣзкія черты противоположности, казалось бы, рѣшительно препятствуютъ отождествлять психологическій и физіологическій порядки феноменовъ. Между тѣмъ, референтъ совершенно сливаетъ ихъ, и отсюда вытекаютъ большія неясности въ его выводахъ. Существенный моментъ въ его объясненіяхъ составляетъ переносъ предикатовъ одного порядка явленій на другой. Такъ, волю онъ опредѣляетъ, какъ напряженіе физіологическихъ эквивалентовъ по направленію къ извѣстной цѣли, и забываетъ при этомъ, что физіологическіе эквиваленты, сами по себѣ, независимо отъ соотвѣтствующихъ имъ душевныхъ состояній, никакихъ цѣлей преслѣдовать не могут. Чувство смысла нашихъ общихъ идей онъ отождествляетъ съ наличностью физіологическихъ эквивалентовъ ихъ логическаго состава. И съ другой стороны, чтобы объяснить единство и связность процессовъ умственной жизни, онъ говоритъ объ единствѣ физіологическихъ эквивалентовъ, объ ихъ гармоніи, согласованіи, аккордѣ и т. д. и не замѣчаетъ, что эти понятія *единства*, *аккорда*, *гармоніи* имѣютъ полное приложеніе къ сферѣ психической, поскольку мы судимъ о продуктахъ нашей душевной дѣятельности, съ эстетической, нравственной или логической точки зрѣнія, но они едва ли сохранятъ какое-нибудь значеніе, когда мы ими характеризуемъ отношенія физико-химическихъ процессовъ нашего мозга. Во всякомъ случаѣ, они нуждаются въ научномъ опредѣленіи ихъ физіологическаго смысла, а такого опредѣленія мы у референта не находимъ.

*В. Р. Буцке*. Въ своемъ рефератѣ я тщательно старался избѣгнуть всякой собственной метафизики, хотя, съ другой стороны, правда, я совершенно искренне сдѣлалъ всякія возможныя уступки любой изъ возможныхъ метафизикъ. Я могъ бы доказать, что мои воззрѣнія согласуемы съ любой теоріей о сущности души, даже самой трансцендентальной, лишь бы этой теоріей не нарушались основныя положенія физическихъ наукъ въ области физическихъ явленій.

Сверхъ того, нѣсколько замѣчаній было сдѣлано *Н. В. Бугаевымъ*, а также *Н. Я. Гротомъ*, который обѣщалъ представить

черезъ нѣкоторое время по вопросамъ, затронутымъ В. Р. Буцке, и отчасти въ возраженіе ему—особый рефератъ.

## CXII. Извлеченіе изъ протокола закрытаго засѣданія 18 декабря 1893 г.

Засѣданіе открыто въ $8^1/_2$ ч. вечера, подъ предсѣдательствомъ исправляющаго должность товарища предсѣдателя Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. А. Иванцовѣ, въ присутствіи гг. дѣйств. членовъ: Н. А. Абрикосова, А. П. Басистова, Н. В. Бугаева, В. Р. Буцке, П. В. Безобразова, М. В. Безобразовой, П. Д. Боборыкина, В. А. Гольцева, В. Е. Гіацинтова, В. Н. Ивановскаго, С. С. Корсакова, Н. П. Постовскаго, Г. А. Рачинскаго, Н. И. Ржондковскаго, В. П. Сербскаго, А. А. Токарскаго, кн. С. Н. Трубецкого, Н. И. Шишкина, Е. А. Шмидта и член. соревнователей: А. А. Андреевой, А. С. Гончаровой.

Предсѣдатель Общества Н. Я. Гротъ прочелъ свой рефератъ «О значеніи идеи параллелизма въ психологіи».

Въ возникшихъ по поводу прочитаннаго реферата преніяхъ приняли участіе дѣйств. члены: В. Р. Буцке, А. А. Токарскій, Н. А. Иванцовъ, С. С. Корсаковъ и Л. М. Лопатинъ.

### Изложеніе преній по реферату Н. Я. Грота:

### „О значеніи идеи параллелизма въ психологіи“ *).

*В. Р. Буцке.* Въ моемъ рефератѣ объ условіяхъ времени и пространства при ассоціаціяхъ идей я коснулся теоріи параллелизма между духовною и физическою сторонами психическихъ фактовъ. Это подало Вамъ, Николай Яковлевичъ, поводъ къ представленію своего сегоднешняго реферата «къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи». Но прямыхъ возраженій мнѣ я ни въ Вашихъ тезисахъ, ни въ Вашемъ рефератѣ не могу найти. Я положилъ въ основу своихъ выводовъ параллелизмъ, какъ минимумъ того, что должно допустить въ отношеніяхъ духовной и физической стороны, именно изъ желанія избѣгнуть всякаго осложненія сравнительно простыхъ психологическихъ вопросовъ болѣе сложными, метафизическими.

*Н. Я. Гротъ.* Въ психологіи, В. Р., ничего нельзя рѣшить, не по-

---

*) См. 21-ю (январьскую) книгу журнала, гдѣ помѣщены рефератъ и тезисы.

ставивъ предварительно вопроса о характерѣ взаимной связи и зависимости психическихъ и физическихъ явленій. Этотъ вопросъ— не осложненіе, а лишь правильная постановка задачи.

*В. Р. Буцке.* Я въ своихъ разсужденіяхъ старался поставить себя внѣ зависимости отъ того или другого рѣшенія метафизическихъ вопросовъ. Я требовалъ только признанія существованія какой бы то ни было связи между духовной и физической сторонами психическихъ явленій. Терминомъ «параллелизмъ» я, конечно, не хотѣлъ выразить, что явленія идутъ параллельно въ геометрическомъ смыслѣ. Что такого параллелизма въ дѣйствительности нѣтъ, на это указываетъ уже законъ Вебера, гласящій, что сила ощущенія растетъ не параллельно со степенью раздраженія, а пропорціонально логариѳму числа. Ученіе о параллелизмѣ ничего не предрѣшаетъ и выражаетъ собою только признаніе, что о сущности связи мы ничего не знаемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, это ученіе содержитъ въ себѣ также утвержденіе, что какая-нибудь связь между явленіями существуетъ, и вмѣстѣ съ этимъ оно указываетъ на необходимость изслѣдованія психическихъ фактовъ всегда параллельно—съ двухъ сторонъ, съ внутренней и съ внѣшней. Такимъ образомъ, идея параллелизма выражаетъ собою также методъ, которому должно слѣдовать. Въ этомъ, главнымъ образомъ, заключается существенное значеніе этого ученія. Методъ параллельнаго изслѣдованія явленій, не имѣющихъ, повидимому, ничего общаго между собою, уже давалъ въ наукѣ очень надежные результаты. Такъ, наприм., изучались параллельно явленія движеній небесныхъ тѣлъ съ явленіями морскихъ приливовъ и отливовъ. Въ результатѣ установлена была опредѣленная взаимная причинная связь. Содержало ли параллельное изученіе двухъ рядовъ явленій какую-либо предвзятую идею? Едва ли. Оказалось, что приливъ и отливъ зависятъ отъ движеній небесныхъ тѣлъ, но могло одинаково оказаться также обратное. Дѣйствительно, обратный вопросъ можно даже теперь еще поставить, послѣ того, какъ изслѣдованія, повидимому, уже окончены. Можетъ-быть, кто нибудь найдетъ возможнымъ доказать, что извѣстныя движенія небесныхъ тѣлъ зависятъ отъ морскихъ приливовъ и отливовъ. Дѣйствительно, волны океановъ ударяютъ о восточныя сваи берега; можетъ-быть, отъ того-то земля и вертится около своей оси съ запада на востокъ? Я этимъ хочу сказать, что идея параллелизма свободна отъ предвзятыхъ рѣшеній. Мы мо-

жемъ что угодно изучать параллельно съ чѣмъ угодно. Но бываютъ случаи, гдѣ параллельное изученіе двухъ рядовъ явленій становится обязательнымъ. Это тѣ случаи, гдѣ два ряда явленій только повидимому не имѣютъ ничего общаго—потому, что они получаются двумя или нѣсколькими различными органами воспріятія отдѣльно, но въ то же время, несомнѣнно, изъ одного и того же источника. Наприм., до Вашего уха долетаютъ звуки музыки. Откуда, гдѣ, какъ,—никто не знаетъ. Музыка сама по себѣ не имѣетъ пространственнаго опредѣленія: она ни толста, ни широка, ни высока, не имѣетъ ни физическихъ, ни химическихъ свойствъ матеріи. Правильно или неправильно я сдѣлаю, если я, услышавъ музыку, встану и посмотрю, гдѣ, какъ и какимъ образомъ она возникаетъ? Относительно всего этого я могу убѣдиться только другими органами воспріятія: зрѣніемъ и осязаніемъ. Положимъ, въ данномъ случаѣ, я найду, что производила музыку механическая табакерка, вещь протяженная, съ физическими и химическими свойствами, вовсе не похожими на свойства музыки. Я изслѣдовалъ явленія параллельно, рядомъ, это было обязательно; но содержалъ ли мой методъ предвзятую идею? Вовсе нѣтъ. Я изслѣдую дальше, и, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ окажется, что не табакерка производила музыку, а, наоборотъ, музыка произвела на свѣтъ табакерку. Дѣйствительно, положимъ, что музыкальная табакерка не была обыкновенной табакеркой, а табакеркой-фонографомъ; тогда станетъ понятно, какъ первоначально музыка могла произвести существенное механическое приспособленіе въ музыкальномъ инструментѣ.—И *этимъ* примѣромъ я хотѣлъ только показать, что ученіе о параллелизмѣ не содержитъ въ себѣ никакой предвзятой мысли. Параллелизмъ въ томъ смыслѣ, какъ я употребляю это слово, значитъ только, что явленія происходятъ рядомъ и должны быть изучаемы рядомъ—и больше рѣшительно ничего. Итакъ, противъ принципа параллелизма, какъ метода, повидимому, ничего возразить нельзя.

*Н. Я. Гротъ.* Противъ Вашего метода изученія я и не возражаю. Но и у Васъ въ рефератѣ, какъ и у всѣхъ психофизіологовъ, есть наклонность пользоваться идеею параллелизма не только какъ *методомъ*, но, въ связи съ этимъ понятіемъ, пытаться объяснять душевныя явленія исключительно при помощи физическихъ и физіологическихъ фактовъ и законовъ. И я думаю, что главная причина этому лежитъ въ неясности идеи паралле-

лизма, которая, во всякомъ случаѣ, взята изъ сферы внѣшняго опыта, пространственныхъ отношеній. Слово это слишкомъ мало отвѣчаетъ на вопросъ о реальномъ отношеніи духовнаго къ физическому.

*В. Р. Буцке.* Да, самое слово параллелизмъ, я съ Вами, пожалуй, согласенъ, не совсѣмъ удачно выбрано. Оно ведетъ, какъ оказывается, къ нѣкоторымъ весьма не желательнымъ недоразумѣніямъ, и я его теперь охотно замѣнилъ бы другимъ словомъ *координація* (которое и Вы употребляете) и сказалъ бы: духовная и физическая стороны психическихъ фактовъ координированы между собою (или должны быть координированы наукой), какъ вообще координируются на абсциссахъ и ординатахъ факты распространенія явленій во времени и факты распространенія тѣхъ же явленій въ пространствѣ. Съ внутренней точки зрѣнія, я констатирую, что душевные факты имѣютъ, повидимому, только одно распространеніе— во времени: это я отмѣчаю на абсциссѣ. Затѣмъ, я разсматриваю тотъ же фактъ съ внѣшней стороны (другимъ познавательнымъ органомъ), замѣчаю распредѣленіе въ пространствѣ и отмѣчаю это на ординатѣ. Этотъ методъ, методъ координированнаго изслѣдованія, не вноситъ съ собою никакихъ предвзятыхъ идей. Анатомическіе субстраты и физіологическіе эквиваленты суть необходимыя условія для правильнаго хода представленій,—такъ доказываю я. Далѣе, можно бы доказать, что мышленіе, въ свою очередь, есть условіе для возникновенія правильно организованныхъ анатомическихъ субстратовъ и дѣятельности физіологическихъ эквивалентовъ. Параллелизмъ или координація—это все равно—допускаются мною, только какъ минимумъ того, что должно допустить въ отношеніяхъ духовнаго и тѣлеснаго. На этомъ минимумѣ я строю свои выводы. Вы, Николай Яковлевичъ, принимаете гораздо больше. Въ шестомъ Вашемъ тезисѣ Вы допускаете «взаимную зависимость духовнаго и физическаго существованія человѣка». Слѣдовательно, Ваши возраженія, направленныя спеціально противъ параллелизма, вовсе не затрогиваютъ моихъ выводовъ.

*Н. Я. Гротъ.* Я и не имѣлъ въ виду спеціально *Вашихъ* выводовъ, В. Р., а то общее направленіе современной психофизіологіи, которое изслѣдуетъ зависимость мысли отъ мозговой дѣятельности и упускаетъ изъ виду обратную зависимость работы и состояній мозга отъ актовъ мышленія и воли, вытекающихъ изъ

духовныхъ и нравственныхъ причинъ. О времени же, какъ ритмѣ «распространенія душевныхъ явленій», я теперь говорить не буду, такъ какъ обѣщалъ посвятить этому особый рефератъ. Координацію же душевныхъ и физическихъ явленій мы, очевидно, понимаемъ съ Вами различно.

*Н. А. Иванцовъ.* Только-что прослушанный нами рефератъ представляетъ собою лишь введеніе во вторую половину его, имѣющую быть прочтенной въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій. Темой ея послужитъ раскрытіе новаго взгляда на характеръ времени и рѣшеніе вопроса о параллелизмѣ явленій психическихъ и физическихъ, съ этой новой точки зрѣнія. Такъ какъ основное положеніе до сихъ поръ только намѣчено, а не раскрыто и обосновано, какъ слѣдуетъ, то и сужденія о рефератѣ крайне затруднительны. Тѣмъ не менѣе, многія положенія возбуждаютъ большія недоумѣнія своимъ противоположеніемъ вещей, которыя противополагать невозможно. Остановлюсь пока на слѣдующемъ.

Авторъ указываетъ два источника знанія—сознаніе и самосознаніе, противополагая ихъ другъ другу. Но если (тез. 3) «вообще легче доказать, что весь міръ, включая матерію, мозгъ и нервную систему, есть совокупность ощущеній и представленій души», то какимъ же образомъ сознаніе можетъ быть противоположно самосознанію? Если это такъ, то, слѣдовательно, все есть мое представленіе, мое самосознаніе, мое *Я* въ широкомъ смыслѣ этого слова, и то, что мы называемъ сознаніемъ, есть лишь особая форма самосознанія, и противополагать ихъ другъ другу невозможно.

Исходя изъ того же положенія, нельзя опытъ внѣшній противополагать опыту внутреннему. Все есть опытъ внутренній. Опытъ внѣшній будетъ въ такомъ случаѣ лишь особою формой внутренняго опыта, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Если это такъ, то какимъ же образомъ (тез. 4) категоріи внутренняго опыта могутъ быть «*безусловно противоположны*» категоріямъ внѣшняго опыта, когда внѣшній опытъ есть всего-на-всего лишь особая форма опыта внутренняго? Опытъ внѣшній и есть та особая форма самосознанія, которую мы называемъ сознаніемъ (въ тѣсномъ смыслѣ) и которая никоимъ образомъ не можетъ быть «*безусловно*» противоположна первому.

У Канта это раскрыто вполнѣ ясно, понятно и опредѣленно. Весь представляемый нами міръ, какъ нашъ внутренній опытъ въ

широкомъ смыслѣ слова, имѣетъ своею формой время. *Всѣ* явленія совершаются во времени. Время есть форма *всей* области нашего сознанія и самосознанія. Но, кромѣ того, *нѣкоторыя* явленія или представленія имѣютъ своей болѣе частною формой еще пространство, совершаются въ пространствѣ. Эти явленія мы называемъ опытомъ внѣшнимъ, противополагая ихъ опыту внутреннему въ *узкомъ* смыслѣ слова—явленіямъ, совершающимся во времени, но не въ пространствѣ. Такимъ образомъ, и внутренній опытъ, въ узкомъ смыслѣ, и внѣшній имѣютъ общею своею формой время, и по категоріи не могутъ быть «*безусловно противоположны*» другъ другу. Референтъ разсуждаетъ такъ: какимъ образомъ явленія душевной жизни и опыта внутренняго могутъ совершаться во времени, когда они не совершаются въ пространствѣ? Но такое разсужденіе совершенно невѣрно и ровно ни къ чему не ведетъ.

*Н. Я. Гротъ.* Съ положеніями оппонента о томъ, что сознаніе есть форма самосознанія, а внѣшній опытъ—форма внутренняго, я заранѣе согласился въ своихъ тезисахъ, только что упомянутыхъ *). Но это не мѣшаетъ признать, при болѣе тонкомъ анализѣ, вѣрности и обратныхъ положеній, что самосознаніе есть форма сознанія, а внутренній опытъ (гдѣ *я* становится *объектомъ* наблюденія) есть форма внѣшняго опыта. Вѣрность же обоего рода положеній доказываетъ, что въ нашемъ сознаніи и опытѣ есть два противоположные полюса, легко отличимые другъ отъ друга. И если одному роду сознанія и опыта свойственно воспринимать объекты свои какъ пространственно-протяженные, и если время—существенная форма воспріятія «движенія въ пространствѣ», то невольно можетъ возникнуть вопросъ, есть ли время—форма воспріятія и познанія объектовъ *второго* рода, т. е. душевныхъ «явленій», какъ ихъ называютъ. Этотъ вопросъ я и пытаюсь разрѣшить. Авторитетъ Канта для меня не обязателенъ, такъ какъ именно противъ него я и возстаю.

*Н. А. Иванцовъ.* Далѣе, авторъ, повидимому, неправильно понимаетъ, что разумѣетъ психофизіологія, говоря о параллелизмѣ или зависимости явленій психическихъ и физическихъ. Ея точка зрѣнія вкратцѣ такова: суть ли явленія физическія—явленія движенія—только наши представленія или нѣтъ, это для нея безразлично;

*) Ср. мою статью „О свободѣ воли и причинности“ (1891)

явленія матеріальныя и явленія психическія суть для нея *данныя*, въ разборъ метафизической природы которыхъ она не входитъ.

Міръ матеріальной жизни данъ намъ только обрывками. Но замѣчая, что явленія, составляющія эти обрывки, тѣсно и закономѣрно связаны другъ съ другомъ, мы заполняемъ раздѣляющіе ихъ промежутки и создаемъ цѣльный закономѣрный образъ явленій физической жизни. Послѣдній есть, такимъ образомъ лишь гипотетическій выводъ, но выводъ вполнѣ законный, сдѣланный на основаніи аналогіи, и дѣлающійся тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что онъ на каждомъ шагу подтверждается опытомъ и наблюденіемъ, а исключеній изъ него намъ никогда не представляется.

Точно такимъ же образомъ, міръ психическихъ явленій мы знаемъ по еще болѣе разрозненнымъ обрывкамъ, и точно также, на тѣхъ же основаніяхъ, возстановляемъ гипотетическій, цѣльный и закономѣрный рядъ явленій психической жизни.

Мы замѣчаемъ также, и это есть данное прямого наблюденія и опыта, что міръ физической жизни и міръ психической жизни своими извѣстными намъ частями совпадаютъ другъ съ другомъ, или, точнѣе, идутъ параллельно другъ другу, иными словами, закономѣрность здѣсь одинакова, и оба рода явленій совершаются въ зависимости другъ съ другомъ. Прямымъ выводомъ отсюда будетъ совпаденіе или параллелизмъ обоихъ рядовъ явленій—тамъ, гдѣ оно намъ непосредственно не извѣстно. Такимъ образомъ, параллелизмъ явленій психическихъ и физическихъ въ психофизіологіи есть, правда, гипотетическій, но вполнѣ законный и логичный выводъ изъ данныхъ наблюденія и опыта. Въ вопросѣ о зависимости явленій физическихъ и психическихъ психофизіологія не выходитъ изъ области явленій; она говоритъ о параллелизмѣ *явленій* сознанія и физическихъ измѣненій, а не о взаимной зависимости духа и матеріи. Дальше области явленій она не идетъ и идти не можетъ. Самый вопросъ о природѣ физическихъ явленій для нея остается чуждымъ. Но за то въ своей области—области явленій—она стоитъ на совершенно твердой почвѣ. Между тѣмъ, референтъ въ своихъ разсужденіяхъ переноситъ ея выводы на почву, совершенно ей чуждую, дѣлая изъ психофизіологіи метафизику, съ которой она ничего общаго не имѣетъ. Такой путь разсужденій нельзя признать правильнымъ.

*Н. Я. Гротъ.* Не спорю, что психофизіологія въ принципѣ желала бы быть только наукою о *явленіяхъ*. Но, къ сожалѣнію, существуетъ и господствуетъ въ наше время особое психофизіологическая (матеріалистическая) метафизика. Какъ я старался показать въ рефератѣ, иначе и быть не можетъ, ибо на явленіяхъ нельзя останавливаться. Теорія познаваемости *однихъ* явленій есть тоже «метафизика», нынѣ отживающая свой вѣкъ. Когда дѣло идетъ только о явленіяхъ, нельзя говорить о ихъ *зависимости*, т.-е. причинной связи, а лишь о ихъ преемствѣ или послѣдовательности (какъ справедливо учили Юмъ и всѣ настоящіе эмпирики), но «послѣдовательность» не есть «причинная зиавсимость». Разсужденіе «post hoc ergo propter hoc» давно признано логической ошибкой, а между тѣмъ наука опредѣляетъ не post, а propter изучаемыхъ явленій и тѣмъ уже переходитъ за предѣлы явленій въ область реальнаго и субстанціальнаго бытія, къ познанію котораго человѣкъ имѣетъ ключъ въ своемъ самосознаніи. Несправедливо, что наука отрицаетъ «существованіе» матеріи. Отчего же ей такъ бояться понятія духа, котораго существованіе мы познаемъ, «существуя», т.-е. сознавая свое сознаніе и мысль, какъ существующія реально? А если признать, что духовное столь же реально существуетъ, какъ и матеріальное, то отчего нельзя изучать реальной зависимости того и другого и къ чему прибѣгать къ неимѣющему смысла термину «параллелизмъ»? Вы сами говорите, что «параллелизмъ обоихъ родовъ явленій означаетъ, что они совершаются *въ зависимости другъ отъ друга*. То же самое доказываю и я. Вся разница въ томъ, что я считаю феноменизмъ внутренно противорѣчивымъ.

*С. С. Корсаковъ.* Вопросъ о самостоятельности и самобытности душевной жизни, Вами затронутый, безспорно, очень интересный вопросъ; но, къ сожалѣнію, при настоящемъ уровнѣ нашихъ знаній онъ не разрѣшимъ. Усилія самыхъ выдающихся умовъ не въ состояніи были дать неоспоримое доказательство вѣрности той или другой принципіальной точки зрѣнія, и до сихъ поръ въ этой области можно только «доказывать» основныя положенія, а не «доказать».

Поэтому психологія, по моему мнѣнію, по необходимости должна остерегаться связывать свою судьбу и свою жизнь съ рѣшеніемъ этого вопроса. Вѣдь, психологія занимается изученіемъ явленій, кругъ которыхъ рѣзко очерченъ, а изученіе этихъ явле-

ній можетъ происходить и безъ предварительнаго рѣшенія вопроса о самостоятельности душевной жизни. Подобно тому, какъ въ физикѣ не слѣдуетъ связывать развитія науки съ рѣшеніемъ вопроса о первоначальномъ источникѣ матеріи или энергіи, а слѣдуетъ до поры до времени изучать лишь свойства матеріи и проявленія энергіи, такъ и въ психологіи можно пока ограничиться изученіемъ взаимнаго соотношенія явленій, входящихъ въ область этой науки. Можетъ быть, накопивъ достаточно знанія, мы и будемъ въ состояніи найти научныя основанія для безспорнаго рѣшенія вопроса о самостоятельности душевныхъ явленій, но пока этотъ вопросъ не долженъ считаться *основнымъ* вопросомъ психологіи, какъ утверждаете Вы въ Вашемъ девятомъ тезисѣ.

Вы говорите: «изгонять его въ область метафизики—значитъ извращать задачи психологіи и лишать ее главнаго орудія для рѣшенія самыхъ основныхъ проблемъ». Я рѣшительно не понимаю, почему устранять этотъ вопросъ—значитъ извращать *задачи* психологіи. Вѣдь, міръ душевныхъ явленій остается все тотъ же, какого бы мы взгляда ни держались, и изучать, *какъ, какимъ образомъ* одно изъ этихъ явленій связано съ другимъ — можно безъ рѣшенія Вашего «основного» вопроса, а въ изученіи этихъ явленій и лежитъ задача психологіи. Орудіями для правильнаго изученія всегда будутъ наблюденіе, экспериментъ и критическая мысль, и я рѣшительно не понимаю, какого же *главнаго* орудія лишилась психологія, отложивъ рѣшеніе вопроса о самостоятельности душевной жизни. Я старался въ Вашемъ рефератѣ найти указаніе на это «главное орудіе», но не нашелъ и намека на него.

Я не думаю, чтобы Вы это главное орудіе видѣли въ томъ, что для изученія психическихъ явленій, въ отличіе отъ физическихъ, необходимъ исключительно внутренній опытъ, хотя Вы и говорите во второмъ тезисѣ, что «категоріи душевной жизни и внутренняго опыта безусловно противоположны категоріямъ физическаго существованія и внѣшняго опыта». Я не думаю этого, потому что увѣренъ, что и Вы, такъ же, какъ и я, не видите принципіальной разницы между внутреннимъ и внѣшнимъ опытомъ въ дѣлѣ изученія психическихъ или физическихъ явленій. Вѣдь, нельзя сказать, чтобы физическія явленія изучались только путемъ внѣшняго опыта. Я думаю, что всякое изученіе есть комбинація внутренняго и внѣшняго опыта; также не станете Вы оспа-

ривать, что и при изученiи физики, напримѣръ, отдѣловъ акустики и т. п., необходимъ внутреннiй опытъ. Точно также и при изученiи психическихъ явленiй нельзя ограничиваться однимъ внутреннимъ опытомъ: кромѣ самонаблюденiя, необходимо изучать и явленiя психическiя внѣ насъ, изучать психическую жизнь другихъ людей и проч.

Да и не можетъ быть иначе, такъ какъ психическiя явленiя извѣстны намъ только въ непрестанной связи съ физическими. Вѣдь, мы знаемъ психическую дѣятельность—только какъ проявленiе органической жизни. Безъ организма мы психической жизни не знаемъ: многимъ изъ насъ случалось на физiологическихъ опытахъ видѣть, какъ сердце лягушки, вынутое изъ тѣла, продолжаетъ нѣкоторое время самостоятельно биться, но никто не наблюдалъ психической жизни, отдѣленной отъ организма. Поэтому мы не имѣемъ до сихъ поръ никакого права совершенно отдѣлять психологическiя явленiя отъ органическихъ, а должны, наоборотъ, смотрѣть на нихъ, какъ на своеобразныя проявленiя органической жизни.

Держась такого мнѣнiя относительно «душевныхъ» явленiй, я, однако, вовсе не согласенъ съ Вашимъ утвержденiемъ, высказаннымъ въ пятомъ тезисѣ, что «убѣжденiе въ полной зависимости душевныхъ явленiй отъ анатомическихъ и физiологическихъ, т. е. матерiальныхъ условiй, предрѣшаетъ вопросъ о самобытности и независимости духовнаго начала». Вопросъ о самобытности духовнаго начала вовсе этимъ не предрѣшается; только, по моему мнѣнiю, нужно быть болѣе осторожнымъ въ терминологiи и не смѣшивать понятiя о *душевныхъ* явленiяхъ съ понятiемъ о *мiровомъ духовномъ началѣ*. Эти два понятiя часто смѣшиваются, но я вижу въ этомъ большую ошибку, которая вытекаетъ изъ нашей склонности видѣть во всемъ человѣческое подобiе, вслѣдствiе чего мiровому началу часто приписываются свойства человѣческой психики. Если принять, что между терминами: «душевныя явленiя» и «мiровое духовное начало»—существуетъ глубокая разница, то станетъ понятно, что рѣшенiемъ вопроса о душевныхъ явленiяхъ, какъ проявленiяхъ органической жизни, вовсе не предрѣшается вопросъ о самобытности мiрового духовнаго начала. Вопросъ о духовномъ началѣ вовсе и не ставится до поры до времени въ узкомъ кругѣ научнаго изученiя конкретныхъ явленiй психической жизни. А еслибъ онъ былъ поставленъ

какимъ-нибудь пытливымъ умомъ, то легко представить нѣсколько гипотезъ, объясняющихъ зависимость отъ міровoго духовнаго начала не только психическихъ явленій, но и всѣхъ жизненныхъ, т.-е. органическихъ вообще, а потому и неправильно говорить, что убѣжденіе въ полной зависимости психическихъ явленій отъ органической жизни предрѣшаетъ вопросъ о духовномъ началѣ, т. е. отвергаетъ его. Логически развиваемое убѣжденіе это не отвергаетъ его.

*Н. Я. Гротъ*. Въ моемъ рефератѣ не было пока рѣчи о *міровомъ* духовномъ началѣ. Я разумѣлъ только возможность предположенія индивидуальнаго духовнаго начала, или *души*. Вы говорите, что мы въ физикѣ изучаемъ «свойства матеріи и проявленія энергіи». Отчего же Вы не говорите, что въ психологіи мы изучаемъ «свойства души и проявленія воли»? Отчего, когда Вы говорите о психологіи, вы прибѣгаете тотчасъ къ терминамъ «психическое явленіе», «психика» и т. под.? Какъ психологъ, я достаточно знакомъ съ безплодностью, тщетою и двусмысленностью той психологіи, которая изучаетъ «только явленія» (т.-е. «проявленія»—чего?—неизвѣстно). Далѣе сомнительныхъ «законовъ» ассоціаціи и неясныхъ терминовъ: эмоція, апперцепція и т. п.—она не пошла. Вся эта символика давно убиваетъ психологію, и она ищетъ выхода изъ нея на путь реальнаго изслѣдованія. Попыткою реальной психологіи является психофизіологія, изучающая зависимость душевной жизни отъ органическихъ условій. Но это еще не «психологія». Я же ищу путей къ настоящей психологіи, которая бы не боялась изучать «свойства души», какъ физика изучаетъ «свойства матеріи». Вы говорите, что психическая и физическая жизнь даны нераздѣльно и что даже изученіе физическихъ явленій не обходится безъ психическаго момента. Но это не мѣшаетъ научному анализу выдѣлять *физическое* и опредѣлять его законы, какъ таковогo, отбрасывая все психическое. Отчего же нельзя путемъ того же анализа отбрасывать физическій моментъ въ психической жизни и изучать законы *душевной* жизни, какъ таковой? Это и будетъ настоящая психологія. Что она возможна, доказали уже Платонъ и Аристотель—въ области психологіи, логики, этики. Вѣдь, они не знали никакой физіологіи, а дали безсмертныя по глубинѣ и правдѣ изслѣдованія душевной жизни. То же доказываютъ своимъ анализомъ душевной жизни геніальные художники-психологи

(Достоевскій, Л. Н. Толстой и др.). Вы говорите, что надо изучать душевную жизнь не только въ себѣ, но и въ другихъ людяхъ, но забываете, что чужая душевная жизнь доступна изученію и понятна намъ только чрезъ нашу собственную, и что все, что̀ мы о ней предполагаемъ,—только аналогіи и догадки. Непосредственно чужая душевная жизнь нами не воспринимается: воспринимаются зрѣніемъ и слухомъ только ея физическія выраженія, которыя часто невѣрно истолковываются (какъ, напр., даже «мысли», тонко выраженныя «словами»). Душевная жизнь познается нами только внутренно, въ *самихъ себѣ*. Я не говорю, что надо для такого психологическаго изученія предрѣшать вопросъ о субстанціяхъ и ихъ отношеніяхъ. Но не надо бояться его ставить. Напротивъ, *гипотеза* самобытности духовнаго такъ же полезна въ психологіи, какъ гипотеза самостоятельности физическихъ явленій отъ психическихъ въ физикѣ. Психологія только тогда вступитъ на правильный путь, когда допуститъ, что духовное не только можетъ возникать въ насъ самобытно, *безъ физіологическихъ причинъ*, но можетъ управлять физіологическою жизнью организма. Такая точка зрѣнія и для психіатріи можетъ быть полезна. Притомъ, она подтверждается современнымъ ученіемъ о гипнотизмѣ и внушеніи (со стороны чужой мысли и воли, т. е. духа). Это не уничтожаетъ пользы и важности психофизіологіи. Но послѣдняя должна знать свое мѣсто и не оспаривать важности «чистой психологіи». Вотъ почему я и думаю, что изгонять изъ психологіи вопросъ о реальной связи духовнаго и матеріальнаго бытія—значитъ извращать задачи психологіи, что это—*основной* вопросъ психологіи, къ рѣшенію котораго она должна направляться, какъ къ конечной цѣли своей. Я не отвергаю наблюденія и даже эксперимента (психологическаго) въ психологіи, но критическая мысль, о которой Вы говорите, должна работать дѣйствительно *критически*, въ видахъ исправленія, дополненія и разъясненія того, что даютъ намъ наблюденіе и экспериментъ. Впрочемъ, я еще вернусь къ этимъ вопросамъ во второй части своего реферата, гдѣ буду говорить о *времени*, какъ формѣ познанія.

## CXIII. (Годичное) засѣданіе 24 января 1894 г. *)

Въ годичномъ засѣданіи Психологическаго Общества 24-го января избраны въ составъ Совѣта Общества на четвертое трехлѣтіе слѣдующія лица:

Предсѣдателемъ—проф. **Николай Яковлевичъ Гротъ** (третье 3-хъ-лѣтіе).

Товарищемъ предсѣдателя—проф. **Левъ Михайловичъ Лопатинъ** (второе 3-хъ-лѣтіе).

И. д. товарища предсѣдателя—проф. **Сергѣй Сергѣевичъ Корсаковъ**.

Секретаремъ—прив.-доц. **Алексѣй Сергѣевичъ Бѣлкинъ**.

Тов. секретаря—**Владиміръ Николаевичъ Ивановскій**.

И. д. тов. секретаря—**Ардаліонъ Ардаліоновичъ Токарскій**.

Казначеемъ—**Николай Алексѣевичъ Абрикосовъ** (четвертое 3-хъ-лѣтіе).

Тов. казначея—**Алексѣй Алексѣевичъ Абрикосовъ**.

И. д. тов. казначея—**Григорій Алексѣевичъ Рачинскій**.

Библіотекаремъ—**Александръ Григорьевичъ Петровскій**.

Редакторомъ Трудовъ Общества — **Василій Петровичъ Преображенскій** (второе 3-хъ-лѣтіе).

---

**Примѣчаніе.** Всѣ письма и рукописи, имѣющія отношеніе къ Психологическому Обществу, должны быть отправляемы по адресу конторы журнала (см. на обверткѣ) на имя *секретаря* Общества, деньги и цѣнные пакеты по тому же адресу на имя *казначея*.

---

*) Печатаніе подробнаго извлеченія изъ протокола годичнаго засѣданія и новаго списка членовъ Общества, за недостаткомъ мѣста, откладывается до майской книги журнала.

# Письма къ редактору.

---

Глубокоуважаемый Николай Яковлевичъ!

Въ только-что полученной мною январьской книжкѣ (1894 г.) издаваемаго подъ вашею редакціей почтеннаго журнала: «Вопросы Философіи и Психологіи» помѣщена рѣчь доктора медицины *Н. Я. Пясковскаго*, прочитанная имъ на VIII съѣздѣ естествоиспытателей и врачей*), подъ заглавіемъ: *Философскіе принципы современной физіологіи* и пр. (стр. 59—66). Эта рѣчь въ существенной своей части по содержанію (а не по формѣ) *заимствована* изъ моей книги: «О физіологическомъ методѣ въ психологіи», напечатанной мною въ Харьковѣ въ 1888 году и по частямъ помѣщавшейся въ харьковскомъ журналѣ «Вѣра и Разумъ».

Что рѣчь д-ра Пясковскаго представляетъ въ существенной своей части (за исключеніемъ вступленія и заключительнаго вывода) заимствованіе изъ моей книги, это явствуетъ: во-первыхъ, изъ *совпаденія* этой рѣчи съ различными страницами моей книги (какъ *по мыслямъ*, такъ и *по цитатамъ*) и, во-вторыхъ, изъ такихъ *деталей* этой рѣчи (какъ въ мысляхъ, такъ и въ цитатахъ), которыя ни откуда не могли быть взяты, кромѣ моей книги, и которыя, слѣдовательно, показываютъ, что д-ру Пясковскому моя книга была *знакома*.

Для доказательства совпаденія въ мысляхъ и цитатахъ я размѣчу существенную часть рѣчи д-ра Пясковскаго въ порядкѣ ея изложенія съ указаніемъ соотвѣтствующихъ мѣстъ въ моей книгѣ:

а) Существенная часть рѣчи начинается заявленіемъ д-ра Пясковскаго, въ которомъ онъ «съ своей стороны» обѣщаетъ показать, что два большіе отдѣла физіологіи—общая физіологія

---

*) Прочитана 3-го января 1890 г. См. Дневникъ и протоколы съѣзда.

мозга и физіологія органовъ чувствъ—«въ высшей степени противорѣчатъ другъ другу». «То, что утверждаетъ общая физіологія мозга, — то отрицаетъ физіологія органовъ чувствъ» (стр. 80). Но именно раскрытію этого тезиса и посвящена вся моя книга «О физіологическомъ методѣ въ психологіи». Мнѣ нужно было подробно развить мысль, высказанную мною еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ «Обзорѣ философскихъ ученій» (Москва, 1880 г. II, стр. 166), что физіологическій методъ въ психологіи не можетъ привести къ рѣшенію задачи, которую ставитъ себѣ эта наука, ибо объяснительная причина психическихъ явленій, какою пользуется этотъ методъ, является здѣсь *слѣдствіемъ своего собственнаго слѣдствія*, что, конечно, нелѣпо и потому не можетъ привести къ объясненію какихъ бы то ни было явленій. Для обоснованія именно этой мысли мнѣ и нужно было доказать, что между общею физіологіей мозга и физіологіей органовъ чувствъ существуетъ непримиренное до сихъ поръ *противорѣчіе*, обнаруженіе котораго должно вести, по моему мнѣнію, къ перестройкѣ физіологіи, какъ научной системы. На существованіе этого противорѣчія я не находилъ указанія ни въ одномъ извѣстномъ мнѣ руководствѣ къ изученію физіологіи, а а потому я постарался раскрыть это противорѣчіе систематически. Сущность этого противорѣчія формулирована мною въ послѣдней главѣ (XVI-й) моего изслѣдованія, озаглавленной: *Двойная бухгалтерія*. Много матеріала далъ мнѣ второй томъ «Исторіи матеріализма» Ланге, но, если я не ошибаюсь, моя книга все-таки представляетъ первый опытъ въ этомъ направленіи, по крайней мѣрѣ, въ русской литературѣ. Кажется, это-то именно обстоятельство и заставило покойнаго П. Е. Астафьева сказать въ своей рецензіи на мою книгу, что эта книга не можетъ пройти незамѣченною не только въ нашей скудной русской, но и въ «общей философской и психологической литературѣ нашего времени» (Итогъ новой психологіи. *Моск. Вѣд.* 1889. № 204). Пользуясь случаемъ, замѣчу также, что въ признаніи символически-методологическаго характера общей физіологіи мозга мною указанъ и выходъ изъ противорѣчія между этимъ отдѣломъ филологіи и физіологіей органовъ чувствъ.

б) Вторая мысль рѣчи д-ра Пясковскаго, что физіологія органовъ чувствъ подаетъ руку взглядамъ такихъ метафизиковъ, какъ Кантъ или даже Берклей (стр. 60—61) развита у меня въ

59 § моей книги, озаглавленномъ *Между Кантомъ и Берклеемъ.* Въ доказательство указанной мысли д-ръ Пясковскій приводитъ цитаты изъ Прейера, Мейнерта и ссылается на слова Ланге о Гельмгольцѣ. Всѣ эти цитаты можно найти у меня на страницахъ 116 и 120-й. Разница есть только въ первой цитатѣ, гдѣ въ словахъ Мейнерта: «возбужденіе наконечниковъ своихъ чувствительныхъ нервовъ», д-ръ Пясковскій вмѣсто наконечниковъ неудачно поставилъ «окончаній», что далеко не равнозначительно.

в) Затѣмъ, послѣ словъ: «но я пойду дальше» (стр. 61) цитаты изъ Вундта можно найти у меня на страницахъ 120, 121 и 137, а сдѣланный изъ нихъ выводъ, что у Вундта міросознаніе есть не что иное, «какъ самосознаніе» (62), есть только перифрастическое выраженіе вывода, сдѣланнаго мною (на стр. 138) не изъ словъ только одного Вундта, но и изъ другихъ данныхъ въ XI-й главѣ моего изслѣдованія, носящей заглавіе: *Малый и большой человѣкъ нашего самосознанія.* Что къ тѣмъ же выводамъ приходитъ въ своей рѣчи: «Витализмъ и механизмъ»— базельскій физіологъ Бунге, этого я не зналъ и потому указать не могъ. Если не ошибаюсь, эта рѣчь явилась позднѣе моей книги, а его «Патологія и терапія» печаталась въ Лейпцигѣ въ 1887 г., когда я писалъ свою книгу *).

г) Далѣе возраженіе, которое физикъ могъ бы сдѣлать Вундту и Бунге, что цвѣта, слуховыя ощущенія, хотя сами по себѣ и субъективны, но за то основная причина этихъ явленій — объективное молекулярное движеніе (62—63), и рѣшеніе этого возраженія, т.-е. что молекулы, атомы и движеніе суть тоже субъективныя построенія, читатель найдетъ у меня въ подробномъ развитіи въ § 71 (*Раздражители тоже суть представленія*) и въ главахъ: *Субъективный образъ матеріи, какъ методологическое построеніе,* и *Идеальное построеніе силы,* а въ краткомъ видѣ въ вышеупомянутомъ «Обзорѣ философскихъ ученій», въ указанномъ мѣстѣ. Что атомъ «по тѣмъ свойствамъ, какія ему приписываютъ физикъ и химикъ, есть отрицаніе той матеріи, которую мы познаемъ чрезъ внѣшній опытъ», такъ какъ матерія дѣлима, а атомъ недѣлимъ, матерія сжимаема, а атомъ несжимаемъ и т. д.,—это выводъ изъ словъ Маха, приводимыхъ у меня на

*) Статья Бунге „Витализмъ и механизмъ" появилась въ 1886 г., т. е. за два года до выхода книги проф. М. Остроумова, и упоминается проф. Н. Гротомъ въ его книжкѣ „О душѣ". (Одесса, 1886). *Ред.*

стр. 156. Цитата изъ Льюиса, что движеніе есть символъ особаго класса ощущеній, помѣщена у меня на стр. 142.

д) Слѣдующія затѣмъ мысли, что, объясняя цвѣтъ и тоны молекулярнымъ движеніемъ, мы, въ сущности, объясняемъ ихъ мускульнымъ чувствомъ, что для одного чувства другое является какъ бы объектомъ и что если помимо ощущеній человѣкъ не имѣетъ никакого органа знанія, то внѣ-чувственное воспріятіе для человѣка невозможно (стр. 68), есть изложеніе въ девяти строкахъ начала и конца 72 § моей книги, озаглавленнаго: *Ощущеніе ощущеній: видѣніе звуковъ и слышаніе свѣта.*

е) Другой любопытный выводъ, къ которому мы придемъ, по словамъ д-ра Пясковскаго, есть тотъ, что мозгъ и органы чувствъ, а стало быть, и все наше тѣло — тоже продуктъ нашихъ ощущеній (стр. 63—64). Это читатель можетъ найти у меня въ главахъ: *XII — Мозгъ и органы чувствъ, какъ представленіе,* и *XI — Малый и большой человѣкъ нашего самосознанія* (§ 62—наше тѣло есть субъективное представленіе; § 63—доказательства; § 64—отношеніе тѣла нашего къ совокупности тѣлъ вселенной и т. д.). Но указанія на Бунге опять у меня нѣтъ.

ж) Вслѣдъ затѣмъ у д-ра Пясковскаго идетъ цитата изъ Вундта, помѣщенная у меня на стр. 192-й и слѣдуетъ выводъ что «съ этой точки зрѣнія, не тѣло, не мозгъ есть причина души, а душа—причина тѣла», что «мозгъ, тѣло и вообще вся тѣлесная организація есть функція души» (стр. 64). Этотъ выводъ почти буквально можно прочитать у меня на стр. 193, въ концѣ 93 §, озаглавленнаго: *Тѣлесное развитіе есть функція душевнаго.*

з) Дальнѣйшее затѣмъ заявленіе д-ра Пясковскаго, что физіологія должна подать дружественную руку психологіи и философіи, приводимыя по этому поводу слова Риля, и основанное на словахъ Риля же сообщеніе о Мейнертѣ (стр. 64)—все это читатель можетъ найти у меня въ § 95: *Необходимость психологическаго метода самонаблюденія для физіологіи,* на страницахъ 196—197.

и) Наконецъ, «итогъ философскимъ принципіальнымъ выводамъ общей физіологіи мозга и физіологіи органовъ чувствъ», въ которомъ оказывается, что общая физіологія мозга говоритъ, что психологія должна быть частью физіологіи и что имѣетъ право на существованіе только «физіологическая психологія», а физіологія органовъ чувствъ возражаетъ, что физіологія есть

часть психологіи и что имѣетъ право на существованіе «психологическая физіологія», а дальнѣйшія слова — соотвѣтствуютъ 6-му пункту на страницѣ 200 моей книги. Слѣдующее за тѣмъ указаніе философскихъ принциповъ въ этихъ двухъ частяхъ физіологіи принадлежитъ уже, вѣроятно, самому д-ру Пясковскому, во всякомъ случаѣ — не мнѣ.

Я представилъ все существенное содержаніе рѣчи д-ра Пясковскаго. Уже одного этого разительнаго совпаденія между рѣчью и моей книгой достаточно, чтобы придти къ выводу о зависимости первой отъ второй. А нѣкоторыя детали не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія, потому что онѣ показываютъ, что книга моя д-ру Пясковскому была извѣстна. Детали эти слѣдующія:

а) Мысль, что для одного чувства другое «является какъ бы объектомъ», могла быть взята только изъ моей книги, ибо, сколько мнѣ извѣстно, едва ли въ какой-нибудь другой книгѣ можно найти доказательства того положенія, что «одно ощущеніе ощущаетъ другое, какъ свой объектъ». Это парадоксальное положеніе принадлежитъ мнѣ.

б) Самый проэктъ новой науки, которой я далъ названіе «Психологической физіологіи», тоже принадлежитъ мнѣ. Упоминаніе о возможности такой науки могло быть сдѣлано только на основаніи XV главы моей книги, озаглавленной: *Психологическая физіологія.*

в) На страницахъ 60—61 д-ръ Пясковскій говоритъ: «физіологія органовъ чувствъ въ своихъ философскихъ выводахъ прямо подаетъ руку взглядамъ такихъ метафизиковъ, какъ Кантъ или даже Берклей, *жившій 200 лѣтъ назадъ*». Эти 200 лѣтъ могли быть внушены только слѣдующею фразою моей книги: «Итакъ, современная физіологія органовъ чувствъ неминуемо ведетъ къ тому результату, къ которому 200 *лѣтъ тому назадъ* пришелъ Берклей» (стр. 119). Я имѣлъ право сказать эти слова, потому что сочиненіе Берклея, въ которомъ онъ приходитъ къ выводу, что esse вещей есть ихъ percipi, издано имъ въ 1710 г.; если здѣсь не оказывается полныхъ 200 лѣтъ, то мною это отмѣчено въ примѣчаніи на стр. 117-й. Но д-ръ Пясковскій нигдѣ не могъ найти основанія сказать: «жившій 200 лѣтъ назадъ», потому что Берклей умеръ только около 140 лѣтъ назадъ. Если же д-ръ упомянулъ о 200-хъ лѣтъ, то, очевидно, подъ вліяніемъ моихъ словъ.

г) Наконецъ, у д-ра Пясковскаго (на стр. 62) приведены слова Вундта, которыя оканчиваются слѣдующимъ образомъ: «Что касается до измѣнчивости внутреннихъ явленій, то она указываетъ только на сложность условій, но вовсе не служитъ аргументомъ противъ реальности (*этихъ*) явленій». Приведя эти слова, д-ръ Пясковскій дѣлаетъ указаніе на русскій переводъ (Кандинскаго—единственный) «Основаній физіологической психологіи» (стр. 999). Однако, въ указанномъ мѣстѣ русскаго перевода слова Вундта читаются безъ «*этихъ*», — сказано просто: «противъ реальности явленій». Слово «*этихъ*» прибавлено мною и потому поставлено въ скобкахъ, какъ это видно на страницѣ 137-й моей книги. Очевидно, отсюда взята цитата изъ Вундта—съ этою моею прибавкой—и д-ромъ Пясковскимъ.

Такимъ образомъ, еслибы читатель далъ себѣ трудъ по сдѣланнымъ указаніямъ сравнить рѣчь д-ра Пясковскаго съ моею книгой, онъ убѣдился бы, что рѣчь почтеннаго доктора есть перифразъ или, вѣрнѣе, краткій и отрывочный пересказъ «своими словами» послѣднихъ главъ моей книги «О физіологическомъ методѣ въ психологіи», появившейся, во всякомъ случаѣ, раньше VIII съѣзда естествоиспытателей и врачей, на которомъ прочитана рѣчь.

Я ничего не имѣю противъ этого. Напротивъ, я искренно благодаренъ почтенному доктору за то, что онъ огласилъ результатъ моего труда на VIII съѣздѣ естествоиспытателей и врачей и тѣмъ какъ бы принялъ мои выводы подъ свое покровительство. Я сочувствую и тѣмъ пожеланіямъ, какія д-ръ Пясковскія высказываетъ въ своей рѣчи. Я также ничего столь не желаю нашимъ русскимъ врачамъ, какъ возможно большаго и основательнаго знакомства съ философіей въ ея различныхъ отдѣлахъ, чего именно и недостаетъ нашимъ медикамъ.

Но меня огорчаетъ та не философская манера, тотъ не философскій способъ, къ которому прибѣгнулъ д-ръ Пясковскій при пользованіи моею книгой. Рѣчь невольно внушаетъ мысль, что д-ръ Пясковскій излагаетъ не мои, а свои собственныя мысли. Д-ръ Пясковскій говоритъ: «я не могу съ своей стороны не дополнить идеи проф. Пашутина... я постараюсь показать... я пойду далѣе»... Вѣдь доктору болѣе, чѣмъ кому-либо другому должно быть извѣстно, что даже докторскій трудъ, направленный на исцѣленіе болѣзней человѣчества, оплачивается гонораромъ. От-

чего же докторъ не вознаградилъ моего труда, которымъ онъ пользовался, хотя бы подстрочнымъ примѣчаніемъ къ своей рѣчи, просто только упоминающимъ объ этомъ трудѣ?

Позвольте, глубокоуважаемый господинъ редакторъ, чрезъ посредство Вашего журнала обратиться къ д-ру Пясковскому съ покорнѣйшею просьбой, не найдетъ ли онъ возможнымъ сдѣлать упомянутое мною примѣчаніе къ своей рѣчи. Вѣдь это же мой авторскій гонораръ.

Примите увѣреніе въ моемъ истинномъ къ Вамъ уваженіи и глубочайшей преданности.

Профессоръ **М. Остроумовъ.**

Харьковъ, 25-го января 1894 г.

---

Глубокоуважаемый
Николай Яковлевичъ!

По поводу письма въ редакцію профессора Остроумова я считаю долгомъ объяснить слѣдующее.

На основную идею моей рѣчи меня натолкнуло сочиненіе базельскаго профессора Бунге, а никакъ не сочиненіе профессора Остроумова. Правда, что основная идея доброй *половины* моей рѣчи имѣетъ поразительное сходство съ основной идеей всего сочиненія профессора Остроумова, но это произошло вовсе не потому, что я, яко бы, похитилъ его мысли и ихъ «выдаю» за свои. Не скрою, что я при составленіи моей рѣчи пользовался и трудомъ профессора Остроумова, но вѣдь я точно такъ же пользовался и вашимъ сочиненіемъ: «Душа въ связи съ совр. учен. о силѣ» и соч. Ланге, Страхова, Бунге, Льюиса, Вундта и др.

Я очень радъ, что могу воспользоваться копіей письма проф. Остроумова, такъ какъ, согласно его рубрикамъ, постараюсь показать, что̀ именно я взялъ изъ почтеннаго сочиненія професора Остроумова и что у другихъ авторовъ:

а) Самъ проф. Остроумовъ въ этой рубрикѣ говоритъ, что для констатированія противорѣчія между философскими принципами общей физіологіи мозга и частной физіологіи органовъ чувствъ ему «много матеріала далъ второй томъ исторіи матеріализма» Ланге. Я тоже имъ пользовался для этой цѣли, но кромѣ того — рѣчью Дю-буа-Реймона, брошюрой Бунге «Механизмъ и витализмъ», Вашею брошюрой о душѣ и сочин. Вундта.

б). Цитаты изъ Прейера, Мейнерта, ссылку на Ланге о Гельмгольцѣ я дѣйствительно заимствовалъ у проф. Остроумова, въ виду удобнаго и мѣткаго подбора ихъ въ его сочиненіи. Глубоко сожалѣю, что не упомянулъ объ этомъ въ своей рѣчи.

в) Въ этой рубрикѣ цитаты я самъ выбралъ изъ соч. Вундта и, сопоставивъ ихъ съ мнѣніемъ Бунге, о которомъ ничего не зналъ профессоръ Остроумовъ, какъ онъ и самъ сознается, сдѣлалъ выводъ, дѣйствительно сходный съ однимъ мѣстомъ въ соч. профессора Остроумова, а именно, что міросознаніе есть не что иное, какъ часть самосознанія.

г) Мысль, что атомъ по тѣмъ свойствамъ, какія ему приписываютъ физикъ и химикъ, есть отрицаніе той матеріи, которую мы познаемъ черезъ внѣшній опытъ, я позаимствовалъ у *Страхова*, а не у проф. Остроумова, какъ ему угодно утверждать.

д) По этой рубрикѣ я пользовался самимъ Льюисомъ, хотя дѣйствительно объ этомъ же говоритъ и проф. Остроумовъ.

е) Претензія на эту рубрику почтеннаго профессора мнѣ кажется суетной, ибо мысль, что тѣло есть продуктъ нашихъ ощущеній, не принадлежитъ только профессору Остроумову, но и Бунге и Вундту, а основаніе этой идеи имѣемъ у Канта и Берклея. И это тѣмъ болѣе такъ, что самъ же профессоръ Остроумовъ въ этой рубрикѣ говоритъ: «но указанія на Бунге опять у меня нѣтъ»!

ж) Мысль, что тѣло есть функція души, принадлежитъ не профессору Остроумову, а Аристотелю («душа есть первая энтелехія» и т. д.) и Вундту, который подтверждаетъ Аристотеля, говоря, что послѣднее воззрѣніе лучше всего обѣщаетъ освѣтить проблему духовнаго и тѣлеснаго развитія.

з) Ссылку на слова Риля, совершенно вѣрно, я позаимствовалъ у проф. Остроумова.

и) Въ этой рубрикѣ я пользовался тоже мыслями профессора Остроумова, но не всецѣло, какъ онъ и самъ въ этомъ сознается.

Перехожу теперь къ деталямъ:

а) Мысль, что для одного чувства другое является какъ бы объектомъ, принадлежитъ Льюису, что явствуетъ изъ слѣдующей цитаты: «движеніе, подобно цвѣту, звуку, теплотѣ, есть символъ совершенно особаго класса ощущеній». Я полагаю, что не только профессоръ Остроумовъ, но и всякій солидный физіологъ пойметъ, что здѣсь дѣло идетъ о мускульномъ чувствѣ, а

слѣдовательно, одно ощущеніе является для другого какъ бы объектомъ.

б) «Смѣлый проектъ новой науки», которой проф. Остроумовъ даетъ названіе «психологическая физіологія», я не имѣю права приписать себѣ и отъ души радуюсь, что проф. Остроумовъ такъ горячо вѣритъ въ проэктируемую имъ науку.

в) Берклей родился въ 1685 г. Поэтому онъ, несомнѣнно, уже *жилъ двѣсти* лѣтъ тому назадъ, хотя было бы точнѣе сказать, что онъ *родился* болѣе 200 л. тому назадъ.

г) Въ этой рубрикѣ я, совершенно вѣрно, пользовался ссылкой на Берклея и Вундта въ томъ же смыслѣ, какъ и проф. Остроумовъ, нарочно въ цитатѣ Вундта оставивъ слово «этихъ», какъ это сдѣлано въ сочиненіи проф. Остроумова.

Итакъ, чистосердечно признаюсь передъ почтеннымъ профессоромъ Остроумовымъ, что его сочиненіемъ я пользовался, но только лишь по прочтеніи Бунге, сочиненіе котораго и подало идею для рѣчи. Пользовался я его сочиненіемъ *въ меньшей даже мѣрѣ*, чѣмъ другими авторами, на которыхъ я выше ссылался и *о которыхъ* я точно также *упустилъ упомянуть, какъ и о проф. Остроумовѣ*. Таковы: Дю-буа-Реймонъ, Вы, глубокоуважаемый Николай Яковлевичъ, Н. Н. Страховъ и Козловъ. Да будетъ извѣстно почтенному профессору, что это пользованіе сочиненіями различныхъ авторовъ, и упомянутыхъ мною, и не упомянутыхъ, не было цѣлью моей рѣчи (а лишь *средствомъ*), такъ какъ рѣчь моя выражала, главнымъ образомъ, *идею и горячее мое желаніе пропагандированія необходимости каѳедръ психологіи и философіи для медицинскаго и математическаго факультетовъ*. Моя оплошность въ этомъ отношеніи и вина передъ проф. Остроумовымъ отчасти можетъ быть оправдана малымъ размѣромъ времени (20 минутъ), которое было удѣлено для моей рѣчи въ засѣданіи секціи по физіологіи. Что же касается моей «нефилософской манеры», «того нефилософскаго способа», о которомъ упоминаетъ профес. Остроумовъ, то вѣдь каждый авторъ любого учебника по любой наукѣ, гдѣ неминуемо приводятся *открытія и идеи, не принадлежащія автору учебника*, сплошь и рядомъ выражается точно такъ же, какъ и я: «я не могу не дополнить» идеи такого-то, «я постараюсь показать», «я пойду далѣе» и т. д. и т. д. Въ любомъ компилятивномъ произведеніи можно встрѣтить подобныя выраженія.

Во всей моей рѣчи я признаю безспорно принадлежащимъ мнѣ поднятіе вопроса о необходимости учрежденія каѳедръ при вышеупомянутыхъ факультетахъ. Все же остальное, *за исключеніемъ изложенія* самой рѣчи, *мнѣ не принадлежитъ*.

Итакъ, если почтенный профессоръ Остроумовъ огорченъ тѣмъ, что я не упомянулъ въ своей рѣчи о его сочиненіи, то я прошу у него великодушнаго снисхожденія къ этой моей неумышленной ошибкѣ, тѣмъ болѣе, что я, на основаніи всего вышеизложеннаго, никакъ не могу признать моей рѣчи «перифразомъ», или краткимъ отрывочнымъ пересказомъ «своими словами» только единственно его мыслей изъ послѣднихъ главъ его книги «О физіологическомъ методѣ въ психологіи», а скорѣе самостоятельнымъ изложеніемъ мыслей *многихъ* авторовъ (а въ томъ числѣ и проф. Остроумова) для доказательства необходимости распространенія философскаго образованія среди медиковъ и естествоиспытателей.

Всегда готовый къ услугамъ
Д-ръ **Н. Пясковскій.**

Курскъ, 7 февраля 1894 г.

---

## Замѣтка редактора.

Редакція во всякомъ случаѣ не можетъ не пожалѣть, что д-ръ Пясковскій не успѣлъ *за три года*, въ теченіе которыхъ рѣчь его лежала у него безъ всякаго движенія, сдѣлать въ своей статьѣ, передъ отправленіемъ ея въ редакцію журнала, ссылокъ на сочиненія, изъ которыхъ онъ заимствовалъ не только всѣ свои мысли (какъ самъ говоритъ), но и *цитаты*. Сама редакція, конечно, не имѣетъ возможности провѣрять съ этой стороны всѣ доставляемыя ей статьи и должна полагаться на знакомство своихъ сотрудниковъ съ литературными обычаями. Тѣмъ не менѣе, она всегда охотно будетъ давать мѣсто всѣмъ заявленіямъ, касающимся возстановленія авторскхъ правъ, а равно и отвѣтамъ на нихъ,—предоставляя самимъ читателямъ судить о ихъ значеніи. Въ настоящемъ случаѣ необходимо однако замѣтить, что дѣло едва ли идетъ о какихъ-нибудь важныхъ открытіяхъ и совершенно новыхъ мысляхъ. Всѣ главныя мысли, защищаемыя проф. Остроумовымъ и д-ромъ Пясковскимъ (о томъ, что между физіологіей мозга и органовъ чувствъ есть противорѣчіе, что со-

временная физіологія только подтверждаетъ выводы идеалистической философіи, что внѣшній опытъ—часть внутренняго, сознаніе—часть самосознанія, и наоборотъ,—что всѣ представленія наши о матеріи суть субъективныя построенія—на почвѣ нашихъ ощущеній, что самъ мозгъ и тѣло суть прежде всего наши представленія, что тѣлесное развитіе есть, до извѣстной степени, функція духовнаго, что физіологическая психологія можетъ быть дополнена психологическою физіологіей и т. п.), суть частные выводы изъ ученія *Канта* о природѣ опыта и *Шопенгауэра* — о мірѣ, какъ представленіи (не говоря уже о предшественникахъ ихъ — Платонѣ, Аристотелѣ, Декартѣ, Локкѣ, Беркли, Юмѣ, подготовившихъ ученіе о субъективности нашихъ ощущеній и представленій о вещахъ). Въ настоящее время физіологія только подтверждаетъ построенія великихъ мыслителей прошлаго. Это значеніе ея доктринъ такъ очевидно, не только для философовъ, но и для многихъ физіологовъ, что въ отдѣльности всѣ мысли, выше приведенныя, носятся въ воздухѣ и неоднократно высказывались въ послѣднее десятилѣтіе какъ западными, такъ и русскими философами и учеными, какъ это справедливо отмѣчаетъ и г. Пясковскій въ своемъ отвѣтѣ, и какъ это видно изъ ссылокъ самого проф. Остроумова на Льюиса, Ланге, Вундта, Гельмгольца, Мейнерта, Прейера и др. Между прочимъ, нельзя не упомянуть, что и въ нашемъ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ, при спорахъ съ психофизіологами, о чемъ могутъ засвидѣтельствовать всѣ члены Общества, посѣщающіе засѣданія и какъ показываютъ отчасти печатающіеся въ журналѣ протоколы Общества, упомянутыя положенія съ 1886 г. выставляются психологами-метафизиками, какъ аргументы въ пользу спиритуализма. Поэтому, найдя въ рѣчи д-ра Пясковскаго давно знакомыя намъ истины, мы далеки были отъ предположенія, что они взяты изъ соч. проф. Остроумова, хотя послѣднее и представляетъ полезную *систематизацію* итоговъ современной психофизіологіи, съ точки зрѣнія философскаго идеализма.

**Редакторъ Н. Я. Гротъ.**

## Некрологъ А. К. Бао.

Въ концѣ октября прошлаго года въ припадкѣ душевной болѣзни покончилъ счеты съ жизнью *Александръ Константиновичъ Бао*, отъ времени до времени помѣщавшій въ нашемъ журналѣ статьи и замѣтки.

Покойный родился въ Воронежѣ 29-го іюля 1863 г. въ довольно многочисленной греческой семьѣ полковника Бао. Эта семья обладала порядочнымъ состояніемъ и при жизни главы дома привыкла къ нѣкоторому комфорту. Однако, по смерти старика Бао, подъ конецъ жизни страдавшаго меланхоліей и даже покушавшагося на самоубійство, семья распалась, состояніе пришло въ полный упадокъ, и вдова Бао, бывшая много моложе своего мужа, всю остальную жизнь провела въ большой бѣдности и нуждѣ. Александра Бао отдали на казенный счетъ въ воронежскую военную гимназію, по окончаніи которой онъ поступилъ во второе военное Константиновское училище въ Петербургѣ. Не довольствуясь обычнымъ курсомъ, молодой человѣкъ основательно познакомился въ это время со всѣмъ, что было лучшаго на русскомъ языкѣ по всѣмъ отраслямъ знанія. Поступивъ въ полкъ, Бао вернулся на родину, гдѣ и зажилъ тихой семейной жизнью, посвящая свои досуги чтенію и литературнымъ работамъ. Военное поприще было далеко не по душѣ Бао, и при первой же возможности онъ оставилъ военную службу, служилъ нѣкоторое время секретаремъ одной изъ уѣздныхъ земскихъ управъ и наконецъ очутился въ Петербургѣ, гдѣ поступилъ на службу въ главный штабъ. Много, очень много лишеній, заботъ и тревогъ пришлось здѣсь перенести Бао со своей семьей, и не мудрено, что на подготовленной такимъ образомъ почвѣ могла развиться и окрѣпнуть страшная болѣзнь, полученная имъ въ на-

# Объявленіе отъ конторы журнала.

Чрезъ посредство конторы журнала **„Вопросы Философіи и Психологіи"** (Москва, Пречистенка, Левшинскій пер., д. Авдѣева) можно получать слѣдующія книги:

**Абровъ, Ник.**—От Марселя до Одессы чрезъ Аѳины и Константинополь. Впечатлѣнія и замѣтки. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

**Андреевскій, И. С.**—Генезисъ науки, ея принципы и методы. Ч. I. М. 1890. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

**Астафьевъ, П. Е.**—Изъ итоговъ вѣка. М. 1891. Цѣна 1 руб., съ пер. 1 руб. 15 коп.—Національность и общечеловѣческія задачи М. 1890. Цѣна 50 к., съ пер. 60 коп.—Страданіе и наслажденіе жизни. М. 1885. Цѣна 50 к., съ пер. 65 коп.—Общественное благо въ роли верховнаго начала нравственной жизни. М. 1892 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.—Къ вопросу о свободѣ воли. М. 1889. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.—Чувство, какъ нравственное начало. М. 1886. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.—Ученіе графа Л. Н. Толстого въ его цѣломъ. 2-е изд. М. 1894. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.—Вѣра и знаніе въ единствѣ міровоззрѣнія. М. 1893. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

**Безобразова, М.**—Философскіе этюды. М. 1892. Цѣна 80 к., за пер. 15 к.

**Бони,** проф.—Гипнотизмъ. Изслѣдованія физіологическія и психологическія. Переводъ съ добавленіями П. Мокіевскаго. Изд. 2-е. Спб. 1889. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп.

**Вальтеръ, И. А.**—Основной двигатель наслѣдственности. М. 1891. Цѣна 40 коп., съ прес. 50 коп.

**Введенскій, Алексѣй Ив.**—Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 10 к.—Рѣчь передъ защитой диссертаціи: „Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія". М. 1891. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.—П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.—Демоніонъ Сократа. Этюдъ по исторіи древней философіи. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.—О религіозной философіи Виктора Дмитріевича Кудрявцева. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.—О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.—Западная дѣйствительность и русскіе идеалы (письма изъ-за-границы) съ приложеніемъ характеристики: „Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ". Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

**Виндельбандъ.**—Исторія древней философіи; съ прилож. Виндельбанда—Августинъ и средніе вѣка и Фуллье—Исторія схоластики. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

**Вундтъ, В.**—Гипнотизмъ и внушеніе. Переводъ съ нѣм. Н. Колубовской. Изд. журнала «Вопросы Философіи». М. 1893. Цѣна 75 коп., за пересылку 15 коп.

**Гефдингъ, Г.**—Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Пер. подъ ред. А. А. Козлова и Я. Колубовскаго. Изданіе журнала „Вопросы Философіи". М. 1892. Цѣна 2 р. 50 к., за пер. 30 к.

**Гиляровъ, А. Н.**—Источники о софистахъ. Платонъ, какъ историческій свидѣтель. I. Методологія и свидѣтельства о софистахъ. Кіевъ 1891. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.—Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы (1881—1893). Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

**Говсѣевъ, А. А.,** д-ръ.—Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

**Годлевскій, С.**—Основы современнаго развитія. Спб. 1893. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

**Гольцевъ, В. А.** — Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

**Грэхэмъ, Г.**—Ж.-Ж. Руссо, его жизнь, произведенія и окружающая среда. М. 1890. Цѣна 1 р., за пер. 20 к.

**Гротъ, Н. Я.**—Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М. 1889. Цѣна 50 к., съ пер. 65 коп.— О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Опытъ философскаго построенія. Одесса, 1886. Цѣна 70 к., съ пер. 90 к.—О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, какъ міровоззрѣній. Публичная лекція. Одесса, 1884. Ц. 30 к., съ перес. 40 коп.—Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. Рѣчь. М. 1889. Цѣна 40 коп., съ перес. 50 к.—Основные вопросы философіи XVII и XVIII вв. Десять публичныхъ лекцій, читанныхъ въ Политехническомъ Музеѣ (литографія). М. 1891. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

— Основаніе нравственнаго долга. IV. Типическія формы эвдемонизма. Ц. 15 к., съ пер. 25 к. — Психологическій съѣздъ въ Парижѣ. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.— Что такое метафизика? Ц. 15 к., съ пер. 25 к.—О задачахъ журнала. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.— Жизненныя задачи психологіи. Ц. 20 к., съ пер. 30 к. } Оттиски изъ журнала „Вопросы Философіи и Психологіи".

**Гусевъ, А.** — Любовь къ людямъ въ ученіи гр. Л. Толстого и его руководителей. Казань, 1892. Цѣна 60 коп., съ пер. 75 коп.—Необходимость внѣшняго богопочтенія. Противъ гр. Л. Толстого. 2-е доп. изд. Казань, 1891. Цѣна 30 коп., съ пер. 40 коп.

**Гюйо, М.**—Происхожденіе идеи времени. Психологическій этюдъ. Перев. съ франц. А. И. Е—ва. Смоленскъ, 1891. Цѣна 75 коп., за перес. 15 коп.

**Данилевскій, Н. Я.**—Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. I, часть 1 и 2. Спб. 1885. Цѣна 7 р. 50 к. За пересылку 1 р.—Т. II (одна посмертная глава), Спб. 1889. Цѣна 2 р., за пер. 25 к.— Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей. Спб. 1890. Цѣна 2 р., съ пер. 2 руб. 40 коп.

**Дебольскій, Н. Г.** — Вопросъ о происхожденіи человѣка съ точки зрѣнія біологіи и этики. Спб. 1883. Цѣна 40 коп., съ пер. 55 к.—О высшемъ благѣ или о верховной цѣли нравственной дѣятельности. Критическое изслѣдованіе. Спб. 1886. Цѣна 2 р. 50 коп., съ перес. 2 р. 75 к.—О подготовкѣ родителей и воспитателей къ дѣлу воспитанія дѣтей. Спб. 1883. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.—Философія будущаго. Соображенія о ея началѣ, предметѣ, методѣ и системѣ. Спб. 1882. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к. — Философія феноменальнаго формализма. I. Метафизика. Вып. 1-й. Спб. 1892. Цѣна 1 руб. 25 коп., за пер. 20 к.—Философскія основы нравственнаго воспитанія. Спб. 1880. Цѣна 75 коп., съ пер. 90 к.

◆ **Елпидинскій, Я.**—Религіозно-нравственное міровоззрѣніе Плутарха Херонейскаго. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 25 к.

**Ибервегъ-Гейнце.** — Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ. Перевелъ съ 7-го нѣм. изд. Я. Колубовскій. Въ приложеніи очерки философіи у чеховъ, поляковъ и русскихъ, и два указателя. Спб. 1890. Цѣна 5 р., съ перес. 5 р. 40 к.

**Икаръ, д-ръ.**—Женщина въ періодѣ менструаціи. Этюдъ по психопатологіи и судебной медицинѣ. Пер. съ фр. подъ ред. А. Дохмана. Казань, 1891. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 руб. 30 коп.

**Казанскій, А. П.**—Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса 1891. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 руб. 80 коп.

**Каринскій, М.** — Классификація выводовъ. Спб. 1880. Цѣна 2 р., за пер. 20 коп.—Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи. Ц. 2 руб., съ пер. 2 руб. 30 коп.

**Каро, Ч.**—Современная критика и причины ея упадка. Перев. И. В. Майнова. М. 1883. Цѣна 30 к., съ пер. 40 к.

◆ **Карышевъ, И. А.**— Духовно-нравственный міръ въ человѣкѣ по уч. св. православной церкви. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.—Православно-христіанскій взглядъ на основанія принятыя гр. Л. Н. Толстымъ для своего лжеученія, изложен. въ его сочиненіи: „Въ чемъ моя вѣра". Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

**Карѣевъ, Н. И.**— Основные вопросы философіи исторіи. Т. I и II. 2-е изд. Спб. 1887. Ц. 4 р. 25 к., съ пер. 4 р. 60 к.

**Козловъ, А. А.**—Генезисъ теоріи пространства и времени Канта. Кіевъ, 1884. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 р. 25 к.—Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики. Кіевъ, 1887. Цѣна 50 к., съ пер. 60 к.—Очерки исторіи философіи. Понятіе философіи и исторіи философіи. Философія восточная. Кіевъ, 1887. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 20 к.—Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого „О жизни". М. 1891. Цѣна 1 руб. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.—Свое слово. Философскій сборникъ. Четыре книги. Кіевъ, 1888—1890. Цѣна 5 руб. съ

пересылкой. Отдѣльно каждая книга 2 руб. съ перес., каждыя двѣ книги—3 руб. съ перес.—Тардъ и его теорія общества. Кіевъ, 1887. Цѣна 60 коп., съ перес. 70 к.

**Корсаковъ, С. С.**—Курсъ психіатріи. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 40 к.

**Кохъ, М.**—Шекспиръ. Переводъ А. М. Гульева съ предисловіемъ, примѣчаніями и дополненіями Н. И. Стороженко. М. 1888. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

**Кудрявцевъ, В. Д.** — Введеніе въ философію. Изд. 2-е. М. 1890. Цѣна 40 к., съ перес. 50 к.—Начальныя основанія философіи. Изд. 2-е. М. 1891. Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

**Кудрявцевъ-Платоновъ, В. Д.** — Сочиненія. Т. II-й. Изслѣдованія и статьи по естественному богословію (Вып. I, II и III). Серг. Пос. 1892. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. 10 к.

**Куно-Фишеръ.**—Публичныя лекціи о Шиллерѣ. М. 1890. Цѣна 1 руб., съ пер. 1 р. 15 к.—„Фаустъ" Гёте, возникновеніе и составъ поэмы. Пер. И. Д. Городецкаго. 2-е изд. М. 1887. Ц. 75 к., съ перес. 95 к.—Артуръ Шопенгауеръ. Книга первая: Жизнь и характеръ Шопенгауера. Книга вторая: Изложеніе и критика его ученія. Изданіе Московскаго Психологическаго Общества (вышелъ только первый выпускъ). Цѣна за все сочиненіе 2 р 50 к.; по выходѣ 2-го вып.—3 р. При покупкѣ перваго выпуска выдается билетъ на полученіе 2-го. Отдѣльно первый выпускъ продается за 1 руб.; за пересылку перваго вып.—20 к., второго—40 к.

**Ланге.** — Аффекты (душевныя движенія), пер. подъ ред. Виреніуса. Ц. 60 к., съ пер. 70 к.

**Н. Н. Ланге.**—Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

**Леббокъ, Дж.**—Радости жизни. Пер. съ 13-го анг. изд. А. Н. М. 1890. Цѣна 45 к., съ перес. 60 к.

**Лопатинъ, Л. М.** — Положительныя задачи философіи. Ч. I. М. 1886. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.—Ч. II. М. 1891. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 25 к.

**Льюисъ, Д. Г.**—Исторія философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени. Въ 2-хъ частяхъ. Пер. В. В. Чуйко Спб. 1892. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 95 к.

**Мантегацца, П.**—Физіономія и выраженіе чувствъ. Съ введеніемъ, составленнымъ для русскаго изданія и съ 8 таблицами рисунковъ. Пер. съ франц. подъ ред. и съ предисловіемъ Н. Я. Грота и Е. В. Вербицкаго. Кіевъ, 1886. Цѣна 2 р. 50 к. съ перес.

**Маракуевъ, В. Н.** — Галилей, его жизнь и ученые труды. М. 1888. Ц. 35 к., съ перес. 50 к.—Ньютонъ, его жизнь и труды. Изд. 2-е. М. 1890. Ц. 40 к., съ перес. 60 к.

**Мюллеръ, М.** — Наука о мысли. Перев. В. В. Чуйко. Спб. 1892. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

**Нечаевъ.** — Пиръ. Философская поэма любви. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

**Навиль, Э.** Логика гипотезы. Пер. И. Панаева. Спб. 1882. Цѣна 1 р. 50 к., за пер. 30 к.

**Панаевъ, И.**—Голосъ долга. Спб. 1885. Цѣна 1 руб., за пер. 20 к.—Голосъ неравнодушнаго. Спб. 1888. Цѣна 30 к., за пер. 15 коп. — Еще о сознаніи, какъ условіи бытія. Спб. 1888. Цѣна 30 коп., за пер. 15 коп.—Nosce te ipsum. Спб. 1881. Цѣна 30 к., за пер. 10 к.—О вліяніи направленія знанія на состояніе умовъ. Спб. 1882. Ц. 75 к., за пер. 20 коп.—Пути къ раціональному міровоззрѣнію. Спб. 1880. Цѣна 2 р., за пер. 40 к.—Разыскатели истины. Кантъ, Фихте, Якоби. 2 т. Спб. 1878. Ц. 3 р., за пер. 60 к. — Свѣтъ жизни. Спб. 1893. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.

**Пачоскій, I.**—Методъ классификаціи и единство науки. Кіевъ, 1891. Цѣна 90 к, съ пер. 1 руб.

**Радловъ, Э. Л.**—„Объ истолкованіи" Аристотеля. Спб. 1891. Цѣна 50 к., съ пер. 60 к.

**Розановъ, В. В.** — Мѣсто христіанства въ исторіи. М. 1890. Цѣна 20 коп., съ перес. 30 к.—О пониманіи. М. 1886. Цѣна 5 руб., съ пересылкой 5 р. 40 к.

**Свѣтловъ, П.** — Человѣкъ и животное въ психическомъ отношеніи. Харьковъ. 1892 г. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.—Пророческіе или вѣщіе сны. Кіевъ, 1892. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

**Серебрениковъ, В.** - Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб. 1892. Цѣна 2 р. 25 к., за пересылку 35 к.

**Снегиревъ, В. А.**—Психологія Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

**Соловьевъ, Вл.** — Національный вопросъ. Спб. 1891. Вып. I, цѣна 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 70 к.; вып. II, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

**Соловьевъ, Т.**— Теорія волевыхъ представленій. Спб. 1892. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к

**Страховъ, Н. Н.**—Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Историческіе и критическіе очерки. Книжки 1 и 2. Изд. 2-е. Спб. 1887 и 1890. Цѣна по 1 р. 50 к., за перес. по 30 коп. на каждую книжку.—Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и

Л. Н. Толстомъ (1862—1885). Изд. 2-е. Спб. 1887. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пер. 1 р. 80 к.— Міръ какъ цѣлое. Черты изъ науки о природѣ. Изд. 2-е. Спб. 1892. Цѣна 2 руб., за перес. 35 к.—О вѣчныхъ истинахъ (мой споръ о спиритизмѣ). Спб. 1887. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 15 к.—О методѣ естественныхъ наукъ и значеніи ихъ въ общемъ образованіи. Спб. 1865 г. Цѣна 1 руб., съ пер. 1 руб. 15 к.

**Струве, Г. Е.** — Введеніе въ философію. Варшава, 1890. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 30 к.

◆ **Токарскій, А. А.**— Терапевтическое примѣненіе гипнотизма. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.—Гипнотизмъ въ педагогіи. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.—Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипнотизированія. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.—Меряченіе и болѣзнь судорожныхъ подергиваній. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. — Международный конгрессъ по экспериментальному и терапевтическому гипнотизму. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.

**Троицкій, М. М.**—Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Историко-критическое изслѣдованіе съ предварительнымъ очеркомъ успѣховъ психологіи въ Англіи со временъ Бэкона и Локка. Изд. 2-е. 2 тома. М. 1883. Цѣна 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.— Наука о духѣ.—Общія свойства и законы человѣческаго духа. Въ 2 томахъ. Цѣна за оба тома 5 р. 50 к., съ пер. 6 р.

**Трубецкой, Е. Н., кн.**—Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ. Ч. I. Міросозерцаніе блаженнаго Августина. М. 1892. Цѣна 1 р. 50 к., за перес. 30 коп.

**Трубецкой, С. Н., кн.**—Метафизика въ древней Греціи. М. 1890. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 40 к.—Мнимое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ о. Буткевичу. М. 1891. Цѣна 20 коп. съ пересылкой.

**Труды Московскаго Психологическаго Общества:**

Вып. I. Артуръ Шопенгауеръ. Статьи В. И. Штейна, Н. Я. Грота, Л. М. Лопатина и В. П. Преображенскаго (по поводу 100-лѣтняго юбилея дня рожденія Шопенгауера). Съ портрет. Шопенгауера. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 р. 80 к.

Выпускъ II. Иммануилъ Кантъ. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ. Пер. Вл. Соловьева. Изд. 2-е. Цѣна 1 руб. 20 коп., съ перес. 1 р. 40 к.

Выпускъ III. О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ Психологическаго Общества. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к.

Выпускъ IV. Г. В. Лейбницъ. Избранныя философскія сочиненія. Съ портрет. Лейбница. Перев. подъ ред. В. П. Преображенскаго. Цѣна 2 руб. (на лучшей бумагѣ) и 1 руб. 50 коп. (на простой), за перес. 25 к.

Выпускъ V. Бенедиктъ Спиноза. Этика. Съ портрет. Спинозы. Перев. Н. А. Иванцова. Издано подъ ред. В. П. Преображенскаго. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к.

**Тэтъ, П. Г.**—О новѣйшихъ успѣхахъ физическихъ знаній. Перев. подъ ред. И. М. Сѣченова. Съ 24 рис. Спб. 1887. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.—Теплота. Перев. съ англ. Н. С. Дрентельна подъ ред. С. А. Усова. Съ 53 рис. Спб. 1888. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 30 к.

**Целлеръ, Э.**—Очеркъ исторіи греческой философіи. Перев. съ нѣм. М. Некрасова, подъ ред. М. Каринскаго. Спб. 1886. Цѣна 2 руб., за перес. 20 к.

**Чичеринъ, Б. Н.** — Мистицизмъ въ наукѣ. М. 1880. Цѣна 1 руб. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.—Положительная философія и единство науки. М 1892. Цѣна 3 р., за перес. 30 к.—Собственность и государство. 2 тома. М. 1882—1883. Цѣна 8 руб., съ пер. 8 р. 60 к.—Основанія логики и метафизики. М. 1894. 367 стр. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.—Исторія политическихъ ученій. Томы 2-й, 3-й и 4-й. М. 1862—74 г. Цѣна 9 руб., съ пересылк. 9 р. 75 к.—Наука и религія. М. 1879. Цѣна 4 руб., съ перес. 4 р. 35 к.—Областныя учрежденія въ россіи въ XVII вѣкѣ. М. 1856. Цѣна 3 р., съ перес. 3 45 к.— Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М. 1862. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.— Очерки Англіи и Франціи. 1858. Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 25 к.—Опыты по исторіи русскаго права. М. 1858. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

**Schmidt, Dr. E. v.**—Euklids 11. Axiom durch eine neue Definition der graden Linie bewiesen. Moskau, 1891. Цѣна 35 коп., съ пер. 45 к.—Философскія основанія математики и 11-я аксіома Эвклида. М. 1891. Цѣна 25 к., съ пер. 35 к.—Центръ жизни въ организмѣ. Цѣна 35 коп., за пер. 10 к.

**Шопенгауеръ, А.** — Лучи свѣта его философіи. Пер. Н. Н. Маракуева. М. 1887. Цѣна 1 р. 50 коп., за пер. 20 к.

**Шопенгауеръ, А.**—1) О четвероякомъ корнѣ закона достаточнаго основанія. 2) О волѣ въ природѣ. Перев. А. Фета. Изд. 2-е. М. 1892 Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

**Шопенгауеръ, А.**—Міръ какъ воля и представленіе. Перев. А. Фета. Изд. 3-е. М. 1892. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 35 коп.

**Штейнъ, Вл.**—Графъ Джіакомо Леопарди и его теорія infelicità. Литерат. очеркъ. Спб. 1891. Ц. 1 р. 50 к., за пер.

4) **Злая забава.** Мысли объ охотѣ. В. Ч-ва. М. 1893. Ц. 15 к., съ пер. 30 к. 5) **Жена.** Разсказъ Антона Чехова. М. 1893 Ц. 25 к., съ пер. 35 к. 6) **Именины.** Разсказъ Антона Чехова. М. 1893. Ц. 20 к., съ 20 к.—**А. Шопенгауеръ какъ человѣкъ и мыслитель.** Опытъ біографіи. Т. I. Спб. 1887. Цѣна 2 р. 50 к., за пер. 40 к.

**Изданія „Посредника"** (для интеллигентныхъ читателей): 1) **Противъ пьянства.** Рѣчь проф. Фореля. М. 1893. Ц. 15 к., съ пер. 30 к. 2) **Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ.** Проф. А. Н. Бекетова. М. 1893. Ц. 10 к., съ пер. 20. 3) **Научныя основанія вегетаріанства.** Д-ра медицины Анны Кингсфордъ. Перев. съ англійск. М. 1893. Ц. 30 к., съ пер. 45 к. пер. 35 к. 7) **Трупъ.** Разсказъ Н. Д. Боборыкина. М. 1893. Ц. 20 к., съ пер. 35 к. 8) **Гость.** Драма Эд. Брандеса. Пер. съ датскаго. М. 1893. Ц. 15 к., съ пер. 30 к. 9) **Проклятая слава.** Разсказъ И. Н. Потапенка. М. 1893. Ц. 15 к., съ пер. 30 к. 10) **Деньги.** Романъ Альгрена. Перев. со шведскаго. М. 1893. Ц. 60 к., съ пер. 80 к. 11) **Этика пищи или нравственныя основы безубойнаго питанія для человѣка.** Х. Уильямса. Со вступительной статьей: „Первая ступень" Л. Н. Толстого. М. 1893. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. 12) **Очнулась.** Повѣсть. А. В. Стернъ. М. 1893. Ц. 30 к., съ пер. 40 к. 13) **Палата № 6.** Разсказъ Антона Чехова. М. 1893. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

---

**Книги, вновь вошедшія въ катологъ, отмѣчены знакомъ ◆**

Черезъ посредство конторы можно выписывать и всѣ другія философскія сочиненія на русскомъ языкѣ.

---

**При выпискѣ книгъ наложеннымъ платежомъ, кромѣ платы за пересылку, взимается отдѣльно за наложенный платежъ по 2 коп. съ рубля, но не менѣе 10 коп. за каждое порученіе.**

---

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

# „НАБЛЮДАТЕЛЬ“

въ **1894** году (годъ тринадцатый).

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ журнала будутъ, между прочимъ, напечатаны: 1) „Горный ручей“, романъ изъ современной жизни, I. I. Ясинскаго; 2) „Съ добрымъ сердцемъ“, повѣсть А. А. Виницкой; 3) „Любаша“, повѣсть Ф. Д. Нефедова; 4) „Бѣлыя лиліи“, оригинальный историческій романъ (изъ временъ первой французской революціи, В. Свѣтлова; 5) „Рабыня“, романъ К. В. Назарьевой; 6) „Неудача генерала Постронкова“, посмертная повѣсть Н. Д. Маслова (автора романа: „Изъяны воли“); 7) новый романъ Н. Ѳ. Бажина, и пр. Фельетоны Ефима Простосердова („И смѣхъ, и горе“) будутъ по прежнему помѣщаться въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Въ другихъ отдѣлахъ журнала будутъ помѣщены: 1) Изъ моего прошлаго (литературныя и житейскія воспоминанія) А. П. Пятковскаго. (Содержаніе: На лонѣ природы и крѣпостного права. Тамбовская гимназія въ 50-хъ годахъ. Петербургскій университетъ. Начало литературной дѣятельности. Профессора: А. Н. Никитенко, К. Д. Кавелинъ, И. Н. Андреевскій. М. И. Сухомлиновъ и др. Студенчество 60-хъ годовъ. Кн. В. Ѳ. Одоевскій и баронесса Э. Ѳ. Раденъ. Моя записка о преподаваніи русской словесности. Литературные кружки: Некрасова, Курочкиныхъ, Благосвѣтлова, Корша и др. „Исторія“ съ исторіей СПб. Воспитательнаго Дома. Выигранный процессъ. Тюремная филантропія. Пріютъ для арестантскихъ дѣтей. Блестящій составъ петербургскаго тюремнаго комитета 70-хъ годовъ. О. И. Квистъ, Ѳ. Н. Смирной, А. Ѳ. Кони, кн. К. А. Суворовъ, Е. П. Карновичъ и др. Заграничныя путешествія. Двѣ встрѣчи съ А. И. Герценомъ. Попечительство надъ исправительною тюрьмою. Въ сферѣ вліятельныхъ людей и пр.) 2) Еврейство въ исторіи и въ современной жизни, Его же; 3) Путь къ Берлинскому трактату (историко-дипломатическое изслѣдованіе) Б. К. П. 4) Военное воздухоплаваніе въ современномъ его состояніи, М. И. Венюкова; 5) Научныя новости, Его же; 6) Наполеонъ I и Жозефина (по новымъ источникамъ), П. В. Безобразова; 7) Законность управленія и кодификація права, Н. П. Дружинина; 8) Пещерные люди (изъ воспоминаній), В. Р. Зотова; 9) Очерки иностранной литературы, Его же и пр.

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“ выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ. Подписная цѣна: за годъ безъ доставки **12** р.; съ доставкой въ С.-Петербургѣ **13** р.; съ пересылкою внутри Россіи **14** р.; за границу—**17** р. За полгода: безъ доставки **6** р.; съ доставкою **6** р. **50** к.; съ пересылкою въ Россіи **7** р.; съ пересылкою за границу - **9** р. Условія разсрочки иногороднымъ подписчикамъ: **5** р. при подпискѣ (непремѣнно черезъ Главную Контору), къ 15-му апрѣля—**5** р. Книгопродавцамъ **50** к. уступки съ годового экземпляра (безъ разсрочки). Служащимъ—разсрочка за поручительствомъ гг. казначеевъ.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ, С.-Петербургѣ, Пушкинская ул. близъ Невскаго пр., д. № 11, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Главная контора открыта: съ 1-го октября по 1-ое мая—отъ 12 до 4 часовъ пополудни, въ остальное же время года—до 3 часовъ, кромѣ праздниковъ и воскресныхъ дней.

Редакторъ-Издатель *А. П. Пятковскій.*

---

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1894** г. НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

# „ЕНИСЕЙСКІЙ ЛИСТОКЪ“.

Выходитъ въ г. **КРАСНОЯРСКѢ**, Енисейской губ., еженедѣльно.

I. Статьи и очерки по мѣстнымъ вопросамъ; статьи по городскому и земскому хозяйствамъ, по сельскому, экономическія, торговыя, по фабрично-заводскому производству и горной промышленности. II. Дѣйствія и распоряженія правительства. III. Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“. IV. Недѣльная хроника. V. Судебная хроника. VI. Торговый отдѣлъ. VII. Справочныя свѣдѣнія. VIII. Смѣсь. Отвѣты редакціи. IX. Фельетонъ. Романы, повѣсти, разсказы, очерки, сцены и стихотворенія. X. Объявленія частныя и казенныя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: на годъ **7** р., на полгода **4** р., на четверть года **2** р., на одинъ мѣсяцъ **1** рубль.

**Подписка принимается въ конторѣ редакціи „ЕНИСЕЙСКАГО ЛИСТКА“, собствен. д., Воскресенская улица.**

Редакторъ-издатель ***Е. Кудрявцевъ.***

| Условія подписки: | На годъ. Р. К. | По полугодіямъ. Январь. Р. К. | Іюль. Р. К. | По четвертямъ года. Январь. Р. К. | Апрѣль. Р. К. | Іюль. Р. К. | Окт. Р. |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Безъ доставки въ Спб. въ главной конторѣ. | 12 — | 6 — | 6 — | 3 — | 3 — | 3 — | 3 |
| Безъ доставки въ Москвѣ въ отд. конт. . | 12 50 | 6 50 | 6 — | 3 50 | 3 — | 3 — | 3 |
| Съ доставкой въ Спб. | 12 50 | 6 50 | 6 — | 3 50 | 3 — | 3 — | 3 |
| Съ перес. въ Имперіи. | 13 50 | 7 — | 6 50 | 3 50 | 3 50 | 3 50 | 3 |
| За границей. . . . . . | 15 — | 8 — | 7 — | 4 — | 4 — | 4 — | 3 |

Подписка на всѣ означенные сроки. **Разсрочка платежей. Служащіе** могутъ вносить **помѣсячно** за руч. **казначеевъ.**

**Новые годовые подписчики** на „Сѣверный Вѣстникъ" получатъ безплатно въ первомъ полугодіи 1894 г. I часть **„Записокъ А. О. Смирновой"** въ видѣ отдѣльной книги. Отпечатанная въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" за 1893 г. часть **романа Г. Сенкевича „Семейство Поланецкихъ"** разсылается новымъ годовымъ подписчикамъ на 1894 г. вмѣстѣ съ **№ 1 журнала.**

**Подписка принимается** въ гл. конторѣ—Спб., Троицкая, 9, и **въ москов. отдѣл.**—Тверская, д. Сазикова, въ Спб.—въ кн. маг. Фену, въ Москвѣ—въ конт. Н. Печковской, во всѣхъ кн. маг. Карбасникова, **„Нов. Времени"** и др.

Съ 1 декабря 1894 г. открыто въ Москвѣ отдѣленіе редакціи и конторы „Сѣвернаго Вѣстника". Пріемъ подписки и объявленій, а также рукописей для помѣщенія въ журналѣ.

Издательница **Л. Я. Гуревичъ.** Редакторъ **М. Н. Альбовъ.**

---

## Содержаніе мартовской книжки Богословскаго Вѣстника.

Я. КОЛУБОВСКІЙ.

# ФИЛОСОФСКІЙ ЕЖЕГОДНИКЪ.

ОБЗОРЪ КНИГЪ, СТАТЕЙ И ЗАМѢТОКЪ,

реимущественно на русскомъ языкѣ, имѣющихъ отношеніе къ философскимъ знаніямъ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.
1893.

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА
„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“.

МОСКВА.
Типо-лит. Высоч. утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собственный домъ.
1894.

# О ЗАДАЧАХЪ «ЕЖЕГОДНИКА».

ъ усиленіемъ интереса къ философскимъ вопросамъ, кото- несомнѣнно замѣчается у насъ въ послѣднее время, начи-ъ сказываться необходимость въ такого рода изданіи, кото- облегчало бы всякому желающему знакомство съ литерату- предмета. Предлагаемый «Ежегодникъ» идетъ навстрѣчу этой )ебности, ставя себѣ задачей возможно полный обзоръ всего ), что появилось въ теченіе года и имѣетъ то или другое эшеніе къ философіи. Здѣсь нашли себѣ мѣсто и серьезныя іѣдованія, имѣющія не одинъ только мимолетный интересъ, гатьи, въ которыхъ отражаются взгляды образованнаго обще- ι на задачи и значеніе философіи, и наконецъ, замѣтки разнаго ıктера, которыя подчасъ являются знаменіемъ времени и по- катъ для будущаго историка русской мысли благодарнымъ :ріаломъ.

ри первомъ взглядѣ на обиліе приводимыхъ въ «Ежегодникѣ» ей простодушный читатель, пожалуй, возгордится богатствомъ :кой философской литературы. Но да будетъ позволено на- зить такому читателю ту избитую истину, что богатство :ратуры опредѣляется не количествомъ, а качествомъ работъ, :ли бы «Ежегодникъ», чтобы никого не вводить въ соблазнъ, навливался лишь на статьяхъ, за которыми можно признать )динъ только интересъ минуты, то ему пришлось бы выбро- · за бортъ, по крайней мѣрѣ, три четверти своего содержанія. усская литература отличается одной особенностью: рѣдкій ιъ дерзаетъ выступить на свѣтъ Божій подъ своимъ собствен- ь флагомъ въ отдѣльномъ изданіи, но стремится найти себѣ тъ гдѣ-нибудь въ толстомъ журналѣ. Къ журнальной лите- рѣ русскій читатель всегда питалъ нѣкоторую слабость. ıанное ли дѣло, чтобы философскія книги когда-нибудь рас- :лись у насъ въ тысячахъ экземпляровъ? А между тѣмъ, едва

лишь создался спеціально философскій журналъ, онъ пріобрѣлъ себѣ тысячи читателей и, можетъ быть, даже почитателей.

Такая особенность литературы наложила свою печать и на «Ежегодникъ»: тогда какъ другія подобнаго рода изданія даютъ обзоръ только того, что появляется въ спеціальной литературѣ, «Ежегодникъ» долженъ слѣдить за журналами общаго содержанія. Отсюда возникаетъ нелегкая задача услѣдить за всѣмъ, что даютъ повременныя изданія.

Другая трудность при составленіи «Ежегодника» зависитъ отъ крайне неудовлетворительнаго состоянія нашего книжнаго рынка. Нерѣдко нѣтъ никакой возможности во-время получить книгу, вышедшую гдѣ-нибудь въ провинціи. Въ этомъ случаѣ не можетъ помочь даже наше центральное книгохранилище, такъ какъ оно само страдаетъ отъ небрежности губернскихъ органовъ цензуры. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ пришлось отложить отчетъ о той или другой книгѣ до будущаго года, когда она, наконецъ, должна же попасть въ руки составителя.

Изъ цѣлой груды газетныхъ листовъ для цѣлей «Ежегодника» достаточно выбрать только нѣсколько газетъ, не бѣгающихъ отъ серьезнаго матеріала, какъ отъ чумы. Въ числѣ ихъ есть провинціальныя большія газеты *).

При пользованіи «Ежегодникомъ» надо имѣть въ виду: 1) книги, статьи и замѣтки расположены въ строго алфавитномъ порядкѣ ихъ авторовъ, а при отсутствіи послѣднихъ—въ строго алфавитномъ порядкѣ тѣхъ предметовъ, которыхъ статьи и замѣтки касаются; 2) вмѣстѣ съ тѣмъ, въ алфавитъ личныхъ именъ введены и тѣ авторы, о которыхъ говорится въ статьяхъ, чтобы всегда можно было навести справку не только о томъ, что на-

---

*) Просмотрѣны слѣдующія повременныя изданія: „Архивъ психіатріи и нейрологіи“ (Харьковъ), „Библіографъ“, „Богословскій Вѣстникъ“, „Варшавскія университетскія извѣстія“, „Волгарь“ (Нижній Новгородъ), „Волжскій Вѣстникъ“ (Казань), „Вопросы философіи и психологіи“, „Воспитаніе и Обученіе“ (при дѣтскомъ журналѣ „Родникъ“), „Вѣра и Разумъ“ (Харьковъ), „Вѣстникъ Воспитанія“, „Вѣстникъ Европы“, „Вѣстникъ иностранной литературы“, „Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи“, „Гимназія“ (Рига), „Гражданинъ“, „Душеполезное Чтеніе“, „Журналъ гражданскаго и уголовнаго права“, „Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія“, „Записки Харьковскаго университета“, „Историческій Вѣстникъ“, „Казанскій Телеграфъ“, „Кіевлянинъ“, „Кіевское Слово“, „Книжки Недѣли“, „Книжный Вѣстникъ“, „Колосья“, „Медицинское Обозрѣніе“, „Міръ Божій“,

писалъ извѣстный авторъ, но и о томъ, что написано о немъ; 3) для удобства ссылокъ всѣ разсматриваемыя статьи и замѣтки перенумерованы; 4) чтобы соблюсти интересы системы, вслѣдъ за алфавитнымъ обзоромъ идетъ краткій систематическій указатель.

Невольные и неизбѣжные въ подобнаго рода работѣ пропуски будутъ пополнены въ ближайшемъ выпускѣ.

Въ заключеніе составитель «Ежегодника» считаетъ особенно пріятнымъ долгомъ съ благодарностью засвидѣтельствовать, что относительною полнотой своего изданія онъ въ значительной степени обязанъ библіотекарю русскаго отдѣленія Императорской Публичной библіотеки В. П. Ламбину.

---

„Московскія Вѣдомости", „Московскія Церковныя Вѣдомости", „Наблюдатель", „Неврологическій Вѣстникъ" (Казань), „Недѣля", „Новое Время", „Новороссійскій Телеграфъ" (Одесса), „Новости", „Новь", „Образованіе", „Одесскій Листокъ", „Пантеонъ Литературы", „Педагогическій Листокъ" (приложеніе къ „Дѣтскому Чтенію"), „Педагогическій Сборникъ", „Петербургская Жизнь", „С.-Петербургскія Вѣдомости", „Правительственный Вѣстникъ", „Православный Собесѣдникъ" (Казань), „Ребусъ", „Руководство для сельскихъ пастырей" (Кіевъ), „Русская Жизнь", „Русская Мысль", „Русская Школа", „Русскій Вѣстникъ", „Русскій Начальный Учитель", „Русскія Вѣдомости", „Русское Богатство", „Русское Обозрѣніе", „Саратовскій Дневникъ", „Сборникъ Нивы", „Странникъ", „Сѣверный Вѣстникъ", „Сынъ Отечества", „Трудъ", „Труды Кіевской духовной академіи", „Университетскія Извѣстія" (Кіевъ), „Ученыя Записки Юрьевскаго университета", „Филологическія Записки" (Воронежъ), „Филологическое Обозрѣніе", „Христіанское Чтеніе", „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія", „Школьное Обозрѣніе", „Южный Край" (Харьковъ).

## I. АЛФАВИТНЫЙ ОБЗОРЪ.

*При ссылкахъ на журналы за 1893 г., гдѣ нѣтъ особыхъ указаній, первая цифра означаетъ мѣсяцъ, слѣдующая—страницу.*

1. Абрамовъ, Я. В. Песталоцци, его жизнь и педагогическая дѣятельность. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ Песталоцци, гравированнымъ Геданомъ. Спб. Тип. Штейна. 86 стр. 8,100 экз. 25 коп. (Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова).

Очеркъ составленъ только на основаніи тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыя имѣются на русскомъ яз. Несмотря однако на это, авторъ произноситъ весьма рѣшительный приговоръ надъ великимъ педагогомъ-народникомъ: заслуги Песталоцци, какъ учителя-практика и какъ теоретика педагогики, весьма невелики. Авторъ высоко ставитъ Песталоцци, только какъ поборника идеи народнаго образованія и какъ борца противъ господствовавшей до него школьной рутины. Изложенію педагогическихъ воззрѣній швейцарскаго педагога отведено очень мало мѣста.

На противорѣчія указываетъ отзывъ „Рус. Мысли" 3, 122с. Не сочувствуетъ полемическимъ пріемамъ автора Б. П., «Пед. Сбор.» 7, 79с. Много промаховъ указываетъ учитель рижскаго городского училища К. Воскресенскій, „Рус. нач. учит." 11, 167—172.

Абрикосовъ, Н. А. См. Рибо.

2. (Августинъ). Ученіе блаженнаго Августина о богодухновенности Священнаго Писанія. Статья Z. „Чтенія въ общ. люб. дух. просв." 7—8, отд. I, стр. 68—91.

На основаніи подлинныхъ сочиненій Августина.

Августинъ. См. Волковъ, Звѣревъ, Е. Трубецкой.

3. Аверкіевъ, Д. В. О драмѣ. Критическое разсужденіе. Съ приложеніемъ статьи „Три письма о Пушкинѣ". Изданіе тщательно пересмотрѣнное и значительно дополненное. Спб. Тип. Пантелеевыхъ. XIII+336+46+IV+6 стр. 1.000 экз. 1 руб. 50 коп.

Книга составилась изъ статей, помѣщавшихся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Рус. Вѣст." Каткова, но въ этомъ изданіи онѣ подверглись основательной переработкѣ. Въ основу положена старая теорія драмы Аристотеля и Лессинга, но по этой канвѣ нарисованы чрезвычайно оригинальные узоры. Въ книгѣ много отдѣльныхъ остроумныхъ замѣчаній и наблюденій.

Небольшія сочувственныя замѣтки въ „Нов. Вр." № 6,039 (19-го декабря 1892 г.), „Прав. Вѣс." № 171 и въ „Рус. Вѣс." 1, 331сс. Довольно сочувственный отзывъ „Сѣв. Вѣс." 4, 44—48. Какъ выдающееся литературное явленіе подробно разбираетъ книгу Д. К(оровяко)въ: Письма объ искусствѣ. Книга Д. В. Аверкіева „О драмѣ". „Рус. Вѣс." 3, 319—337; 5, 353—376 (по поводу этой статьи В. Чуйко: Журнальное обозрѣніе. „Од. Лис." № 132). Сочувственно отзывается также С. У(мане)цъ въ „Истор. Вѣс." 3, 904с.; Д. К. въ „Нов." № 295, и „Сбор. Нивы" 1, 238.

А. Флеровъ („Рус. Школа" 4, 176—182) видитъ въ книгѣ г. Аверкіева отрадное явленіе и особенно останавливается на вопросѣ, въ какой степени она можетъ оказаться полезной при преподаваніи словесности.

Трудъ г. Аверкіева, на основаніи рецензіи Арсенія И. Введенскаго, удостоенъ академіей наукъ половинной пушкинской преміи. Отчетъ о присужденіи см. „Нов. Вр." № 6,338 (20 октября), „Сынъ От." № 287, „Рус. Жизнь" № 280, „Новости" № 289 и другія газеты, а также „Девятое присужденіе пушкинскихъ премій" (Спб.), стр. 6—9.

4. А. В. П. Вопросъ о воспитаніи во Франціи. „Рус. Мысль" 1, 64—85.

Разсматриваются задачи и средства воспитанія, при чемъ дѣлаются ссылки на разные авторитеты, между прочимъ, и философскіе. Почему рѣчь идетъ о Франціи, а не о Россіи или какой-нибудь другой странѣ,—для читателя остается не вполнѣ яснымъ. Не потому ли, что больше всего цитируются французскіе авторы?

5. Аврелинъ, М. Секретъ творчества. Замѣтка. „Вопросы филос." кн. 17, отд. I, стр. 113—129.

Паденіе талантовъ и творчества въ наше время объясняется всецѣло царящимъ въ наши дни матеріалистическимъ міросозерцаніемъ. Сильный духъ воспитывается только въ суровой школѣ жизни, въ непрерывной борьбѣ съ немощью тѣлесною и похотями плотскими. Въ этомъ заключается весь секретъ творчества.

Статья автора, скрывшагося подъ псевдонимомъ Аврелина, вызвала почти всеобщее недоумѣніе. Противъ ожиданія, она не понравилась даже Ю. Николаеву: Литературныя замѣтки. Наивная статья. „Моск. Вѣд." № 95. Такъ же не сочувственно относится къ этой статьѣ Петербуржецъ: Маленькая хроника. „Нов. Вр." № 6,157 (21-го апрѣля). См. также П. Скриба: Современные литературные мотивы. (Гигіена творчества). „Рус. Жизнь" № 86. По мнѣнію автора, г. Аврелинъ съ чужихъ словъ повторяетъ о вредѣ буржуйныхъ идеаловъ и трактирной цивилизаціи. Но какъ только онъ начинаетъ говорить отъ себя, онъ впадаетъ въ заблужденіе.

Крайне поверхностной и бездоказательной считаетъ статью г. Аврелина обозрѣватель „Наблюдателя": Наша журналистика, 6, 310—314. Несочувственно относится къ г. Аврелину и Л. Тихомировъ: Лѣтопись печати. Упадокъ творчества. „Рус. Об." 5, 364—375. Отсутствіе логики, нелѣпость выводовъ находитъ у г. Аврелина В. Чуйко: Журнальное обозрѣніе. „Од. Лист." № 82.

Сочувствуетъ г. Аврелину одинъ только А. Эртель: Секретъ творчества. „Кіев. Слово" № 1886 (16-го апрѣля).

6. Агафоновъ, В. Наблюденіе природы. „Міръ Бож." 5, 110—139.

Совѣтамъ чисто практическаго свойства о томъ, какъ наблюдать природу, предшествуетъ разборъ наблюденія, какъ метода для изученія природы.

Адозіо. См. Э.

7. Аксаковъ, А. Н. Анимизмъ и спиритизмъ. Критическое изслѣдованіе медіумическихъ явленій и ихъ объясненія гипотезами „нервной силы", „галлюцинаціи" и „безсознательнаго". Въ отвѣтъ Э. ф. Гартману. Съ 8 фототипіями. Спб. Тип. Демакова. Ч. I. (VIII+XXVIII+съ 1 до 326 стр.) Ч. II. (Съ 327 до 784 стр.). 3 руб.

Этотъ обширный трудъ еще въ 1890 г. вышелъ понѣмецки и затѣмъ по кусочкамъ печатался въ „Ребусѣ" въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (до № 11 за 1893 г.). Задача автора—показать, что есть такія явленія, которыя ни въ какомъ случаѣ не поддаются объясненію посредствомъ гипотезъ Гартмана, даже если допустить, что эти гипотезы вѣрны. Отсюда томительно-длинный обзоръ медіумическихъ явленій, распредѣленныхъ въ нѣсколько группъ. Но если Гартманъ относится къ этимъ явленіямъ отрицательно,—что весьма вѣроятно,—то не стрѣляетъ ли авторъ по воробьямъ? Гипотеза духовъ (спиритизмъ) несостоятельна при объясненіи медіумическихъ явленій, но всѣ эти явленія, по мнѣнію г. Аксакова, могутъ быть произведеніемъ безсознательной дѣятельности живого человѣка, которая не ограничивается периферіей нашего тѣла, но выражается и внѣ предѣловъ его (телепатія, телефанія, телекинетія, телесоматія). Это—гипотеза анимизма.

8. Аксаковъ, А. Н. Сеансы италіанскихъ ученыхъ. „Реб." № 1, стр. 10.

Спиритическіе сеансы съ Евзапіей Паладино.

Аксаковъ, А. Н. См. Спиритизмъ, Эльпе.

9. Алелековъ. Изъ области психіатріи. „Рус. Мысль" 8, 102—128.

Психіатрія идетъ навстрѣчу требованіямъ общества, и въ то же время замѣтно стремленіе создать свою, русскую психіатрію. Довольно подробно разсматривается книга проф. Корсакова, а также брошюры д-ровъ Боткина и Сикорскаго.

Алелековъ. См. Анфимовъ, Бехтеревъ, Корсаковъ, Сикорскій, Токарскій.

Альбертъ Великій. См. Любимовъ.

10. Амвросій, архіепископъ харьковскій. Слово въ день тезоименитства благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича. О правѣ собственности по ученію христіанскому. Издано иждивеніемъ П. С. Федотова. Москва. Тип. Вильде. 32 стр. 7,600 экз. Также „Вѣр. и Раз." № 16, отд. церк., стр. 189—207; „Моск. Вѣд." № 238 и „Юж. Край" № 4,348 (30-го августа).

11. Амвросій, архіепископъ харьковскій. Слово по освященіи храма въ харьковской третьей мужской гимназіи. Объ участіи мірянъ въ дѣлѣ церковнаго учительства. „Вѣр. и Раз.", отд. церк. № 7, 333—352. „Юж. Край" № 4,211 (8-го апрѣля).

Противъ „либеральныхъ" учителей вѣры изъ свѣтской среды. Проповѣдь

ихъ вредна для чистоты вѣры и для нравственной жизни православныхъ христіанъ. Очевидно, слову „либеральный“ придается здѣсь не совсѣмъ обычный смыслъ. Читателю не трудно догадаться, кого изъ нашихъ писателей имѣетъ въ виду ораторъ.

12. (Анго де Ротуръ). Angot des Rotours, J. La Morale du coeur, étude d'âmes modernes. Paris.

Два отзыва въ „Міp. Бож.“ 2, 215 изъ Rev. Bleue и 9, 203 изъ Polybibl.

Анри. См. Орловъ.

13. Анфимовъ. Сознаніе и личность при душевныхъ болѣзняхъ. Рѣчь, читанная на торжественномъ собраніи въ пятую годовщину императорскаго томскаго университета, 22 октября 1893 г. Томскъ. 74 стр.

Отчетъ объ этой книгѣ см. въ „Ежегодникѣ“ за 1894 г.

Очень сочувственный отзывъ даетъ Алексковъ въ «Мед. Об.» № 23, 1084—1087.

14. Аппельротъ, В. Къ Аристотелю. (Poët. IX, p. 1451, 1452 и XIII, 1453). „Фил. Обозр.“ т. III, кн. 2, стр. 162сс.; т. IV, кн. 1, стр. 42, 62сс. Филологическія замѣтки.

15. Аристотель. Метафизика. Переводъ съ примѣчаніями П. Д. Первова и В. В. Розанова. „Жур. мин. нар. просв.“, отд. классич. филол., 1890, 2, 82—112; 3, 113—152; 1891, 1, 16—44; 1893, 7, 47—48; 8, 49—80; 9, 81.

Переводъ не всегда свидѣтельствуетъ о вѣрномъ пониманіи текста Аристотеля. Въ обширныхъ примѣчаніяхъ, принадлежащихъ г. Розанову, взгляды Аристотеля сближаются съ воззрѣніями другихъ философовъ. Переведены пока только четыре первыя книги.

16. Аристотель. Объ искусствѣ поэзіи. Греческій текстъ съ переводомъ и объясненіями Вл. Аппельрота. М. Тип. Лиснеръ и Романъ. IV+97 стр. 1,200 экз. 50 коп.

Тщательно сдѣланное изданіе съ хорошимъ переводомъ и довольно обстоятельными примѣчаніями.

Недочеты новаго перевода указываетъ А. Деревицкій въ „Филол. Об.“ т. V, стр. 26—31.

17. Аристотель. Политика. Переводъ съ греческаго языка съ примѣчаніями Н. Скворцова. Изд. 2-е. Москва. Тип. университетская. XVI+333 стр. 600 экз. 2 руб.

Въ новомъ изданіи опущена вступительная статья г. Скворцова, составляющая его студенческую работу и касающаяся ученія Аристотеля о государствѣ, нѣсколько сокращены примѣчанія и ссылки на изслѣдованія о „Политикѣ“, и въ разныхъ мѣстахъ исправленъ самый переводъ. Въ предисловіи къ новому изданію г. Скворцовъ говоритъ, что переводъ „Политики“ былъ предпринятъ имъ по мысли покойнаго Каткова.

18. Аристотель. Риторика. Переводъ Н. Н. Платоновой. „Журн. мин. нар. просв.“, отд. классич. филол., 1892, 5, 61—96; 6, 97—136; 1893, 1, 10—48; 2, 49—82.

Примѣчаній очень немного. Переводъ еще не оконченъ.

Аристотель. См. Аверкіевъ, Аппельротъ, Бузескулъ, Виноградовъ, Ивановскій, Покровскій, Чернышевскій.

19. Арнольдъ, Эдвинъ. Свѣтъ Азіи. Поэма. Переводъ А. Анненской подъ редакціей В. Лесевича, съ его предисловіемъ и введеніемъ, редактированнымъ имъ же. Изданіе 2-е, иллюстрированное. Спб. Тип. Тиханова. VIII + 344 стр. 1500 экз. 2 р.

Быстрый сбытъ перваго изданія этой интересной книги свидѣтельствуетъ о существованіи несомнѣннаго интереса къ буддизму среди русскихъ читателей. Въ новомъ изданіи дано нѣсколько иллюстрацій, и пополнены примѣчанія редактора. Поэмѣ предшествуютъ двѣ главы изъ сочиненія Les civilisations de l'Inde, par Gustave Le Bon. Par. 1887. Въ приложеніи перепечатаны статьи Арнольда: Буддизмъ на Цейлонѣ („Рус. Мысль" 1887, 8) и В. В. Лесевича: Буддизмъ по эдиктамъ царя Асоки Великаго („Вопр. филос. и псих." кн. 1).

Сочувственный отзывъ «Рус. Бог.» 5, 48с. и „Сбор. Нивы" 11, 716.

20. (Аррea). Arréat, L. Psychologie du peintre. Paris 1892.

Сочувственно отзывается А. Деревицкій, „Рус. Об." 5, 390—398.— Замѣтка въ „Мірѣ Бож." 2, 215с. изъ Rev. philos.

Арсеньевъ, І. См. Келлогъ.

21. Арсеньевъ, К. К. Ипполитъ Тэнъ. „Вѣс. Евр." 4, 788—804.

Истинно великимъ Тэнъ является въ области литературной и художественной критики. Въ философскихъ взглядахъ онъ—продолжатель традицій XVIII вѣка.

Слишкомъ поверхностной эту статью находитъ А. Огневъ: Столичная печать. „Колосья" 4, 193с.

22. Архивъ психіатріи, нейрологіи и судебной психопатологіи, издаваемый подъ редакціей П. И. Ковалевскаго. Харьковъ.

О томахъ XIX и XX сочувственный отчетъ въ „Рус. Мысли" 1, 25сс.

23. Арцыбашевъ, В. Гипнозъ подъ вліяніемъ гашиша. „Ребусъ" № 5, 59с.

Описаніе собственныхъ наблюденій автора.

24. Астафьевъ, П. Е. Вѣра и знаніе въ единствѣ міровоззрѣнія. (Опытъ началъ критической монадологіи). М. Тип. университ. VI + 206 стр. 600 экз. 1 руб. 50 коп.

Книга составилась изъ статей, помѣщенныхъ въ „Моск. Листкѣ" (1891 г., №№ 311, 313, 315, 318), „Вопр. фил." (кн. 13 и 14) и „Рус. Об." (1892, 11 и 12). Если въ предшествующихъ работахъ автора, по собственному его сознанію, содержатся только намеки на цѣльное міровоззрѣніе, то здѣсь уже болѣе опредѣленно и отчетливо высказана мысль, объединяющая и уясняющая эти намеки. По убѣжденію автора, сознаніе, какъ вѣдомая себѣ дѣятельность, есть и первое самоочевидное начало всего знанія, и единственное истинно-сущее начало реальнаго бытія. Такимъ образомъ авторъ пытается создать „монадологію на почвѣ критическаго изученія внутренняго опыта". Много попутныхъ замѣчаній о представителяхъ русской философіи (Н. Н. Страховъ, Вл. Соловьевъ, особенно по поводу его ненапечатаннаго реферата

„О причинахъ упадка средневѣковаго міровоззрѣнія“, Л. М. Лопатинъ, Александръ Ив. Введенскій, А. А. Козловъ, кн. С. Н. Трубецкой, Н. Я. Гротъ и др.).

25. Астафьевъ, П. Е. Генезисъ нравственнаго идеала декадента. „Вопросы филос.“ отд. II, кн. 16, стр. 56—75.

Только поучительность нравственныхъ взглядовъ Ницше отчасти искупаетъ тяжесть и неблагодарность труда—разбирать такое колоссальное и часто возмутительное заблужденіе, такую болѣзнь духа, какими представляются этическія воззрѣнія Ницше.

См. Скриба, Тихомировъ.

26. Астафьевъ, П. Е. (1846—1893). Некрологъ *Д. Я.* „Моск. Вѣд.“ № 97 (это самый обстоятельный изъ всѣхъ появившихся некрологовъ; онъ перепечатанъ у Алексѣя И. Введенскаго и Н. Я. Грота); краткіе некрологи— „Рус. Жизнь“ № 92, „Рус. Вѣд.“ № 97, „Сынъ От.“ № 95, „Нов. Вр.“ № 6,145 (9-го апрѣля), „Ист. Вѣс.“ 6, 879с. О панихидахъ—„Моск. Вѣд“ № 99. Памяти П. Е. Астафьева, тамъ же, № 100 (тѣло покойнаго въ Москвѣ). Очень тепло написанный некрологъ принадлежитъ Д. А. Линеву. „Свѣтъ“ № 78. Выдержки изъ него помѣщены въ „Моск. Вѣд.“ № 98 (дневникъ печати). Небольшая замѣтка о пребываніи тѣла въ Москвѣ—„Рус. Вѣд.“ № 99. Подробности о смерти—„Моск. Вѣд.“ № 101.

См. также Алексѣй Введенскій, Н. Гротъ, А. Козловъ, Л. Тихомировъ.

27. Астафьевъ, П. Е. Урокъ эстетики. (Памяти А. А. Фета). „Рус. Об.“ 2, 593—619. Отдѣльно М. Тип. универ. 31 стр. 105 экз. 30 к.

Статья содержитъ изложеніе основныхъ эстетическихъ взглядовъ автора и примѣненіе ихъ къ поэзіи Фета. Созерцать красоту и безкорыстно радоваться ей—вотъ въ чемъ высшее счастіе, примиряющее со всякимъ страданіемъ, со всякой утратой, и пѣть объ этой красотѣ—единственное священное призваніе поэта.

По мнѣнію В. Г. (Фантазія и жизнь. „Книж. Нед.“ 3, 219сс.), это совершенное упраздненіе художественной критики.

Астафьевъ, П. Е. См. Александръ Введенскій, С. Г. Розановъ, Струнниковъ, Якубовскій.

28. Астрономовъ, Е. Дюрингъ о воспитаніи. „Вѣс. Восп.“. № 7, стр. 1—17.

На основаніи только что вышедшаго порусски сочиненія „Цѣнность жизни“. Современный упадокъ школьной и университетской жизни Дюрингъ объясняетъ вліяніемъ средневѣковаго романтизма.

29. Астрономовъ, Е. Дюрингъ о самообразованіи. „Вѣс. Восп.“ № 8, стр. 1—6.

Самообразованіе, по мнѣнію Дюринга, даетъ единственный исходъ изъ ненормальнаго положенія современной школы.

30. Атласовъ, И., д-ръ. Физіологія, какъ предметъ нравственно образовательный въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. „Пед. Сбор.“ 4, 388—410.

Однимъ изъ лучшихъ проводниковъ нравственныхъ началъ въ школѣ являются научныя познанія, а такъ какъ физіологія имѣетъ непосредственное отношеніе ко многимъ вопросамъ жизни, то она удобнѣе всего можетъ слу-

жить для проведенія въ сознаніе учащихся многихъ нравственно-практическихъ понятій. Аргументація автора далеко не всегда убѣдительна.

Статью реферируетъ Ф. В., „Образ." 7—8, 25—28.

31. А—тъ. Въ поискахъ за истиной. Почему-жъ бы не такъ? „Нов. Вр." № 6316 (28-го сентября).

Статья замѣчательна тѣмъ, что авторъ ея съ необычайною развязностью увѣряетъ, будто Кантъ († 1804) въ 1814 г. рапортомъ униженно просилъ императора Александра I о мѣстѣ профессора въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ. Самые же поиски за истиной къ философіи не имѣютъ никакого отношенія.

Аѳинагоръ. См. Мироносицкій.

Бабинскій. См. Данилло.

32. Базинеръ, О. Отрывокъ изъ пятой книги Лукреція. De rerum natura, V, 780—1455. „Вѣс. Евр." 2, 511—530.

Стихотворный переводъ, имѣющій тѣмъ болѣе цѣнности, что старый переводъ г. Клеванова никуда не годенъ.

Балинскій, И. М. См. Душевно-больные.

33. Бао, А. К. († 27 окт. 1893 г.). Некрологъ Т—съ. „Нов." № 297; „Сынъ От." № 296.

Барадюкъ. См. Жизненный токъ.

34. Басистовъ, А. Philosophische Monatshefte. B. XXIX, Hefte 1 — 6. „Вопр. фил. и псих.", кн. 20, отд. II, стр. 129—134.

Обзоръ статей Лассвица, Штаудингера, Гартмана, Каруса.

Башкирцева. См. Оболенскій.

35. Безобразова, М. Замѣтка о Діоптрѣ. „Журн. мин. нар. пр." 11, 27 — 47.

Кропотливый обзоръ рукописей Діоптры, ея состава и текста. Замѣтка оканчивается изложеніемъ содержанія памятника.

36. Безобразова, М. Философскіе этюды. М. 1892. Тип. Иноземцева. 119 стр. 80 коп.

Запоздалый отзывъ довольно двусмысленнаго характера въ „Сар. Дневн." № 24.

Беккарія. См. Левенсонъ.

Беконъ, Рож. См. Любимовъ.

Беконъ. См. Гротъ, Ивановскій.

37. Беллами, Эдуардъ. Черезъ сто лѣтъ (Looking backward). Соціологическій романъ. Перевелъ съ англійскаго Ѳ. Зининъ. Изд. 3-е Ф. Павленкова. Съ прибавленіемъ научно-предсказательнаго очерка Ш. Рише: «Куда мы идемъ!» (Dans cent ans). Въ переводѣ М. А. Энгельгардта. Спб. Тип. Ѳ. Эрлиха. II+320 стр. 5,100 экз. 1 р.

Очеркъ Рише (стр. 233 — 320) отличается не столько основательностью, сколько остроуміемъ. Кто знаетъ, говоритъ авторъ, не удастся ли, при болѣе

глубокомъ ознакомленіи съ планетами и свѣтилами, вступить въ сношенія съ существами иныхъ міровъ. Кто знаетъ, не удастся ли, измѣняя тѣло и душу человѣка путемъ благоразумнаго и въ то же время смѣлаго подбора, создать существо высшее, чѣмъ мы, современные люди. Кто знаетъ, не откроемъ ли мы въ себѣ новыхъ способностей и не вступимъ ли мы въ сношенія съ новыми мірами, смѣшанными съ тѣмъ міромъ, который мы знаемъ? Laboremus,— заканчиваетъ Рише, давая лозунгъ послѣдующей эпохѣ.

38. Беллами, Э. Чудный сонъ. Переводъ Р. О. и Б. Ф. Изд. книжн. магазина Н. Башмакова. Казань. Тип. университетская. 147 стр. 1,200 экз. 50 коп.

Беллетристическія варіаціи на тему о происхожденіи и составныхъ элементахъ сна. Молодой человѣкъ подъ вліяніемъ морфія, книги объ электричествѣ и разговора о мозгѣ видитъ во снѣ то, о чемъ онъ мечталъ наяву.

Бельтрами. См. Гауссъ.

39. (Бенаръ). Bénard, Ch. Platon, sa philosophie. Paris 1892.
Замѣтка въ „Мірѣ Божьемъ“ 3, 240 изъ Rev. de l'enseign. sec. Несочувственно отзывается А. Гиляровъ въ „Вопр. фил. и псих.“ кн. 20, отд. I, стр. 114.

Бенедиктъ, проф. См. Крафтъ-Эбингъ.

Бентамъ. См. Левенсонъ.

Бенъ. См. Мокіевскій.

Берсъ, Ф. См. Вс. Соловьевъ.

40. (Бердсли). Мучительна ли смерть. Краткое изложеніе. „День“ № 1725 (6-го апрѣля).
Бердсли пришелъ къ выводу, что находящійся въ агоніи видитъ галлюцинаціи, но не испытываетъ болей.

Беркли. См. Гротъ.

41. (Бернаръ-Лавернь). Bernard-Lavergne. L'évolution sociale, Par. Отзывъ Л. С(лонимскаго). „Вѣс. Евр.“ 4, 857сс.

42. (Бернетъ). Burnet, John. Early greek Philosophy. London and Edinburgh. 1892.
Сочувственно отзывается А. Гиляровъ, „Вопр. филос. и псих.“ кн. 20, отд. II, стр. 111—114.

43. (Бертранъ). Bertrand, A. Lexique de philosophie.
Замѣтка въ „Мірѣ Бож.“ 2, 216 изъ Rev. philos.

44. Бершадскій, С. А. Очеркъ исторіи философіи права. Вып. 1. Спб. 1892. Тип. Стасюлевича. VII+266 стр. 800 экз. 2 р.
Ближайшимъ образчикомъ для автора послужилъ старый трудъ Шталя Geschichte der Rechts-Philosophie. Въ этомъ выпускѣ авторъ начинаетъ съ философіи права у древнихъ грековъ и кончаетъ Монтескьё.
Э. Радловъ въ «Жур. мин. нар. прос.» 1, 239—246 отмѣчаетъ слабыя стороны труда, отдавая справедливость его достоинствамъ.

45. Бехтеревъ, В. М. Къ вопросу о врачебномъ значенiи гипноза. Мiэлитъ отъ сдавленiя; приступы сомнамбулизма; благопрiятное лѣченiе того и другого гипнотическими внушенiями (съ демонстрацiей больной). Казань. Тип. университетская. 20 стр. 150 экз. 40 коп. — Первоначально въ „Невр. Вѣст.“ т. I, вып. I, стр. 27—44.

Интересный случай изъ врачебной практики гипноза.

Сочувственно излагаетъ П. И. Ковалевскiй въ „Арх. психiатр.“ т. XXI, № 3, 132с.

46. Бехтеревъ, В. М. О современномъ развитiи неврологическихъ знанiй и о значенiи въ этомъ развитiи научныхъ обществъ. (Рѣчь, сказанная при открытiи Общества невропатологовъ и психiатровъ при казанскомъ университетѣ). „Неврол. Вѣст.“ т. I, вып. I, стр. 1—14.

Упоминается и про Московское Психологическое Общество.

47. Бехтеревъ, В., проф. Проводящiе пути мозга. Казань. Тип. универ. 192 стр. и таблица рисунковъ. 800 экз. 1 руб. 75 коп.

Одно изъ лучшихъ изслѣдованiй въ области проводящихъ путей мозга. Въ первоначальномъ своемъ видѣ помѣщено въ „Основанiяхъ микроскопической анатомiи человѣка и животныхъ“, изд. подъ ред. М. Лавдовскаго и Ф. Овсянникова въ 1877—78 гг.

Сочувственные отзывы Э(льпе), „Нов. Вр.“ № 6,165 (29-го апрѣля); Б. И. Воротынскаго, „Невр. Вѣст.“ т. I, вып. I, стр. 236; Алелекова, „Мед. Об.“ № 21, 856с.; „Вѣст. клин. и суд. псих.“ годъ X, вып. I, стр. 335с. считаетъ книгу проф. Бехтерева крупнымъ событiемъ въ наукѣ.

Нѣмецкiй переводъ Вейнберга вышелъ въ Лейпцигѣ въ 1893 г.

48. Бине, А. Измѣненiя личности. Переводъ съ французскаго подъ редакцiей д-ра Б. В. Томашевскаго. Въ приложенiи къ «Рус. Бог.» 1—9, стр. 1 — 242. Также отдѣльно. Спб. Тип. Б. Вольфа.

Заключительныя слова въ высшей степени интереснаго труда Бине содержатъ и самый важный выводъ изъ его изслѣдованiя: у одного и того же индивидуума можетъ существовать множественность памятей, множественность сознанiй, множественность личностей, и всякая изъ нихъ знаетъ только то, что происходитъ въ ея предѣлахъ. Внѣ нашего сознанiя могутъ появляться у насъ сознательныя мысли, которыхъ мы не знаемъ. Природу, значенiе и размѣры этихъ сознанiй мы считаемъ невозможнымъ опредѣлить въ данный моментъ. Очень возможно, что сознанiе составляетъ привилегiю нѣкоторыхъ изъ нашихъ психическихъ актовъ; возможно, что оно существуетъ повсюду въ нашемъ организмѣ и даже сопутствуетъ всѣмъ проявленiямъ жизни.—Переводъ сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно.

49. (Бине, А.). Изслѣдованiе характера дѣтей. „Мiръ Бож.“ 7, 226с.

По поводу программы вопросовъ, составленной Бине по дѣтской психологiи.

50. (Бине, А). Наблюденiя Альфреда Бине надъ счетчикомъ Жакомъ Иноди. Рефератъ П. Б. „Пед. Сбор.“ 4, 472—474.

Самая статья находится въ Rev. philos., январь.

51. (Бине). Психологія престидижитаціи. „Нов. Вр." прилож. къ № 6,355 (6-го ноября).

По статьѣ Бине.

52. (Бине, А.) Сообщеніе о наблюденіяхъ надъ шахматной игрой по памяти. „Нов. Вр." № 6,102 (23-го февраля).

Коротенькая замѣтка.

53. Бине, А. Экспериментальная психологія на лондонскомъ конгрессѣ. „Реб." № 41, стр. 389с.; № 42, стр. 397с.; № 43, стр. 409с.; № 44, стр. 417с.; № 45, стр. 425сс.; № 46, стр. 437с.

Изъ Revue des deux Mondes 1-го марта. Экспериментальная психологія выдѣлилась изъ спутанной и неопредѣленной массы научнаго матеріала, извѣстнаго подъ названіемъ философіи, и порвала также связь, до сихъ поръ соединявшую ее съ метафизикой. Психологовъ занимаетъ теперь психологія лабораторная, психологія патологическая и психологія описательная. Различіе между старой и новой психологіей заключается не въ какомъ-нибудь принципѣ, нравственномъ или метафизическомъ,—оно коренится въ наклонности новой психологіи расширять свой кругозоръ и анализировать духовныя явленія на фактахъ объективныхъ, предпочтительно передъ наблюденіями собственнаго духа.

Бине. См. Орловъ.

54. Бичалецъ, Иванъ. Человѣкъ-лопухъ и человѣкъ-звѣрь. „Кіев. Слово" № 1873 (3-го апрѣля).

По поводу статьи В. П. Преображенскаго о Ницше. Ницше — это типъ Базарова, стройный, цѣльный, безъ всякихъ компромиссовъ.

Блаватская, Е. П. См. Желиховская, Вс. Соловьевъ.

55. Благовѣщенскій, Д. Основы характера. Рѣчица. Тип. А. Шимановича и Г. Бриля. 54 стр. 1,200 экз. 12 к.

Отчетъ объ этой книгѣ см. въ „Ежегодникѣ" за 1894 г.

56. (Блекманъ). Музыка, какъ лѣчебное средство. «Міръ Бож.» 11, 200. Небольшая замѣтка по поводу опытовъ Блекмана.

57. Боборыкинъ, П. Д. Красота, жизнь и творчество. „Вопросы филос.", кн. 16, отд. I, стр. 71—108; кн. 17, стр. 30—62.

Рефератъ въ психологическомъ обществѣ. Поводомъ для статьи является лекція кн. С. Волконскаго „Искусство и нравственность". Прежде чѣмъ разбирать ее, авторъ отводитъ много мѣста движенію русской художественно-литературной критики за послѣднія 50 лѣтъ, особенно же „антинаучному лжереалистическому" направленію Чернышевскаго. Въ заключеніе авторъ даетъ два тезиса, какъ указаніе на то, что добыто наукой въ области эстетики.

Отреченію г. Боборыкина отъ публицистической критики очень не сочувствуетъ М. Протопоповъ: Письма о литературѣ. Письмо шестое. „Рус. Мысль" 5, 212—231. Мимоходомъ г. Протопоповъ касается и статьи кн. Волконскаго. Г. Боборыкинъ возражаетъ въ письмѣ къ редактору „Русскихъ Вѣдомостей" № 149.

Защитникомъ тенденціи въ искусствѣ выступилъ В. Гольцевъ: По поводу статьи П. Д. Боборыкина. „Вопр. филос." кн. 18, отд. II, стр. 116—

120. Статью г. Боборыкина въ связи со всею его литературною дѣятельностію разсматриваетъ Н. К. Михайловскій: Литература и жизнь. „Рус. Бог.“ 8, 74—103. Удивляется походу г. Боборыкина противъ тенденціи въ искусствѣ г. Буренинъ: Журнальные разговоры. „Нов. Вр.“ № 6,291 (3-го сентября).

58. (Боборыкинъ, П. Д.). Отчетъ Н. Р—на о его лекціи о Тэнѣ въ московскомъ обществѣ любителей художествъ. (Корреспонденція изъ Москвы). „Нов.“ № 317.

59. Боборыкинъ, П. Д. Страхъ смерти. (Лекція, прочитанная въ аудиторіи историческаго музея 20-го ноября 1892 года). „Рус. Вѣд.“ № 4 и 12.

Это какъ бы продолженіе лекціи „Цѣна жизни“ (см. Помощь голодающимъ. Научно-литер. сборникъ „Русскихъ Вѣдомостей“ М. 1891). Чтобы преодолѣть страхъ смерти, надо развить въ себѣ что-то такое, что выше нашихъ животныхъ и растительныхъ побужденій.

60. Бобровъ, Е. А. Искусство и нравственность. (Глава изъ эстетики). „Вопр. филос. и псих.“ кн. 20, отд. I, стр. 1—29.

Разсмотрѣвъ психическія условія искусства и нравственности, авторъ приходитъ къ заключенію, что какъ при выборѣ этическомъ человѣкъ не руководствуется исключительно законами разсудка, но и хотѣніями и желаніями, сообразно степени своего душевнаго развитія и нравственнаго совершенства, такъ и при выборѣ въ искусствѣ художникъ руководствуется не исключительно эстетическими соображеніями, облеченными въ форму разсудочныхъ законовъ, не принимаетъ въ разсчетъ только требованій внѣшней красоты, но въ своемъ творчествѣ удовлетворяетъ преимущественно тому, что всего болѣе ему по душѣ; а это опредѣляется его прирожденнымъ индивидуальнымъ характеромъ и степенью общаго душевнаго, умственнаго и нравственнаго развитія. Различая въ искусствѣ замыселъ отъ выполненія, внутренній моментъ отъ внѣшняго, авторъ находитъ сходство искусства съ нравственностью во внутреннемъ моментѣ. По мѣрѣ проникновенія въ общественную среду идеаловъ нравственности, по мѣрѣ того, какъ и художественная фантазія подъ вліяніемъ болѣе нравственной среды становится нравственнѣе, нравственность сама собою проникаетъ и во второй моментъ художественной дѣятельности—въ моментъ выполненія. Основными посылками статьи служатъ взгляды покойнаго Тейхмюллера.

61. Бобылевъ, Д. Гюйгенсъ. „Энциклоп. Словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 961с.

Богдашевскій, Д. И. См. Линицкій.

62. Боголюбова, А. Воображеніе (по Ф. Кейра). „Пед. Сб.“ 9, 209—228.

Рефератъ въ учебномъ отдѣлѣ общества распр. техн. знаній въ Москвѣ.

Бонгефферъ, Ал. (Bonhöffer). См. Рыжковъ.

63. Бондаренко, И. Н. И. Лобачевскій (1793—1893). (Отд. оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ опытной физики и элементарной математики“). Одесса. Тип. „Центральная“. 8 стр. 100 экз.

Брошюра, не представляющая чего-нибудь выдающагося и ограничива-
іяся краткимъ очеркомъ жизни и дѣятельности Лобачевскаго.

54. Борисовскій, П. Безкорыстіе и чистота христіанской нравственно-
„Вѣр. и Раз.“, отд. церк., № 23, стр. 695—711; № 24, стр. 767—788.
Христіанское вѣроученіе, правильно понятое, проповѣдію о будущемъ бла-
ствѣ отнюдь не узаконяетъ корыстныхъ мотивовъ нравственности, и по-
/ эта послѣдняя не теряетъ въ христіанствѣ своей чистоты и идеальнаго
ктера. Задача автора въ томъ, чтобы раскрыть подлинно-христіанскій
ядъ на соотношеніе между идеею будущаго блаженства и нравственно-
, и этимъ показать, въ какой степени несправедливы упреки, дѣлаемые
стіанству со стороны защитниковъ независимой морали.

55. Борисъ, архимандритъ. Въ чемъ искать счастья въ жизни? Изд. 2-е,
гопродавца Тузова. Спб. Тип. синодальная. 16 стр. 3,000 экз. 10 коп.
Истиннаго счастья нужно искать въ дѣятельности, направленной къ раз-
ю высшихъ духовныхъ интересовъ жизни, и въ области этихъ интересовъ
самого человѣка наиболѣе зависитъ достиженіе цѣлей нравственныхъ,
здѣляемыхъ началами добра и правды.—Брошюра написана вполнѣ доступ-
ъ языкомъ.

56. Борисъ, архимандритъ. Къ учащимся. О значеніи и пользѣ обра-
нія. Бесѣда. Изд. 2-е, книгопродавца Тузова. Спб. Тип. синодальная.
стр. 3,000 экз. 10 коп.
Бесѣда со студентами духовной академіи на основаніи отцевъ церкви.

57. Борисъ, архимандритъ. О невозможности чисто физіологическаго
ясненія душевной жизни человѣка. Апологетическое изслѣдованіе. Спб.
4. Изданіе 2-е, книгопродавца Тузова. Тип. Св. Синода. 32 стр. 3.000 экз.
Краткій историческій очеркъ попытокъ исключительно физіологическаго
ясненія психическихъ явленій показываетъ, что эти попытки всегда вы-
ли изъ лагеря матеріалистовъ, всегда носили тенденціозный характеръ и,
довательно, не могутъ имѣть притязанія на научное значеніе. Физіологія,
ъ эмпирическая наука, и тенденціозное объясненіе душевныхъ явленій изъ
ихъ только физіологическихъ основаній не имѣютъ между собой ничего
щаго, потому что физіологія, какъ положительная наука, основываетъ свои
оды лишь на фактахъ, между тѣмъ какъ всѣ попытки физіологовъ свести
хическіе феномены на физическія основы вытекаютъ только изъ предвзя-
о мнѣнія о томъ, что кромѣ матеріи нѣтъ никакого другого бытія. Болѣе
пристрастные физіологи сознаются, что физіологическій анализъ вовсе не-
статоченъ для объясненія психическихъ явленій. Даже низшіе психическіе
кты вовсе необъяснимы изъ однихъ только физіологическихъ основаній.
ализъ ощущеній необходимо приводитъ къ признанію отличнаго отъ ма-
іи бытія.—Новое изданіе ничѣмъ не отличается отъ стараго (Харьковъ 1890).

68. Борисъ, архимандритъ. О сравнительной миѳологіи Макса Мюллера.
юженіе и критика новѣйшей лингвистической теоріи миѳовъ. Изд. 2-е, кни-
родавца Тузова. Спб. Тип. Св. Синода. 59 стр. 3,000.
За основныя начала, на которыхъ построена Максомъ Мюллеромъ вся его
ріи, приняты слишкомъ поспѣшные и преждевременные выводы, получен-

ные посредствомъ немногихъ индукцій, вслѣдствіе чего авторъ не успѣлъ замѣтить отрицательныхъ инстанцій, разрушающихъ его теорію. — Новое изданіе ничѣмъ не отличается отъ стараго.

69. Борисъ, архим. Очерки по исторіи просвѣщенія въ періодъ византійскій. Выпускъ первый. Кіевъ. Тип. Корчакъ-Новицкаго. 68 стр. Отдѣльный оттискъ изъ „Трудовъ кіев. дух. акад." за 1890 и 1891 гг.

Въ настоящемъ выпускѣ содержится обзоръ школьнаго дѣла въ Византіи до IX в., а также разсматривается состояніе византійской литературы до IX в.

70. (Борисъ, архим.) Критическія замѣтки на книгу ректора кіевской духовной семинаріи архимандрита Бориса „Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности. Періодъ 2-й". Казань. Тип. университ. 78 стр. 100 экз. Первоначально въ „Учен. зап. каз. унив."

Рецензентъ довольно сурово относится къ труду архим. Бориса. При компилятивномъ характерѣ его работа изобилуетъ разнаго рода ошибками. Ученость автора не внушаетъ къ себѣ довѣрія читателя.

71. Боткинъ, Я. А., д-ръ. Нравственное помѣшательство въ судебно-медицинскомъ отношеніи. Изъ лекцій, читанныхъ студентамъ Демидовскаго юридическаго лицея и студентамъ юридическаго и медицинскаго факультетовъ московскаго университета. Казань. Тип. университ. 71 стр. 900 экз. 30 коп.

Терминъ «нравственное помѣшательство» сбиваетъ съ толку даже спеціалистовъ и заставляетъ приписывать нравственному помѣшательству какъ нѣчто самостоятельное то, что принадлежитъ вообще дегенераціи, какъ его основанію. Вообще же съ точки зрѣнія клинической нравственное помѣшательство едва ли имѣетъ право на признаніе за нимъ самостоятельнаго существованія.

См. Алелековъ. Не совсѣмъ сочувственный отзывъ Б. И. Воротынскаго въ «Невр. Вѣст.» т. I, вып. 2, стр. 237с., въ «Рус. Мыс.» 9, 428с. и въ «Жур. гражд. и угол. прав.» № 7, 40. Сочувственно отзывается „Сѣв. Вѣс." 9, 75.

72. Боткинъ, Я. А., д-ръ. Особенности гражданской психіатрической экспертизы и значеніе свѣтлыхъ промежутковъ. Изданіе Дубровина. Казань. Тип. универс. 49 стр. 30 коп.

Брошюра касается спеціальнаго вопроса судебно-медицинской практики и стремится расширить границы правоспособности и вмѣняемости. Изложеніе отличается нѣкоторою неряшливостью.

Сочувственно отзывается „Сѣв. Вѣс." 9, 75с. Несочувственный отзывъ въ „Жур. гражд. и угол. права" № 7, 40. См. также Алелековъ.

73. Боткинъ, Я. А., д-ръ. Преступный аффектъ, какъ условіе невмѣняемости. (Анализъ преступленій Отелло и Позднышева). Вступительная лекція въ курсъ судебной психопатологіи. Изд. А. Карцева. М. Тип. Бончъ-Бруевича. 21 стр. 2,400 экз. 30 коп.

Преступный аффектъ составляетъ такое сильное психическое чувство, которое, прерывая обычное теченіе представленій, превращаетъ его въ непроизвольное теченіе однородныхъ представленій съ характеромъ насильственности,

армонирующимъ съ господствующимъ чувствомъ, вслѣдствіе чего уничтожается акъ свобода выбора, такъ и всякая произвольная умственная дѣятельность.

Сочувственный отзывъ въ „Рус. Мысли" 9, 428.

Бразье. См. Ивановскій.

74. Брандесъ, Георгъ. Ипполитъ Тэнъ. „Рус. Мысль" 5, 73—78.

Переводъ изъ датской газеты Politiken. О философскихъ взглядахъ Тэна ѣтъ почти ничего.

75. Брандтъ, А. Направленія въ измѣнчивости вида. „Вѣс. Евр." 9, 13—242.

Интересная популярная бесѣда, читанная въ Харьковѣ, въ частномъ униерситетскомъ кружкѣ.

На статьѣ останавливаютъ вниманіе „Книжки Нед." 10, 213—218 (Изъ усскихъ изданій: Будущее человѣчества и кончина міра). Надъ статьей г. рандта иронизируетъ Л. Тихомировъ: Пѣтухоперость, мужеженство и удущность человѣчества. „Рус. Об." 10, 941—945 (Изъ газетъ и журнаовъ). Не менѣе издѣвается надъ ней и Престарѣлый библіографъ: орестныя размышленія по поводу зловѣщихъ предсказаній проф. Брандта. Южн. Край" № 4,374 (28-го сентября).

76. (Брентано). Споръ по поводу философіи. (Изъ иностранныхъ изаній). „Книжки Нед." 8, 264сс.

По поводу полемики между Экснеромъ и Брентано.

77. (Брентано). Das Genie. Leipzig 1892.

Замѣтка въ „Мірѣ Бож." 1, 244 изъ D. Rundschau. См. также довольно очувственный отзывъ П. Соколова въ „Вопр. филос." отд. II, кн. 16, тр. 89.

Брентано. См. Святскій.

Броннеръ. См. А. Васильевъ.

Броунъ-Секаръ. См. Фогтъ.

Бруно, Дж. См. Любимовъ.

78. Брюнетьеръ, Фердинандъ. Источники пессимизма. Переводъ І. Оровскаго (Международная библіотека, № 1). Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса. Тип. Исаковича. 32 стр. 2,000 экз. 15 коп.

Пессимизмъ зависитъ отъ столь глубокихъ и столь тѣсно связанныхъ съ амой организаціей человѣка причинъ, что отъ него можно избавиться лишь мѣстѣ съ существованіемъ. Вліяніе этихъ причинъ должно тяготѣть еще ильнѣе надъ грядущими поколѣніями. Если это болѣзнь, то она лежитъ въ рови человѣка. Оптимистомъ можно быть только при условіи отказа отъ ой способности мыслить, которая составляетъ всю гордость и единственное остоинство смертной природы человѣка.

По мнѣнію Д. М., „Южн. Край" № 4,368 (22 сентября), книга Брюнетьера е что иное, какъ красивый мыльный пузырь. Это неудачный плодъ издателькой дѣятельности гг. Бейленсона и Юровскаго. Совершенно другого рода тзывъ въ „Сборникѣ Нивы" 11, 718.

79. Бугаевъ, Н. В. Основы эволюціонной монадологіи. Изъ журнала „Вопросы философіи и психологіи". М. Тип. Кушнерева. 19 стр. 300 экз. Первоначально въ „Вопр. филос.", кн. 17, отд. II, стр. 26—44, подъ заглавіемъ: Основныя начала эволюціонной монадологіи.

Рефератъ въ психологическомъ обществѣ. Пренія изложены въ той же книжкѣ „Вопросовъ", отд. II, стр. 105—109. Вся статья состоитъ изъ 189 положеній, часто не подтверждаемыхъ никакими доводами. Странно также, что изъ этихъ тезисовъ совершенно не видно, какое отношеніе монадологія г. Бугаева имѣетъ къ эволюціи.—См. Соболевъ.

Булла. См. Келлогъ.

80. Бузескулъ, В. Вопросъ о новооткрытой Ἀθηναίων πολιτεία. „Жур. мин. нар. просв." 1892, 7, 142—189; 1893, 5, 134—212; 10, 450—488. Отдѣльно Спб. Тип. Балашева. 166 стр. 50 экз.

Обзоръ громадной литературы, вызванной къ жизни новооткрытымъ памятникомъ.

81. Бузескулъ, В. Новое изданіе трактата Аристотеля объ аѳинской политіи. (Ἀριστοτέλους Ἀθηναίων πολιτεία. By J. E. Sandys. London). „Зап. харьк. унив." кн. 2, стр. 13—19.

По мнѣнію рецензента, изданіе Сандиса—настольная книга для всѣхъ занимающихся трактатомъ Аристотеля.

82. Булгаковъ, Ѳ. Изъ иностранной литературы. О гр. Л. Н. Толстомъ. „Нов. Вр." № 6,290 (2-го сентября).

По поводу сочиненій: Tolstoi et la philosophie de l'amour Ж. Дюма и Le Tolstoisme Феликса Шредера.

83. Б(улгаковъ), Ѳ. Изъ общественной и литературной хроники Запада. „Вѣст. иностр. лит." 5, 197—216.

По поводу Герике, Макса Штирнера, Ницше.

84. Б(улгаковъ), Ѳ. Изъ общественной и литературной хроники Запада. „Вѣст. иностр. лит." 4, 255—268.

О Тэнѣ и медіумическихъ опытахъ съ Евзапіей Паладино.

85. Булгаковъ, Ѳ. О прогрессѣ. „Нов. Вр." № 6,151 (15-го апрѣля).

По поводу сочиненій Гаусгофера („Идея прогресса въ государственной жизни") и Портерса („Прогрессъ народа").

86. Булгаковъ, Ѳ. Тщеславіе писателей и Вальтеръ-Скоттъ. „Нов. Вр." № 6,402 (23-го декабря).

Въ статьѣ приводятся факты, свидѣтельствующіе также о тщеславіи Шопенгауера.

87. Булгаковъ, Ѳ. Философскій романъ критика. „Нов. Вр." № 6,192 (27-го мая).

Рѣчь идетъ о романѣ Жюля Леметра „Les Rois". Здѣсь, по мнѣнію автора, слышится душа писателя, проникшагося ученіями Ренана и Льва Толстого.

88. Бургеръ, А. И., д-ръ. Мясная пища съ точки зрѣнія вегетаріанца. Спб. 1892. Тип. Муллеръ и Богельманъ. VIII+240 стр. 1 р.

Авторъ съ медицинской и научной точки зрѣнія пытается доказать необходимость и возможность вегетаріанства.

Н. Ч.: Вегетаріанскія увлеченія. „Юж. Край" № 4131 (12 января), называетъ взгляды автора нелѣпыми. Сочувственно отзывается „Сбор. Нивы" 5, 224.

89. (Бурдонъ, Б.) Рефератъ объ его книгѣ: L'expression des émotions et des tendances dans le langage. Paris 1892. „Пед. Сбор." 3, 347—350.

По мнѣнію референта, трудъ Бурдона представляетъ много любопытнаго для того, кто интересуется обученіемъ дѣтей выразительному чтенію.

90. Буренинъ, В. Разговоры безъ костюмовъ. Выдержки изъ записокъ неизвѣстнаго. III. Разговоръ о смерти философа Гриба и баньщика Ермолая. IV. Разговоръ по тому же поводу магистра столоверченія Медіума Спиритовича Транса. V. Продолженіе разговора Транса и Гриба о разныхъ чудесахъ спиритизма. „Нов. Вр." № 6,186 и 6,193 (21-го и 28-го мая).

Не лишенная остроумія сатира на спиритовъ и тѣхъ философовъ, которые проповѣдуютъ безсмертіе и въ то же время блѣднѣютъ при одной мысли о смерти.

Буренинъ, В. См. Боборыкинъ, Волынскій, Нордау, Уильямсъ.

Бурже. См. Оболенскій.

Буткевичъ, Т., свящ. См. Муретовъ.

Бутру. См. Алексѣй Введенскій.

Бутсъ. См. Исаевъ.

Бьёрнстерне-Бьёрнсонъ. См. Гнѣдичъ.

Бѣлинскій, В. См. Волынскій.

Бѣлкинъ, А. С. См. Лопатинъ.

91. Бѣляевъ, А. Д. Истинное христіанство и гуманизмъ. (По поводу воззрѣній на христіанство гр. Л. Н. Толстого и Вл. С. Соловьева). Сергіевъ Посадъ. Тип. Снегиревой. Оттискъ. 113 стр. 60 коп. Первоначально въ „Богосл. Вѣст." 1892, 6, 439—459; 7, 39—57; 9, 361—380; 10, 1—22; 1893, 3, 397—430.

Ближайшимъ поводомъ къ статьямъ послужилъ рефератъ Вл. С. Соловьева: „О причинахъ упадка средневѣкового міросозерцанія" (этотъ рефератъ до сихъ поръ остается не опубликованнымъ въ печати), читанный 19 октября 1891 въ М. Психологическомъ обществѣ. Отрицательный взглядъ на достоинство церкви, по мнѣнію автора, заимствованъ г. Соловьевымъ отъ Л. Н. Толстого. Сходясь съ гр. Толстымъ въ мнѣніи объ упадкѣ жизни и ученія церкви, о превращеніи христіанства въ лжехристіанство, въ полуязычество, г. Соловьевъ расходится съ нимъ и въ высокомъ мнѣніи о нравственныхъ принципахъ и жизни невѣрующихъ гуманистовъ, а съ другой стороны, въ мнѣніи о недостаткѣ вліянія церкви на общество. Поэтому г. Бѣляевъ, оставляя въ покоѣ Вл. Соловьева, обрушивается на яснополянскаго философа. Его надежды на то, что всѣ люди теперь же примутъ и станутъ исполнять евангельскія заповѣди,—наивность; его совѣты облегчить людямъ усвоеніе евангельскаго нравоученія чрезъ устраненіе евангельскаго вѣроученія или чрезъ признаніе его необязательности свидѣтельствуютъ объ односторонности его религіозно - нравственнаго міросо-

зерцанія, о непониманіи и коренномъ извращеніи ученія Христа; наконецъ, его мечты о скоромъ наступленіи золотого вѣка, помимо своей несбыточности, противорѣчатъ его пессимистическому взгляду на людей, на жизнь и на само христіанство и церковь, не согласуются съ его міросозерцаніемъ, мрачнымъ несвободнымъ отъ разочарованія въ жизни.

Ю. Николаевъ. „Богословскій Вѣстникъ" о рефератѣ г. Вл. Соловьева. „Моск. Вѣд." 1892, № 180. Краткій отзывъ въ „Книж. Вѣс." 6, 219.

92. Бѣляевъ, А. Д. Отступленіе отъ вѣры въ Бога въ послѣднія времена. „Бог. Вѣст." 6, 396—428.

Статья чисто богословскаго содержанія.

93. Бѣляевъ, А. Д. Склоненіе современнаго безбожія къ упадку. „Бог. Вѣст." 2, 246—283.

Упадокъ современнаго безбожія коренится въ измѣнчивости и недолговѣчности формъ жизни и направленій мысли, а также въ борьбѣ противоположностей. Изъ частныхъ причинъ недолговѣчности безбожія приводятся: его уродливость и разрушительный характеръ, отсутствіе положительныхъ философскихъ и научныхъ основъ, неискоренимая потребность религіи. Безбожіе овладѣвало духомъ времени и становилось повальною болѣзнію очень рѣдко. Теперь реакція противъ безбожія растетъ все сильнѣе и сильнѣе. Признаками этой реакціи служатъ: усиленіе мрачнаго взгляда на жизнь, охлажденіе къ опытнымъ наукамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастающее уваженіе къ умозрѣнію, къ философіи, обмелѣніе философскихъ и научныхъ теченій мысли, бывшихъ источниками безбожія, все возрастающій интересъ къ религіозно-нравственнымъ вопросамъ. Безбожіе, по мнѣнію автора, можно назвать религіознымъ умопомѣшательствомъ.—Нельзя не сознаться, что это болѣзнь, о которой психіатрія еще ничего не знаетъ. Напрасно также авторъ въ своемъ благочестивомъ рвеніи поторопился похоронить безбожника Спенсера, здравствующаго и по сей день.

Въ восторгѣ отъ статьи Неизвѣстный: Изъ вседневной жизни. Религіозная реакція нашихъ дней. „Гражд." № 56.

94. Бѣляевъ, Вл. О первичномъ зарожденіи. Рѣчь. „Варш. унив. изв." VI, стр. 1—27.

Въ популярной формѣ излагаются гипотезы, существующія въ настоящее время по вопросу о первичномъ зарожденіи. Самъ авторъ, повидимому, не рѣшается склониться на сторону какого бы то ни было взгляда.

95. Бюхнеръ, Л. Женскій мозгъ. „Нов. Вр." приложеніе къ № 6299 и 6306 (11 и 18-го сентября).

Отличія въ мозгѣ женщинъ зависятъ отчасти отъ тѣхъ условій, въ которыя онѣ поставлены природой, отчасти же отъ соціальныхъ условій. Вообще же женщина можетъ достигнуть въ своемъ развитіи не меньшаго совершенства, какъ и мужчина. Статья помѣщена въ New Review. Съ этой же статьей знакомитъ замѣтка: Бюхнеръ о женскомъ вопросѣ. „Книж. Нед." 9, 256—258. См. также В. Швецовъ.

96. (Бюэ). Новая физіогномика. „Нов. Вр." прилож. къ № 6355 (6-го ноября).

Курьезныя наблюденія Бюэ надъ манерой носить шляпу.

97. **В** а г н е р ъ, Вл. Вопросы зоопсихологіи. „Сѣв. Вѣст.“ 2, 40—61.

Никакъ нельзя судить о психической жизни животныхъ по аналогіи съ человѣкомъ. Чисто субъективный методъ ведетъ къ ошибкамъ, и имъ объясняются многіе промахи изслѣдователей, занимавшихся психическою жизнью животныхъ. Статья отличается трезвостью и самостоятельностью взглядовъ.

По мнѣнію Н. Ч.: Объ интеллектѣ животныхъ. „Южн. Край“ № 4168 (20-го февраля), это—умная и съ знаніемъ дѣла написанная статья.

98. В а г н е р ъ, В. Методы естествознанія въ наукѣ и школѣ. М. Тип. универс. 50 стр. 60 экз.

Исторія методовъ естествознанія показываетъ, что первымъ орудіемъ мысли является аналогія въ ея простѣйшемъ элементарномъ видѣ; затѣмъ выступаетъ индукція и почти одновременно съ нею дедукція. Эти три историческихъ момента мысли соотвѣтствуютъ тремъ періодамъ въ міросозерцаніи человѣчества—теологическому, метафизическому и положительному. Авторъ не касается вопроса, можно ли за педагогикой признавать право на рѣшающее мнѣніе въ пользу того или другого метода преподаванія,—онъ хочетъ только констатировать фактъ, что методика естественныхъ наукъ далеко еще не воспользовалась тѣмъ, что наукой уже добыто.

Сочувственная замѣтка П. въ «Рус. Вѣд.» № 162.

99. В а г н е р ъ, В. Психологическая природа инстинкта по новымъ даннымъ экспериментальной физіологіи. „Вопр. фил. и псих.“ кн. 20, отд. I, стр. 30—67 (еще не окончена).

Все, что есть положительнаго въ области зоопсихологіи, получено не субъективнымъ методомъ, а объективнымъ. Въ рѣшеніи вопроса о психологической природѣ инстинкта сторонники субъективнаго метода пытаются найти точку опоры для примиренія царящаго въ зоологіи разногласія. Въ то же время по отношенію именно къ этому вопросу имѣются данныя, полученныя иными методами изслѣдованія, которыя дѣлаютъ надежды на успѣхъ такой попытки очень сомнительными и устанавливаютъ совершенно иной взглядъ на психическую природу инстинктовъ, чѣмъ это было бы желательно сторонникамъ компромисса.

Разобравъ взгляды Роменса на инстинктъ, авторъ приходитъ къ убѣжденію, что инстинктамъ нельзя приписывать сознательности. Статья содержитъ много матеріала, почерпнутаго изъ собственныхъ наблюденій автора.

Статья встрѣтила полное сочувствіе со стороны Н. Ч.: Объ одномъ изъ основныхъ вопросовъ біологіи и психологіи. „Южн. Край“ № 4451 (15-го декабря).

100. В а г н е р ъ, Н. О медіумизмѣ. (Письмо въ редакцію). „Нов. Вр.“ № 6145 (9-го апрѣля). Перепечатано въ «Реб.» № 17, стр. 174с.; № 18, стр. 185с.

По поводу полемики гг. Эльпе и Аксакова (см. Эльпе). Заявляя, что у него готово сочиненіе, въ которомъ изложены результаты его долголѣтнихъ занятій спиритизмомъ, г. Вагнеръ указываетъ, что главное въ медіумическихъ явленіяхъ—сообщенія изъ другого міра, которыя говорятъ о запо-

вѣди любить другъ друга. Впрочемъ, въ нихъ надо различать двѣ стороны: темную или нечистую и свѣтозарную или благую.

По мнѣнію Православнаго: Къ вопросу о спиритизмѣ. (Письмо въ редакцію). „Рус. Об." 5, 440—454, такъ дѣтски-наивны понятія о духовномъ мірѣ по ученію христіанства у этого „профессора", что совѣстно признать его настоящимъ христіаниномъ. Вѣрующіе должны протестовать противъ оскорбительнаго, богохульнаго соприкосновенія христіанства съ спиритизмомъ

101. Вагнеръ, Н. П. Сеансы съ медіумомъ Евзапіей Паладино. (Этюдъ скептицизма). «Реб.» № 47, стр. 449сс.; № 48, стр. 461сс.; № 49, стр. 473сс.; № 50, стр. 485сс.; № 51, стр. 497с.; №. 52, стр. 509сс.

Вагнеръ, Р. См. Чечоттъ.

Вальтеръ-Скоттъ. См. Булгаковъ.

102. (Варшауеръ). Warschauer, O., Prof. Geschichte des Socialismus und Communismus im XIX Jahrhundert. Zweite Abtheilung: Fourier, seine Theorie und Schule. Leipzig.

Сочувственная замѣтка „Рус. Мысль" 6, 281с.

103. Васильевъ, А. Броннеръ и Лобачевскій. Два эпизода изъ жизни первыхъ профессоровъ казанскаго университета. Казань. Тип. товар. Печенкина. 15 стр. 200 экз.

Авторъ склоненъ думать, что между рѣчью Лобачевскаго «о важнѣйшихъ предметахъ воспитанія» и дѣятельностію его учителя Броннера въ орденѣ иллюминатовъ есть нѣкоторая связь.

Васильевъ, А. См. Ивановскій.

104. Васильевъ, В. Парацельсъ. Съ портретомъ. „Нов. Вр.", приложеніе къ № 6397 (18-го декабря).

Краткій очеркъ по случаю 400-лѣтія со дня рожденія Парацельса, выясняющій значеніе его въ наукѣ.

Васильковъ, Н. См. Квикъ.

105. Ватсонъ, Э. К. А. Шопенгауеръ, его жизнь и философская дѣятельность. Біографическій очеркъ. Изд. 2-е. Спб. Тип. товар. „Обществ. польза" и В. Штейна. 72+VII стр. 8,100 экз. 25 к. (Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова).

Новое изданіе ничѣмъ не отличается отъ стараго.

Ватсонъ, Э. К. См. Трачевскій.

106. В. В. Наши направленія. Спб. Тип. М. Стасюлевича. VI+215 стр. 1,200 экз. 1 р. 50 коп.

Эта книга представляетъ переработку статей, печатавшихся въ 1892 г. въ „Рус. Бог.", и, по словамъ автора, является какъ бы продолженіемъ книги „Судьбы капитализма въ Россіи". Основная мысль какъ тутъ, такъ и тамъ заключается въ томъ, что, въ противоположность передовымъ странамъ западной Европы, въ Россіи буржуазія обречена на второстепенную роль, фабрично-заводскій пролетаріатъ не имѣетъ шансовъ на болѣе или менѣе значительное развитіе, и потому главнѣйшей возможной соціальной основой нашего буду-

шаго, какъ это было и въ прошедшемъ, является крестьянство. Авторъ не имѣетъ въ виду дать полное обоснованіе народничества. Сближаясь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ другими теченіями, народничество однако имѣетъ свои особенности, заставляющія видѣть въ немъ новый шагъ въ нашемъ развитіи. Трудъ г. В. В. не лишенъ значенія въ исторіи русской общественной мысли.

Книгѣ и статьямъ о ней Михайловскаго, Гольцева, Протопопова, Слонимскаго посвящаетъ А. Ф. свои: Публицистическія замѣтки. (Ростъ общественнаго сознанія)." Рус. Жиз." № 311. Сочувственный отзывъ въ „Сбор. Нивы" 10,470с.

В. В. См. В—нъ, Михайловскій.

107. Введенскій, Александръ. О видахъ вѣры въ ея отношеніяхъ къ знанію. „Вопр. филос. и психол." кн. 20, отд. I, стр. 158—202 (окончаніе обѣщано).

Въ своей статьѣ „Вѣра и знаніе" г. Каленовъ указываетъ подъ тремя названіями въ сущности двѣ формы вѣры—наивную и слѣпую. Каждая изъ нихъ въ большинствѣ случаевъ нежелательна и даже опасна. Г. Каленовъ не могъ указать иной формы вѣры, такъ какъ онъ—раціоналистъ, т.-е. сводитъ всѣ формы бытія исключительно къ логическимъ законамъ мышленія. Но отожествленіе понятія causa и ratio есть не что иное, какъ произвольно принятый и завѣдомо ошибочный догматъ. Уже Юмъ доказалъ, что причина и дѣйствіе есть не логическая связь основанія съ слѣдствіемъ, а какая-то другая, раціонализированію не поддающаяся. Это положеніе г. Введенскій называетъ закономъ Юма и формулируетъ его такъ: Связь причины съ дѣйствіемъ имѣетъ синтетическій характеръ и познается нами не иначе, какъ при помощи прежняго или новаго опыта. Благодаря этому закону, является возможность новаго вида вѣры, а именно вѣры, разсмотрѣнной и допущенной критическимъ разсудкомъ. Послѣ критическаго разсмотрѣнія этой вѣры разсудокъ уже не протестуетъ противъ нея, потому что, считая ее недоказуемой, онъ въ то же время признаетъ ее неопровержимой, т.-е. не противорѣчащей ни логикѣ, ни фактамъ. Подвергнувъ тщательному изученію условія возможности и предѣлы достовѣрнаго познанія, Кантъ открылъ для вѣры еще болѣе широкую область, нежели Юмъ. Кантъ открылъ, что послѣ того какъ пробудилась критическая дѣятельность разсудка, уже самая вѣра въ знаніе обязываетъ насъ признавать, что есть область, не доступная достовѣрному знанію и предоставляемая такой вѣрѣ, положенія которой не могутъ встрѣтить никакихъ протестовъ со стороны разсудка. Къ числу возможныхъ догматовъ подобной вѣры принадлежитъ любое положеніе относительно вещей въ себѣ, каково бы ни было его содержаніе, — утвердительное или отрицательное.

108. Введенскій, А(лександръ Ив.). О предѣлахъ и признакахъ одушевленія. Новый психофизіологическій законъ въ связи съ вопросомъ о возможности метафизики. Спб. 1892. Тип. Балашева. 119 стр. Первоначально въ „Жур. мин. нар. просв." 1892, 5—7.

Оригинальная попытка критически расчистить путь для метафизики. Въ своемъ изслѣдованіи авторъ имѣетъ въ виду задачи теоріи познанія и приходитъ къ тремъ главнымъ положеніямъ: 1) дѣятельность нашего познанія и нашъ опытъ устроены такъ, что позволяютъ всѣмъ и каждому безъ всякаго

нарушенія логики и безъ всякаго противорѣчія съ фактами отрицать существованіе душевной жизни всюду, кромѣ самого себя; другими словами, нѣтъ завѣдомо эмпирическихъ, объективныхъ признаковъ существованія одушевленія, такъ что признаніе чужого одушевленія есть трансцендентно-метафизическое положеніе. 2) Если нельзя доказать строго эмпирически это положеніе, то единственнымъ средствомъ для его оправданія служатъ постулаты нравственнаго чувства. 3) То обстоятельство, что существованіе чужого одушевленія можетъ быть доказано только такимъ путемъ, а въ то же время никто въ немъ никогда не сомнѣвался, доказываетъ, сколь прочны могутъ быть метафизическія положенія, обоснованныя посредствомъ кантовскаго метода нравственныхъ постулатовъ. Поэтому проф. Введенскій рекомендуетъ этотъ методъ для построенія трансцендентной метафизики, какъ единственно возможный.

Положенія, выставленныя г. Введенскимъ для защиты въ психологическомъ обществѣ, напечатаны въ „Вопр. фил.", кн. 16, отд. II, стр. 115 с. Тамъ же помѣщены положенія Н. Я. Грота, направленныя противъ г. Введенскаго.

По мнѣнію рецензента „Рус. Мысли" (2, 65 с.), неутѣшительныя перспективы для будущаго метафизики раскрываетъ г. Введенскій въ своемъ изслѣдованіи, въ которомъ онъ обнаруживаетъ большую силу мышленія и тонкость анализа, но онѣ потрачены на безплодное дѣло.

Не сочувствуетъ автору и Э. Радловъ: Неудачный метафизикъ. „Вѣст. Евр." 2, 898—912 (это заглавіе, впрочемъ, дано статьѣ безъ вѣдома самого ея автора). Онъ ставитъ г. Введенскому на видъ своеобразное пониманіе имъ термина „законъ", стремленіе его возобновить средневѣковое ученіе о двоякой истинѣ и пр.

Гораздо рѣшительнѣе тонъ М. Филиппова: Въ дебряхъ метафизики. „Рус. Бог." 5, 1—16. По его мнѣнію, г. Введенскій отрицаетъ самыя безспорныя пріобрѣтенія науки. Оставляя почву науки и разума, пускаясь въ безбрежное море метафизики, заливающее насъ волнами сверхопытныхъ чувствъ, можно безъ труда доказать любое самое нелѣпое положеніе. Для читателя остается не совсѣмъ яснымъ, что же г. Филипповъ понимаетъ подъ метафизикой. См. также другую его статью о г. Введенскомъ подъ словомъ Филипповъ.

Много возраженій, иногда, впрочемъ, основанныхъ на недоразумѣніи, дѣлаетъ кн. С. Н. Трубецкой: Къ вопросу о признакахъ сознанія. „Вопр. фил." кн. 16, отд. II, стр. 97—109. „Если авторъ и не могъ вполнѣ избѣжать нѣкоторыхъ непослѣдовательностей въ систематическомъ развитіи своей парадоксальной темы, то приходится лишь сожалѣть, что онъ взялъ на себя столь неблагодарную задачу".

По мнѣнію покойнаго П. Е. Астафьева, посвятившаго книгѣ г. Введенскаго статью: Послѣднія тѣни прошлаго („Вопр. филос. и псих.", кн. 19, отд. II, стр. 20—34), за одностороннимъ, но послѣдовательнымъ и законченнымъ, хотя бы и ошибочнымъ рѣшеніемъ основныхъ вопросовъ міровоззрѣнія заслуга передъ человѣчествомъ должна быть гораздо больше, чѣмъ за всякими примирительными и эклектическими полурѣшеніями ихъ. Основная мысль критицизма, послѣдовательно доведенная проф. Введенскимъ до конца

лишается послѣднихъ призрачныхъ основъ своихъ, долго казавшихся столь солидными. Основныя посылки г. Введенскаго совершенно неопровержимы, но выводъ свой изъ нихъ онъ дѣлаетъ лишь при помощи допущенія скрытыхъ предположеній, не только не доказанныхъ, но и прямо невѣрныхъ. Совершенно тщетна надежда сохранить за метафизикою жизненное значеніе, признавъ ее системою однихъ только нравственныхъ постулатовъ.

Своимъ противникамъ г. Введенскій отвѣчалъ статьей: Вторичный вызовъ на споръ о законѣ одушевленія и отвѣтъ противникамъ. „Вопр. фил. и псих.“, кн. 18, отд. II, стр. 120—149. Здѣсь онъ указываетъ, что никто изъ нихъ не замѣтилъ сдѣланнаго имъ вызова построить чуждое всякой трансцендентной метафизики доказательство существованія объективныхъ признаковъ одушевленія. Въ виду значенія, въ глазахъ автора, закона одушевленія, онъ обращаетъ особенное вниманіе на тѣ замѣчанія, которыя были высказаны по поводу этого закона. Особенно рѣшительны возраженія, сдѣланныя кн. С. Трубецкому.

„Вызовъ“ г. Введенскаго нашелъ откликъ у Л. М. Лопатина: Новый психофизіологическій законъ г. Введенскаго („Вопр. филос. и псих.“, кн. 19, отд. II, стр. 60—81), и Э. Л. Радлова: Отвѣтъ проф. А. И. Введенскому (тамъ же, стр. 105—110). Статья г. Лопатина представляетъ въ значительно расширенномъ видѣ рефератъ, читанный въ Психологическомъ обществѣ. По его мнѣнію, изъ подробныхъ и длинныхъ доказательствъ г. Введенскаго читатель выноситъ какое-то странное и неловкое впечатлѣніе. Авторъ при ихъ построеніи впалъ въ одну изъ двухъ логическихъ ошибокъ, а можетъ-быть и въ обѣ вмѣстѣ, такъ какъ онъ, повидимому, не всегда даетъ себѣ полный отчетъ въ пріемахъ своей аргументаціи. Эти ошибки: a posse ad esse non valet consequentia и circulus in demonstrando. Признаки чужого одушевленія существуютъ объективно, но ихъ слѣдуетъ искать не тамъ, гдѣ ихъ не нашелъ г. Введенскій,—не въ отдѣльныхъ явленіяхъ нашей тѣлесной жизни, врозь взятыхъ, и не въ ихъ физическомъ составѣ, а въ ихъ порядкѣ, связи, послѣдовательности и смыслѣ. О телеологическомъ доказательствѣ чужого одушевленія г. Введенскій не упоминаетъ вовсе, хотя оно сильнѣе всѣхъ другихъ.

Г. Радловъ устраняетъ нѣкоторыя недоразумѣнія, вызванныя споромъ. По его мнѣнію, система трансцендентной метафизики, которую сулитъ намъ г. Введенскій, пожалуй будетъ въ духѣ Канта, но только въ духѣ Канта-догматика.

Введенскій, Александръ. См. Астафьевъ.

109. Введенскій, А(лексѣй Ив.). Западная дѣйствительность и русскіе идеалы. (Письма изъ-за границы). „Бог. Вѣс.“ 1892, 2, 403—414; 3, 545—564; 4, 89—113; 7, 77—106; 9, 411—444; 1893, 5, 331—363; 12, 521—555. Отдѣльно съ приложеніемъ характеристики: „Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ“. Сергіевъ Посадъ 1894. Тип. Снегиревой. 208 стр. 1 р.

Авторъ разсматриваетъ жизнь современнаго Запада со стороны внѣшнихъ, соціально-экономическихъ условій, со стороны умственной и со стороны идеальныхъ, главнымъ образомъ, этико-религіозныхъ началъ. На Западѣ всосался въ плоть и кровь взглядъ на человѣка, какъ на рабочую силу, какъ на эквивалентъ капитала. Ничего подобнаго нѣтъ въ русскомъ народѣ. Въ виду этого

пересадка „выводовъ реальной науки" на русскую почву есть не только признакъ легкомыслія, равнодушія къ истинному народному благу, но и положительное преступленіе. Въ умственной жизни современнаго Запада можно различать два основныхъ теченія: съ одной стороны, мысль какъ бы забыла свои руководящія идеальныя, жизненно-практическія стремленія и, оторвавшись отъ жизни, застыла въ отвлеченныхъ схемахъ, съ другой—она замкнулась въ сферѣ своихъ идей, заповѣданныхъ традиціею, и стала просто игнорировать требованія фактовъ. Такой расколъ и разладъ мысли и жизни не можетъ быть признанъ нормальнымъ, и русское мышленіе, столь чуткое къ запросамъ реальной правды, столь глубоко проникнутое требованіями отъ истины прежде всего жизненности, никакъ не можетъ примириться съ этими односторонними теченіями западной мысли. Что касается религіозной жизни Запада, то непрестанно напоминая и твердя о своемъ соотвѣтствіи глубокимъ потребностямъ духовной человѣческой природы, задачамъ истинной культуры и идеаламъ свободы и просвѣщенія, западныя исповѣданія въ сущности въ корнѣ убиваютъ эту свободу. Въ охраненіи истинной вѣры и нравственности заключается высокая миссія Россіи.

Въ послѣднемъ письмѣ г. Введенскій полемизируетъ съ критиками славянофильства. Въ современной западничествующей интеллигенціи онъ находитъ три стадіи отпаденія отъ славянофильскаго идеала: 1) апоѳеозъ человѣчности (П. Г. Виноградовъ); 2) фетишизація реальной науки (П. Н. Милюковъ); 3) ультрамонтанскія утопіи (Вл. Соловьевъ).

О письмѣ, помѣщенномъ въ майской книгѣ, сочувственно отзывается М. Южный: Литературно-критическій фельетонъ. Западная дѣйствительность. „Гражд." № 144.

Письма г. Введенскаго пришлись по вкусу Ю. Николаеву, посвятившему отдѣльному изданію ихъ свои „Литературныя замѣтки" (Двѣ идеи. „Моск. Вѣд." № 353). Идея западная достигла уже кульминаціоннаго пункта своего развитія; наша же идея только еще освобождается изъ-подъ спуда. Свѣтильникъ православія еще не поставленъ даже на возвышенное мѣсто.

110. Введенскій, Алексѣй. О задачахъ современной философіи, въ связи съ вопросомъ о возможности и направленіи философіи самобытно-русской. (Pia desideria). „Вопр. филос. и псих." кн. 20, отд. I, стр. 125—157.

Подъ вліяніемъ условій жизни данной эпохи не рѣдко замѣчается скептическое отношеніе къ философіи. Періодъ такого скептическаго отношенія переживаетъ Западъ въ настоящее время. Доказательствомъ этому служитъ противоборство различныхъ философскихъ началъ, постепенное ограниченіе сферы философіи, постоянные пограничные споры ея съ сосѣдними областями мысли и крайняя шаткость опредѣленія самаго понятія философіи. Чтобы разсѣять царящую надъ современною мыслью мглу и выйти изъ хаоса противоборствующихъ теченій, современный мыслитель долженъ 1) строго допросить себя относительно своихъ подлинныхъ стремленій и желаній, 2) заручиться критическою осторожностью по отношенію къ моднымъ вѣяніямъ времени и 3) возможно больше пользоваться творческою силой разума, творчески строить универсальныя гипотезы, по указанію живущаго въ немъ идеала свободы. Русскій народный характеръ представляетъ благопріятную для развитія философіи

ючву, на которой философскій геній можетъ создать національную, т.-е. сотвѣтствующую глубочайшимъ духовнымъ интересамъ, стремленіямъ и чаяніямъ русскаго народа, систему. Мелиоризмъ (стремленіе къ улучшенію и преобравоанію жизни), трансцендентальный монизмъ, которому подчиненъ дуализмъ материи и духа, и соборность сознанія — вотъ три основныя тенденціи, которыя заложены въ глубинѣ русской души, и къ которымъ поэтому долженъ прислушиваться всякій мыслитель-философъ, если онъ хочетъ выдержать свой самобытно-русскій характеръ и содѣйствовать тому, чтобы и русская мысль внесла вое слово въ общеисторическій процессъ развитія философіи.

Признаки возможности нарожденія самобытной русской философіи находитъ несостоятельными Р. Сементковскій: О самобытной русской философіи. „Рус. Жиз." № 325. Онъ высказываетъ пожеланія, чтобы такая философія, о которой мечтаетъ проф. Введенскій, никогда не народилась.

111. Введенскій, А(лексѣй Ив.). О религіозной философіи Виктора Димитріевича Кудрявцева. (По поводу изданія его сочиненій Братствомъ Преподобнаго Сергія). „Вѣра и Раз." № 2, отд. филос., стр. 51—71; № 3, стр. 103—123.

По мнѣнію автора, религіозная философія у Кудрявцева служитъ предположеніемъ и скрытымъ основаніемъ философіи общей и потому требовала отъ него самой напряженной работы мысли. Здѣсь рельефнѣе всего выступаютъ особенности глубокаго и тонкаго мышленія философа. Такъ какъ другія монографіи вошли въ составъ разныхъ частей философіи Кудрявцева, то г. Введенскій въ своемъ изложеніи, намѣренно чуждающемся всякой критики, имѣетъ въ виду только изслѣдованія о доказательствахъ бытія Божія и о формахъ религіознаго сознанія. Строго теистическая философія религіи Кудрявцева можетъ составить цѣлую эпоху въ этой области философскаго знанія.

О статьѣ сочувственно отзываются „Моск. Церк. Вѣд." № 50, стр. 699.

112. Введенскій, Алексѣй. О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Съ приложеніемъ рѣчи о жизненно-практическихъ принципахъ философа. Сергіевъ Посадъ. Тип. Снегиревой. 82 стр. 60 коп.

Книга составляетъ конгломератъ изъ статей, помѣщенныхъ въ «Вопросахъ филос. и псих.», кн. 14 и 15, «Вѣрѣ и Разумѣ» (см. предыдущую статью) и «Богословскомъ Вѣстникѣ» (см. № 114). Сдѣланы только незначительныя измѣненія и спайки между отдѣльными частями. Кудрявцевъ не образовалъ школы въ техническомъ смыслѣ этого слова, но онъ сдѣлалъ нѣчто большее; не гнался за современностью, но лишь потому, что стоялъ выше ея; не стремился къ проведенію какихъ-либо новыхъ и своеобразныхъ философскихъ началъ, но потому, что ставилъ себѣ болѣе существенныя задачи, болѣе возвышенные идеалы. Кудрявцевъ нашелъ для своего положительнаго идеала опредѣленную форму мыслимости, заложилъ основаніе цѣльной системы въ духѣ христіанскаго идеализма. Это — система трансцендентальнаго монизма. Авторъ не рѣшается критиковать систему Кудрявцева, — по его мнѣнію, воззрѣнія этого философа надо прежде всего понять и выносить въ душѣ. Тогда самъ собою отпадетъ отъ нихъ и тотъ преходящій элементъ, который неизбѣженъ во всякихъ сужденіяхъ, по су-

ществу не исключающихъ своего дальнѣйшаго развитія. Философія Кудрявцева можетъ имѣть несомнѣнное значеніе въ двухъ отношеніяхъ: 1) она можетъ содѣйствовать высвобожденію нашей самостоятельной русской философской мысли изъ рабства началамъ и стихіямъ мысли западной; 2) она можетъ содѣйствовать закрытію той пропасти, которая издавна разъединяетъ два нашихъ міра—духовный и свѣтскій. Воззрѣнія Кудрявцева отличаются чертами, которыми характеризуются произведенія чисто русскихъ умовъ, а именно трезвымъ реализмомъ во взглядѣ на міръ и жизнь, не имѣющимъ, впрочемъ, ничего общаго съ обыденною житейскою прозою и потому хорошо уживающимся съ глубокимъ благоговѣніемъ предъ христіанскою тайною; строгою логичностью, никогда не переходящею однако въ резонерство и пустыя отвлеченныя тонкости; критическою осторожностью, по существу не сродною съ универсальнымъ скептицизмомъ.

113. Введенскій, А(лексѣй И.). Очеркъ современной французской философіи. Философія въ современной Франціи. (Лѣтній семестръ 189½ учебнаго года въ Сорбоннѣ и Collège de France). „Вѣр. и Раз.", отд. филос. № 10, 429—470; № 12, 531—567; № 14, 45—78; № 15, 99—111; № 17, 191—217; № 18, 237—257; № 19, 307—328; № 20, 329—350; № 22, 451—474; № 23, 475—489; № 24, 521—557.

Только опираясь на идеи французской философіи, русская мысль можетъ выбиться изъ рабства чуждымъ ей стихіямъ нѣмецкой мысли и достигнуть самостоятельности. Тогда какъ нѣмецкая философія выставила рядъ величественныхъ, глубокихъ, но взаимно исключающихъ другъ друга принциповъ, во французской—между ними болѣе или менѣе полная гармонія.

Послѣ очерка современной университетской философіи (Поль Жане, Оле-Ляпрюнъ, Бутру, Левекъ, Сеалль, Ренанъ, Лафитъ и министерскія программы) авторъ старается отыскать въ прошломъ иниціаторовъ и возбудителей французской мысли (Менъ де-Биранъ, Кузенъ), затѣмъ намѣчаетъ основные моменты въ развитіи французской философіи въ текущемъ столѣтіи и заканчиваетъ анализомъ современнаго философскаго сознанія. Въ современной французской философіи авторъ различаетъ четыре школы: позитивно-соціалистическую, критическую, мистико-теологическую и спиритуалистическую. Изъ числа представителей этихъ школъ авторъ довольно подробно останавливается на Тэнѣ, котораго относитъ къ критической школѣ, Ренувье и Ламенне. Статьи еще не окончены.

114. Введенскій, А(лексѣй Ив.). Памяти Виктора Дмитріевича Кудрявцева. „Бог. Вѣс." 2, 336—351. Вышло и отдѣльнымъ оттискомъ. Сергіевъ Посадъ. Тип. Снегиревой. 16 стр.

Рѣчь въ день годичнаго поминовенія Кудрявцева (3-го декабря 1892 г.), украшенная приличными случаю цвѣтами краснорѣчія. По мнѣнію автора, Кудрявцевъ являлся, съ одной стороны, живымъ воплощеніемъ отжившаго уже типа древняго философа, съ другой—онъ былъ строгимъ мыслителемъ-теоретикомъ.

115. Введенскій, А(лексѣй Ив.). Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ. (По поводу пятидесятилѣтія его епископскаго служенія: 1843—1893 гг.). „Бог. Вѣст." 6, 515—534. Вышло и отдѣльнымъ оттискомъ. Сергіев Посадъ. Тип. Снегиревой. 20 стр. См. также № 112.

Къ философіи не имѣетъ отношенія и упоминается здѣсь только потому, что принадлежитъ перу философа по профессіи.

116. Введенскій А(лексѣй Ив.). Петръ Евгеніевичъ Астафьевъ. Характеристика его философскихъ и публицистическихъ взглядовъ. „Богосл. Вѣс.“ 6, 554—571. Отдѣльно подъ заглавіемъ: П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Сергіевъ Посадъ. Тип. Снегиревой. 20 стр. 25 коп.

Изъ числа статей, посвященныхъ памяти П. Е. Астафьева, это едва ли не самая обстоятельная. Связь воззрѣній Астафьева съ идеями геніальныхъ предшественниковъ даетъ имъ, по мнѣнію автора, особенный вѣсъ, крѣпость и силу. Онъ выбралъ себѣ въ руководители философовъ, конгеніальныхъ русскому духу, и, переработавъ ихъ идеи съ точки зрѣнія своего православно-русскаго идеала, выработалъ изъ нихъ законченную систему.

117. Введенскій, А(лексѣй Ив.). Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. „Бог. Вѣст.“ 1892, 10, 23—45; 12, 332—369; 1893, 5, 283—318; 8, 230—261 (уже подъ заглавіемъ: Философія въ современной Германіи); 9, 351—389.

Дробленіе философскихъ школъ въ современной Германіи доходитъ до небывалыхъ размѣровъ, вслѣдствіе чего каждая изъ нихъ живетъ замкнутою жизнью. Съ другой стороны, отношенія германской философіи къ точному знанію чрезвычайно шатки. Услышать „послѣднее слово“ нѣмецкой философіи авторъ предпочелъ въ стѣнахъ нѣмецкихъ университетовъ и съ этою цѣлію провелъ зимній семестръ 1891—92 г. въ Берлинѣ. По его мнѣнію, изъ теперешняго дробленія со временемъ создастся въ Германіи философія волюнтаризма. Дѣлаются подробные обзоры курсовъ Паульсена (введеніе въ философію), Деринга (основныя направленія современной нѣмецкой философіи), Дильтея, Гижицкаго, Лассона и Рунце.

Введенскій, А(лексѣй Ив.). См. П. А. Преображенскій.

118. Введенскій, А(рсеній). Вселенная въ представленіяхъ человѣка. (Популярный очеркъ). „Сбор. Нивы“ 9, 146—186.

Авторъ слѣдитъ за видоизмѣненіями въ представленіяхъ о вселенной, начиная съ Востока и Греціи и оканчивая новѣйшимъ временемъ. Заключительныя слова статьи о нашей ничтожности и въ то же время о нашемъ духовномъ могуществѣ носятъ на себѣ признаки явнаго противорѣчія.

Введенскій, Арсеній Ив. См. Аверкіевъ.

Вейсманъ. См. Мензбиръ, Филипповъ.

119. Венгерова, Зин. Новая книга Макса Нордау. (Entartung, Berlin 1892). „Нов.“ № 190.

Нордау превращаетъ современное человѣчество въ одинъ обширный сумасшедшій домъ. Вообще авторъ статьи очень не сочувствуетъ взглядамъ Нордау.

Венгерова, З. См. Найтъ, Пелиссье.

120. Вержболовичъ, М. Обзоръ главнѣйшихъ направленій психологіи

текущаго столѣтія. „Вѣр. и Раз.", отд. филос., № 4, 183—206; № 5, 232—254; № 6, 255—279; № 8, 343—355.

Какъ ни скудна русская философская литература, но она уже имѣетъ нѣсколько обзоровъ психологическихъ направленій (Владиславлева, Троицкаго, Грота и др.). Поэтому отъ автора новаго обзора читатель въ правѣ ожидать чего-нибудь особеннаго. Эти ожиданія однако не оправдываются. Разсмотрѣвъ критически направленіе психологическаго реализма (Гербартъ и Бенеке), физіологическое (Вундтъ), идеально-реальное (Фихте младшій) и эмпирическое (Бенъ) направленіе, авторъ приходитъ къ довольно избитому заключенію, что, по глубинѣ изслѣдованія и количеству доселѣ добытыхъ результатовъ, нѣмецкую психологію можно поставить выше англійской. О новѣйшихъ трудахъ Джемса, Селли и др. нѣтъ ни слова.

121. Вертеловскій, А. Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству. Историческое изслѣдованіе. „Вѣра и Раз." отд. церк. 1886, № 3, стр. 177—196; № 5, стр. 308—337; № 11, стр. 711—752; № 13 стр. 39—54; № 14, стр. 55—77; № 16, стр. 205—224; 1887, № 10, стр. 769—791; № 12, стр. 865—880; № 14, стр. 69—86; № 23, стр. 635—658; 1888, № 3 стр. 216—236; № 7, стр. 495—508; № 8, стр. 537—554 (всѣ эти статьи вышли отдѣльнымъ изданіемъ, Харьковъ 1888, вып. I); 1889, № 12, стр. 841—861 № 17, стр. 294—314; № 21, стр. 537—554; № 23, стр. 649—675; 1890, № 6 стр. 315—339; № 8, стр. 437—468; 1891, № 1, стр. 23—49; 1893, № 1, стр 29—46; № 2, стр. 47—68; № 4, стр. 199—220; № 8, стр. 409—439; № 10 стр. 627—645 (статьи еще не окончены).

Средневѣковая мистика имѣетъ важное значеніе по своему близкому отношенію къ реформаціи, а также по своему вліянію на послѣдующія мистическія теченія. Разсмотрѣвъ въ обширномъ введеніи разнаго рода мистическія направленія, предшествовавшія среднимъ вѣкамъ, авторъ предполагаетъ подробно остановиться на церковной, спекулятивно-реформатской, религіозно-практической и сектантской мистикѣ среднихъ вѣковъ. До сихъ поръ онъ успѣлъ обозрѣть церковную и спекулятивно-реформатскую мистику.

122. Веселовскій, Алексѣй. Дидро. „Энцикл. Слов." Брокгауза и Ефрона, т. X, стр. 581—588.

123. (Веттерстрандъ). Wetterstrand, O. G., Dr. Гипнотизмъ и его примѣненіе въ практической медицинѣ. Переводъ съ нѣмецкаго С. П. Даля. Подъ ред. врача Н. В. Даля. Москва. Тип. товар. А. А. Левенсонъ. 2 нен.+161 стр. 1,200 экз. 1 руб.

Веттерстрандъ, сторонникъ нансійской школы, даетъ описаніе многочисленныхъ болѣзненныхъ состояній, при которыхъ онъ съ наибольшимъ успѣхомъ примѣнялъ гипнотизмъ. По его мнѣнію, лучше всего поддаются лѣченію внушеніемъ функціональныя нервныя разстройства, хотя и въ теченіи другихъ болѣзней могутъ появляться симптомы, болѣе или менѣе поддающіеся внушенію. Не такъ легко рѣшить вопросъ, въ какой степени прочно бываетъ лѣченіе гипнотическимъ внушеніемъ. За то гипнотизмъ въ рукахъ свѣдущаго врача не можетъ представить никакой опасности. Гипнотическое лѣченіе во многихъ случаяхъ имѣетъ громадное и неоцѣненное значеніе, иногда же является единственнымъ средствомъ, могущимъ достигнуть цѣли. Методъ это

# ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

# РУССКАГО ОБЩЕСТВА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГІИ

въ 1892—93 г.

ВТОРОЙ ГОДЪ СУЩЕСТВОВАНІЯ.

## Протоколъ четвертаго общаго собранія Русскаго Общества Экспериментальной Психологіи, 1 февраля 1892 года.

Присутствовали: Н. П. Вагнеръ, д-ра: Ф. Ф. Фишеръ, Е. О. Марцинкевичъ, Я. М. Миллеръ, В. Д. Лещинскій, В. В. Альбовъ, В. М. Буяльскій, В. В. Строгановъ, Н. І. Рачинскій, В. С. Груздевъ, А. Д. Степановъ и Н. Н. Полежаевъ.

Г. предсѣдатель заявилъ о командировкѣ секретаря Общества, А. В. Елисѣева, въ Оренбургскую губернію и предложилъ избрать въ члены Общества и въ секретари присутствовавшаго на этомъ засѣданіи д-ра В. С. Груздева,—что собраніе и сдѣлало единогласно.

Затѣмъ, г. предсѣдатель предложилъ выбрать въ члены Общества извѣстнаго психолога, помощника редактора журнала «Вопросы философіи и психологіи» Л. М. Лопатина. Собраніе избрало его единогласно.

Предсѣдателемъ была сообщена затѣмъ статья Ломброзо, въ которой знаменитый итальянскій психіатръ высказываетъ свой взглядъ на гипнотическія и медіумическія явленія. Статья, въ переводѣ, была прочтена вслухъ В. Д. Лещинскимъ. Взглядъ Ломброзо напоминаетъ теорію «безсознательной церебраціи», высказанную въ извѣстномъ сочиненіи Карпэнтера, а съ другой стороны, предположеніе, высказанное Гартманомъ и вполнѣ, документально опровѐргнутое почетнымъ членомъ Общества А. Н. Аксаковымъ въ его сочиненіи «Spiritismus et animismus».

По поводу прочтенной статьи Ломброзо, проф. Вагнеръ сдѣлалъ сообщеніе о психической индивидуальности и въ доказательство справедливости этого взгляда представилъ цѣлый рядъ фотографій, снятыхъ имъ, при его медіумическихъ опытахъ. Сообщеніе это не обсуждалось и не дебатировалось вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія профессора Вагнера, который обѣщалъ еще разъ впослѣдствіи вернуться къ этому предмету.

Затѣмъ, Н. П. Вагнеръ предложилъ избрать въ почетные члены Общества извѣстнаго русскаго психолога А. Н. Аксакова, сдѣлавшаго такъ много въ малоизвѣстной области психизма. Собраніе избрало его единогласно.

---

## Протоколъ годичнаго засѣданія Русскаго Общества экспериментальной психологіи, 4 апрѣля 1892 года.

Присутствовали: проф. Н. П. Вагнеръ, д-ра: Ф. Ф. Фишеръ, Е. О. Марцинкевичъ, В. Д. Лещинскій. А. Д. Степановъ, И. Я. Бибиковъ, В. Ф. Краевскій, П. Ѳ. Семеновъ, М. И. Поварнинъ, В. С. Груздевъ, Л. Г. Карчагинъ (гость), М. Ф. Милостановъ (гость) и ж.-врачъ Строганова.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго, четвертаго общаго собранія (1 февраля 1892 года).

Предсѣдатель, проф. Н. П. Вагнеръ, прочиталъ отчетъ о дѣятельности Общества въ 1891 году:

Милостивые государи!

Прошло болѣе года нашей общей дѣятельности и въ настоящемъ годичномъ засѣданіи прежде всего слѣдуетъ выяснить, что мы сдѣлали въ теченіе этого года. Но прежде чѣмъ я это сдѣлаю, я позволю себѣ указать на одну черту нашего Общества, которой, можетъ быть, вы до сихъ поръ не замѣчали. По моему мнѣнію, эта черта должна служить основнымъ принципомъ каждаго ученаго общества. Дѣйствительно, оно должно отличаться отъ одиночныхъ работъ отдѣльныхъ лицъ, ученыхъ, такъ сказать, коллективностью этой работы. Viribus unitis magis! и этого принципа не проводится, насколько я знаю, ни въ одномъ ученомъ обществѣ. Дѣло въ томъ, что въ этихъ обществахъ научныя работы подготовляются внѣ ихъ засѣданій, тогда какъ въ нашемъ Обществѣ каждое засѣданіе, такъ называемыхъ, спеціальныхъ коммиссій было посвящено какимъ-нибудь опытамъ или наблюденіямъ, и всѣ члены, участвовавшіе въ засѣданіи, вмѣстѣ съ тѣмъ участвовали и въ этихъ опытахъ. Въ другихъ ученыхъ обществахъ читаются и демонстрируются работы ихъ членовъ, и во время этого чтенія присутствующіе члены могутъ относиться къ чтенію совершенно индифферентно. Въ нашемъ Обществѣ этого быть не можетъ. Всѣ члены, присутствующіе въ засѣданіи,

заинтересованы тѣмъ, что происходитъ передъ ихъ глазами, т. е. въ демонстраціи, въ которой всѣ принимаютъ участіе. Вотъ причина, по которой въ немного времени мы могли сдѣлать сравнительно много, и результаты нашихъ трудовъ я теперь вкратцѣ изложу передъ вами.

Наши опыты были посвящены преимущественно мантевизму, или, такъ называемому, «чтенію мыслей». При этомъ ближайшая цѣль наша была констатировать явленіе, показать его реальность и выяснить его психическій характеръ. Въ данное время найдется не мало скептиковъ, которые продолжаютъ утверждать, что явленія мантевизма основаны, съ одной стороны, на чисто матеріальной передачѣ, а съ другой, на догадливости и ловкости отгадывающаго субъекта.

Желая провѣрить такой взглядъ, мы рѣшились приступить къ опытамъ мантевизма безъ всякой предвзятой идеи и воспользовались, въ этомъ случаѣ, богатымъ матеріаломъ, который однако не оправдалъ нашихъ надеждъ. На первый разъ мы желали провѣрить тѣ явленія, которыя уже существуютъ въ литературѣ.

На первомъ же засѣданіи «спеціальной коммиссіи для изслѣдованія мантевизма» мы пришли къ заключенію, что эти явленія находятся въ близкомъ отношеніи къ гипнозу. Субъектъ, надъ которымъ мы производили опыты, выказалъ всѣ признаки гипнотическаго состоянія и наконецъ впалъ въ автогипнозъ. При этомъ опытѣ я сообщилъ случай, котораго былъ свидѣтелемъ и въ которомъ субъектъ во все время опыта былъ въ несомнѣнномъ гипнозѣ. Тотъ же субъектъ одинъ разъ послужилъ своему товарищу для отысканія шкворня, въ лужѣ, въ темную ночь и тѣмъ спасъ и себя, и товарища отъ перспективы оставаться въ темную осеннюю, ненастную ночь посреди дороги.

Въ слѣдующемъ засѣданіи спеціальной коммиссіи, бывшемъ 12-го марта прошлаго года, В. И. К—ва, надъ которой происходилъ опытъ мантевизма, также самопроизвольно, впала въ легкій гипнозъ, о чемъ свидѣтельствовали сонные полураскрытые глаза, ея отрывочныя, какъ бы непроизвольныя, движенія, краска, выступившая на лицѣ и быстрое, учащенное дыханіе.

Въ томъ же засѣданіи почти всѣми присутствовавшими было замѣчено, что нѣкоторыя лица, надъ которыми произведены опыты, подвергались во время ихъ въ большей или меньшей степени гипнотическому состоянію.

Отсутствіе точныхъ признаковъ для гипнотическаго и постгипнотическаго состоянія было неоднократно обсуждаемо въ засѣданіи Общества, но прямыхъ, рѣшающихъ опытовъ здѣсь не было сдѣлано. Въ одномъ изъ этихъ засѣданій г. Фельдманъ доказывалъ обширность средствъ, которыми обладаетъ человѣческій организмъ для симуляціи и на себѣ самомъ показалъ явленіе этой симуляціи. Такъ, онъ показалъ расширеніе и сокращеніе зрачка, независимо отъ свѣчи, которую подносили или удаляли отъ его глазъ. Затѣмъ, вслѣдствіе очевиднаго внутренняго возбужденія, онъ довелъ частоту ударовъ пульса съ 80 до 155 въ минуту, причемъ усиленно поблѣднѣлъ и дышалъ тяжело. Вслѣдъ затѣмъ число ударовъ было имъ уменьшено до 50.

Опыты свои въ этомъ направленіи г. Фельдманъ закончилъ появленіемъ cutis anserina (гусиной кожи), вызванной имъ произвольно на предплечіи лѣвой руки.

Г. Фельдманъ являлся представителемъ чисто физіологическаго или матеріалистическаго взгляда на мантевизмъ. По его убѣжденію, всѣ явленія мантевизма сводятся на болѣе или менѣе ловкіе пріемы субъекта, который является буквально отгадчикомъ задуманной задачи. Чтобы убѣдить въ этомъ Общество, г. Фельдманъ продѣлалъ въ его засѣданіи, бывшемъ 26-го апрѣля, нѣсколько опытовъ болѣе или менѣе удачныхъ, которыми пытался убѣдить членовъ въ томъ, что индукторъ можетъ вызвать у перципіента рядомъ быстрыхъ и неожиданныхъ движеній обнаруженіе задуманной задачи. Затѣмъ, онъ доказалъ опытами угадыванія картъ, что по тепловымъ ощущеніямъ, по близости индуктора, онъ можетъ догадаться, въ какой сторонѣ лежитъ задуманная карта. Самомалѣйшее движеніе его въ ту или другую сторону вполнѣ достаточное для указанія, на которой картѣ онъ долженъ остановиться.

Въ слѣдующемъ засѣданіи, 10-го мая, была доказана справедливость другаго взгляда, причемъ присутствующіе вполнѣ убѣдились, что мантевизмъ есть явленіе *психическое*. Опыты были продѣланы съ С. Е. К—вымъ, и хотя опыта съ мысленными внушеніями на разстояніи не было сдѣлано, по недостатку времени, а также потому, что субъектъ не былъ пріученъ къ нимъ, но опыты съ веревочкой были такъ убѣдительны и поразительны, что г. Фельдманъ и всѣ присутствовавшіе были удивлены, а

Фельдманъ заявилъ, что «ничего подобнаго онъ еще не видалъ въ своей жизни».

Послѣ этихъ опытовъ г. К—въ высказалъ г. Фельдману въ присутствіи почти всѣхъ наличныхъ членовъ, что между теоріей г. Фельдмана и исполненіемъ задачъ имъ, г. К—вымъ, существуетъ та разница, что, по теоріи г. Фельдмана, задачи разрѣшаются *сознательно*, тогда какъ онъ, г. К—въ, разрѣшаетъ ихъ *безсознательно*.

Дѣйствительно, г. К—въ на опытѣ убѣдился, что задачи разрѣшаются тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе субъектъ погруженъ въ свой внутренній психическій міръ и отрѣшенъ отъ дѣйствительности. Для этой цѣли онъ при всѣхъ опытахъ затыкалъ уши и завязывалъ глаза. Да и г. Фельдманъ для болѣе успѣшнаго разрѣшенія задачъ считаетъ необходимымъ легкое возбужденіе его психической дѣятельности. Въ прежнее время, когда онъ не развилъ въ себѣ гиперэстезіи чувствъ, онъ во время опытовъ всегда завязывалъ себѣ глаза и просилъ, чтобы опыты начинались съ болѣе легкихъ, при которыхъ его психическія способности, возбуждаясь болѣе и болѣе, достигали той степени возбужденія или напряженія, при которой становится возможнымъ и угадываніе сложныхъ задачъ.

Конечно, чтобы рѣшить окончательно вопросъ, дѣйствуютъ ли въ мантевизмѣ психическія способности или только матеріальныя передачи, сдѣланныхъ опытовъ весьма мало. Но, во-первыхъ, г. К—въ отказался отъ дальнѣйшихъ опытовъ, которые, по его разсказамъ, сильно вліяютъ удручающимъ образомъ на отправленія его нервной системы; съ другой стороны, результаты опытовъ были настолько поразительны для всѣхъ присутствующихъ въ засѣданіи, что всѣ сразу пришли къ единогласному рѣшенію и заключили, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какой-нибудь *матеріальной передачѣ*.

Притомъ, эти опыты подтверждаютъ какъ нельзя лучше высказанное выше, т.-е., что мантевизмъ не зависитъ отъ внѣшнихъ воспріятій и что путь передачи мысли зависитъ здѣсь отъ психическихъ способностей агента и перципіента.

Такимъ образомъ, если вопросъ нельзя назвать окончательно рѣшеннымъ, за неимѣніемъ достаточнаго числа опытовъ, то во всякомъ случаѣ сильно намѣчена та сторона, въ которую онъ рано или поздно будетъ рѣшенъ.

Вотъ, мм. гг., первый вопросъ, рѣшеніе котораго, надѣюсь, мы подвинули впередъ нашими опытами.

Я позволю себѣ опустить перечисленіе тѣхъ опытовъ съ мантевизмомъ, которые можно назвать подготовительными и которые не дали никакихъ ясныхъ и рѣшающихъ результатовъ.

Перехожу теперь къ другому ряду опытовъ надъ явленіями ясновидѣнія. Я уже высказалъ въ своей вступительной рѣчи при открытіи Общества, что эти явленія, встрѣчающіяся очень рѣдко, требуютъ, во-первыхъ, субъектовъ съ особенной организацией и, во-вторыхъ, болѣе или менѣе продолжительной культивировки.

Изъ лицъ, подвергнутыхъ гипнотизированію въ засѣданіяхъ нашихъ спеціальныхъ коммиссій, несмотря на разные способы, употребленные нами при гипнотизаціи, оказался немного склоннымъ къ сомнамбулизму и ясновидѣнію только одинъ субъектъ, Н. И. Константиновъ.

Собственно говоря, несомнѣнныхъ явленій ясновидѣнія при опытахъ съ этимъ господиномъ не случилось. Но заявленія, которыя онъ дѣлалъ въ состояніи гипноза (транса), представляли нѣкоторый интересъ, если, разумѣется, они были совершенно объективны. Для объясненія ихъ необходимо сказать нѣсколько словъ о самой личности этого субъекта. Принадлежа къ интеллигентной средѣ, онъ никогда не подвергался искусственному гипнозу и ничего не читалъ о гипнотизмѣ. Въ то же время гипнозъ его представлялъ нѣкоторую особенность, рѣдко встрѣчающуюся въ гипнотическихъ явленіяхъ, а именно: г. Константиновъ представлялъ какую-то самостоятельную личность, упорно противился внушеніямъ гипнотизатора (г. Фельдмана) и не исполнялъ его приказаній. И этого мало, въ засѣданіи, бывшемъ 17-го мая, онъ просилъ Фельдмана и всѣхъ присутствующихъ отойти отъ него на разстояніе не менѣе 3-хъ саженей. Какъ будто на этомъ разстояніи онъ могъ быть свободенъ отъ вліянія гипнотизатора и всѣхъ лицъ, которыя мѣшали дѣйствовать его психическому организму. Какъ только всѣ присутствующіе отошли отъ него на требуемое разстояніе, онъ началъ говорить и напомнилъ Фельдману фактъ, о которомъ онъ совершенно забылъ — излѣченіе въ Вильно одной дѣвушки. Г. Фельдманъ вспомнилъ и подтвердилъ это. Дѣвушка была, очевидно, сомнамбула, при пользованіи которой г. Фельдманъ, вѣроятно, столкнулся со взглядомъ, діаметрально-противоположнымъ теоріи, которую онъ

теперь защищаетъ такъ энергично. Выяснить окончательно это послѣднее обстоятельство, къ сожалѣнію, не удалось. Но фактъ сомнамбулистическаго ясновидѣнія въ данномъ случаѣ, кажется, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Въ одномъ изъ засѣданій (10-го мая) я обратилъ вниманіе Общества на мнѣніе, которое было высказано г. Константиновымъ въ сомнамбулистическомъ состояніи, а именно—мнѣніи, что г. Фельдманъ сильнѣе г. Вагнера. Какую силу въ этомъ случаѣ разумѣлъ г. Константиновъ, физическую или психическую? Когда г. Константиновъ былъ усыпленъ г. Фельдманомъ, и ему предложили этотъ вопросъ, то послѣ долгаго колебанія онъ съ трудомъ медленно отвѣтилъ: «независимая». Г. Фельдманъ спрашиваетъ: «независимая отъ чего?» Г. Константиновъ молчитъ. Г. Фельдманъ: «выскажите намъ, есть ли это сила физическая?» Г. Константиновъ: «чисто». Г. Фельдманъ: «что такое, что чисто?» Г. Константиновъ послѣ долгаго колебанія произноситъ тихо и неясно: «психическая». Этихъ двухъ опытовъ, конечно, недостаточно для выясненія сложнаго психическаго явленія, но они, какъ кажется, даютъ указанія, въ какую сторону должны быть продолжены эти опыты для окончательнаго выясненія этого вопроса.

Г. Фельдманъ усыплялъ г. Константинова фиксаціей, самовнушеніемъ и пассами, но участіе его, какъ гипнотизатора съ извѣстнымъ упорнымъ предвзятымъ мнѣніемъ, сильно мѣшало дѣлу. Для опытовъ надъ сомнамбулизмомъ необходимо пользоваться только самовнушеніемъ и автогипнозомъ, тогда какъ г. Фельдманъ прибѣгаетъ къ такимъ сильнымъ, энергичнымъ средствамъ, какъ внезапный испугъ субъекта, средствомъ совершенно аналогичнымъ съ дѣйствіемъ внезапнаго, сильнаго электрическаго свѣта, или громкаго звука отъ удара въ гигантскій камертонъ. Эти грубыя средства производятъ и грубые, чисто физіологическія, а не психическія явленія.

Вотъ, мм. гг., вкратцѣ главнѣйшіе результаты нашей дѣятельности за первый годъ существованія Общества.

Я перехожу къ вопросу, разрѣшеніемъ котораго Общество еще не занималось. Вопросъ этотъ явился совершенно неожиданно и случайно. Извѣстный итальянскій нервопатологъ и профессоръ Ломброзо заявилъ о нѣкоторыхъ медіумическихъ явленіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, и на основаніи ихъ тот-

часъ же построилъ теорію настолько же неосновательную, какъ и всѣ подобныя теоріи, предлагаемыя другими изслѣдователями. По поводу этой теоріи я имѣлъ честь представить Обществу результаты моихъ собственныхъ наблюденій надъ образованіемъ, такъ называемыхъ, матеріализованныхъ фигуръ и «двойниковъ» на медіумическихъ сеансахъ. Вотъ всѣ три вопроса, которымъ были посвящены наши труды въ истекшемъ году. Эти труды представляютъ какъ-бы полную программу нашей будущей дѣятельности, выраженную въ немногихъ одиночныхъ опытахъ. Если мы не рѣшили въ такой, сравнительно, короткій срокъ очень запутанные и сложные психологическіе вопросы, то мы тѣмъ не менѣе затронули главнѣйшіе изъ нихъ и въ послѣднихъ засѣданіяхъ коснулись самаго кульминаціоннаго пункта, который долженъ служить конечной и вмѣстѣ руководящею точкой нашихъ изслѣдованій.

Мы познакомились въ теченіе года бѣглымъ образомъ со многими психическими явленіями, и теперь намъ предстоитъ трудъ войти глубже въ изслѣдованіе этихъ явленій. Я полагаю, что главный недостатокъ въ нашихъ работахъ было отсутствіе систематичности. Намъ необходимо урегулировать, насколько это возможно, порядокъ и послѣдовательность нашихъ занятій. Мнѣ кажется, что здѣсь самый прямой и вѣрный путь это—раздѣленіе труда. Я нѣсколько разъ уже предлагалъ раздѣлиться нашему Обществу на небольшіе кружки (коммиссіи), изъ которыхъ каждый могъ бы совершенно удобно заниматься изслѣдованіемъ какого-либо психическаго явленія. Я еще разъ позволю себѣ напомнить то, что было мною высказано при открытіи нашего Общества, т.-е. что, «по самой сущности явленій, опыты въ частныхъ кружкахъ могутъ совершаться гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ средѣ всѣхъ наличныхъ членовъ Общества». Если это условіе крайне необходимо для изслѣдованія мантевизма и ясновидѣнія, то оно становится обязательнымъ условіемъ при изслѣдованіи медіумическихъ явленій. Это conditio sine qua non нашей дальнѣйшей дѣятельности, и позвольте выполнить его и при новой постановкѣ начать нашу дѣятельность въ будущемъ году.

---

И. д. казначея, д-ръ В. С. Груздевъ, прочиталъ отчетъ о суммахъ Общества за прошедшій годъ. Произведены, согласно

§ 7 устава Общества, выборы предсѣдателя и товарища его на слѣдующій годъ. Были избраны единогласно: предсѣдателемъ—проф. Н. П. Вагнеръ, его товарищемъ—д-ръ Ф. Ф. Фишеръ.

Произведена, согласно § 8 Устава Общества, ревизія суммъ Общества.

Предсѣдатель, проф. Н. П. Вагнеръ, прочиталъ слѣдующее письмо почетнаго члена Общества, А. Н. Аксакова, въ которомъ послѣдній благодаритъ Общество за оказанную ему честь избранія въ почетные члены:

„Многоуважаемый Николай Петровичъ! Русское Общество Экспериментальной Психологіи сдѣлало мнѣ честь избранія меня въ свои почетные члены. Позвольте мнѣ покорнѣйше просить Васъ, какъ предсѣдателя его, передать Обществу мою глубокую благодарность за оказанное мнѣ вниманіе. Я очень хорошо сознаю, что моихъ заслугъ по научной разработкѣ какихъ бы то ни было психологическихъ вопросовъ—не существуетъ; но въ фактѣ, что Обществу угодно было почтить меня избраніемъ въ свои почетные члены,—я усматриваю, что Общество признаетъ достойнымъ изслѣдованія тотъ разрядъ психическихъ явленій, на защиту и разработку которыхъ, въ продолженіе стольких лѣтъ, я неустанно посвящалъ свои труды въ томъ твердомъ убѣжденіи, что глубокое значеніе этихъ явленій для психологіи будетъ рано или поздно признано наукой".

„Мои надежды сбылись, и мнѣ очень отрадно видѣть, что, наконецъ, и у насъ, на Руси, создалось такое Общество, въ программу занятій котораго входитъ вся эта обширная область психизма".

„Не откажитесь взять на себя трудъ передать нашему Обществу мои самыя искреннія пожеланія успѣховъ на этомъ неторномъ пути".

„Примите увѣренія и пр. А. Аксаковъ".

Избраны въ дѣйствительные члены Общества: д-ръ М. Ф. Милостановъ (предложенъ д-рами Ф. Ф. Фишеромъ, И. Я. Бибиковымъ и В. С. Груздевымъ) и Л. Г. Карчагинъ (предложенъ тѣми же членами).

## Протоколъ 1-го Общаго Собранія въ 1892 году, состоявшагося 21 октября.

Присутствовали: вицепризидентъ Ф. Ф. Фишеръ, В. С. Груздевъ, А. Н. Аксаковъ, И. Я. Бибиковъ, А. Д. Степановъ, В. Д. Лещинскій, В. В. Альбовъ, Я. М. Миллеръ, П. Ф. Семеновъ, Е. О. Марцинкевичъ.

Вицепрезидентъ Общества Ф. Ф. Фишеръ обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью:

«Мм. гг.! Открывая сегоднешнее засѣданіе, я позволю себѣ прежде всего сказать нѣсколько словъ о настоящемъ положеніи нашего молодого Общества.

На первыхъ порахъ учрежденія «Русскаго Общества Экспериментальной Психологіи» многіе члены его, повидимому, ожидали отъ него больше, чѣмъ оно могло до сихъ поръ дать. Они расчитывали сейчасъ же встрѣтить въ засѣданіяхъ нашихъ богатый фактическій матеріалъ, пригодный для выясненія вопроса объ реальности или фиктивности явленій телепатіи, ясновидѣнія, медіумизма и т. п.

Въ теченіе полуторагодового существованія нашему Обществу привелось наблюдать изъ обширной области безсознательной дѣятельности человѣка только немногіе довольно характерные случаи мантевизма. Это обстоятельство, насколько я могъ замѣтить, не только вызвало весьма значительное охлажденіе въ его членахъ къ интересамъ Общества,—но породило даже опасеніе за дальнѣйшую судьбу его существованія.

Здѣсь есть, однако, нѣкоторое недоразумѣніе. Мы прежде всего не должны упускать изъ виду, что и гораздо болѣе старымъ и богатымъ денежными средствами обществамъ, какъ въ западной Европѣ, такъ и въ Америкѣ, преслѣдующимъ тѣ же цѣли, какъ и наше «Русское Общество экспериментальной психологіи», характерные случаи для наблюденія спорныхъ явленій достаются далеко не часто и всегда съ большимъ трудомъ. Да оно и понятно: если спорныя оккультическія явленія не простое фокусничество или самообманъ, то они, по самому существу своему, могутъ встрѣчаться только какъ весьма рѣдкія исключенія изъ нормальнаго хода явленій въ природѣ.

Правда, нашему обществу за первые два года его существованія какъ-то особенно не посчастливилось. Именно тѣ гг. врачи спеціалисты (нерво-патологи и физіологи), на содѣйствіе которыхъ Общество, повидимому, могло болѣе всего разсчитывать, отнеслись къ нему или совершенно равнодушно или даже и прямо недоброжелательно. Поэтому, вся забота о прiисканіи матеріаловъ для наблюденій, соотвѣтствующихъ цѣлямъ нашего Общества, падала исключительно на весьма ограниченное число членовъ, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, многіе должны еще считаться только номинальными.

Но кромѣ того, насколько я могъ убѣдиться, еще и самый

матеріалъ постоянно сторонился отъ насъ. Лица, которыя съ успѣхомъ могли бы быть объектами для наблюденій нашего Общества, ни за что не соглашались имъ здѣсь подвергнуться. И это имѣетъ извѣстное оправданіе. Какъ только лицамъ этимъ до сихъ поръ приходилось сталкиваться съ, такъ называемыми, людьми науки, такъ бо̀льшею частью съ ними тотчасъ же начинали обращаться уже, какъ съ завѣдомыми пройдохами и шарлатанами.

Хотя Общество наше, какъ всѣмъ вамъ, мм. гг., извѣстно, въ этомъ отношеніи и совершенно неповинно, но такова уже сила неблагопріятно слагавшихся для него обстоятельствъ.

Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ дѣла нашего Общества до сихъ поръ не могли быть въ особенно блестящемъ положеніи, и оно поневолѣ должно довольствоваться почти чисто-выжидательною ролью.

Принявъ на себя обязанность замѣнить въ теченіе этого года нашего глубоко уважаемаго предсѣдателя, проф. Н. П. Вагнера, я съ своей стороны, приложу, конечно, всѣ старанія, чтобы при первой же возможности Общество наше приступило къ болѣе активной дѣятельности; но успѣхъ въ этомъ отношеніи, какъ всѣмъ вамъ, мм. гг., хорошо понятно, будетъ зависѣть не столько отъ меня, сколько отъ счастливаго случая и той энергіи, съ которой мы общими силами примемся за привлеченіе къ намъ матеріаловъ для наблюденій и сообщеній.

Благодаря содѣйствію одного изъ нашихъ уважаемыхъ гг. членовъ, а именно д-ра И. Я. Бибикова, Обществу нашему, на сколько мнѣ теперь извѣстно, представится въ этомъ году случай наблюдать субъекта, у котораго предполагаются, такъ называемыя, «медіумическія способности». Насколько способности эти окажутся дѣйствительными—опредѣлить заранѣе, конечно, невозможно и для выясненія истины Обществу нашему, вѣроятно, придется затратить не мало времени, труда и терпѣнія.

Едва ли надо говорить, что вопросъ о медіумическихъ или спиритическихъ явленіяхъ въ настоящее время еще такъ не популяренъ среди здѣшнихъ представителей науки, что Обществу нашему трудно будетъ избѣжать упрековъ даже и за одно согласіе приняться за серьезное изслѣдованіе названныхъ мною сейчасъ спорныхъ явленій. По крайней мѣрѣ, и мнѣ лично, и нѣкоторымъ другимъ изъ нашихъ гг. членовъ уже не разъ приходилось выслушивать обвиненіе въ томъ, что мы, будучи врачами,

рѣшаемся безполезно тратить время и силы на изслѣдованіе таких явленій, которыя и безъ того представляются каждому здравомыслящему человѣку чистѣйшимъ и невозможнѣйшимъ вздоромъ!...

Чтобы нѣсколько ослабить силу такого нелестнаго мнѣнія о предстоящихъ намъ въ текущемъ году занятіяхъ, я позволю себѣ теперь только представить вамъ, мм. гг., двѣ фотографіи. Исторія ихъ слѣдующая.

Въ сентябрѣ этого года нашъ почетный членъ А. Н. Аксаковъ устроилъ въ г. Миланѣ для итальянскихъ ученыхъ цѣлую серію сеансовъ съ медіумомъ Евзапіей Паладино. Это та же самая неграмотная итальянская крестьянка, которая заставила знаменитаго психіатра и антрополога профессора Цезаря Ломброзо измѣнить свой взглядъ на медіумизмъ и печатно раскаяться во всѣхъ своихъ прежнихъ насмѣшкахъ надъ сторонниками спиритизма, которыхъ онъ еще такъ недавно считалъ какими-то помѣшанными и идіотами. Въ сеансахъ, устроенныхъ г. Аксаковымъ, участвовали: *Скьяпарелли*—директоръ астрономической обсерваторіи въ Миланѣ, знаменитый своими изслѣдованіями надъ планетой Марсомъ; *Брофферіо* — профессоръ философіи въ миланскомъ лицеѣ; *Джероза*—профессоръ физики въ высшемъ земледѣльческомъ училищѣ въ Портачи; *Эрмакора*—докторъ физики изъ Падуи; *Финци*—докторъ и профессоръ физики въ Миланѣ; *Карлъ Дюпрель*—докторъ философіи изъ Мюнхена; *Шарль Рише*—профессоръ физіологіи парижскаго медицинскаго факультета; *Цезарь Ломброзо* и *А. Н. Аксаковъ*. Всѣхъ сеансовъ состоялось 17; на двухъ изъ нихъ присутствовалъ проф. *Ц. Ломброзо* и на пяти проф. *Шарль Рише*.

Производя свои опыты при такихъ условіяхъ контроля, что обманъ представлялся совершенно немыслимымъ, весь этотъ сеансъ ученыхъ, въ концѣ концовъ, призналъ медіумическія явленія, происходящія въ присутствіи Евзапіи Паладино — *неподдѣльными!* Только одинъ *Ш. Рише* пока еще не высказалъ своего окончательнаго мнѣнія и обѣщалъ изложить его въ скоромъ времени отдѣльно. При этомъ, однако, должно замѣтить, что и онъ не заявлялъ какого-либо протеста и, повидимому, въ общихъ чертахъ соглашается съ мнѣніемъ всей остальной коммиссіи.

Что касается до самыхъ явленій, наблюдавшихся въ Миланской коммиссіи, то они всѣ уже давно извѣстны сторонникамъ

спиритизма. Происходили, при свѣтѣ, движенія разныхъ предметовъ (столы, стулья и т. п.), не объяснимыя однимъ прикосновеніемъ рукъ, измѣненіе вѣса тѣла медіума, полныя поднятія на воздухъ стола, движенія предметовъ безъ всякаго къ нимъ прикосновенія, различные стуки и звуки въ столѣ и другой мебели и т. п.; въ темнотѣ или при очень слабомъ освѣщеніи наблюдалось появленіе искръ, чувствовались прикосновенія какихъ-то невидимыхъ рукъ и т. д., и т. д.

Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ, полученныхъ въ Миланской коммиссіи, представляются намъ моментальныя фотографіи, къ числу которыхъ принадлежатъ и демонстрируемыя теперь мною. Фотографіи эти переданы мнѣ А. Н. Аксаковымъ изъ цѣлой серіи ихъ, которую онъ только на дняхъ получилъ изъ Миланской коммиссіи.

На фотографіи № 1 мы видимъ поднятіе на воздухъ стола, какъ о томъ можно судить по положенію тѣней отъ ножекъ. Евзапію Паладино (медіумъ) контролируютъ—справа проф. Цезарь Ломброзо, слѣва проф. Шарль Рише, а позади ея стоитъ и наблюдаетъ за ея движеніями Скьяпарелли.

На фотографіи № 2 мы видимъ то же самое явленіе, но медіума контролируетъ докторъ *Дю-Прель*, сзади стоитъ проф. Брофферіа, а сбоку на полу сидитъ и контролируетъ медіума проф. Скьяпарелли. Эта фотографія особенно наглядно показываетъ, что поднятіе стола производится не руками или ногами медіума, а чѣмъ-то другимъ.

Такъ какъ о галлюцинаціяхъ теперь, конечно, не можетъ быть и рѣчи, то желающимъ во что бы то ни стало отвергнуть реальность существованія медіумическихъ явленій приходится объяснить ихъ только фокусничествомъ. Но фокусничать при данныхъ условіяхъ, какъ каждый самъ можетъ видѣть, довольно-таки затруднительно, чтобы не сказать невозможно. Во всякомъ случаѣ, мм. гг., то обстоятельство, что медіума здѣсь контролируютъ не какіе-нибудь легковѣрные невѣжды, а первоклассные европейскіе ученые, надѣюсь, можетъ вполнѣ гарантировать и наше молодое Общество отъ упрековъ за его рѣшеніе не пренебрегать изслѣдованіемъ явленій медіумизма».

Дѣйствительный членъ Общества д-ръ И. Я. Бибиковъ сдѣлалъ сообщеніе о видѣнныхъ имъ самимъ медіумическихъ явленіяхъ и представилъ собранію фотографіи этихъ явленій.

Почетный членъ Общества Александръ Николаевичъ Аксаковъ сообщилъ Собранію слѣдующее:

Только что вернувшись изъ-за границы, онъ узналъ отъ г-на Прибыткова, редактора Ребуса, объ интересныхъ опытахъ ясновидѣнія, производящихся въ Тамбовѣ докторомъ тамошней губернской больницы, А. Н. Хоринымъ. Для лучшаго ознакомленія членовъ Общества съ дѣломъ, г-нъ Аксаковъ прочиталъ нѣсколько писемъ г-на Ховрина къ г-ну Прибыткову.

Въ письмѣ отъ 16-го іюня г-нъ Ховринъ сообщилъ о томъ, что его ясновидящая паціентка дошла уже до такой степени ясновидѣнія, что ему удалось продѣлать съ полнымъ успѣхомъ нѣсколько опытовъ прочтенія запечатанныхъ писемъ. Но для большей доказательности, онъ желалъ бы, чтобы было прочтено письмо отъ лица неизвѣстнаго ни ему, ни его паціенткѣ. Въ виду этого онъ просилъ г-на Прибыткова помочь ему въ этомъ опытѣ и прислать ему письмо, написанное какимъ-либо изъ знакомыхъ ему скептиковъ. При этомъ онъ пояснилъ, что записка должна быть написана на совершенно непрозрачной бумагѣ, на русскомъ языкѣ, простымъ слогомъ, четкимъ почеркомъ, строчекъ въ пять или шесть, причемъ эти строчки никакъ не должны быть списанными откуда-нибудь, а сочинены самимъ пишущимъ. Сургучную печать проситъ не употреблять, потому что при чтеніи во время транса больная сильно мнетъ письмо; поэтому вмѣсто печати лучше дѣлать на склейкахъ его какія-либо контрольные знаки, надписи и проч.

Согласно желанію д-ра Ховрина, г-нъ Прибытковъ послалъ такое письмо, имъ самимъ изготовленное. Опытъ удался. Но г. Ховринъ и сама паціентка остались этимъ опытомъ недовольны, потому что письмо было случайно залито чернилами и частью расклеилось; поэтому они просили г-на Прибыткова прислать другое письмо для повторенія опыта. Это и было вторично исполнено г-мъ Прибытковымъ.

Сегодня, 21 октября, г. Прибытковъ получилъ отъ г. Ховрина нераспечатанными не только свой пакетикъ съ запиской для ясновидящей, но и свой почтовый пакетъ съ письмомъ къ г. Ховрину, въ которомъ былъ вложенъ и пакетикъ для ясновидящей. Въ письмѣ своемъ д-ръ Ховринъ извѣщалъ, что было прочитано и то и другое, и приложилъ копію съ прочитаннаго.

Г-нъ Прибытковъ, не распечатывая ни того, ни другого кон-

верта, немедленно препроводилъ ихъ къ г. Аксакову, который, въ тотъ же вечеръ, 21-го октября, и принесъ ихъ въ засѣданіе Общества для осмотра, вскрытія и провѣрки.

Прежде всего г. Аксаковъ предъявилъ Обществу заказный нераспечатанный конвертъ съ штемпелемъ: Тамбовъ, 11-го октября, за № 42, адресованный въ Тамбовъ, въ губернскую больницу, доктору Алексѣю Николаевичу Ховрину, содержащій въ себѣ: 1) письмо г. Прибыткова къ д-ру Ховрину и 2) заклеенный пакетикъ съ запиской для прочтенія ясновидящей. Заказной пакетъ былъ осмотрѣнъ всѣми членами въ настоящемъ засѣданіи и, повидимому, не носилъ никакихъ признаковъ вскрытія. Письмо г-на Прибыткова, содержащееся въ этомъ пакетѣ, по свидѣтельству д-ра Ховрина, было прочитано его ясновидящей, и въ удостовѣреніе этого имъ было приложено слѣдующее заявленіе за подписью четырехъ мѣстныхъ врачей.

«Заказное письмо, адресованное на имя Алексѣя Николаевича Ховрина № 42, со штемпелемъ почтовой конторы: Тамбовъ, 11-ое октября, не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ, которые указывали бы, что оно было кѣмъ-либо распечатано. Содержаніе этого нераспечатаннаго письма было записано подъ диктовку г-жи М-вой и здѣсь потомъ было переписано ей самой.

15-го октября.

Врачъ И. А. Скворцовъ.
Врачъ С. П. Андреевъ.
Врачъ Н. Н. Щелочининъ.
Врачъ Ф. И. Бортсышикъ».

Послѣ этого г. Аксаковымъ былъ взрѣзанъ заказной пакетъ, и письмо г. Прибыткова къ г. Ховрину было прочтено и сличено съ тѣмъ текстомъ его, который былъ продиктованъ ясновидящей и ею самой переписанъ на помянутомъ выше свидѣтельствѣ докторовъ. Письмо г. Прибыткова, состоящее изъ 13-ти строчекъ, оказалось прочитаннымъ *дословно вѣрно*, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ варіантовъ, нисколько не измѣнявшихъ смысла.

Затѣмъ изъ этого же заказного пакета былъ вынутъ г. Аксаковымъ заклеенный пакетъ маленькаго формата, посланный г. Прибытковымъ для прочтенія. Пакетъ этотъ на склейкахъ своихъ былъ помѣченъ чернильными черточками и винтообразными линіями.

По тщательномъ осмотрѣ пакетика всѣми членами засѣданія, склейки и черточки были найдены въ должномъ видѣ. Вмѣстѣ

съ этимъ г. Аксаковымъ былъ предъявленъ пакетикъ, на которомъ ясновидящая съ одной стороны изобразила знаки и черточки, сдѣланные на склейкахъ присланнаго пакета, а съ другой стороны написала слѣдующее:

«*Ясновидѣніе—замѣчательное явленіе изъ области психизма*».

Эта фраза написана на листѣ почтовой бумаги малаго формата, съ линейками, черными чернилами. Почеркъ некрасивый, но написано разборчиво и старательно. Писалъ самъ Прибытковъ.

С. М—ва.

Тогда г. Аксаковымъ былъ вырѣзанъ заклеенный пакетикъ и вынутъ оттуда сложенный вчетверо цѣлый листъ почтовой бумаги малаго формата съ линейками, нисколько не помятый, на коемъ оказалось три строчки того самаго содержанія, какое было написано ясновидящей.

Г. Аксаковъ предложилъ Обществу воспользоваться этимъ рѣдкимъ случаемъ и просить г. Ховрина продѣлать еще одинъ опытъ со своей ясновидящей надъ тѣмъ письмомъ, которое будетъ спеціально съ этою цѣлью заготовлено и доставлено ему самимъ Обществомъ.

Постановлено: отправить къ д-ру Ховрину письмо, запечатавъ его способомъ, придуманнымъ особой спеціальной комиссіей.

---

## Протоколъ засѣданія спеціальной коммиссіи Русскаго Общества Экспериментальной Психологіи, 3-го ноября 1892 года.

Предсѣдательствовалъ Ф. Ф. Фишеръ; присутствовали: почетный членъ Общества А. Н. Аксаковъ, дѣйствительные члены: И. Я. Бибиковъ, А. Д. Степановъ, Л. Г. Карчагинъ, П. Ф. Семеновъ, Е. О. Марцинкевичъ, В. В. Альбовъ и А. А. Чагинъ.

Послѣ тщательнаго обсужденія вопроса, какимъ образомъ слѣдуетъ сдѣлать опытъ и скрыть написанное отъ ясновидящей, г-жи М—вой, собраніе единогласно остановилось на слѣдующемъ способѣ, большая часть котораго и была приведена въ исполненіе въ самомъ собраніи.

Всѣ девять членовъ собранія написали каждый на листѣ почтовой бумаги небольшую въ 2 — 3 строки фразу, такъ что эта фраза осталась неизвѣстною для всѣхъ членовъ, исключая, разумѣется, написавшаго ее. Такимъ образомъ, никто изъ присут-

ствовавшихъ не зналъ, что посылалось ясновидящей въ конвертѣ.

Затѣмъ, всѣ листы были обернуты писавшими ихъ каждый еще однимъ чистымъ листомъ, согнуты пополамъ и вложены въ небольшіе конверты. Всѣ эти конверты были положены въ шляпу, изъ которой вице-президентъ г. Фишеръ вынулъ наудачу одинъ конвертъ, а всѣ остальные были сожжены. Оставшійся и вынутый г. Фишеромъ изъ шляпы конвертъ былъ подвергнутъ слѣдующей задѣлкѣ:

Предварительно въ серединѣ его, на верхней сторонѣ нижняго клапана, была пробита особенной машинкой кнопка, лапки или зубцы которой прошли сквозь вложенные въ конвертѣ листы и загнулись на противуположной сторонѣ ихъ, не тронувъ задней стѣнки конверта. Изъ шести зубчиковъ четыре прошли сквозь листы, вложенные въ конвертъ. Такимъ образомъ эти листы не могли быть вынуты изъ конверта. Верхній клапанъ его былъ затѣмъ заклеенъ, причемъ онъ закрылъ верхнюю бляшку кнопки. На верхней сторонѣ такимъ образомъ задѣланнаго конверта на двухъ спайкахъ клапановъ, верхняго и нижняго, діагонально были оттиснуты синей краской печати Общества, затѣмъ на тѣхъ же спайкахъ были сдѣланы чернилами черты и кресты. Въ такомъ видѣ пакетъ былъ вложенъ въ другой конвертъ, полотняный, немного большихъ размѣровъ. На верхней сторонѣ вложеннаго конверта были проведены клеемъ двѣ полосы съ цѣлью, чтобъ онъ приклеился къ наружному полотняному конверту. Этотъ послѣдній, послѣ заклейки его клапановъ, былъ задѣланъ четырьмя кнопками, расположенными на одинъ дюймъ (приблизительно) отъ середины его. Кнопки были расположены на спайкахъ (заклейкахъ) клапановъ.

Въ такомъ видѣ конвертъ былъ врученъ А. Н. Аксакову для отправки его въ Тамбовъ.

Протоколъ подписанъ всѣми присутствовавшими членами.

---

## Дополненіе къ протоколу 3-го ноября.

Заявленіе Ф. Ф. Фишера и А. Н. Аксакова.

Получивъ отъ Общества пакетъ для отправленія его въ Тамбовъ г-жѣ М—вой, мы на другой же день исполнили это по-

рученіе. На серединѣ пакета была наклеена нами печать Общества, оттиснутая синими чернилами на бумажкѣ, вырѣзанной кружкомъ. Направленіе буквъ этой печати или штемпеля въ точности опредѣлено нами и замѣчено по отношенію къ двумъ проколамъ, сдѣланнымъ концомъ булавки и видѣннымъ только въ луппу. Подъ бумажный кружокъ мы положили волосокъ, обрѣзавъ концы его ровно съ краями кружка. Кромѣ сего на обѣихъ сторонахъ этой печати на обоихъ клапанамъ мы положили еще два штемпеля. Еслибы г-жа М — ва или кто-либо рѣшился на поддѣлку, то, отклеивъ печать, онъ незамѣтно отклеилъ бы вмѣстѣ съ ней и волосокъ. Еслибы конвертъ, посылаемый нами, былъ подмѣненъ, то трудно было бы поддѣлать штемпель на другомъ конвертѣ.

Послѣ этого конвертъ былъ завернутъ въ два листа газеты, вложенъ въ деревянный ящичекъ съ крышкой, прибитой гвоздями, завязанъ веревкой и отправленъ въ Тамбовъ по адресу д-ра Ховрина.

На двухъ конвертахъ, закупоренныхъ въ ящикѣ, адреса не было, и задняя сторона ихъ, на которой обыкновенно пишется адресъ, оставалась чистою.

---

## Протоколъ засѣданія спеціальной коммиссіи Русскаго Общества Экспериментальной Психологіи, декабря 21-го 1892 г.

Присутствовали: вице-президентъ Ф. Ф. Фишеръ, почетный членъ А. Н. Аксаковъ, дѣйствительные члены: И. Я. Бибиковъ, Г. А. Донбергъ, П. Ф. Семеновъ, Е. О. Марцинкевичъ, Я. М. Миллеръ, А. В. Елисѣевъ и А. Н. Ховринъ.

Д-ръ А. Н. Ховринъ изложилъ подробно причины, заставившія его заняться въ Тамбовѣ опытами съ ясновидящей, г-жой М—вой, и представилъ Обществу ящичекъ съ письмомъ, отправленный къ нему г. Аксаковымъ, а также письмо отъ г-жи М—вой. При осмотрѣ ящичка никакихъ слѣдовъ наружныхъ поврежденій не было замѣчено, печати на ящичкѣ оказались цѣлыми. Затѣмъ было заслушано слѣдующее письмо г-жи М—вой.

«Въ октябрѣ я писала г. Аксакову, что письмо отгадать не могу и просила его извиниться передъ Обществомъ. Я заболѣла и думала, что способность ясновидѣнія исчезла. Несмотря на это, у меня осталось страшное желаніе непремѣнно отгадать письмо. Докторъ мнѣ его не давалъ, да я и сама

не просила и не вспоминала даже. Такъ было до 18-го ноября. 18-го вдругъ у меня явилась страшная потребность начать отгадывать письмо. Я попросила его у доктора, оказалось, что онъ еще и не вскрывалъ посылку. Я была рада этому и настоятельно попросила его дать попробовать отгадать письмо черезъ ящикъ. Сдѣлала я это потому, что меня подозрѣваютъ въ ловкомъ фокусничествѣ, т. е. въ умѣньи ловко распечатывать данныя письма. Такъ вотъ, чтобы доказать, что я дѣйствительно имѣю какую-то непонятную для меня способность, я и взялась за эту трудную работу. Кромѣ того, я отказалась имѣть посылку у себя, она все время оставалась у экспериментатора, я имѣла возможность видѣть доктора 1—1$^1/_2$ ч. въ сутки и при немъ работать надъ посылкой. Такъ какъ задача эта очень трудная, то я ее еще не рѣшила и даже не могу сказать, рѣшу-ли, т.-е. я говорю про здоровье, если мнѣ будетъ очень ужъ плохо, тогда я оставлю навсегда эти опыты, если же въ состояніи буду, тогда кончу. Несмотря на плохія условія, при которыхъ мнѣ пришлось работать надъ письмомъ, я могу сообщить кое-что, а именно, какъ я представляю себѣ содержимое ящика. Если вскрыть крышку А, то прямо увидимъ свертокъ нѣмецкой газеты „Beilage der Berliner Vereins—Zeitung", подъ нимъ лежитъ свертокъ другой нѣмецкой газеты „Berliner Vereins Zeitung", положенный для того, чтобы письмо не болталось. Если развернуть первый свертокъ, то послѣ газеты увидимъ бѣлую писчую бумагу, въ которой завернуто самое письмо, т.-е. конвертъ, въ которомъ находится письмо. Затѣмъ, развернувъ бумагу, мы увидимъ конвертъ. Наружный видъ его слѣдующій: средняго формата, бѣлый, плотный, не продолговатый, а скорѣе четыре-угольный. На сторонѣ склеекъ слѣдующіе знаки: три штемпеля лиловаго цвѣта, два положены по бокамъ, а третій на серединѣ, боковые положены прямо на конвертѣ, а средній прежде на бумагу, потомъ вырѣзанъ и наклеенъ. Штемпель: «Печать русскаго Общества Экспериментальной Психологіи».

Шрифтъ печати вязью. На склейкахъ четыре маленькихъ металлическихъ кнопки краснаго цвѣта, кнопки съ звѣздочками. Подъ среднею печатью большая кнопка или печать. У верхняго края конверта на той сторонѣ, гдѣ знаки, небольшая помарка лиловаго цвѣта, какъ и цвѣтъ штемпеля. Дальше въ этомъ конвертѣ вложенъ другой конвертъ, наклеенный полотномъ. Письмо представляется тяжелымъ, плотнымъ. Письмо написано на почтовой бумагѣ, бумага плотная и, кажется, съ линейками.

Написано черными чернилами, почеркъ *средній*. Число строчекъ 2$^1/_2$ или около того. Текстъ отказываюсь совсѣмъ сказать теперь. На этомъ кончаю работу, такъ какъ мой экспериментаторъ уѣхалъ, а одна безъ письма работать не въ состояніи. Что я сказала о газетѣ, о наружномъ видѣ конверта, то въ этомъ я больше, чѣмъ увѣрена. Что касается до самаго письма, т.-е. его бумаги, почерка и т. д., то это мнѣ только начинаетъ каваться, а потому прошу *убѣдительно* Общество не считать это за ясновидѣніе, а только за первый періодъ его. Это кажущееся можетъ нѣсколько разъ измѣниться, какъ это бываетъ при отгадываніи каждаго письма.

С. М—ва.

9 декабря 1892 г.
Пріютъ Св. Елисаветы.

Послѣ прочтенія сего письма д-ръ Донбергъ вскрылъ деревянный ящичекъ, возвращенный Обществу изъ Тамбова, и внутри этого ящика оказался конвертъ, завернутый въ газетную бумагу, въ №№ «Berliner Vereins—Zeitung», какъ это описано въ письмѣ г-жи М—вой. Рисунокъ расположенія печатей, штемпелей и кнопокъ былъ сдѣланъ г-жей М—вой разноцвѣтными карандашами на чистомъ пустомъ конвертѣ, который былъ приложенъ при ея письмѣ (см. приложенный рисунокъ). Описаніе внутренняго конверта не было сдѣлано г-жей М—вой. При укупоркѣ пакета въ ящичекъ имѣлось въ виду, что д-ръ Ховринъ вскроетъ его, развернетъ газетные листы и передастъ для опыта г-жѣ М—вой одинъ только пакетъ.

Д-ръ Ховринъ заявилъ, что ящичекъ съ пакетомъ онъ держалъ постоянно у себя въ квартирѣ, въ письменномъ столѣ и для опытовъ ясновидѣнія давалъ его въ руки г-жѣ М—вой не иначе, какъ въ своемъ присутствіи; вслѣдствіе этого онъ можетъ поручиться, что вскрыть она его не могла.

Послѣ этого заявленія д-ръ Донбергъ вскрылъ ящичекъ такимъ образомъ, что печати и веревочка, обвязывавшая его, остались цѣльными, но только веревочка сильно растянулась.

При обсужденіи вопроса о томъ, былъ ли въ данномъ случаѣ неоспоримый фактъ ясновидѣнія, нѣкоторыми членами коммиссіи было высказано предположеніе о томъ, что ящичекъ съ письмомъ былъ переданъ кѣмъ-либо г-жѣ М—вой во время отсутствія д-ра Ховрина, такъ какъ этотъ ящичекъ хранился въ незапертомъ ящикѣ письменнаго стола доктора.

Послѣ сего пакетъ, вынутый изъ ящика, былъ переданъ д-ру Ховрину для дальнѣйшихъ опытовъ съ его ясновидящей.

Протоколъ подписанъ всѣми присутствовавшими.

## Протоколъ засѣданія спеціальной коммиссіи Русскаго Общества Экспериментальной Психологіи, 3-го апрѣля 1893 года.

Присутствовали: Вицепрезидентъ Ф. Ф. Фишеръ, почетный членъ А. Н. Аксаковъ, И. Я. Бибиковъ, В. В. Альбовъ, П. Ф. Семеновъ, А. Д. Степановъ, Д. В. Лещинскій, В. Ф. Краевскій, Л. Г. Карчагинъ, В. С. Груздевъ, А. В. Елисѣевъ, А. А. Чагинъ, В. Н. Прибытковъ.

Почетнымъ членомъ Общества А. Н. Аксаковымъ былъ доставленъ пакетъ, полученный имъ по почтѣ отъ д-ра Ховрина, изъ Тамбова. Въ этомъ пакетѣ заключалось письмо, изготовленное Обществомъ для прочтенія ясновидящею, какъ о томъ значится въ протоколѣ засѣданія специальной коммиссіи, бывшаго 21 декабря 1892 г. По вскрытіи пакета мы, нижеподписавшіеся, нашли въ немъ сказанное письмо въ слѣдующемъ видѣ:

1. Наружный холщевой конвертъ сильно измятъ и потертъ, особенно въ боковыхъ сгибахъ, на которыхъ бумажная сорочка конверта потерта до того, что холстъ мѣстами виденъ и бумажная сорочка кое-гдѣ отстала; четыре металлическія кнопки, коими конвертъ былъ задѣланъ, съ виду невредимы; заклейки клапановъ цѣлы; бумажная облатка съ оттиснутой на ней анилиновою краской печатью Общества, наклеенная на середину конверта, въ самомъ центрѣ своемъ, по линіи верхняго клапана, надтреснута, что объясняется тѣмъ, что центръ конверта представляетъ бугоръ, образовавшійся отъ металлической кнопки, коей запечатанъ былъ внутренній конвертъ.

На задней сторонѣ наружнаго холщеваго конверта значится рукою г-жи М—вой слѣдующая надпись:

«Вотъ что я видѣла въ письмѣ: «Я увѣренъ, что Вы легко и свободно прочитаете мое письмо, послѣ этого будете чувствовать себя великолѣпно».

Петербургъ. Л. Г. Карчагинъ.

Написано на плотной бумагѣ безъ линеекъ, $3^1/_2$ строчки, почеркъ средній, довольно красивый.

2. Взрѣзавши заднюю сторону холщеваго конверта на полсантиметра отъ верхняго края и боковинъ, мы вынули изъ него второй запечатанный конвертъ, причемъ, однакожъ, оказалось, что конвертъ этотъ приклеился въ нѣсколькихъ мѣстахъ къ холщевому конверту, что было отчасти и неизбѣжно, такъ какъ верхній клапанъ холщеваго конверта долженъ былъ быть заклеенъ уже послѣ запечатанія его двумя металлическими кнопками; такимъ образомъ, мы должны были второй конвертъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ осторожно отодрать отъ холщеваго конверта. Извлекши внутренній конвертъ, мы могли убѣдиться въ томъ, что холщевая подкладка конверта по всѣмъ сгибамъ своимъ была *совершенно цѣла*, а видъ металлическихъ кнопокъ съ внутренней ихъ стороны указывалъ на ихъ видимую неприкосновенность.

3. Вынутый нами простой бумажный конвертъ оказался чистымъ, заклееннымъ и запечатаннымъ, какъ сказано въ протоколѣ засѣданія 3-го ноября 1892 г; но боковые сгибы его оказались совершенно протертыми, такъ что мы, раздвинувши стороны конверта и не вынимая изъ него средней металлической кнопки, которой была пробита, вмѣстѣ съ конвертомъ, вложенная въ него записка, могли прочесть ея содержаніе, оказавшееся совершенно одинаковымъ съ надписью, сдѣланною г-жею М—вой на задней сторонѣ холщеваго конверта.

Такимъ образомъ, этотъ второй конвертъ уже нисколько не можетъ служить дополнительнымъ препятствіемъ для прочтенія его содержанія естественнымъ путемъ и поэтому вся экспертиза должна ограничиться ближайшимъ разсмотрѣніемъ неприкосновенности наружнаго холщеваго конверта.

Прежде всего требуется выяснить, какимъ образомъ этотъ конвертъ могъ бы быть вскрытъ и вторично задѣланъ?

Для этого прежде всего обѣ металлическія кнопки верхняго клапана должны быть извлечены; затѣмъ, верхній клапанъ и печать Общества должны быть для отклейки ихъ отмочены; внутренній конвертъ долженъ быть отодранъ, вынутъ и прочтенъ, (скажемъ: прочтенъ чрезъ протертые сгибы), снова вложенъ, подклеенъ къ наружному холщевому конверту, и клапанъ сего послѣдняго запечатанъ двумя металлическими кнопками, а на средину его должна быть наклеена печать Общества.

Для обсужденія этого вопроса всѣмъ членамъ Общества, участвовавшимъ въ этомъ засѣданіи, были разосланы для экспертизы точно такіе же полотняные конверты съ заклеенными верхними клапанами, припечатанными такими же двумя металлическими кнопками. Слѣдуетъ пояснить, что употребленныя металлическія кнопки состоятъ изъ металлическаго диска въ 9 мм. діаметра съ 6-ю клинообразными лапками-зубцами, которыя, при помощи приспособленной къ тому машинки, пробиваютъ клапаны конверта и, упираясь въ маленькій круглый желобокъ подкладываемой металлической пластинки, заворачиваются съ внутренней стороны пробитаго ими конверта къ центру кнопки, при чемъ каждая лапка не приплющивается вплотную къ конверту, а загибается дугообразно внутри его.

*Опредѣлено*: просить А. Н. Аксакова произвести предложенную имъ экспертизу.

Послѣ сего г. предсѣдателемъ былъ предложенъ вопросъ: считаютъ ли присутствующіе члены Общества несомнѣннымъ тотъ фактъ, что наружный конвертъ, на оборотѣ котораго написано г-жей М-вой рѣшеніе заданной задачи, доставленъ Обществу съ потертымъ и мѣстами протертымъ верхнимъ бумажнымъ своимъ слоемъ, но съ *неповрежденнымъ нижнимъ полотнянымъ слоемъ?*

На сей вопросъ всѣ присутствовавшіе отвѣтили *утвердительно* и подписались подъ протоколомъ.

---

## Протоколъ Общаго Собранія Русскаго Общества Экспериментальной Психологіи, 7-го мая 1893 года.

Присутствавали: вице-призедентъ Ф. Ф. Фишеръ, А. Н. Аксаковъ, И. Я. Бибиковъ, П. Ф. Семеновъ, А. Д. Степановъ, А. В. Елисѣевъ, В. Ф. Краевскій, В. В. Альбовъ, В. И. Прибытковъ.

Было заслушано письмо г-жи М-вой къ А. Н. Аксакову отъ 15-го января 1893 года:

«Спасибо большое за скорый отвѣтъ. Посылаю описаніе внутренняго пакета; я увѣрена, что вѣрно опредѣлила, а все-таки прошу увѣдомить меня, что вполнѣ ли вѣрно. Прилагаю при семъ 2 записочки,—онѣ очень важны для меня. Прочтены по слѣдующей причинѣ. Ваше письмо мнѣ почему-то не дается скоро; какъ я ни работаю, нѣтъ, ничего пока не выходитъ, особенно безъ А. Н. (д-ра Ховрина). Я Вамъ писала, что онъ меня почти совсѣмъ оставилъ. Что мнѣ дѣлать? Начну одна работать, то ничего не выходитъ; вотъ, 11-го января я стала думать о письмѣ и впала въ гипнотическій сонъ, спала, не просыпаясь *32 часа*; что со мной послѣ было, описывать не буду,—вотъ видите, какой результатъ получился моей самостоятельной дѣятельности. Тогда я рѣшила, что во мнѣ эта способность исчезла, пошла къ А. Н. и убѣдительно попросила его произвести надо мной опыты, сдѣлала я это еще и для того, чтобы увѣрить и самого А. Н. Еслибы Вы знали, какой онъ ужасный скептикъ, онъ даже плохо вѣритъ тому, что совершается у него на глазахъ. Сеансъ былъ днемъ, сдѣлали такъ: меня высылали въ другую комнату, затѣмъ писалъ онъ записку, клалъ въ конвертъ и запечатывалъ. Звали меня, вручали это письмо,—и я тутъ же, на глазахъ экспе-

риментатора говорила написанное. Я только брала письмо въ руки, водила по немъ пальцами и отгадывала. Повторяю, что все время съ меня не спускали глазъ, такъ что ни просмотрѣть на свѣтъ, ни вскрыть конверта я не имѣла возможности. Въ $^1/_2$ часа я прочла 4 подобныхъ фразы, 2 мнѣ не особенно скоро дались, а 2 моментально. Каждая была вложена въ отдѣльный конвертъ, это я потомъ для удобства положила въ одинъ; вотъ, каждую изъ нихъ получала такой, какъ я и посылаю, т.-е. въ конвертѣ. Кажется, А. Н. увѣрился, да и мудрено не вѣрить, ибо все это дѣлалось очень просто и на глазахъ. Почему же мнѣ не дается Ваше письмо? Предложу одинъ вопросъ: знаетъ ли кто-нибудь содержимое письма? Разумѣется, кто писалъ, тотъ знаетъ, но вѣдь могла выйти путаница, вмѣсто одного письма могли вложить другое, перемѣшать и т. д. Я Вамъ должна сказать, что въ моей способности имѣетъ большое значеніе, чтобы хотя на разстояніи, а былъ внушитель, т.-е кто бы зналъ навѣрное, что написано. Судя по тому, что письмо мнѣ не дается, я думаю, что есть какая-нибудь причина, я только не разберусь сама, а А. Н. говоритъ, что ничего не знаетъ. Отвѣтьте мнѣ, пожалуйста, на этотъ вопросъ, я увѣрена, что что-нибудь неладное есть. Не буду говорить, какъ я волнуюсь. Попросите, ради Бога, довольствоваться малымъ. Почему мнѣ дались знаки? Мнѣ могутъ сказать, что это въ программу не входитъ, но я не виновата, что послѣдовательность существуетъ въ моей способности. Записочки посылаю потому, что очень ужъ это замѣчательное для меня явленіе, и какъ подтвержденіе моей способности. Очень жаль, что я не могу показать Вамъ всѣмъ свою способность на мѣстѣ. Вы пишете, что я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не кончу все; да, правда, но лишь только А. Н. сдѣлалъ бы мнѣ внушеніе забыть обо всемъ и быть покойной, я сразу забуду и буду здорова. Вотъ почему я и прошу довольствоваться хотя знаками, тогда А. Н. тоже будетъ доволенъ, и я успокоюсь и покончу навсегда. Знаете, всѣхъ скептиковъ не увѣришь! Что способность во мнѣ эта есть, это правда, ибо я не аферистка и обманывать мнѣ никакой нѣтъ цѣли.

«Готовая къ услугамъ С. М—ва».

Слушали: письмо д-ра Ховрина къ А. Н. Аксакову отъ 26-го марта 1893 года слѣдующаго содержанія.

«Сообщаю Вамъ пока въ короткихъ словахъ свои наблю-

денія надъ М-вой во время отгадыванія ею данной ей Обществомъ задачи. Еще до отъѣзда моего въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ, при попыткахъ прочесть письмо черезъ ящикъ, М-вой казалось, что въ письмѣ написана слѣдующая фраза: *Общество экспериментальной психологіи проситъ васъ еще разъ прочесть одно письмо*, или фраза, близкая къ этой. Но при этомъ у нея ни разу не проявились тѣ свѣтлые моменты, когда она ясно видитъ слова, почеркъ, бумагу и вообще всѣ детали данной ей задачи. Эту фразу, какъ Вы помните, я оставилъ въ запечатанномъ конвертѣ у д-ра Фишера, онъ, вѣроятно, и до сихъ поръ хранится у него. Сама М-ва просила меня не сообщать о кажущемся ей и предупреждала, что это можетъ оказаться невѣрнымъ. По возвращеніи моемъ въ Тамбовъ я засталъ М-ву въ весьма дурномъ состояніи: она капризничала, раздражалась, о письмѣ слышать не хотѣла, отказываясь читать. Съ 1-го января у ней опять развилась потребность къ отгадыванію. Теперь она заявила, что ей кажется другая фраза: «*ясновидѣніе есть фактъ, который еще не доказанъ научнымъ путемъ*». Потребность отгадыванія продолжалась до 8-го января. Во все это время М—ва сильно волновалась, впадала въ трансъ, который сплошь и рядомъ оканчивался истерическими припадками, но непосредственнаго ясновидѣнія все-таки не развилось. Были отдѣльные моменты, когда она видѣла что-то, но они были такъ коротки, что ясно ничего не могла видѣть. Между тѣмъ, по отношенію *къ моимъ закрытымъ письмамъ* способность ея значительно усилилась: *она совершенно свободно въ моемъ присутствіи читаетъ* изготовленныя заранѣе записочки. Съ 8-го января и до послѣдняго времени М—ва совершенно бросила попытки рѣшить задачу. Такъ какъ у нея способность по отношенію къ моимъ письмамъ была усилена, то съ цѣлью убѣдиться, не употребляетъ ли М. какихъ-либо уловокъ при чтеніи закрытыхъ писемъ другихъ лицъ, я придумывалъ всевозможный контроль: *приклеивалъ* письма къ конвертамъ, *прошивая* ихъ извѣстнымъ образомъ и запечатывая сургучомъ, печаталъ, приклеивалъ внутрь письма контрольныя *тонкія бумажки*, которыя при выниманіи письма должны были разрываться и т. д., всегда находилъ контроль цѣлымъ и невредимымъ. Нужно васъ предупредить, что контрольное письмо Общества со времени моего возвращенія изъ Петербурга все время хранилось у М—вой. *Контролируя* конвертъ, что было *весьма*

*часто* и въ самое неопредѣленное время, я никогда не могъ замѣтить въ его наружномъ видѣ и въ положеніи кнопокъ что-либо подозрительное. *Во время опытовъ отгадыванія* М—ва всегда мяла письмо ужасно и, благодаря только тому, что конвертъ полотняный, оно осталось цѣло; поэтому Васъ не долженъ удивлять печальный видъ письма. При такомъ обращеніи съ письмомъ нужно опасаться, что внутренній конвертъ, если онъ только обыкновенный бумажный, тоже долженъ попортиться. Поэтому я просилъ бы Васъ, если таковое поврежденіе найдется, тщательно проконтролировать и происхожденіе этого весьма важнаго для констатированія способности М—вой факта.

Съ 12 марта, что совпадало съ періодомъ регулъ, у ней опять развилась потребность рѣшать задачу, и съ тѣхъ поръ до самаго отгадыванія она ежедневно являлась ко мнѣ, требуя, чтобы я ей помогъ своими внушеніями. Каждый день она впадала въ трансъ, оставаясь совершенно неподвижною и нечувствительною ко всѣмъ внѣшнимъ раздраженіямъ; ее въ это время можно было колоть, щипать, вкалывать булавки и никакой реакціи не получалось. Въ началѣ транса М. лежала тихо, изрѣдка только наблюдались конвульсивныя движенія въ туловищѣ, членахъ и плечевыхъ мышцахъ, подъ конецъ же она сильно вскрикивала, хватаясь за голову, все тѣло конвульсивно подергивалось, и трансъ оканчивался, больная приходила въ себя и съ отчаяніемъ заявляла, что видѣла одни только свѣтлые моменты, но прочесть что-либо ей не удалось. Съ каждымъ днемъ эти моменты появлялись чаще и чаще, иногда нѣсколько разъ, слѣдуя одинъ за другимъ, но ничего опредѣленаго она все-таки уловить не могла. 14-го марта въ одинъ изъ такихъ свѣтлыхъ моментовъ она уловила слово *Петербургъ* и ниже *18 xi/11 92 г.* и тутъ же еще неясное слово *фактъ*, что почти заставило ее убѣдиться во 2-й фразѣ, составленной такъ:

«Ясновидѣніе есть фактъ, который еще не доказанъ научнымъ путемъ.

Петербургъ, 18 xi/11 92 г.

Однако, у ней почему-то не складывалось окончательнаго убѣжденія въ вѣрности рѣшенной ею задачи. Были моменты, когда она прямо приходила въ отчаяніе и снова отказывалась рѣшить задачу. Подъ вліяніемъ этого отчаянія, она и написала Вамъ письмо, полученное Вами, если не ошибаюсь, 16 марта. Такъ дѣло про-

должалось до 21 марта. Въ эти дни больная чувствовала себя весьма дурно, плохо спала, ничего не ѣла и несмотря на всѣ увѣщанія оставить, хотя на время, попытки отгадать письмо, не могла это выполнить, заявивъ, что она сойдетъ съ ума, если не отгадаетъ письма. 21-го марта она утромъ опять явилась ко мнѣ, но, къ сожалѣнію я цѣлый день не былъ дома, и потому она поневолѣ должна была справляться съ письмомъ одна. Мнѣ передавали потомъ, что она цѣлый день была въ ужасномъ положеніи. Около 4-хъ часовъ дня М. впала въ трансъ, во время котораго у ней появился довольно продолжительный свѣтлый моментъ ясновидѣнія, и она въ состояніи была ясно прочесть текстъ письма и другія детали его. Оказалось, что письмо писано г. Корчагинымъ. Содержаніе текста она написала, какъ Вы увидите, на конвертѣ. Затѣмъ у ней развилась полная увѣренность, что это именно то, что и нужно было ей рѣшить, поэтому она настоятельно просила меня послать Вамъ телеграмму. Интересно во всемъ этомъ процесѣ одно обстоятельство: 15-го или 16-го марта во время транса М. ясно увидѣла комнату и четырехъ лицъ, сидѣвшихъ вокругъ круглаго стола. Одного изъ нихъ, какъ я Вамъ уже писалъ, она ясно успѣла разсмотрѣть—онъ писалъ; комната имѣла что-то вродѣ ниши. Для насъ было бы весьма важнымъ указать, 1) не входили-ли двѣ первыя кажущіяся фразы въ число уничтоженныхъ въ коммиссіи задачъ и 2) соотвѣтствовала ли галлюцинація М—вой дѣйствительности, или она была только случайной. Сама М—ва тогда же заявила, что ей въ Петербургѣ пишутъ письмо.

Вотъ все, что я пока могу сооообщить Вамъ о своихъ наблюденіяхъ надъ М--вой во время отгадыванія данной ей Обществомъ задачи. Дай Богъ, чтобы мои и моей больной труды не пропали даромъ, иначе пришлось бы съ душевною скорбью навсегда отказаться отъ доказательствъ ясновидѣнія, несмотря на всю не сомнѣнность существованія реальности факта ясновидѣнія. Сама М-ва въ настоящее время больна и не въ состояніи что-либо писать до болѣе удобнаго времени. Эти опыты достались ей не легко. Нужно дать ей хорошенько поправиться».

Слушали: письмо отъ 18 апрѣля 1893 года почтоваго чиновника С. А. Строганова въ Тамбовѣ къ д-ру Ховрину, переданное въ Общество А. Н. Аксаковымъ.

«Вчера я получилъ отъ Васъ свое письмо съ разгадкой интересной Вашей паціентки, г-жи М -вой.

Разгадка эта помѣщена на адресной сторонѣ конверта въ слѣдующихъ словахъ:

«Есть въ мірѣ вещи, которыя не снились намъ»,

причемъ добавлено, что письмо состоитъ именно изъ этой фразы и написано приблизительно тѣмъ почеркомъ, какимъ воспроизведена на конвертѣ разгадка.

По тщательномъ осмотрѣ этого письма (до его распечатанія) мною и другими, оно оказалоь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ я передалъ его Вамъ: моя именная (сургучная) печать, наложенная въ срединѣ конверта со стороны клапановъ, т.-е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ они сходятся, и имѣющая совершенно отчетливый оттискъ, найдена въ цѣлости; по линіямъ клапановъ, вездѣ заклеенныхъ плотно, нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ отклейки ихъ, подмочки и т. п.; написанныя мною по линіямъ клапановъ, тонкимъ почеркомъ, слова (такъ, что линіи эти дѣлятъ каждую букву пополамъ) нисколько не измѣнили своего вида въ отношеніи правильности фигуръ буквъ,—и по разсмотрѣніи написаннаго чрезъ лупу оказалось, что даже самыя тонкія «волосныя» черты, пересѣкающія клапаны, сохранили данное имъ при написаніи буквъ положеніе (направленіе), а чернила «не расплылись» ни мало... Очевидно, что при отклейкѣ клапановъ путемъ отпариванія, подмочки и проч. ни того, ни другого не могло быть. Затѣмъ, совершенно цѣлы также ребра (другаго названія не подберу) конверта, углы его, и вообще на конвертѣ не имѣется никакихъ поврежденій, вродѣ разрѣзовъ, наколовъ и тому подобныхъ скважинъ. Для вскрытія письма конвертъ разрѣзанъ былъ ножницами по всѣмъ четыремъ сторонамъ, — точнѣе: по всѣмъ четыремъ ребрамъ его отрѣзаны были по прямой линіи сгибы бумаги. Эти отрѣзанные сгибы были расправлены и также тщательно разсмотрѣны: бумага найдена цѣльною; слѣдовательно, разрѣзы съ послѣдующею заклейкою не могли имѣть мѣста. Самое письмо *) найдено 1) приклееннымъ къ одной изъ внутреннихъ сторонъ конверта, какъ это сдѣлано было мною по вложеніи письма въ конвертъ и 2) крестообразно обернутымъ въ узкую (въ 1 сант.) ленту изъ тонкой (вродѣ папиросной) бумаги особаго цвѣта и рисунка; причемъ концы ленты были приклеены также ко внутреннимъ сторонамъ конверта; это тоже сдѣлано было мною

*) Здѣсь уже я называю письмомъ то, что составляло вложеніе въ конвертъ.

при изготовленіи письма. Очевидно, что для того, чтобы вынуть письмо изъ конверта, его (письмо) нужно было оторвать,—словомъ, отклеить отъ стѣнки конверта, и чтобы письмо развернуть (вынимая или не вынимая изъ конверта), необходимо было порвать упомянутую бумажную ленту, такъ какъ хотя она лежала на письмѣ и свободно, но совершенно лишала возможности, безъ поврежденія ея, вынуть или развернуть листы, въ ней заключавшіеся. Но по осмотру стѣнокъ конверта съ внутренней стороны не обнаружено никакихъ слѣдовъ отклеиванія и приклеиванія, ни въ клапанахъ, ни въ томъ мѣстѣ, гдѣ бумага письма соединена была клеемъ съ бумагою конверта; въ совершенной же цѣлости оказалась тонкая бумажная лента, окружавшая письмо и приклеенная по концамъ къ конверту. Письмо состояло изъ двухъ листовъ «плотной» почтовой бумаги большого формата. На одномъ изъ нихъ мною написана была чернилами чернаго цвѣта (почеркомъ настоящаго письма) слѣдующая фраза въ двѣ строки:

*Есть въ мірѣ вещи, которыхъ не снилось мудрецамъ.*

Этотъ листъ сложенъ былъ въ четыре раза, притомъ такъ, что при первомъ переломѣ (перегибѣ) бумаги линія перелома дѣлила строки на двѣ части, которыя при первомъ сложеніи листа совпадали, а потому, если бы была возможность видѣть «на свѣтъ» написанное сквозь сложенную одинъ разъ (только) бумагу, то и тогда нельзя было бы разобрать словъ, такъ какъ, совпадая, они измѣняли фигуры буквъ,—словомъ, портили, уничтожали написанное. Свернутый вчетверо листъ съ написанною фразою обернутъ былъ еще такимъ же точно листомъ бумаги, также сложеннымъ вчетверо, и затѣмъ уже письмо въ такомъ видѣ обложено было описаннымъ порядкомъ бумажною лентою. Прочитать «на свѣтъ» написанную фразу при такомъ сложеніи и при такой оберткѣ письма, да еще сквозь бумагу (также очень плотную), составляющую конвертъ, представляется невозможнымъ при какихъ бы то ни было условіяхъ, по крайней мѣрѣ, на мой взглядъ. Вотъ почему и не допуская, по вышеприведеннымъ соображеніямъ, возможности вскрытія моего письма и приведенія его затѣмъ въ прежній видъ (во всѣхъ деталяхъ), я не могу не выразить своего удивленія по поводу факта прочтенія г-жею М—вой моего письма при такихъ, на общежитейскій взглядъ, ненатуральныхъ условіяхъ.

Изъ сопоставленія моей фразы съ разгадкою удивительной

отгадчицы видно, что она ошиблась въ одномъ словѣ, а именно: вмѣсто «мудрецамъ», прочитала «намъ».

Обстоятельство это, которое, съ извѣстной точки зрѣнія, можетъ служить только доказательствомъ способности г-жи М—вой отгадывать такія нелегкія загадки и отсутствія въ опытѣ фальши, обмана, признаковъ фокуса (уменьшилось ли бы значеніе факта, еслибы г-жа М—ва, правильно прочитавъ первую половину фразы, исказила всю другую половину ея?! Отрицательный отвѣтъ ясенъ); такъ это обстоятельство, говорю, даетъ мнѣ поводъ высказат нѣсколько личныхъ предположеній.

Помнится мнѣ, что когда я писалъ для настоящаго опы фразу, то *первое мое желаніе было написать* такъ: есть въ мір . . . . не снились *намъ*. Но, не написавъ послѣдняго слов передумалъ и хотѣлъ вмѣсто его написать—*врачамъ*, а затѣм снова передумалъ и написалъ— *мудрецамъ*. Если мнѣ на этотъ раз не измѣняетъ моя память, то не прочитала-ли г-жа М—ва пс слѣднее слово фигурирующей въ данномъ случаѣ классическо фразы такъ, какъ оно готово было быть воспроизведеннымъ п моему *первому желанію*, по *моей первой мысли?* Не могла ли от гадчица прочитать *самую мысль* въ той формѣ, которая соотвѣт ствовала моему *первому* представленію? Да и что, въ самомъ дѣлѣ для нея, читающей написанное другими черезъ десять оболочекъ, это самое писаніе, этотъ шрифтъ, эти чернила, короче—вся эта физическая сторона дѣла?? Не справедливо ли думать, что для нея, столь необыкновенно воспріимчивой, все равно читать написанное мною на бумагѣ чернилами, или то, что я *только хотѣлъ* написать (мысленно написалъ) или написалъ на этой бумагѣ пальцемъ (безъ отпечатковъ и оттисковъ)? Эти выводы, эти предположенія (быть можетъ, съ научной точки зрѣнія, до курьезнаго смѣлыя) напрашиваются какъ-то сами собою въ виду разсматриваемаго до необычайности исключительнаго факта.

Позабылъ сказать въ своемъ мѣстѣ, что почеркъ руки, коимъ воспроизведена въ разгадкахъ фраза, я признаю дѣйствительно сходнымъ съ моимъ почеркомъ.

Въ заключеніе, справедливость обязываетъ меня замѣтить здѣсь, что возвращенное мнѣ мое письмо (собственно и только конвертъ) было нѣсколько помято, какъ будто ощупывалось руками.

Я остановился такъ долго на описаніи даннаго факта въ виду

отгадчицы видно, что она ошиблась въ одномъ словѣ, а именно: вмѣсто «мудрецамъ», прочитала «намъ».

Обстоятельство это, которое, съ извѣстной точки зрѣнія, можетъ служить только доказательствомъ способности г-жи М—вой отгадывать такія нелегкія загадки и отсутствія въ опытѣ фальши, обмана, признаковъ фокуса (уменьшилось ли бы значеніе факта, еслибы г-жа М—ва, правильно прочитавъ первую половину фразы, исказила всю [illegible]

[illegible] сторона дѣла?? Не справедливо ли думать, что для нея, столь необыкновенно воспріимчивой, все равно читать написанное мною на бумагѣ чернилами, или то, что я *только хотѣлъ* написать (мысленно написалъ) или написалъ на этой бумагѣ пальцемъ (безъ отпечатковъ и оттисковъ)? Эти выводы, эти предположенія (быть можетъ, съ научной точки зрѣнія, до курьезнаго смѣлыя) напрашиваются какъ-то сами собою въ виду разсматриваемаго до необычайности исключительнаго факта.

Позабылъ сказать въ своемъ мѣстѣ, что почеркъ руки, коимъ воспроизведена въ разгадкахъ фраза, я признаю дѣйствительно сходнымъ съ моимъ почеркомъ.

Въ заключеніе, справедливость обязываетъ меня замѣтить здѣсь, что возвращенное мнѣ мое письмо (собственно и только конвертъ) было нѣсколько помято, какъ будто ощупывалось руками.

Я остановился такъ долго на описаніи даннаго факта въ виду

Открыта подписка

# ВОПРОСЫ ФИЛОСО[ФІИ]

и

# ПСИХОЛОГІИ.

## ИЗДАНІЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕ-СКАГО ОБЩЕСТВА.

**Годъ пятый.**

(съ 1-го января 1894 г.)

---

## УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

На годъ (съ 1-го января 1894 г. по 1-е января 1895 г.) безъ доставки **6** р., съ доставкой въ Москвѣ — **6** р. **50** коп., съ пересылкой въ другіе города — **7** руб., [за] границу — **8** руб. Члены Психологическаго Общества, [уча]щіеся, сельскіе учителя и сельскіе священники пользу[ются] скидкой въ 2 р.

Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается **только въ** [кон]торахъ редакціи.

Полные экземпляры журнала за первый годъ (четыре **книги**) [всѣ] проданы, отдѣльно продаются оставшіеся въ небольшомъ **числѣ** 3-й и 4-й книгъ I года — по 2 руб. съ перес. каждая; **полные экзем**[пля]ры за второй и третій годы (по пяти книгъ) 6 руб. 50 к., **съ** [пере]сылкой 7 рублей за годъ. Полные экземпляры журнала **за два по**[слѣд]ніе года продаются въ конторѣ редакціи по 12 руб., **съ перес.** [13 р.], а **за три** года 18 руб., съ перес. 19 р. Выписывать можно **нал**[ожен]нымъ платежомъ. Сверхъ того, можно пріобрѣтать по 1 р. **25** [к.] (съ пер. 1 р. 50 к.) слѣдующія отдѣльныя книги журнала, **оста**[вшіяся] лишними сверхъ полнаго комплекта, — №№: 6, 7, 8, 9, 11, **12**, 14, а № **21** — за 2 рубля, съ пересылкой — за 2 р. 25 к.

За всякую перемѣну адреса уплачивается 20 коп.; **въ случа**[ѣ непо]лученія какого-либо номера журнала просятъ увѣдомлять **объ** [этомъ] контору не позже выхода слѣдующаго за неполученнымъ **номера.**

Въ журналѣ помѣщаются платныя объявленія **исключительно** [о кни]гахъ и художественныхъ изданіяхъ, по 10 руб. за страницу.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ **„Новаго Времени"** [(СПб.,] Москва, Одесса и Харьковъ), **Карбасникова** (СПб., **Москва**, [Вар]шава), **Вольфа** (СПб. и Москва), **Оглоблина** (Кіевъ), **Баш**[макова] (Казань) и **другихъ**, принимается въ конторѣ журнала: **Москва, П[реч]истенка, Левшинскій пер., д. Авдѣева,** и **въ Петербургскомъ [отдѣ]леніи конторы: Фонтанка, 18, кв. 28.**

---

1. Всѣ статьи, доставляемыя въ редакцію, въ случаѣ надобности, **подле**[жатъ на] основаніи постановленія редакціоннаго комитета, сокращенію и **редакціонн**[ымъ по]правкамъ. 2. Время напечатанія статей и распредѣленіе ихъ по **книжкамъ** [опредѣ]ляется редакторами сообразно наличному матеріалу. 3. Статьи, **присылаемыя** [въ ре]дакцію безъ обозначенія условій, поступаютъ въ полное распоряженіе **ре**[дакціи]. 4. Размѣръ оплаты статей гонораромъ опредѣляется по особымъ **прави**[ламъ, вы]работаннымъ комитетомъ. 5. Статьи, не принятыя редакціей, высылаются [авторамъ] обратно лишь при полной оплатѣ почтовыхъ расходовъ. 6. Въ виду **затрудни**[тельности] скораго прочтенія всѣхъ присылаемыхъ статей, иногороднимъ авторамъ **пре**[длагается] ждать отвѣта редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ.

*Всѣ статьи для журнала должны быть доставляемы въ московскую* **кон**[тору ре]*дакціи.*

Годъ V. Книга 3 (23-я).

ИЗДАНІЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

# ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ,

подъ редакціей профессоровъ Н. Я. Грота и Л. М. Лопатина.

## МАЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.



МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., собств. домъ.
1894.

ИЗДАНІЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

# ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ



МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

Пименовская ул., соб. д.

1894.

ДАНІЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

# ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

# и

# ПСИХОЛОГІИ.

**ЖУРНАЛЪ,**

*основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.*

ГОДЪ V.

**Книга 23 (3).**

Подъ редакціей профессоровъ **Н. Я. Грота** и **Л. М. Лопатина.**

**МАЙ 1894 г.**

**МОСКВА.**
Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., соб. д.
1894.

# СОДЕРЖАНІЕ.



## Спеціальный отдѣлъ.



## Критика и библіографія.

### I. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

II. ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

# Философія Григорія Саввича Сковороды, украинскаго философа XVIII столѣтія.

(Род. 1722 г., ум. 1794 г.).

---

Григорій Саввичъ Сковорода—прежде всего *философъ-моралистъ*. Онъ говоритъ о себѣ: „изъ самыхъ младенческихъ лѣтъ тайная сила и маніе влекли меня къ нравоучительнымъ книгамъ" („Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ"). Когда онъ выступилъ на поприще дѣятельности, къ которой чувствовалъ призваніе, то старался вліять на нравственную жизнь тѣхъ, съ которыми онъ обращался и соприкасался. „Обучатися и купно обучати братію добродѣтели, якоже свыше заповѣдано мнѣ, сей мой единъ есть и жребій, и конецъ, и цвѣтъ, и плодъ жизни, и трудовъ моихъ успокоеніе", писалъ онъ въ одномъ письмѣ (Хиждеу. Григорій Варсава Сковорода. „Телескопъ". Часть XXVI, стр. 158). Въ этомъ направленіи онъ дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, своими бесѣдами съ близкими ему людьми, переходя съ одного мѣста на другое. У него слово не расходилось съ дѣломъ и убѣжденіе—съ дѣйствіями и поступками; поэтому его жизнь была лучшимъ примѣромъ высокой нравственности для тѣхъ, съ которыми онъ бесѣдовалъ. Но онъ не ограничивался лишь устными бесѣдами; онъ писалъ сочиненія для тѣхъ же близкихъ людей, которыя и передавалъ по назначенію, не предназначая, повидимому, ихъ для печати.

Благодаря тому, что сочиненія Г. С. Сковороды сохранились и дошли до насъ (напечатаны лишь немногія изъ

нихъ), мы имѣемъ теперь возможность на основаніи ихъ составить себѣ болѣе или менѣе цѣльное представленіе о томъ высокомъ нравственномъ идеалѣ, который создалъ Сковорода для своей жизни и проповѣдовалъ другимъ.

Главный недостатокъ своего времени Сковорода видѣлъ въ упадкѣ нравственности въ обществѣ и въ отсутствіи нравственнаго идеала. Этого идеала онъ не находилъ не только въ своемъ отечествѣ, но и за границею, куда онъ попалъ, благодаря обстоятельствамъ, благопріятно для него сложившимся. „Чрезъ странствованіе по Европѣ, говоритъ одинъ изъ почитателей Сковороды, онъ замѣтилъ, что не у насъ только, но и вездѣ богатому кланяются, а бѣднаго презираютъ, видѣлъ...., какъ глупость предпочитаютъ разуму, какъ шутовъ награждаютъ, а заслуга питается подаяніемъ, какъ развратъ нѣжится на мягкихъ пуховикахъ, а невинность томится въ мрачныхъ темницахъ,—словомъ, онъ видѣлъ все, что̀ можно видѣть каждый день на нашемъ земномъ шарѣ" (статья о Сковородѣ Густава Гессъ де-Кальве, „Украинскій Вѣстникъ" за 1817 годъ, апрѣль, 109 стр.). „Весь міръ спитъ и спитъ глубоко", говоритъ Сковорода, разумѣя нравственный сонъ человѣчества. Въ другомъ мѣстѣ Сковорода называетъ міръ „мертвецомъ" въ томъ же нравственномъ отношеніи („Брань Архистратига Михаила съ Сатаною"). Сковорода понималъ важность и значеніе наукъ и цивилизаціи, развившихся на Западѣ. „Я наукъ не хулю,—говоритъ онъ,—и самое послѣднее ремесло хвалю" („Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ"). Но *утилитарное* направленіе умовъ, развившееся подъ вліяніемъ естественно-научныхъ открытій, которое заглушало всѣ высшіе умственные и нравственные запросы человѣческаго духа, вызывало со стороны философа-моралиста сильное порицаніе. Во имя этихъ-то высшихъ требованій духа онъ и ратовалъ противъ матеріалистическаго направленія жизни, указывая на то, что эти требованія безотчетно сказываются въ человѣчествѣ въ видѣ испытываемой неудовлетворенности духа и мысли. „Я и самъ сему часто дивлюсь,—говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ въ

„Разговорѣ о душевномъ мирѣ", — что мы въ постороннихъ околичностяхъ черезчуръ любопытны, рачительны и проницательны: измѣрили море, землю, воздухъ, небеса и обезпокоили брюхо земное ради металловъ; размежевали планеты, доискались въ лунѣ горъ, рѣкъ и городовъ, нашли закомплетныхъ міровъ несчетное множество; строимъ непонятныя машины; засыпаемъ бездны; воспящаемъ и привлекаемъ стремленія водныя; что денно, новые опыты и дикія изображенія. Боже мой! чего мы не умѣемъ, чего не можемъ? Но то горе, что при всемъ томъ кажется, *чегось великаго недостаетъ*. Нѣтъ того, чего сказать не умѣемъ; одно только знаемъ, что недостаетъ чегось, а что оно такое, не понимаемъ. Похожи на безсловеснаго младенца: онъ только плачетъ; не въ силахъ ни знать, ни сказать, въ чемъ ему нужда; одну только досаду чувствуетъ. *Сіе явное души нашей неудовольствіе не можетъ ли намъ дать догадаться, что всѣ сіи науки не могутъ мыслей нашихъ насытить. Бездна душевная, видишъ, оными не наполняется*".

Не найдя ни дома, ни за границею, ни въ жизни, ни въ философіи своего времени нравственнаго идеала, котораго искалъ, Сковорода обратился къ древности. Ученикъ и другъ Сковороды *Ковалѣнскій*, который написалъ біографію его, говоритъ, что „любимѣйшими писателями Сковороды были: Плутархъ, Филонъ Іудеянинъ, Цицеронъ, Горацій, Лукіанъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Нилъ, Діонисій Ареопагитскій и Максимъ Исповѣдникъ; а изъ новыхъ— относительные къ симъ; глава же всѣмъ Библія" (Житіе Сковороды. Изданіе редакціи „Кіевской Старины" 1886 г., стр. 23). Сковорода говоритъ о себѣ, что Библію онъ началъ изучать около 30-ти лѣтъ отъ рожденія. „Эта прекрасная книга надъ всѣми моими полюбовницами (излюбленными книгами) верхъ одержала, утоливъ мою долговременную алчбу и жажду" („Разговоръ о душевномъ мирѣ"). Съ Библіею не разставался онъ до самой смерти. Онъ зналъ ее такъ, какъ знали немногіе (что можно видѣть изъ его сочиненій). Для лучшаго пониманія ея онъ изучилъ еврейскій языкъ, насколько это было доступно ему. Его взглядъ на Библію не-

согласовался ни со взглядомъ тѣхъ, которыхъ онъ называлъ „спящими на Библіи", или (повторяя Ап. Павла) „почивающими на законѣ", ни со взглядомъ раціоналистовъ XVIII стол. (этотъ взглядъ выяснится дальше). Руководясь толкованіемъ Библіи Филона Іудейскаго, Ап. Павла и нѣкоторыхъ отцовъ и учителей Церкви, Сковорода видѣлъ въ ней книгу, научающую глубокому *самопознанію,* познанію Бога и природы, и указующую нравственный идеалъ людямъ. Рядомъ съ изученіемъ Библіи онъ изучалъ древне-классическую философію и древне-классическій міръ вообще. Тотъ же Филонъ, а затѣмъ Плутархъ, Цицеронъ и другіе обогащали его свѣдѣніями по древне-классической философіи, вызывали въ немъ сознаніе необходимости непосредственнаго знакомства съ сочиненіями Платона и Аристотеля и руководили его въ пониманіи и изученіи этихъ сочиненій. Чѣмъ болѣе знакомился Сковорода съ древне-классическою философіею и древне-классическимъ міромъ, тѣмъ болѣе находилъ удовлетворенія своимъ душевнымъ потребностямъ и стремленіямъ, и тѣмъ отчетливѣе выяснялся предъ нимъ высокій *общечеловѣческій* нравственный идеалъ. Взоры его, какъ философа-моралиста, обращены были прежде всего и болѣе всего на Сократа, всю жизнь свою посвятившаго на то, чтобы будить въ соотечественникахъ высшія нравственныя чувства и стремленія. О вліяніи личности и дѣятельности Сократа на Сковороду и его дѣятельность будетъ сказано нами отдѣльно. Это вліяніе засвидѣтельствовано самимъ Сковородою, который „восхотѣлъ быть Сократомъ на Руси". Подобно Сократу, Сковорода положилъ въ основаніе своей философіи изреченіе: „познай самого себя"—и на эту тему написалъ цѣлый рядъ діалоговъ и бесѣдъ. У Платона и Аристотеля онъ нашелъ глубокую умозрительную философію. У стоиковъ, кромѣ умозрительной философіи, онъ нашелъ начертаніе общечеловѣческаго нравственнаго идеала, и не только начертаніе, но и стремленіе осуществить его въ жизни. Особенно привлекалъ его римскій стоицизмъ. Самый характеръ римскаго народа, какъ онъ выразился въ древнѣйшую эпоху жизни

его, казался Сковородѣ весьма симпатичнымъ. „Какъ только я стану читать книжечку Цицеронову: „О старости“,—пишетъ онъ въ своемъ письмѣ къ Тевяшову (для котораго онъ перевелъ на русскій языкъ эту книжечку),—открывается мнѣ театръ древнѣйшихъ римскихъ временъ, а на немъ представляется, напримѣръ, Камиллусъ, Корунканіусъ, Куріусъ и прочіи таковыи. Признаюся, что позорищемъ сихъ добротою сіяющихъ сердецъ плѣняется мое душевное око, и прихожу въ понятіе, что нѣтъ ничего ни любезнѣе, ни приманчивѣе, какъ добродушіе. Не могу довольно надивиться, какимъ образомъ они могли быть просты, но поважны, грубы, но дружелюбны, вспыльчивы, но незлобивы, ласковы, но нелукавы, сильны, но справедливы, побѣдительны, но милосердны, властительны, но безкорыстолюбны, немного учены, но благоразумны, разумны, но безковарны, великолѣпны, но щедры, хвастуны, но не лгуны, стяжательны, но необидливы, спорники, но неправоненавистники, склонны къ заблужденію, но нежелатели его, защитники грѣха, но поколь лести его не узнали, честолюбцы и славолюбцы, но безпритворны и не мартышки, изобильны, но не сластолюбцы и не изнѣженные трудолюбцы, не христіане, но любители безсмертія“. Повидимому, Сковорода предпочиталъ характеръ римскаго народа характеру грековъ и въ частности — характеру аѳинянъ. „Воздухъ бьетъ Катонъ (т. е. говоритъ), какъ аѳиняне, но сердцемъ и грудью говоритъ римлянинъ, поражая востріемъ духа въ самую душевную точку и оставляя въ ней язвительное чувство, будто пчела жало. *Знать-то такова рѣчь, какова жизнь, а жизнь такова, какъ сердце*“, въ томъ же письмѣ говоритъ Сковорода. Видно, что нравственный характеръ Катона и другихъ подобныхъ ему римлянъ воодушевлялъ философа-моралиста, который самъ стремился къ тому, чтобы въ жизни слово и убѣжденія не расходились съ дѣломъ и поступками. Но завершеніе высокаго нравственнаго идеала онъ видитъ въ христіанствѣ. „Внимай,—говоритъ онъ въ „Разгорѣ о душевномъ мирѣ“,—внимай, что пишетъ Лука о первыхъ христіанахъ: бѣ въ нихъ единa душа и едино

сердце.... А что-жъ то? Какое въ нихъ сердце? Кромѣ согласной въ нихъ любви, вотъ какое! Они же убо радовахуся, яко за имя Господа Іисуса сподобишася пріяти безчестіе.... Но вотъ еще геройское сердце! Хулими утѣшаемся! *) Радуюся въ страданіяхъ моихъ. Кто можетъ безъ удивленія прочесть ту часть его (Ап. Павла) письма, которая читается въ день торжества его? Она есть позорищемъ прекраснѣйшихъ чудесъ, плѣняющихъ сердечное око". Какъ ни враждебно относился Сковорода къ современному ему монашеству, въ которомъ подъ монашескою рясою нерѣдко скрывалось, по его выраженію, „мірское сердце", несмотря на это, въ древнемъ монашествѣ, — въ такихъ подвижникахъ, какъ Павелъ Ѳивейскій, Антоній Египетскій, Савва Освященный,—онъ видѣлъ осуществленіе того же высокаго христіанскаго нравственнаго идеала, который отмѣтилъ у первыхъ христіанъ. „Уклонися отъ зла,—говоритъ онъ въ „Бесѣдѣ, нареченной: Двое",—да явишися человѣкомъ. Стяжи мужей оныхъ (Павла Ѳивейскаго, Антонія Египетскаго, Саввы Освященнаго) сердце. Бѣгай молвы, объемли уединеніе, люби нищету, цѣлуй цѣломудріе, дружись съ терпѣніемъ, водворися со смиреніемъ, ревнуй по Господѣ Вседержителѣ".

Вышеизложеннымъ не исчерпывается все ученіе Сковороды о нравственности и нравственномъ идеалѣ. Оно соединено у него съ умозрѣніемъ и практическою философіей, о чемъ будетъ рѣчь впереди. Представленный нами бѣглый очеркъ Сковороды, какъ *философа-моралиста*, съ указаніемъ

*) Кстати привести здѣсь случай изъ жизни Сковороды, о которомъ онъ съ тяжелымъ чувствомъ стыда говоритъ въ томъ же сочиненіи—„Разговоръ о душевномъ мирѣ": „Открою вамъ, други мои, слабость мою. Случилось мнѣ въ неподлой компаніи не безъ удачи быть участникомъ разговора. Радовался я тѣмъ, но радость моя вдругъ исчезла: двѣ персоны начали хитро ругать и осмѣивать меня, вкидая въ разговоръ такія алмазныя слова, кои тайно изображали подлый мой родъ и низкое состояніе и тѣлесное безобразіе. *Стыдно* мнѣ вспомнить, сколь затревожилось сердце мое, а паче, что сего отъ нихъ не чаялъ; въ силу я по долгомъ размышленіи возвратилъ мой покой, вспомнивъ, что они—бабины сыны". [Что означаетъ послѣднее выраженіе, онъ объясняетъ при помощи басни о бабѣ, покупавшей горшки, которую (басню) приводитъ тутъ же; она же помѣщена въ числѣ „Харьковскихъ басней".]

первоисточниковъ его нравственнаго идеала, показываетъ уже, насколько ошибаются тѣ, которые искали и ищутъ непосредственной зависимости Сковороды отъ кого-либо изъ западно-европейскихъ философовъ XVII или XVIII стол. Мнѣніе относительно этой зависимости составилось, главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что Сковорода жилъ нѣкоторое время за границею, „гдѣ,—какъ говоритъ Ковалѣнскій—любопытствуя по охотѣ своей, старался знакомиться наипаче съ людьми учеными и знаніями отлично славными тогда". Это тѣмъ болѣе доступно ему было, что „онъ говорилъ весьма исправно и съ особенною чистотою латинскимъ и нѣмецкимъ языкомъ и довольно разумѣлъ еллинскій" („еллинскій предпочиталъ всѣмъ иностраннымъ", говоритъ въ другомъ мѣстѣ Ковалѣнскій, стр. 47); онъ снискалъ „знакомство и пріязнь ученыхъ, а съ ними пріобрѣлъ новыя познанія, каковыхъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ своемъ отечествѣ" (Ковалѣнскій, стр. 13). Густавъ Гессъ де-Кальве говоритъ, что „онъ странствовалъ въ Польшѣ, Пруссіи, Германіи и Италіи" („Украинскій Вѣстникъ", часть VI, стр. 108). Но Ковалѣнскій говоритъ только о Венгріи, Вѣнѣ, Офенѣ и Пресбургѣ, „съ прочими окольными мѣстами", куда путешествовалъ Сковорода. Въ этомъ случаѣ мы должны довѣриться болѣе показанію Ковалѣнскаго, какъ ближайшаго друга Сковороды, чѣмъ показанію Г. Гессъ де-Кальве; поэтому, кругъ заграничнаго путешествія Сковороды не былъ такимъ обширнымъ, какъ представилъ его этотъ послѣдній. Но, какъ бы то ни было, кажется, еще при жизни Сковороды нѣкоторые сравнивали его съ мартинистами; по крайней мѣрѣ, онъ въ бесѣдѣ съ Ковалѣнскимъ о разныхъ сектахъ счелъ нужнымъ высказаться о мартинистахъ: „я не знаю мартинистовъ, ни разума, ни ученія ихъ; если же они мудрствуютъ въ простотѣ сердца, чтобы быть полезными гражданами обществу, то я почитаю ихъ; но ради сего не для чего бы имъ обособничествовать. Любовь къ ближнему не имѣетъ никакой секты" и т. д. (Ковалѣнскій, стр. 41). Тѣмъ болѣе нельзя ставить его въ зависимость отъ кого-либо изъ другихъ

извѣстныхъ мистиковъ XVIII стол. Особенно Сковорода не обнаруживалъ наклонности къ видѣніямъ духовъ и умершихъ и къ ѳеургіямъ, что̀, какъ извѣстно, практиковалось въ мистическихъ сектахъ того времени. Тѣмъ не менѣе названіе „мистика“ оставалось за Сковородою до послѣдняго времени (Ибервегъ-Гейнце: „Исторія новой философіи“, 533 стр.). Въ настоящемъ году въ статьѣ журнала „Недѣля“ (январь 1894 г.) высказанъ иной взглядъ на Сковороду, совершенно противоположный вышеуказанному. Здѣсь Сковорода названъ „раціоналистомъ pur sang“ (стр. 21). Авторъ этой статьи усмотрѣлъ „сродство“ философіи Сковороды съ философіею Спинозы, хотя при этомъ предупредилъ читателей, что онъ не имѣетъ „ни малѣйшихъ внѣшнихъ доказательствъ какого бы то ни было знакомства Сковороды съ сочиненіями Спинозы или кого-либо изъ его учениковъ и послѣдователей“ (тамъ же).

Нужно сознаться, что сочиненія Сковороды были мало извѣстны. Большинство тѣхъ, которые писали о Сковородѣ, едва ли имѣло подъ руками настолько достаточное количество ихъ, чтобъ оцѣнить ихъ достоинство надлежащимъ образомъ (см. статью въ „Недѣлѣ“, стр. 21, примѣч.). Да и тѣ, которые имѣли подъ руками значительное количество ихъ, не имѣли терпѣнія, ни даже желанія прочитывать ихъ. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ Халявскій (Данилевскій): „онъ (Сковорода) писалъ тяжело, темнымъ и страннымъ языкомъ, о предметахъ отвлеченныхъ, туманныхъ, способныхъ заинтересовать кругъ слишкомъ ограниченный, почти не замѣтный“ („Основа“ за 1862 годъ, сентябрь, 67 стр.); „прослѣдить большую часть его разсужденій теперь, по странному, тяжелому и вычурному языку ихъ, добровольно сдѣлаетъ развѣ записной библіоманъ“ (стр. 68). Дѣйствительно, указанный авторъ прибѣгъ къ выпискѣ изъ „Исторіи философіи“ архимандрита Гавріила, чтобы дать понятіе читателямъ о философіи Сковороды, заявивши при этомъ, что арх. Гавріилъ изучалъ печатныя и неизданныя сочиненія Сковороды. Мы позволимъ себѣ усомниться въ томъ, что арх. Гавріилъ

изучалъ сочиненія Сковороды, иначе мы вправѣ были бы ожидать отъ него, какъ спеціалиста, бо́льшаго, чѣмъ сколько изложено имъ о философіи Сковороды въ его „Исторіи философіи"; да и то, что имъ изложено здѣсь, заимствовано, повидимому, изъ статьи Хиждеу, подъ заглавіемъ: „Григорій Варсава Сковорода", напечатанной въ Телескопѣ за 1835 годъ (часть 26); она даетъ намъ относительно философіи Сковороды больше, чѣмъ другія. Видно, что этотъ почитатель Сковороды и его философской дѣятельности усердно изучалъ сочиненія его и старался уразумѣть его философію. Онъ располагалъ большими средствами, чѣмъ располагаемъ мы въ настоящее время (онъ дѣлаетъ указанія на такія сочиненія Сковороды, которыхъ никто, кромѣ него, не указываетъ). Результатомъ его изученія сочиненій Сковороды было подробное изслѣдованіе, написанное имъ для нѣмецкаго профессора-историка Гёрреса (Görres). То, что напечатано въ „Телескопѣ", есть, по его собственному заявленію, только краткое (афористическое) извлеченіе изъ рукописи, написанной на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Gregor Scoworoda's Lebenswandel und Wirkungskreis, oder historisch-kritische Würdigung seiner Schriften, als Beitrag zur einer Geschichte der Slavischen Volksweisheit, in Briefen an Joh. Jos. Görres, Professor an der Universität zu München". Была ли напечатана гдѣ-либо эта рукопись Хиждеу, намъ неизвѣстно; напечатанное же въ Телескопѣ, хотя весьма цѣнно для насъ, особенно по выдержкамъ изъ неизвѣстныхъ намъ сочиненій Сковороды, крайне недостаточно для полнаго знакомства съ философіею Сковороды. Вообще, можно безъ преувеличенія сказать, что философія Сковороды была доселѣ почти неизвѣстна русской публикѣ.

### Сократическая дѣятельность Сковороды.

Въ противоположность другимъ (исключая Хиждеу), мы ставимъ Сковороду въ зависимость отъ древне-классической философіи тамъ, гдѣ дѣло касается его философіи въ тѣсномъ смыслѣ слова. Оттуда онъ черпалъ философскія идеи,

переработывая ихъ согласно собственному настроенію и тенденціямъ, а также согласно мѣсту, духу времени и потребностямъ общества, среди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ. Древне-классическая философія положила свой отпечатокъ на философское мышленіе Сковороды. Быть можетъ, этимъ онъ существенно отличается отъ мистиковъ, съ которыми его сопоставляютъ. Повидимому, онъ былъ склоненъ по природѣ къ мистицизму; но изученіе древне-классической философіи вывело его на болѣе здравый путь мышленія. Онъ иногда говоритъ языкомъ раціоналистовъ XVIII стол., и въ этомъ случаѣ мы не отвергаемъ совершенно вліянія на него мыслителей этого вѣка. Но наибольшее вліяніе производила на него древне-классическая философія, чѣмъ и объясняется то, что онъ не послѣдовалъ за отрицательною философіей XVIII стол. Сочиненія Сковороды показываютъ глубокое пониманіе твореній великихъ философовъ древности: онъ хорошо понимаетъ общеміровое ихъ значеніе. Задумавши вызвать русское національное самосознаніе, онъ избираетъ своимъ руководителемъ Сократа.

„Куда мы слѣпы,—говоритъ Сковорода,—въ томъ, что нужно намъ есть. Въ Руси многіе хотятъ быть Платонами, Аристотелями, Зенонами, Эпикурами, а о томъ не разсуждаютъ, что Академія, Лицей и Портикъ произошли *изъ науки Сократовой*, какъ изъ яичнаго желтка цыпленокъ вывертывается. Пока не будемъ имѣть своего Сократа, дотолѣ не быть ни своему Платону, ни другому философу. Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Скоро ли ниспошлешь къ намъ Сократа, который бы научилъ насъ наипервѣе познанію себя, а когда мы себя познаемъ, тогда мы изъ себя вывьемъ науку, которая будетъ наша, своя, природная („Софросина, сирѣчь толкованіе на вопросъ: что намъ нужно есть". Телескопъ, статья Хиждеу, стр. 41). Сковорода чувствуетъ, что настало время нарожденія философіи въ Россіи. „Оно уже треплется во чревѣ матери своей; но только Анна слышитъ, какъ взыгрался младенецъ во чревѣ Маріиномъ" (тамъ же). Но, замѣчаетъ Сковорода, „многое прежде

предлежитъ развалить, разломать и искрошить, чѣмъ придетъ время строить на старомъ грунтѣ новую храмину" (тамъ же). Въ чемъ же Сковорода видитъ знаменіе времени, т.-е. близость появленія философіи въ Россіи? Онъ замѣчаетъ обнаружившееся въ его время раздвоеніе среди русскаго общества: съ одной стороны, онъ видитъ господство темнаго, непрогляднаго невѣжества и суевѣрія, а съ другой—начавшее распространяться безбожіе и атеизмъ (послѣдній сталъ проникать къ намъ изъ Франціи при помощи французской литературы и французскихъ воспитателей дѣтей высшаго класса). Объ этомъ говоритъ онъ въ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Израильскій змій", которое считается однимъ изъ первыхъ его сочиненій: „благочестивое сердце между высыпанными курганами *буйнаго безбожія* и между подлыми болотами *рабострастнаго суевѣрія*" и т. д.... или: „презирающій во лжѣ библейскую истину подался къ сторонѣ *безбожниковъ* *), а гоняй вѣтры и насыщаяйся лжею есть суевѣръ, ползущій и грязь со зміемъ ядущій. Тотъ наглъ и недогадливъ, а сей глупъ и гнусенъ". Повидимому, Сковорода находилъ тогдашнее положеніе русскаго общества *аналогичнымъ* положенію аѳинскаго общества при Сократѣ; поэтому, и свою дѣятельность опредѣлилъ въ духѣ и по примѣру Сократа. „Да святится имя Твое въ мысли и помыслѣ раба твоего, который *замыслилъ умомъ и пожелалъ волею быть Сократомъ въ Руси*; но земля Русская обширнѣе

*) Сковородѣ приходилось сталкиваться съ такими атеистами. Г. Гессъ де-Кальве передаетъ одинъ случай такого столкновенія. „Г..... умный и ученый,—говоритъ онъ,—человѣкъ, но атеистъ и сатирикъ (онъ былъ воспитанъ по-французски), хотѣлъ однажды осмѣять его (Сковороду). „Жаль,—говоритъ онъ между прочимъ Сковородѣ,—что ты, обучившись такъ хорошо, живешь, какъ сумасшедшій, безъ цѣли и безъ всякой пользы для отечества".—„Ваша правда—отвѣчалъ философъ:—я до сихъ поръ не сдѣлалъ еще никакой пользы; но надобно сказать—и никакого вреда; но вы, сударь, однимъ безбожіемъ вашимъ уже много сдѣлали зла: человѣкъ безъ вѣры есть ядовитое животное въ природѣ..... Совѣсть наша и тогда уже бываетъ спокойна, когда мы никому не вредимъ, если судьба поставила на такое мѣсто, гдѣ не можемъ приносить большей пользы" („Украинскій Вѣстникъ", часть VI, 1817 г., стр. 115—116).

греческой и не то-то легко будетъ обхватить проповѣдію своею. Да пріидетъ царствіе Твое, а тогда зерно, по слову Твоему сѣемое, взойдетъ, яко кринъ, и тогда я выпилъ бы стаканъ кокуты (т.-е. цикуты), какъ соты медовыя. Non fugio mortem, si famam assequar et cedo dummodo absolvar cinis. Да будетъ воля Твоя святая на мнѣ во всѣхъ путяхъ моихъ и начинаніяхъ моихъ, ибо я разсуждаю, что знаніе не должно узить своего изліянія на однихъ жрецовъ науки, которые жрутъ и обжираются, но должно переходить на весь народъ и водвориться въ сердцѣ и душѣ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ правду сказать: и я человѣкъ и мнѣ, что человѣческое, не чуждо („Софросина". Телескопъ, стр. 42, статья Хиждеу). Къ этой дѣятельности влечетъ его сама натура: онъ чувствуетъ призваніе къ этому и внутреннее побужденіе. „Согрѣлось сердце мое,—говоритъ онъ,—и въ поученіи моемъ возгарается огонь, ибо что я говорю, я глаголю отъ избытка сердца, и не для того только, чтобы говорить или чтобы не молчать. Я цѣлую жизнь промолчалъ бы, какъ Минерва *) моя не велѣла бы мнѣ говорить; и коль наболталъ, отъ избытка сердца наболталъ много: amore recipiendum est, quod amore donatur" (письмо къ протопопу Залѣсскому изъ Обуховки, 1765 года). Съ другой стороны, его воодушевляетъ на предпринятомъ имъ поприщѣ святость и величіе совершаемаго имъ дѣла и картина будущаго общества, которую онъ подготовлялъ своею дѣятельностію, пробуждая къ новой жизни отечество. „Когда умъ мой и сердце мое водворятся въ домѣ, который Премудрость создала себѣ въ святой Руси, и упиваюсь отъ тука дому сего, я блаженъ, какъ тотъ, который имѣетъ племя въ Сіонѣ, ибо въ горней Руси вижу все новое: новыхъ людей, новую тварь, новое твореніе и новую славу. О какъ мнѣ тогда и легко, и весело, и мило, и любо, и вольно! Мысль моя летаетъ безпредѣльно въ высоту, въ

*) Минерва—то же, что натура, природная наклонность, какъ божественное дарованіе и призваніе (см. ниже „о природныхъ наклонностяхъ" въ отдѣлѣ *практической философіи*).

глубину, въ широту,—не мѣшаютъ ей ни горы, ни моря, ни степи: она провидитъ отдаленное, прозираетъ сокровенное, заглядываетъ въ прежде бывшее, объемлетъ сущее, проникаетъ въ будущее, шествуетъ по лицу океана, входитъ сквозь двери заключенныя; глаза ея голубиныя, крылья орлиныя, проворность оленья, дерзость львиная, вѣрность горличная, благодарность Пеларгова, агнцево незлобіе, быстрота соколья, доброта журавляя; ведетъ же ее духъ вкуса, духъ вѣры, духъ надежды, духъ милосердія, духъ совѣта, духъ прозрѣнія, духъ чистосердечія; облекается она въ гласъ грома, въ слово нечаянное, какъ молнія" („Книжечка о любви до своихъ, нареченная Ольга православная". Хиждеу, стр. 155). При этомъ Сковорода видѣлъ, что тѣ, которые призваны дѣлать предпринятое имъ дѣло, т.-е. ученые, оказались ниже своего призванія и назначенія. „О, какъ тяжко и грустно изъ сей горней широты обращаться къ долу,—продолжаетъ онъ,—гдѣ мудрецы очами бочутъ, устами гогочутъ, что, мнится, бѣсы ихъ мучатъ, и шевелятся и красуются, какъ обезьяны, болтаютъ и велерѣчатъ, какъ римская Цитерія, чувствуютъ какъ кумиръ, мудрствуютъ какъ идолъ, осязаютъ какъ преисподній кротъ, щупаютъ какъ безокій, у него же только слѣпые очи, гордятся какъ безумный, измѣняются какъ луна, безпокоются какъ сатана, поучаются какъ паучина, алчны какъ песъ, жадны какъ водная болѣзнь, лукавы какъ змій, ласковы какъ крокодилъ, постоянны какъ море, вѣрны какъ вѣтеръ, надежны какъ ледъ, разсыпчаты какъ прахъ, изчесаютъ какъ сонъ. И они—люди? люди! Но сколь много есть Гловацкихъ, у нихъ же нѣтъ головы" (тамъ же, стр. 156).

По крайней мѣрѣ, полжизни посвятилъ Сковорода на просвѣтительную дѣятельность и на борьбу съ невѣжествомъ. Но разсмотрѣніе этой дѣятельности, какъ она выразилась въ практической жизни Сковороды, не входитъ въ нашу задачу. Мы ограничимся лишь тѣмъ, что заключается въ сочиненіяхъ его. Здѣсь особенно обращаетъ на себя вниманіе его борьба съ суевѣріемъ. Суевѣріе онъ считаетъ болѣе

вреднымъ и болѣе опаснымъ, чѣмъ атеизмъ. „Изъ суевѣрій,— говоритъ онъ,—родились вздоры, споры, секты, вражды междуусобныя и странныя, ручныя и словесныя войны, младенческіе страхи и проч. Нѣтъ жолчнѣе и жестоковыйнѣе суевѣрія и нѣтъ дерзновеннѣе, какъ бѣшенность, разжженная слѣпымъ, но ревностнымъ глупаго повѣрія жаромъ, тогда, когда сія ехидна, предпочитая нелѣпыя и нестаточныя враки подъ милость и любовь и онѣмѣвъ чувствомъ человѣколюбія, гонитъ своего брата, дыша убійствомъ, и симъ мнится службу приносити Богу" („Израильскій змій". Предисловіе). И далѣе говоритъ: „нѣтъ вреднѣе, какъ тое, что сооружено къ главному добру, а сдѣлалось растлѣннымъ. И нѣтъ смертоноснѣе для общества язвы, какъ суевѣріе: листвіе лицемѣрамъ, маска мошенникамъ, стѣнь тунеядцамъ, стрѣкало и поджога дѣтоумнымъ. Оно разъярило премилосердную утробу Тита, загладило Іерусалимъ, раззорило Царь-градъ и обезобразило братнею кровію Парижскія улицы; сына на отца вооружило..... Суевѣръ скорбитъ, если кто на полдень, а не на востокъ съ нимъ молится. Иной сердитъ, что погружаютъ, другой бѣсится, что обливаютъ крещаемаго. Иной клянетъ квасъ, другой — опресноки. Но кто сочтетъ всю суевѣрныхъ головъ паучину? Будто Богъ—варваръ, чтобы за мелочь враждовать" (тамъ же). Дѣйствительно, Сковородѣ открывалось широкое поприще и самое трудное дѣло въ борьбѣ съ суевѣріемъ и предразсудками, какъ онъ понималъ ихъ. Объ этомъ-то онъ и говоритъ, когда высказываетъ, что „многое нужно развалить, разломать и искрошить прежде, чѣмъ придетъ время строить на старомъ грунтѣ новую храмину". Дѣйствуя самъ, онъ въ то же время призываетъ на помощь себѣ другихъ, въ которыхъ видитъ или, по крайней мѣрѣ, надѣется найти способныхъ воспринять его идеи. Наприм., въ письмѣ къ Тевяшову (которое составляетъ предисловіе къ сочиненію подъ заглавіемъ „Израильскій змій"), объяснивши, что „нѣтъ слаще истины", онъ пишетъ: „къ чему жъ сія рѣчь течетъ? Къ тому, что высокихъ фамилій люди

не только въ тяжбахъ, войнахъ, въ коммерціяхъ, домостроительствахъ, художествахъ, но и въ самомъ первомъ пунктѣ, сирѣчь въ мысляхъ, до Бога касающихся, должны находить истину, *а противостоять суевѣрію*". Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ Сковорода и на извѣстнаго уже намъ Ковалѣнскаго и на другихъ. Сознавая трудность борьбы съ суевѣріемъ, Сковорода, повидимому, твердо и глубоко вѣритъ въ то, что истина сама въ себѣ имѣетъ силу побѣждать, что она рано или поздно восторжествуетъ. Интересовавшіеся сочиненіями Сковороды всегда обращали вниманіе на нѣкоторыя изъ нихъ — весьма оригинальныя и странныя по содержанію, каковы, напримѣръ, сочиненія подъ заглавіемъ: „Пря Бесу съ Варсавою" и „Брань Архистратига Михаила съ Сатаною". Это—поэтическія творенія, въ которыхъ Сковорода образно представилъ борьбу между старымъ, темнымъ, исполненнымъ суевѣрій и предразсудковъ, духомъ времени и новымъ, свѣтлымъ направленіемъ мысли и жизни, которое названо Сковородою *новою славою*.—„*Даймонъ*. Слышь, Варсава! Младенскій умъ, сердце безобразное, душа, исполненная паучины, не поучающая, а паучающая. Ты ли творецъ *новыя славы?—Варсава*. Мы-то, Божіею милостію, рабы Господни, и дерзаемъ благовѣстить новую славу.—*Даймонъ*. Нынѣ необинуясь провѣщай вину (причину), отъ чего мое ветхое жилище въ миріаду кратъ многолюднѣе твоего новаго?—*Варсава*. Темнорѣчитъ. Открой, если можешь, откровеннѣе сердца твоего бездну.—*Даймонъ*. О, апокалипта, странность въ словѣ, строптивость въ пути, трудность въ дѣлѣ, вотъ троеродный источникъ пустыни новыя.—*Варсава*. И лжешь, и темнорѣчишь. Кто можетъ поднять на пути злато или бисеръ, мнящій быть нѣчто безполезное? Кій тетервакъ не дерзнетъ вскочить въ сѣть или западню, почитая рогомъ изобилія? Кій агнецъ не устрашится матери, творящій ее волкомъ, и не прильнетъ къ волку, представляя его матерью? Не виню міра, не вини и славы новыя. Нѣтъ любви къ воспріятію ея, ибо сердце туго связано тугою и оглохло какъ аспидъ и студено какъ ледъ сотворилось къ матери своей....

Кто же виновенъ? Ты, враже, ты, *украшенная гробница* *). Народъ ходитъ поклоняться, мня найти нетлѣнныя мощи святыни, а она полна мертвыхъ костей и праха. Народъ приходитъ и зритъ въ каждый разъ новое велелѣпіе украшеній; ослѣпляется глазъ его новымъ свѣтомъ алмазовъ и камней, ярящихся блескомъ на гробницѣ, а не открываетъ крыши, да внутрь зазритъ, что тамо въ срединѣ.—*Даймонъ*. Много наглаголалъ ты. Невнятно мнѣ слово твое. Како-же хощешъ и мнишъ ославить народъ толикимъ многословіемъ?—*Варсава*. Какъ?—а вотъ какъ: пойду къ гробницѣ и въ нѣмотѣ отверзу крышу ея и нескажу людямъ ни слова живаго, одно перстомъ укажу на средину гробницы и изъ ветхихъ костей, что—въ ней, и древняго праха, что—въ ней, *востанетъ сама собою новая слава* и оживится и оживитъ, а гробница, кажущаяся все новою въ каждый разъ, разомъ обличится и разсыплется въ старую дрянь и ветошь во очахъ всѣхъ людей и такъ безъ слова ословлю народъ и запою новую славу: крѣпка, какъ смерть, любовь, и крылья ея—крылья огня" („Пря Бесу съ Варсавою". Хиждеу въ Телескопѣ, стр. 168—169). Такъ крѣпко былъ увѣренъ Сковорода въ томъ, что новая слава (какъ онъ выражается) восторжествуетъ надъ старымъ духомъ времени. Поэтому, въ своей дѣятельности на указанномъ поприщѣ онъ не смущался ничѣмъ. „Надо мною позорются,—говоритъ онъ,—пускай позорются; обо мнѣ баютъ, что я ношу свѣчу передъ слѣпцами, а безъ очей не зрѣть свѣточа,—пускай баютъ; на меня острятъ, что я звонарь для глухихъ, а глухому не до гулу,—пускай острятъ; они знаютъ свое, а я знаю мое и дѣлаю мое, какъ я знаю, и моя тяга мнѣ успокоеніе" (письмо къ архіепископу Григорію Конисскому изъ Нѣжина, 1769 г. іюля 29. Хиждеу, 165 стр.). „Мудрствуютъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: простой народъ спитъ; пускай спитъ и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ, что лишь въ сказкахъ; но всякъ сонъ

---

*) Очевидно, образъ заимствованъ изъ Евангелія, гдѣ говорится о „повапленныхъ гробахъ".

есть пробудный, и кто спитъ, тотъ не мертвечина и не трупище околѣвшее,—когда выспится, такъ проснется; когда намечтается, такъ очутится и забодрствуетъ и забдитъ" („О внутреннемъ человѣкѣ". Разговоръ I. Симфонія о народѣ. Гласъ II. Хиждеу стр. 116).

Въ критикѣ суевѣрій и старыхъ узкихъ воззрѣній на религію руководитъ Сковородою та же широкая общечеловѣческая, общеміровая идея, которую мы видѣли, когда говорилось о высокомъ, общечеловѣческомъ нравственномъ идеалѣ Сковороды. Прежде всего онъ ведетъ борьбу противъ бездушной обрядности и внѣшности въ области религіи и нравственности. „Обрядъ безъ силы Божіей—пустошь" говоритъ онъ (Предисловіе къ Харьковскимъ баснямъ). „Хочешь ли быть Павломъ Ѳивейскимъ, Антоніемъ Египетскимъ, или Саввою Освященнымъ? Лицемѣре! къ чему-жъ тебѣ финиковая епанча Павлова? Къ чему Антоніева борода? А Саввинъ монастырь? Капишонъ Пахоміевъ? *Сей есть едино только монашескій маскарадъ*. Кая-жъ польза сею маскою скрывать тебѣ мірское сердце"? („Бесѣда, нареченная: *Двое*"). Въ сочиненіи: „Брань Архистратига Михаила съ Сатаною" Сковорода чрезвычайно рѣзко высказывается противъ лицемѣровъ. „Они, говоритъ онъ, мартышки истинныя святости. Они долго молятся въ костелахъ; непрестанно въ псалтырь барабанятъ; строятъ кирки и снабдѣваютъ; бродятъ поклонниками по Іерусалимамъ; по лицу святы, по сердцу всѣхъ беззаконнѣе; сребролюбивы, честолюбивы, сластолюбивы, ласкатели, сводники, немилосерды, непримирительны, радующіися зломъ сосѣдскимъ, полагающіи во прибыляхъ благочестіе; цѣлующіи всякій день заповѣди Господни и за алтынъ оныя продающіи; домашніи звѣри и внутренніи зміи, лютѣйшіи тигровъ, крокодиловъ и василисковъ. Сіи нетопыри между деснымъ и шуимъ путемъ суть ни мужскаго, ни женскаго рода; обоимъ враги, хромы на обѣ ноги; ни теплы, ни студены; ни звѣрь, ни птица. Шуй путь ихъ чуждается, яко имущихъ образъ благочестія; десный же отвергаетъ, яко силы его отвергшихся... О смердящіи гро-

бы!... нѣтъ сего злѣе во всемъ адѣ. Опустошеніе церквамъ; церкви колебаніе; избранныхъ Божіихъ прельщеніе!“ Сковорода протестуетъ противъ узкаго пониманія православія: не отъ погруженія или обливанія зависитъ сущность крещенія („Израильскій змій“); равно протестуетъ противъ узкаго пониманія самаго христіанства. Истина, по его воззрѣнію, открывалась Богомъ не однимъ Іудеямъ и христіанамъ, но и язычникамъ; равно какъ добрая нравственность не есть лишь принадлежность однихъ христіанъ; въ древнемъ языческомъ мірѣ нерѣдко процвѣтала высокая нравственность. „Не могу себе увѣрить, говоритъ Сковорода послѣ приведенной нами выше характеристики римскаго народа древнѣйшей эпохи и людей, подобныхъ Катону,—не могу себе увѣрить, чтобы не касалось до ихъ слѣдующее слово Христово: иже нѣсть на вы, по васъ есть. Принужденъ сказать съ Павломъ: или Іудеевъ токмо Богъ, а не и язычниковъ? Ей! и язычниковъ.... Се то-тѣ овцы, находящіяся не отъ двора Христова, и мужи, пророчествовавшіи не при Скиніи Свидѣнія; однакожъ пишется: препочи на нихъ Духъ и сіи быша отъ вписанныхъ и пророчествоваша“ (Письмо къ Тевяшову при переводѣ книжки Цицерона: „О старости“). Сковорода глубоко увѣренъ въ томъ, что божественное откровеніе истины было у язычниковъ такъ же, какъ у іудеевъ и христіанъ. Не говоря уже о греческихъ философахъ: Гераклитѣ, Пиѳагорѣ, Сократѣ, Платонѣ, Аристотелѣ и послѣдующихъ, пытливому уму которыхъ постепенно открывалась истина, она же заключалась подъ различными образами въ языческихъ религіозныхъ миѳахъ. Божественное откровеніе началось не съ Моѵсея; оно всегда существовало въ мірѣ и человѣческомъ родѣ: Богъ раскрывалъ и раскрываетъ Себя, съ одной стороны, въ природѣ, съ другой—въ душѣ человѣка. Библія Моѵсея есть третій видъ божественнаго откровенія. Но и этотъ видъ откровенія не начинается съ Моѵсея, а продолжается. „Матерь Еврейскаго Богословія есть Египетское Богословіе“, говоритъ Сковорода (Наркисъ. Разговоръ: „познай себе“). „Моѵсей,

нуя священникамъ египетскимъ,—говоритъ въ другомъ тѣ Сковорода,—собралъ въ одну громаду небесныя и ныя твари, придавъ родъ благочестивыхъ предковъ сво-, слѣпилъ книгу Бытія, сирѣчь міpoзданія" („Израильскій й"). „*Истина безначальна*" — вотъ основное міровоззрѣніе вороды („Разговоръ, называемый Алфавитъ и Букварь а"). „Пишетъ Плутархъ, что на Аполлоновомъ Дельфіймъ храмѣ было написано: „узнай себе". Древніе Египе слово сіе высоко почитали. Что значитъ: „Сфинксъ"? его значитъ связь или узолъ. Гаданіе сего урода утаео ту жъ силу: „узнай себе". Въ божественномъ мракѣ сейскихъ книгъ почти двадцать разъ находится сіе: ньми себѣ", „внемли себѣ" и вмѣсто ключа ко всему дврючается то же, что — „узнай себе". И недивно, что вніе Египтяне, Евреи и Еллины высоко почитали слово Знать-то отъ познанія себе самого входитъ въ душу гъ вѣдѣнія Божія. Что компасъ въ кораблѣ, то Богъ въ овѣкѣ. Компасная въ сердцѣ корабельномъ стрѣла есть ный языкъ, законъ, глава, око и царство корабельное" ъ же). Очевидно, что въ данномъ мѣстѣ Сковорода гоитъ о божественномъ откровеніи, которое богословы ываютъ *естественнымъ* въ противоположность *сверхъестеенному,* божественному откровенію. Въ дѣлѣ богопозначрезъ естественное откровеніе Сковорода рекомендуетъ дпочтительно обращаться къ познанію себя, а не къ познаприроды внѣшней. „Развѣ Богъ въ человѣкѣ точію? Ниъ; но кто слѣпъ дома, тотъ—и въ гостяхъ" (Разговоръ, ываемый Алфавитъ мира). Что же касается такъ назымаго, сверхъестественнаго откровенія и чудесъ, то Скоода, повидимому, не находитъ это нужнымъ, въ виду бoства естественныхъ источниковъ для познанія Бога, въ орыхъ Богъ открываетъ себя обильно и очевидно. Къ у нарушеніе законовъ природы, когда существующая ирода достаточно свидѣтельствуетъ о своемъ Творцѣ? чему чудеса, когда вселенная представляетъ собою стоянное и непрерывное чудо? „Дѣтское есть сіе мудр-

ствованіе, обличающее наглость и непостоянность блаженныя природы, будто она когда-то, гдѣ-то дѣлала то, чего теперь нигдѣ не дѣлаетъ и впредь не станетъ. Все же то не великое, что ненужное. И все ненужное то, что не всегда и не вездѣ есть возможное... Кая жъ слава и хвала дѣлать невозможное? Все, преграждаемое закономъ блаженныя натуры, есть тѣмъ неполезное, чѣмъ невозможное, а чѣмъ полезное, тѣмъ возможное" („Израильскій змій". Предисловіе). „Вся тварь есть то поле слѣдовъ Божіихъ". „Вся дрянь дышетъ Богомъ и Вѣчностію" и т. д. (тамъ же).

Съ этого пункта начинается у Сковороды суровая критика тѣхъ, которые останавливаются лишь на буквѣ Библіи и принимаютъ за дѣйствительность то, что въ ней разсказывается и передается. Эта критика по своему отрицательному направленію напоминаетъ отрицательную литературу раціоналистовъ XVIII стол., трактующую о томъ же предметѣ. Этимъ характеромъ отличаются по преимуществу два сочиненія Сковороды: „Израильскій змій" и „Діалогъ, имя ему: Потопъ зміинъ; бесѣдуютъ душа и нетлѣнный духъ".

Возможно, что Сковорода былъ знакомъ съ нѣкоторыми сочиненіями западно-европейской отрицательной литературы, хотя невозможно съ достовѣрностію сказать, какія были сочиненія, которыя онъ читалъ въ этомъ направленіи *). Но для насъ важно то, что Сковорода не послѣдовалъ за раціоналистами XVIII вѣка. Онъ признавалъ необходимость *вѣры* для человѣка. „Вѣра есть извѣщеніе невидимыхъ". „Она,— говоритъ Сковорода,—есть око прозорливое, сердце чистое уста отверстыя. Она едина видитъ свѣтъ, во тьмѣ стихійной свѣтящійся; видитъ, любитъ и благовѣститъ Его (нетлѣн-

*) Изъ нѣмецкой литературы, которая была доступна Сковородѣ при его знаніи нѣмецкаго языка, можно указать развѣ на сочиненіе *Реймаруса* (Reimarus Abhandlungen von den vornehmsten Wahrheiten der natürlichen Religion. Hamb. 1754), который, съ точки зрѣнія раціональной религіи, отвергалъ необходимость сверхъестественнаго откровенія и находилъ много несообразностей въ томъ, что передается въ Библіи.

наго человѣка—Христа Іисуса)“. „Едина токмо вѣра видитъ чуднаго онаго человѣка, коего тѣнь всѣ мы есмы“ („Разговоръ о древнемъ мірѣ“). Такимъ образомъ, авторъ указанной нами статьи въ „Недѣлѣ“ о Сковородѣ неправъ, когда называетъ Сковороду „раціоналистомъ pur sang“, приравнивая его къ раціоналистамъ XVIII стол. Сковорода ищетъ въ Библіи высшаго смысла и разума, который скрытъ подъ образами. „Въ Библіи,—говоритъ онъ,—иное на лицѣ, иное на сердцѣ“ („Израильскій змій. Катавасія“). По его взгляду, Библія есть то же, что поэтическое твореніе, которое, какъ и всякое поэтическое твореніе, скрываетъ истину подъ внѣшними образами. „Вотъ прямое, именуемое у древнихъ еллинъ ποίημα, сирѣчь твореніе... А такіе писатели (какъ Моусей) суть точные піиты“ („Израильскій змій. Катавасія“). „Она (книга Бытія) ни въ чемъ не трогаетъ обитательнаго міра, *а только слѣдами собранныхъ отъ него тварей путеводствуетъ насъ къ присносущному Началу*. А въ томъ не очень нужная мудрость, чтобы знать: прежде ли цвѣтъ созданъ, или родился грибъ?“ („Израильскій змій“). Такимъ образомъ критика направлена была Сковородою не противъ Библіи, а противъ тѣхъ, которые понимали и понимаютъ ее въ буквальномъ смыслѣ, принимая за дѣйствительныя событія (а не образы) все, что въ ней передается. Сковорода былъ врагомъ атеистовъ и ненавидѣлъ атеизмъ; въ то же время онъ видѣлъ, что Библія, понимаемая въ буквальномъ смыслѣ, полна соблазна, представляетъ много несообразностей (съ точки зрѣнія новаго времени) и способствуетъ развитію атеизма. „Презирающій во лжѣ библейскую истину *подался къ сторонѣ безбожниковъ*“, говоритъ онъ („Израильскій змій. Предисловіе“). Поэтому онъ и взялся критиковать Библію, понимаемую въ буквальномъ смыслѣ, дабы показать глубокій внутренній смыслъ и разумъ, въ ней заключающійся. „Въ сей книжечкѣ представляю,—пишетъ онъ къ Тевяшову,—опыты, коимъ образомъ входить можно въ точный сихъ книгъ разумъ“ (тамъ же Предисловіе). Въ этомъ руководитъ его Филонъ Іудеянинъ,

а также нѣкоторые изъ отцовъ и учителей Церкви, для которыхъ Библія была поучительна настолько, насколько въ образахъ благовѣстила пришествіе на землю Іисуса Христа, Спасителя міра. Сковорода говоритъ: „для сего, чрезъ сего и ради сего человѣка (Богочеловѣка) весь громъ гремитъ библейскихъ облаковъ“ („Израильскій змій“).

Какъ бы то ни было, не замедлило явиться обвиненіе малороссійскаго Сократа въ томъ, что онъ отвергаетъ „отечественныхъ боговъ“. „Многіе, не разумѣя меня или не хотя разумѣть, клевещутъ, — говоритъ Сковорода Ковалѣнскому, — яко бы я отвергаю исторію Ветхаго и Новаго завѣта, потому что признаю и исповѣдаю въ оной *духовный разумъ, чувствую богописанный законъ и усматриваю Сущаго сквозь буквальный смыслъ*“. Ученикъ новаго Сократа передаетъ намъ и апологію своего учителя: „Я пополняю симъ исторію, а не раззоряю, ибо какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и священное Писаніе безъ вѣры; вѣра же невидимыхъ извѣщеніе. Когда я хвалю доблесть воина, неустрашимость, мужество, храбрость, то симъ не уничтожаю нарядовъ его. Нарядъ, убранство, оружіе воина есть исторія, а разумъ и слава сей исторіи есть духъ воина, дѣла его. Когда я смотрю на прекрасный храмъ, превозношу похвалами симметрію, пропорцію, великолѣпіе, то, относя сіе къ искусству здателя, къ красотѣ цѣлаго, отвергаю ли кирпичъ, известь, желѣзо, песокъ, воду, каменщиковъ и проч., какъ будто бы ничего того не бывало? Я удивляюсь разуму храма, но тѣмъ не отмещу наружности онаго. Читая св. Писаніе въ намѣреніи научиться въ немъ богопочитанію, богобоязливости, любви ближняго, повиновенію начальству, покорности ко властямъ предержащимъ, усовершенію сердца во всѣхъ отношеніяхъ его, когда я найду, напримѣръ, исторію, какъ Ааронъ первосвященникъ золотого тельца жидовскаго, сдѣланнаго ими въ небытность его и покланяемаго отъ нихъ, бросилъ въ огонь и растопилъ, то я не останавливаюсь тутъ на химической работѣ, помня всегда, что Библія не есть наука химіи, но книга священная, научающая святости нравовъ человѣка, способнаго внимати

ученію ея. Я поучаюсь отъ ея исторіи, что сердце человѣческое не можетъ быть безъ упражненія и что когда удаляется отъ онаго мысль священная, понятіе истины, духъ разума, то оное мгновенно повергается въ занятія подлыя, неприличныя высокому роду его, и чтитъ, величаетъ, боготворитъ презрѣнное, ничтожное, суетное. Сей разумъ исторіи назидаетъ меня много больше и споспѣшествуетъ внутреннему моему усовершенствованію, нежели какъ если бы я, узнавши, какъ золото передѣлывать мгновенно изъ всего и все претворять въ оное, занялся хотѣніемъ или упражненіемъ богатитися или химичествовать.... Я вѣрю и знаю, что все то, что существуетъ въ великомъ мірѣ, существуетъ и въ маломъ, и что возможно въ маломъ мірѣ, то возможно и въ великомъ по соотвѣтствованію оныхъ и по единству всеисполненія исполняющаго духа. Но для чего добиваюсь я знать, какъ и когда Моисей раздѣлилъ море жезломъ въ великомъ семъ мірѣ въ исторіи, а не поучаюсь, какъ бы мнѣ въ маломъ моемъ мірѣ—въ сердцѣ—раздѣлить смѣсь наклонностей природы непорочныя и растлѣнныя и привести волю мою непотопленно по пути житейскаго бытія, дабы доставить себѣ въ свое время свободу мыслей, т. е. веселіе духа или, такъ называемое, счастіе въ жизни. Не туда ли возвышаютъ насъ оныя слова, часто провозглашаемыя въ храмахъ нашихъ: „премудрость прости"? Что бо есть простое, аще не духъ? Что сложенное, что смѣсь, составъ, сотканіе, аще не плоть, исторія, обрядъ, наружность? Сими словами высокими побуждаемся къ возвышенію мыслей нашихъ выше видимаго обряда служенія, выше буквальнаго смысла, выше историческаго богопочитанія. Распространи разумѣніе словъ сихъ по всему кругу вселенной, по всему лицу бытія твоего,—и увидишъ невидимаго, силу Божію, духъ Господень, воскресеніе. Что бо есть воскресеніе, аще не простота, очищенная отъ тлѣннаго состава, отъ множественности, отъ раздѣльности?... *Но сіи историческіе христіане, обрядные мудрецы, буквальные богословы, человѣка духа не имуще, хулятъ то, чего не разумѣютъ*" (Ковалѣнскій: „Житіе Сковороды", стр. 41, 42 и 43).

## Умозрительная философія Сковороды.

Такъ-то Сковорода стремился расширить религіозное міровоззрѣніе своихъ соотечественниковъ, нанести ударъ суевѣрію и разрушить его, а равно парализовать распространеніе безбожія и атеизма, направляя общество на средній, правильный путь развитія. „Благочестивое сердце,—говоритъ онъ,—между высыпанными курганами *буйнаго безбожія* и между подлыми болотами *рабострастнаго суевѣрія*, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво, прямо течетъ на гору Божію" („Израильскій змій". Предисловіе). Нельзя лучше намѣтить и опредѣлить потребности тогдашняго русскаго общества, какъ опредѣлилъ ихъ Сковорода, и трудно не согласиться съ тѣмъ, что именно таковы были потребности, навстрѣчу которымъ онъ шелъ. Поэтому, мы не можемъ согласиться съ авторомъ статьи въ „Недѣлѣ" (на которую указывали выше), что „онъ (Сковорода) явился въ ненадлежащее время и въ ненадлежащемъ мѣстѣ" (январь, 1894 г., стр. 9). Для того, чтобы религіозное міровоззрѣніе было, съ одной стороны, чище и возвышеннѣе, а съ другой—тверже и прочнѣе, необходимо въ обществѣ философское образованіе, нужна *философія*.

На философію и философское образованіе Сковорода смотрѣлъ, повидимому, какъ на фундаментъ и центръ образованія вообще. Нѣкто изъ ученыхъ спросилъ Сковороду, что такое философія?—„Главная цѣль жизни человѣческой,—отвѣчалъ Сковорода;—глава дѣлъ человѣческихъ есть духъ его, мысли, сердце. Всякъ имѣетъ цѣль въ жизни, но не всякъ главную цѣль, т. е. не всякъ занимается главою жизни. Иной занимается чревомъ жизни, т. е. всѣ дѣла свои направляетъ, чтобы дать жизнь чреву, иной—очамъ, иной—волосамъ, иной — ногамъ и другимъ членамъ тѣла, иной же — одеждамъ и прочимъ бездушнымъ вещамъ; философія или любомудріе устремляетъ весь кругъ дѣлъ своихъ на тотъ конецъ, чтобы дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всему" (Ковалѣнскій. „Житіе Сковороды", 38 стр.). Подъ жизнію духа Сковорода

разумѣетъ исканіе и пріобрѣтеніе истины; а отсюда происходитъ веселіе сердца и душевный міръ. „Боговидѣцъ Платонъ объясняетъ,—говоритъ Сковорода,—откуда сладость, услаждающая сердце: *нѣтъ сладчае истины*. А намъ можно сказать, что въ одной истинѣ живетъ истинная сладость и что одна она животворитъ владѣющее тѣломъ сердце наше... Видно, что жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, любя истину, любитъ выслѣживать тропинки ея и, встрѣтивъ око ея, торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ.... Какъ правильная циркуляція крови въ звѣряхъ, а въ травахъ—соковъ рождаетъ благосостояніе тѣла ихъ, такъ истинныя мысли озаряютъ благодушіемъ сердце" („Израильскій змій". Предисловіе). Человѣкъ отличается отъ другихъ тварей тѣмъ, что имѣетъ разумъ; поэтому, чтобы выполнить свое назначеніе и цѣль въ жизни, онъ долженъ стремиться къ познанію истины. Сковорода усматриваетъ, повидимому, премудрость и благость Творца въ томъ, что Онъ, давши человѣку разумъ, не сообщилъ ему истины, а предоставилъ ему изслѣдованіе и изысканіе оной; въ послѣднемъ-то и состоитъ истинная жизнь и веселіе человѣка. „Искать и удивляться значитъ то же,—говоритъ Сковорода.—*Сіе движеніе веселитъ и оживляетъ душу*, какъ стремленіе, какъ текущую по камняхъ воду. И при полномъ открытіи всего на всего исчезаетъ удивленіе. Тогда слабѣетъ аппетитъ, приходитъ насыщеніе, потомъ—скука и уныніе" *) („Израильскій змій"). „Что такое душа, если не бездонная мыслей бездна?—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Сковорода.—Мысль есть тайная въ тѣлесной нашей машинѣ пружина, глава и начало всего движенія ея. А главѣ сей вся членовъ наружность, какъ обузданный скотъ, послѣдуетъ. И какъ пламень и рѣка, такъ и мысль никогда не почиваетъ. Непрерывное стремленіе ея есть то желаніе. Огонь угасаетъ, рѣка остановится, а не-

---

*) Это соотвѣтствуетъ изреченію Лессинга, который говорилъ, что „еслибы Богъ, держа въ одной рукѣ истину, а въ другой—исканіе истины, предложилъ мнѣ сдѣлать выборъ, то я избралъ бы исканіе истины".

вещественная и безстихійная мысль, носящая на себѣ грубую бренность, какъ ризу мертвую, движенія своего прекратить (хоть она въ тѣлѣ, хоть внѣ тѣла) никакъ не сродна ни на одно мгновеніе и продолжаетъ равнолинейное своего летанія стремленіе чрезъ неограниченніи вѣчности, милліоны безконечніи. За чѣмъ же она стремится? Ищетъ своей сладости и покою. Покой ея не въ томъ, чтобы остановиться и протянуться; какъ мертвое тѣло; живой ея натурѣ или породѣ сіе несродно или чуждо, но противное сему. Она, будто въ странствіи находясь, ищетъ по мертвымъ стихіямъ своего сродства, и подлыми забавами не угасивъ, но пуще распаливъ свою жажду, тѣмъ стремительнѣе отъ раболѣпной вещественной природы возносится къ высшей господственной натурѣ, къ сродному своему и безначальному Началу" („Разговоръ о душевномъ мирѣ"). Словомъ, человѣку по природѣ свойственно быть философомъ.

Такой взглядъ Сковороды на философію обнаруживаетъ его зависимость отъ древне-классической философіи и въ частности—отъ философіи Платона. Кто знакомъ съ философіею Платона, для того это ясно и очевидно. Дѣйствительно, при чтеніи сочиненій Сковороды не разъ убѣждаешься въ томъ, что онъ непосредственно знакомъ былъ съ сочиненіями Платона и находился подъ сильнымъ вліяніемъ ихъ въ своей умозрительной философіи. Напримѣръ, опредѣленіе философіи составлено въ духѣ Платона, который ставилъ философію высшею и главною цѣлію жизни человѣка и высшее благо его—въ зависимости отъ достиженія этой цѣли. Платонъ говорилъ, что полное и совершенное знаніе принадлежитъ одному Богу, а человѣку свойственно быть только философомъ, т.-е. любомудромъ или искателемъ истины. Опредѣленіе души, ея природы и жизни тоже заимствовано у Платона, какъ объ этомъ говорится въ діалогахъ: „Федонъ", „Федръ", „Тимей" и друг. „Душа есть perpetuum mobile, движимость непрерывная", говоритъ Сковорода въ духѣ Платона („Разговоръ о душевномъ мирѣ". Москва, 1837 г.). Изреченіе: „познай самого себя" истолковывается Сковоро-

дою также въ смыслѣ Платона и его философіи, т.-е. познай свою высшую природу, духъ, разумъ.

Особенно много разсужденій написано Сковородою *о двойственности* человѣческой природы. Сюда относится цѣлый рядъ разговоровъ и бесѣдъ на тему: „познай себе", „Бесѣда, нарицаемая: Двое", „Разговоръ о древнемъ мірѣ" и т. д. Авторъ статьи въ „Недѣлѣ", увлекшись нѣкоторыми мѣстами изъ сочиненій Сковороды, выражающими его *пантеистическое міровоззрѣніе*, назвалъ *дуализмъ*, такъ настойчиво развиваемый Сковородою, „совершенно внѣшнимъ", „яко бы дуализмомъ". По его мнѣнію, „этотъ яко бы дуализмъ вытекаетъ изъ требованій практической морали и вовсе не есть дуализмъ, въ философскомъ смыслѣ слова" (стр. 23). Это мнѣніе автора, можетъ быть, имѣло бы нѣкоторое основаніе, если-бы Сковорода ограничился ученіемъ о дуализмѣ исключительно только по отношенію къ человѣку и его природѣ и не распространялъ его на всю природу. Сковорода, напротивъ, всюду въ природѣ видитъ двойственность, т. е. *матерію* и *форму*, или *идею*. Этотъ дуализмъ развитъ имъ въ его сочиненіяхъ на почвѣ дуализма Платона и Аристотеля. Обратимся непосредственно къ сочиненіямъ Сковороды. Въ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Діалогъ: Потопъ зміинъ" Сковорода, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „форму называетъ Платонъ идеею.... Идеи суть первородные міры, тайныя веревки, проходящую тѣнь, или матерію, содержащія.... Сѣнь, тѣнь, краска, абрисъ, руга таитъ за собою форму свою, идею свою, рисунокъ свой, вѣчность свою". Формы или идеи не погибаютъ, онѣ вѣчны и неизмѣнны; гибнутъ же и исчезаютъ вещи. „Напиши,—говоритъ Сковорода,—циркулъ (кругъ); сдѣлай изъ дерева или слѣпи его изъ глины. Потомъ опять его сотри и прочіе раззори. Теперь скажи мнѣ: погибъ ли циркуль?—Погибъ писанный, деревянный и глинянный.—Правъ судъ твой. *Погибъ видно видимый*; *невещественный и сущій циркулъ нетлѣненъ*, пребываетъ въ сокровищахъ ума. Сей какъ не созданъ, такъ и раззориться не можетъ. Вещественные же циркулы—не циркулы суть, но прямѣе сказать: ложная тѣнь

есть и одежда циркулу истинному". Никто не станетъ отрицать, что здѣсь Сковорода повторяетъ Платона. „И догадался древній Платонъ, когда сказалъ: Θεὸς γεωμετρεῖ" (тамъ же). Сіи... слѣпыи, тѣнь осязатели, называются у Платона подлостію, во мрачномъ рвѣ и адѣ сидящею, одну темную тѣнь видящею и ничего за сущую истину непочитающею, развѣ одно тое, что ощущать и въ кулакъ схватить могутъ" (тамъ же).

У Сковороды есть діалогъ, въ которомъ онъ въ духѣ сейчасъ приведенныхъ мѣстъ старается наглядно представить и выяснить теорію идей Платона. Это сочиненіе Сковороды носитъ заглавіе: „Діалогъ или разглаголъ о древнемъ мірѣ" (написанный любезному другу Михаилу Іоанновичу Ковалѣнскому въ 1772 году, мая 15). Въ предисловіи къ этому діалогу Сковорода говоритъ: „Ты родился любитися съ Богомъ. Прими сію мою лепту. Читай, мудрствуй, произрасти ее и возрасти ее". Ковалѣнскаго, какъ своего ученика, Сковорода считалъ, повидимому, наиболѣе способнымъ и подготовленнымъ воспринять его философію и философскія идеи, и не только воспринять, но и развивать ихъ. Это уже указываетъ на важность діалога, о которомъ мы говоримъ. „Какъ можно видѣть прошедшая времена?"—спрашиваетъ въ этомъ діалогѣ одинъ изъ собесѣдниковъ.—„Тѣмъ же окомъ, коимъ смотришь на вчерашнее время, можно взирать на самыя Авраамскія времена. Аще кто видитъ днесь, тотъ видитъ и вчера, и откровеніемъ единаго дня отверзается 1000 лѣтъ".—Какимъ же образомъ 1000 лѣтъ будетъ однимъ днемъ?—„Я бы могъ тебѣ сказать и сіе, что если кто единаго человѣка знаетъ, тотъ всѣхъ знаетъ. Единъ во тысящѣ и тысяща какъ человѣкъ единъ... И не тысяща, но всѣ наши всѣхъ вѣковъ человѣки во единомъ Господнемъ человѣкѣ тако обрѣтаются, какъ безсчетный всѣхъ нашихъ міровъ хоръ сокрывается въ Божіемъ мірѣ". „Встань, если хотишъ, на ровномъ мѣстѣ и вели поставить вокругъ себе сотню зеркалъ вѣнцемъ. Въ то время увидишъ, что единъ твой тѣлесный болванъ владѣетъ сотнею видовъ, отъ единаго его завися-

ъ. А какъ только отнять зеркалы, вдругъ всѣ копіи сo-
ваются въ своей исконности или оригиналѣ, будто вѣтви
зернѣ своемъ. Однакожъ тѣлесный нашъ болванъ и самъ
, едина токмо тѣнь истиннаго человѣка. Сія тварь будто
зьяна образуетъ лицевиднымъ дѣяніемъ невидимую и
сносущную силу и божество того человѣка, коего всѣ
и болваны суть аки бы зерцаловидныя тѣни, то являю-
ся, то исчезающія, при томъ какъ истина Господня стоитъ
одвижно во вѣки". Такъ же слѣдуетъ разсуждать и о всемъ
ѣ. И здѣсь „всѣ копіи скрываются въ своемъ оригиналѣ
исконности". Такъ какъ разговоръ начался съ того,
ь можно знать прошедшія времена, то далѣе идетъ
ь о томъ, что такое старый и новый міръ. Подъ ста-
мъ міромъ разумѣется міръ измѣнчивый, преходящій, а
ъ новымъ—міръ постоянный, неизмѣнный, всегда юный.
акъ же старый міръ помѣстить съ новымъ?"—„Такъ, какъ
ь съ ея деревомъ... Тѣнь яблонѣ мѣститься не мѣшаетъ.
ь преходитъ и непостоянствуетъ: то рождается, то ис-
аетъ, то убываетъ, то уклоняется. Не многія ли тысячи
ей въ яблонѣ? Міръ Господень есть то древо жизни.
нашъ дряхлый, тѣнный и тлѣнный міръ есть то древо
рти". Не есть ли все это платонизмъ? И далѣе: чтобы
нать міръ, для этого нужно познать міръ Господень, или
тоянное и неизмѣнное въ мірѣ. „Уразумѣй едино зерно
очное,—говоритъ Сковорода,—и довлѣетъ тебѣ. Аще
едино въ немъ древо съ корнемъ, съ вѣтвями, съ ли-
іемъ и плодами скрылося, тогда можешъ также обрѣсти
численные садовъ милліоны; дерзаю сказать: и безчис-
ные міры". Но это познаніе возможно,—замѣчаетъ Ско-
рода въ духѣ Платона,—не иначе, какъ чрезъ познаніе
имаго міра. „Если нѣчто узнать хочешъ въ дусѣ или
инѣ, усмотри прежде во плоти, сирѣчь—въ наружности,
видишъ въ ней запечатлѣнные слѣды Божіи, безвѣстная
айная премудрости Его обличающіи и будто тропинкою
ней ведущіи".

Только малую долю выписали мы здѣсь изъ того, что

написано Сковородою о двойственности въ человѣкѣ и природѣ. Всюду нужно различать *двое* (какъ выражается Сковорода): „міръ и міръ, тѣло и тѣло, человѣка и человѣка; двое въ одномъ и одно въ двоихъ нераздѣльно и не слитно же, будто яблонь и тѣнь ея" („Бесѣда, нарѣченная: *Двое*").

И Библію Сковорода называетъ міромъ, только міромъ *символичнымъ*. „Суть три міра, говоритъ онъ. Первый есть всеобщій и міръ обитательный, гдѣ все рожденное обитаетъ. Сей составленъ изъ безчисленныхъ міровъ и есть высшій міръ. Другіи два суть частныи и малыи міры. Первый микрокосмосъ, сирѣчь мірокъ или человѣкъ. Вторый—міръ *символичный*, сирѣчь Библія. *Всѣ три міры состоятъ изъ двоихъ*, едино составляющихъ естество, называемыхъ: *матерія* и *форма*. Въ великомъ и маломъ мірѣ вещественный видъ даетъ знать о утаенныхъ подъ нимъ формахъ или вѣчныхъ образахъ. Также и въ символичномъ или въ библичномъ мірѣ собраніе тварей составляетъ *матерію*. Но Божіе естество, куда знаменіемъ ведетъ тварь, есть *форма*, сирѣчь, плоть и духъ, стѣнь и истина, смерть и жизнь" („Потопъ зміинъ") *).

---

*) Есть и другія мѣста въ сочиненіяхъ Сковороды, напоминающія философію Платона. Вспомнимъ, наприм., глубокую философію, заключающуюся въ діалогѣ Платона: «Симпосіонъ», гдѣ Платонъ изображаетъ міровую жизнь и намѣчаетъ несокрушимую, вѣчно дѣйствующую силу, двигающую всею жизнію въ природѣ, въ человѣкѣ и обществахъ человѣческихъ. Эту силу онъ назвалъ *Эросомъ*, т.-е. любовью. Это есть *геній*, который ниже боговъ и выше людей и занимаетъ среднее мѣсто между тѣми и другими. Въ концѣ «Разговора, называемаго Алфавитъ и Букварь міра», Сковорода присоединилъ символическіе рисунки. Среди нихъ есть изображеніе шара, пронзеннаго стрѣлами. Такъ какъ этотъ шаръ нарисованъ въ видѣ глобуса, то одинъ изъ собесѣдниковъ, понявши, что шаръ изображаетъ собою міръ, спрашиваетъ: кто скажетъ, что значитъ кругъ міра, со всѣхъ сторонъ пронзенъ стрѣлами? «Что есть стрѣла, если не стремленіе? Что есть стремленіе, если не Божіе побужденіе, всю тварь къ своему мѣсту своимъ путемъ движущее? Сіе то значитъ составлять и сей машинѣ движеніе давать. *Древнѣйшее мудрецовъ реченіе: любовь составляетъ міръ*. Поминаетъ о семъ и Цицеронъ въ книжечкѣ: «О дружбѣ». Тотъ же вкусъ и въ тѣхъ же рѣчахъ: *все побѣждаетъ любовь*. О сей-то преблаженной, всѣмъ владѣющей любви и симпатіи невѣста въ Пѣсни Пѣсней: «крѣпка яко смерть любовь, жестока яко адъ ревность, крылья

;алѣе начинается у Сковороды отступленіе отъ фило-
.и Платона. Сковорода говоритъ *о вѣчности міра и его*
*»нечности въ пространствѣ и времени.* „Поколь яблонь, по-
› и тѣнь ея, — говоритъ Сковорода въ „Разговорѣ: По-
э зміинъ“.—Тѣнь значитъ мѣстечко, яблонею отъ солнца
упаемое. Но древо вѣчности всегда зеленѣетъ. *И тѣнь*
*ея ни временемъ, ни мѣстомъ есть неограничена.* Міръ сей
:ѣ міры, если они безчисленны, есть та тѣнь Божія.
исчезаетъ изъ виду по части, не стоитъ постоянно и
›азличныя формы преобразуется видъ, однако же ни-
:а не отлучаясь отъ своего живаго дерева. И давно уже
:вѣщенные сказали вѣсть сію: materia aeterna — веще-
› вѣчно есть сирѣчь всѣ мѣста и времена наполнило.
нъ только младенческій разумъ сказать можетъ, будто
ı, великаго сего идола и Голіафа, когда-то не было и
5удетъ“ *). Равнымъ образомъ, и въ другомъ сочиненіи:
раильскій зміи“—Сковорода говоритъ: „если мнѣ ска-
ъ, что внѣшній міръ сей въ какихъ-то мѣстахъ и вре-
ıхъ кончится, имѣя положенный себѣ предѣлъ, и я ска-
что кончится, сирѣчь начинается. Видишъ, что одного
:а граница есть она же и дверь, открывающая поле
ıхъ пространностей. И тогда-жъ зачинается цыпленокъ,
.а портится яйцо. Итакъ, всегда все идетъ въ безконеч-
ь. Вся исполняющее начало и міръ сей, находясь тѣнью
границъ не имѣетъ. Онъ всегда и вездѣ при своемъ
ıлѣ, какъ тѣнь при яблонѣ. Въ томъ только рознь, что
ю жизни стоитъ и пребываетъ, а тѣнь умаляется, то

---

ылья огня, угліе огненное—пламя ея». Теперь Наперсниково слово само
нилось: *Богъ любы есть.* Я также разсуждалъ о Ангелахъ природы, на-
мыхъ у древнихъ: γένιος, коимъ они приносили жертвоприношеніи» и
Равнымъ образомъ, объясняя рисунокъ, изображающій купидона, Сково-
говоритъ: «Купидонъ означаетъ желанія, еллински: ἔρως... *Крыла его зна-*
*непрерывное всю вселенную движущее движеніе*». («Алфавитъ міра» въ концѣ).
«Сею младенческою лжею въ исходѣ десятаго послѣ Р. Хр. вѣка всю
іанску вселенную столь поколебалъ, что міркрушенія такъ всѣ трепе-
какъ мореходцы въ чрезвычайную бурю кораблекрушенія (вотъ слово,
сшее вселенную: «связа сатану на тысящу лѣтъ». Боялися, чтобы не
эался губитель)». Разговоръ: Потопъ зміинъ.

преходитъ, то родится, то исчезаетъ и есть ничто. Materia aeterna" („Израильскій змій").

О вѣчности міра училъ въ древности Аристотель; но рѣчь Сковороды такова, что въ ней усматривается *пантеистическое* міровоззрѣніе. Впрочемъ, этотъ пантеизмъ отнюдь не сходенъ съ пантеизмомъ Спинозы, какъ это усмотрѣлъ авторъ статьи въ „Недѣлѣ". Прежде всего, языкъ и изложеніе Сковороды весьма напоминаютъ *стоическую* умозрительную философію. „А что есть Богъ,—говорится въ „Разговорѣ: Алфавитъ мира",—если не вѣчная глава и тайный законъ въ тваряхъ?" Въ „Разговорѣ о душевномъ мірѣ" въ одномъ мѣстѣ трактуется о томъ, можно ли назвать Бога натурою, слѣдующимъ образомъ: „въ Библіи Богъ именуется огнемъ, водою, вѣтромъ, желѣзомъ, камнемъ и прочими безчисленными именами; для чего-жъ Его не назвать *Натурою* (Natura)? Что до моего мнѣнія надлежитъ, нельзя сыскать важнѣе и Богу приличнѣе имени, какъ сіе. Natura есть римское слово, по нашему: природа, или естество. Симъ словомъ означается все на все, что только раждается во всей міра сего машинѣ, а что находится *нерожденное, какъ огонь*, и все раждающееся вообще называется міръ, для чего...—Постой!—(говоритъ собесѣдникъ)—все вещественное родилось и раждается и самъ Господень огонь.— Не спорю, другъ мой, пускай все вещественное родилось, такъ точно; для чего-жъ всю тлѣнь заключающимъ именемъ, т.-е. Натурою, не называть Того, въ коемъ весь міръ съ рожденіями своими, какъ прекрасное цвѣтущее дерево, сокрывается въ зернѣ своемъ и оттуда-жъ является. Сверхъ того, слово сіе: натура—не точію всякое раждаемое и премѣняемое вещество значитъ, но тайну экономію той присносущной силы, которая имѣетъ свой центръ или среднюю главнѣйшую точку, а околичности своей нигдѣ—такъ, как шаръ, которымъ оная сила живописно изображается: кт яко Богъ? Она называется натурою, потому что все наружу происходящее или рождаемое отъ тайныхъ неограниченныхъ ея нѣдръ, какъ отъ всеобщей матери чрева, вр

менное свое имѣетъ начало. А понеже сія мати раждая ни отъ кого не принимаетъ, но сама собою раждаетъ, для того называется отцомъ и началомъ, ни начала, ни конца не имѣющимъ, ни отъ мѣста, ни отъ времени не зависящимъ, а изображаютъ его живописцы кольцомъ, перстнемъ или зміемъ въ коло свитымъ, свой хвостъ своими-жъ держащимъ зубами. *Сея повсемственныя и премудрыя силы дѣйствіе называется тайнымъ закономъ, правленіемъ или царствомъ, по всему матеріалу разлитымъ безконечно и безвременно*, сирѣчь нельзя о ней спросить: когда она началась?—она всегда была; или поколь она будетъ? она всегда будетъ; или до коего мѣста простирается?—она всегда вездѣ" („Разговоръ о душевномъ мирѣ"). „А какъ въ Богѣ раздѣленія нѣтъ,—говоритъ Сковорода,—то Онъ есть простирающееся по всѣмъ вѣкамъ, мѣстамъ и тварямъ единство, ибо Богъ, міръ Его и человѣкъ Его есть то *едино*" („Разговоръ о древнемъ мірѣ"). Начало и конецъ есть то же, что Богъ и вѣчность. Ничего нѣтъ и прежде ея, и послѣ ея. Все въ неограниченныхъ своихъ нѣдрахъ вмѣщаетъ. И не ей что-либо, но она всему началомъ и концомъ" („Израильскій змій"). „Царствіе блаженной натуры, хотя утаенное, однако внѣшними не несвидѣтельственно себѣ дѣлаетъ, печатая слѣды своя по пустому веществу—будто справедливѣйшій рисунокъ по живописнымъ краскамъ. Все вещество есть красная грязь и грязная краска и живописный порохъ, *а блаженная натура есть сама началомъ*, т.-е. безначальною инвенціею или изобрѣтеніемъ и премудрѣйшею делинеаціею, всю видимую фарбу носящею, которая нетлѣнной своей силѣ и существу такъ сообразна, будто одежда тѣлу" („Разговоръ о душевномъ мирѣ").

Но было бы грубою ошибкой отождествлять пантеизмъ Сковороды съ матеріалистическимъ пантеизмомъ стоиковъ. Сковорода былъ далекъ отъ матеріалистическаго пантеизма стоиковъ; это показываетъ уже то, что было изложено нами выше, когда говорилось о зависимости его отъ Платона. Въ параллель съ вышеприведенными мѣстами, указывающими какъ бы на стоическій пантеизмъ Сковороды,

можно привести цѣлый рядъ мѣстъ изъ его сочиненій, гдѣ онъ говоритъ и выражается языкомъ *монотеиста* въ библейскомъ и христіанскомъ смыслѣ слова. Такъ, наприм., въ его сочиненіяхъ нерѣдко встрѣчаются выраженія: *Богъ создалъ, сотворилъ* и т. д. Есть мѣста, указывающія на то, что Сковорода признавалъ Бога *трансцендентнымъ*, т. е. существующимъ внѣ міра. Напримѣръ, „вся тварь,—говорится въ „Разговорѣ: Потопъ Зміинъ",—есть то сѣкомая натура. *Нѣсть ей причастія со всеобщею оною Единицею*" (т.-е. Богомъ)... „Со Святою Троицею нѣсть части твари". „Все Тебѣ подобно,—говорится въ „Бесѣдѣ, нарѣченной *Двое*",—и Ты всему. *Но ничто же есть Тобою и Ты ничѣмъ же, кромѣ Тебе*". „Никто же единъ, токмо Единъ Богъ; вся тварь есть то плоть, разумѣй: сплетенная плетка, склеенный песокъ, слѣпленный прахъ" („Потопъ зміинъ"). Отсюда видно, что Богъ и природа противополагаются, а не отождествляются, какъ въ пантеизмѣ. Равнымъ образомъ, о Богѣ говорится у Сковороды, что *Онъ дѣйствуетъ по своей волѣ и хотѣнію*. „*Воля Божія* есть верхъ и законъ законовъ", говорится въ „Разговорѣ: Алфавитъ мира". „Такъ Богъ хощетъ" (тамъ же). „Самъ одушевляетъ, кормитъ, распоряжаетъ, починяетъ, защищаетъ, и по *Своей же волѣ*, которая всеобщимъ закономъ зовется", и т. д. („Начальная дверь къ христіанскому добронравію"). Также Ковалѣнскій передаетъ бесѣду, которую велъ съ нимъ Сковорода на тему: какое есть основаніе первоначальное тварей? „Ничто,—говоритъ здѣсь Сковорода.—*Воля вѣчная*, возжелавъ облещи совершенства свои въ явленія видимости, изъ ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Сіи *желанія воли вѣчной* одѣлись въ мысленности, мысленности—въ виды, виды—въ вещественные образы" и т. д. („Житіе Сковороды", стр. 28).

Какъ же объяснить такія, повидимому, противорѣчивыя воззрѣнія Сковороды? Вліяніемъ той же древней философіи. Такія же противорѣчивыя воззрѣнія (каковыми они представляются намъ) мы встрѣчаемъ у *Филона Іудейскаго*, котораго Ковалѣнскій ставитъ въ числѣ „любимѣйшихъ авто-

ровъ" Сковороды. Послѣ перваго же знакомства съ сочиненіями Сковороды убѣждаешься въ сходствѣ его сочиненій съ сочиненіями Филона, или вѣрнѣе: его воззрѣній съ воззрѣніями Филона. Филонъ занимается толкованіемъ Библіи; то же дѣлаетъ Сковорода. Филонъ ищетъ въ Библіи аллегорическаго смысла; Сковорода—то же самое. Филонъ усматриваетъ въ Библіи зародышъ истины и всякаго знанія; такъ же смотритъ на Библію и Сковорода. Филонъ находитъ зачатки этой истины у Персидскихъ маговъ и индійскихъ гимнософистовъ; Сковорода, признавая то же самое, особенно указываетъ на Египетскихъ жрецовъ. Филонъ увлеченъ греческою философіею и руководится ею при объясненіи Библіи; Сковорода не менѣе его питаетъ любовь къ этой философіи и проникается ея духомъ и направленіемъ. Филонъ платонизируетъ (πλατονίζει); Сковорода также особенно симпатизируетъ философіи Платона и чаще указываетъ въ своихъ сочиненіяхъ на Платона, чѣмъ на другихъ философовъ древности. Вмѣстѣ съ философіею Платона Филонъ наиболѣе воспользовался умозрительной философіею стоиковъ, хотя истолковалъ ее *по-своему*; тотъ же стоицизмъ мы видѣли у Сковороды. Послѣдній (стоицизмъ) могъ быть заимствованъ Сковородою у Филона, который нерѣдко въ своихъ сочиненіяхъ выражается языкомъ стоиковъ, хотя Сковорода могъ познакомиться съ философіею стоиковъ изъ сочиненій Плутарха и Цицерона, которыя онъ изучалъ. Ученіе Сковороды о Богѣ, существующемъ внѣ міра, единомъ и нераздѣльномъ по существу, свободно по своей волѣ и хотѣнію творящемъ міръ, находится также у Филона. Въ самомъ толкованіи идей Платона Сковорода руководится, повидимому, Филономъ же, потому что слишкомъ настаиваетъ на томъ, что вещи суть только отобразы, отпечатки идей, тѣнь идей, хотя въ то же время съ неменьшею настойчивостію говоритъ о повсемѣстномъ въ мірѣ дѣйствіи божественной силы.

Не даромъ называютъ Филона *эклектикомъ*. Этотъ эклектизмъ и привелъ его къ противорѣчивымъ, съ нашей точки

зрѣнія, воззрѣніямъ. Эклектизмъ, или вѣрнѣе—синкретизмъ Филона состоитъ въ соединеніи философіи Платона, стоиковъ и библейскаго ученія о Богѣ. Ученіе Платона о Деміургѣ и идеяхъ преобразовалось въ ученіе Филона о „Логосѣ“ и идеяхъ. Ученіе стоиковъ о „духѣ (πνεῦμα), который, по ихъ представленію, есть матеріальное начало, перешло у Филона въ ученіе о божественномъ Духѣ въ библейскомъ смыслѣ („Духъ Божій ношашеся верху бездны“). По взгляду Филона, въ началѣ Библіи начертано ученіе о Богѣ, которое въ греческой философіи раскрывалось лишь по частямъ. Соединивши такимъ образомъ, при помощи Библіи, философію Платона и стоиковъ и дополнивши ее ученіемъ Библіи о Богѣ, Филонъ создалъ философію, которая естественнымъ путемъ подготовляла человѣческій умъ къ воспріятію и усвоенію христіанскаго ученія о Троицѣ. Впрочемъ, у самого Филона нѣтъ ученія о Троицѣ; онъ остается монотеистомъ въ библейскомъ смыслѣ; о „Логосѣ“ и божественномъ „Духѣ“ онъ развиваетъ свое ученіе настолько, насколько оно помогаетъ ему выяснить вопросъ о происхожденіи міра и отношеніи Бога къ нему. „Логосъ“ и „Духъ“ суть высшія божественныя *силы* (δυνάμεις), чрезъ посредство которыхъ создается Богомъ міръ изъ матеріи, такъ какъ Самъ Богъ непосредственно не соприкасается съ матеріею (ὁ Θεὸς οὐκ ἐφαπτόμενος αὐτὸς τῆς ὕλης). Идеи суть также безтѣлесныя силы (ἀσώματοι δυνάμεις), которыя сообщаютъ форму безформенному. (μορφὰς ἀμόρφοις) и качество безкачественному (ποιότητας ἀποίοις). Если „Логосъ“ раздѣляетъ, обособляетъ (Λόγος τομεύς), то Духъ соединяетъ, распространяясь нераздѣльно по всему міру; чрезъ него сила божественная распространяется вездѣ и всюду по свойству духа (πνεῦμα). Выходитъ такимъ образомъ, что Самъ Богъ чрезъ посредство Духа Своего распространяетъ силу Свою въ мірѣ до послѣдняго единичнаго предмета (Τείνοντος τοῦ Θεοῦ τὴν ἀφ' ἑαυτοῦ δύναμιν διὰ τοῦ μέσου πνεύματος ἄχρι τοῦ ὑποκειμένου). Такое ученіе Филона о божественномъ Духѣ есть несомнѣнно стоическое, или, по крайней мѣрѣ, изложено примѣ-

нительно къ ученію стоиковъ, понимавшихъ „духъ“ (πνεῦμα) въ смыслѣ тонкой матеріи или газа, распространяющагося въ пространствѣ по свойству матеріи, находящейся въ газовомъ состояніи (πνευματικὸς τόνος). Это какъ разъ было подходяще къ ученію о единствѣ божественнаго естества, не допускающаго раздѣленія (τέμνεται γὰρ οὐδὲν τοῦ θείου κατ᾽ ἀπάρτησιν, ἀλλὰ μόνον ἐκτείνεται). Здѣсь-то и заключается пунктъ соприкосновенія философіи Филона съ пантеизмомъ стоиковъ и пантеизмомъ вообще: Богъ чрезъ Духа Своего распространяется по всему міру, какъ бы самымъ существомъ Своимъ (οὐκ ἐπινοίᾳ..... ἀλλὰ καὶ οὐσιῶδες).

Сковорода воспитался въ христіанскомъ ученіи о Св. Троицѣ. Въ пониманіи этого ученія руководятъ его евангелистъ Іоаннъ и Ап. Павелъ, а также Св. Отцы и учители Церкви. Это же ученіе онъ усматриваетъ и въ Библіи. „Въ началѣ сотворилъ Боги сіе небо и сію землю“, читаетъ онъ въ книгѣ „Бытія“ согласно еврейскому тексту и говоритъ: „*сотворилъ*—сіе значитъ Единъ; *Боги*—сіе значитъ не Единъ“ („Потопъ зміинъ“). Но Сковорода не останавливается только на томъ, что находитъ въ Св. Писаніи, а развиваетъ и истолковываетъ ученіе о Богѣ и Св. Троицѣ, какъ философъ, на почвѣ философскаго міровоззрѣнія. И вотъ здѣсь-то видно вліяніе на него философіи Филона. Замѣчено выше, что чтеніе сочиненій Сковороды производитъ такое впечатлѣніе, что онъ былъ пантеистомъ. Въ этомъ отразилось вліяніе на него Филона и въ частности — его ученія о божественномъ Духѣ. „*Божественный Духъ*,—говоритъ Сковорода,—весь міръ, какъ машинистова хитрость часовую на башнѣ машину, въ движеніи содержитъ и *Самъ бытіемъ есть всякому созданію*. Самъ одушевляетъ, кормитъ, распоряжаетъ, починяетъ, защищаетъ и по своей же волѣ, которая всеобщимъ закономъ зовется, опять въ грубую матерію обращается“. „Всѣ твари, вся природа суть пріятелище, риза, орудіе; все сіе обветшаетъ, свіется, измѣнится; *Единъ Духъ Божій, исполняющій вселенную, пребываетъ*“ (Ковалѣнскій, стр. 29). Въ этомъ же смыслѣ нужно

понимать и тѣ мѣста изъ сочиненій Сковороды, въ которыхъ говорится, что Богъ простирается по всему міру; напримѣръ, „а какъ въ Богѣ раздѣленія нѣтъ, то Онъ есть простирающееся (у Филона употребляется глаголъ τείνειν) по всѣмъ вѣкамъ, мѣстамъ и тварямъ единство“ („Діалогъ о древнемъ мірѣ“). „Духъ животворитъ“ всю природу. „Взглянь, говоритъ Сковорода, на слабосильнаго звѣрка—человѣка: онъ водитъ медвѣди и слоны. Взглянь на маленькую компасную коробочку и на малую часть корабля, на его руль: онъ правитъ теченіе, а тая указываетъ путь. Маленькая искра раззоряетъ городскія стѣны. Изъ крошечнаго зерна выходитъ толстая яблонь. Легонькій воздушный шумъ есть испущенное изъ устъ слово; но оно часто или смертно уязвляетъ или въ куражъ приводитъ и оживляетъ душу. Малая птица—пѣтухъ—пугаетъ льва, а мышъ—слона. Невидная пружина въ составѣ движетъ всю часовую машину. Неосязаемая въ циркулѣ точка источникомъ есть всѣхъ фигуръ и машинъ. Десятифунтовая машина ворочаетъ стопудную тяжесть. Соломенный крутѣнь разбиваетъ кремень. Ничтожная гражданскихъ законовъ бумажка содержитъ гражданство въ тишинѣ. Отцовская старость владѣетъ жестоковыйными рабами и буйными сынами. Слабаго здоровья Государь управляетъ безсловесную свирѣпость народную. Все сіе по плоти ничтоже есть; но по сокровенному въ себѣ естеству сильное. *Духъ животворитъ*“ („Израильскій змій“).

Мы почти не сомнѣваемся въ томъ, что православный богословъ не найдетъ полнаго соотвѣтствія между православнымъ догматическимъ ученіемъ о Св. Троицѣ и философскимъ ученіемъ о томъ же предметѣ Сковороды. Но мы должны относиться къ ученію Сковороды, какъ ученію философскому, а не догматическому. Для насъ важно то, что *ученіе о троичности Божества Сковорода кладетъ въ основаніе своей умозрительной философіи и считаетъ его исходнымъ пунктомъ философіи вообще.*

**Ѳ. А. Зеленогорскій.**

*(Окончаніе слѣдуетъ).*

# Пространство и время, какъ формы явленій.

Милліоны людей живутъ, мечтая о будущемъ и вспоминая прошедшее, но ни разу не задавая себѣ вопроса, что такое та роковая сила, которая безпрерывно увлекаетъ ихъ впередъ? Для большинства изъ нихъ этотъ вопросъ является не только неразрѣшимымъ, но и не интереснымъ; дѣйствительность исчерпывается для нихъ тѣмъ, что они видятъ и слышатъ, а все остальное представляется болѣе или менѣе празднымъ мечтаніемъ.

Правда, что и передъ ними иногда выростаетъ стѣна, за которой вдругъ исчезаетъ эта дѣйствительность, и невольно возникаетъ вопросъ о различіи между вещами и явленіями; но вопросъ этотъ настолько тревоженъ и непривыченъ, что они стараются отдѣлаться отъ него какъ можно скорѣе, заранѣе признавая задачу неразрѣшимой, или, по крайней мѣрѣ, для себя непосильной. Въ практической жизни нельзя заниматься рѣшеніемъ метафизическихъ задачъ, а надо предполагать ихъ или рѣшенными, или неразрѣшимыми, иначе некогда было бы дѣйствовать.

Въ наукѣ, наоборотъ, точность и строгая послѣдовательность составляютъ необходимое требованіе, такъ какъ безъ нихъ могутъ являться иногда блестящія гипотезы, но онѣ, во всякомъ случаѣ, лишены будутъ прочнаго основанія.

Строгое различеніе необходимаго отъ частнаго и случайнаго составляетъ основное требованіе каждаго научнаго изслѣдованія; но какія бы мы ни взяли явленія, съ какой

бы точки зрѣнія ни разсматривали ихъ, они всегда будутъ представляться намъ во времени; а если мы будемъ разсматривать явленія внѣшняго міра, то и въ пространствѣ.

Каждое явленіе необходимо предполагаетъ два термина: того, кто воспринимаетъ, и то, что воспринимается; это относится одинаково и ко внутреннимъ, и ко внѣшнимъ явленіямъ,—къ психическимъ воспріятіямъ и къ впечатлѣніямъ внѣшняго міра. Для наивнаго реализма, на почвѣ котораго стоитъ большинство людей, почти не существуетъ различія между собственными представленіями и тѣми предметами, которые вызываютъ эти представленія. Однако, не только философы, но и естествоиспытатели знаютъ, что между ними нѣтъ почти ничего общаго, а можетъ существовать только нѣкоторый параллелизмъ, такъ что нѣкоторымъ измѣненіямъ во внѣшнихъ предметахъ могутъ соотвѣтствовать нѣкоторыя измѣненія въ нашемъ сознаніи, но явленія внѣшняго міра никакъ не могутъ отождествляться съ явленіями внутренняго сознанія, а могутъ только быть признаны ихъ причиной, и то лишь въ нѣкоторомъ смыслѣ: явленія внѣшняго міра никогда не воспринимаются непосредственно нашимъ сознаніемъ, которое воспринимаетъ только нѣкоторыя измѣненія внутри нашего организма и объективируетъ ихъ въ пространствѣ. Собственное тѣло наше всегда служитъ посредствующимъ звеномъ между нашимъ сознаніемъ и остальными тѣлами вселенной; оно можетъ считаться единственнымъ непосредственнымъ объектомъ всѣхъ нашихъ ощущеній.

Только законъ причинности даетъ намъ связующую нить между міромъ субъективныхъ представленій и ощущеній и міромъ объективныхъ, реальныхъ явленій.

Измѣненія во внѣшнихъ предметахъ являются причиной соотвѣтствующихъ измѣненій въ окружающей средѣ, которая такъ или иначе передаетъ эти измѣненія или движенія нашему тѣлу, гдѣ они въ свою очередь вызываютъ соотвѣтствующія измѣненія въ сознаніи.

Такимъ образомъ, движеніе, какъ съ философской, такъ и

съ естественно-научной точки зрѣнія, является необходимымъ звеномъ между нашимъ сознаніемъ и внѣшнимъ міромъ; но всякое движеніе предполагаетъ пространство и время. Что же такое эти необходимыя условія внѣшняго опыта? Составляютъ ли они неотъемлемыя свойства являющихся предметовъ или, наоборотъ, неизбѣжную форму воспринимающаго ихъ сознанія? Или, наконецъ, они только необходимая или, по крайней мѣрѣ, при данныхъ условіяхъ, неизбѣжная связь между познаваемымъ и познающимъ?

Пояснимъ это сравненіемъ: представимъ себѣ слѣпорожденнаго, который послѣ операціи получилъ бы способность видѣть предметы, но не различая цвѣтовъ. Положимъ, что всѣ они представлялись бы ему одинаково зелеными; причина этого заключалась бы въ немъ самомъ, въ устройствѣ его органа зрѣнія. Теперь допустимъ, что послѣ операціи слѣпой получилъ бы способность не только видѣть предметы, но и различать цвѣта ихъ, но почему-либо ему позволили бы смотрѣть исключительно на предметы зеленаго цвѣта, такъ что комната и всѣ вещи, находящіяся въ ней, были бы зеленаго цвѣта; тогда цвѣтовыя впечатлѣнія второго оперированнаго были бы тождественны съ впечатлѣніями перваго, хотя причина этого тождества заключалась бы уже не въ немъ самомъ, а наоборотъ, въ воспринимаемыхъ имъ предметахъ. Наконецъ, представимъ себѣ третьяго слѣпорожденнаго, которому была сдѣлана такая же операція, какъ и второму, и съ такими же результатами; но вмѣсто того, чтобъ окружать его исключительно зелеными предметами, ему надѣли бы въ моментъ операціи зеленыя очки или пропустили бы сквозь зеленое стекло свѣтъ въ ту комнату, гдѣ онъ находится; тогда впечатлѣнія третьяго оперированнаго были бы также одинаковы съ впечатлѣніями первыхъ двухъ, хотя причина того, что онъ видитъ все въ зеленомъ свѣтѣ, была бы уже не въ немъ самомъ и не въ тѣхъ предметахъ, которые онъ видитъ, а въ посредствующихъ условіяхъ, дѣлающихъ для него возможнымъ видѣніе этихъ предметовъ.

Нѣчто аналогическое можемъ мы допустить и относи-

тельно пространства: предметы могутъ являться намъ протяженными, потому что протяженность есть свойство этихъ предметовъ; они могутъ казаться намъ протяженными потому, что пространство есть необходимая форма воспринимающаго ихъ сознанія, и, наконецъ, протяженіе можетъ быть лишь условіемъ перехода вліянія внѣшняго міра въ область сознанія. Иными словами, идея пространства можетъ быть неразрывно связана съ воспріятіемъ внѣшняго міра нашимъ интеллектомъ потому, что протяженность есть неотъемлемое свойство всѣхъ тѣлъ, или потому, что пространство есть форма этого интеллекта, въ которую необходимо должны вливаться всѣ внѣшнія впечатлѣнія, или, наконецъ, потому, что не будучи необходимо связано ни съ внутренней сущностью матеріальнаго міра, ни съ нашимъ интеллектомъ, оно есть необходимое отношеніе, такъ сказать, единственный уголъ зрѣнія, подъ которымъ можетъ быть нами воспринятъ матеріальный міръ.

Обѣ первыя гипотезы достаточно разработаны въ исторіи философіи; мы остановимся только на третьей.

Возможно ли, чтобы сами по себѣ непротяженные предметы являлись сознанію, не безусловно связанному собственною формой (пространства), — протяженными? Возможно ли, чтобъ идея пространства возникала только изъ соприкосновенія этихъ совершенно разнородныхъ элементовъ, изъ которыхъ ни одинъ въ отдѣльности не имѣетъ съ пространствомъ ничего общаго? Что касается сознанія, то несомнѣнно, что въ немъ можетъ существовать цѣлый рядъ явленій, не имѣющихъ ничего общаго съ пространствомъ; но и въ матеріальномъ мірѣ, хотя всѣ явленія совершаются или, по крайней мѣрѣ, представляются намъ совершающимися въ пространствѣ, нельзя утверждать однако, чтобы та субстанція или принципъ, который лежитъ въ основаніи этихъ явленій, непремѣнно былъ протяженнымъ; современная наука, наоборотъ, все болѣе склоняется къ тому, чтобы видѣть въ самыхъ тѣлахъ только явленія, въ основаніи которыхъ лежатъ непротяженныя единицы силъ. Правда, что

въ такомъ случаѣ остается, повидимому, необходимость допущенія пространства, какъ чего-то реальнаго, такъ какъ въ противномъ случаѣ немыслимо было бы движеніе; но вѣдь и движеніе не есть нѣчто самостоятельное, независимое отъ того, что движется.

Итакъ, возможно, что протяженность не есть ни свойство тѣлъ, ни форма интеллекта; но если мы остановимся на этомъ вопросѣ, мы увидимъ, что, какъ бы то ни было, пространство есть необходимое условіе воспріятія нами явленій внѣшняго міра.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы не было пространства, не было бы движенія (даже въ субъективномъ смыслѣ), а если бы не было движенія, то невозможна была бы та смѣна ощущеній въ нашемъ сознаніи, на основаніи которой мы заключаемъ не только объ измѣненіяхъ, но и о самомъ бытіи внѣшняго міра.

Впечатлѣнія, вызываемыя внѣшнимъ міромъ, даже въ томъ случаѣ, еслибъ они были еще возможны, должны были бы оставаться безусловно неизмѣнными, — и мы совершенно лишены были бы способа не только различать ихъ между собой, но и отдѣлять ихъ отъ чисто субъективныхъ ощущеній.

Можно возразить противъ этого опредѣленія пространства, какъ формы явленій, что въ сущности оно не исключаетъ первыхъ двухъ гипотезъ и потому само недостаточно опредѣленно; это совершенно справедливо, но такая неопредѣленность, быть можетъ, не большая бѣда сравнительно съ внутренними противорѣчіями или съ бездоказательными утвержденіями, тѣмъ болѣе, что она оставляетъ открытое поле для дальнѣйшихъ изысканій.

Еще большее значеніе имѣетъ такое широкое опредѣленіе относительно времени; время само по себѣ совершенно ускользаетъ отъ нашего пониманія и не вмѣщается въ нашемъ сознаніи. Все, что мы знаемъ и видимъ, всѣ явленія внѣшняго и внутренняго міра—лежатъ или въ прошедшемъ, или въ будущемъ,—они или были, или будутъ; но какъ только они являются нашему сознанію, они становятся настоящими;

для сознанія, какъ такового, нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, и единственная форма его—настоящее; разница можетъ быть только въ яркости картинъ, а не въ ихъ реальности. Настоящее есть та математическая точка, которая дѣлитъ на двѣ половины безконечную линію времени: точка, гдѣ не можетъ умѣститься ни одно матеріальное явленіе, потому что, какъ бы оно ни было скоротечно, оно все-таки составляетъ нѣкоторую, хотя и чрезвычайно малую, но опредѣленную величину.

Если нѣтъ достаточнаго основанія признавать пространство исключительно субъективною формой нашего познанія, то, по крайней мѣрѣ, та ясность и точность, съ которой мы сознаемъ геометрическія истины, даетъ поводъ думать, что если и существуетъ, кромѣ того, реальное пространство, то законы его должны быть согласны съ законами нашего разума. Совсѣмъ другое дѣло—время: мы не только не въ состояніи ясно представить себѣ, что такое время, но оно является какъ будто постояннымъ фактическимъ отрицаніемъ того, что внутри себя мы сознаемъ всего яснѣе. Единственнымъ сколько-нибудь точнымъ способомъ измѣренія времени остается движеніе матеріальныхъ предметовъ, причемъ сравнивается въ сущности не время, а пути, пройденные тѣлами, т. е. опять-таки пространство, и дѣятельность ума состоитъ здѣсь не въ томъ, чтобы воспринимать впечатлѣнія времени, какъ нѣчто равномѣрно текущее, а только въ томъ, чтобы воскресить въ памяти то, что было, и сравнить съ тѣмъ, что есть: сдѣлать прошедшее настоящимъ, по крайней мѣрѣ, внутри сознанія.

Въ любомъ актѣ сознанія, не только въ мысляхъ, но и въ ощущеніяхъ есть сочетаніе множества явленій и движеній и, слѣдовательно, движенія эти воспринимаются одновременно. Если различіе въ цвѣтахъ и въ звукахъ зависитъ отъ числа колебаній эѳира или воздуха, то отсюда уже ясно, что сознаніе схватываетъ, какъ единое, то, что въ природѣ безконечно множественно; безчисленный рядъ послѣдовательныхъ движеній массы отдѣльныхъ мельчайшихъ частицъ

сливается здѣсь въ одно неразрывное цѣлое. Но и не прибѣгая къ болѣе или менѣе сложнымъ научнымъ гипотезамъ, не трудно придти къ тому же результату,—самыя простыя наблюденія то и дѣло наводятъ на эту мысль. Стоитъ взглянуть на любое движущееся тѣло, чтобъ убѣдиться въ этомъ: такое тѣло или совсѣмъ не даетъ никакого отчетливаго впечатлѣнія, или же даетъ впечатлѣніе совершенно новое, не имѣющее ничего общаго съ перемѣщеніемъ частей или цѣлаго.

Будемъ смотрѣть, напримѣръ, на вращающееся колесо; спицы его будутъ мелькать, не давая никакого яснаго впечатлѣнія; но если оно будетъ вращаться еще быстрѣе, онѣ сольются въ одинъ сплошной кругъ, и получится новое, вполнѣ отчетливое впечатлѣніе неподвижнаго и полупрозрачнаго тѣла. Возьмемъ горящій уголь и будемъ быстро двигать его въ темномъ помѣщеніи; вмѣсто свѣтящейся точки у насъ явится впечатлѣніе огненныхъ линій, и совершенно такое же впечатлѣніе получится, если вмѣсто того, чтобы передвигать свѣтящуюся точку, мы будемъ передвигать глазами. Зрѣніе, ясно схватывающее пространственныя отношенія и формы предметовъ, совершенно безсильно дать намъ представленіе о перемѣщеніи предметовъ, т. е. о движеніи въ собственномъ смыслѣ. Если мы будемъ слѣдить за движущимся предметомъ, мы можемъ видѣть его достаточно отчетливо, но все остальное сольется тогда въ болѣе или менѣе смутную массу; если, наоборотъ, смотрѣть, не переводя взгляда, на ту среду, гдѣ движется тѣло,—сразу исчезнетъ отчетливость видѣнія самого тѣла, такъ какъ каждая точка въ немъ превратится уже въ нѣкоторую линію и видѣніе отдѣльныхъ частей неизбѣжно сольется; но если даже самое движеніе, т. е. непрерывное перемѣщеніе, иногда вмѣсто представленія времени вызываетъ впечатлѣніе неподвижности, не имѣющее ничего общаго съ дѣйствительнымъ состояніемъ тѣлъ, то не странно ли предполагать, что время есть необходимая субъективная форма сознанія? Ясно, что мелодіи, напримѣръ, совсѣмъ не существовало бы, еслибы тѣ звуки,

которые отзвучали въ дѣйствительности, не продолжали еще существовать въ нашемъ сознаніи, пока ухо воспринимаетъ новые.

Переходя отъ ощущеній къ мышленію, мы можемъ еще яснѣе наблюдать внѣвременный характеръ сознанія; когда мы читаемъ что-нибудь, глаза наши перебѣгаютъ съ одной строки на другую, получается цѣлый рядъ быстро смѣняющихся свѣтовыхъ впечатлѣній, но въ результатѣ всѣхъ этихъ впечатлѣній остается одна мысль. Понятія, вызванныя свѣтовыми ощущеніями, не исчезаютъ, а продолжаютъ жить въ нашемъ сознаніи, когда ощущенія, вызвавшія ихъ, замѣнились уже другими.

Но можно возразить, что ощущенія и мысли такъ же мѣняются, какъ и внѣшнія явленія, которыми они вызваны. Отсюда не слѣдуетъ однако, чтобы такого рода смѣна была неизбѣжнымъ свойствомъ мышленія: ясно, что если явленія совершаются во времени, то въ сознаніи они не могутъ оставаться вѣчно, если только есть соотношеніе между познающимъ и познаваемымъ. Если же мы припомнимъ, что всѣ или почти всѣ наши чувства и мысли связаны съ нашимъ тѣлеснымъ организмомъ, который самъ есть только временное явленіе, то очевидно, что всѣ или почти всѣ наши мысли не могутъ находиться внѣ времени; впрочемъ, та безпрерывная смѣна мыслей и ощущеній, которую мы наблюдаемъ въ нашемъ сознаніи, совсѣмъ не то, что смѣна явленій во внѣшнемъ мірѣ: она совсѣмъ не похожа на то представленіе, которое мы имѣемъ о матеріальномъ движеніи и о смѣнѣ явленій во внѣшнемъ мірѣ, гдѣ одинъ моментъ рѣзко отдѣляетъ безконечное прошлое отъ безконечнаго будущаго, гдѣ настоящее можно сравнить съ узкою щелью, сквозь которую мы видимъ быстро мелькающіе предметы, мгновенно появляющіеся и мгновенно исчезающіе.

Въ психическомъ мірѣ, наоборотъ, явленія не проносятся безслѣдно: они какъ будто постепенно выплываютъ изъ невидимой глубины, постепенно достигаютъ наибольшей яркости и снова блѣднѣютъ и заслоняются новыми явленіями, про-

должая однако бросать на нихъ свои отблески даже тогда, когда сами стали уже не узнаваемы. Кому, напримѣръ, не случалось испытывать какое-то неопредѣленное, томительное чувство, видѣть все въ черномъ свѣтѣ, не отдавая себѣ отчета, почему именно, и вдругъ вспомнить какое-нибудь тяжелое впечатлѣніе, иногда даже сонъ, вызвавшій это настроеніе? Не ясно-ли, что это впечатлѣніе не только сохранилось въ глубинѣ безсознательнаго, но и продолжало дѣйствовать на наше настроеніе, пока передъ нами смѣнялись и мелькали совершенно другія внѣшнія впечатлѣнія?

Я сказалъ, что почти всѣ наши представленія, впечатлѣнія и мысли лежатъ во времени, потому, что всѣ они относятся ко временному, а не потому, чтобы время было необходимою формой сознанія. Но это не единственная причина: сила нашего мышленія и ясность сознанія ограничены; поэтому, когда мы сосредоточиваемъ наше вниманіе на одномъ впечатлѣніи или мысли, остальныя блѣднѣютъ и почти исчезаютъ, какъ будто ихъ уже нѣтъ; но стоитъ намъ обратить на нихъ вниманіе— и они снова выступаютъ передъ нашимъ взоромъ; иногда это дѣлается совсѣмъ независимо отъ нашего желанія, и достаточно одного намека, чтобы живо возстановить передъ нами цѣлую картину, которая, казалось, безслѣдно исчезла изъ нашей памяти.

Но этимъ не ограничивается воздѣйствіе сознанія относительно времени, такъ какъ сознаніе не только вызываетъ изъ прошедшаго то, что минуло, но и рисуетъ, какъ настоящее, то, что еще не наступило. Мы постоянно предвидимъ, по крайней мѣрѣ, ближайшее будущее, такъ же, какъ постоянно носимъ въ себѣ, хотя бы смутное, впечатлѣніе прошедшаго; всѣ наши дѣйствія опредѣляются именно такимъ предвидѣніемъ будущаго, такъ какъ цѣль ихъ всегда находится въ будущемъ; но какъ бы ни была она сама по себѣ проблематична, намъ она представляется дѣйствительной. Конечно, въ предвидѣніи будущаго, основанномъ на умозаключеніи, возможна еще чаще ошибка, чѣмъ при воспоминаніи прошедшаго; но въ громадномъ большинствѣ слу-

чаевъ это предвидѣніе настолько оправдывается, что когда подобная ошибка встрѣчается, она вызываетъ совсѣмъ иное впечатлѣніе, нежели то, которое явленіе вызвало бы само по себѣ; оно представляется намъ уже въ совсѣмъ особенномъ свѣтѣ, какъ нѣчто непредвидѣнное, и вызываетъ въ насъ чувство удивленія. Итакъ, во внутреннемъ психическомъ мірѣ прошедшее и будущее, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ предѣлахъ, сливаются въ одномъ неразрывномъ впечатлѣніи настоящаго, а это настоящее въ значительной степени зависитъ отъ нашей воли, отъ насъ самихъ. Наши впечатлѣнія не представляютъ собой вполнѣ пассивнаго отраженія и простого видоизмѣненія внѣшней дѣйствительности. Мы видимъ и слышимъ не то, что случайно поражаетъ нашъ слухъ и зрѣніе, а то, что мы хотимъ видѣть и слышать. Въ комнатѣ, гдѣ ведется множество разговоровъ, мы можемъ слушать одинъ изъ нихъ, причемъ остальные сливаются въ нестройный гулъ. На листѣ бумаги, гдѣ начерчено множество фигуръ и рисунковъ и гдѣ линіи перекрещиваются, мы можемъ слѣдить за одной изъ нихъ и видѣть одинъ образъ, такъ что все остальное теряетъ для насъ значеніе и почти не достигаетъ до нашего сознанія.

Тотъ актъ, посредствомъ котораго мы изъ безчисленнаго множества окружающихъ насъ явленій, мелькающихъ передъ нами предметовъ выбираемъ, закрѣпляемъ и воспринимаемъ немногое, есть своего рода внутреннее творчество. Нуженъ особый актъ психическаго внутренняго начала для того, чтобы превратить рядъ безчисленныхъ мелкихъ ощущеній, одновременно получаемыхъ изъ внѣшняго міра, въ одинъ отчетливый образъ, соотвѣтствующій тому или другому предмету, который представляется намъ причиной, вызывающей всѣ эти ощущенія.

Весь міръ, поскольку онъ является намъ, существуетъ для насъ въ пространствѣ и во времени,—это не только опытный фактъ, но и логическая необходимость; но мы едва ли вправѣ заключать отсюда, чтобы пространство и время были только субъективными формами познанія: говоря, что

пространство есть субъективная форма познанія, мы предрѣшаемъ вопросъ, подразумѣвая тѣмъ самымъ, что ему ничто не соотвѣтствуетъ въ объектѣ. Утверждая то же самое относительно времени, мы не только впадаемъ въ ту же ошибку, но и въ нѣкоторое противорѣчіе съ нашимъ внутреннимъ опытомъ, который показываетъ намъ, что въ сознаніи нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, а одно только настоящее. Идеи пространства и времени не могли быть заимствованы изъ опыта, такъ какъ онѣ предполагаются уже данными въ каждомъ опытѣ. Въ наблюденіи мы видимъ только дѣйствительность и, слѣдовательно, только настоящее. Съ другой стороны, точно также ни въ одномъ изъ нашихъ ощущеній не дано представленія о трехмѣрномъ пространствѣ, и оно составляетъ только логически необходимый, хотя и безсознательный выводъ изъ наблюдаемыхъ нами движеній. Въ виду этого, нельзя не признать, что идея пространства присуща нашему интеллекту, хотя отсюда нисколько не слѣдуетъ, чтобы ей ничто не соотвѣтствовало внѣ насъ.

Наоборотъ, безъ врожденныхъ идей мы не имѣли бы ни малѣйшаго понятія о внѣшнемъ мірѣ,—слѣдовательно, о наблюденіи и объ опытѣ. Если бы не было въ насъ самихъ идеи причинности, въ нашемъ сознаніи непрерывно чередовался бы только рядъ ощущеній и впечатлѣній, которыя намъ не могло бы придти въ голову объективировать внѣ насъ. Всѣ логическія истины составляютъ такого рода врожденныя идеи, откуда не слѣдуетъ, конечно, чтобы новорожденный познавалъ ихъ въ той же формѣ и съ такою же ясностью, какъ философъ или математикъ; но и ребенокъ, который не умѣетъ еще говорить, безсознательно руководствуется ими: когда онъ протягиваетъ руку, чтобы схватить какой-нибудь предметъ, онъ, конечно, не разсуждаетъ о томъ, что прямая есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, но инстинктивно протягиваетъ руку прямо къ предмету, хотя не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое третье измѣреніе пространства, и хотя измѣреніе это не дано ему ни въ одномъ

изъ его ощущеній. Точно также, когда онъ проситъ чего-нибудь или чего-нибудь боится, онъ не разсуждаетъ о томъ, что предметъ его желанія или страха не зависитъ отъ его воли и потому есть нѣчто реальное и несубъективное,— а слѣдовательно, долженъ имѣть другую причину; однако, и желаніе, и страхъ этотъ, несомнѣнно, основаны на безсознательномъ примѣненіи закона причинности, который одинъ выводитъ и ребенка, и мыслителя изъ области чисто субъективныхъ представленій. Можно, конечно, сомнѣваться и въ законѣ причинности, но тогда обрывается единственная прочная нить, связующая мышленіе съ внѣшнимъ міромъ, и не существуетъ уже не только никакой почвы для опытныхъ изслѣдованій, но и внутри нашего сознанія остается мѣсто только для безграничной фантазіи. Наоборотъ, признавая не только субъективное, но и реальное значеніе врожденныхъ идей, мы получаемъ единственную твердую почву, на которой возможно существованіе и развитіе математическихъ, а вслѣдъ за ними и остальныхъ точныхъ наукъ.

Если иногда изъ самыхъ очевидныхъ апріорныхъ истинъ, служащихъ основаніемъ всего нашего мышленія, вытекаютъ кажущіяся противорѣчія и несообразности, то все-таки проще усомниться въ точности того логическаго процесса, который приводитъ къ такому заключенію, нежели въ тѣхъ аксіомахъ, которыя служатъ основаніемъ всякаго мышленія. Если допустить даже, что мыслительный процессъ этотъ былъ безусловно правиленъ, то и тогда онъ лишенъ всякаго значенія, такъ какъ самъ же приводитъ къ заключенію, что тѣ основанія его, которыя все время подразумѣвались, были невѣрны. Сознаніе наше способно схватывать съ достаточной ясностью только конечные предметы, но всѣ эти предметы, не исключая нашего собственнаго тѣла, лежатъ въ пространствѣ и во времени и находятся въ безпрерывномъ движеніи; это вызываетъ иллюзію, что и самъ познающій субъектъ находится во времени. И дѣйствительно, пока передъ нимъ безпрерывно мѣняется рядъ образовъ и впечатлѣній, ему кажется, что и самъ онъ мѣняется совершенно такъ же,

какъ эти внѣшніе образы; но когда передъ нимъ вырастаетъ идея смерти и невозможнымъ становится смѣшеніе собственнаго тѣла, непосредственнаго, но все же временнаго объекта познанія, съ познающимъ субъектомъ, тогда невольно возникаетъ вопросъ, что станется съ этимъ субъектомъ, когда разрушится связь его съ собственнымъ тѣломъ: исчезнетъ ли тогда и самое сознаніе, будетъ ли оно имѣть другой органъ, или же, освободившись отъ соприкосновенія съ матеріальными предметами, находящимися въ пространствѣ и во времени, оно получитъ способность яснѣе созерцать вѣчное? Ни философія, ни положительныя науки не могутъ дать отвѣта на эти вопросы, которые относятся уже къ области религіи. Наука, религія и философія согласны однако въ томъ, что время можетъ измѣнить и разрушить только явленія, а не внутреннюю сущность вещей, и тотъ, кто сознаетъ или вѣритъ, что самъ онъ не есть случайная совокупность случайныхъ явленій, а нѣчто реальное, само себѣ равное, для того и смерть, существующая только во времени, не можетъ представляться концомъ его дѣйствительнаго бытія, и распаденіе тѣла, связующаго его съ міромъ протяженныхъ предметовъ, не можетъ служить доказательствомъ невозможности сохраненія сознанія вообще.

**Кн. Д. Цертелевъ.**

---

# О времени *).

## I.

Вопросъ о природѣ *времени*, какъ мы показали въ предыдущей статьѣ, имѣетъ первенствующее значеніе для будущей судьбы *психологіи* и *метафизики*.

Психологія находится въ томъ фазисѣ развитія, въ которомъ ей или предстоитъ окончательно стать частью и отдѣломъ нервной физіологіи или столь же окончательно и навсегда отстоять свою независимость—доказать, что попытки отождествленія ея съ физіологіей мозга и органовъ чувствъ въ корнѣ своемъ ошибочны и являются плодомъ полнаго смѣшенія понятій двухъ разнородныхъ порядковъ. И кто ясно видитъ послѣдствія этой грубой ошибки въ разсужденіяхъ многихъ выдающихся современныхъ ученыхъ и мыслителей, тотъ обязанъ отыскать ея существенную причину, и найдетъ ее именно въ ходячемъ ученіи о природѣ времени.

Точно также метафизика переживаетъ, какъ извѣстно, критическій моментъ въ своемъ развитіи. Стремленіе превратить ее всецѣло въ теорію познанія содержитъ въ себѣ скрытое предрѣшеніе вопроса. Если ничто, кромѣ явленій и законовъ ихъ послѣдовательностей и сосуществованій, для нашего изученія недоступно, то какая еще возможна

*) См. статью «Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи» въ № 21 „Вопросовъ Филос. и Психол.“.

теорія познанія, кромѣ психологическаго ученія объ ассоціаціи идей и того ученія о функціяхъ мозга, которое, составляя область физіологіи, такъ обманчиво, наивно и банально разрѣшаетъ вѣковые вопросы объ отношеніяхъ субъекта и объекта, познанія и бытія, идеи и реальности? Зачѣмъ тогда и особая *метафизическая* теорія познанія? Если же у этой науки есть особыя задачи, основы и методы изслѣдованія, — если есть въ доступной нашему уму дѣйствительности что-либо соотвѣтствующее этимъ особымъ „метафизическимъ" пріемамъ изслѣдованія, то именно ученіе объ *этой особой сферѣ* дѣйствительности должно дать существенное положительное содержаніе метафизикѣ, какъ наукѣ не только о познаніи, но и о самомъ *объектѣ* этого познанія, который есть, по меньшей мѣрѣ, нашъ собственный познающій и мыслящій субъектъ въ его своеобразной природѣ, въ его особыхъ законахъ и формахъ дѣятельности. Но тогда метафизика уже превратится въ науку о сущемъ, реальномъ, дѣйствительномъ,—въ одну изъ наукъ, изучающихъ природу, жизнь, міръ въ его цѣломъ, а психологія перестанетъ быть наукою только о душевныхъ явленіяхъ и ихъ физіологическомъ механизмѣ.

Что же можетъ рѣшить судьбу психологіи и метафизики въ томъ или другомъ смыслѣ?

То міросозерцаніе, которое опредѣляетъ теперешнее ложное отношеніе къ предмету, задачамъ и пріемамъ этихъ наукъ,—отношеніе, которое превращаетъ психологію въ отдѣлъ физіологіи, а метафизику—въ теорію познанія, составляющую часть психологіи, и вмѣстѣ съ нею, въ концѣ концовъ, прикладную область физіологіи мозга,—міросозерцаніе это называется *позитивизмомъ*; но позитивизмъ въ своихъ основаніяхъ и крайнихъ выводахъ есть родное и законное дѣтище *эмпиризма*. А эмпиризмъ есть то философское міросозерцаніе, которое признаетъ, что все дѣйствительно существующее дано человѣку только какъ *явленіе во времени*, какъ преходящее звено послѣдовательнаго ряда, — и что, слѣдовательно, только то и реально, что дано во времени,

т. е. въ опытѣ. Опытъ понимается именно какъ *процессъ*, какъ смѣна во времени явленій сознанія и какъ познаніе или сознаніе этой смѣны.

Ясно, что въ основѣ современнаго міросозерцанія, какъ и прежняго эмпиризма, ведущаго начало отъ древности, лежитъ опредѣленное ученіе *о времени*, какъ формѣ познанія всякаго бытія, существованія и какъ условіи всякой реальности. А между тѣмъ время признавалось выдающимися философами: Платономъ, Августиномъ, Лейбницемъ, Кантомъ и многими другими—субъективнымъ продуктомъ духа, формою или мѣрою самой мысли, которою она пользуется въ субъективномъ процессѣ познанія міра. Платонъ совершенно послѣдовательно считаетъ высшею и главною задачей знанія отрѣшеніе отъ условій времени, проникновеніе въ сферу внѣвременнаго, вѣчнаго, неизмѣннаго бытія, лежащаго въ основѣ всего перемѣнчиваго, преходящаго, рождающагося и умирающаго. Такова задача діалектики или метафизики. И знаменитый эмпирикъ Аристотель, ученикъ Платона и фактическій основатель „метафизики", какъ *особой* науки, признаетъ все-таки смыслъ и самостоятельное значеніе великой задачи познанія вѣчнаго, неизмѣннаго, внѣвременнаго, для чего предполагаетъ у человѣка даже особый высшій органъ познанія—дѣятельный умъ, независимый отъ физической организаціи.

И со временъ Платона и Аристотеля до самаго Канта, а затѣмъ и послѣ него—въ ученіяхъ Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра и другихъ представителей германскаго идеализма, эта задача философіи, какъ науки, отрѣшающейся отъ условій времени, отъ видимой смѣны явленій, и познающей самый корень вещей, природу ихъ неизмѣнной основы и самую причину и происхожденіе времени, считалась реальною и выполнимою.

Лишь въ послѣднія десятилѣтія французскій позитивизмъ и англійскій эмпиризмъ проникли и въ Германію и создали ту странную смѣсь понятій позитивно-физико-математическихъ, эмпирико-химико-біологическихъ и трансценденталь-

но-теоретико-познавательныхъ, которая подъ именами *ново-кантіанства*, „научной философіи“ и т. п. выдаетъ себя въ Германіи за послѣднее слово философіи и своимъ мнимымъ отвлеченно-раціоналистическимъ глубокомысліемъ отталкиваетъ отъ философіи и метафизики всякую живую душу.

Что же сдѣлалось съ нѣмцами?

Явленіе объясняется довольно просто. Быстрые и изумительные успѣхи естествознанія обратили нынѣ лучшіе германскіе умы, самыхъ геніальныхъ нѣмцевъ, къ изученію и разработкѣ естественныхъ наукъ—физики, физіологіи, медицины. Гельмгольцы, Кирхгофы, Дюбуа-Реймоны, Вирховы сдѣлали рядъ чудесныхъ открытій. Умы средніе обратились къ эксплоатированію ихъ открытій въ видахъ усовершенствованія и исправленія старыхъ философскихъ системъ. Сложное и гармоническое философское зданіе, возведенное Кантомъ въ его „Критикѣ чистаго разума“, стало главнымъ исходнымъ пунктомъ этихъ философскихъ манипуляцій. И незаконнымъ дѣтищемъ крайне произвольнаго и во многихъ частяхъ своихъ даже фантастическаго кантовскаго ученія *о чистомъ разумѣ* и современной нѣмецкой физики явилось нынѣ модное въ Германіи „новокантіанство“.

Кантъ сдѣлалъ величественное и мощное усиліе съ цѣлью примиренія задачъ эмпирической науки и метафизики; но не имѣя для своихъ построеній твердой почвы въ современной ему *психологіи*, онъ создалъ массу лишнихъ словъ, ложныхъ понятій, искусственныхъ терминовъ и классификацій, частью представляющихъ собою перегонку прежнихъ аристотелевско-схоластическихъ понятій и терминовъ, взятыхъ имъ изъ системъ его предшественниковъ школы Хр. Вольфа, частью вновь имъ придуманныхъ,—и въ результатѣ получилось величественное и сложное, но и тяжеловѣсное и чисто-искусственное зданіе понятій,—историческій памятникъ германской философской готики, къ которому нѣмцы относятся съ понятнымъ и вполнѣ естественнымъ благоговѣніемъ, охраняя въ немъ каждый камень и благочестиво возстанов-

ляя обваливающіеся устои его, но которое для современной философской мысли стало совершенно необитаемо.

Главный грѣхъ Канта заключался въ его ученіи о времени. И всѣ важнѣйшія недоразумѣнія современной философской мысли зиждутся на непониманіи коренного и ничѣмъ не устранимаго противорѣчія въ ученіи Канта о времени.

Это ученіе Канта о времени мы ниже подробно разберемъ, а теперь скажемъ одно: или время есть формальное, субъективное (какъ думалъ Кантъ) условіе всякихъ явленій чувственнаго опыта и, какъ таковое, есть представленіе и созданіе самой души, ея мѣра, прилагаемая къ распорядку явленій внѣшней дѣйствительности, неприложимая къ изученію законовъ и условій существованія самой мысли, занимающейся распорядкомъ этихъ явленій,—или время есть законъ *духовнаго* существованія и бытія (что также признавалъ Кантъ) и, какъ таковой, не можетъ быть формою и закономъ распорядка того, что служитъ объектомъ духовной дѣятельности, т.-е. содержанія внѣшняго опыта. Но такъ какъ послѣднее, т.-е. то, что время является формою и закономъ психическаго распорядка явленій, есть не гипотеза, а фактъ, то остается предположить, что время, какъ субъективная форма воспріятія явленій опыта, также какъ и пространство, не есть законъ самого духовнаго бытія и, какъ форма воспріятія явленій внѣшняго опыта, не приложимо къ изученію законовъ дѣятельности самой упорядочивающей все „во времени“ мысли, — той творческой силы, которая сама создала время, какъ мѣру изученія явленій.

Изъ этой дилеммы выхода нѣтъ, а послѣдствія рѣшенія ея во второмъ смыслѣ для психологіи и метафизики будутъ громадны. Принятіе этой второй точки зрѣнія, какъ мы покажемъ далѣе, должно произвести совершенный переворотъ въ основаніяхъ метафизики, психологіи, логики, этики, эстетики, соціологіи и другихъ наукъ, изучающихъ законы духовнаго существованія человѣка.

Теперь перейдемъ къ болѣе подробному критическому разсмотрѣнію ученія Канта о времени.

## II.

Нашъ анализъ будетъ имѣть сначала *формальный* характеръ. Мы изложимъ ученіе Канта о пространствѣ и времени и покажемъ *внутреннюю противорѣчивость* и несостоятельность его опредѣленій времени, а затѣмъ перейдемъ къ разслѣдованію Кантовскаго ученія и самаго вопроса о природѣ времени *по существу*.

Кантъ опредѣляетъ *пространство*, какъ субъективную форму воспріятій „внѣшнихъ" чувствъ, *время*—непосредственно какъ форму „внутренняго" чувства (des inneren Sinnes), т.-е. созерцанія нашего *я* и нашего внутренняго состоянія (des Anschauens unserer selbst und unseres inneren Zustandes), и далѣе время оказывается *посредственно* (mittelbar) также субъективною формою и условіемъ внѣшнихъ явленій, ибо внѣшнія явленія воспринимаются нами чрезъ посредство нашихъ представленій, т.-е. внутреннихъ состояній, переживаемыхъ нами въ условіяхъ времени (см. Kritik der reinen Vernunft, Transcendentale Elementarlehre. I Theil.)

Изъ этого коренного воззрѣнія Канта на пространство и время вытекаетъ, что отношенія времени и пространства, какъ субъективныхъ формъ воспріятія, у него троякія: съ одной стороны, эти формы воспріятія *противуположны* и какъ бы исключаютъ другъ друга, какъ условія *внѣшняго* и *внутренняго* чувства и опыта; съ другой стороны, онѣ дополняютъ другъ друга и *соотвѣтственны* одна другой, какъ двѣ необходимыя апріорныя формы воспріятія *внѣшнихъ* явленій; и въ-третьихъ, онѣ *не соотвѣтственны* и, такъ сказать, не пропорціональны другъ другу, такъ какъ время есть форма воспріятія *всѣхъ вообще* явленій и, въ частности, явленій духовныхъ, а пространство оказывается *только частною* формой воспріятія одной группы внѣшнихъ явленій.

Такое разнообразное отношеніе между двумя предметами мысли, частью противуположными, частью подобными, частью совершенно различными по объему и значенію, съ *логической* точки зрѣнія, является уже *a priori* подозрительнымъ.

По крайней мѣрѣ, между *понятіями* такія отношенія невозможны.

Если допустить, что пространство и время—*понятія*, то они относятся у Канта, во-первыхъ, къ категоріи *сравнимыхъ*, ибо имѣютъ между собою *нѣчто общее*, могущее служить *основаніемъ* для сравненія (tertium comparationis). Это „нѣчто общее" есть то, что они оба выражаютъ собою, по Канту, *субъективныя* условія или формы воспріятія дѣйствительности.

Но затѣмъ, во-вторыхъ, вникая глубже въ *логическія* отношенія этихъ понятій, мы должны признать ихъ, по терминологіи логики, въ одно и то же время *согласными* и *несогласными*. Какъ выраженія двухъ параллельныхъ формъ воспріятія внѣшнихъ явленій, эти понятія *согласны*, ибо, *какъ таковыя*, имѣютъ признаки общіе, а прочіе признаки ихъ въ этой роли ихъ не противорѣчатъ другъ другу. Но за то, какъ выраженія двухъ противоположныхъ субъективныхъ условій воспріятія — *внѣшнихъ* и *внутреннихъ* явленій, эти понятія очевидно противуположны, т.-е. *не согласны* (notiones oppositae). Одновременно съ этимъ легко доказать, что понятія пространства и времени находятся у Канта въ отношеніи *соподчиненія* и *подчиненія:* 1) соподчиненія, ибо они входятъ какъ два *равноправныхъ* ингредіента въ общее понятіе „субъективныхъ формъ опыта"—внѣшняго и внутренняго,—2) подчиненія, ибо время есть всеобщая форма воспріятія *всякихъ* явленій, а пространство только *частная* форма воспріятія одной группы этихъ явленій,—явленій внѣшняго опыта,—причемъ, съ этой же точки зрѣнія, они уже не противуположны, а *противорѣчивы*, ибо пространство есть по отношенію ко времени, въ примѣненіи къ внутреннему опыту, *отрицательное* понятіе, ибо не выражаетъ собою ни въ какомъ смыслѣ (непосредственномъ или посредственномъ) условій внутренняго опыта, тогда какъ нельзя сказать (какъ это необходимо при противуположности понятій), что и время есть въ *извѣстномъ* смыслѣ отрицательное понятіе по отношенію къ пространству, ибо оно является субъективною формою не только внутренняго, но и внѣшняго опыта.

Одни и тѣ же понятія, въ своихъ логическихъ отношеніяхъ, конечно, не могутъ быть одновременно и подчиненными, и соподчиненными, и согласными, и несогласными, и въ случаѣ несогласія, одновременно—противуположными и противорѣчивыми. Поэтому, если время и пространство—*понятія,* то ученіе Канта прямо въ *формально-логическомъ* смыслѣ не выдерживаетъ никакой критики.

Но этого упрека Кантъ искусно избѣгъ упорнымъ утвержденіемъ, что пространство и время—съ его точки зрѣнія—*не понятія* (Begriffe), а *воззрѣнія* или *созерцательныя* (чувственныя) *представленія* (Anschauungen). Въ этомъ утвержденіи и лежитъ, однако, главный корень ошибокъ Канта въ его ученіи о пространствѣ и времени? Почему это—не понятія, а „Anschauungen?" Да и что такое значитъ Anschauung? „Schauen" значитъ смотрѣть, глядѣть, зрѣть. Anschauung значитъ „воззрѣніе". Но какой смыслъ можетъ имѣть этотъ терминъ съ строго научной, *психологической* точки зрѣнія? Пространство мы еще можемъ *зрѣть,* но время — никакъ, развѣ въ смыслѣ фигуральномъ, переносномъ, метафорическомъ, въ какомъ нѣкоторые средневѣковые философы и новые мистики говорили „о внутреннемъ зрѣніи". Такой фигуральный терминъ едва ли годится въ строго-философскомъ изслѣдованіи. На языкѣ психологіи, Кантъ хотѣлъ сказать, что пространство и время, какъ условія опыта, суть прежде всего не отвлеченныя понятія, а *непосредственныя* и *конкретныя формы* ощущенія, воспріятія, представленія, т.-е. что мы находимъ въ нихъ извѣстные *конкретные образы.* Но это нисколько не мѣшаетъ нашей мысли обработать эти образы и представленія въ понятія нашего ума, и это сдѣлалъ самъ Кантъ, давъ рядъ ясныхъ и точныхъ, съ его точки зрѣнія, *опредѣленій* этихъ понятій. Всякое *опредѣленіе* есть сужденіе, сужденіе о необходимомъ содержаніи и признакахъ понятія, о *существенныхъ* признакахъ предмета, родовыхъ, видовыхъ и единичныхъ. Можно смѣло сказать, что если мы въ своей головѣ, при воспріятіи явленій опыта, можемъ имѣть дѣло съ пространствомъ и временемъ, какъ конкретными

образами, то Кантъ, въ своихъ опредѣленіяхъ существенныхъ и необходимыхъ признаковъ пространства и времени въ „Критикѣ чистаго разума“, могъ имѣть дѣло исключительно только съ *понятіями* пространства и времени, и если въ этихъ опредѣленіяхъ допустилъ такую группировку признаковъ этихъ понятій, которая противорѣчитъ требованіямъ и правиламъ логики, то, очевидно, гдѣ-то и въ чемъ-то, въ ходѣ разсужденій своихъ, сдѣлалъ ошибку или рядъ ошибокъ *).

Доводы, которые Кантъ приводитъ въ пользу того, что пространство и время не понятія, а „reine Anschauungen“, не выдерживаютъ критики. По его мнѣнію, это невозможно потому, что пространство *одно* (man kann sich nur *einen einigen* Raum vorstellen), и „когда говорятъ о многихъ пространствахъ, то разумѣютъ при этомъ только части одного и того же пространства“, которыя мыслятся въ немъ самомъ. Тотъ же аргументъ онъ повторяетъ и относительно времени, присоединяя еще указаніе на то, что пространство и время мыслятся „какъ безконечныя величины“ (unendliche Grössen). Но если такъ, то нельзя говорить и о понятіяхъ Бога, вселенной и другихъ *единичныхъ* предметовъ, а особенно еще и *безконечныхъ*, каковыми мыслятся въ различныхъ значеніяхъ (какъ и время и пространство) Богъ и вселенная. Нельзя говорить и о понятіяхъ „науки, искусства, философіи и религіи“, ибо, хотя существуетъ много наукъ, но „наука“, какъ показалъ еще Платонъ, *одна*. Одно въ своемъ цѣломъ и искусство, одна—философія. Однако, обо всякомъ единич-

*) На значеніе пространства и времени, какъ *понятій*, съ точки зрѣнія кантовскихъ опредѣленій, не разъ указывалось въ литературѣ, хотя—насколько намъ извѣстно—не въ той формѣ, въ какой мы это сдѣлали. Въ нашей литературѣ проф. А. А. Козловъ, изслѣдуя *происхожденіе* пространства и времени, ясно показываетъ, съ совершенно другой (психологической) точки зрѣнія, что пространство и время, въ томъ значеніи, которое даетъ имъ Кантъ,—*понятія*, и притомъ очень сложныя и позднія (см. «Свое Слово», философско-литературный сборникъ, №№ 3 и 4. Кіевъ. 1890 и Спб. 1892), хотя вмѣстѣ съ Кантомъ онъ отрицаетъ ихъ «эмпирическое» происхожденіе.

номъ предметѣ, явленіи, событіи, можетъ быть понятіе (частно-единичное): объ Александрѣ Македонскомъ, о башнѣ Эйфеля, и о любомъ домѣ, о пожарѣ Рингъ-театра въ Вѣнѣ, о Мараѳонской битвѣ и о французской революціи, о логикѣ и философіи.

Какъ только мы начинаемъ опредѣлять существенные или необходимые признаки данныхъ предметовъ мысли, въ отличіе отъ несущественныхъ или случайныхъ, мы уже имѣемъ дѣло съ *понятіемъ* о предметѣ, а не съ представленіемъ о немъ. Такимъ опредѣленіемъ существенныхъ признаковъ мы и *создаемъ понятіе* о вещи, явленіи, событіи, и далѣе—о видѣ или родѣ вещей и явленій. И Кантъ, конечно, опредѣляетъ въ „Трансцендентальной эстетикѣ" „понятія" о пространствѣ и времени, а не „представленія" о нихъ, и даже то, что онъ ихъ опредѣляетъ какъ представленія или чистыя субъективныя воззрѣнія (reine Anschauungen) есть уже опредѣленіе ихъ, *какъ понятій*. Это, по Канту, одинъ изъ *необходимыхъ* (если только это вѣрно) признаковъ ихъ природы, какъ непосредственныхъ субъективныхъ условій и формъ опыта и явленій. Поэтому *всѣ правила*, обязательныя при опредѣленіи понятій и ихъ отношеній, были обязательны для Канта при опредѣленіи пространства и времени, а между тѣмъ, какъ мы это видѣли, они не были имъ соблюдены.

Чтобы сдѣлать это послѣднее положеніе еще болѣе очевиднымъ, мы разберемъ теперь всѣ опредѣленія Канта въ подробностяхъ, расчленивъ ихъ по группамъ.

Прежде всего приведемъ въ системѣ *общія* и *одинаковыя* опредѣленія пространства и времени, какъ *положительныя*, такъ и *отрицательныя*:

1. Пространство и время не суть *эмпирическія* понятія, отвлеченныя отъ опыта и отъ ощущеній, такъ какъ ими уже подразумѣваются (мы пока не будемъ разбирать его утвержденій по существу).

2. Пространство и время суть *необходимыя представленія* (notwendige Vorstellungen) a priori, которыя лежатъ въ основаніи опыта.

3. Пространство и время не суть вообще дискурсивныя *общія понятія объ отношеніяхъ вещей*, но чистыя воззрѣнія.

4. Пространство и время представляются нами, какъ *безконечныя величины*.

5. Изслѣдованіе пространства и времени есть *трансцендентальное* изслѣдованіе ихъ, какъ основныхъ условій возможности „синтетическихъ сужденій a priori“.

6. Пространство и время *не суть* свойства вещей „въ самихъ себѣ“ (irgend einer Dinge an sich).

7. Пространство и время суть формы чувствъ, или *субъективныя* условія человѣческаго ощущенія.

8. Поэтому пространство и время внѣ представленій человѣка—*ничто* (gar nichts).

9. Это—субъективныя условія человѣческаго воззрѣнія, которое всегда *чувственно* (subjective Bedingungen unserer menschlichen Anschauung, welche jederzeit sinnlich ist, d. i. sofern wir von Gegenständen afficirt werden *).

10. Тѣмъ не менѣе, пространство и время *объективны*, какъ *условія опыта*. Не имѣя абсолютной реальности (въ смыслѣ свойствъ самихъ вещей), они обладаютъ однако *эмпирическою реальностью*, какъ условія возможности опыта, и вмѣстѣ съ тѣмъ *трансцендентально-идеальны* потому, что они суть только *идеальныя* условія опыта, а не выраженія свойствъ самихъ вещей.

Таковы общія и даже *тождественныя* опредѣленія пространства и времени у Канта. Мы привели ихъ только для того, чтобы показать, что Кантъ опредѣлялъ именно необходимые родовые и видовые признаки „понятій“ пространства и времени, а не „представленія“ о нихъ, такъ какъ представленія вообще нельзя вовсе „опредѣлять“—понятіями, а можно только „описывать“—образами. И во-вторыхъ, мы дали предыдущую классификацію для того, чтобы показать, насколько понятія пространства и времени для Канта совпадаютъ въ *основныхъ* своихъ признакахъ. Въ

*) Это—опредѣленіе времени (Elementarlehre I, § 6, c.), которое тѣмъ болѣе примѣнимо къ пространству.

главныхъ, „существенныхъ“ признакахъ они суть понятія о предметахъ *одного рода и вида*. Какіе же еще остаются „существенные“ признаки, *отличающіе* эти два понятія?

Отличающіе признаки мы собственно уже привели:

1. Пространство—необходимая субъективная и апріорная форма внѣшняго опыта, воспріятія внѣшнихъ явленій.

2. Время есть непосредственно-необходимая субъективная и апріорная форма внутренняго опыта, воспріятія явленій душевныхъ,—самихъ представленій о вещахъ, и—*посредственно*—необходимая же субъективная и апріорная форма внѣшняго опыта, воспріятія явленій внѣшнихъ (физическихъ).

Кромѣ того, пространство имѣетъ *три* измѣренія, время—только *одно*, но за то время служитъ формою воспріятія *всякаго измѣненія* и между прочимъ *движенія въ пространствѣ*, ибо только благодаря времени можно давать одной и той же вещи противорѣчивыя опредѣленія (kontradiktorisch-entgegensetzte Bestimmungen).

То отличіе, что время имѣетъ одно измѣреніе, а пространство три, мы оставимъ пока въ сторонѣ. Это очень сложный и спорный пунктъ. Если время есть форма воспріятія всякихъ измѣненій—въ интенсивности, экстенсивности и другихъ качествахъ явленій, то, можетъ быть, у него окажется и болѣе измѣреній, чѣмъ предполагаетъ Кантъ. Но, съ другой стороны, и три измѣренія пространства суть измѣренія *движенія во времени*,—движенія точки, линіи, плоскости, т.-е. измѣренія трехъ моментовъ движенія—и, можетъ быть, времени. Оставимъ этотъ вопросъ теперь въ сторонѣ, такъ какъ даже полная противуположность пространства и времени, *съ точки зрѣнія измѣреній*, не можетъ насъ смутить. Само пространство и время суть *различныя измѣренія* дѣйствительности.

Гораздо важнѣе вопросъ о первомъ, отмѣченномъ нами, различіи пространства и времени, какъ *непосредственныхъ* формъ: первое внѣшняго, второе—внутренняго опыта, которое призналъ Кантъ. Какія основанія онъ привелъ для

этого различія? Чѣмъ онъ доказалъ, что время есть субъективная форма *внутренняго*, а не *внѣшняго* чувства и опыта, субъективною формою котораго онъ все-таки принужденъ былъ, далѣе, признать время въ *посредственномъ* смыслѣ и значеніи (mittelbar).

Кантъ въ „Критикѣ чистаго разума" говоритъ буквально слѣдующее: „Время есть не что иное, какъ форма внутренняго чувства, т.-е. воспріятія самого себя и своего состоянія. Ибо время не можетъ быть опредѣленіемъ *внѣшнихъ* явленій: оно не относится къ ихъ виду или положенію и т. под., но за то опредѣляетъ отношеніе представленій въ нашемъ внутреннемъ состояніи. И именно потому, что наше внутреннее воспріятіе не даетъ никакихъ зрительныхъ представленій, мы и ищемъ возмѣстить этотъ недостатокъ аналогіями, и представляемъ себѣ послѣдовательность времени, какъ протянутую въ безконечность линію, въ которой разнообразіе размѣщено въ одномъ рядѣ, имѣющемъ лишь одно измѣреніе, и заключаемъ отъ свойствъ этой линіи къ свойствамъ времени,—кромѣ того лишь отношенія, что части первой даны одновременно, а части времени всегда лишь послѣдовательно. Отсюда слѣдуетъ, что представленіе о времени всегда само есть чувственное воззрѣніе, такъ какъ всѣ его отношенія могутъ быть выражены при помощи *внѣшняго* воззрѣнія *)".

Это классическое мѣсто, рѣшающее всю дальнѣйшую судьбу Кантовскаго ученія о времени, содержитъ въ себѣ въ пользу его положенія, что время—форма внутренняго опыта, только *одинъ* аргументъ, но довольно странный: время „не составляетъ опредѣленія внѣшнихъ явленій, ибо не касается *вида и положенія* и т. под. свойствъ вещей въ пространствѣ"; однако, тутъ же удостовѣряется, что представленіе о времени *чувственно,* такъ какъ всѣ его отношенія выразимы при помощи „внѣшняго" воззрѣнія.

Противорѣчіе явное: время можно выразить лишь въ

---

*) Крит. чист. разума, Elementarl. I, § 6, b.

формѣ линіи движенія въ пространствѣ, и представленіе о немъ совершенно чувственно, что̀ Кантъ утверждаетъ и въ приведенныхъ нами *общихъ* опредѣленіяхъ отношеній времени и пространства. Но, съ другой стороны, время не выражаетъ внѣшняго *вида* вещей, и потому составляетъ форму *внутреннюю*, а не внѣшняго опыта. Что это значитъ? „Время не есть пространство. Продолжительность не есть протяженность",—вотъ единственный смыслъ всего аргумента Канта въ пользу того, что время — форма внутренняго опыта.

Но это мы и безъ того знали: звукъ — не свѣтъ, свѣтъ не—звукъ. Пространство—не время, время—не пространство. Протяженіе не одно и то же, что̀ продолжительность. Продолжительность явленій не есть протяженность вещей. Все это само собою разумѣется. Но все-таки время, какъ родъ явленій, по Канту, можно конкретно представить себѣ, по аналогіи, какъ *линію*, т.-е. какъ *движеніе* или *смѣну точекъ въ пространствѣ*.

Очевидно, въ указанномъ опредѣленіи „времени" заключается крупное недоразумѣніе: никто никогда не требовалъ, чтобы „время было пространствомъ", опредѣлялось непремѣнно тремя измѣреніями и включало въ себя представленіе о внѣшнемъ видѣ, положеніи и другихъ подобныхъ атрибутахъ зримыхъ вещей, ибо время *не зримо*, хотя, какъ справедливо сказалъ Кантъ, время есть одна изъ формъ *чувственнаго* воспріятія, *конкретнаго* представленія.

Кантъ, съ одной стороны, явно смѣшиваетъ и сливаетъ въ одно—понятія *внѣшняго* и *пространственнаго* (протяженнаго), съ другой—различаетъ *чувственное* отъ *пространственно-протяженнаго*. И такимъ образомъ, воспріятіе времени оказывается одновременно „чувственнымъ" и однако же „не внѣшнимъ", а чисто внутреннимъ. Мы согласны, что воспріятіе времени чувственно, ибо многіе предметы *чувственнаго* воспріятія воспринимаются *во времени*, а не какъ протяженныя величины, напримѣръ, *звуки*, *запахи*, *вкусы* (только зрительныя воспріятія, осязательныя и температурныя безусловно связаны

съ воспріятіемъ протяженныхъ поверхностей и тѣлесныхъ формъ),—что не мѣшаетъ намъ, *на основаніи опыта,* пріурочивать ихъ къ протяженнымъ предметамъ. Но именно потому понятія „протяженнаго“ и „внѣшняго“ не вполнѣ покрываютъ другъ друга. Понятіе „внѣшняго“ шире понятія „пространственно-протяженнаго“, ибо понятіе *внѣ,* въ примѣненіи къ нашему *я*, къ сознанію, — чисто-отрицательное: оно обнимаетъ всю ту дѣйствительность, которая лежитъ за предѣлами *нашего субъекта.* Поэтому чувства, мысли, желанія и другія душевныя состоянія иныхъ живыхъ существъ суть тоже внѣшнія по отношенію къ намъ, когда мы ихъ встрѣчаемъ, хотя они совершенно не протяженны и не пространственны, какъ и наши собственныя душевныя состоянія. Конечно, и чужія душевныя *состоянія внутренни намъ,* какъ факты *нашего* воспріятія, но въ *этомъ смыслѣ* внутренни *всѣ* воспріятія и представленія протяженныхъ тѣлъ, и даже самого пространства. На этомъ тонкомъ различеніи Кантъ и сбился. Внѣшнимъ можетъ быть для насъ, въ психологическомъ смыслѣ, нѣ только все чувственное, что *не протяженно*, но и не чувственное, какъ напримѣръ, чужія души и чужія абстрактныя идеи. Отсюда ясно, что отождествленіе пространственнаго и внѣшняго, въ ученіи Канта, было логическою ошибкой petitio principii, заставившей его съ предвзятой точки зрѣнія приступить къ анализу времени, какъ субъективной формы опыта и явленій.

Итакъ, если принять во вниманіе все предыдущее разсужденіе, то окажется, что Кантъ сдѣлалъ, въ формальномъ отношеніи, двѣ главныя и крупныя ошибки. Онъ 1) думалъ, что можетъ освободиться отъ законовъ логики, назвавъ пространство и время „воззрѣніями“, хотя опредѣлялъ ихъ какъ „понятія“, и 2) призналъ время субъективною формою внутренняго, а не внѣшняго опыта, и воспріятія внутреннихъ, а не внѣшнихъ явленій *только потому,* что время *не протяженно* въ смыслѣ пространственномъ и не обладаетъ тремя измѣреніями пространства. Эти двѣ логическія ошибки для будущаго философіи нашего вѣка были

фатальны. Но здѣсь не мѣсто разсматривать всѣ послѣдствія ошибокъ Канта. Скажемъ только, что своимъ ученіемъ о времени онъ далъ опору той эмпирической и ассоціативной психологіи, которая ошибочно думаетъ, что въ душевной жизни изученію доступны *только явленія*, — ряды событій *во времени*, что внѣвременная сущность душевной жизни непознаваема, какъ непознаваема и сущность явленій „внѣшняго" опыта, что вся задача психологіи—въ опредѣленіи послѣдовательностей, сосуществованій, соединеній, раздѣленій и осложненій „явленій" сознанія. А этимъ онъ подорвалъ и свое собственное ученіе о вѣчныхъ и необходимыхъ формахъ чувственнаго познанія, мышленія, разсудочной дѣятельности, и ученіе свое о необходимыхъ и неизмѣнныхъ формахъ нравственной и эстетической оцѣнки,—вообще, всѣ истинныя основы психологіи, логики, этики и эстетики, какъ наукъ о *сверхвременныхъ* формахъ и законахъ нашего духовнаго бытія, чрезъ изученіе которыхъ мы познаемъ сверхвременную же сущность и законы бытія *неизмѣнной основы всѣхъ перемѣнъ, движеній и событій въ мірѣ*—сущность Бога, міровой субстаціи, — и притомъ, какъ мы убѣдимся ниже, сущность личнаго Бога, а не безличной, неопредѣленной и непознаваемой первоосновы вещей (Ur- и Ungrund'а германскихъ мистиковъ). Вѣдь всѣ формы и безусловныя основы нашего познанія, чувства и поведенія суть свойства *нашей личности, личнаго духовнаго бытія*. Духовное бытіе можетъ быть *только личнымъ*, ибо все въ немъ относится къ „я", субъекту, личности. Слѣдовательно, если есть духовное бытіе, внѣ механической смѣны и комбинаціи во времени „явленій сознанія", — а такое бытіе несомнѣнно есть, ибо наше „я" въ его цѣломъ подчинено непреложнымъ и неизмѣннымъ законамъ мышленія и познаванія, чувствованія и эстетической оцѣнки, хотѣнія и нравственной дѣятельности,— то въ изученіи этого бытія мы находимъ не только путь къ уразумѣнію *нашего духа*, какъ *личности* и сверхвременной основы нашихъ индивидуальныхъ душевныхъ состояній или явленій, но и ключъ къ уразумѣнію природы той *абсолют-*

5*

*ной, всеобщей личности*, того личнаго разумнаго творческаго начала, эманацiей котораго является и въ насъ все, что составляетъ нашу духовную личность, чрезъ которую проходитъ во времени потокъ „явленiй" сознанiя.

Говоря такъ, мы конечно отличаемъ *личность* отъ *индивидуальности*, духовный субъектъ нашъ отъ животнаго существа, между тѣмъ какъ обыкновенно эти два понятiя смѣшиваются. Современемъ мы выяснимъ подробнѣе основанiя этого различiя, а теперь возвратимся къ ученiю Канта.

Вся „трансцендентальная дiалектика" Канта, составляющая третью часть его „Критики чистаго разума" и отвергающая познаваемость Безусловнаго—безусловной природы духа, свободы, Бога — представляется намъ печальнымъ недоразумѣнiемъ и несчастнымъ результатомъ ошибочнаго ученiя Канта *о времени*. Онъ забылъ о безусловности своихъ собственныхъ субъективныхъ и апрiорныхъ формъ чувственнаго опыта, о безусловности своихъ категорiй разсудка и логическаго мышленiя, и *познавъ*, хотя и не вполнѣ ясно и отчетливо, но въ общемъ вѣрно, эти *безусловныя* или *абсолютныя основы* „духовнаго бытiя", отвергъ затѣмъ объективное теоретическое значенiе идей, въ которыхъ суммируются или слагаются въ общiй итогъ эти и другiя, позднѣе открытыя имъ безусловныя формы и законы духовнаго существованiя (категорическiй императивъ долга, законъ безкорыстной оцѣнки прекраснаго и т. под.), т. е. значенiе идей духа, свободы, Бога.

Это было страннымъ и вопiющимъ *противорѣчiемъ*—признать всѣ слагаемыя и множители и отвергнуть вытекающiя изъ нихъ суммы и произведенiя,—точнѣе говоря, признать и положить *безусловное* въ основу *всего* анализа душевной жизни и дѣятельности человѣка, какъ единственное объясненiе *реальнаго* въ познанiи, жизни, дѣятельности,—и затѣмъ отвергнуть безусловность и реальность того, что фактически является для нашего ума только цѣлостнымъ *единствомъ* всѣхъ этихъ безусловностей, *основою* всѣхъ реальностей, т.-е. безусловность и реальность самого *чистаго*

*зума*, критикою котораго Кантъ занимался во всѣхъ своихъ ритикахъ".

Ошибка Канта до того очевидна, до того поразительна и умительна, что не вѣрится въ ея возможность. А priori мы орѣе готовы повѣрить въ то, что сами допустили какую-ни-дь ошибку въ ея раскрытіи и разоблаченіи. И однако, ошиб- Канта есть *несомнѣнный историческій фактъ*, могущій только ужить полезнымъ урокомъ логики для человѣчества. Все ъясненіе ошибки Канта—въ его ученіи о времени. Ставъ ердо на почву своего основного положенія, что время—рма *внутренняго* опыта, что все душевное, какъ и физи-ское, познается *въ условіяхъ* времени и подлежитъ имъ, антъ уже не могъ открыто признать теоретическую позна-емость „безусловнаго", хотя само время, будучи *условіемъ* ыта, есть одно изъ тѣхъ „безусловныхъ", которыя *его* бусловливаютъ". И затѣмъ, Кантъ не спросилъ себя: *какъ* і познаемъ самое время: *въ условіяхъ времени*, или *нѣтъ?* імо представленіе времени *временно*, или нѣтъ? Вѣдь поста-лъ же онъ себѣ вопросъ: „пространственно ли представле-е о пространствѣ", и отвѣтилъ: *нѣтъ*. Еще маленькій шагъ, іе одинъ маленькій вопросъ, котораго Кантъ себѣ не за-лъ,—и всю „Критику чистаго разума" пришлось бы пере-лать и свѣтъ не увидѣлъ бы „Трансцендентальной діалек-ки" Канта, которая есть *строго-логическое* развитіе невѣр-ыхъ посылокъ Канта о природѣ времени и объ его значеніи познавательной дѣятельности человѣка. Все кантовское еніе *о призрачности трансцендентныхъ сужденій и идей* въ Грансцендентальной діалектикѣ" есть послѣдовательное, гическое примѣненіе его ученія о времени, какъ „чув-венной формѣ нечувственнаго внутренняго опыта". Роко-я ошибка привела къ роковымъ послѣдствіямъ.

И сколько вреда, сколько заблужденій, ненужныхъ слово-еній и лишнихъ книгъ породила эта ошибка Канта! Ко-чно, возможна и другая точка зрѣнія—историческая. Съ чки зрѣнія *философіи исторіи*, ошибка Канта, можетъ быть, іла очень полезна. Временная плотина, которою Кантъ

задержалъ неудержимый разливъ безпочвенныхъ метафизическихъ умозрѣній и иногда чисто-словесныхъ построеній, тѣсно примыкавшихъ къ средневѣковому Аристотелю (въ школѣ Вольфа), была необходима для успѣха и развитія точныхъ наукъ опыта, результаты которыхъ позволяютъ намъ теперь сознательнѣе и глубже утвердить основанія *истиннаго идеализма*. Но все-таки Кантъ сталъ родоначальникомъ новой схоластики XIX вѣка, и человѣка логически мыслящаго не можетъ не поразить странная судьба человѣческихъ мыслей и знаній. Всю жизнь занимаясь „Критикой безусловныхъ формъ чистаго разума", Кантъ отвергъ *теоретическую* познаваемость и безусловную реальность этого самаго разума.

Но примѣръ ошибокъ Канта не удержитъ отъ философствованія тѣхъ, кто убѣжденъ, что рядомъ съ индивидуальнымъ заблужденіемъ человѣку доступна *всеобщая истина*, что всякая ошибка индивидуальнаго ума можетъ быть *исправлена* и что въ томъ именно и состоитъ коллективная работа „безусловнаго" въ своихъ основахъ человѣческаго разума, чтобы постепенно, *маленькими шагами*, идти впередъ къ абсолютной истинѣ, къ высшему, доступному для человѣка, познанію вещей. Самъ Кантъ сдѣлалъ въ общемъ и цѣломъ много такихъ, очень важныхъ, маленькихъ и даже большихъ шаговъ въ приближеніи къ истинѣ. И еще одинъ, очень маленькій, но важный шагъ къ истинѣ постараемся сдѣлать и мы въ послѣдующемъ анализѣ идеи времени.

## III.

Въ ученіи Канта о пространствѣ и времени есть одинъ чрезвычайно интересный пунктъ, выясненіемъ котораго мы и начнемъ анализъ вопроса по существу.

Какъ истинный идеалистъ и глубокій мыслитель, Кантъ раздѣлялъ, конечно, воззрѣніе, вошедшее въ плоть и кровь философіи со временъ Декарта, хотя оно и ранѣе лежало въ основаніи всякаго идеализма, а именно, что всѣ *ощущенія*

нашихъ внѣшнихъ чувствъ субъективны и составляютъ психически свойственный намъ способъ воспріятія явленій внѣшняго міра. Въ мірѣ, какъ признаютъ и точныя физическія науки, нѣтъ цвѣтовъ, звуковъ, ароматовъ, вкусовъ и т. д., а есть только (и то это лишь *предположеніе* науки) различныя движенія эѳира, воздуха, вообще тѣлесной среды, насъ окружающей, которая при разложеніи ея на составныя части приводится гипотетически къ непротяженнымъ, ибо недѣлимымъ, атомамъ или отвлеченнымъ центрамъ силъ. Ощущенія этихъ движеній среды, эѳира и воздуха – въ формѣ различныхъ цвѣтовъ, звуковъ, тоновъ, ароматовъ и т. д. совершенно *субъективны*, т.-е. суть способы отраженія этихъ *движеній въ субъектѣ*, въ сознаніи *). Эта истина лежитъ въ основаніи философіи Декарта и его преемниковъ—идеалистовъ XVII и XVIII вв., причемъ ее принимаютъ съ извѣстными оговорками и философы другихъ школъ, напримѣръ, матеріалистъ Гоббесъ и эмпирикъ Локкъ. Беркли строитъ на аксіомѣ субъективности ощущеній свою глубокую идеалистическую систему, свое сомнѣніе въ существованіи матеріи. Понятно, что и Кантъ признаетъ эту истину неоспоримой.

Но отчего же, зная о субъективности *всѣхъ* ощущеній, Кантъ не считаетъ цвѣта, звука, аромата и пр. *апріорными* субъективными *формами* нашего воспріятія явленій внѣшняго опыта, пространство же признаетъ таковымъ? Это зависѣло, конечно, отъ того, что Кантъ признавалъ *апріорнымъ* въ нашемъ знаніи только то, что лежитъ въ основѣ нашихъ, независимыхъ отъ опыта, т.-е. апріорныхъ, синтетическихъ сужденій, а таковыми онъ признавалъ сужденія математическія, которыя невозможны безъ представленія о пространствѣ. На этомъ основаніи онъ и говоритъ (Transcend. Aesth. § 3, Schlüsse), что „кромѣ пространства, нѣтъ никакого другого субъективнаго и къ внѣшнему міру относящагося представленія, которое можно было бы признать a priori объективнымъ. Ибо ни изъ одного изъ нихъ (онъ здѣсь разумѣетъ другія

*) См. подробнѣе нашу статью „Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности". Москва, 1889 г., глава 5.

субъективныя представленія внѣшнихъ чувствъ) нельзя вывести синтетическихъ сужденій a priori, какъ это возможно изъ воззрѣнія пространства". „И потому имъ (т.-е. прочимъ субъективнымъ представленіямъ) собственно несвойственно *никакой идеальности* (keine Idealität), хотя они имѣютъ то общее съ представленіемъ о пространствѣ, что относятся, въ ощущеніяхъ цвѣтовъ, тоновъ, тепловыхъ и пр., только *къ субъективнымъ свойствамъ того или другого рода воспріятія* (der Sinnesart), какъ, напримѣръ, зрѣнія, слуха, общаго чувства; но такъ какъ они суть ощущенія, а не воззрѣнія (Anschauungen), то они сами по себѣ не даютъ возможности познать какой-либо объектъ, въ особенности же a priori".

Вотъ это-то положеніе Канта, съ одной стороны, ясно утверждающее субъективность всѣхъ нашихъ внѣшнихъ воспріятій, съ другой—устанавливающее различіе между ощущеніемъ и воззрѣніемъ (Anschauung), а вмѣстѣ съ тѣмъ и между „апріорною формою" и „апостеріорнымъ содержаніемъ" нашего опыта, мы и намѣрены теперь ближе разсмотрѣть, оцѣнивъ его по существу.

Какъ извѣстно, современная эмпирическая и, въ особенности, точная наука совершенно отрицаетъ въ нашихъ знаніяхъ всякія апріорности и апріорныя формы. Даже тѣ ученые, которые, какъ Спенсеръ, склонны признавать невозможность выведенія изъ опыта основного нашего „опытнаго" представленія о пространствѣ, считаютъ возможнымъ объяснить его нѣкоторую прирожденность человѣческому и даже животному уму посредствомъ наслѣдственности, т. е. накопленія опытовъ многихъ поколѣній живыхъ существъ. Даже математическія аксіомы и другія основныя истины пытались вывести, и притомъ такіе авторитетные ученые, какъ Гельмгольцъ,—*изъ опыта*. И хотя споръ между *нативизмомъ* и *эмпиризмомъ*, въ ученіи объ основныхъ формахъ нашего познанія, до сихъ поръ продолжается, и *нативисты* попрежнему отстаиваютъ Кантовскую точку зрѣнія о прирожденности нашему уму формъ опыта и мышленія, но

ръ перешелъ нынѣ на такую почву, почву фактовъ *внѣш-*
›опыта,—наблюденій надъ животными, дикарями, дѣтьми,—
которой онъ *философски* разрѣшенъ быть не можетъ. На-
›денія другихъ существъ будутъ всегда давать спорные
›ультаты, такъ какъ мы лишь *косвенно*, на основаніи со-
ітельныхъ внѣшнихъ признаковъ, можемъ заключать о томъ,
и какъ сознаютъ, познаютъ и понимаютъ другія инди-
уальныя существа низшаго развитія, чѣмъ мы сами.
ікія отрицательныя заключенія рискованны, ибо если,
римѣръ, ребенокъ чего-либо не познаетъ и не сознаетъ,
мы не можемъ получить отъ него словеснаго въ этомъ
›стовѣренія. А, можетъ быть, онъ познаетъ и даже знаетъ,
не можетъ выразить своего знанія словами или не по-
іаетъ нашего вопроса, нашей рѣчи. Поэтому если, на-
імѣръ, проф. А. А. Козловъ, говоря о происхожденіи вре-
:и и пространства, утверждаетъ, что животныя и малень-
дѣти *не знаютъ* ни того, ни другого (см. „Свое слово",
і. 3, стр. 43 и др., и вып. 4, стр. 32 и слѣд.), то это
омнѣнная истина только въ томъ смыслѣ, что они, вѣро-
о, не знаютъ пространства и времени такъ отчетливо,
ъ ихъ знаютъ проф. Козловъ и другіе взрослые люди и,
:ъ болѣе, философы. Но совсѣмъ ли они не знаютъ про-
анства и времени, или отчасти знаютъ ихъ и представ-
›тъ себѣ, это—вопросъ. Тутъ можно было бы привести
акіе факты, которые повидимому доказываютъ знаком-
э съ этими формами дѣйствительности даже новорожден-
:ъ животныхъ. Изъ того, что маленькія дѣти путаютъ
›аженія: вчера, сегодня и завтра, и не могутъ сначала
ти дороги изъ своей дѣтской въ столовую и обратно,
но ничего не слѣдуетъ. Путать *слова* и образы, и даже
мена и мѣста свойственно и взрослымъ, отлично знаю-
ıъ, что такое пространство и время.

[о если нельзя рѣшить вопроса объ апріорности про-
анства и времени на основаніи такъ-называемыхъ „фак-
ъ" или данныхъ „внѣшняго" опыта, то отсюда не слѣ-
тъ, что его вообще можно рѣшить совершенно *a priori*, *безъ*

*всякаго участія опыта*, а именно собственнаго опыта, но не внѣшняго, а внутренняго. Откуда самъ Кантъ взялъ, что пространство и время будто-бы *апріорныя* субъективныя формы опыта? Этого вопроса Кантъ также, къ сожалѣнію, не поставилъ себѣ прямо и ясно.

Онъ выводитъ свое положеніе изъ анализа сужденій, между которыми различаетъ аналитическія и синтетическія; послѣднія, какъ выходящія за предѣлы непосредственно даннаго предмета мысли. онъ считаетъ единственнымъ орудіемъ познанія, т.-е. пріобрѣтенія новыхъ знаній; синтетическія сужде- онъ дѣлитъ на опытныя, дающія знаніе *отдѣльныхъ* фактовъ, и такія, которыя нельзя считать основанными на опытѣ, такъ какъ они даютъ истины *необходимыя* и *всеобщія,* утверждающія *больше*, чѣмъ сколько можетъ дать чувственный опытъ, изъ котораго мы узнаемъ только о *данной* (можетъ быть, случайной и только частной) связи явленій. Образецъ такихъ необходимыхъ и всеобщихъ синтетическихъ сужденій мы находимъ въ истинахъ математическихъ. Слѣдовательно, въ *условіяхъ опыта* должно быть нѣчто *всеобщее и необходимое*, и это именно—предваряющія всякій опытъ субъективныя формы—пространства (для внѣшняго опыта) и времени (для внутренняго).

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ, насколько вѣренъ этотъ ходъ разсужденій Канта, спросимъ себя объ одномъ: на чемъ онъ построенъ? откуда Кантъ взялъ для него *матеріалъ*? гдѣ и въ чемъ его *логическія основанія?*

Если Кантъ излагаетъ намъ въ своихъ первыхъ главахъ „Критики чистаго разума" и „Пролегоменъ ко всякой будущей метафизикѣ" не откровенія свыше, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ передаетъ выводы изъ своего опыта, обобщенія изъ области наблюденія фактовъ „внутренняго порядка", которыя и нашему наблюденію, опыту и обобщенію доступны, причемъ, конечно, эти выводы и обобщенія сдѣланы имъ по всѣмъ законамъ логики, т.-е. общечеловѣческой умственной дѣятельности, и если онъ ошибся, то только развѣ въ какихъ-нибудь посылкахъ своихъ, не принявши во внима-

ѣкоторыхъ фактовъ внутренняго опыта, наблюденій и соображеній, доступныхъ человѣческому уму *).

Еслибы самъ Кантъ или кто-нибудь другой сказалъ, что ти истины онъ открылъ „a priori“, то можно было бы отѣтить: *не a priori же своего ума и мысли,* т.-е. не ранѣе размышленія о фактахъ мысли, или, по-просту, не ранѣе мышленія“, которое, конечно, имѣетъ дѣло съ предметами ысли.

Если же онъ свои построенія объ аналитическихъ и синтетическихъ сужденіяхъ, объ опытѣ и его свойствахъ, и о ормахъ опыта, получилъ помощью *мышленія* или размышленія о предметахъ, доступныхъ мысли, то это значитъ, что нъ ихъ пріобрѣлъ путемъ *опыта мысли,* ибо мышленіе, себя зучающее, и есть „опытъ мысли“.

Если на это замѣтятъ намъ, что Кантъ могъ и эти истины ткрыть a priori, ибо призналъ и перечислилъ самъ апріорныя субъективныя формы „опыта мысли“ или мышленія (или ѣятельности *разсудка*—въ своей системѣ *категорій*), то придется спросить: а какъ онъ открылъ *эти* апріорныя формы азсудочной дѣятельности и мышленія,—не путемъ ли того е опыта мысли, т.-е. размышленія надъ матеріаломъ, предетами или фактами мысли?

Такъ какъ иначе онъ сдѣлать этого открытія не могъ, то казаннымъ вопросомъ Кантовскій апріоризмъ ставится въ езвыходное положеніе въ послѣднемъ возможномъ для не- убѣжищѣ.

Или откровеніе свыше, или работа мысли надъ фактами ственнаго опыта,— изъ этой дилеммы нѣтъ выхода нида. Но откровеніе свыше „критикъ чистаго разума“ всего нѣе могъ бы положить въ основу своихъ разсужденій. ѣдовательно, Кантъ работалъ надъ представленіями мы-

*) Мы продолжаемъ держаться убѣжденія, подробно мотивированнаго нами сочиненіи «Къ вопросу о реформѣ логики», что мысль, подчиняясь логи-кимъ законамъ, не можетъ ошибаться: источникъ всѣхъ ошибокъ мысли — невѣрномъ или недостаточномъ наблюденіи и знаніи фактовъ и, слѣдова-ьно, въ невѣрныхъ сужденіяхъ или посылкахъ

сли и понятіями ума, которыя находилъ все время въ своемъ собственномъ опытѣ мысли, какъ и Аристотель, когда онъ строилъ свои знаменитыя теоріи силлогизма и доказательства.

Но этотъ его собственный, *Кантовскій*, опытъ мысли, какъ и *Аристотелевскій*, какъ и *Декартовскій* (напримѣръ, при открытіи cogito ergo sum), безъ сомнѣнія, хотя и ихъ *личный*, но *не* ихъ *индивидуальный* опытъ, ибо если другія личности не сдѣлали и почему-либо не могли или не захотѣли сдѣлать этихъ ихъ выводовъ и построеній, то все-таки всѣ прочія мыслящія индивидуальности, если захотятъ этого и вдумаются,—*поймутъ* заключенія Аристотеля, Канта и Декарта и, въ той или другой степени, *примутъ* ихъ, какъ истинныя и вѣрныя. Истина стоитъ, такимъ образомъ, *выше индивидуальности*, хотя и не выше личности, ибо открыть ее можетъ только та или другая личность. Это очень важный результатъ анализа, такъ какъ онъ показываетъ намъ, что Кантъ былъ правъ въ различеніи и противуположеніи частныхъ и случайныхъ (т.-е. индивидуальныхъ) и, съ другой стороны, всеобщихъ и необходимыхъ (сверхъ-индивидуальныхъ) знаній и истинъ, но напрасно Кантъ связалъ ихъ противуположность съ понятіями апріорнаго и апостеріорнаго, или опытнаго, познанія, ибо и въ основаніи всеобщаго и необходимаго лежитъ тоже *особый опытъ*, опытъ мысли, къ которому уже, конечно, не подходятъ правила и критеріи чувственнаго опыта. Это опытъ „сверхчувственный“, и ошибка Канта состояла именно въ полномъ отождествленіи понятій „опыта“ и „чувственнаго опыта“, между тѣмъ какъ первое понятіе шире.

Итакъ, Кантъ имѣлъ дѣло съ „опытомъ мысли“: его факты онъ обобщалъ и его результаты посильно формулировалъ въ своемъ ученіи объ апріорныхъ формахъ опыта и мышленія, но этотъ опытъ мысли не былъ индивидуальнымъ и далъ въ итогѣ своемъ не частныя и случайныя, а, по мнѣнію Канта и его послѣдователей, „всеобщія и необходимыя“ истины о формахъ опыта и даже самаго мышленія.

Кантъ думалъ, что изъ этого источника онъ узналъ формы „всякаго опыта“, но это-то и невѣрно, такъ какъ очевидно, что опытъ мысли—не *тотъ* чувственный опытъ, формы или субъективныя условія котораго онъ самъ открываетъ. *Эти* условія суть пространство и время, какъ формы всякаго чувственнаго опыта. Но тотъ сверхчувственный опытъ мысли, который открываетъ ихъ, какъ это очевидно изъ логическаго закона противорѣчія, не можетъ имѣть условіемъ тѣ самыя условія, которыя онъ ставитъ чувственному опыту. Это было бы противорѣчивымъ утвержденіемъ. Слѣдовательно; тотъ опытъ, интеллектуальный, есть опытъ отчасти безусловный (относительно *этихъ* условій), и если самъ чѣмъ-либо обусловленъ, то только организаціей мысли, ея логическими законами. И оттого въ извѣстномъ смыслѣ Кантъ былъ правъ, утверждая, что есть апріорная по отношенію къ опыту, а именно—къ *чувственному* опыту, работа мысли, хотя она и имѣетъ сама источникомъ особый „опытъ мысли“. Понятіе *апріорнаго* здѣсь совершенно *относительное,* ибо „апріорное“ не синонимъ „внѣопытнаго“, а выражаетъ лишь работу мысли, независимую отъ *чувственнаго* опыта, внѣ-или сверхчувственную. Такимъ образомъ, интеллектуальный опытъ можно назвать сверхчувственнымъ (и только въ этомъ смыслѣ—апріорнымъ).

Но тогда возникаетъ слѣдующій вопросъ: если вѣрно положеніе Канта, что время есть форма *чувственнаго опыта* (der Sinnlichkeit), то очевидно невѣрно, что время—форма *всякаго* внутренняго опыта, чувственнаго и сверхчувственнаго.

Понятіе внутренняго опыта—двусмысленное. Подъ внутреннимъ опытомъ мы часто разумѣемъ опытъ организма, свой тѣлесный и мозговой опытъ, переживаніе, въ субъективной формѣ „представленія“, состояній и перемѣнъ въ нашемъ организмѣ. Этотъ опытъ есть, конечно, *чувственный* опытъ. Его даже можно назвать *внѣшнимъ,* особою *формою* внѣшняго опыта, ибо организмъ, или тѣло, есть внѣшній для нашего духа и сознанія предметъ, или объектъ. Но есть

другой, *настоящій* внутренній опытъ, духовный или сверхчувственный опытъ, путемъ котораго мы познаемъ *непреложные законы человѣческой мысли* (а также, какъ мы увидимъ ниже,— *воли* и *чувства*). Если время есть форма чувственнаго опыта, открываемая при содѣйствіи сверхчувственнаго, то время не можетъ быть формою „внутренняго" опыта въ подлинномъ значеніи этого слова. И дѣйствительно, если бы время было формою внутренняго опыта, путемъ котораго Кантъ открылъ время, какъ субъективную апріорную форму опыта, то оно не могло бы быть въ кантовскомъ смыслѣ *апріорною*, предваряющею всякій опытъ, формою познанія, ибо она была бы открыта Кантомъ a posteriori, изъ самаго, *подчиненнаго времени*, опыта мысли. Вышло бы полное противорѣчіе въ утвержденіяхъ Канта; и потому нельзя не задать себѣ вопроса по существу: подчинено ли мышленіе закону времени, какъ закону *чувственнаго* опыта? Есть ли идея Канта о времени — „чувственное явленіе, данное во времени"?

Конечно, если разумѣть, что Кантъ открылъ, что время есть форма (синтетическихъ) апріорныхъ сужденій, положимъ, 18 апрѣля 1771 года, за десять лѣтъ до выхода „Критики чистаго разума", то придется согласиться съ тѣмъ, что идея Канта о времени есть „явленіе во времени". Но тогда надо быть послѣдовательнымъ и признать, что это также явленіе „въ пространствѣ", такъ какъ эта идея возникла у Канта въ его головѣ, на какой-нибудь улицѣ Кенигсберга, въ Пруссіи, въ Европѣ и на земномъ шарѣ. Признать что-либо „явленіемъ во времени и пространствѣ"—значитъ признать это нѣчто продолжительнымъ и протяженнымъ, долгимъ или краткимъ, длиннымъ или короткимъ и т. п. Но всѣ эти опредѣленія пространства и времени къ мысли мало подходятъ.

При размышленіи о природѣ *идей*, невольно навязываются уму слѣдующія соображенія:

1. Идея, разъ возникнувъ, оказывается вѣчною, ибо если бы мы даже признали ее ложною, то все же она навѣки

останется дѣйствительнымъ и неизмѣннымъ фактомъ, какъ идея Канта, или Аристотеля, или Декарта, или иного человѣческаго ума. Какъ таковая, она никогда не измѣнится и не можетъ измѣниться.

2. Если по этому поводу замѣчаютъ, что она все-таки *возникла* въ извѣстный моментъ времени и въ извѣстной точкѣ пространства, въ такой-то годъ, мѣсяцъ и день, въ такой странѣ, городѣ и мозгу, то это все-таки не даетъ ей никакихъ временныхъ и пространственныхъ опредѣленій, ибо съ совершенно тѣмъ же содержаніемъ она могла возникнуть и, можетъ быть, уже возникала въ другое время, годъ и мѣсяцъ, въ другой странѣ и головѣ. Идея есть актъ свободной творческой работы духа, подчиненный только законамъ мысли, или логическимъ, а не причинамъ и сцѣпленіямъ физическимъ, временнымъ и пространственнымъ. Для того, кто признаетъ свободное творчество мысли, невозможно ставить его въ зависимость отъ времени и пространства. *Свободный актъ творчества* можетъ *всегда* и *вездѣ* начаться. Если и можно сказать съ натяжкою, что „Анна Каренина" Льва Толстого никогда бы не возникла, если бы Толстой не жилъ въ Москвѣ и Ясной Полянѣ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XIX вѣка, ибо въ этомъ романѣ много образовъ, пріуроченныхъ къ извѣстному времени и пространству, то можно, съ другой стороны, сказать, что если бы были Москва и Ясная Поляна, были 60-е и 70-е годы, и не было бы творческаго генія Л. Толстого, то не было бы и „Анны Карениной", которая есть свободное созданіе его духа. Но точно также можно сказать, mutatis mutandis, что и весь міръ возникъ во времени, но, будучи свободнымъ творческимъ актомъ предвѣчнаго духа, онъ возникъ и *внѣ времени*, какъ свободный актъ творенія, который именно *положилъ* и *установилъ время*, какъ мѣру вещей. Уже Августинъ въ V вѣкѣ послѣ Р. Х. показалъ, какъ нелѣпо было утвержденіе нѣкоторыхъ современныхъ ему богослововъ, что божественный актъ творенія міра совершился во времени, какъ нелѣпы вопросы о томъ, „что дѣлалъ Богъ до сотворенія неба и земли, и от-

куда Ему пришло въ голову приступить къ творенію, когда прежде Онъ ничего не творилъ". „Твореніе Твое *не во времени*,—отвѣчаетъ Августинъ—да уразумѣютъ они, что никакого времени не могло быть прежде творенія, а съ твореніемъ явились и самыя времена... Пусть же перестанутъ пустословить"...

И такое же точно пустословіе—утверждать, что для идеи Канта о времени важно то, что она явилась въ 1771, а не въ 1779 или 1898 году. У идей нѣтъ времени и мѣста. Ученіе Декарта о томъ, что „мысль—основаніе идеи бытія моего *я*", не была чужда Августину, Джордано Бруно и даже Платону. Иныя выраженія и слова, но идея та же. И точно также ученіе Канта о субъективности времени было новой (но испорченной) редакціей ученія Платона и Августина о времени. Если мы не знаемъ, у кого и когда еще были эти и другія идеи, знаменитыя въ исторіи мысли, то это не значитъ, что ихъ никогда больше ни у кого не было. Уже Аристотель сомнѣвался, чтобы можно было открыть какія либо новыя истины и мысли, ибо всѣ истины много разъ были извѣстны, но потомъ забывались. Оттого Платонъ и помѣстилъ идеи въ особый міръ вѣчнаго бытія и призналъ познаніе процессомъ припоминанія вѣчныхъ идей. Геніальныя личности только закрѣпляютъ вниманіе человѣчества на идеяхъ, для всѣхъ доступныхъ и много разъ уже открытыхъ сверхъ-индивидуальнымъ умомъ человѣка.

3. Вѣчное внутреннее тождество идеи можно уловить вездѣ, даже въ фактахъ *ощущенія*. Мое ощущеніе зеленаго цвѣта листа сирени въ саду на Антонинской улицѣ въ Ригѣ конечно не то (по времени и мѣсту) ощущеніе зеленаго цвѣта, которое я получалъ отъ листьевъ куста сирени въ саду дома въ Москвѣ, гдѣ жилъ, но все-таки тогдашнее мое ощущеніе зеленаго цвѣта совершенно тождественно теперешнему. Цвѣта *предметовъ опыта* я ощущаю во времени, но *само ощущеніе цвѣта* — цвѣта вообще, какъ и всякаго цвѣта, звука, запаха, и проч.—дано внѣ времени, какъ вѣчная и неизмѣнная *спеціальная* субъективная форма духовнаго вос-

пріятія дѣйствительности. Точно также даны *внѣ времени и пространства* сами идеи времени и пространства, какъ неизмѣнныя, *общія*, субъективныя формы чувственнаго воспріятія, а съ ними и *всѣ наши идеи и мысли*, какъ субъективные способы пониманія вещей, толкованія дѣйствительности, воспріятія истины всего существующаго. Кантъ сдѣлалъ ту ошибку, что смѣшалъ воспріятіе *посредствомъ ощущеній* съ воспріятіемъ *самихъ ощущеній, какъ способовъ* воспріятія. Воспріятіе „посредствомъ ощущеній" совершается всегда во времени и пространствѣ и, какъ слагающееся изъ ощущеній, оно всегда чувственно (ибо чувственность и есть сумма ощущеній). Но воспріятіе самого ощущенія есть не актъ ощущенія, а свободный актъ сознанія ощущенія, нечувственнаго и сверхчувственнаго созерцанія нашей, *всегда* при насъ находящейся и отъ условій пространства и времени независимой, *способности ощущать*. Кантъ самъ смутно сознавалъ различіе ощущенія во времени и воспріятія времени, какъ формы ощущенія, ибо если онъ назвалъ время reine Anschauung, т.-е. *чистымъ воззрѣніемъ,* то этимъ имѣлъ потребность выразить то, что можно и должно самое время созерцать „внѣ времени", очищеннымъ отъ всякаго чувственнаго элемента, и потому „чистымъ", какъ и пространство, когда мы очистимъ это представленіе отъ всего конкретнаго содержанія, которое въ него вкладываетъ чувственный опытъ.

Но Кантъ сдѣлалъ ту ошибку, что, создавъ понятіе „чистаго воззрѣнія"—reine Anschauung, какъ реальной формы воспріятія самой психической жизни, не спросилъ себя, *какъ относится reine Anschauung къ ощущенію:* принадлежность какой именно общей формы духовнаго существованія составляетъ Anschauung, и только ли время и пространство составляютъ ея предметъ? Онъ не замѣтилъ, что *всякая,* хотя бы *спеціальная* форма ощущенія и опыта, способность воспринимать цвѣтъ, звукъ, красный цвѣтъ, звукъ скрипичной квинты, запахъ розы или резеды, можетъ стать *предметомъ чистаго воззрѣнія*, reiner Anschauung,—и что точно также формы мыш-

ленія, категоріи мысли, какъ, напримѣръ, идеи причинности, качества, множества, и т. п. должны стать предметами Anschauung, т.-е. умственнаго созерцанія внѣ всякаго чувственнаго опыта и его условій, т.-е. внѣ пространства и времени, чтобы сдѣлаться *объектами мысли.*

Anschauung, созерцаніе или воззрѣніе, т.-е. сосредоточеніе умственнаго взора на томъ или другомъ объектѣ мысли, и есть общая форма того сверхчувственнаго интеллектуальнаго опыта, или „опыта мысли", о которомъ мы говорили выше и путемъ котораго Кантъ добывалъ свои истины о формахъ опыта и мышленія. Это созерцаніе есть *свободный актъ нашего духа*, независимый отъ времени, ибо мы во всякое время, внѣ всякихъ явленій чувственнаго опыта, можемъ созерцать свою мысль, сознавать ея формы, которыя всегда *при насъ* и *съ нами*, познавать ея вѣчные и неизмѣнные законы. И этимъ свободнымъ актомъ *хотѣнія мыслить* мы полагаемъ время, ибо создаемъ въ себѣ рядъ явленій, ощущеній и представленій чувственнаго порядка, которыхъ иначе бы и не было. Свобода и есть способность духа *созидать явленія*—и внутреннія, и внѣшнія, а чрезъ это созиданіе явленій—созидать время, которое есть форма смѣны явленій. Мы не поймемъ ни свободы, ни вниманія, ни воображенія и творчества, ни мышленія и умозаключенія, какъ формъ душевной жизни, если не поймемъ, что всѣ эти понятія выражаютъ прежде всего наши различные способы созидать время, творить ряды явленій во времени, и что сами эти созидающія время способности созерцаются нашею мыслью не во времени и не чувственно.

Кантовское апріорное познаніе, предваряющее всякій опытъ, и есть познаніе внѣвременное, свободное отъ условій времени и пространства. Истины математическія и логическія мы всегда можемъ усмотрѣть и понять, *когда захотимъ* этого, т. е. когда захотимъ думать объ этомъ предметѣ. А выраженіе: „когда захотимъ" значитъ — „когда начнемъ"; „начать" же значитъ *пустить въ ходъ время*, положить и создать его.

Такимъ образомъ, общее заключеніе наше по вопросу, нами поставленному,—по вопросу о значеніи Кантовскаго ученія объ ощущеніи и воззрѣніи, объ апріорномъ и апостеріорномъ въ знаніи—слѣдующее:

Хотя Кантъ и не былъ правъ, полагая, что онъ опредѣляетъ въ „Трансцендентальной эстетикѣ" не понятія пространства и времени, а чистыя воззрѣнія, но онъ былъ совершенно правъ, что у насъ есть чистыя воззрѣнія, опредѣляющія формы всякаго чувственнаго опыта, и что пространство и время, какъ предметы созерцанія мысли (а не логическаго опредѣленія), суть прежде всего такія чистыя воззрѣнія. Далѣе, хотя Кантъ былъ неправъ, ограничивая чистыя воззрѣнія воспріятіями пространства и времени, какъ формъ чувственнаго опыта,—такъ какъ такими же чистыми воззрѣніями являются и всѣ спеціальныя субъективныя формы опыта, если онѣ дѣлаются предметомъ „созерцанія мысли"; но онъ былъ совершенно правъ, выдѣляя общія формы опыта и мышленія отъ спеціальныхъ (что сдѣлалъ отчасти уже Локкъ ученіемъ о первичныхъ и вторичныхъ ощущеніяхъ, или, что то же, *формахъ* ощущенія). Затѣмъ, Кантъ былъ неправъ, противополагая пространство и время, какъ „формы" опыта, прочимъ субъективнымъ способамъ воспріятія дѣйствительности, которые онъ всецѣло причислялъ къ „содержанію" опыта, тогда какъ спеціальныя способности такъ или иначе ощущать суть также прирожденныя „формы" ощущенія, предваряющія опытъ и всякое его содержаніе; однако, и тутъ онъ былъ правъ принципіально, противуполагая вообще „формы" и „содержаніе" опыта, хотя формы понималъ односторонне, не различая въ самихъ ощущеніяхъ ихъ содержаніе и форму. Наконецъ, Кантъ былъ правъ, когда признавалъ различіе познанія *посредствомъ* чувственнаго опыта и познанія, *независимаго* отъ чувственнаго опыта, но 1) онъ не отдавалъ себѣ отчета, что это второе познаніе не есть абсолютно сверхъ-опытное, ибо оно предполагаетъ особый опытъ мысли, формою котораго является открытое самимъ Кантомъ чистое воззрѣніе, и поэтому, 2)

онъ неправильно толковалъ терминъ „апріорнаго“ познанія, отождествляя его съ внѣ-или сверхъ-опытнымъ, хотя апріорное познаніе—только *относительное* понятіе и значитъ: „познаніе, независимое отъ чувственнаго опыта“, а не отъ всякаго опыта. *Внѣ опыта нѣтъ мышленія,* но есть два рода опыта — умственный или, шире, *духовный*, и чувственный, или *физическій*, формы которыхъ различны,—и если пространство и время суть общія формы чувственнаго, или физическаго, опыта, то онѣ не суть и не могутъ быть формами опыта интеллектуальнаго, сверхчувственнаго, духовнаго.

Изъ этого обозрѣнія итоговъ критики Кантовскаго ученія о времени и пространствѣ можно уже видѣть, что намъ предстоитъ далѣе, ибо задача наша далеко не окончена. Можно сказать даже, что нашъ собственный анализъ вопроса только теперь начинается. Мы должны установить болѣе правильное и ясное понятіе *опыта,* его различныхъ видовъ, ихъ различныхъ *формъ*, *условій и законовъ*, и попутно опровергнуть возраженіе, къ которому мы давно готовимся, а именно: какой же можетъ быть вообще опытъ „внѣ времени“, мышленіе внѣ времени? Вѣдь мышленіе есть *процессъ*, т.-е. послѣдовательный рядъ выводовъ и заключеній, а всякій процессъ совершается *во времени*. Для критики этого и другихъ подобныхъ возраженій, которыя намъ, съ нашей точки зрѣнія, кажутся несостоятельными, но имѣютъ полное основаніе въ умѣ читателя, мы найдемъ опоры и основанія какъ въ предыдущемъ анализѣ, такъ и во многихъ другихъ соображеніяхъ, которыя изложимъ далѣе.

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

**Н. Гротъ.**

# Къ вопросу объ ассоціаціяхъ идей.

---

Ученіе объ ассоціаціяхъ представляетъ собою одинъ изъ интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ отдѣловъ психологіи. Начинаясь анализомъ простѣйшихъ психическихъ фактовъ, оно приводитъ къ раскрытію образованія сложнѣйшихъ психическихъ величинъ и, если принять во вниманіе, что вся психическая дѣятельность находится въ зависимости отъ вліяній внѣшняго міра, то будетъ очевидно, что изученіе внутренней группировки получаемыхъ нами отъ органовъ чувствъ матеріаловъ дастъ намъ характеристику большей части психическаго содержанія человѣка.

Всѣ существующія ассоціаціи обыкновенно раздѣляются на двѣ большія группы: на ассоціаціи по сходству и ассоціаціи по смежности. Ассоціаціи по сходству называются еще внутренними ассоціаціями, а ассоціаціи по смежности — внѣшними ассоціаціями.

Далѣе, ассоціаціи по смежности, или внѣшнія ассоціаціи, въ вою очередь раздѣляются на ассоціаціи одновременныя или, то то же самое, смежныя по пространству и на ассоціаціи послѣдовательныя, или ассоціаціи по смежности во времени.

Наконецъ, между ассоціаціями внутренними различаются ассоіаціи по смыслу, или по логической зависимости и др.

Такого рода дѣленіе можетъ быть проведено очень далеко, но самое подробное различеніе не подвинетъ насъ ни на шагъ въ пониманіи психическаго процесса. Поэтому, прежде чѣмъ изучать формы ассоціацій, мы обратимся къ изученію условій ихъ происхожденія и тогда тотчасъ раскроется и все разнообразіе формъ, въ которыхъ ассоціаціи могутъ возникнуть.

Относительно физіологическихъ условій образованія ассоціацій всегда необходимо имѣть въ виду слѣдующее.

Мы почти никогда не воспринимаемъ отдѣльныхъ ощущеній. Психическое содержаніе наше составляется изъ тѣхъ величинъ, которыя можно назвать первыми сложными элементарными психическими величинами, — изъ воспріятій. Каждое воспріятіе состоитъ изъ суммы ощущеній. Такъ какъ для каждаго отдѣльнаго ощущенія мы должны допустить извѣстный физіологическій эквивалентъ, то мы можемъ считать такимъ эквивалентомъ возбужденіе перваго анатомическаго элемента, изъ множества которыхъ слагается центральная нервная система,—возбужденіе нервной клѣтки. Слѣдовательно, для воспріятія мы должны принять возбужденіе уже извѣстной суммы нервныхъ клѣтокъ.

Это—первый продуктъ ассоціаціи и первая ея ступень. Если мы пожелаемъ обозначить какъ-нибудь эту ассоціацію, то естественно, ее надо назвать ассоціаціей по смежности. Я предпочитаю, однако, называть ее ассоціаціей по одновременности появленія.

Одновременно возникаетъ обыкновенно не одно, а нѣсколько воспріятій,—слѣдовательно, возбуждаются различныя группы клѣтокъ.

Къ этому слѣдуетъ присоединить и возбужденіе соединительныхъ путей, что имѣетъ даже первостепенное значеніе для большинства одновременныхъ возбужденій мозговой коры: если возбуждается группа клѣтокъ А, то возбужденіе передается по функціонировавшимъ уже ранѣе путямъ, вслѣдствіе чего облегчается его передача на группу клѣтокъ В, и тогда возникаетъ другое воспріятіе, раньше возникавшее одновременно съ первымъ.

Такимъ образомъ, безъ этихъ путей, соединяющихъ одну клѣтку съ другой, самая теорія ассоціацій, казалось бы, не можетъ существовать.

Однако, анатомическія изслѣдованія не обнаружили до настоящаго времени существованія соединительныхъ волоконъ между всѣми клѣтками. Это обстоятельство можетъ имѣть три толкованія.

Во-первыхъ, мы просто, можетъ быть, еще не нашли этихъ соединеній. Значитъ, виноваты наши способы изслѣдованія.

Во-вторыхъ, можетъ быть пути эти развиваются по мѣрѣ развитія мозга и будущее человѣчество будетъ обладать значительно болѣе развитой ассоціаціонной сѣтью, чѣмъ мы. Мозгъ человѣка увеличивается по мѣрѣ увеличенія его интеллектуальнаг

витія, и это увеличеніе мозга должно, очевидно, сопровож-ься образованіемъ какихъ-то новыхъ элементовъ, и нѣтъ ни-о невозможнаго, что этими новыми элементами и будутъ въ возникшія соединенія между клѣтками, которыхъ еще нѣтъ ерь. Отсюда слѣдуетъ, что клѣтки, не соединенныя между ою, у человѣка настоящей эпохи не функціонируютъ.

Ъ-третьихъ, можетъ быть, существованіе непосредственныхъ диненій между клѣтками не всегда необходимо для образо ія ассоціацій, т. е. для одновременнаго возбужденія различ-ъ частей мозговой коры. Тогда, значитъ, существуютъ еще гія условія для одновременнаго возбужденія не соединенныхъ ду собою непосредственно клѣтокъ: клѣтки могутъ быть со-нены не непосредственно между собою, но съ какимъ-либо цимъ центромъ.

акимъ центромъ можетъ быть или какая-либо группа клѣ-ъ, возбуждаемыхъ одновременно съ другими, несоединен-и между собою клѣтками, служащая въ свою очередь для азованія воспріятія, или же это можетъ быть группа клѣтокъ имѣющихъ психической функціи и исполняющихъ другую ачу, напримѣръ, сосудистый центръ.

ля разъясненія этихъ простыхъ, но важныхъ условій, отъ тоятельнаго знакомства съ которыми зависитъ правильное по-аніе всѣхъ ассоціаціонныхъ процессовъ, мы разсмотримъ нѣ-лько ближе наиболѣе важныя формы ассоціацій.

уществуютъ основанія предполагать, что воспріятія различ-ъ органовъ чувствъ локализируются въ мозговой корѣ въ личныхъ мѣстахъ.

акъ уже было указано, воспріятія рѣдко возникаютъ въ свя-съ дѣятельностью только одного органа чувствъ. Обычно исходятъ одновременныя воспріятія нѣсколькихъ органовъ ствъ и, слѣдовательно, одновременно возбуждаются различные стки коры головного мозга. Такимъ образомъ одновременно никаетъ нѣсколько отдѣльныхъ ассоціацій или одна сложная оціація.

Нѣкоторыя изъ отдѣльныхъ ассоціацій, входящихъ въ составъ ей, сложной ассоціаціи, находятся между собою въ болѣе ной связи, чѣмъ съ другими одновременно возникающими бужденіями и ассоціаціями, что особенно относится къ ассо-іямъ воспріятій одного и того же органа чувствъ. Обыкно-

венно зрительныя воспріятія тѣснѣе ассоціируются съ зрительными же, слуховыя съ слуховыми и т. д. Поэтому при возстановленіи сложной ассоціаціи, при воспоминаніи, съ большею легкостью возникаютъ ассоціированныя между собою представленія, относящіяся къ одному и тому же органу чувствъ. Съ этимъ обстоятельствомъ мы еще встрѣтимся.

Кромѣ болѣе тѣснаго соединенія по органамъ чувствъ, тѣснѣйшая зависимость устанавливается между воспріятіями различныхъ органовъ чувствъ и какимъ-либо отдѣльнымъ, общимъ для нихъ всѣхъ, всегда одновременно съ ними возникающимъ воспріятіемъ. У человѣка такимъ связующимъ моментомъ является слово, т. е извѣстная сумма такъ называемыхъ артикуляціонныхъ движеній, соединенныхъ съ произнесеніемъ звуковъ.

Первоначально слово было лишь звуковымъ и двигательнымъ выраженіемъ воспріятій органовъ чувствъ и внутреннихъ состояній, но затѣмъ, съ изобрѣтеніемъ письма, оно стало также и выраженіемъ зрительнымъ. Съ этимъ зрительнымъ выраженіемъ тотчасъ соединились и двигательныя ощущенія, возникающія при писаніи слова. Такимъ образомъ, слово стало формулой сложной ассоціаціи, и притомъ ассоціаціи, отличающейся большою стойкостью, вслѣдствіе частаго повторенія, обусловленнаго тѣмъ, что слово является единственнымъ способомъ передачи внутренняго состоянія одного лица другому. Въ этой сложной ассоціаціи, формулой, или символомъ которой служитъ слово, также можно отмѣтить, что ассоціируются съ наибольшею легкостью воспріятія одного и того же органа чувствъ, вслѣдствіе чего зрительные образы словъ болѣе тѣсно соединяются съ другими зрительными же образами, слуховые съ слуховыми. Этимъ объясняется, между прочимъ, и то любопытное явленіе, которое часто наблюдается по отношенію къ иностраннымъ языкамъ, когда слово быстро узнается, когда оно напечатано, и не узнается совсѣмъ, если его произносятъ, хотя оно было уже слышано раньше, и тѣмъ болѣе, если оно никогда не произносилось постороннимъ лицомъ. Это показываетъ также и то, что отдѣльныя ассоціаціи, входящія составными частями въ ту сложную ассоціацію, которая соотвѣтствуетъ слову, могутъ быть сильнѣе остальныхъ ассоціацій, составляющихъ вмѣстѣ съ ними общую сумму. Поэтому нельзя предполагать, что при слышаніи, напримѣръ, какого-нибудь слова, въ нашемъ воспоминаніи возникнутъ

:ѣ относящіяся къ этому слову воспріятія, т. е. что слуховое іечатлѣніе вызоветъ связанное съ нимъ впечатлѣніе зрительное впечатлѣнія двигательныя, въ зависимости отъ производившихс при произнесеніи этого слова движеній рта и—при написаніи ова—движеній руки.

Въ дѣйствительности, слово будетъ узнано уже по одному зъ соотвѣтствующихъ ему воспріятій, слуховому или зритель-эму, или двигательному; затѣмъ, въ связи съ происшедшимъ знаваніемъ, произойдутъ дальнѣйшіе ассоціаціонные процессы: ›ежде всего возникнутъ нѣсколько соотвѣтствующихъ пред-авленій изъ области того же органа чувствъ, затѣмъ пред-авленія другихъ органовъ чувствъ.

Узнаваніе само по себѣ не находится въ неизбѣжной зависи-эсти отъ ассоціаціи идей.

Какъ мы видѣли, воспріятіямъ каждаго органа чувствъ соот-ѣтствуетъ возбужденіе извѣстной отдѣльной области коры. ь этомъ общемъ для даннаго органа чувствъ участкѣ каждому дѣльному представленію или воспріятію соотвѣтствуетъ также дѣльный видъ и отдѣльное мѣсто возбужденія.

Если мы допустимъ, что каждому отдѣльному ощущенію соот-ѣтствуетъ возбужденіе одной только клѣтки въ головномъ моз-, то каждому воспріятію будетъ соотвѣтствовать возбужденіе звѣстной группы клѣтокъ, что можетъ быть изображено гра-ически въ видѣ какой-нибудь фигуры.

Всякое новое воспріятіе того же органа чувствъ выразится зобужденіемъ другой группы клѣтокъ въ видѣ фигуры другой эрмы. Эта вторая фигура можетъ находиться или совершенно дѣльно отъ первой, или захватывать частью тѣ же самыя ѣтки, если только въ первомъ и во второмъ воспріятіи имѣ-гся одинаковыя ощущенія, что бываетъ въ дѣйствительности езвычайно часто.

Такимъ образомъ, если мы ранѣе имѣли возбужденіе клѣтокъ А, новое возбужденіе можетъ быть или совершенно такимъ же, тогда мы получимъ тождество; или будетъ лишь въ малой сте-ни отличаться отъ прежняго,—тогда мы получимъ сходство, ко-рое представляетъ собою лишь одинъ изъ видовъ узнаванія.

При двухъ совершенно различныхъ ощущеніяхъ, очевидно, мы элучимъ и различныя возбужденія, такъ что о сходствѣ не можетъ ыть и рѣчи.

Какъ только опредѣлилось отношеніе одного изъ ощущеній къ другому въ одномъ органѣ чувствъ, тотчасъ же опредѣляется это отношеніе и къ воспріятію въ цѣломъ, т.-е. къ соединеннымъ между собою ощущеніямъ разныхъ органовъ чувствъ.

По отношенію къ ассоціаціямъ сходства или узнаванію надо имѣть въ виду, что почти никакого значенія при этомъ не имѣетъ количественная сторона: напримѣръ та величина, которая можетъ возбудить ощущеніе различія, но въ то же время не нарушитъ ассоціаціи сходства; такъ, напримѣръ, маленькая деревянная лошадка узнается нами безъ всякаго затрудненія, какъ лошадь, громаднѣйшихъ размѣровъ каменный левъ, величиною больше слона, тѣмъ не менѣе будетъ узнанъ нами, какъ левъ. Это зависитъ отъ того, что понятіе о величинѣ есть понятіе очень относительное и вырабатывается опытомъ въ зависимости отъ иннерваціонныхъ ощущеній и въ прямой связи съ идеей пространства.

Итакъ, мы видѣли, что мозговая кора обычно возбуждается воспріятіями, относящимися къ различнымъ органамъ чувствъ. Если мы возьмемъ на удачу какой-нибудь моментъ психической жизни, мы найдемъ слѣдующее.

Воспріятія разныхъ органовъ чувствъ первоначально размѣщаются въ различныхъ областяхъ коры и находятся въ соединеніи между собою частью непосредственно, частью черезъ посредство другъ друга. Въ связи съ ними стоятъ частью соединенныя, частью не соединенныя ассоціаціонными путями представленія.

Въ слѣдующій моментъ мы находимъ, однако, въ корѣ совершенно другое распредѣленіе возбужденій.

Какимъ образомъ произошла эта перемѣна?

Окончательный отвѣтъ на этотъ вопросъ есть въ то же время и отвѣтъ на то, что такое психическій процессъ. Поэтому онъ можетъ быть сдѣланъ лишь тогда, когда мы разъяснимъ всѣ условія этой перемѣны.

Однимъ изъ важнѣйшихъ условій является слѣдующее.

Если мы будемъ сравнивать между собою два выбранные нами момента, то увидимъ, что возбужденія коры отличаются другъ отъ друга во многихъ отношеніяхъ:

1. Возбужденныя къ дѣятельности мѣста не одинаковы.

2. Сила возбужденія однихъ и тѣхъ же мѣстъ не одинакова.

3. Тѣ отдѣльныя возбужденія, которыя оказываются общими для обоихъ случаевъ, оказываются не вполнѣ тожественными.

ɪзсматривая отдѣльныя воспріятія, мы видимъ, что и они под-
лись нѣкоторымъ, хотя ничтожнымъ, перемѣнамъ: напримѣръ,
е въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ объ однихъ и тѣхъ же
ѣльныхъ воспріятіяхъ, нѣкоторыя детали оказываются измѣ-
ными: освѣщеніе, точка зрѣнія и т. д.

акъ связаны между собою эти два момента?

бычно, съ точки зрѣнія современнаго ученія объ ассоціа-
ь, говорится, что они связаны безчисленнымъ множествомъ
ильныхъ ассоціацій: общее для этихъ двухъ моментовъ есть
язующее звено между ними.

ɪзьмемъ, однако, два момента, раздѣленные періодомъ относи-
ной психической бездѣятельности, періодомъ сна.

оложимъ, первый моментъ мы выберемъ вечеромъ и, по воз-
ности, дадимъ себѣ отчетъ въ нашемъ психическомъ со-
ɪаніи. Другой моментъ пусть будетъ утромъ въ той же самой
атѣ, даже при той же самой, по возможности, обстановкѣ,
ɪ вечеромъ. Отдавая себѣ вновь отчетъ, мы замѣтимъ, что наше
ическое содержаніе совсѣмъ другое и мало что въ немъ
тъ отношеніе къ нашему вчерашнему состоянію.

це съ большею рѣзкостью выступаетъ разница двухъ пси-
скихъ моментовъ при различной внѣшней обстановкѣ, и
ому хорошо извѣстно по собственному опыту, какъ различ-
нъ себя чувствуетъ—сидя одинъ у себя дома, въ присутствіи
ихъ людей, въ гостяхъ, на службѣ и т. д. И весьма нерѣдко
ъ моментъ не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ дру-

разительна при этомъ быстрота смѣны психическаго содер-
я, и, вѣроятно, каждому приходилось переживать приблизи-
ю такія душевныя состоянія.

мъ предстоитъ, положимъ, увидѣть кого-нибудь изъ друзей
ѣ долгой разлуки. Вы привыкли дѣлить съ этимъ чело-
мъ свое горе и радость. За время его отсутствія многое
зошло въ вашей жизни, что частью подтвердило, частью,
оротъ, совершенно нарушило ваши прежніе взгляды и на-
нія. Многое изъ того, что вы намѣчали когда-то съ вашимъ
омъ, совершилось совсѣмъ не такъ, какъ вы ожидали. Теперь
пять видитесь съ нимъ и непремѣнно разсчитываете пого-
ть съ нимъ именно объ этихъ важнѣйшихъ и интереснѣй-
ь вещахъ, ждете его съ нетерпѣніемъ, въ то же время,

такъ сказать, провѣряя себя и стараясь не забыть наиболѣе важныхъ пунктовъ.

Вашъ другъ входитъ въ комнату. Вы бросаетесь къ нему—и въ то же время въ вашей душѣ происходитъ полное превращеніе: то, что наполняло ее нѣсколько минутъ тому назадъ, не существуетъ болѣе. Вопросъ, который вамъ казался важнѣйшимъ, совсѣмъ не приходитъ въ голову. Ваше состояніе, къ удивленію вашему, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ тому, что вы ожидали... Вы видите передъ собою лицо вашего друга и происшедшія въ этомъ лицѣ перемѣны: оно стало смуглѣе, худѣе или полнѣе, но это несомнѣнно прежнее, хорошо знакомое и симпатичное вамъ лицо. Да, и не все перемѣнилось: та же манера говорить, та же усмѣшка, та же манера садиться, закидывая одну ногу на другую... И по мѣрѣ того, какъ его образъ врѣзывается въ ваше сознаніе, вы чувствуете, какъ исчезаетъ то время, тѣ 5—6 лѣтъ, которыя протекли послѣ вашей встрѣчи, и вамъ вспоминается нѣчто такое, что никакимъ образомъ не было въ вашей головѣ 10 минутъ тому назадъ: какой-нибудь эпизодъ изъ вашей прежней жизни и отношеній, и вы, часто совершенно не кстати, начинаете вспоминать невозвратное прошлое. И если черезъ нѣсколько времени вашъ другъ спроситъ васъ о вашихъ дѣлахъ, о томъ именно, что вамъ казалось необходимо сообщить ему, вы почувствуете, что это совсѣмъ не важно, во всякомъ случаѣ, далеко не такъ важно, какъ вы полагали раньше, и что какъ разъ въ настоящую минуту это находится совсѣмъ на второмъ планѣ.

При объясненіи такого рода рѣзкихъ измѣненій психическаго содержанія весьма часто указываютъ на аффектъ: радость или волненіе нарушили прежнее теченіе вашихъ идей. Затѣмъ вновь возникшія ассоціаціи отвлекли ваше вниманіе, и возстановляющіяся воспоминанія дали новое теченіе мыслямъ.

Пока довольно сказать, что такое объясненіе не касается самаго существеннаго вопроса о способѣ перехода однихъ мыслей въ другія или ихъ смѣны.

Для выясненія физіологической подкладки происшедшаго измѣненія намъ необходимо точно ознакомиться съ тѣмъ, что называется «функціональною гипереміей».

На функціональную гиперемію головного мозга во время психической дѣятельности впервые обратилъ вниманіе Карпен-

теръ и затѣмъ Мейнертъ *), излагающій это слѣдующимъ образомъ:

«Каждый процессъ мышленія исходитъ изъ одного какого-нибудь образнаго воспоминанія, которое связано, однако, со множествомъ другихъ точекъ мозговой коры. Но въ отдѣльномъ актѣ мышленія утилизируются далеко не всѣ мозговые очаги, съ которыми ассоціировано образное воспоминаніе, послужившее исходнымъ пунктомъ этого акта. Область дѣятельныхъ ассоціацій обнимаетъ въ каждомъ данномъ случаѣ лишь часть существующихъ ассоціаціонныхъ соединеній. Мы представляемъ себѣ функцію, какъ синтетическій химическій процессъ. Въ функціонирующихъ мозговыхъ клѣткахъ и ассоціаціонныхъ волокнахъ необходимо, слѣдовательно, принять извѣстный плазматическій приростъ. Изолированность функціи проведенія станетъ для насъ понятною, если мы признаемъ за нервными элементами способность питательнаго притяженія (nutritive attraction), распространяющагося вдоль дугообразныхъ пучковъ. Согласно Фехнеру, мы можемъ принять, что дѣятельное состояніе образныхъ воспоминаній и ихъ соединеній представляетъ одновременно двѣ степени интенсивности; тѣ изъ нихъ, которыя участвуютъ въ данномъ актѣ мышленія, находятся выше уровня сознанія, всѣ прочія стоятъ ниже его. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что клѣточные элементы и пути, участвующіе въ процессѣ, стоявшемъ выше уровня сознанія, находятся въ состояніи болѣе интенсивнаго нутритивнаго притяженія, нежели остальные элементы, возбужденіе которыхъ не достигаетъ уровня сознанія и которые пребываютъ внѣ активной ассоціаціонной игры. Очевидно, что здѣсь можетъ быть рѣчь лишь о различіи въ степени, различіи количественномъ.

«Мозговая кора совершаетъ одновременно двѣ работы: 1) иннервацію текущихъ по ассоціаціоннымъ путямъ мыслей и сочетанныхъ съ ними движеній; 2) иннервацію суживающихъ артеріи мышцъ. Чѣмъ менѣе дѣятеленъ мозгъ въ первомъ отношеніи, тѣмъ интенсивнѣе иннервація сосудо-суживающихъ мышцъ, и наоборотъ. Эта послѣдняя функція задерживается, когда приходитъ въ дѣятельное состояніе первая категорія корковыхъ отправленій, т.-е игра ассоціацій. Другими словами: суженіе со-

*) Мейнертъ. Психіатрія. Пер. Ліона, стр. 212, 265, 269.

судовъ уменьшается во время процессовъ мышленія. Въ этомъ заключается механизмъ функціональной гипереміи.

«Хотя элементарныя образныя воспоминанія распредѣляются по отдѣльнымъ областямъ коры, но воспроизведеніе одного какого-нибудь представленія влечетъ за собою, въ силу ассоціаціи, пробужденіе цѣлаго ряда другихъ, побочныхъ представленій. Актъ мышленія слагается такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ, изъ сочетанія представленій, локализирующихся въ самыхъ разнообразныхъ территоріяхъ коры. Слѣдовательно, фукціональная гиперемія, сопровождающая мышленіе, возникаетъ одновременно во многихъ отдаленныхъ другъ отъ друга очагахъ и болѣе или менѣе приближается къ общей артеріальной гипереміи коры.

«Такъ какъ непосредственная иннервація мозговыхъ артерій всегда исходитъ изъ субкортикальнаго центра, то весь механизмъ функціональной гипереміи сводится къ задерживающему вліянію коры на субкортикальный центръ. Основаніе, почему для объясненія происхожденія функціональной гипереміи недостаточно одного нутритивнаго притяженія со стороны возбужденныхъ нервныхъ элементовъ, лежитъ въ томъ фактѣ, что во время и послѣ психической работы происходитъ общій приливъ крови ко всему головному мозгу. Гиперемія переходитъ даже за предѣлы мозга, въ пользу чего говоритъ физіогномическій фактъ появленія краски въ лицѣ».

Этою мыслью Мейнерта о функціональной гипереміи мы и воспользуемся для объясненія смѣны психическихъ состояній. Къ сожалѣнію, мысль Мейнерта, прекрасно изложенная въ началѣ, становится весьма неясной въ концѣ, такъ что функціональная гиперемія отдѣльныхъ, хотя и многочисленныхъ, участковъ коры какъ бы превращается въ общую гиперемію всего мозга, переходящую даже за его предѣлы и выражающуюся въ краскѣ лица. Поэтому необходимо сдѣлать нѣкоторыя дополненія, которыя, можетъ быть, и не будутъ поправками, такъ какъ мысль Мейнерта, очевидно, страдаетъ недостаточной ясностью.

Мы будемъ принимать функціональную гиперемію, не какъ притокъ артеріальной крови къ мозгу вообще, но какъ притокъ, распредѣленный въ точномъ соотвѣтствіи съ существующимъ въ данный моментъ возбужденіемъ какъ по мѣсту, такъ и по степени, или, употребляя выраженіе Мейнерта, соотвѣтственно питательному притяженію разныхъ участковъ коры.

Тогда мы увидимъ, что распредѣленіе крови въ двухъ раз-

личныхъ психическихъ состояніяхъ всегда различное. Это различіе сохраняется при всякой степени наполненія мозга кровью, и каковъ бы ни былъ общій приливъ, относительное распредѣленіе крови въ мозгу остается безъ перемѣны.

Эта гиперемія, какъ это указываетъ Мейнертъ, находится въ зависимости отъ дѣятельности сосудистаго центра, съ одной стороны, и отъ питательнаго притяженія, съ другой. Слѣдуетъ однако принять во вниманіе и взаимную зависимость этихъ двухъ моментовъ: возбужденіе извѣстной части коры, усиленіе химическихъ процессовъ въ клѣткахъ вызываетъ усиленный притокъ крови къ данному участку; въ свою очередь, происшедшій усиленный притокъ крови именно къ этому самому участку въ точнѣйшемъ смыслѣ этого слова, вызоветъ и повышеніе функціи соотвѣтствующихъ клѣтокъ, т. е. вызоветъ и возникновеніе полученныхъ раньше этими клѣтками возбужденій. При этомъ гиперемію надо понимать въ видѣ весьма тонкаго процесса въ смыслѣ распредѣленія крови по мельчайшимъ вѣточкамъ соотвѣтственно не только питаемымъ участкамъ, но и питаемымъ клѣткамъ.

Такимъ образомъ, данное возбужденіе извѣстной группы клѣтокъ какимъ-либо чувственнымъ впечатлѣніемъ тотчасъ возбудитъ сосудистый центръ именно такъ, какъ оно возбуждало его въ свое время. Въ отвѣтъ на это возбужденіе, имѣющее специфическій характеръ, сосудистый центръ измѣнитъ распредѣленіе крови въ мозгу точь-въ-точь такъ же, какъ онъ измѣнялъ его когда-то прежде, и усиленный притокъ питательнаго матеріала произойдетъ именно въ тѣхъ участкахъ коры, которые въ свое время были возбуждены одновременно съ настоящимъ дѣйствительнымъ возбужденіемъ. Значитъ, въ мозговой корѣ возникнутъ вновь тѣ же возбужденія, что возникали раньше,—другими словами, въ сознаніи возстановятся тѣ же самыя представленія, которыя возникали раньше въ связи съ тѣмъ представленіемъ, которое послужило толчкомъ для сосудистаго центра.

Перемѣна распредѣленія крови можетъ произойти съ большою быстротою, почти моментально. Съ такою же быстротой произойдетъ и измѣненіе психическаго содержанія. Ассоціаціонный процессъ продолжаетъ свою дѣятельность, но смѣна двухъ состояній произошла не путемъ непосредственнаго перехода ассоціацій другъ въ друга, а путемъ замѣщенія одной группы ассоціацій другою группой.

Если въ новомъ психическомъ состояніи мы будемъ искать, что сталось со старымъ, то увидимъ, что отъ него не осталось почти никакого слѣда. Наиболѣе возбужденныя группы клѣтокъ, наиболѣе яркія представленія могутъ въ слѣдующій моментъ оказаться наименѣе возбужденными, и соотвѣтствующія представленія—наименѣе яркими.

Такого рода замѣна одного психическаго состоянія другимъ и происходитъ всякій разъ, какъ только вновь возникшее воспріятіе, относящееся къ другой группѣ ассоціацій, достаточно сильно, достаточно продолжительно, или когда является цѣлая обширная группа одновременныхъ воспріятій.

Этимъ объясняется то, что каждый человѣкъ является инымъ въ различные моменты его жизни и въ различной обстановкѣ.

Этимъ же объясняется, между прочимъ, и любопытный фактъ, наблюдаемый по отношенію къ гипнотическому состоянію.

Если въ то время, какъ человѣкъ находится въ состояніи сомнамбулизма, когда внушаемость развивается до наибольшей степени, на него подѣйствуетъ какое-нибудь не очень кратковременное впечатлѣніе, достаточно сильное и опредѣленное, такъ чтобъ оно было имъ вполнѣ воспринято, то впослѣдствіи, когда вновь то же впечатлѣніе подѣйствуетъ на него въ бодрственномъ состояніи, у него вновь развивается на короткое время гипнотическое состояніе. Такъ, напримѣръ, если вы заставляете въ гипнотическомъ снѣ декламировать какое-нибудь стихотвореніе, которое сами декламируете передъ тѣмъ съ опредѣленной интонаціей, то загипнотизированный повторитъ его за вами съ той же интонаціей. Затѣмъ, въ бодрственномъ состояніи субъекта, если вы съ тою же интонаціей станете декламировать то же стихотвореніе, то вы вызовете этимъ развитіе гипнотическаго состоянія. Вы возстановили, слѣдовательно, только одинъ опредѣленный моментъ, и притомъ возстановили точно въ такомъ же видѣ, какъ онъ былъ воспринятъ первоначально,—и вслѣдъ за нимъ возстановляется и бывшее первоначальное физіологическое состояніе мозга.

Опытъ этотъ удается далеко не всегда, такъ какъ естественно въ бодрственномъ состояніи является множество причинъ, затрудняющихъ его правильное теченіе. Этотъ фактъ, какъ я уже указывалъ *), объясняетъ также и механизмъ исполненія внушенія

*) Токарскій. Гипнотизмъ и внушеніе. Арх. псих. 1888.

черезъ извѣстный срокъ, такъ какъ срокъ, всегда точно опредѣляемый, и служитъ точкой отправленія для развитія соотвѣтствующаго исполненію внушенія состоянія.

Чтобы еще разъ иллюстрировать, насколько полно бываетъ вытѣсненіе всѣхъ предшествующихъ ассоціацій, какъ только происходитъ замѣна одной группы ассоціацій другой, я приведу слѣдующій случай.

Одинъ изъ моихъ друзей, когда мы были еще въ гимназіи, вернувшись послѣ уроковъ домой, уснулъ. Проснувшись, онъ увидѣлъ, что было уже утро, что его чрезвычайно удивило, такъ какъ онъ уснулъ тотчасъ по возвращеніи изъ гимназіи и не могъ спать такъ долго. Но, несомнѣнно, это было утро, и въ домѣ всѣ спали: солнце освѣщало его комнату такъ же, какъ всегда, все было такъ, какъ это бывало каждый день передъ уходомъ въ гимназію. Онъ выглянулъ въ дверь и увидѣлъ на столѣ самоваръ, какъ это бывало обыкновенно по утрамъ. Ему приходитъ въ голову мысль, что онъ проспалъ, и, схвативъ поспѣшно книги, онъ торопится въ гимназію. Идя по городу, онъ замѣчаетъ, что видъ улицъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что бываетъ по утрамъ, но занятый мыслью о томъ, что онъ опоздалъ, онъ не разъясняетъ себѣ этого. Придя въ гимназію, онъ находитъ двери запертыми. Значитъ, слишкомъ рано. Онъ идетъ въ садъ и тамъ находитъ нѣсколькихъ гимназистовъ, играющихъ въ мячъ, что дѣлали иногда приходившіе раньше другихъ. Между ними не оказывается его товарищей по классу, и онъ усаживается на пригоркѣ, въ ожиданіи, когда отворятъ двери. Черезъ нѣсколько минутъ одинъ изъ игравшихъ подходитъ къ нему, начинаетъ разговаривать,—и оказывается, что то было не утро, а 5 часовъ вечера.

Это произошло съ человѣкомъ здоровымъ и совершенно не можетъ быть объяснено съ точки зрѣнія послѣдовательнаго перехода однихъ ассоціацій въ другія, тогда какъ объясняется совершенно легко изложенными соображеніями.

Указанными моментами, однако, характеризуется только одна сторона психическаго процесса. Мы пока разсмотрѣли лишь ту часть его, которая можетъ быть названа смѣною группъ одновременныхъ ассоціацій. Но кромѣ смѣны одновременныхъ ассоціацій, въ каждой группѣ ассоціацій уже существующихъ происходятъ постоянныя перемѣны, независимыя отъ непосредственныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, которыя могутъ оставаться безъ измѣненія.

Итакъ, мы видѣли, что одно психическое содержаніе, одна группа ассоціацій можетъ сразу замѣниться другимъ содержаніемъ, другой группой ассоціацій, какъ только на мозгъ подѣйствуетъ болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе, относящееся къ этой другой группѣ. Это обстоятельство, зависящее отъ дѣятельности сосудистаго центра, должно бы совершенно нарушать психическую дѣятельность, которая и представляла бы собою лишь постоянную смѣну различныхъ психическихъ содержаній, не имѣющихъ между собою никакой внутренней связи.

Этого не происходитъ, однако, благодаря основному свойству нервной системы, которое заключается въ томъ, что, при повтореніи возбужденія, реакція на него уменьшается. Такъ, въ опытахъ Шиффа *) съ термоэлектрическимъ столбомъ, первое отклоненіе зеркала было обыкновенно самымъ большимъ, слѣдующее было слабѣе и такъ далѣе до извѣстнаго минимума, на которомъ степень отклоненія оставалась постоянной.

То же самое можно наблюдать ежедневно: если внезапно подѣйствуетъ на человѣка какое-нибудь достаточно сильное и неожиданное впечатлѣніе, то первоначально оно окажетъ дѣйствіе весьма замѣтное. Напримѣръ, неожиданный стукъ можетъ заставить васъ вздрогнуть. Второй такой же стукъ подѣйствуетъ уже гораздо слабѣе, а къ третьему и четвертому вы отнесетесь уже совсѣмъ покойно. И такое привыканіе происходитъ у самыхъ чувствительныхъ и впечатлительныхъ людей.

Относительно механизма такого привыканія существуютъ неодинаковые взгляды, и нѣкоторыми оно считается за результатъ прямого противодѣйствія.

Такъ, И. М. Сѣченовъ **) объяснялъ это тѣмъ, что если впечатлѣніе повторяется и можетъ быть ожидаемо заранѣе, то развивается въ нервной системѣ противодѣйствіе уже испытанному ранѣе вліянію, чѣмъ оно и ослабляется.

Но меньшая реакція на повторяющееся впечатлѣніе наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ объ этомъ впечатлѣніи сохранилось воспоминаніе. Если же промежутокъ между первымъ появленіемъ впечатлѣнія и его повтореніемъ довольно великъ, то второе впечатлѣніе можетъ совершенно равняться первому.

---

*) См. Герценъ. Общая физіологія души. Спб. 1890.

**) Сѣченовъ. Рефлексы головного мозга. Спб. 1866.

Нельзя сказать, однако, чтобы была настоятельная необходимость признавать развитіе такого противодѣйствія во всѣхъ случаяхъ и считать вліяніе задерживающихъ центровъ неизбѣжнымъ по отношенію къ явленію привыканія.

Это заключеніе вытекаетъ, между прочимъ, изъ разсмотрѣнія вопроса о самихъ задерживающихъ центрахъ.

Именно, это ученіе предполагаетъ существованіе въ головномъ мозгу аппарата задерживающаго рефлексы и аппарата усиливающаго рефлексы. Гдѣ находятся эти аппараты, это недостаточно извѣстно. Самое ихъ существованіе доказывается опытами надъ животными, какъ это извѣстно изъ курса физіологіи. Если раздражать мозгъ электрическимъ токомъ, то рефлексы будутъ задерживаться. Если же раздражать другія точки, именно двигательную область, то рефлексы будутъ усилены. Итакъ, подъ вліяніемъ раздраженія головного мозга рефлексы то ослабляются, то усиливаются. Отсюда заключеніе о существованіи задерживающихъ и усиливающихъ рефлексы центровъ.

Между тѣмъ, весьма возможно, что никакихъ отдѣльныхъ задерживающихъ или усиливающихъ рефлексы центровъ въ головномъ мозгу нѣтъ и что между нервными центрами существуетъ постоянное взаимодѣйствіе. Дѣятельность одного центра, или одной части нервной системы ослабляетъ дѣятельность другой части нервной системы. Это значитъ, что задерживающимъ моментомъ для данной части нервной системы является дѣятельность другой части. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ дѣятельность центральной нервной системы совпадаетъ съ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, будетъ наблюдаться, наоборотъ, усиленіе вліянія послѣднихъ. Возможно, что такого рода взаимодѣйствіе частей центральной нервной системы всецѣло обусловливается функціональной гиперемiей.

Съ этой точки зрѣнія, если для привыканія допускать развитіе противодѣйствія, слѣдовало бы ожидать, что привыканіе развивается въ зависимости отъ развитія ассоціаціонныхъ процессовъ въ связи съ повторяющимся вліяніемъ.

Это и происходитъ дѣйствительно по отношенію ко многимъ случаямъ, но для насъ весьма важно имѣть въ виду, что слѣдуетъ допустить еще и основное свойство нервной клѣтки слабѣе реагировать на повторяющееся впечатлѣніе.

Происходитъ ли это отъ того, что клѣтка, разъ воспринявшая

извѣстное впечатлѣніе измѣняетъ свое строеніе, или отъ того, что неизбѣжно образующіяся ассоціаціи, вслѣдствіе распространенія возбужденія, хотя бы и ниже порога сознанія, дѣлаютъ возбужденіе при повтореніи болѣе разлитымъ, рѣшить въ настоящее время нельзя. Несомнѣнно лишь, что при повтореніи сила впечатлѣнія уменьшается.

Это обстоятельство играетъ чрезвычайно важную роль по отношенію къ вопросу о томъ, почему въ нашемъ психическомъ содержаніи не происходятъ постоянно рѣзкія смѣны группъ представленій, какъ это мы видѣли въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ.

Каждое изъ представленій, которое мы имѣетъ въ сознаніи въ данный моментъ, было воспринято нами раньше совершенно въ другой группировкѣ. Отчего же эта группировка не возникаетъ вновь и не вытѣсняетъ существующія въ данный моментъ ассоціаціи? Именно оттого, что для вытѣсненія одной группы ассоціацій другой необходимо, чтобы первое изъ вытѣсняющихъ впечатлѣній, которое затѣмъ по ассоціаціи поведетъ за собою другія, было достаточно сильно, и если каждое изъ воспринимаемыхъ нами въ данный моментъ впечатлѣній воспринимается нами не въ первый разъ, что большею частью и бываетъ, то оно будетъ ослаблено въ силѣ, и существующая группа ассоціацій можетъ быть такимъ образомъ сильнѣе, чѣмъ тѣ группы, которыя могли бы возникнуть въ связи съ разными составными впечатлѣніями первой группы. Поэтому первая группа, т.-е. уже существующія въ данный моментъ ассоціаціи, и будетъ продолжать свое существованіе до того времени, пока измѣняющіяся внѣшнія вліянія не измѣнятъ ихъ теченія или прямо не прервутъ его путемъ смѣны, въ зависимости отъ возникающаго наконецъ непривычнаго, новаго, или просто болѣе сильнаго стимула.

Но далеко не всѣ перемѣны внутренняго содержанія происходятъ подъ вліяніемъ непосредственныхъ внѣшнихъ воздѣйствій, и можно сказать даже, что подъ вліяніемъ такихъ воздѣйствій происходятъ преимущественно перемѣны, измѣняющія теченіе внутренней жизни.

Главнѣйшія перемѣны внутренняго содержанія зависятъ отъ внутреннихъ отношеній.

Кромѣ ассоціацій по сходству и по одновременности появленія, слѣдуетъ различать еще ассоціаціи послѣдовательныя. Онѣ относятся также къ ассоціаціямъ по смежности, такъ какъ связь

устанавливается между двумя ближайшими по времени состояніями.

Ассоціаціи эти образуются слѣдующимъ образомъ.

Если я испытываю какое-нибудь впечатлѣніе, которое затѣмъ смѣняется другимъ впечатлѣніемъ, то полученныя мною два воспріятія свяжутся между собою, и воспроизведеніе, или вторичное возникновеніе одного изъ нихъ поведетъ за собою возстановленіе и другого.

Эти два соединяющіяся впечатлѣнія могутъ относиться къ различнымъ органамъ чувствъ или къ одному и тому же чувству. Второе возбужденіе можетъ явиться въ то время, когда первое уже прекратилось, что даже необходимо, такъ какъ иначе образуется связь по одновременности.

Такимъ образомъ устанавливается связь между существующимъ и не существующимъ въ дѣйствительности явленіемъ.

Обязательнымъ условіемъ установленія такой связи является существованіе воспоминанія о предшествовавшемъ впечатлѣніи. Но воспоминаніе предполагаетъ возстановленіе въ мозгу того же процесса, который происходилъ при первоначальномъ воспріятіи. Слѣдовательно, въ дѣйствительности будутъ ассоціироваться между собою два одновременные процесса.

Такимъ образомъ, ассоціаціи одновременныхъ и послѣдовательныхъ состояній, по сущности лежащаго въ основаніи ихъ процесса, совершенно одинаковы.

Изъ этого необходимо слѣдуетъ, что прошедшее, настоящее и будущее, съ точки зрѣнія физіологическаго процесса, суть только настоящее.

Настоящее при этомъ не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ неизмѣримо малаго періода времени, раздѣляющаго прошедшее и будущее, такъ какъ при такомъ условіи всѣ процессы, происходящіе въ мозгу, само собой становятся прошедшими, т.-е. лежащими за предѣлами этого неизмѣримаго настоящаго, — настоящее слѣдуетъ понимать въ смыслѣ продолжающагося физіологическаго процесса. Для избѣжанія недоразумѣній можно, впрочемъ, сказать, что прошедшее, настоящее и будущее заключаются въ одновременныхъ физіологическихъ процессахъ.

Вопросъ, отчего наше сознаніе различаетъ прошедшее, настоящее и будущее, легко разрѣшается тѣмъ соображеніемъ, что для опредѣленія времени и порядка слѣдованія нашихъ пси-

хическихъ состояній мы не ограничиваемся только сознаваніемъ прошедшаго прошедшимъ, настоящаго настоящимъ и т. д., но употребляемъ множество вспомогательныхъ способовъ распознаванія. Какъ наша личная жизнь, такъ и историческія событія группируются нами по годамъ и числамъ; гдѣ же этого недостаточно или гдѣ память измѣняетъ намъ въ этомъ отношеніи, тамъ являются на помощь другіе подобные же опознавательные пункты. Безъ этой внѣшней помощи намъ не было бы возможности разобраться въ своемъ прошедшемъ съ такою точностью, съ какою мы дѣлаемъ это обыкновенно, и каждому извѣстно, что относительно многихъ мелкихъ обстоятельствъ, хорошо, однако, сохраненныхъ памятью, локализація во времени нерѣдко совершенно утрачивается.

Что будущее есть извѣстная формула или фактъ прошедшаго, перенесенный къ новому опознавательному пункту, это едва ли требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій.

Далѣе, вслѣдствіе того, что память сохраняетъ всѣ возбужденія, когда-либо дѣйствовавшія на мозгъ, вполнѣ естественнымъ является и то обстоятельство, что при воспоминаніи извѣстнаго періода жизни вспоминаются какъ первоначальныя, такъ и заключительныя стадіи этого періода и притомъ вспоминаются одновременно. Величина такихъ періодовъ воспоминанія можетъ быть весьма различна, отъ нѣсколькихъ минутъ до продолжительности всего періода жизни даннаго лица, считая, конечно, съ того времени, когда это лицо вообще сознательно помнитъ свое внутреннее состояніе, хотя бы и смутно, что у большинства людей начинается съ 7-ми, 8-ми лѣтняго возраста.

Обыкновенно ряды послѣдовательныхъ ассоціацій группируются вокругъ какого-нибудь общаго для нихъ момента, который и является связующимъ звеномъ. Такими звеньями служатъ мѣстности, времена года, лица, разныя событія и т. д. Но всякій разъ всѣ элементы извѣстной группы присутствуютъ въ мозгу одновременно и могутъ быть воспроизведены отъ начала до конца.

Правильнѣе было бы сказать, однако, *могли бы быть* воспроизведены, такъ какъ въ дѣйствительности сознательная память сохраняетъ лишь главнѣйшія черты или впечатлѣнія, по какой-нибудь случайности болѣе рѣзкія, и воспоминанія бываютъ по большей части довольно смутными. Въ этомъ отношеніи суще-

вуютъ рѣзкія индивидуальныя колебанія, и общимъ правиломъ тается только одно, что почти никогда воспоминаніе не совѣтствуетъ дѣйствительности.

Достаточно вспомнить при этомъ, что отдѣльное представле: уже никогда не соотвѣтствуетъ во всей точности воспріятію, только у спеціально одаренныхъ въ этомъ отношеніи лицъ споминаніе приближается къ дѣйствительности съ большою епенью точности, особенно для отдѣльныхъ органовъ чувствъ, въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ представленіе пріобрѣтаетъ рактеръ почти галлюцинаторной живости.

Но никогда и ни при какихъ условіяхъ не могутъ возстанотъся съ большою степенью ясности всѣ существующія предстаенія и ассоціаціи.

При нѣкоторыхъ необычныхъ условіяхъ могутъ съ большою ивостью возстановляться отдѣльныя группы ассоціацій, относяихся къ тому или другому моменту жизни даннаго лица, при мъ возстановляются и впечатлѣнія давно забытыя, которыя устились далеко ниже порога сознанія и не возникаютъ овь при обычныхъ условіяхъ воспоминанія.

Это наблюдается, напримѣръ, въ гипнотическомъ состояніи, гда внушенныя воспоминанія поражаютъ своею детальностью яркостью по отношенію къ извѣстному моменту жизни загиптизированнаго.

Существуетъ, однако, всѣмъ извѣстное мнѣніе, что въ исклютельныхъ случаяхъ, напримѣръ, у утопающихъ, въ теченіе роткаго времени, одного мгновенія, и именно въ моментъ предествующій потерѣ сознанія, въ воспоминаніи проносится вся изнь человѣка, съ необычайной ясностью и съ мельчайшими дробностями.

Все, что возможно допустить однако въ подобномъ случаѣ, о то, что необычное возбужденіе мозговой коры, которое ляется у человѣка въ моментъ борьбы со смертью, захватываетъ кія клѣтки и области мозга, которыя при обычныхъ условіяхъ вно уже не возбуждались, вслѣдствіе чего возникаютъ яркія споминанія, внѣ связи съ ассоціаціями, такъ что понять ихъ оисхожденіе изъ предшествовавшаго психическаго состоянія всѣмъ невозможно. Достаточно нѣсколькихъ такихъ воспоминій, чтобы явилось предположеніе, что все пережитое возстаовлялось въ памяти, но опять забылось. Въ дѣйствительности же,

2*

правильнымъ заключеніемъ было бы, что въ моментъ предшествовавшій потерѣ сознанія утопающимъ, въ его памяти возстановились нѣкоторыя или даже многія впечатлѣнія, нерѣдко очень давнія, внѣ всякой связи съ ассоціаціями.

Причина такого внезапнаго одновременнаго возбужденія не находящихся между собою въ связи отдѣльныхъ участковъ мозговой коры опять лежитъ въ гипереміи, неправильно распредѣляющейся въ мозгу. Испугъ, большое мышечное напряженіе, затрудненіе дыханія являются вполнѣ достаточными условіями для того, чтобы распредѣленіе крови по участкамъ стало неправильнымъ, причемъ какъ бы вспыхиваютъ яркія отдѣльныя картины прошлаго безъ всякой связи между собою. И такъ какъ, въ дѣйствительности, эти внезапныя одновременныя воспоминанія были раздѣлены между собою иногда очень большимъ промежуткомъ времени, то по исчезновеніи ихъ и остается общее смутное впечатлѣніе, что сразу вспоминались событія многихъ лѣтъ или даже цѣлой жизни.

---

Такимъ образомъ, на человѣческій мозгъ постоянно, въ каждый данный моментъ, дѣйствуютъ тысячи возбужденій, которыя и вступаютъ въ непосредственную связь какъ между собою, такъ и съ существующими сознательными воспоминаніями. Въ слѣдующій моментъ можетъ явиться новая масса возбужденій, и они вновь вступятъ въ связь между собою и съ воспоминаніями о предшествовавшихъ возбужденіяхъ, и такъ образуются цѣпи ассоціацій, которыя весьма долго могутъ не прерываться, такъ какъ для перерыва необходимо рѣзкое измѣненіе всей суммы впечатлѣній, что происходитъ, напримѣръ, при перемѣнѣ мѣстности или при совершенномъ измѣненіи образа жизни. Тогда между двумя цѣпями ассоціацій не останется другой связи, кромѣ того, что и та и другая цѣпь возбужденій относятся къ одному и тому же мозгу, къ одному и тому же лицу. Другія, менѣе самостоятельныя цѣпи образуются въ зависимости отъ наиболѣе часто повторяющихся условій появленія и образованія извѣстныхъ впечатлѣній, въ зависимости отъ помѣщенія, окружающихъ лицъ и т. д.

Слѣдовательно, въ мозгу постоянно присутствуютъ слѣды громаднаго количества возбужденій, и естественно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ въ данный моментъ не возникаютъ въ видѣ безпорядочной массы разнаго рода предшествовавшія воз-

бужденія и не является та картина, которая наблюдается въ нѣкоторыхъ душевныхъ болѣзняхъ и называется спутанностью?

По отношенію къ этому вопросу мнѣнія рѣзко раздѣляются. По мнѣнію однихъ, регуляторомъ теченія представленій служитъ воля.

Впервые мы встрѣчаемся съ этимъ понятіемъ именно здѣсь, такъ какъ безъ участія воли правильная психическая дѣятельность считается невозможной.

Въ общихъ чертахъ, всѣ, считающіе участіе воли необходимымъ условіемъ правильнаго теченія психическихъ процессовъ, сходятся во взглядахъ, такъ что совершенно достаточно изложеніе наиболѣе распространеннаго воззрѣнія, и я изложу взглядъ Вундта, тѣмъ болѣе, что у него вопросъ объ участіи воли подвергся наиболѣе тщательной разработкѣ.

По мнѣнію Вундта *), всякое воспріятіе или представленіе можетъ сознаваться то болѣе, то менѣе ясно, въ зависимости отъ направленія на него вниманія.

Изъ ряда одновременныхъ воспріятій или представленій въ сознаніи съ большею ясностью выдѣляются лишь нѣкоторыя, и для большей ясности Вундтъ сравниваетъ сознаніе съ полемъ зрѣнія глаза: въ полѣ зрѣнія мы также имѣемъ болѣе и менѣе ясно воспринимаемыя зрительныя впечатлѣнія, въ зависимости отъ точки фиксаціи глазъ, почему Вундтъ употребляетъ по аналогіи и выраженіе «точка фиксаціи» сознанія. Нѣтъ, впрочемъ, никакой надобности прибѣгать къ аналогіи такого рода. Въ каждый моментъ въ сознаніи нашемъ различаются болѣе ясныя и менѣе ясныя представленія и выраженіе «обратить вниманіе», т.е. стремиться сдѣлать представленія или воспріятія болѣе ясными, понятно въ настоящее время всякому.

Менѣе ясно воспринимаемое Вундтъ называетъ словомъ «перцепція», болѣе ясное—словомъ «апперцепція».

Апперцепція, слѣдовательно, то же самое, что вниманіе, т. е., по Вундту, особаго рода внутренняя дѣятельность.

Вслѣдствіе нѣкоторой неясности способа выраженія Вундта можетъ явиться предположеніе, что апперцепціей могутъ быть называемы также и самыя воспріятія или представленія, сознаваемыя съ

---

*) Вундтъ. Основанія физіологической психологіи. Москва, 1880, стр. 748—852.

наибольшею ясностью. Такъ, напримѣръ, онъ употребляетъ фразу: «апперцепція одного изъ соперничающихъ представленій есть фактъ, опредѣляемый не представленіями, но дѣятельностью апперцепціи», такъ что какъ бы существуютъ два смысла для термина апперцепція. Но это происходитъ только отъ неясности выраженія. Апперцепція Вундта есть дѣятельность, и слово это безъ всякаго ущерба могло бы быть замѣнено словомъ «вниманіе», какъ это дѣлаетъ, впрочемъ, и самъ Вундтъ, говоря: «мы будемъ различать активную и пассивную апперцепцію, или активное и пассивное вниманіе».

Какъ пассивное, такъ и активное вниманіе или апперцепція опредѣляются внутреннею дѣятельностью, такъ что нельзя раздѣлять вниманіе на произвольное и непроизвольное. Разница заключается лишь въ томъ, что при непроизвольномъ вниманіи, или при пассивной апперцепціи, воспринимаются впечатлѣнія единичныя, не нарушаемыя и не вытѣсняемыя другими впечатлѣніями, такъ что при этомъ не происходитъ никакого выбора. При произвольномъ же вниманіи, или активной апперцепціи, всегда находится нѣсколько разнородныхъ впечатлѣній, которыя стремятся вытѣснить другъ друга, такъ что между ними какъ бы происходитъ выборъ. Выборъ этотъ всегда сопровождается особымъ чувствомъ напряженія, которое называютъ напряженіемъ вниманія. Ощущеніе напряженія вниманія обыкновенно появляется вмѣстѣ съ рядомъ иннерваціонныхъ ощущеній во лбу, въ ушахъ, въ глазахъ, отчего и произошло самое названіе «напряженное вниманіе». Въ наибольшей степени такое напряженіе вниманія наблюдается, когда какое-нибудь впечатлѣніе ожидается заранѣе.

Вліянія, отъ которыхъ зависитъ апперцепція, частью внѣшнія, частью внутреннія.

Къ внѣшнимъ относятся главнымъ образомъ: сила впечатлѣній, фиксированіе зрительныхъ объектовъ, движеніе глазъ по контурамъ предметовъ.

Внутреннія условія вниманія или апперцепціи заключаются въ томъ, что мы вызываемъ первоначально воспоминаніе, соотвѣтствующее воспринимаемому впечатлѣнію, которое такимъ образомъ сливается съ нимъ и вслѣдствіе того выигрываетъ въ ясности.

Апперцепція можетъ быть острою или тупою. Острою она будетъ въ тѣхъ случахъ, когда степень напряженія вниманія

вполнѣ соотвѣтствуетъ силѣ впечатлѣнія; въ противномъ случаѣ, она будетъ тупою. Ясность представленія, такимъ образомъ, обусловливается одновременно его силою и остротою апперцепціи.

«Изъ явленій, представляемыхъ дѣятельностью апперцепціи, видно, что дѣятельность эта совпадаетъ съ тою функціею сознанія, которую мы, по отношенію къ внѣшнимъ движеніямъ, называемъ волею. Давно уже признано, что воля можетъ имѣть вліяніе на теченіе нашихъ представленій. Далѣе, изъ наблюденія извѣстно, что произвольнымъ напряженіемъ можно вызвать въ сознаніи опредѣленные образы воспоминанія и фантазіи, существенно усиливая ихъ устремленіемъ на нихъ вниманія. Эта способность, смотря по индивидуальности, различна. У многихъ людей она такъ развита, что образъ фантазіи принимаетъ наконецъ живость галлюцинаціи».

Апперцепція оказываетъ большое вліяніе и на теченіе и группировку представленій. Это именно и есть, по мнѣнію Вундта, тотъ регуляторъ, который не допускаетъ ассоціаціи группироваться безпорядочно, лишь по однимъ законамъ сходства и смежности.

Вся роль ассоціацій сводится къ тому, что онѣ представляютъ собою лишь матеріалъ, изъ котораго дѣлаетъ затѣмъ выборъ апперцепція.

«Изъ множества возможныхъ ассоціаціонныхъ соединеній апперцепція выбираетъ соединенія надлежащія, причемъ представленія вступаютъ между собою въ тѣ же самыя соединенія, какъ и при ассоціаціи. Разница между ассоціативными и апперцептивными соединеніями и представленіями та же, что между активной и пассивной апперцепціей, — между актомъ воли, вытекающимъ изъ одного мотива, и произвольнымъ дѣйствіемъ, или результатомъ выбора между многими мотивами. Кромѣ того, представленія, входящія въ процессъ апперцепціи, представляютъ высшія степени слиянія и конденсированія, т.-е. развиваются въ тѣ психическіе продукты, которые называются понятіями».

Я ограничусь приведенной характеристикой апперцепціи. Уже изъ сказаннаго очевидно, что вся психическая дѣятельность управляется, съ точки зрѣнія Вундта, этою силой, и въ дальнѣйшемъ мы нашли бы только разъясненіе того, какъ всякій отдѣльный психическій фактъ пріурочивается къ этой дѣятельности.

Нужно сказать, что понятіе апперцепціи Вундта не такъ легко усвоивается, такъ какъ оно находится въ значительномъ противо-

рѣчіи съ тѣмъ анализомъ психическаго процесса, который, казалось бы, лежалъ въ основаніи предшествовавшихъ работъ Вундта. Поэтому понятіе объ апперцепціи должно быть усвоиваемо путемъ тщательнаго обсужденія и анализа. Этимъ отчасти я и объясняю, что ученіе объ апперцепціи нашло себѣ большое число послѣдователей. То, что человѣкъ изучаетъ и понимаетъ, онъ весьма прочно удерживаетъ въ памяти. Прочно удержанное въ памяти сочетаніе идей, служащихъ объясненіемъ массѣ отдѣльныхъ психическихъ фактовъ, естественно возникаетъ въ сознаніи всякій разъ, когда тотъ или другой изъ отдѣльныхъ фактовъ представляется наблюденію, и идея апперцепціи возникаетъ, слѣдовательно, множество разъ, почему ее и привыкаютъ считать объясненіемъ.

Если я пытаюсь найти причину того, почему понятіе объ апперцепціи считается объсненіемъ психическаго процесса, то это происходитъ потому, что въ дѣйствительности это понятіе ничего не объясняетъ, и къ тому же ученіе объ апперцепціи находится въ противорѣчіи съ основнымъ методомъ естествознанія, который заключается въ томъ, что объясненіе сложныхъ явленій должно производиться путемъ разложенія ихъ на явленія простыя, а не въ перемѣнѣ словъ, которыми обозначались эти сложныя явленія раньше.

Слово апперцепція замѣнило собою слово воля, причемъ какъ слово воля осталось безъ надлежащаго разъясненія, такъ и слово апперцепція не получило для своей характеристики ничего, что увеличивало бы это разъясненіе.

Изъ одной и той же корзинки, въ одно и то же время, одинъ взялъ себѣ яблоко, другой грушу, а третій ничего. Затѣмъ, взявшій яблоко положилъ его назадъ и взялъ апельсинъ.

Каждый могъ взять себѣ, однако, одинъ изъ нѣсколькихъ сортовъ фруктовъ, которые находились въ корзинкѣ. Значитъ, на лицо всѣ условія для выбора, который каждый и сдѣлалъ для себя, а положившій обратно яблоко сдѣлалъ этотъ выборъ даже два раза.

Слѣдовательно, воля проявила себя съ достаточною ясностью, и если мы спросимъ теперь, почему все совершилось такъ, а не иначе, то, по терминологіи Вундта, намъ надо сказать: каждый дѣйствовалъ подъ направляющимъ дѣйствіемъ активной апперцепціи, обусловившей актъ выбора.

По всей справедливости, такой отвѣтъ нельзя считать объясненіемъ, и я полагаю, что отъ замѣны понятій: вниманіе и воля словомъ «апперцепція» мы ничего не выигрываемъ.

Кромѣ того, апперцепція есть дѣятельность, не заключающаяся въ ассоціаціонномъ процессѣ, но какъ бы откуда то извнѣ регулирующая самый процессъ ассоціацій. Гдѣ же скрывается эта дѣятельность, или эта сила? Если она не заключается въ ассоціаціонныхъ соединеніяхъ, то для нея долженъ имѣться въ мозгу особый центръ, въ свою очередь соединенный съ остальными частями мозга. Если же нѣтъ ни того, ни другого, то апперцепція есть понятіе о силѣ безъ матеріальнаго основанія, безъ субстрата, то-есть понятіе чисто метафизическое, то, что называется deus ex machina,—сила, возникающая неизвѣстно откуда и все устраивающая и приводящая въ порядокъ.

Поэтому, на вопросъ, что придаетъ психическимъ процессамъ тотъ ходъ, который они имѣютъ въ дѣйствительности, и что устраняетъ возможность одновременнаго возникновенія безпорядочныхъ массъ ассоціацій, я не могу отвѣтить, что это дѣлаетъ апперцепція.

Въ человѣкѣ есть одна только сила, сила жизни, общая для него и всего живущаго, и единственный регуляторъ этой силы, существующій въ мірѣ, есть самъ внѣшній міръ.

Мы видѣли, какъ накопляются впечатлѣнія, какъ они группируются между собою, какъ они сохраняются и въ какой связи возстановляются при повтореніи возбужденій.

Обратимъ теперь вниманіе на самыя внѣшнія возбужденія.

Нѣкоторыя изъ внѣшнихъ возбужденій оказываютъ свое дѣйствіе на внутренніе процессы только столько времени, сколько они существуютъ. Прекратится ихъ существованіе,—прекратится и ихъ вліяніе. Сверкнетъ мнѣ въ глаза лучъ солнца,—и я отодвинусь въ тѣнь. Не повторится возбужденіе, и мнѣ не будетъ повода повторять движеніе. Но на нѣкоторое время у меня останется воспоминаніе о бывшемъ возбужденіи. Память эта можетъ сохраняться даже очень долгое время, но, тѣмъ не менѣе, поводовъ для повторенія движенія все-таки уже существовать не будетъ.

Такого рода вліяніе присуще тѣмъ явленіямъ внѣшняго міра, которыя сами имѣютъ временный, случайный характеръ. Воспоминаніе въ такихъ случаяхъ переживаетъ самый фактъ.

Въ другихъ случаяхъ внѣшнія возбужденія продолжаютъ оказывать свое вліяніе и послѣ того, какъ они перестали дѣйствовать на органы чувствъ. Если мнѣ скажетъ кто-нибудь: «дайте мнѣ пить», то извѣстный рядъ психическихъ процессовъ будетъ совершаться у меня и послѣ того, какъ я пересталъ слышать этотъ голосъ, и воспоминаніе объ услышанномъ мною можетъ повести за собой рядъ дѣйствій. Это бываетъ по отношенію къ тѣмъ внѣшнимъ вліяніямъ, которыя не прекращаютъ своего существованія съ прекращеніемъ исходящаго отъ нихъ возбужденія. Здѣсь, слѣдовательно, въ мозгу совершается также ассоціація по одновременности, какъ и въ другихъ послѣдовательныхъ ассоціаціяхъ. Хотя у меня и осталось только воспоминаніе о возбужденіи, но это воспоминаніе относится къ реальному, продолжающему существовать факту. Это обстоятельство и за полученнымъ импульсомъ сохраняетъ его значеніе импульса.

Наконецъ, существуютъ возбужденія, прекращающіяся и вновь возникающія, которыя относятся къ постояннымъ условіямъ нашей жизни. Такія возбужденія могутъ быть стимулами для извѣстнаго ряда психическихъ процессовъ, или перемежающихся въ зависимости отъ возникновенія возбужденій, или постоянныхъ въ зависимости отъ воспоминанія, которое будетъ относиться къ нѣкоторымъ постоянно существующимъ фактамъ.

Хорошимъ примѣромъ можетъ служить слѣдующій фактъ, всѣмъ извѣстный: какъ только является какое-нибудь народное бѣдствіе, эпидемія, напримѣръ, тотчасъ всѣ усилія всѣхъ близко стоящихъ къ дѣлу направляются на борьбу съ этой эпидеміей. Каждый спѣшитъ въ то же время обезопасить себя и готовъ даже на значительныя жертвы: эпидемія существуетъ, и съ ней необходима непосредственная борьба. Черезъ нѣкоторое время эпидемія прекратилась, и почти вслѣдъ затѣмъ прекратились и усилія противъ нея, и самая мысль о ней становится блѣдной. Переставшее дѣйствовать внѣшнее вліяніе исчезло, исчезла и реакція. Все забывается въ большей или меньшей степени, и ничто не забывается такъ прочно и такъ легко, какъ разрушенія, причиненныя смертью. Но вслѣдъ за тѣмъ въ другой мѣстности вспыхнула новая эпидемія. Часть лицъ, боровшихся съ первой, ведутъ борьбу и со второй. Для этихъ лицъ общественное бѣдствіе не уничтожилось, но лишь замѣнилось другимъ. Затѣмъ опять новая эпидемія и т. д., и т. д. Такимъ образомъ, у тѣхъ,

ιмъ приходится постоянно бороться съ такого рода бѣд-
ı, создается группа ассоціацій, имѣющихъ отношеніе уже
одной какой-нибудь эпидеміи, а къ эпидеміямъ вообще, и
вливается идея, что эпидеміи и болѣзни есть постоянное
ь которымъ и бороться надо, разъ борьба вообще возможна,
нно. Эта идея остается, когда эпидемія, непосредственная
ıа этой идеи, уже прекратилась совсѣмъ и когда для дан-
ѣстности наступилъ болѣе или менѣе продолжительный пе-
отдыха. Слѣдовательно, отъ ряда повторяющихся импуль-
ъ дѣятельности остался постоянный слѣдъ, находящійся
мой зависимости отъ характера внѣшняго явленія: этотъ
еръ есть неизбѣжность повторенія, которая представляетъ
фактъ постоянно существующій.
дѣсь, слѣдовательно, возникла ассоціація по одновремен-

онецъ, существуютъ внѣшнія возбужденія, которыя по-
ювали одинъ или нѣсколько разъ, затѣмъ никогда болѣе
вторялись, но которыя продолжаютъ оказывать свое влія-
теченіе всей жизни человѣка. Чаще всего вліяніе такихъ
кденій поддерживается аналогичными послѣдующими воз-
ніями. Таковы, напримѣръ, вліянія воспитанія и примѣра,
ıя въ нѣкоторыхъ случаяхъ остаются постоянными руко-
ими моментами въ дѣятельности и въ распредѣленіи пси-
ихъ процессовъ. Такія вліянія сохраняютъ свое дѣйствіе
потому, что они постоянно поддерживаются въ даль-
й жизни примѣрами и рѣчами другихъ людей. Видоиз-
я этихъ первоначальныхъ вліяній, въ зависимости отъ раз-
источниковъ, обусловливаютъ собою и тѣ видоизмѣненія
ьности и психическаго содержанія, которыя обыкновенно
ιаются у человѣка въ теченіе жизни.
вы внѣшнія вліянія. Къ нимъ нужно прибавить безчи-
е множество разнообразнѣйшихъ импульсовъ, получаемыхъ
тъ другихъ людей въ законченномъ, обработанномъ видѣ,
омѣ словъ, услышанныхъ или прочтенныхъ. Великое зна-
лова не требуетъ разъясненія, и здѣсь довольно упомянуть
томъ, что нерѣдко такими готовыми импульсами опре-
ся почти все психическое содержаніе, которое, естествен-
оказывается иногда весьма случайнымъ и непрочнымъ.
реннимъ условіемъ того, что процессы совершаются въ

извѣстной послѣдовательности и извѣстной зависимости, служитъ свойство дѣятельности центральной нервной системы, которое выражается въ томъ, что одинъ совершающійся въ мозгу процессъ вытѣсняетъ другой, не соединенный съ нимъ ассоціаціонными путями. Мы видѣли, что это вытѣсненіе происходитъ, благодаря функціональной гипереміи, которая имѣетъ рѣшающее вліяніе на процессы, находящіеся между собою въ малой ассоціаціонной связи. Теперь намъ остается только добавить, что та же гиперемія регулируетъ и такъ называемый выборъ ассоціацій.

Напримѣръ, одинъ разъ увидѣвъ апельсинъ, я тотчасъ вспоминаю корзинку, тарелочку, ножикъ для фруктовъ. Другой разъ тотъ же апельсинъ вызоветъ въ моемъ воспоминаніи лотокъ и фигуру разнощика, уголъ Кузнецкаго Моста, картину яснаго солнечнаго дня.

Ассоціаціи живутъ въ нашемъ мозгу группами, и каждой группѣ соотвѣтствуетъ свое физіологическое состояніе, своя функціональная гиперемія, и величайшій недостатокъ анализовъ ассоціацій, который мы встрѣчаемъ даже у опытныхъ и свѣдущихъ авторовъ, заключается въ томъ, что они стремятся устанавливать связь между отдѣльными воспріятіями тамъ, гдѣ существуетъ только связь между группами и гдѣ между отдѣльными воспріятіями въ дѣйствительности нѣтъ никакой связи.

Такъ, напримѣръ, для объясненія, почему при взглядѣ на тучу у насъ является представленіе о зонтѣ, Ціэнъ *) разсуждаетъ такъ. «Я вижу черную тучу. Ассоціація воспринимаетъ это ощущеніе и присоединяетъ къ нему цѣлый рядъ представленій, между прочимъ, также и представленіе дождя. Къ этому представленію присоединяются безчисленныя другія, такъ что надъ порогомъ сознанія постоянно поднимаются или воспроизводятся скрытые образы воспоминанія. За ощущеніемъ черной тучи слѣдуетъ сперва представленіе дождя, а затѣмъ—представленія о желательности возвратиться домой и раскрыть зонтикъ».

Я привожу этотъ примѣръ потому, что онъ очень типиченъ. Въ дѣйствительности дѣло никогда не происходитъ такимъ образомъ. Каждый изъ насъ видѣлъ безчисленное множество разъ черныя тучи и каждый знаетъ, что одинъ разъ туча вызвала

---

*) Ціэнъ. Физіологическая психологія. Спб. 1893.

представленіе о томъ, какъ вы были на охотѣ и промокли до костей, другой разъ такая же туча вызвала воспоминаніе о томъ, какъ вы однажды возвратились за полторы версты съ прогулки, чтобы взять зонтикъ, и дождя однако не было, а зонтикъ вы потеряли. Въ третій разъ такая же туча напомнитъ вамъ, какъ однажды, спасаясь отъ дождя, вы забрались въ татарскую избу въ далекой глуши Россіи и татаринъ спрашивалъ васъ, правда ли, что Москва имѣетъ 40 верстъ въ ширину и 60 въ длину?... Наконецъ, въ большинствѣ случаевъ вы ничего не вспомните. На мгновеніе, при взглядѣ на тучу, у васъ мелькнетъ мысль: пожалуй, будетъ дождь,—и далеко не всегда вы возьмете поэтому зонтикъ. Весьма возможно, что вы тотчасъ же и забудете объ этой тучѣ, и мысль ваша опять направится къ тому, чѣмъ была занята, къ больному, къ которому вы ѣдете, къ вопросу, который вы разрѣшаете.

Между тѣмъ, воспріятіе тучи, дѣйствительно, могло бы связаться съ безчисленнымъ множествомъ представленій, и если этого не происходитъ, то именно потому, что ассоціаціи возникаютъ цѣлыми группами, изъ которыхъ каждой соотвѣтствуетъ опредѣленная функціональная гиперемія, во-первыхъ; во-вторыхъ, потому, что стимулами, получаемыми изъ внѣшняго міра, служатъ не только непосредственныя воспріятія, но также и возбужденія, полученныя раньше. То возбужденіе, которое въ данный моментъ окажется сильнѣе, и дастъ направленіе мыслямъ; тѣ группы ассоціацій, которыя находятся между собою въ ближайшей связи, и будутъ возникать въ сознаніи.

При этомъ необходимо помнить, что возникающія ассоціаціонныя группы никогда не соотвѣтствуютъ вполнѣ дѣйствительнымъ, подѣйствовавшимъ когда-то впечатлѣніямъ, но одна и та же группа ассоціацій, возникая нѣсколько разъ, каждый разъ можетъ возникать съ нѣкоторыми перемѣнами.

Это происходитъ отъ того, что вторичное возникновеніе функціональной гипереміи въ томъ же точно видѣ, какъ и первый разъ, нарушается, во-первыхъ, не всегда одинаковою дѣятельностью сосудистаго центра, вслѣдствіе чего въ распредѣленіи крови можетъ быть незначительная разница. Во-вторыхъ, питаніе нервныхъ элементовъ не всегда одинаково и не всегда равномѣрно, такъ что при одинаковомъ распредѣленіи крови все-таки будетъ невозможна совершенно одинаковая съ прежней дѣятель-

ность клѣтокъ. Наконецъ, съ теченіемъ времени въ клѣткахъ проходятъ нѣкоторыя измѣненія тѣхъ слѣдовъ, которые были оставлены первоначальными возбужденіями, что опять-таки нарушаетъ правильность и точность воспроизведенія.

Между тѣмъ, группы ассоціацій связываются между собою, какъ мы видѣли, послѣдовательною связью. Въ то же время внѣшнія возбужденія повторяются не въ томъ же порядкѣ, какъ раньше,— напротивъ, безконечное разнообразіе природы и жизни дѣлаетъ вторичное переживаніе однихъ и тѣхъ же положеній съ детальными подробностями—невозможнымъ. Вслѣдствіе неправильнаго повторенія внѣшнихъ возбужденій, группы ассоціацій возникаютъ вновь въ неодинаковой послѣдовательности; чѣмъ и объясняется то, что онѣ связываются между собою второй и третій разъ уже иначе, чѣмъ въ первый.

Такимъ путемъ происходитъ перераспредѣленіе ассоціацій и возникновеніе въ сознаніи совершенно новыхъ, никогда не бывшихъ тамъ раньше сочетаній. Поэтому, при возстановленіи такихъ группъ, вновь соединенныхъ между собою, мы можемъ получить иногда соединенія, не имѣющія себѣ въ дѣйствительности никакого соотвѣтствія, напримѣръ, вообразить себѣ локомотивъ, идущій по морю. Это называется продуктомъ фантазіи и есть не что иное, какъ соединеніе по одновременности двухъ не имѣющихъ ничего между собою общаго элементовъ двухъ различныхъ ассоціаціонныхъ группъ, связавшихся по непосредственной послѣдовательности, которая, повторяю еще разъ, есть не что иное, какъ нѣсколько видоизмѣненная одновременность.

Но обычнымъ образомъ мозговая дѣятельность пріурочивается къ дѣйствительно вліяющимъ на насъ возбужденіямъ. Возбуждающіяся при этомъ ассоціаціонныя сочетанія возникаютъ или въ первоначальной формѣ, или по вновь происшедшимъ вслѣдствіи перераспредѣленіямъ и цѣликомъ и частью сплетаются между собою вновь. Весьма рѣдко при этомъ происходитъ точное возстановленіе первоначальныхъ отдѣльныхъ возбужденій по только что указаннымъ основаніямъ, и образующіеся вновь продукты ассоціацій являются иногда въ видѣ совершенно новыхъ образовъ и соединеній. Это уже творческіе акты.

Творчество присуще не только избранникамъ. Это—свойство, общее для всѣхъ людей, но продукты творчества весьма различны. Отъ грубыхъ орудій дикаря до поражающихъ построекъ и

ашинъ современнаго цивилизованнаго человѣка, мы проходимъ ерезъ рядъ продуктовъ творчества, во всѣхъ направленіяхъ и о всѣхъ видахъ ежеминутно проявляющаго себя въ жизни. еловѣкъ не можетъ не творить. Изъ этого слѣдуетъ и тотъ ыводъ, что человѣческій мозгъ никакъ не представляетъ собою юнографъ, какъ любятъ сравнивать нѣкоторые, или фотографи-ескую пластинку, точно сохраняющую и точно и всегда одина-ово воспроизводящую полученное впечатлѣніе. Если уже нужно равненіе, какъ символъ объясненія, то человѣческій мозгъ надо равнить съ неправильнымъ зеркаломъ. Далеко не всѣ предметы тражаются въ неправильномъ зеркалѣ въ видѣ изуродованныхъ игуръ. Среди безконечнаго разнообразія отраженій окажутся такія, которыя точно будутъ соотвѣтствовать дѣйствительности; угія, воспроизводя въ совершенно измѣненномъ видѣ суще-вующую въ дѣйствительности красоту и симметрію, тѣмъ не енѣе имѣютъ свою новую красоту и симметрію; третьи, нако-ецъ, отражаются въ видѣ предметовъ, весьма похожихъ на су-ествующіе въ дѣйствительности предметы, которыхъ, впрочемъ, ѣтъ на-лицо, и т. д.

И всѣ эти вмѣстѣ взятые, столь разнообразные процессы пред-авляютъ собою лишь реакцію на внѣшнія возбужденія.

Невозможность вполнѣ точнаго воспроизведенія полученныхъ озбужденій и чрезвычайная трудность воспроизведенія, болѣе ли менѣе приближающагося къ дѣйствительности, хорошо вы-няются по отношенію къ подражанію.

Стремленіе къ подражанію представляетъ собою основное ойство психической природы человѣка, одинъ изъ наиболѣе стыхъ мозговыхъ рефлексовъ.

Побуждаемый этимъ стремленіемъ, человѣкъ старается возможно чнѣе воспроизвести въ себѣ то, что онъ видитъ въ другихъ одяхъ. Но уже на первыхъ шагахъ самаго элементарнаго подра-анія встрѣчаются непреодолимыя трудности: костюмъ, который къ нравился на другомъ, оказывается совсѣмъ неподходящимъ къ ому, кто хочетъ подражать, вслѣдствіе особенностей роста и ана-омическаго строенія. Прическа, такъ украшающая оригиналъ, со-ершенно безобразитъ копію. Между тѣмъ, только въ зеркало, и то въ весьма несовершенномъ видѣ, человѣкъ видитъ все несоотвѣт-віе своихъ стремленій съ дѣйствительностью, но не всегда онимаетъ это и успокоивается на томъ, чего могъ достичь.

Далѣе затрудненія еще больше. Особенная интонація также повторяется, особыя слова, вставныя преимущественно, повторяются съ большою легкостью, но тѣмъ не менѣе всегда между оригиналомъ и копіей будетъ весьма большая разница, которая сгладится только продолжительными усиліями и безчисленнымъ множествомъ побочныхъ вліяній. И если подражаніе удается легко и быстро, это значитъ обыкновенно, что внутреннія свойства оказались одинаковы, т. е. что оба человѣка, оригиналъ и копія, принадлежатъ къ одному типу,—иначе самыя большія усилія самыхъ понятливыхъ людей не приведутъ къ желаемому результату, какъ, напримѣръ, это можно видѣть на иностранцахъ, у которыхъ очень долго, несмотря на всѣ ихъ усилія, остаются особенности, выдающія ихъ принадлежность къ другому народу.

Въ этомъ отношеніи безъ труда могутъ быть установлены нѣкоторые типы подражанія, сообразно тому, что было сказано нами раньше объ источникахъ происхожденія нашихъ идей.

Тѣ, кто болѣе живетъ впечатлѣніями непосредственно воспринимаемыми, будутъ и первыми въ дѣлѣ подражанія.

Тѣ, кто больше руководствуется впечатлѣніями прежде полученными и болѣе или менѣе стойко установившимися, будутъ съ недовѣріемъ относиться къ новымъ вліяніямъ и будутъ менѣе сильно воспринимать вліянія непосредственныя. Иногда подъ вліяніемъ преобладанія традиціонныхъ вѣрованій и воззрѣній, такой человѣкъ будетъ даже остерегаться допускать до себя новыя впечатлѣнія, зная хорошо ихъ вліяніе въ смыслѣ стремленія къ подражанію. Это, обыкновенно, люди, живущіе прошедшимъ, хранители преданій и нерѣдко враги прогресса.

И во многихъ другихъ отношеніяхъ можно бы воспользоваться приведенными соображеніями въ смыслѣ практическихъ выводовъ, но я предоставляю это читателю.

**А. Токарскій.**

# Философія Лаоси.

*(Окончаніе* [1]*).*

IV.

Философію Лаоси мы можемъ назвать философіей Тао, поэму что это выработанное имъ понятіе служитъ единственной сходною точкой его системы.

Китайское слово Тао или Дао означаетъ: «*путь*», «*повиновеніе*», *слово*», или «*говорить*» —въ общеупотребительномъ языкѣ, «*истина*» ли то, чтó непремѣнно должно быть такъ, а не иначе—въ фиософскомъ смыслѣ; оно же означаетъ *императивный долгъ*, или о, что человѣкъ долженъ дѣлать, какъ человѣкъ,—въ этичекомъ смыслѣ.

Такимъ образомъ, одно уже филологическое объясненіе, замствованное изъ китайскаго толковаго словаря Ко-ки, ясно юказываетъ разнообразный смыслъ слова Тао.

До времени философской дѣятельности Лаоси слово Тао (или, ѣрнѣе, То или До) употреблялось только въ двухъ смыслахъ: ) дорога, или путь; 2) императивный долгъ человѣка [2]). Нашъ философъ впервые обозначилъ этимъ словомъ сверхъ-чувственое существо и положилъ его въ основаніе своей системы, гдѣ ѣтъ ни одной мысли, которая не была бы такъ или иначе свяана съ ученіемъ о Тао. Выработанное Лаоси метафизическое онятіе Тао вполнѣ самостоятельно и носитъ на себѣ, какъ видно

---

[1]) См. «Вопросы Фил. и Психол.» 1893, кн. 3 (18).

[2]) Это ясно видно изъ священныхъ книгъ китайцевъ: «Сикинга», «Икина» и др.

будетъ изъ дальнѣйшаго нашего изложенія, индивидуальную его печать.

Философію Лаоси можно раздѣлить на двѣ части: *метафизику Тао* и *этику*. Первая изъ нихъ, въ свою очередь, распадается на *ученіе о Тао* и *космологію;* вторая — на этику *индивидуальную* и *соціальную*.

Изъ этихъ частей философіи Лаоси наибольшій интересъ представляетъ для насъ его этическое ученіе, такъ какъ въ немъ особенно проявились сила и оригинальность ума Лаоси. Поэтому я сначала изложу нравственное ученіе его, а потомъ — метафизическое ученіе о Тао и космологію.

## Этика Лаоси.

### 1. Общія положенія ученія о нравственности.

Мрачная картина человѣческой жизни навела Лаоси на размышленія. Внимательное наблюденіе человѣческой жизни, съ цѣлью найти причины нравственнаго паденія современнаго ему общества, привело его къ мысли выработать ученіе, которое могло бы направить человѣка на путь истины. Это стремленіе Лаоси и отразилось на всей его этической системѣ.

Лаоси признаетъ глубокую испорченность нравственной природы людей и возмущается этимъ явленіемъ. Но въ противоположность Шакья Муни, утверждавшему, что зло лежитъ въ самомъ существованіи человѣка и что поэтому нѣтъ иного спасенія, кромѣ «нирваны», Лаоси, хотя и признаетъ существованіе зла въ мірѣ и его могущество, однако допускаетъ возможность побѣды надъ нимъ и совершенія добрыхъ дѣлъ. Творить добро или зло, по мнѣнію его, зависитъ отъ доброй воли каждаго. Эту мысль онъ метафорически излагаетъ въ одномъ изъ афоризмовъ. «*Большая дорога,* — пишетъ онъ, — *гладка и ровна, но люди любятъ ходить по тропинкамъ*» [1]). Идти по большой дорогѣ значитъ здѣсь — дѣлать добро, а идти по тропинкамъ — творить зло. Признавая такимъ образомъ возможность нравственнаго выбора въ человѣкѣ, нашъ философъ приступилъ къ выработкѣ своей нравственной системы, положивши въ основаніе ея понятіе Тао.

Лаоси смотритъ на нравственность, какъ на нѣчто возвышен-

[1]) «Трактатъ о нравственности». LIII.

ное и духовное. Въ одномъ изъ афоризмовъ онъ ясно отмѣчаетъ, что нравственность не имѣетъ ничего общаго со всѣмъ матеріальнымъ [1]). Такой взглядъ на самую сущность нравственности имѣлъ для нашего философа громадное значеніе при опредѣленіи нравственнаго идеала. И вотъ, Лаоси утверждаетъ, что всевышнее существо, Тао, и должно быть идеаломъ нашей нравственной жизни. Это ученіе очень ясно и рѣшительно высказано имъ въ слѣдующемъ изреченіи: «*Живущій по Тао равенъ Тао*» [2]),—выраженіе, которое невольно напоминаетъ великое изреченіе Христа Спасителя: «будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный» [3]).

Опредѣливъ такъ нравственный идеалъ, Лаоси указалъ людямъ на путь безконечнаго нравственнаго усовершенствованія: какъ бы высока ни была достигнутая нами ступень нравственности, каждому изъ насъ всегда остается желать еще лучшаго. Эту мысль очень хорошо выражаетъ Лаоси слѣдующими словами: «Исполняющій Тао никогда не бываетъ доволенъ собой» [4]).

Принципъ нашей нравственности — также *Тао*, понимаемое въ смыслѣ безусловнаго добра. «*Высоконравственный,*—пишетъ Лаоси,—*повинуется только одному Тао*» [5]). Правда, Лаоси весьма сочувственно относится къ нравственному принципу «Срединѣ» [6]), но Лаосіевская средина не есть искусственная и абстрактная средина Конфуціанства, которое опредѣляетъ ее: «ни къ чему не склоняться—средина» [7]). Послѣдняя мыслима, но не исполнима; Лаосіевская же средина есть разумное воздержаніе отъ крайностей.

По ученію Лаоси, мѣриломъ добра и зла должно быть Тао. Въ нравственной дѣятельности согласное съ Тао—добро, а противное ему—зло. Другими словами, вполнѣ естественное—добро, а противоестественное—зло [8]). Данный въ Тао критерій нашъ

---

1) Ibid. LXV, XXV.

2) Ibid. XXIII.

3) Ев. отъ Мѳ. 5, 48.

4) «Тракт. о нравств.». XV.

5) Ibid. XXI.

6) Ibid. V. Въ этомъ афоризмѣ говорится, между прочимъ: «Лучше всего соблюдать средину».

7) «Средина и постоянство». I.

8) См. «Тракт. о нравств.», LXIV.

философъ называетъ голосомъ истины, который врожденъ душѣ каждаго. Голосъ истины—это, по христіанской терминологіи, внутренній человѣкъ, который произноситъ свой рѣшительный судъ надъ каждымъ дѣйствіемъ человѣка. Эту мысль Лаоси выражаетъ въ метафорическомъ сравненіи. «Небесная сѣть (т. е. голосъ истины),—говоритъ онъ,—не плотна и будто бы пропускаетъ все (т.-е. добрыя и дурныя мысли людей) сквозь себя, но на самомъ дѣлѣ ничего не выйдетъ изъ нея» [1]) (т.-е. безъ его приговора).

Несмотря на то, что этотъ голосъ истины рѣшителенъ и строгъ онъ осуществляется съ трудомъ и нерѣдко заглушается голосомъ, лжи. «Голосъ истины, -- говоритъ Лаоси,—неизященъ» [2]), поэтому намъ онъ непріятенъ, а голосъ лжи соблазнителенъ, поэтому—пріятенъ. Слушаться непріятнаго голоса и не слушаться пріятнаго—долгъ человѣка, ибо «творить пріятное,—говорится въ Таотекингѣ,—называется нечистотою» [3]). Поэтому Лаоси учитъ, чтобы всѣ люди были внимательны къ суровому голосу истины.

Мнѣніе Лаоси о тѣхъ условіяхъ, при какихъ возможно достигнуть высокой нравственности, довольно оригинально. Главнымъ препятствіемъ нравственному совершенствованію онъ считаетъ ученье и умствованіе, которыя приводятъ людей только въ заблужденіе и заглушаютъ врожденное человѣческой душѣ Тао. Поэтому Лаоси является ярымъ противникомъ всякаго рода умствованія. «Когда будетъ уничтожено ученіе, —пишетъ онъ,—то печали не будетъ» [4]). «Когда великое Тао (т.-е. праздное умствованіе или ученіе), иронически говоритъ онъ, будетъ покинуто, то явится человѣчность» [5]). «Когда будутъ оставлены святость и мудрость,—говорится въ одномъ изъ изреченій Лаоси,—то нравственная польза народа увеличится во сто разъ» [6]).

Ученіе и умствованіе, по мнѣнію нашего философа,—напрасная трата силъ и времени; поэтому онъ совѣтуетъ, чтобы всѣ бросили ученіе и умствованіе и *прямо творили дѣла* по Тао.

---

1) Ibid LXXIII.
2) Ibid. LXXXI, LXXVIII.
3) Ibid. LV.
4) Ibid. X, XX.
5) Ibid. XVIII.
6) Ibid. XIX. Лаоси подразумѣваетъ въ двухъ вышеприведенныхъ изреченіяхъ подъ «великимъ Тао» и «святостью и мудростью» такъ называемое «Ученіе блаженнѣйшихъ царей».

Это, по мнѣнію Лаоси, и есть истинная проповѣдь о Тао: «ученіе безъ словъ (дѣлà) и бездѣятельность (дѣятельность безъ умствованія) полезнѣе всего существующаго между небомъ и землею» [1]).

## 2. Индивидуальная этика.

Нашъ философъ, какъ и другіе китайскіе мыслители, придавалъ большое значеніе соціальной (государственной и политической) этикѣ, но тѣмъ не менѣе, онъ очень хорошо понималъ и важность индивидуальной нравственности. Личность, по Лаоси, это—основаніе общества, поэтому и индивидуальная этика есть основаніе соціальной. Занимающійся рѣшеніемъ вопросовъ изъ области соціальной этики не можетъ не касаться индивидуальной. И вотъ почему Лаоси прежде всего и болѣе всего устанавливаетъ начала индивидуальной нравственности.

1. Лаоси думаетъ, что *страсти*—источникъ всякаго зла въ индивидуальной нравственности; «нѣтъ грѣха тяжелѣе страстей», говоритъ онъ [2]); поэтому онъ относится къ нимъ очень строго. Прежде всего, страсти, по мнѣнію Лаоси, затемняютъ очи разума. «Свободный отъ страстей,—говоритъ онъ, видитъ величественное проявленіе Тао, а находящійся подъ вліяніемъ какой-нибудь страсти видитъ только незначительное проявленіе (его)» [3]): находящійся подъ вліяніемъ страсти не можетъ достигнуть даже самой очевидной истины. Точно также и въ нравственномъ отношеніи: находящійся подъ вліяніемъ страсти не можетъ творить истинно нравственныхъ дѣлъ. Поэтому онъ учитъ избѣгать всякой крайности, которая и есть страсть: «мудрецъ,—пишетъ Лаоси,—избѣгаетъ всякой крайности» [4]). Итакъ, мы должны уничтожить страсти, чтобы достигнуть нравственнаго совершенства, и когда въ мірѣ не будетъ страстей, то будетъ повсемѣстное спокойствіе, и на всей землѣ будетъ правда [5]).

Но наша нравственная природа слишкомъ испорчена и слаба для того, чтобы сразу достигнуть высокой степени нравственной жизни, побѣждая всякаго рода страсти. Поэтому мы должны побѣждать ихъ постепенно и достигать нравственнаго совер-

---

[1]) «Тракт. о нравств.», XLIII.
[2]) Ibid. XLVI.
[3]) Ibid. I.
[4]) Ibid. XXIX.
[5]) Ib. XXVII.

шенства, начиная съ низкой ступени, и потомъ идти выше и выше. Это ученіе онъ разъясняетъ слѣдующими сравненіями. «Девятиэтажная башня,—пишетъ онъ,—создается изъ клочковъ земли; чтобы пройти тысячу верстъ, нужно начать съ одного шага» [1]); «не трудно,—говоритъ онъ въ томъ же афоризмѣ,—держать легкое».

Эта идея Лаоси въ наше время нашла провозвѣстника въ лицѣ гр. Л. Н. Толстого, который также совѣтуетъ начинать дѣло нравственнаго усовершенствованія съ низшей ступени [2]). «Есть лѣстница добродѣтели—пишетъ гр. Л. Н. Толстой,—и надо начинать съ первой ступени». Этою первою ступенью нравственной жизни какъ Лаоси, такъ и гр. Л. Н. Толстой считаютъ *воздержаніе*. «Воздержаніе, — учитъ Лаоси, — первая ступень нравственности» (добродѣтели) [3]). «Помимо воздержанія,—пишетъ гр. Толстой,—немыслима никакая добрая жизнь».

2. Лаоси считаетъ высокимъ нравственнымъ достоинствомъ человѣка *простоту сердца*. Простота сердца потому есть высшая добродѣтель, что очень близко стоитъ къ Тао, къ естественности. Безъ простоты сердца, по ученію Лаоси, никто не можетъ достигнуть нравственнаго совершенства. Человѣкъ высокой нравственности,—учитъ нашъ философъ,—«возвратится къ совершенной простотѣ» [4]). Эта *простота сердца*, впрочемъ, не есть грубое невѣжество, а, напротивъ, блаженная и невинная простота. «Кто вполнѣ духовенъ (т.-е. нравственъ),—учитъ Лаоси,—тотъ бываетъ смиренъ, какъ младенецъ» [5]). «Достигшій высокой нравственности, говоритъ онъ въ другомъ афоризмѣ, — похожъ на младенца» [6]) Такой человѣкъ даже не только похожъ на младенца, но «возвратится въ состояніе младенца» [7]).

3. Лаоси провозглашаетъ великое нравственное значеніе *смиренія*, которое находится въ органической связи съ простотою сердца, составляя ея естественное послѣдствіе.

Сущность этого ученія очень ясно выражена въ одномъ изъ

---

1) «Тракт. о нравств.» LXIV.
2) «Первая ступень». Вопросы Философіи и Психологіи, кн. 13, стр. 129.
3) «Тракт. о нрав.» LIX.
4) «Тракт. о нравств.» XXVIII.
5) Ibid. X.
6) Ibid. LV.
7) Ibid. XXVIII.

афоризмовъ Лаоси: «Міръ смиренъ, пишетъ онъ, всѣ люди ѣздятъ и бѣгаютъ надъ его твердыней» [1]). Другими словами, міръ охотно стоитъ ниже всѣхъ существъ, но никогда не жалуется на это. Такому смиренію міра мы должны подражать, потому что «кто желаетъ быть великимъ, тотъ долженъ быть ниже всѣхъ» [2]).

Ту же мысль онъ повторяетъ метафорически: «причина того, что рѣки и моря суть цари многочисленныхъ долинъ, заключается въ томъ, что первыя находятся ниже послѣднихъ» [3]). Лаоси указываетъ на Тао, какъ на примѣръ смиренія. Тао,—по ученію его,—совершаетъ великія дѣла, но оно не выставляетъ себя [4]). «Не хвалиться тѣмъ, что сдѣлано, говоритъ онъ, не начальствовать надъ другими, превосходя ихъ,—небесная добродѣтель» [5]). Какъ примѣръ или образецъ смиренія, Лаоси выставляетъ воду. «Вода,—пишетъ онъ,—давая всѣмъ существамъ обильную пользу, не сопротивляется ничему» [6]).

Наихудшимъ порокомъ Лаоси считаетъ *гордость*, противоположную, по своему существу, смиренію. Свое отвращеніе къ этому пороку Лаоси выражаетъ слѣдующею метафорой: «Я не желаю быть гордымъ, какъ драгоцѣнный камень» [7]). Чтобы преодолѣть этотъ порокъ, прежде всего нужно не выставлять себя, признавая достоинства другихъ. «Кто дѣлаетъ видъ, будто бы много знаетъ,—пишетъ Лаоси,—и ко всему способенъ, тотъ ничего не знаетъ» [8]). «Зная много,—пишетъ онъ въ другомъ афоризмѣ,—жить будто ничего не знаешь—верхъ совершенства» [9]). Какъ средство предотвращенія гордости, Лаоси предлагаетъ *знать свое мѣсто*.

4. Разсужденіе Лаоси *о почести и славѣ* находится въ тѣсной связи съ ученіемъ его о простотѣ сердца и смиреніи. Знатность, извѣстность и величіе этого міра, по мнѣнію Лаоси, не суть истинныя почесть и слава, ибо онѣ противорѣчатъ смиренію

[1]) «Тр. о нр.». XLIII.
[2]) Ibid. LXI.
[3]) Ibid. LXVI.
[4]) Ibid. LI.
[5]) Ibid. X, II.
[6]) Ibid. VIII.
[7]) Ibid. XXXIX.
[8]) Ibid. X, XXIV.
[9]) Ibid. LXXI.

Тао. Почесть и слава этого міра слишкомъ непостоянны и неопредѣленны; въ нихъ нѣтъ ничего существеннаго, поэтому онѣ противоестественны, а слѣдовательно, грѣховны. Этотъ взглядъ и служилъ исходною точкой мнѣнія Лаоси, что *незнатность и неизвѣстность есть истинная почесть и слава человѣка.*

Съ другой стороны, *позоръ и оскорбленіе* въ этомъ мірѣ не есть дѣйствительный позоръ и оскорбленіе. Поэтому Лаоси относится къ нимъ какъ къ чему-то крайне призрачному: «почесть и позоръ,—пишетъ онъ,—одинаково странны для мудреца» [1]).

5. Лаоси не только проповѣдникъ простоты и смиренія, но и провозвѣстникъ *самоотверженнаго человѣколюбія*. Основаніемъ этого ученія служитъ Тао, которое не заботится о самомъ себѣ, а только о другихъ. «Тао сотворило всѣ существа, а добродѣтель (его) кормитъ ихъ; они даютъ имъ вещественную форму, а могущество (ихъ) совершенствуетъ вещи» [2]).

Эта любовь Тао ко всѣмъ существамъ [3]) должна быть образцомъ нашего человѣколюбія, которое Лаоси называетъ человѣколюбіемъ о Тао.

Истинное человѣколюбіе должно быть самоотверженной любовью. «Святой заботится о себѣ послѣ другихъ» [4]). Такое человѣколюбіе должно быть, по своему существу, всеобъемлющимъ и не должно знать границъ. Эта идея выражена въ слѣдующемъ сравненіи. «Небесное Тао,—пишетъ онъ,—не имѣетъ родственниковъ (которымъ оно могло бы оказывать преимущество передъ другими): оно всегда склоняется къ добрымъ людямъ» [5]). Значитъ, Тао чуждо несправедливости: оно ко всѣмъ относится одинаково.

Самое высокое человѣколюбіе это—любовь ко врагамъ. Истинно любящій не долженъ исключать изъ своей любви даже ненавидящихъ его самого. «За ненависть,—учитъ Лаоси,— платите добромъ» [6]),—ученіе, очень напоминающее христіанскую заповѣдь о любви къ врагамъ.

---

1) «Трактат. о нравств.» XIII.
2) Ibid. LI.
3) Ibid. LXXVII, XXIV.
4) Ibid. VII, LXXVII и мн. др.
5) Ibid. LXXIX.
6) Ibid. LXIII.

Конечно, Лаосіевская формула ученія и любви ко врагамъ менѣе жизненна и содержательна, чѣмъ заповѣдь Христа, но тѣмъ не менѣе нельзя не подивиться тому, что эта великая, гуманная истина въ VI в. до Р. X. была проповѣдана китайцамъ чрезъ ихъ національнаго философа.

### 3. Соціальная этика.

Лаоси думалъ, что общество съ его вождемъ—царемъ—можетъ въ значительной мѣрѣ способствовать осуществленію ученія объ индивидуальной морали. Поэтому Лаоси серьезно занимался рѣшеніемъ вопроса объ общественномъ строѣ.

По мнѣнію Лаоси, общественный строй требуется естественнымъ порядкомъ міра, и безъ управленія никакое общество существовать не можетъ.

Признаніе законности государственнаго строя привело Лаоси къ признанію монархизма. Монархія, по мнѣнію Лаоси, болѣе другихъ формъ правленія способна привести людей къ единству, которое и есть міровой законъ [1]). Другими словами: какъ единое Тао приводитъ въ порядокъ всѣ существа, такъ и на землѣ единое управленіе должно приводить всѣхъ людей въ единство. *Царь*, по мнѣнію Лаоси, стоитъ на недосягаемой для насъ высотѣ. «Четыре величія въ мірѣ,—пишетъ онъ:—Тао, небо, земля и царь» [2]).

Это мнѣніе Лаоси основано на томъ, что царь, стоя во главѣ народа и будучи повелителемъ его, могъ бы нравственно повліять на своихъ подданныхъ; слова и дѣла его могли бы быть примѣромъ и образцомъ для всѣхъ [3]). Поэтому, онъ предлагаетъ царю быть особенно внимательнымъ къ себѣ и преподаетъ цѣлую систему о морали царя.

Прежде всего, Лаоси выставляетъ Тао, какъ идеалъ царя. Онъ совѣтуетъ царю во всѣхъ отношеніяхъ подражать Тао.

Онъ учитъ, чтобы царь соблюдалъ бездѣятельность. Это видно изъ слѣдующаго изреченія его: «Тао ничего не дѣлаетъ, поэтому оно дѣлаетъ все» [4]). Нужно замѣтить, что ничего не дѣлать, или быть бездѣятельнымъ, по Лаоси, не значитъ нахо-

---

[1]) Ibid. XXXIX.
[2]) Ibid. XXV.
[3]) Ibid. LXV.
[4]) Ibid. XXVII.

диться безъ движенія, а напротивъ—дѣйствовать, но безъ празднаго умствованія. «Управляющій страной посредствомъ умствованія,—учитъ Лаоси,—погубитъ ее. Когда страна управляется безъ умствованія, то въ ней будетъ благоденствіе» [1]. Очевидно, что Лаоси смотрѣлъ на ученіе и умствованіе, какъ на соціальное зло. Умствованія, по мнѣнію Лаоси, омрачаютъ очи разума и приводятъ людей въ заблужденіе, могущее нравственно погубить ихъ.

Отрицательное отношеніе Лаоси ко всякаго рода умствованію привело его къ крайности—къ полному отрицанію всякой образованности. Онъ думалъ, что образованность и просвѣщеніе нарушаютъ счастіе человѣка. Поэтому онъ совѣтуетъ царямъ держать народъ въ разумномъ невѣжествѣ [2] и естественной простотѣ, въ которой и заключается блаженство людей.

Будучи проповѣдникомъ простоты и естественности, Лаоси не могъ сочувственно относиться къ сложнымъ законамъ и мелочнымъ постановленіямъ: онъ считаетъ ихъ началомъ соціальнаго зла. «Когда въ государствѣ много законовъ и постановленій,—учитъ онъ,—то число воровъ (т. е. вообще преступниковъ) увеличивается».

Продолжая дальше развивать свою идею о простотѣ и естественности, Лаоси доходитъ до отрицанія богатства. Драгоцѣнныя вещи обольщаютъ сердце человѣка и приводятъ его къ желанію завладѣть ими; это, въ свою очередь, ведетъ человѣка къ преступленію. Эта мысль очень ясно выражена въ слѣдующихъ афоризмахъ: «чтобы люди не сдѣлались ворами,—пишетъ Лаоси,—нужно не придавать никакого значенія трудно добываемымъ (т.-е. цѣннымъ) вещамъ» [3]; «когда будутъ оставлены выгоды, то воровъ не будетъ» [4])

Въ соціальной этикѣ болѣе всего занимаетъ нашего философа вопросъ о войнѣ. Этому много способствовали историческія обстоятельства, современныя ему. Война, по его взгляду, незаконна, и убивать людей—непростительное преступленіе; война есть жестокое нарушеніе естественнаго теченія природы, созданной Тао, и противна существу Тао, т. е. абсолютному доб-

1) Ibid. LXV.
2) Ibid. III.
3) Ibid. III.
4) Ibid. XIX.

ру. И вотъ, Лаоси пишетъ: «еслибы (война) была добро, то нужно было бы радоваться ей, но радуется ей лишь любящій убивать людей» [1]). Слѣдовательно, она противоестественна и преступна. Война—это величайшая несправедливость и бѣда. Вотъ почему нашъ философъ учитъ: «когда война окончится побѣдой, то слѣдуетъ объявить всеобщій трауръ».

При такомъ взглядѣ на войну, Лаоси не могъ одобрить и орудія войны—войска. Свое полное отвращеніе къ нему онъ выражаетъ слѣдующими словами: «войско есть орудіе нечестивыхъ, поэтому не можетъ быть орудіемъ мудрыхъ» [2]).

Хотя Лаоси принципіально отрицаетъ войну, но тѣмъ не менѣе сила современныхъ ему историческихъ условій заставила его разсмотрѣть вопросъ: какая война менѣе беззаконна. Онъ считаетъ менѣе беззаконной войной *оборонительную*, а наиболѣе беззаконной—войну наступательную. Объ этомъ очень хорошо высказано имъ въ слѣдующемъ изреченіи: «Когда цари и князья заботятся объ оборонѣ, то сама природа сдѣлается помощницей ихъ» [3]).

Вотъ бѣглое обозрѣніе нравственнаго ученія Лаоси.

Мнѣніе Лаоси, что нравственная природа человѣка повреждена но еще не лишена возможности достигнуть относительнаго нравственнаго совершенства, сразу, безъ сомнѣнія, поставило его на правильную точку зрѣнія о сущности морали. Отправляясь отъ этой точки зрѣнія, онъ выработалъ себѣ рядъ вѣрныхъ взглядовъ на сущность нравственности. Таковы, напримѣръ, его ученія объ идеалѣ и критеріяхъ нравственности и оцѣнки нравственныхъ дѣйствій человѣка.

Сравнивая древнѣйшія ученія о нравственности, мы ясно увидимъ, что Лаосіевская моральная система выдѣляется изъ нихъ всѣхъ. Не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что до появленія христіанства не было такого возвышеннаго и стройнаго нравственнаго ученія, какъ система Лаоси. Правда, Шакія Муни также проповѣдовалъ возвышенное нравственное ученіе; но въ немъ много противорѣчій и преувеличеній, которыхъ въ системѣ Лаоси почти нѣтъ. Хотя еврейская мораль стояла, пожалуй, выше буддійской, но въ ней проповѣдовалось ученіе: «око за око и зубъ за зубъ»,

---

[1]) «Тракт. о нравст.». XXXI.
[2]) Ibid. XXXI.
[3]) Ibid. XXXII.

чего нашъ философъ не допускалъ: онъ проповѣдывалъ самоотверженное человѣколюбіе и любовь ко врагамъ [1]).

Этика Лаоси представляетъ собою не какіе-нибудь случайные уроки о нравственности, а строго логическій выводъ изъ его метафизической системы, которая также не лишена нѣкотораго интереса. Къ ней мы теперь и перейдемъ.

## Метафизика Лаоси.

### I. Ученіе о Тао.

Изъ древнѣйшихъ китайскихъ философовъ одинъ только Лаоси хотѣлъ открыть начало міра чисто умозрительнымъ путемъ. Онъ не могъ довольствоваться конкретнымъ объясненіемъ міра. Ему думалось, что существуетъ высшій міръ, который открывается только нашему разуму. Видимое бытіе, думалъ Лаоси, ограничено и конечно, слѣдовательно, и не вѣчно; если оно не вѣчно, то должно имѣть начало; если оно имѣетъ начало, то подлежитъ разрушенію, но разрушеніе мыслимо только тогда, когда существуетъ неразрушимое; конечное мыслимо только тогда, когда существуетъ безконечное [2]).

Объ этомъ неразрушимомъ и безконечномъ говоритъ нашъ философъ слѣдующимъ образомъ: «верхъ не ясенъ, низъ не теменъ. О, безконечное! нельзя назвать его именемъ» [3]). «Оно не уловимо [4]), — пишетъ онъ въ другомъ афоризмѣ. — Оно не имѣетъ имени, но люди его называютъ Тао» [5]).

Что такое, спрашивается, Тао? «Тао, учитъ Лаоси, которое должно быть дѣйствительнымъ, не есть обыкновенное Тао» [6]). «Тао пусто» [7]), т.-е. оно — чистѣйшій духъ [8]), въ которомъ отсутствуетъ всякая матеріальность. Оно — «безконечная глубина» [9]), поэтому «неуловимо, какъ блескъ свѣта» [10]).

---

[1]) «Тракт. о нравст.» LXIII.
[2]) Ibid. LIX, XXV.
[3]) Ibid. XIV.
[4]) Ibid XXI.
[5]) Ibid. XXV, XXXII, LXI.
[6]) Ibid. I.
[7]) Ibid. IV.
[8]) Ibid. VI.
[9]) Ibid. IV.
[10]) Ibid. XXI.

Признавая Тао безконечнымъ и чистѣйшимъ духомъ, Лаоси приходитъ къ логически необходимому выводу, что оно существо высочайшее [1]) и абсолютное. Это свое торжественное исповѣданіе онъ излагаетъ слѣдующими словами: «невозможно даже вообразить, что существуетъ что-нибудь выше его (Тао)».

Если Тао существо абсолютное, то оно должно быть единымъ и кромѣ него не можетъ быть другого. Эту мысль Лаоси доказываетъ тѣмъ, что по существу своему Тао—чистѣйшій духъ, который имѣетъ внутреннее единство и не дѣлимъ [2]).

О непостижимости Тао Лаоси образно выражается слѣдующимъ образомъ: встрѣчаясь съ нимъ (Тао), не видать лица его; слѣдуя за нимъ, не видать его спины [3]).

Хотя Тао невидимо для нашихъ очей и непостижимо для нашего ума, но великія дѣла его видны и осязательны для насъ. «О, безпредѣльно великое Тао!—восклицаетъ нашъ философъ, ты и справа и слѣва» [4]). «Оно какъ будто не дѣйствуетъ, но дѣйствуетъ лучше всѣхъ» [5]).

Правда, видимая природа (т. е. великія дѣла Тао) провозглашаетъ о существованіи Тао, но это не существенно, ибо нашъ омраченный многими заблужденіями разумъ могъ бы не замѣтить этого. Гораздо существеннѣе и сильнѣе проповѣдь о Тао нашей души, чѣмъ видимой природы. Отсюда Лаоси твердо признаетъ врожденность въ человѣкѣ идеи о Тао. Онъ думаетъ, что эта врожденная душѣ идея такъ ясно говоритъ каждому изъ насъ о величіи Тао, что будетъ излишне вновь проповѣдсвать о немъ. Никогда не проповѣдовалось,—учитъ нашъ философъ,—что надо почитать и уважать Тао, но это совершалось и совершается само собой [6]).

Опредѣливши такимъ образомъ, существо Тао, насколько разуму дано его знать, Лаоси идетъ дальше: онъ опредѣляетъ аттрибуты Тао.

Абсолютное Тао не можетъ быть существомъ зависимымъ отъ другихъ: оно, уже какъ таковое, должно существовать отъ са-

---

1) «Тракт. о нравст.» XVII.
2) Ibid. VI, X.
3) Ibid. XIV.
4) Ibid. XXXIV.
5) Ibid. LXXIII.
6) Ibid. LI.

мого себя. Еслибъ оно было не самобытнымъ существомъ, то оно не было бы абсолютнымъ бытіемъ. Ученіе Лаоси: «Тао самобытно» [1]) есть строго логическій выводъ изъ признанія абсолютности его.

Абсолютное и самобытное Тао, по мнѣнію нашего философа, не можетъ быть существомъ ограниченнымъ и конечнымъ. Это привело его къ признанію безконечности и безпредѣльности Тао. «О безпредѣльно великое Тао» [2]). «Оно идетъ, совершая безконечный кругъ, и не знаетъ края [3]).

Лаоси допускаетъ третій аттрибутъ Тао—всемогущество [4]). Хотя Тао, по Лаоси, кажется существомъ слабымъ и нѣжнымъ, такъ какъ оно—безтѣлесный духъ, но слабость и нѣжность его сильнѣе могущественнѣйшихъ силъ міра сего [5]).

Признавъ Тао существомъ безпредѣльнымъ, т.-е. стоящимъ выше условія пространственности, Лаоси не могъ думать, что Тао подлежитъ условію времени. И дѣйствительно, онъ въ одномъ изъ афоризмовъ ясно учитъ, что Тао—вѣчное бытіе и поэтому не знаетъ ни измѣненія, ни переворота. Великое и безконечное Тао,—пишетъ онъ,—слѣдуетъ признать вѣчнымъ [6]). Тао «слабо и нѣжно», а «слабое и нѣжное живетъ» [7]). «Тао самобытно, поэтому не знаетъ переворота» [8]).

Такимъ образомъ, метафизическая система, развитая Лаоси, представляетъ собою послѣдовательное и цѣльное ученіе о единомъ Верховномъ Существѣ, подобное тому, до котораго возвысилась греческая философія въ эпоху своего расцвѣта. Но преимущество Лаоси въ томъ, что онъ одинъ, силою личнаго ума, развилъ ученіе, до котораго греческая философія дошла лишь совокупными усиліями и въ историческомъ ростѣ.

### 2. Космологія Лаоси.

Нашему философу казалось непримиримымъ противорѣчіемъ признавать вѣчность и безконечность матеріи (или вещи, по его

---

1) «Тракт. о нравств.» XXV.
2) Ibid. XXXIV.
3) Ibid. XXV.
4) Ibid. LXXIII.
5) Ibid. XXV.
6) Ibid. XXXII.
7) Ibid. LXXVIII, LXXVI.
8) Ibid. XXV.

терминологіи). Безпрестанное движеніе, видоизмѣненіе и перевороты въ вещественномъ мірѣ для него были неоспоримымъ доказательствомъ того, что вещество условно и подлежитъ законамъ пространства и времени, слѣдовательно—невѣчно и конечно. Отсюда—естественный выводъ, что вещество, какъ невѣчное и конечное, несомнѣнно имѣетъ свое начало, которое предполагаетъ Творца. И дѣйствительно, Лаоси признаетъ Творцомъ всего существующаго абсолютное и всемогущее Тао. Вся тварь,—думаетъ онъ, — появилась на свѣтѣ, благодаря ему [1]).

О происхожденіи вещества нашъ философъ учитъ слѣдующимъ образомъ: «Тао сотворилъ одно, одно—два, два—три, а три—весь вещественный міръ» [2]). Это значитъ, что Тао создало единое, т.-е. несложное, которое не есть еще видимое, осязаемое вещество и есть небытіе. Такъ какъ небытіе—отрицаніе бытія—заключаетъ въ себѣ элементъ отрицаемаго, то изъ него же произошелъ и весь видимый міръ [3]).

О вѣрности нашего пониманія вышеприведеннаго изреченія Лаоси свидѣтельствуетъ слѣдующая мысль его: «всѣ вещи,—говоритъ онъ,—произошли изъ бытія, и бытіе—изъ небытія» [4]).

Первоначальное вещество, или матерія, находилось въ хаотическомъ состояніи [5]). Эта хаотическая масса, по мнѣнію Лаоси, заключала въ себѣ двѣ противоположныхъ силы: «инъ» и «янъ» [6]). Посредствомъ этихъ двухъ силъ вся хаотическая масса была приведена въ движеніе, во время котораго легкое поднялось наверхъ, а тяжелое погрузилось внизъ [7]). Благодаря этому движенію, хаотическая масса матеріи пришла въ порядокъ. Достигшая порядка матерія и есть вселенная со всей ея сложностью и разнообразіемъ [8]).

---

[1]) «Тракт. о нравств.» LI.

[2]) «Тракт. о нравств.» XLII. Одинъ — это нечетное число, а два — четное. Соединеніе четнаго съ нечетнымъ обнимаетъ все многообразіе чиселъ.

[3]) На существованіе *такого* діалектическаго перехода отъ небытія къ видимому міру нѣтъ, впрочемъ, указаній въ трактатѣ Лаоси. *Ред.*

[4]) Ibid. XL, II.

[5]) Ibid. XXV. «Вещество,—пишетъ Лаоси,—произошло изъ хаоса».

[6]) «Тракт. о нравств.» XLII.

[7]) Ibid. XXVI.

[8]) Ibid. XXXIX.

Такой сложный процессъ происхожденія дѣйствительности не могъ совершиться самъ собой. Творцомъ всего этого Лаоси признаетъ Тао.

Лаосіевская гипотеза о происхожденіи дѣйствительности напоминаетъ собой теорію Анаксагора относительно того же предмета. Какъ Лаоси, такъ и Анаксагоръ признаютъ, что видимый міръ произошелъ изъ хаотической массы матеріи, находившейся во вращательномъ движеніи. Но въ вопросѣ, кѣмъ или чѣмъ эта хаотическая масса была приведена въ движеніе, они нѣсколько расходятся. Нашъ философъ думаетъ, что хаотическая матерія приводилась въ движеніе двумя другъ другу противоположными силами «инъ» и «янъ», которыя имманентны матеріи; Анаксагоръ же утверждаетъ, что Умъ (Νοῦς) привелъ хаотическую массу матеріи въ движеніе. Это разногласіе двухъ мыслителей, впрочемъ, весьма неважно и несущественно. Если мы примемъ во вниманіе ученіе Лаоси, что Творецъ всего—Тао, то сдѣлается яснымъ, что китайскій мыслитель нѣсколько подробнѣе раскрылъ свою космологическую гипотезу, нежели эллинскій философъ. Тао Лаоси и Анаксагоровъ Умъ по смыслу и значенію почти тожественны и однородны.

Создавши міръ и произведши всякую тварь, Тао не оставляетъ ихъ безъ надлежащей помощи: оно промышляетъ о нихъ.

Промыслительная дѣятельность Тао изображается нашимъ философомъ слѣдующими словами: «Тао производитъ вещи, добродѣтель (его) кормитъ ихъ; они (т.-е. Тао и добродѣтель) даютъ имъ вещественную форму, а могущество (ихъ) совершенствуетъ вещи» [1]).

Временное существованіе вселенной, т.-е. всей твари, Лаоси признаетъ очень ясно. «Ни небо, ни земля,—пишетъ онъ,—вѣчно существовать не могутъ», потому что «процвѣтающая вещь легко старѣетъ» [2]). И если міръ можетъ существовать относительно долго, то только благодаря Тао, сотворившему его, и притомъ не для него самого. Эта мысль весьма ясно высказана Лаоси въ одномъ изъ его афоризмовъ. «Небо и земля,—говоритъ онъ,—вѣчны..... ибо они существуютъ не для самихъ себя» [3]).

---

[1]) «Тракт. о нравств.» LI.

[2]) Ibid. XXIII и LV.

[3]) Ibid. VII.

огихъ афоризмахъ нашъ философъ восхваляетъ вели-
Тао. Глубина и могущество творческихъ силъ Тао, по
ію, непостижимы и недоступны для нашего ограничен-
. «Могу ли я знать,—пишетъ Лаоси,—почему вселенная
не иная?» [1])
зъ общихъ чертахъ, Лаосіевская космологія. При ближай-
акомствѣ съ сочиненіемъ Лаоси не трудно будетъ убѣ-
іто эта космологія есть естественный выводъ изъ ученія
акъ существѣ самобытномъ, абсолютномъ и всемогу-
такимъ образомъ входитъ органическимъ членомъ во
ему его философіи.

**Д. Кониссі.**

---

кт.» XXXIV, XXI.

# „Тао те кингъ“ Лаоси.

(Переводъ съ китайскаго *).

ПЕРВАЯ КНИГА.

I. Тао, которое должно быть дѣйствительнымъ, не есть обыкновенное Тао.

Имя, которое должно быть дѣйствительнымъ, не есть обыкновенное имя.

То, чтò не имѣетъ имени—есть начало неба и земли; то, чтò имѣетъ имя—есть мать **) всѣхъ вещей.

Вотъ почему свободный отъ всѣхъ страстей видитъ величественное проявленіе Тао, а находящійся подъ вліяніемъ какой-нибудь страсти видитъ только незначительное его проявленіе.

Эти оба происходятъ изъ одного и того же начала, но только носятъ разное названіе ***).

Они называются непостижимыми.

Непостижимое изъ непостижимыхъ и есть ворота всего таинственнаго.

II. Подъ небомъ всѣ (люди) знаютъ, что красивое есть красивое, но оно только безобразное.

*) Предлагаемый вниманію читателей переводъ извѣстнаго трактата Лаоси о нравственности сдѣланъ, по порученію редакціи «Вопросовъ Филос. и Псих.», японскимъ ученымъ Д. П. Конисси, которому принадлежитъ и помѣщенная выше вводная статья о философіи Лаоси. Въ основу перевода положенъ текстъ цѣннаго китайскаго изданія, хранящагося въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, подъ № 40 Китайскаго отдѣла. Переводчикъ пользовался также, при своемъ трудѣ, нѣсколькими добытыми имъ японскими изданіями трактата Лаоси, а также текстомъ, изданнымъ Stan. Julien'омъ (Paris 1842). *Ред.*

**) Букв.—*самка*.

***) Т.-е. существо, не имѣющее имени, и существо, имѣющее имя,—произошли изъ одного и того же начала—Тао.

Точно также всѣ знаютъ, что добро есть добро, но оно только зло.

Изъ бытія и небытія произошло все; изъ невозможнаго и возможнаго—исполненіе; изъ длиннаго и короткаго—форма.

Высокое подчиняетъ себѣ низшее; высшіе голоса вмѣстѣ съ низшими производятъ гармонію; предшествующее подчиняетъ себѣ послѣдующее.

Святый мужъ, будучи бездѣятельнымъ, распространяетъ свое ученіе. Вся тварь повинуется ему и никогда не откажется отъ исполненія его воли.

Онъ производитъ много, но ничего не имѣетъ; дѣлаетъ много, но не хвалится сдѣланнымъ; совершаетъ подвиги, но ихъ не приписываетъ себѣ.

Онъ нигдѣ не останавливается, поэтому ему не будетъ надобности удаляться туда, куда онъ не желаетъ.

III. Чтобы не было ссоръ въ народѣ, нужно не уважать мудрецовъ.

Чтобы люди не сдѣлались ворами, нужно не придавать никакого значенія трудно добываемымъ (цѣннымъ) предметамъ, потому что когда люди не будутъ имѣть тѣхъ предметовъ, которые бы прельстили ихъ сердца, они никогда не соблазнятся ими.

Отсюда, когда святый мужъ управляетъ страной, то сердце его пусто, а тѣло его полно; (онъ) ослабляетъ желанія и укрѣпляетъ (свои) кости.

Онъ старается, чтобы народъ былъ въ невѣжествѣ и безъ страстей.

Также онъ старается, чтобы мудрые не смѣли сдѣлать чего-нибудь.

Когда всѣ сдѣлаются бездѣятельными, то (на землѣ) будетъ полное спокойствіе.

IV. Тао пусто, но когда его употребляютъ, то, кажется, оно неистощимо.

О, какая глубина! Оно начало всѣхъ вещей.

Оно притупляетъ свое остріе, развязываетъ узлы, смягчаетъ блескъ и наконецъ, соединяетъ между собою мельчайшія частицы.

О, какъ чисто! Оно существуетъ предвѣчно, но я не знаю, чей оно сынъ и предшествовало ли первому царю *).

*) Т. е. царю неба.

V. Небо и земля не суть любвеобильныя существа. Они поступаютъ со всѣми вещами, какъ съ соломенною собакой*).

Святой мужъ не любвеобиленъ: онъ поступаетъ съ земледѣльцами, какъ съ соломенной собакой.

Все находящееся между небомъ и землей похоже на кузнечный мѣхъ.

Онъ (кузнечный мѣхъ) пустъ, но неистощимъ: чѣмъ чаще надувается, тѣмъ больше выпускаетъ воздухъ.

Кто много говоритъ, тотъ часто терпитъ неудачу; поэтому лучше всего соблюдать средину.

VI. Чистѣйшій духъ безсмертенъ. Онъ называется непостижимой матерью (самкой).

Ворота непостижимой матери—называются корнемъ неба и земли.

Онъ (т.-е. чистѣйшій духъ) будетъ существовать безъ конца.

Кто хочетъ употреблять его, тотъ не устанетъ.

VII. Небо и земля вѣчны.

Причина того, что небо и земля вѣчны, заключается въ томъ, что они существуютъ не для самихъ себя.

Вотъ почему они вѣчны.

Святой мужъ заботится о себѣ послѣ другихъ, поэтому онъ легко достигаетъ безопасности.

Онъ оставляетъ свое тѣло безъ всякой заботы, поэтому онъ будетъ жить долго.

Кто не заботится о себѣ, тотъ весьма удачно совершитъ и свое личное дѣло.

VIII. Высшая добродѣтель похожа на воду.

Вода, давая всѣмъ существамъ обильную пользу, не сопротивляется ничему.

Она находится на томъ мѣстѣ, котораго люди не видятъ, поэтому она похожа на Тао.

Жить хорошо — для земли; сердце—для глубины; союзъ—для любви; слова—для довѣрія; управленіе—для благоденствія (страны); дѣла—для умѣнія; движеніе—для жизни.

Не ссорящійся не осуждается.

---

*) Соломенная собака—это кукла собаки, сдѣланная изъ соломы. Она, по словамъ толкователя Лаоси *Хаку Гѣку-сенъ*, употреблялась при жертвоприношеніи. Когда окончится обрядъ приношенія, то китайцы бросаютъ ее и топчутъ ногами. Здѣсь это выраженіе употреблено въ смыслѣ «ничтожества».

IX. Чтобы посуда была наполнена чѣмъ-нибудь, нужно держать ее твердо (безъ малѣйшаго движенія) и ровно.

Чтобы лезвее наострилось, нужно долго продолжать натачиваніе.

Когда домъ наполненъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, то невозможно сохранить его въ цѣлости.

Кто достигнетъ чести и пріобрѣтетъ богатство, тотъ сдѣлается гордымъ. Онъ легко забудетъ, что существуетъ наказаніе (за преступленіе).

Когда дѣла увѣнчаются блестящимъ успѣхомъ и будетъ пріобрѣтено доброе имя, то лучше всего удалиться (въ уединеніе).

Вотъ это-то и есть небесное Тао (или естественное Тао).

X. Душа имѣетъ единство, поэтому она не дѣлится (на части).

Кто вполнѣ духовенъ, тотъ бываетъ смиренъ, какъ младенецъ.

Кто свободенъ отъ всякаго рода знаній, тотъ никогда не будетъ болѣть.

Кто любитъ народъ и управляетъ имъ, тотъ долженъ быть, бездѣятельнымъ.

Кто хочетъ открыть небесныя ворота, тотъ долженъ быть какъ самка *).

Кто дѣлаетъ видъ, что много знаетъ и ко всему способенъ, тотъ ничего не знаетъ и ни къ чему неспособенъ.

Кто производитъ (вещь) и постоянно держитъ ее, тотъ ничего не имѣетъ.

Не хвалиться тѣмъ, что сдѣлано, не начальствовать надъ другими, превосходя ихъ, называется небесною добродѣтелью.

XI. Тридцать спицъ соединяются въ одной ступицѣ (колесницы), но если онѣ недостаточны для предназначенной цѣли, то ихъ можно употребить для другой (воза).

Изъ глины дѣлаютъ домашній сосудъ; но если она недостаточна для извѣстной цѣли, то годится для другой.

Связывая рамы и двери, устраиваютъ домъ; но если онѣ недостаточны для этого, то изъ нихъ можно дѣлать домашнюю утварь.

Отсюда видно, что если вещь не годна для одной цѣли, то можно употребить ее для другой.

---

*) *«Открыть небесныя ворота»*—значитъ достигнуть Тао или нравственнаго совершенства. Отсюда смыслъ этого афоризма таковъ: желающій достигнуть нравственнаго совершенства долженъ быть смиреннымъ, какъ самка смирна предъ самцомъ.

XII. Пять цвѣтовъ ослѣпляютъ человѣка.

Пять звуковъ оглушаютъ его.

Пять вкусовъ пресыщаютъ его.

Верховая гонка и охота одуряютъ душу (сердце) человѣка.

Стремленіе къ обладанію рѣдкими драгоцѣнностями влечетъ человѣка къ преступленію.

Отсюда святой мужъ дѣлаетъ исключительно нравственное *), а не для глазъ. Поэтому онъ удаляется отъ того и приближается къ этому.

XIII. Почесть и позоръ отъ сильныхъ міра (для мудреца) одинаково странны.

Собственное тѣло тяготитъ его, какъ великое бремя.

Что значитъ: почесть и позоръ отъ сильныхъ міра одинаково странны (для мудреца)?

Почесть отъ сильныхъ міра—униженіе (для мудреца), поэтому, когда она достанется (ему), то (онъ) относится къ ней, какъ къ совершенно призрачной **); когда она потеряется, то также къ ней относится, какъ къ презрѣнной.

Вотъ это-то и есть: къ почести и позору отъ сильныхъ міра относиться какъ къ призрачному.

Что значитъ: собственное тѣло тяготитъ его (мудреца), какъ великое бремя?

Я имѣю потому великую печаль, что имѣю тѣло. Когда я буду лишенъ тѣла, то не буду имѣть никакой печали.

Поэтому, когда мудрецъ боится управлять вселенной, то ему можно поручить ее; когда онъ сожалѣетъ, что управляетъ вселенной, то ему можно отдать ее.

XIV. Предметъ, на который мы смотримъ, но не видимъ, называется безцвѣтнымъ.

(Звукъ, который) мы слушаемъ, но не слышимъ—беззвучнымъ.

(Предметъ, который) мы хватаемъ, но не можемъ захватить—мельчайшимъ.

Эти три (предмета) неизслѣдимы, поэтому когда они смѣшаются между собой, то соединяются въ одно.

Верхъ не ясенъ, низъ не теменъ. О, безконечное! Его нельзя назвать именемъ.

---

*) Буквал.: «внутреннее».

**) Букв. у Лаоси: «достойной удивленія».

Оно существуетъ, но возвращается къ небытію.

Оно называется формою (или видомъ) безформенною.

Оно также называется неопредѣленнымъ.

Встрѣчаясь съ нимъ, не видать лица его, слѣдуя же за нимъ, не видать спины его.

Посредствомъ древняго Тао можно управлять жизнью настоящаго времени.

Изслѣдовать происхожденіе всего (или начало древности) называется нитью Тао.

XV. Древніе, выдававшіеся надъ толпой, люди хорошо знали мельчайшее, чудесное и непостижимое.

Они глубоки,—постигнуть ихъ невозможно.

Они непостижимы, поэтому внѣшность ихъ была величественная.

О, какъ они медленны, подобно переходящимъ зимой черезъ рѣку!

О, какъ они не рѣшительны, подобно боящимся своихъ сосѣдей!

О, какъ они осанисты, подобно гостящимъ въ чужомъ домѣ!

О, какъ они осторожны, подобно ходящимъ на тающемъ льду!

О, какъ они просты, подобно необдѣланному дереву!

О, какъ они пусты, подобно пустой долинѣ!

О, какъ они мрачны, подобно мутной водѣ!

Кто съумѣетъ остановить ихъ и сдѣлать ясными?

Кто же съумѣетъ успокоить ихъ и продлить ихъ тихую жизнь?

Исполняющій Тао не желаетъ быть удовлетвореннымъ *).

Онъ же не удовлетворяется ничѣмъ, поэтому, довольствуясь старымъ и не обновляясь (душою), достигаетъ совершенства.

XVI. Когда пустота будетъ доведена до послѣдняго предѣла, то будетъ глубочайшій покой.

Всякая вещь растетъ, въ чемъ я вижу возвращеніе (или круговоротъ).

Правда, вещи чрезвычайно разнообразны, но всѣ онѣ возвращаются къ своему началу.

Возвращеніе вещей къ своему началу и есть покой.

Покой и есть возвращеніе къ жизни.

Возвращеніе къ жизни и есть постоянство.

Знающій постоянство (или вѣчность)—мудрецъ.

---

*) У Лаоси букв. «наполненнымъ».

Не знающій постоянства будетъ дѣйствовать по своему произволу, поэтому онъ призываетъ къ себѣ бѣду.

Знающій постоянство имѣетъ всеобъемлющую душу.

Имѣющій всеобъемлющую душу будетъ правосуденъ.

Правосудный будетъ царемъ.

Кто царь, тотъ соединяется съ Небомъ.

Кто соединенъ съ Небомъ, тотъ будетъ подобенъ Тао, которое существуетъ отъ вѣчности.

Тѣло его погибнетъ (умретъ, когда настанетъ время), но (духъ его) никогда не уничтожится.

XVII. Существуетъ ли высочайшее бытіе, я не знаю; но можно (духомъ) приблизиться къ нему и воздавать ему хвалу, потомъ—бояться его, а затѣмъ—пренебрегать имъ.

Отъ недостатка вѣры происходитъ невѣріе.

О, какъ медленны слова, сказываемыя съ вѣсомъ и со смысломъ!

Когда совершены заслуги и сдѣланы подвиги, то всѣ земледѣльцы скажутъ, что это достигнуто естественнымъ ходомъ вещей.

XVIII. Когда великое Тао *) будетъ покинуто, то появится истинная человѣчность и справедливость.

Когда широко будетъ распространена мудрость, то появится великая печаль.

Когда шесть ближайшихъ родственниковъ **) находятся въ раздорѣ, то является почитаніе родителей и любовь къ дѣтямъ.

Когда въ государствѣ царитъ усобица, то являются вѣрные слуги.

XIX. Когда оставлены святость и мудрость [1]), то польза народа увеличится во сто разъ.

Когда оставлены человѣколюбіе и справедливость [2]), то дѣти будутъ почитать своихъ родителей, а родители будутъ любить своихъ дѣтей.

Когда покинуты всякаго рода лукавство и выгоды, то воровъ не будетъ.

Одной только внѣшностью достигнуть этихъ трехъ (пунктовъ)

---

*) Тутъ Лаоси иронически называетъ «великимъ Тао» и мудростью тѣ ученія, которыя извѣстны подъ названіемъ «Ученія блаженнѣйшихъ царей».

**) 6 степеней родовыхъ линій.

[1])—[2]) Лаоси такъ называетъ, конечно, *«ученіе блаженнѣйшихъ царей»*.

невозможно. Для этого необходимо быть болѣе простымъ и менѣе способнымъ и безстрастнымъ.

XX. Когда уничтожено будетъ ученіе, то печали не будетъ.

Какъ велика разница между простымъ и сложнымъ!

Какъ велика разница между добромъ и зломъ!

Необходимо бояться того, чего люди боятся.

О, дико! еще далеко до средины.

Многіе держатъ себя важно, словно получаютъ жертвенное мясо, словно весной восходятъ на башню.

О, какъ я простъ! Во мнѣ нѣтъ ничего опредѣленнаго, какъ въ младенцѣ, еще не достигшемъ дѣтства.

Я какъ будто несусь, но не знаю куда и гдѣ остановлюсь.

Многіе люди богаты, но я ничего не имѣю, какъ будто все потерялъ.

Я простъ, какъ душа глупаго человѣка, но люди свѣта блестятъ.

Я одинъ теменъ, но люди свѣта просвѣщены.

Я одинъ страдаю душевно; волнуюсь, какъ море; блуждаю и не знаю, гдѣ остановиться.

Многіе люди дѣлаютъ то, къ чему способны, но я одинъ глупъ и мужиковатъ.

Я одинъ отличаюсь отъ другихъ тѣмъ, что люблю питаться у матери *).

XXI. Высоконравственный повинуется только одному Тао.

Сущность Тао похожа на блескъ свѣта.

О, неуловимъ блескъ свѣта! но въ немъ есть изображеніе.

О, какъ онъ блеститъ! Онъ рѣшительно неуловимъ, но въ немъ есть вещество.

О, какъ призрачно и непостижимо (Тао)! Въ немъ есть сущность, которая достовѣрна.

Отъ древности до нынѣ имя (его) никогда не исчезало.

Я обозрѣлъ многія начала, но не знаю, отчего такія начала, а не иныя.

XXII. Изъ несовершеннаго происходитъ цѣльное.

Изъ криваго—прямое.

Изъ углубленнаго—гладкое.

Изъ стараго—новое.

*) Т. е. у матери всѣхъ вещей (Тао).

Если не много, то легко пріобрѣсти, а если много, то легко запутаться.

Поэтому святой мужъ имѣетъ только одно, но онъ сдѣлается примѣромъ для всего міра.

Онъ открыто не объявляетъ своихъ мыслей, поэтому онъ никогда не заблуждается (ясенъ).

Онъ никогда не выставляетъ себя, поэтому онъ всегда извѣстенъ.

Онъ самъ никогда не воюетъ, поэтому имѣетъ заслуги.

Ничѣмъ онъ не гордится, поэтому онъ превозносится.

Ни съ кѣмъ онъ не ссорится, поэтому вся вселенная никогда не сопротивляется ему.

Отсюда, высказанныя древними слова: «изъ несовершеннаго происходитъ совершенное; изъ криваго—прямое» можно ли назвать лживымъ изреченіемъ?

XXIII. Рѣдкія слова заключаютъ въ себѣ самыя достовѣрныя мысли.

Рѣдкія изреченія сами собою правдивы.

Утренній сильный вѣтеръ не продолжается до полудня; сильный дождь не продолжается цѣлый день.

Ни небо, ни земля вѣчно существовать не могутъ. Тѣмъ болѣе человѣкъ.

Живущій и поступающій по Тао равенъ ему; нравственный человѣкъ равенъ добродѣтели; потерявшій все равенъ потерѣ.

Тао любитъ находить равное себѣ; нравственный—равное себѣ; потерявшій—также равное себѣ.

Гдѣ вѣра слаба, тамъ не будетъ вѣры.

XXIV. Сухоногій не можетъ встать.

Сидящій не можетъ ходить.

Кто думаетъ, что постигъ все, тотъ ничего не знаетъ.

Кто доволенъ самимъ собою, тотъ не можетъ прославиться.

Кто хвастается, тотъ не можетъ имѣть заслуги.

Кто гордъ, тотъ не можетъ возвыситься.

Такіе люди, съ точки зрѣнія Тао, называются питающимися излишествомъ и творящими напрасное. Поэтому, когда они находятъ Тао, то оставаться въ немъ рѣшительно не могутъ.

XXV. Вещество произошло изъ хаоса.

Есть бытіе, которое существуетъ раньше, нежели небо и земля.

Оно недвижимо, безтѣлесно, самобытно и не знаетъ переворота.

Оно идетъ, совершая безконечный кругъ, и не знаетъ предѣла.

Оно одно только можетъ быть матерью (самкой) неба и земли.

Я не знаю его имени, но (люди) называютъ его Тао.

Могущество его называется величіемъ; величіе его—безграничнымъ; безграничное—безконечнымъ; безконечное—возвращеніемъ.

Тао велико, небо велико, земля велика и, наконецъ, царь великъ.

Итакъ, въ мірѣ существуютъ четыре величія, одно изъ которыхъ составляетъ царь.

Земля несетъ людей; небо несетъ землю; Тао несетъ небо и, наконецъ, естественность несетъ Тао.

XXVI. Тяжелое лежитъ въ основаніи легкаго.

Тишина господствуетъ надъ движеніемъ.

Хотя мудрецъ бываетъ занятъ цѣлый день, но относится къ своимъ дѣламъ внимательно и съ большей осторожностью.

Хотя ему будетъ слава и внѣшнее великолѣпіе, но онъ никогда не прельстится ими, ибо онъ стоитъ выше ихъ.

Что случится съ тѣмъ царемъ, который, имѣя 10,000 колесницъ, презираетъ заботу о своей странѣ и думаетъ только о своемъ удовольствіи?

Презирающій заботу о своей странѣ потеряетъ лучшихъ слугъ—опору государства.

Гдѣ легкомысленное движеніе въ народѣ, тамъ царь легко упразднится.

XXVII. Нравственный человѣкъ не оставляетъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ.

Краснорѣчивый не сдѣлаетъ ошибки въ своихъ рѣчахъ.

Побѣдоносный полководецъ не употребляетъ никакой хитрости.

Если что крѣпко заперто, то (оно), хотя и безъ замковъ, не отпирается.

Если что крѣпко связано, то (оно), хотя и безъ замысловатыхъ узловъ, не развязывается.

Мудрецы спасаютъ погибающихъ и не оставляютъ нуждающихся въ чемъ-нибудь безъ помощи. Они всегда очень бережно сохраняютъ вещи и не выкидываютъ ихъ.

Это называется двойнымъ просвѣщеніемъ.

Отсюда, нравственный человѣкъ есть учитель (или руководитель) безнравственныхъ; безнравственные люди суть орудіе нравственнаго.

Кто не уважаетъ своего учителя и кто не любитъ своего орудія, тотъ, хотя уменъ, очень заблуждается.

Это называется важнымъ отступленіемъ отъ Тао.

XXVIII. Тотъ, кто знаетъ свою силу и сохраняетъ свою слабость, сдѣлается долиной вселенной.

Когда онъ будетъ долиной вселенной, то въ немъ будетъ пребывать вѣчная добродѣтель.

Человѣкъ вторично возвращается въ состояніе младенца (Тао).

Кто знаетъ глубину своего просвѣщенія и остается въ невѣжествѣ [1]), тотъ сдѣлается примѣромъ всего міра.

Кто будетъ примѣромъ всего міра, тотъ не измѣнитъ вѣчной добродѣтели и возвратится къ совершенству (Тао): онъ познаетъ славу Его.

Находясь въ презрѣніи, онъ сдѣлается долиной вселенной.

Кто—долина вселенной, тотъ будетъ доволенъ только добродѣтелью и возвратится въ совершенную простоту.

Когда эта простота будетъ удалена, то изъ него выйдетъ превосходный сосудъ.

Если святый мужъ употребитъ его, то сдѣлается начальникомъ.

Вотъ почему великое установленіе никогда не уничтожится.

XXIX. Кто дѣйствуетъ, сильно желая завладѣть вселенной, тотъ никогда не достигнетъ желаемаго, потому что вселенная есть божественное орудіе, поэтому распоряжаться ея судьбою никто не въ правѣ.

Отсюда, кто покушается на это, тотъ нарушаетъ порядокъ міра; кто хочетъ завладѣть имъ, тотъ немедленно потеряетъ его.

Вообще вещи идутъ впередъ или назадъ; воютъ или дуютъ [2]); сильны или слабы; несутся или же останавливаются на одномъ мѣстѣ.

Поэтому, мудрецъ избѣгаетъ всякой крайности, роскоши и великолѣпія.

XXX. Кто помогаетъ царю по Тао, тотъ не будетъ заботиться о процвѣтаніи страны посредствомъ военной силы: что бы вы ни сдѣлали людямъ, они тѣмъ же воздадутъ вамъ.

Гдѣ войско стоитъ, тамъ будетъ расти колючая трава (вмѣсто хлѣба).

---

[1]) Букв.: *незнаніи.*

[2]) Въ текстѣ Stan. Julien'а: грѣютъ или охлаждаютъ.

Послѣ великой войны бываетъ неурожайный годъ.

Отсюда, когда нравственный человѣкъ управляетъ (страной), то никогда не прибѣгаетъ къ грубой силѣ, не ищетъ тщеславія, не воюетъ, не гордится ничѣмъ, не останавливается нигдѣ и не усиливается.

Когда вещь дойдетъ до полноты своего развитія *), то она ослабѣетъ и дряхлѣетъ.

То, что не Тао, быстро уничтожается.

XXXI. Благоустроенное войско есть нечестивое орудіе, есть предметъ, по своему существу, злой.

Мудрецъ предпочитаетъ лѣвую сторону правой, ибо употребляющіе войско предпочитаютъ правую сторону лѣвой.

Войско есть нечестивое орудіе, поэтому оно не можетъ быть орудіемъ для (истинно) мудрыхъ. Отсюда, оно и употребляется только въ неизбѣжныхъ случаяхъ.

Хотя война ставитъ, быть можетъ, цѣлью спокойствіе, но она несомнѣнное зло.

Еслибъ она была добро, то нужно было бы радоваться ей, но радуется ей лишь любящій убивать людей.

Любящій убивать людей не можетъ осуществить свой добрый замыселъ въ мірѣ.

При добромъ дѣлѣ лѣвая сторона предпочитается правой, а при бѣдѣ—правая лѣвой.

Подчиненные генералы останавливаются на лѣвой сторонѣ, а начальствующіе—на правой.

Когда сдѣлается извѣстной побѣда, то слѣдуетъ встрѣтить эту вѣсть съ траурнымъ обрядомъ, ибо на войнѣ очень многіе погибаютъ.

Такъ какъ на войнѣ очень многіе погибаютъ, то слѣдуетъ оплакивать войну.

Когда война окончится побѣдою, слѣдуетъ объявить всеобщій трауръ.

XXXII. Вѣчное Тао не имѣетъ имени.

Оно незначительно, какъ щепка, но міръ не можетъ подчинить его себѣ.

Когда цари и князья заботятся о защитѣ (своей страны), то сама природа **) сдѣлается помощницей ихъ.

---

*) Букв. *силы*.

**) Букв. *вещь*.

Когда небо совокупляется съ землей, то спускается роса на землю, чего человѣкъ не въ состояніи устроить *).

Когда Тао раздѣлилось на части, то получило имя.

Если имя извѣстно, то нужно воздерживаться.

(Каждому) слѣдуетъ знать, гдѣ ему нужно оставаться. Кто соблюдаетъ во всемъ воздержаніе, тотъ не будетъ знать (нравственнаго) паденія.

Это—Тао, которое существуетъ во всей вселенной.

XXXIII. Знающій людей разуменъ, а знающій себя самого прозорливъ.

Побѣждающій другихъ силенъ, а побѣждающій самого себя могущественъ.

Довольствующійся самимъ собой—богачъ.

Твердый въ своихъ дѣйствіяхъ имѣетъ твердую волю.

Не отступающій отъ своего назначенія долговѣченъ.

Неуничтожимый послѣ смерти вѣченъ.

XXXIV. О, безпредѣльно великое Тао!

Оно справа и слѣва.

Вся тварь появилась на свѣтъ, благодаря ему; оно не отталкиваетъ ея отъ себя.

Заслуги Тао велики, но оно ими не хвалится.

Оно промышляетъ о всѣхъ вещахъ съ любовью, но не желаетъ быть господиномъ ихъ.

Такъ какъ оно не имѣетъ никакой страсти, то оно называется ничтожнымъ.

Его можно назвать маленькимъ, ибо мельчайшая вещь возвращается въ него.

Всѣ существа подчиняются ему, но оно не считаетъ себя господиномъ ихъ; поэтому его можно назвать великимъ.

Мудреца нельзя назвать великимъ, хотя онъ совершаетъ великія дѣла.

Причина того, что святой легко достигаетъ величія, заключается въ томъ, что онъ не величаетъ самого себя.

XXXV. (Святой) беретъ великаго слона и идетъ по всему міру. Ходитъ, но не дѣлаетъ никакого вреда.

Отъ удовольствія, спокойствія, тишины и величія даетъ ему (міру) пищу.

---

*) Букв. *заставить творить*.

Проходящій пришелецъ остановился. Когда онъ говоритъ о Тао, то какъ просты его слова! (Когда) они произнесены, (то бываютъ) безъ всякаго вкуса.

(Люди) смотрятъ на него (Тао), но не видятъ; они слушаютъ его, но не слышатъ; они употребляютъ его, но оно не истощается.

XXXVI. То, что сжимается—расширяется.

То, что ослабѣваетъ—усиливается.

То, что уничтожается—возстановляется.

То, что лишается всего—имѣло все.

Все это называется то скрытымъ, то яснымъ.

Мягкое побѣждаетъ твердое, слабое—сильное.

Какъ рыба не можетъ покинуть глубины, такъ страна не можетъ оставаться безъ орудія.

Сильное орудіе правленія не должно быть показываемо народу.

XXXVII. Тао ничего не дѣлаетъ, но нѣтъ того, чего бы оно не сдѣлало.

Если царь и князья хорошо будутъ управлять страной, то всѣ существа преобразуются такъ, какъ они желаютъ.

Если всѣ существа придутъ въ сильное движеніе, то я удержу ихъ посредствомъ безыменной простоты.

Безыменная простота не имѣетъ страсти.

Когда (въ мірѣ) не будетъ страстей, то будетъ спокойствіе повсемѣстное и на всей землѣ будетъ правда.

## ВТОРАЯ КНИГА.

XXXVIII. Люди высшей нравственности не считаютъ себя нравственными; поэтому они имѣютъ высшую нравственность.

Люди низшей нравственности не въ состояніи потерять свою нравственность, и поэтому безнравственны.

Люди высшей нравственности, находясь въ бездѣятельности, не дѣлаютъ ничего.

Люди низшей нравственности дѣлаютъ то, что дѣлаютъ.

Люди высшаго человѣколюбія, находясь въ бездѣятельности, совершаютъ дѣла, но не признаютъ ихъ (за свои).

Люди высшей справедливости дѣлаютъ то, что дѣлаютъ.

Люди высшей почтительности уважаютъ другихъ, но другіе не уважаютъ ихъ, поэтому они принудятъ ихъ къ почтенію.

Отсюда, когда потеряно Тао, то является нравственность; когда нравственность забыта, то является человѣколюбіе; когда человѣколюбіе оставлено, то является справедливость; когда справедливость покинута, то является почтительность.

Вотъ почему почтительность есть послѣдствіе ослабленія вѣрности и преданности (господину) и начало всякаго рода безпорядковъ въ странѣ.

Поэтому великій человѣкъ держится существеннаго и оставляетъ ничтожное. Онъ все дѣлаетъ по правдѣ, но никогда не будетъ опираться на законы.

Берите первое и бросьте послѣднее.

XXXIX. Въ древности всякое существо достигало единства.

Небо, достигши единства, стало чистымъ.

Земля, достигши единства, стала спокойной.

Духъ, достигши единства, сталъ разумнымъ.

Долина, достигши единства, стала полной.

Всякая вещь, достигши единства, стала существовать.

Цари и князья, достигши единства, стали образцами для міра.

Все это было достигнуто, благодаря единству.

Достиженіе единства во всемъ этомъ одно и то же.

Если бы небо было не чисто, то казалось бы, что оно боится взрыва.

Если бы земля потеряла спокойствіе, то она была бы въ опасности разрушенія.

Если бы духъ лишился разумности, то онъ потерялъ бы (свойство) быть духомъ.

Если бы пустота долины наполнилась чѣмъ-нибудь, то она перестала бы быть долиной.

Всякая вещь, если бы перестала расти, уничтожилась бы.

Если бы цари и князья потеряли вѣрность и преданность (своихъ подданныхъ), то были бы свергнуты.

Отсюда, благородные люди смотрятъ на неблагородныхъ, какъ на свое начало; высшіе смотрятъ на низшихъ, какъ на свое основаніе.

Цари и князья заботятся о бѣдныхъ сиротахъ и вдовахъ. Этимъ же они могли бы свидѣтельствовать о своемъ происхожденіи.

Ужели это неправда?

Если разобрать телѣгу по частямъ, то не останется телѣги.

Я не желаю быть гордымъ, какъ драгоцѣнный камень.

Также я не желаю быть презираемымъ, какъ дикій камень.

XL. Движеніе Тао происходитъ отъ сопротивленія (всему вещественному).

Слабость есть отличительная черта дѣйствія Тао.

Всѣ вещи произошли отъ бытія (что), и бытіе отъ небытія (ничто).

XLI. Когда ученый услышитъ о Тао, то будетъ стараться осуществить услышанное (въ жизни).

Когда человѣкъ средней руки услышитъ о Тао, то не будетъ соблюдать его до конца жизни.

Когда мало-ученый услышитъ о Тао, то онъ будетъ глумиться надъ нимъ.

Еслибы надъ нимъ не глумились, то оно и не заслужило бы имени Тао. Поэтому сказано слѣдующее:

Тотъ, кто разумѣетъ очевидное Тао, кажется облеченнымъ мракомъ; тотъ, кто идетъ впередъ, держась Тао, кажется идущимъ назадъ; тотъ, кто на высотѣ Тао, кажется обыкновеннымъ смертнымъ.

Человѣкъ высшей добродѣтели похожъ на долину.

Человѣкъ высшей чистоты похожъ на презираемаго.

Человѣкъ высшей нравственности похожъ на неспособнаго.

Совершающій добродѣтель похожъ на вора.

Испытывающій правду похожъ на похищающаго вещи.

У большого четырехъ-угольника не видно угловъ.

Большое сосудъ не скоро дѣлается.

Самый громкій голосъ не слышенъ.

Большое изображеніе не имѣетъ никакой формы.

Тао скрыто отъ насъ, поэтому оно не имѣетъ имени.

Оно снабжаетъ всѣ существа (силой) и ведетъ ихъ къ усовершенствованію.

XLII. Тао произвело одно, одно—два, два—три, а три—всѣ вещи.

Всякая вещь носитъ на себѣ *инъ* и заключаетъ въ себѣ *янъ*.

Находящійся въ изступленномъ состояніи легко умиротворяетъ.

Люди ненавидятъ тѣхъ, которые оставляютъ сиротъ и бѣдняковъ безъ помощи. Поэтому умные цари и князья помогаютъ сиротамъ и бѣднякамъ; они же сдѣлаются предметомъ похвалы (народа).

Потеря есть начало размноженія, множество—начало потери.

Чему другіе учили и учатъ по справедливости, тому и я учу людей.

Очень сильный не умираетъ естественною смертью.

Я сдѣлаюсь отцомъ ученія.

XLIII. Міръ смиренъ: всѣ люди ѣдятъ и бѣгаютъ надъ его твердынею.

Небытіе поглощается безпромежуточнымъ.

Поэтому я знаю, что бездѣятельность имѣетъ высокое достоинство.

Безсловесное ученіе и бездѣятельность полезнѣе всего существующаго между небомъ и землей.

XLIV. Что ближе къ себѣ: свое имя или собственное тѣло?

Что больше: свое тѣло или богатство?

Что тяжелѣе испытать: пріобрѣтеніе или потерю?

Кто увлекается, тотъ потерпитъ большой убытокъ.

Кто имѣетъ много, тотъ можетъ потерять больше, нежели имѣющій мало.

Кто знаетъ, чѣмъ человѣкъ долженъ быть довольнымъ, тотъ никогда не потерпитъ позора.

Кто, зная границы своей дѣятельности, не приблизится къ опасностямъ, тотъ будетъ жить долго.

XLV. Великое совершенство похоже на несовершенство, но оно неистощимо (хотя безпрестанно употребляется).

Великая полнота похожа на пустоту, но польза ея неизмѣрима.

Великая прямота кажется непрямой.

Великій мастеръ кажется тупымъ.

Великій ораторъ кажется заикающимся.

Когда бѣготня преодолѣваетъ (тишину), то бываетъ холодно; когда тишина преодолѣваетъ бѣготню, то бываетъ тепло.

Полная тишина есть примѣръ всего міра.

XLVI. Когда во всемъ мірѣ соблюдается Тао, то быстрые кони забудутся и вся нива будетъ обрабатываться.

Когда на всей землѣ не соблюдается Тао, то военные кони будутъ расти въ окрестностяхъ города.

Нѣтъ грѣха тяжелѣе страстей.

Нѣтъ бѣды тяжелѣе незнанія удовлетворенія.

Нѣтъ преступленія тяжелѣе жаднаго хотѣнія пріобрѣсти много.

Вотъ почему знающій мѣру бываетъ доволенъ своимъ положеніемъ.

XLVII. Не выходя изъ дома, (мудрецы) знаютъ, что дѣлается на свѣтѣ.

Не глядя въ окно, они видятъ Небесное Тао.

Чѣмъ больше удаляешься отъ дома, тѣмъ меньше знаешь.

Поэтому, святые (мудрецы) достигаютъ знанія, не выходя никуда; не видя предмета, они знаютъ названіе его.

Не дѣлая ничего, они совершаютъ много.

XLVIII. Ученіе прибавляется со дня на день, но Тао теряется со дня на день.

Эта потеря увеличится и дойдетъ до желанія недѣланія.

Когда человѣкъ дойдетъ до недѣланія, то нѣтъ того, чего бы не было сдѣлано.

Если въ мірѣ все въ порядкѣ, то слѣдуетъ завладѣть имъ, но если нѣтъ, то не слѣдуетъ.

XLIX. Святые люди не имѣютъ опредѣленнаго (чувства), ибо они принимаютъ чувство простолюдина, какъ свое.

Добрыхъ людей я принимаю уже потому одному, что они добры. Злыхъ принимаю, какъ добрыхъ.

Искреннимъ людямъ я вѣрю; также и вѣрю неискреннимъ, ибо въ этомъ и состоитъ верхъ искренности.

Когда святые живутъ на землѣ, то они просты и тихи; они питаютъ ко всѣмъ одинаковое чувство.

Для (блага) міра они дѣлаютъ свои сердца темными. Простые люди будутъ смотрѣть на нихъ (какъ на своихъ учителей) и будутъ слушать сказаніе о ихъ дѣлахъ.

Святые смотрятъ на народъ, какъ на младенца.

L. (Всѣ существа), уходя изъ жизни, входятъ въ смерть.

Жизнь имѣетъ 13 ступеней своего развитія; смерть также имѣетъ 13 ступеней.

Ступеней человѣческой жизни, которая постоянно стремится къ смерти, опять 13 *).

Это почему? Потому что стремленіе къ жизни слишкомъ сильно.

---

*) 13 — это символическое число. Оно, по словамъ толкователя Лаоси *Хаку Гёку-сенъ*, взято изъ области астрономіи. Луна послѣ своего появленія черезъ 13 дней достигаетъ свой полноты; послѣ полнолунія черезъ 13 дней она совсѣмъ исчезаетъ. Приводя это число дней, Лаоси, очевидно, хотѣлъ указать на то, что всякое существо развивается до извѣстной границы. И когда оно достигнетъ полноты развитія, то начинаетъ ослабѣвать и наконецъ совсѣмъ уничтожается.

Я слышалъ, что ведущій воздержную жизнь не боится ни носорога, ни тигра, ни быть на полѣ сраженія безъ воинскаго наряда, ибо на немъ нѣтъ мѣста, куда носорогъ могъ бы ударить рогомъ, тигръ могъ бы вонзить свои острыя когти и воинъ могъ бы нанести ударъ мечемъ.

Это почему? Потому что для ведущаго жизнь воздержную не существуетъ смерти.

LI. Тао производитъ существа, добродѣтель кормитъ ихъ; они даютъ имъ вещественную форму, а могущество ихъ совершенствуетъ вещи.

Поэтому всѣ существа почитаютъ Тао и добродѣтель.

Никто не сообщалъ Тао его достоинства, а добродѣтели—ея цѣнности: но они сами собой вѣчно обладаютъ ими.

Поэтому Тао производитъ вещи, питаетъ ихъ, даетъ имъ рости, совершенствуетъ, дѣлаетъ зрѣлыми, кормитъ и защищаетъ.

Оно производитъ ихъ и не дѣлаетъ ихъ своими; дѣлаетъ ихъ тѣмъ, что они есть, и не хвалится ими; оно царствуетъ надъ ними и оставляетъ ихъ свободными.

Вотъ что называютъ глубокой добродѣтелью.

LII. Вселенная имѣетъ начало, которое и есть мать всего міра. По матери можно знать ея сына.

Когда сынъ извѣстенъ, то и мать будетъ сохранена невредимо.

Хотя тѣло умираетъ, но (сущность его) никогда не уничтожается.

Кто закрываетъ уши и глаза, тотъ останется безъ употребленія во всю жизнь.

Кто прислушивается ко всему изящному и старается удовлетворить страстямъ, тотъ никогда не спасется.

Могущій разбирать мельчайшія вещи, называется ясновидцемъ.

Сохраняющій мягкость называется могущественнымъ.

Употребляющій свѣтъ называется блестящимъ.

Тѣло истлѣваетъ, не оставляя ничего послѣ себя. Это и есть наслѣдіе вѣчности.

LIII. Я беззаботенъ, но имѣю умъ, поэтому живу о великомъ Тао.

Я раздаю милостыню въ великомъ страхѣ.

Большая дорога (Тао) гладка и ровна, но люди любятъ ходить по тропинкамъ.

Когда правительство перестанетъ заботиться о благостояніи

народа, то поля опустѣютъ и государственное хлѣбохранилище не наполнится никогда; люди будутъ надѣвать на себя разноцвѣтныя одежды, носить острые мечи и питаться изысканными блюдами.

Все это совокупно называется разбойничьею гордостью.

Ужели это есть Тао?!

LIV. Крѣпко стоящаго нельзя вынуть.

Хорошо связаннаго нельзя развязать.

Дни кончины предковъ празднуются потомками. Кто совершаетъ это для самого себя, тотъ дѣлаетъ добро только для одного себя; кто совершаетъ это для своего дома, тотъ дѣлаетъ добро для своего дома; кто совершаетъ это для своей деревни, тотъ будетъ начальникомъ въ ней; кто совершаетъ это для своей страны, тотъ дѣлаетъ добро для страны; кто совершаетъ это для всего міра, тотъ дѣлаетъ добро для всего міра.

Я изучаю тѣло по тѣлу, домъ—по дому, деревню—по деревнѣ, страну—по странѣ и, наконецъ, весь міръ—по всему міру.

Но могу ли я знать, почему вселенная такая, а не иная?

LV. Достигшій нравственнаго совершенства похожъ на младенца.

Вредоносныя насѣкомыя не укусятъ его; дикіе звѣри не сдѣлаютъ ему вреда; хищныя птицы не вопьются въ него своими когтями.

Хотя у него кости мягки и мышцы слабы, но онъ будетъ держать предметъ очень крѣпко.

Хотя онъ не знаетъ, какъ совокупляется самецъ съ самкою и какъ образуется зачатокъ во чревѣ, но ему извѣстно до подробности все, что совершается въ мірѣ.

Хотя онъ кричитъ цѣлый день, но голосъ его никогда не ослабѣетъ, ибо въ немъ (голосѣ) существуетъ полнѣйшая гармонія.

Знаніе гармоніи называется постоянствомъ.

Знаніе постоянства называется очевидностью.

Творить пріятное только для плоти называется нечистотою.

Душа, могущая господствовать надъ своимъ настроеніемъ, есть сильная (душа).

Вообще, цвѣтущее отцвѣтаетъ, ибо въ немъ нѣтъ Тао.

Гдѣ нѣтъ Тао, тамъ скоро наступитъ конецъ.

LVI. Знающій много молчаливъ, а говорящій много не знаетъ ничего.

Тао закрываетъ свои глаза, затворяетъ ворота, ослабляетъ остріе, развязываетъ узлы, смягчаетъ свѣтъ, собираетъ мелочь.

Это называется непостижимымъ единствомъ.

Сродниться съ Тао невозможно; пренебрегать имъ нельзя; воспользоваться имъ непозволительно; повредить ему никто не можетъ; чтить его нѣтъ основанія; презирать его также нѣтъ причины.

Отсюда видно, что Тао благороднѣе всего существующаго въ мірѣ.

LVII. Безъ справедливости нельзя управлять страной.

Для того, чтобы вести войну успѣшно, необходима ловкость.

Когда въ странѣ нѣтъ (еще) безпорядка, (тогда) слѣдуетъ имъ овладѣть *).

Какъ я могу постигнуть, почему въ мірѣ такой порядокъ, а не иной?

Когда въ странѣ много такого, что должно быть уничтожено, народъ обѣднѣетъ.

Когда въ странѣ много удобныхъ машинъ, то народъ перестаетъ работать.

Когда въ народѣ много искусныхъ мастеровъ, то увеличится число чудовищныхъ вещей.

Когда въ государствѣ много законовъ и постановленій, то число преступниковъ **) увеличится.

Отсюда учитъ и святой: «когда я ничего не дѣлаю (т.-е. не предпринимаю ничего новаго), то народъ дѣлается лучше; когда я спокоенъ, то народъ дѣлается справедливымъ; когда я не предпринимаю ничего новаго, то народъ обогащается; когда во мнѣ не будетъ никакой страсти, то народъ сдѣлается простодушнымъ».

LVIII. Когда не будетъ мелочности въ управленіи государствомъ, то народъ обогатится. А когда управленіе государствомъ мелочно, то народъ обѣднѣетъ.

О, бѣда! Гдѣ благо, тамъ и несчастіе.

О, благо! Гдѣ бѣда, тамъ и счастіе.

Но я не знаю, гдѣ оканчивается бѣда и гдѣ начинается счастіе.

Гдѣ нѣтъ правды, тамъ люди будутъ относиться къ правдѣ, какъ къ чему-то странному,—къ добру, какъ къ призрачному.

---

*) Т. е. принять мѣры къ его предотвращенію.

**) Букв.: *воровъ*

Издавна люди находятся въ заблужденіи, поэтому святой мужъ никогда не сдѣлаетъ имъ уступки.

Онъ не корыстолюбивъ, но ничего не раздаетъ имъ.

Онъ—праведникъ, поэтому онъ ничего не сдѣлаетъ своевольно.

Хотя онъ—свѣтило для всего міра, но не любитъ блеска.

LIX. Для того, чтобы служить небу и управлять людьми, всего лучше соблюдать воздержаніе.

Воздержаніе — это первая ступень добродѣтели, которая и есть начало нравственнаго совершенства.

Человѣкъ высокой нравственности преодолѣетъ всякую трудность.

Глубина и могущество силы преодолѣвшаго всякую трудность неизмѣримы.

Онъ можетъ быть владыкою міра.

Владыка міра и есть мать вселенной.

Мать вселенной будетъ жить вѣчно, ибо она имѣетъ глубокій корень и крѣпкое основаніе *).

LX. Управленіе великой страной напоминаетъ приготовленіе вкуснаго блюда изъ мелкихъ рыбъ.

Когда святой мужъ будетъ управлять страною, то злой духъ перестанетъ быть богомъ.

Это, впрочемъ, не значитъ, что злой духъ перестанетъ быть богомъ (или духомъ),—но люди не будутъ терпѣть вреда отъ него.

Святой мужъ никому не сдѣлаетъ вреда и никто не повредитъ ему.

Поэтому нравственность святого мужа все болѣе и болѣе усовершенствуется.

LXI. Великая страна похожа на устье рѣки.

Совокупленіе вселенной есть начало **) всего міра.

Самка всегда побѣждаетъ самца потому, что она тиха и спокойно стоитъ ниже самца.

Когда большая страна стоитъ ниже маленькой, то первая завладѣетъ послѣдней.

Когда маленькая страна стоитъ ниже большой, то первая завладѣетъ послѣдней.

---

*) Букв.: *дно.*

**) Букв.: *самка.*

Отсюда видно, что стоящая ниже другихъ страна будетъ владычествовать надъ всѣми другими.

Что такое большая страна и маленькая?

Большая страна—вмѣстилище многихъ народовъ, а маленькая—вмѣстилище немногихъ.

Если правитель страны будетъ стоять ниже другихъ, то онъ осуществитъ свой добрый замыселъ.

Отсюда ясно, что желающій быть великимъ долженъ быть ниже всѣхъ.

LXII. Тао есть глубина бытія. Оно и есть сокровище добрыхъ людей.

Оно также и есть то, что держатъ злые люди.

Изящныя слова могутъ быть куплены цѣною.

Добрые поступки могутъ быть совершаемы всѣми.

Хотя люди злы, но нельзя совсѣмъ бросить ихъ.

Выбираютъ царя и трехъ великихъ сановниковъ. Имѣя въ рукахъ драгоцѣнный камень, они разъѣзжаютъ въ колесницахъ *), но это безконечно хуже, нежели проповѣдывать Тао, сидя на одномъ мѣстѣ.

Въ чемъ заключается причина того, что въ древности Тао глубоко уважалось?

Не въ томъ ли заключается, что, благодаря Тао, прощались преступники?

Оттого, быть можетъ, въ древности Тао почиталось во всемъ мірѣ.

LXIII. Всѣ должны быть бездѣятельными.

Всѣмъ слѣдуетъ соблюдать полное спокойствіе.

Всѣ должны употреблять простѣйшую пищу.

Великое есть малое, многое—не многое.

Ненавидящимъ васъ отмстите добромъ.

Когда вы благополучны, то подумайте, что нужно предпринять во время бѣды, такъ какъ великая бѣда начинается съ незначительной.

Бѣда всего міра происходитъ изъ мелочи, какъ великое дѣло—изъ малыхъ.

Святой мужъ не желаетъ быть великимъ міра, поэтому и совершаетъ великое дѣло.

Легко достигнутое согласіе не заслуживаетъ довѣрія.

---

*) Буквально: *на четверномъ экипажѣ.*

Гдѣ много легкихъ дѣлъ, тамъ много и трудныхъ.

Вотъ почему святой мужъ всегда живетъ какъ въ бѣдѣ, поэтому для него не существуетъ бѣды.

LXIV. Не трудно держать легкую вещь.

Легко предотвратить (бѣду) до полнаго обнаруженія.

Слабаго легко разбить, мелкаго легко разсѣять.

Слѣдуетъ устраивать защиту тогда, когда еще нѣтъ (въ томъ) надобности (т.-е. нѣтъ враговъ).

Слѣдуетъ заботиться о спокойствіи страны тогда, когда еще въ ней все въ порядкѣ.

Дерево, котораго нельзя обнять руками (т.-е. большое), выросло изъ маленькаго.

Девятиэтажная башня созидается изъ клочковъ земли.

Чтобы пройти тысячу верстъ, нужно начать ходьбу съ одного шага.

Кто можетъ создать, тотъ можетъ и разрушить.

Имѣющій можетъ потерять.

Святой мужъ ничего не создаетъ, поэтому ничего не разрушаетъ; онъ ничего не имѣетъ, поэтому ничего не потеряетъ.

Кто, предпринимая дѣло, спѣшитъ наскоро достигнуть результата, тотъ ничего не сдѣлаетъ.

Кто осторожно оканчиваетъ свое дѣло, какъ началъ, тотъ не потерпитъ неудачи.

Поэтому святой мужъ всегда старается быть безпристрастнымъ, не придавать цѣнности трудно-добываемымъ вещамъ и не слушать безплоднаго ученія.

Онъ повторяетъ то, что дѣлалось многими.

Онъ будетъ стараться, чтобы пособить естественному теченію вещей, но ни въ какомъ случаѣ не препятствовать ему.

LXV. Въ древности исполнявшіе Тао не старались просвѣтить народъ: они держали его въ невѣжествѣ.

Причина того, что трудно управлять народомъ, заключается въ томъ, что народъ просвѣщается и въ немъ много умныхъ.

Управляющій страною посредствомъ умствованія погубитъ ее.

Когда страна управляется безъ всякаго умствованія, то въ ней будетъ благоденствіе.

Знающій (сущность) этихъ двухъ пунктовъ будетъ образцомъ нравственной жизни (для народа). Его будутъ называть (человѣкомъ) непостижимой добродѣтели.

О, глубока и непостижима нравственность!

Она противоположна, по своему существу, всему вещественному, но никогда не сопротивляется ничему.

Она соблюдаетъ великое послушаніе.

LXVI. Причина того, что рѣки и моря суть цари многочисленныхъ долинъ (по которымъ текутъ рѣчки), заключается въ томъ, что первыя находятся ниже послѣднихъ.

Вотъ почему рѣки и моря суть цари многочисленныхъ долинъ.

Когда святой желаетъ поднять народъ, то понижаетъ его. Когда онъ желаетъ поставить его впередъ, то ставитъ его назадъ.

Отсюда, когда народъ займетъ высокое мѣсто, то не будетъ гордиться; когда пойдетъ впередъ, то никому не сдѣлаетъ вреда.

Когда осуществится все, что сказано мною, то на всей землѣ будетъ миръ.

Когда все будетъ миръ на всей землѣ, то не будетъ ссоры.

LXVII. На всей землѣ люди говорятъ, что мое Тао велико.

Правда, оно похоже на безумство, но несомнѣнно велико.

Я имѣю три преимущества, которыя я сохраняю, какъ сокровище.

Первое изъ трехъ сокровищъ есть человѣколюбіе.

Второе—бережливость.

Третье—смиреніе или то, благодаря чему я не желаю быть руководителемъ для всей земли.

Человѣколюбивые храбры.

Бережливые щедры.

Смиренные или не желающіе быть руководителями для всей земли будутъ полезны на долгое время.

Кто храбръ, не зная человѣколюбія, кто щедръ, не зная бережливости, кто идетъ впередъ, не зная смиренія, тотъ погибнетъ.

Кто ведетъ войну ради человѣколюбія, тотъ побѣдитъ враговъ. Если онъ защититъ народъ, то оборона будетъ сильна.

Это потому, что его спасетъ Небо, которое дорожитъ подобнымъ человѣкомъ.

LXVIII. Истинно просвѣщенный человѣкъ никогда не воюетъ.

Превосходный воинъ никогда не разгнѣвается.

Побѣдитель никогда не попроситъ содѣйствія посторонняго.

Умѣющій пользоваться людьми охотно занимаетъ низкое мѣсто,

что называется добродѣтелью безъ сопротивленія, средствомъ для (благоразумнаго) пользованія (услугами) людей и наконецъ согласованіемъ съ Небомъ.

Таково древнее постановленіе.

LXIX. Въ «военномъ искусствѣ» говорится, что на войнѣ я никогда не бываю активнымъ, а—пассивнымъ.

Не сдѣлавъ ни шага *) впередъ, идти назадъ аршинъ—значитъ: уступить врагамъ оспариваемое безъ сопротивленія.

Когда нѣтъ враговъ, то не бываетъ войны.

Нѣтъ бѣды тяжелѣе, чѣмъ презирать враговъ.

Презирать враговъ все равно, что бросить богатства безъ надобности.

Плачущій объ увеличеніи своего войска всегда будетъ побѣдителемъ.

LXX. Я говорю, что очень легко пріобрѣсти знаніе и творить благія дѣла.

Между тѣмъ, на всей землѣ никто не знаетъ этого и не дѣлаетъ благихъ дѣлъ.

Въ словахъ долженъ быть принципъ, въ дѣлахъ—господинъ.

Нѣтъ знанія. Вотъ почему я не знаю ничего.

Знающихъ меня мало, поэтому я почтителенъ.

Отсюда, святой мужъ надѣваетъ на себя худую одежду, но въ себѣ имѣетъ драгоцѣнный камень.

LXXI. Кто, зная много, держитъ себя, какъ незнающій ничего, тотъ—нравственный мужъ.

Кто, не зная ничего, держитъ себя, какъ знающій много, тотъ боленъ.

Кто болѣетъ тѣлесною болѣзнью, тотъ еще не (есть) дѣйствительно больной.

Святой мужъ никогда не болѣетъ, ибо онъ не знаетъ болѣзни, хотя болѣетъ (тѣломъ).

LXXII. Когда народъ перестаетъ бояться сильнаго, то сильный нападетъ на него.

Каково бы ни было жилище, оно для святого не тѣсно.

Каково бы ни было мѣсто рожденія, для святого все равно.

Никакой предметъ не стѣсняетъ его, поэтому и онъ не стѣсняетъ никого.

---

*) По выраженію Лаоси—*вершка*.

Хотя святой хорошо знаетъ свое достоинство, но никогда не обнаружитъ этого.

Хотя ему не чуждо самолюбіе, но онъ никогда не гордится.

Вотъ почему всѣ должны удалиться отъ перваго и приблизиться къ послѣднему.

LXXIII. Кто силенъ и дерзокъ, тотъ убьетъ людей.

Кто силенъ, но не дерзокъ, тотъ оживитъ людей.

Эти оба либо полезны, либо вредны.

Никто не знаетъ, почему небо любитъ одинъ предметъ, а другой нѣтъ. Рѣшить этотъ вопросъ даже святой мужъ не можетъ.

Небесное Тао никогда не ссорится, поэтому оно побѣждаетъ всѣхъ.

Хотя оно мало говоритъ, но обсуждаетъ лучше, нежели многорѣчивые.

Никто не вызываетъ (Тао), но оно присутствуетъ вездѣ.

Намъ кажется, что оно ничего не дѣлаетъ, но на самомъ дѣлѣ оно дѣйствуетъ лучше всѣхъ.

Небесная сѣть не плотна и какъ будто пропускаетъ всѣ предметы черезъ себя; но изъ нея ничего не выйдетъ наружу.

LXXIV. Народъ не боящійся смерти нельзя страшить смертью.

Народъ пріученный бояться смерти нельзя страшить дѣлами, могущими причинить ему смерть.

Есть люди, должность которыхъ—убивать. Убивающій людей вмѣсто палача называется намѣстникомъ убійцы.

Намѣстникъ убійцы повредитъ свою руку, совершая убійство.

LXXV. Оттого народъ голодаетъ, что слишкомъ велики и тяжелы государственные налоги.

Это именно—причина бѣдствія народа.

Народъ сдѣлается непослушнымъ, если правительство будетъ хлопотать о нихъ чрезмѣрно много.

Это именно—причина непослушанія народа.

Когда народъ слишкомъ сильно ищетъ жизни, то онъ будетъ смотрѣть на смерть, какъ на самое легкое дѣло.

Это и есть причина пренебрежительнаго отношенія народа къ смерти.

Вотъ почему не ищущій жизни мудрѣе ищущаго ея.

LXXVI. Новорожденный младенецъ нѣженъ и слабъ.

Трупъ мертвеца крѣпокъ и не гибокъ.

Только-что распустившееся растеніе нѣжно и слабо.

Засохшее растеніе твердо и не гибко.

Отсюда ясно, что нѣжное и слабое живетъ.

Сильное войско не побѣдоносно.

Нельзя поломать связку прутьевъ.

Сильное находится внизу, а слабое—наверху.

LXXVII. Небесное Тао похоже на человѣка, натягивающаго тетиву на лукъ: высокій поднимаетъ лукъ наверхъ, а низкій поднимаетъ взоръ наверхъ.

Имѣющій избытокъ потерпитъ потерю.

Страдающій недостаткомъ будетъ имѣть избытокъ.

Потому что небесное Тао всегда отнимаетъ у изобилующихъ и отдаетъ страдающимъ недостаткомъ.

Человѣческое Тао, впрочемъ, наоборотъ: оно отнимаетъ отъ неимѣющихъ и отдаетъ изобилующимъ.

Поэтому, кто посвящаетъ свой избытокъ всему міру, тотъ имѣетъ Тао.

Святой мужъ дѣлаетъ много, но не хвалится сдѣланнымъ; совершаетъ заслуги, но не признаетъ ихъ, потому что онъ не желаетъ обнаружить свою мудрость.

LXXVIII. Хотя въ мірѣ нѣтъ предмета, который былъ бы слабѣе и нѣжнѣе воды, но она можетъ разрушить самый твердый предметъ.

Въ мірѣ нѣтъ вещи, которая побѣдила бы воду, ибо она нѣжнѣе и слабѣе всѣхъ вещей.

Извѣстно, что слабое существо побѣждаетъ сильное, нѣжное—крѣпкое, но никто этого не признаетъ.

Святой мужъ говоритъ, что получившій (отъ царя) удѣлъ сдѣлается господиномъ; но принимающій на себя несчастіе страны сдѣлается царемъ ея.

Голосъ истины противенъ слуху.

LXXIX. Послѣ сильной ненависти останется слабая ненависть.

Ненавидящій, хоть слабо, не можетъ творить добро для ненавистнаго.

Святой беретъ отъ всѣхъ клятвенное свидѣтельство, но не притѣсняетъ никого.

Нравственный человѣкъ соблюдаетъ клятву, а безнравственный нарушаетъ.

Небесное Тао не имѣетъ родственниковъ, поэтому оно всегда склоняется къ добрымъ людямъ.

LXXX. Такъ какъ въ маленькомъ государствѣ мало народа, то хотя въ немъ много лучшихъ орудій, но они останутся безъ употребленія и безъ надобности.

Народъ такого государства потеряетъ всякую предпріимчивость и умретъ на мѣстѣ своего рожденія, не двигаясь никуда.

Если у него много возовъ и кораблей, то они останутся безъ употребленія.

Хотя онъ имѣетъ благоустроенное войско, но негдѣ выставить его.

Онъ будетъ плесть веревку, чтобы ею оградить свое государство.

Хотя онъ кушаетъ хорошо, одѣвается красиво, устраиваетъ покойное жилище и живетъ весело, но существованіе его будетъ безполезно.

Хотя такое государство находится съ сосѣднимъ въ такомъ близкомъ разстояніи, что слышны пѣніе пѣтуховъ и лай собакъ въ немъ, но сообщенія между ними никогда не будетъ.

LXXXI. Голосъ истины неизященъ, а изящная рѣчь лжива.

Нравственный человѣкъ не краснорѣчивъ, а краснорѣчивый — лжецъ.

Мудрецъ не знаетъ многаго, а знающій много—не мудрецъ.

Святой мужъ ничѣмъ не запасается. Если запасается чѣмъ-нибудь, то для другихъ.

Когда онъ имѣетъ что-нибудь, то все раздаетъ другому.

Поэтому запасъ его все болѣе и болѣе увеличится.

Небесное Тао полезно: оно не имѣетъ въ себѣ ничего вреднаго для людей.

Тао святыхъ—творить добро и не ссориться.

# Новая книга о философіи Канта.

**М. И. Каринскій.** Объ истинахъ самоочевидныхъ. Выпускъ первый. С.-Пб. 1893. §§ 1—28. стр. 1—196.

Сочиненіе М. И. Каринскаго «Объ истинахъ самоочевидныхъ» состоитъ изъ введенія и критики Кантова ученія о самоочевидныхъ истинахъ.

Во *введеніи* авторъ устанавливаетъ задачу предпринятаго имъ изслѣдованія. Теорія доказательства, согласно съ разъясненіями автора, должна рѣшить два вопроса: 1) на сколько видовъ и какихъ дѣлятся логически правильные выводы и что при этомъ ручается за ихъ правильность, и 2) на чемъ основываются послѣднія посылки человѣческаго знанія, извѣстныя подъ названіемъ самоочевидныхъ истинъ? Первый изъ этихъ вопросовъ рѣшенъ въ настоящее время болѣе или менѣе удовлетворительно. При рѣшеніи же второго вопроса существуетъ между изслѣдователями принципіальное разногласіе. Одно рѣшеніе вопроса даетъ Кантъ со своими многочисленными послѣдователями *), и

---

*) При этомъ авторъ посредствомъ краткаго, но весьма яснаго и отчетливаго историческаго очерка показываетъ, что Канту не могло придти на мысль поставить означенный вопросъ. Вопросъ о самоочевидныхъ истинахъ, какъ требующихъ обоснованія, былъ поставленъ въ новой философіи Декартомъ. Но Декартъ не даетъ научнаго рѣшенія этого вопроса. Онъ принимаетъ нѣкоторыя положенія за послѣднія посылки человѣческаго знанія, не уясняя себѣ логическаго права ихъ на это. Лейбницъ пытается идти далѣе и высказываетъ мысль, что всѣ аксіомы основываются на положеніи тожества. Но эту мысль онъ оставляетъ безъ подробнаго раскрытія и доказательства. Вопросъ о самоочевидныхъ истинахъ оставался поэтому открытымъ и послѣ Лейбница. Юмъ утверждаетъ, что положеніе причинности 1) не получается чрезъ разложеніе понятій и 2) основывается на опытѣ. Кантъ соглашается съ первою мыслію Юма и возводитъ ее въ общее положеніе,—что всѣ аксіомы суть су-

другое, прямо противоположное — представители современнаго эмпиризма. Критически разобраться въ этихъ двухъ направленіяхъ и самостоятельно намѣтить новое, болѣе правильное рѣшеніе вопроса и составляетъ задачу предпринятаго авторомъ изслѣдованія.

Поставленная задача очень трудна для разрѣшенія. Трудно критически оцѣнить ученіе Канта и представителей современнаго эмпиризма, потому что и первый и послѣдніе пользуются авторитетомъ въ окружающемъ насъ обществѣ. Но еще труднѣе намѣтить болѣе правильное рѣшеніе вопроса о самоочевидныхъ истинахъ. Выполнить съ успѣхомъ эту задачу значитъ возвести гносеологію на новую, высшую послѣ Канта ступень развитія. Не удивительно поэтому, что авторъ идетъ къ цѣли постепенно, раздѣливъ общую задачу на нѣсколько частныхъ задачъ. Задачею перваго выпуска служитъ критика Кантова ученія о самоочевидныхъ истинахъ.

Дѣлаемая авторомъ критика Кантова ученія можетъ быть раздѣлена на четыре части.

Въ *первой части* авторъ критикуетъ исходное положеніе Кантова ученія. Кантъ въ своихъ изслѣдованіяхъ вышелъ изъ мысли, что аксіомы математики и положенія чистаго естествознанія не происходятъ изъ опыта и не получаются чрезъ разложеніе понятій. Этою мыслію предрѣшался само собою результатъ изслѣдованій Канта, что послѣднія посылки человѣческаго знанія имѣютъ свою основу въ природѣ разсудка. Авторъ разъясняетъ, что указанное исходное положеніе Канта догматично. Чтобы доказать не-опытное происхожденіе аксіомъ, Кантъ ссылается на ихъ всеобщность и необходимость. Но откуда онъ знаетъ, что онѣ всеобщи и необходимы? Всеобщность и необходимость математическихъ аксіомъ не есть какая-либо не требующая доказательствъ истина.

Авторъ указываетъ, что, по ученію современнаго эмпиризма, убѣжденіе въ математическихъ аксіомахъ пріобрѣтается опыт-

жденія синтетическія. Но онъ отвергаетъ вторую мысль, что положеніе причинности основывается на опытѣ. Ему кажется, что Юмъ не пришелъ бы къ этому выводу, еслибъ обратилъ вниманіе на аксіомы математики. Аксіомы математики, думаетъ Кантъ, безспорно, всеобщи и необходимы. Какъ такія, онѣ, естественно, не могутъ происходить изъ опыта. То же самое нужно сказать, думаетъ онъ, и объ остальныхъ аксіомахъ.

нымъ путемъ. Въ виду этого принимать аксіомы всеобщими и необходимыми безъ всякихъ доказательствъ нельзя. Кантъ же дѣлаетъ это, почему исходное положеніе и результатъ его изслѣдованій являются догматичными.

Во *второй части* авторъ подвергаетъ критикѣ ученіе Канта объ аксіомахъ математики. Кантъ ставитъ въ связь умозрительность математическаго знанія съ апріорностью созерцаній пространства и времени. Если созерцанія пространства и времени апріорны, то должны быть апріорны и основывающіяся на нихъ аксіомы. И наоборотъ, не-опытное происхожденіе математическаго знанія должно служить доказательствомъ не-опытнаго происхожденія созерцаній пространства и времени. Авторъ разъясняетъ, что указанной связи въ дѣйствительности не существуетъ. «Изъ мысли, говоритъ онъ, что пространство и время суть чистыя, т. е. возникающія изъ самой природы воспріемлющей способности, созерцанія, слѣдуетъ непосредственно только то, что сужденія, въ которыхъ формулируются законы этихъ созерцаній, суть сужденія о законахъ чистаго созерцанія; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы самыя эти сужденія,—хотя они и сужденія о законахъ созерцанія, возникающаго изъ нѣдръ познающаго духа,—были непремѣнно умозрительными сужденіями». Созерцанія могутъ быть апріорны, а сужденія о законахъ созерцаній и вмѣстѣ—математическія аксіомы, служащія выраженіемъ этихъ законовъ, могутъ имѣть опытное происхожденіе. Дѣятельность воспроизведенія представленій, напримѣръ, предопредѣлена природою человѣческаго духа и въ этомъ смыслѣ является апріорною. Не смотря на это, такъ называемые законы ассоціаціи, которые обыкновенно считаются законами воспроизведенія представленій, познаются нами не умозрительнымъ, а опытнымъ путемъ. Ничто не мѣшаетъ думать, что чисто опытнымъ путемъ могутъ быть устанавливаемы и математическія аксіомы.

Но изъ какого бы источника ни происходили отдѣльныя созерцанія, они всегда суть частные образы. Частные же образы могутъ служить основаніемъ для сужденій частныхъ, а не всеобщихъ и необходимыхъ. Всеобщія и необходимыя математическія аксіомы не могутъ, слѣдовательно, основываться на созерцаніяхъ. Конечно, каждый частный образъ заключаетъ въ себѣ и общія, необходимыя черты. Но онѣ должны быть выдѣлены изъ частныхъ и случайныхъ. Выдѣленіе это не можетъ совер-

шиться чрезъ непосредственное созерцаніе. Для него необходимы особые мыслительные процессы, каковы, напримѣръ, попытки создать образы, противорѣчащіе аксіомамъ.

Математическое знаніе могло бы основываться на созерцаніяхъ и быть умозрительнымъ лишь въ томъ случаѣ, еслибъ оно было не синтетическимъ, какъ учитъ Кантъ, а аналитическимъ, получаемымъ чрезъ разложеніе продуктовъ созерцанія. Но въ этомъ случаѣ оно не могло бы претендовать на безусловную всеобщность и необходимость. Наше созерцаніе не есть единственное созерцаніе, ибо мыслимы иное пространство и время. Для этихъ послѣднихъ уже не могутъ имѣть значенія тѣ аксіомы, которыя основываются на нашемъ созерцаніи. «Я имѣю въ виду, замѣчаетъ авторъ, то особое направленіе въ изслѣдованіи геометрическихъ аксіомъ, которое выразилось въ трудахъ Гаусса, Лобачевскаго, Римана, Гельмгольца и др. Эти ученые доказывали,—правильно или неправильно, объ этомъ здѣсь нѣтъ вопроса,—что мыслимы иныя пространства съ иными основными свойствами, чѣмъ наше, свойства котораго устанавливаетъ Эвклидова геометрія. Въ этихъ воображаемыхъ пространствахъ нѣкоторыя аксіомы нашей геометріи теряютъ свое значеніе, именно—аксіома параллелей теряетъ значеніе для такъ-называемаго псевдо-сферическаго пространства, вмѣстѣ съ нею и аксіома о возможности только одной прямой между двумя точками—для такъ-называемаго сферическаго пространства».

Заканчиваетъ авторъ вторую часть своей критики указаніемъ на поразительное противорѣчіе, которое существуетъ между трансцендентальною эстетикою и аналитикою Канта и которое, между тѣмъ, до сихъ поръ не останавливало на себѣ вниманія изслѣдователей. Въ то время, какъ по ученію трансцендентальной аналитики математическое знаніе основывается на созерцаніи, въ ученіи о формахъ разсудочной дѣятельности Кантъ утверждаетъ, что это знаніе основывается на разсудочной дѣятельности. Эта послѣдняя мысль, не доведенная Кантомъ до конца и выраженная не совсѣмъ ясно, должна была, по мнѣнію автора, привести Канта къ совершенно иной постановкѣ дѣла. Если убѣжденіе въ математическихъ аксіомахъ пріобрѣтается мыслію, то мысль можетъ уяснить для себя основанія, почему она должна соглашаться съ этими аксіомами. А въ этомъ собственно и заключается сущность вопроса объ аксіомахъ, какъ самоочевидныхъ истинахъ.

Въ *третьей части* авторъ подвергаетъ обстоятельному разбору ученіе Канта объ основоположеніяхъ разсудка. Такъ какъ основоположенія, по Канту, составляютъ примѣненіе необходимымъ понятій о предметѣ, или категорій, къ явленіямъ, то авторъ начинаетъ свой разборъ съ критическихъ замѣчаній на ученіе Канта о категоріяхъ.

Кантъ высказываетъ намѣреніе вывести категоріи изъ различія формъ судящей дѣятельности. Это намѣреніе, по мнѣнію автора, вполнѣ законно, ибо по различію познавательныхъ пріемовъ можно судить о различіи взглядовъ, или понятій, съ которыми мысль обращается къ познанію предметовъ. На самомъ дѣлѣ, Кантъ не приводитъ въ исполненіе своего намѣренія. Онъ принимаетъ традиціонное дѣленіе сужденій и голословно утверждаетъ, что категорическимъ сужденіямъ отвѣчаетъ категорія субстанціальности, условнымъ—категорія причинности и раздѣлительнымъ—категорія взаимодѣйствія. Но чрезъ это онъ соединяетъ такія не соединимыя между собою отношенія, какъ *реальное* отношеніе взаимодѣйствія и *логическое* отношеніе исключенія видовъ въ родѣ, и оставляетъ безъ вниманія другія отношенія: напримѣръ, сходство, равенство, пропорціональность, подлѣположеніе въ пространствѣ и слѣдованіе во времени. Чтобы нѣсколько поправить дѣло, Кантъ заявляетъ, что сужденія о простой одновременности и послѣдовательности имѣютъ значеніе только для субъекта. Объективное значеніе они пріобрѣтаютъ, когда переходятъ въ сужденія о взаимодѣйствіи и причинности. Но эта поправка не только ставитъ Канта въ противорѣчіе съ безспорными фактами ежедневнаго опыта, но и лишаетъ его права выводить категоріи непосредственно изъ сужденій. Стоя на означенной точкѣ зрѣнія, можно выводить категоріи не прежде, чѣмъ будутъ выдѣлены изъ всѣхъ возможныхъ видовъ сужденій сужденія объективныя. А выдѣленіе это можетъ совершиться не иначе, какъ чрезъ категоріи же. Несмотря на всѣ указанныя несообразности, Кантъ утверждаетъ, что его категоріи составляютъ неподлежащее дальнѣйшему анализу существо человѣческой мысли. Авторъ подчеркиваетъ полную догматичность этой мысли и дѣлаетъ заключеніе: если категоріи, по Канту, суть понятія, безусловная обязательность которыхъ для мысли не можетъ быть уяснена мыслію, то и основоположенія могутъ быть для Канта не чѣмъ инымъ, какъ требованіями, ко-

торымъ мысль должна подчиняться слѣпо, въ силу роковой необходимости.

Изъ всѣхъ основоположеній авторъ останавливаетъ особенное вниманіе на основоположеніяхъ категорій отношенія, потому что они опредѣлили собою Кантову систему. Но онъ не оставляетъ безъ критическихъ замѣчаній и ученія Канта объ основоположеніяхъ категорій количества и качества.

Во взглядѣ Канта на основоположеніе количества авторъ усматриваетъ смѣшеніе синтетичности понятій съ синтетичностью сужденій. Понятіе о пространствѣ можетъ образовываться чрезъ синтезъ однородныхъ частей и быть синтетическимъ. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что сужденіе о пространствѣ, какъ экстенсивной величинѣ, есть синтетическое сужденіе. Такъ какъ въ понятіи пространства необходимо мыслится понятіе экстенсивной величины, то означенное сужденіе есть аналитическое сужденіе. Взглядъ же Канта на основоположеніе качества представляетъ собою, какъ показываетъ авторъ, возведеніе простого факта внутренняго опыта,—что ощущенія могутъ усиливаться и ослабѣвать,—на степень умозрительной, самоочевидной истины.

Ученіе Канта объ основоположеніяхъ отношенія заключаетъ въ своей основѣ, по мнѣнію автора, вѣрную мысль, что объективный порядокъ не воспринимается пассивно, а создается активною мыслію, руководящеюся извѣстными предположеніями. Но развитіе этой мысли у Канта авторъ находитъ ошибочнымъ. Фундаментальная ошибка Канта, по разъясненію автора, заключалась въ мысли, что явленія могутъ быть воспринимаемы только въ послѣдовательномъ порядкѣ, что въ самыхъ явленіяхъ воспринимаемыхъ нѣтъ никакого критерія для различія дѣйствительно послѣдовательныхъ явленій отъ явленій дѣйствительно одновременныхъ и что, слѣдовательно, этотъ критерій долженъ заключаться въ природѣ нашего разсудка, въ его необходимыхъ предположеніяхъ о предметѣ.

По ученію Канта, чтобы признать какую-либо перемѣну объективною, для этого нужно усмотрѣть причинную зависимость ея отъ перемѣны предшествующей. Но, замѣчаетъ авторъ, усмотрѣть эту зависимость нельзя, если не будетъ признана предшествующая перемѣна объективною. Признать же ее такою можно не иначе, какъ чрезъ усмотрѣніе причинной зависимости

ея отъ другой предшествующей перемѣны и т. д. до безконечности. Посему, еслибы положеніе Канта было вѣрно, то мы не могли бы установить ни одной объективной перемѣны. Но такъ ли это? Кантъ, повидимому, признаетъ, что въ нашихъ воспріятіяхъ ставится внѣшняя дѣйствительность. Въ такомъ случаѣ, и перемѣны въ нашихъ воспріятіяхъ должны изначала казаться намъ перемѣнами во внѣшней дѣйствительности. Если же Кантъ раздѣлялъ мнѣніе поверхностныхъ философовъ, будто наши воспріятія суть субъективные образы, то существо дѣла нисколько не измѣняется. Въ этомъ случаѣ, перемѣны въ нашихъ воспріятіяхъ должны восприниматься нашимъ внутреннимъ чувствомъ также въ смыслѣ дѣйствительныхъ, хотя и нашихъ собственныхъ только, перемѣнъ. При томъ и другомъ предположеніи, очевидно, мы должны устанавливать объективныя перемѣны, не прибѣгая къ понятію причинности.

Въ зрѣломъ возрастѣ, продолжаетъ авторъ, мы полагаемъ различіе между субъективными и объективными перемѣнами. Но при этомъ различеніи мы руководимся совсѣмъ не присутствіемъ или отсутствіемъ усматриваемой нами причинной зависимости между перемѣною воспринимаемою и перемѣною, ей предшествующею. Изъ безпамятнаго дѣтства мы выносимъ опытное убѣжденіе, что сфера нашего воспріятія, сравнительно съ сферою бытія, ограничена, что мы можемъ по произволу переносить сферу воспріятія съ однихъ предметовъ на другіе и что это перемѣщеніе всегда сопровождается, съ одной стороны, кажущимся измѣненіемъ предметовъ воспріятія (ихъ перемѣщеніемъ, возникновеніемъ и уничтоженіемъ), а съ другой—опредѣленными ощущеніями движеній или отдѣльныхъ нашихъ органовъ (глазъ, головы, рукъ), или всего нашего тѣла. Отсюда мы начинаемъ смотрѣть на эти ощущенія, какъ на признаки призрачности, или субъективности, воспринимаемыхъ нами перемѣнъ. Мы считаемъ воспринимаемыя нами перемѣны призрачными, какъ скоро онѣ сопровождаются указанными ощущеніями, и считаемъ объективными, когда этихъ ощущеній не бываетъ дано вмѣстѣ съ ними. «Если я, обводя глазами комнату, отрицаю, поясняетъ авторъ, всякое объективное значеніе... за тѣмъ возникновеніемъ и исчезновеніемъ предметовъ, которое происходитъ при этомъ въ моемъ воспріятіи, то, совершенно наоборотъ, я замѣняю только это возникновеніе и исчезновеніе пространственнымъ перемѣщеніемъ самихъ

объектовъ, входомъ ихъ самихъ въ сферу моего воспріятія и выходомъ изъ этой сферы, когда мелькаетъ въ моихъ глазахъ череда проходящихъ мимо меня желѣзно-дорожныхъ вагоновъ, или пролетаетъ птица, или проходитъ человѣкъ; когда мы сравнимъ между собою эти два порядка случаевъ возникновенія и исчезновенія въ воспріятіи предметовъ при перемѣщеніи ихъ въ сферѣ воспріятія, то мы найдемъ, что тѣ случаи, гдѣ исчезновеніе и возникновеніе толкуются въ смыслѣ объективнаго перемѣщенія самихъ предметовъ изъ сферы и въ сферу воспріятія, отличаются отъ остальныхъ подобныхъ же случаевъ лишь тѣмъ, что при нихъ нѣтъ признаковъ призрачности движенія, т. е. или вовсе отсутствуютъ тѣ мускульныя ощущенія, происходящія отъ движенія органовъ или всего организма, съ которыми связано представленіе о перемѣщеніи сферы воспріятія, или эти ощущенія извѣщаютъ о такомъ перемѣщеніи этой сферы, которое недостаточно для объясненія феномена». Авторъ приводитъ и другіе различные примѣры и на нихъ доказываетъ свою мысль.

Еслибы мы не отличали объективныхъ перемѣнъ отъ субъективныхъ, то мы никогда не были бы въ состояніи усмотрѣть причинной зависимости между воспринимаемыми перемѣнами. Воспринимаемыя перемѣны представляли бы въ этомъ случаѣ такой разнообразный хаосъ, что выдѣлить въ немъ необходимый порядокъ не было бы никакой возможности. Посему считать усмотрѣніе причинной зависимости условіемъ постановки объективныхъ перемѣнъ нельзя ни въ какомъ случаѣ.

Нѣкоторыми неосторожными выраженіями Кантъ даетъ поводъ толковать его ученіе въ томъ смыслѣ, что усмотрѣніе причинной связи служитъ условіемъ не всякой, а лишь законной постановки объективныхъ перемѣнъ. Авторъ выставляетъ на видъ, что подобное пониманіе Кантова ученія невозможно. «Кантова философія, говоритъ онъ, не знаетъ никакой другой объективности, кромѣ объективности, созидаемой мыслію», активною по категоріямъ разсудка.

Какъ для установки объективной послѣдовательности нужно понятіе причинности, такъ для установки объективной о д н о в р е м е н н о с т и, думаетъ Кантъ, нужно понятіе в з а и м о д ѣ й с т в і я. Мы не можемъ установить одновременнаго существованія нѣсколькихъ предметовъ, не усмотрѣвъ напередъ между ни-

ми отношенія взаимодѣйствія. Но, возражаетъ авторъ, взаимодѣйствіе, по Канту, можетъ существовать только между субстанціями, а каждая протяженная субстанція является въ нашемъ воспріятіи уже совокупностью нѣсколькихъ сосуществующихъ субстанцій. Отсюда для Канта оставался одинъ исходъ: или признать, что даже установка одной субстанціи требуетъ понятія взаимодѣйствія, но это—абсурдъ, или отказаться отъ мысли, что для установки одновременности необходимо усмотрѣніе взаимодѣйствія.

Въ каждомъ предметѣ воспринимаемъ мы по нѣскольку свойствъ. Если эти свойства первоначально воспринимаются въ послѣдовательномъ порядкѣ, то со временемъ мы пріобрѣтаемъ возможность воспринимать ихъ заразъ. Это—фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію, Кантомъ же совершенно упущенный изъ виду. Означенныя свойства мы объединяемъ въ своемъ созерцаніи, конечно, безъ понятія взаимодѣйствія. Безъ понятія взаимодѣйствія обходимся мы и при объединеніи въ своемъ созерцаніи нѣсколькихъ сосуществующихъ предметовъ.

Рядъ предметовъ можетъ быть воспринятъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. Но мы признаемъ эти предметы одновременно существующими, какъ скоро убѣждаемся, что послѣдовательное возникновеніе однихъ изъ нихъ и исчезновеніе другихъ въ нашемъ воспріятіи есть призрачное, происходящее отъ перемѣщенія сферы нашего воспріятія. О призрачности возникновенія и исчезновенія предметовъ воспріятія мы судимъ по опредѣленнымъ эмпирическимъ признакамъ, которые подробно анализируются авторомъ. Когда этихъ признаковъ бываетъ недостаточно для убѣжденія въ продолжающемся существованіи исчезнувшихъ изъ воспріятія предметовъ, мы по произволу дополняемъ прямое воспріятіе предметовъ обратнымъ. Встрѣчая при обратномъ воспріятіи тѣ же самые предметы, что и при прямомъ, мы проникаемся убѣжденіямъ, что предметы эти существовали и тогда, когда мы не воспринимали ихъ, ибо, предполагается, стоило намъ въ этотъ моментъ только захотѣть, и мы восприняли бы ихъ. Это—другой фактъ, не остановившій на себѣ должнаго вниманія Канта.

Если таковы условія постановки объективной одновременности, то ясно, что понятіе взаимодѣйствія, по которому предметы возникаютъ послѣдовательно не въ воспріятіи только, но и на са-

момъ дѣлѣ, должно только мѣшать установкѣ объективной одновременности. Можно, конечно, представить, что субстанціи непрерывно порождаютъ одна другую и такимъ образомъ находятся во взаимодѣйствіи и сосуществуютъ. Но когда мы представляемъ одновременное существованіе, мы имѣемъ въ виду предметы независимые одинъ отъ другого. Ибо о какой взаимной зависимости между предметами можетъ быть рѣчь, когда одинъ и тотъ же предметъ воспринимается вмѣстѣ одинъ разъ съ однимъ, другой разъ—съ другимъ, третій—съ третьимъ и т. д. предметами? Мало того. Въ основаніи установки одновременнаго существованія лежитъ признаніе призрачности возникновенія и уничтоженія предметовъ. Но извѣстно, что мы можемъ констатировать призрачность возникновенія и уничтоженія не многихъ только, но и одного предмета. Это бываетъ, когда мы, устремивъ глаза на какой-либо предметъ, послѣдовательно закрываемъ и открываемъ ихъ. О какомъ-либо взаимодѣйствіи здѣсь уже нельзя и говорить.

Такимъ образомъ, въ воспринимаемыхъ явленіяхъ мы имѣемъ два признака, по которымъ можемъ отличать въ нихъ объективную одновременность отъ объективной послѣдовательности: 1) явленія одновременныя могутъ быть воспринимаемы заразъ, явленія же послѣдовательныя—только въ послѣдовательномъ порядкѣ, и 2) явленія одновременныя мы можемъ по произволу воспринимать въ какомъ угодно порядкѣ, между тѣмъ явленія послѣдовательныя допускаютъ воспріятіе въ одномъ только порядкѣ — отъ предшествующаго къ послѣдующему.

Основоположеніе субстанціальности Кантъ доказываетъ слѣдующимъ образомъ. Явленія происходятъ во времени. Время не можетъ быть воспринято. Посему долженъ быть субстратъ, на которомъ воспринимаются смѣна и одновременность. Этотъ субстратъ и есть субстанція, количество которой не можетъ ни увеличиваться, ни уменьшаться. Противъ этого авторъ замѣчаетъ: если субстанція замѣняетъ время, то она должна быть не только постоянною, но также единою и непротяженною, и чрезъ нее мы должны воспринимать не только одновременность и послѣдовательность, но и продолжительность. Послѣднее какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало бы общему ученію Канта объ основоположеніяхъ. «Соотвѣтственно общему плану доказательствъ основоположеній категорій отношенія, говоритъ

авторъ, можно было ожидать, что на категорію субстанціи выпадетъ доля служить условіемъ установки объективности продолженія, какъ на категоріи причинности и взаимодѣйствія выпала доля служить условіями постановки перемѣны и одновременности». Но Кантъ не рѣшается утверждать этого, ибо тогда выходило бы, что виды времени воспринимаются чрезъ продолжающееся бытіе, которое для своего воспріятія требуетъ также времени. «Понятно, говоритъ авторъ, что слонъ не можетъ опираться на черепахѣ, которая опирается на немъ. Отсюда слѣдуетъ, что не совсѣмъ случайно въ точной формулѣ доказательства забыто о «продолженіи», которое именно и должно быть связано съ субстанціальностью». Но и отношенія одновременности и послѣдовательности также не могутъ восприниматься чрезъ субстанцію. Если для этого воспріятія требуется просто представленіе времени, то оно у насъ существуетъ, ибо относится къ числу необходимыхъ представленій. Если же для этого воспріятія требуется воспринимаемое время, то субстанція безсильна въ этомъ случаѣ оказать какую-либо помощь, ибо она не дѣлаетъ времени воспринимаемымъ. Кромѣ того, тогда невозможно было бы вообще воспріятіе одновременности и послѣдовательности, а между тѣмъ это воспріятіе составляетъ фактъ.

Въ послѣдней, *четвертой части* авторъ критикуетъ конечные результаты, къ которымъ пришелъ Кантъ со своимъ ученіемъ объ основоположеніяхъ,—его мнѣніе о созиданіи объективнаго міра чистымъ самосознаніемъ. По ученію Канта, мы не можемъ постигать внѣшняго міра, потому что для этого мы должны были бы выйти изъ самихъ себя. Внѣшній міръ творится нашимъ самосознаніемъ изъ порождаемыхъ имъ ощущеній по присущимъ ему понятіямъ и предположеніямъ. Наше самосознаніе, думаетъ Кантъ, потому и остается единымъ и тожественнымъ, что въ немъ объединяются всѣ порождаемыя имъ ощущенія и представленія. Это ученіе Канта авторъ считаетъ совершенно ошибочнымъ. Мы можемъ, по мнѣнію автора, не знать, какимъ образомъ постигается нами внѣшній міръ; но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что постиженіе внѣшняго міра невозможно. Опытъ убѣждаетъ насъ, что ни ощущенія, ни ихъ взаимныя отношенія не зависятъ отъ нашего произвола. Изъ этого мы заключаемъ о существованіи «нѣчто», что вызываетъ ощу-

щенія и что содержаніемъ ихъ характеризуется. И такъ какъ ощущенія суть жизненныя состоянія, то, думаетъ авторъ, и характеризуемая ими внѣшняя дѣйствительность, естественно, является для насъ живою, непосредственно созерцаемою нами дѣйствительностью. «Я хочу, говоритъ авторъ, обратить вниманіе на то, что только эта созерцательность непосредственнаго сознанія (въ отличіе отъ простого констатированія рефлектирующею мыслію, что есть «нѣчто» внѣ нашего сознанія) и есть причина того, что наше сознаніе непосредственно чувствуетъ себя живущимъ и дѣйствующимъ среди бытія дѣйствительнаго, а не среди собственныхъ представленій, которыя служили бы ему только простыми знаками скрытой отъ него на-вѣки иной дѣйствительности; только эта созерцательность... представляетъ для субъекта то бытіе, среди котораго онъ живетъ и дѣйствуетъ, не царствомъ тѣней, а жизнію, непосредственно существующею предъ нимъ, въ самой своей наличности предстоящею предъ нимъ дѣйствительностью».

Мысль Канта, что самосознаніе есть живая сила и что безъ единства и тожества его невозможно никакое знаніе, авторъ считаетъ совершенно вѣрною. Но онъ отвергаетъ другую мысль Канта, будто самосознаніе само по себѣ можетъ создать представленіе внѣшняго міра и дать намъ знаніе о немъ и его законахъ. Внѣшній опытъ даетъ намъ указаніе на опредѣленныя соотношенія получаемыхъ нами ощущеній. Не будь этихъ указаній, —и мы были бы лишены возможности соединять согласно съ дѣйствительностью созерцаемыя нами явленія.

Считаетъ авторъ ошибочною также ту мысль Канта, будто объединеніе представленій служитъ условіемъ тожества самосознанія. Чувственный матеріалъ, поясняетъ онъ, никогда не можетъ быть объединенъ сполна, и, несмотря на это, наше самосознаніе не перестаетъ быть тожественнымъ. Правда, все созерцаемое нами въ формѣ пространства носитъ на себѣ печать нѣкотораго объединенія. Но нельзя сказать того же относительно явленій, данныхъ во времени. Причинная связь, напримѣръ, не дана въ созерцаніи, а должна быть отыскана. Утверждать противное, какъ дѣлаетъ Кантъ, значитъ увлекаться поверхностною аналогіей между отношеніями временной послѣдовательности и причинной зависимости.

Подобный способъ доказательства, когда положенія, касаю-

щіяся временныхъ отношеній, подтверждаются истинами, касающимися пространственныхъ отношеній, и служитъ, по мнѣнію автора, тою ширмою, которая закрываетъ отъ изслѣдователей недостатки Кантова ученія.

Такимъ образомъ, какъ исходное положеніе, такъ и заключеніе Кантова ученія о самоочевидныхъ истинахъ догматичны. Если наше знаніе есть знаніе не дѣйствительности, а создаваемаго нами самими призрака, то о разумномъ оправданіи этого знанія не можетъ быть вопроса. Чистыя основоположенія, по которымъ вырабатывается знаніе, составляютъ, слѣдовательно, роковую необходимость для мысли.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе перваго выпуска сочиненія М. И. Каринскаго объ истинахъ самоочевидныхъ.

Сочиненіе М. И. Каринскаго отличается выдающимися достоинствами. Вопросъ о самоочевидныхъ истинахъ не новъ. Возбужденный въ новой философіи Декартомъ, онъ не перестаетъ съ того времени занимать умы философовъ. Но ни у одного философа онъ не былъ поставленъ такъ ясно и раздѣльно, какъ въ указанномъ сочиненіи. Чрезъ все это сочиненіе проходитъ убѣжденіе, что мысль всегда можетъ дать себѣ отчетъ, почему она бываетъ вынуждена соглашаться съ тѣми или другими открываемыми ею истинами. Посему и вопросъ о самоочевидныхъ истинахъ ставится въ этомъ сочиненіи, какъ вопросъ о тѣхъ логическихъ основаніяхъ, по которымъ мысль принимаетъ самоочевидныя истины безъ всякихъ доказательствъ. Уже это одно составляетъ большую заслугу автора.

Методъ, избранный авторомъ для рѣшенія поставленнаго вопроса, основанъ на пониманіи исторіи развитія философской мысли. Философская мысль развивалась всегда чрезъ борьбу двухъ направленій—умозрительнаго и эмпирическаго. Умозрѣніе, стремясь къ высшему синтезу, обыкновенно забѣгало впередъ, дозволяло себѣ дѣлать и такіе выводы, которые не имѣли подъ собою фактической почвы или даже стояли въ прямомъ противорѣчіи съ фактами. Эмпиризмъ же въ своихъ нападкахъ на умозрѣніе допускалъ излишества, опровергая не только ошибочные, но и совершенно правильные выводы. Эти излишества служили точкою отправленія для новыхъ умозрительныхъ построеній и т. д. М. И. Каринскій, несмотря на всѣ свои симпатіи къ умозрѣнію, изучаетъ самымъ старательнымъ образомъ совре-

менный эмпиризмъ и, только изучивъ его, обращается къ критикѣ Кантова ученія, какъ послѣдняго слова умозрительной философіи о самоочевидныхъ истинахъ. Чрезъ это онъ создаетъ для себя возможность отдѣлить въ Кантовомъ ученіи то, что должно перейти въ область историческаго преданія, отъ положеній цѣнныхъ и пригодныхъ для будущихъ умозрительныхъ построеній.

Излагаетъ М. И. Каринскій Кантово ученіе съ образцовою добросовѣстностью. Онъ не навязываетъ Канту своихъ собственныхъ мнѣній, а уясняетъ Кантово ученіе на основаніи внимательнаго изученія произведеній Канта по различнымъ изданіямъ и тщательнаго сличенія различныхъ ихъ мѣстъ. Трудныя и неопредѣленныя мѣста онъ не обходитъ, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые даже изъ самыхъ видныхъ изслѣдователей по исторіи новой философіи, какъ, напримѣръ, Куно-Фишеръ, а выставляетъ ихъ на видъ и показываетъ возможныя ихъ толкованія. Онъ имѣетъ въ виду и существующія толкованія Кантова ученія, хотя именъ толкователей нигдѣ не называетъ, и тамъ, гдѣ какое-либо толкованіе обнаруживаетъ полное непониманіе Канта, открыто заявляетъ, что подобное толкованіе невозможно.

Критика Кантова ученія ведется авторомъ самостоятельно и съ принципіальной стороны. Онъ выискиваетъ въ ученіи Канта основныя положенія съ ихъ генезисомъ и разбираетъ ихъ со стороны ихъ логической состоятельности, сличаетъ эти положенія между собою, а равно съ другими положеніями Канта и показываетъ съ ясностью ихъ взаимное согласіе, несогласіе или противорѣчіе. Ему удается такимъ образомъ вывести на свѣтъ такіе логическіе промахи въ ученіи Канта, о которыхъ никто изъ изслѣдователей до сихъ поръ не подозрѣвалъ. Еще большее вниманіе онъ удѣляетъ опредѣленію фактической состоятельности этихъ положеній и получающихся изъ нихъ выводовъ. Онъ разъясняетъ, какихъ фактовъ не покрываютъ они и какимъ фактамъ противорѣчатъ. При этомъ, находя фактическую сторону, даваемую эмпиризмомъ, недостаточною для своей критики, онъ восполняетъ ее собственными изслѣдованіями. Онъ анализируетъ психологическія условія постановки объективной одновременности и послѣдовательности. Эти анализы, будучи новыми, являются въ то же время цѣнными для науки психологіи. Правильныя положенія Канта всюду въ критикѣ отмѣчаются, какъ

такія. Отмѣчаются и тѣ искусные пріемы Канта, которые закрываютъ отъ критиковъ недостатки его ученія.

Все это дѣлаетъ написанную М. И. Каринскимъ критику Кантова ученія по мыслямъ весьма ясною, простою и убѣдительною. Нужно желать, чтобъ она получила возможно большее распространеніе въ кругу изслѣдователей-философовъ. Она должна пробудить философскую мысль отъ догматическаго сна, навѣяннаго Кантомъ.

**В. Серебренниковъ.**

# Современное состояніе вопроса о медіумизмѣ.

**А. Н. Аксаковъ. Анимизмъ и спиритизмъ.** Критическое изслѣдованіе медіумическихъ явленій и ихъ объясненія гипотезами «нервной силы», «галлюцинаціи» и «безсознательнаго». Въ отвѣтъ Э. ф. Гартману, съ 8 фототипіями. 2 части. С.-Пб. 1893.

Книга А. Н. Аксакова, какъ бы кто ни относился заранѣе къ ея предмету, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія, такъ какъ въ ней резюмируется добросовѣстный трудъ цѣлой жизни въ области медіумическихъ явленій и представляется обильный матеріалъ для сужденія о современномъ состояніи вопроса. Почтенный авторъ безъ малаго сорокъ лѣтъ съ неутомимымъ усердіемъ занимался тѣми явленіями, которымъ посвящено его сочиненіе, и едва ли найдется въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ другой человѣкъ, такъ много послужившій этому дѣлу.

«Заинтересовавшись спиритическимъ движеніемъ съ 1855 года,—пишетъ А. Н. Аксаковъ въ предисловіи къ настоящей книгѣ,—я не переставалъ изучать его во всѣхъ его подробностяхъ—во всѣхъ частяхъ свѣта и во всѣхъ литературахъ. Первоначально я принялъ факты на основаніи свидѣтельства другихъ людей; только въ 1870 году довелось мнѣ присутствовать на первомъ сеансѣ въ частномъ кружкѣ, мною самимъ устроенномъ». Убѣдившись собственнымъ опытомъ въ дѣйствительности явленій, А. Н. Аксаковъ сдѣлалъ все находившееся въ его власти для распространенія этихъ фактовъ и для привлеченія къ ихъ изученію вниманія мыслителей, свободныхъ отъ предразсудковъ.

Такъ какъ скромный авторъ лишь мимоходомъ упоминаетъ о томъ, что имъ сдѣлано, то я считаю справедливымъ сообщить

здѣсь нѣсколько болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній. Четверть вѣка тому назадъ серьезное изученіе медіумическихъ явленій почти не переступало за границы англо-саксонскихъ и отчасти романскихъ странъ; тѣ успѣхи, которые съ тѣхъ поръ сдѣланы въ этомъ отношеніи Германіей и Россіей, достигнуты, главнымъ образомъ, благодаря дѣятельности А. Н. Аксакова. Онъ издалъ на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ цѣлую библіотеку по медіумизму; сюда вошли всѣ болѣе значительныя произведенія американскихъ и англійскихъ авторовъ по этому предмету (между прочимъ, важнѣйшія сочиненія извѣстнаго главы американскихъ спиритуалистовъ, Андру Джексона Дэвиса, въ нѣмецкомъ переводѣ); въ теченіе двадцати лѣтъ издается Аксаковымъ въ Германіи ежемѣсячникъ на нѣмецкомъ языкѣ Psychische Studien, представляющій въ совокупности огромный матеріалъ, какъ фактическій, такъ и теоретическій (здѣсь участвовали, между прочимъ, извѣстные нѣмецкіе философы Фихте младшій и Гофманъ, ученикъ и издатель Баадера). Все цѣнное по этой части изъ англійской и нѣмецкой современной литературы, что могло появиться въ Россіи, издано Аксаковымъ на русскомъ языкѣ. Кромѣ того, онъ поддерживалъ у насъ интересъ къ дѣлу, вызывая на изслѣдованіе ученыя коммиссіи, приглашая знаменитыхъ медіумовъ и т. д. Вся эта неустанная многолѣтняя дѣятельность опредѣлялась исключительно мотивами высшаго порядка, ибо въ области личныхъ интересовъ она до сихъ поръ ничего не принесла Аксакову, кромѣ весьма значительныхъ убытковъ и возобновляющихся время отъ времени поношеній со стороны газетныхъ скептиковъ. Между тѣмъ, эту неуклонную энергію въ одномъ направленіи никакъ нельзя объяснить фанатизмомъ или слѣпымъ увлеченіемъ:

. . . .«Покуда совершалась эта внѣшняя работа,—продолжаетъ почтенный авторъ «Анимизма»,—внутренняя шла своимъ чередомъ. Я думаю, что всякій благоразумный наблюдатель, при первомъ своемъ знакомствѣ съ этими явленіями, поражается двумя безспорными фактами: явнымъ автоматизмомъ спиритическихъ сообщеній и, весьма часто, столь же явною лживостью ихъ содержанія; великія имена, коими они зачастую подписываются, суть лучшія доказательства, что эти сообщенія *не то*, за что они себя выдаютъ; точно также и въ простыхъ физическихъ явленіяхъ вполнѣ очевидно, что они тоже происходятъ безъ вся-

каго сознательнаго участія медіума (т. е. автоматичны), и ничто въ самомъ началѣ не оправдываетъ предположенія о вмѣшательствѣ такъ-называемыхъ «духовъ». И только впослѣдствіи, когда нѣкоторыя явленія умственнаго порядка заставляютъ насъ признать участіе разумной, внѣ медіума находящейся силы, забываешь о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ и относишься съ большимъ снисхожденіемъ къ спиритической гипотезѣ. Собранные мною матеріалы чтеніемъ и опытомъ были громадны, но разгадки для нихъ не было. Напротивъ, съ годами всѣ слабыя стороны спиритизма становились ярче и только наростали: пошлость сообщеній, бѣдность ихъ умственнаго содержанія (даже когда и нѣтъ прямой пошлости), присущій имъ характеръ мистификаціи и лживости, капризность физическихъ явленій, въ особенности когда дѣло доходитъ до положительнаго опыта; легковѣріе, увлеченіе и шовинизмъ (?) спиритовъ и спиритуалистовъ, и наконецъ, обманъ, который вторгся вмѣстѣ съ темными сеансами и матеріализаціями и въ которомъ мнѣ пришлось удостовѣриться не только путемъ литературнымъ, но и личнымъ опытомъ, въ сношеніяхъ моихъ съ профессіональными медіумами, даже самыми извѣстными».

Такимъ образомъ, всѣ общія возраженія, обыкновенно дѣлаемыя противъ подлинности этихъ явленій, не только предусмотрѣны нашимъ авторомъ, но и допущены, какъ справедливыя. Вмѣсто того, чтобы закрывать глаза на слабыя стороны своего дѣла, онъ въ полной мѣрѣ признаетъ и выставляетъ ихъ.

«Поддаваясь отталкивающимъ впечатлѣніямъ, — продолжаетъ онъ, — легко было упасть духомъ, еслибы не было у меня, съ другой стороны, болѣе вящихъ доводовъ — цѣлаго ряда безспорныхъ фактовъ, имѣющихъ для отстаиванія своего существованія всемогущаго защитника: самоё природу.

«Разобраться же въ этомъ лабиринтѣ фактовъ я могъ только съ помощью *систематическаго указателя*, составлявшагося мною по мѣрѣ моихъ чтеній и занятій; группируя факты подъ различныя рубрики, роды и виды, смотря по ихъ содержанію и условіямъ ихъ происхожденія, мы приходимъ (путемъ исключенія или градаціи) отъ фактовъ простыхъ къ болѣе сложнымъ, требующимъ другой гипотезы».

Безъ такой подготовительной работы, въ которой, насколько мнѣ извѣстно, А. Н. Аксаковъ не имѣлъ предшественниковъ,

невозможны были бы, конечно, никакія твердыя обобщенія и выводы въ этой области.

«Большою помѣхою,—продолжаетъ нашъ авторъ,—для болѣе разумнаго и терпимаго отношенія къ спиритизму послужило то обстоятельство, что *вся совокупность* его явленій, во время вторженія его въ Европу, въ самой элементарной его формѣ—століверченія, была немедленно приписана массою проявленію «духовъ»... Противники же, съ своей стороны, впадали въ другую крайность—ни о какихъ «духахъ» и слышать не хотѣли и отрицали все. Истина же, какъ и всегда, оказалась въ серединѣ.

«Для меня свѣтъ забрезжилъ только тогда, когда мой указатель заставилъ меня открыть рубрику *анимизма*, когда внимательное и критическое изученіе фактовъ заставило меня признать, что *всѣ медіумическія явленія, что касается ихъ типовъ*, могутъ быть произведеніемъ безсознательнаго дѣйствія живого человѣка, и это не въ качествѣ гипотезы, какъ произвольное предположеніе, но вслѣдствіе неоспоримаго свидѣтельства самихъ фактовъ,—что, слѣдовательно, наша психическая безсознательная дѣятельность не ограничивается периферіей нашего тѣла и характеромъ дѣйствія исключительно психическимъ, но что она можетъ и переступать границы нашего тѣла, выражаясь въ дѣйствіяхъ не только физическихъ, но даже и пластическихъ». Эту-то область явленій, представляющихъ несознаваемыя реальныя дѣйствія внутренняго существа живого человѣка за предѣлами его физическаго организма и помимо обычныхъ механическихъ посредствъ, А. Н. Аксаковъ и предлагаетъ, въ отличіе отъ спиритизма, обозначить словомъ *анимизмъ*. «Чрезвычайно важно,—говоритъ онъ,—признать и изучить существованіе и дѣятельность этого *безсознательнаго* въ нашей природѣ—въ его проявленіяхъ самыхъ разнообразныхъ и самыхъ необыкновенныхъ, какъ мы видимъ въ анимизмѣ. Только на этой основѣ возможно оправдать, въ извѣстныхъ предѣлахъ, притязаніе спиритизма, ибо если что переживаетъ тѣло и вѣчно пребываетъ, такъ именно это *для насъ* безсознательное—это внутреннее сознаніе, котораго теперь мы не вѣдаемъ, но которое и образуетъ первоначальное ядро всякой индивидуальности.

«Такимъ образомъ, для уразумѣнія медіумическихъ явленій, намъ представляется не одна, а три гипотезы, изъ коихъ каждая имѣетъ право на существованіе и на признаніе для извѣстнаго рода от-

дѣльныхъ фактовъ, и слѣдовательно, мы можемъ подвести всѣ медіумическія явленія подъ три большія категоріи, которыя мы обозначимъ для формальнаго удобства слѣдующими условными названіями:

«1. *Персонизмъ*. Этимъ словомъ я обозначаю психическія безсознательныя явленія, имѣющія мѣсто *внутри предѣловъ тѣлесной сферы медіума,* коихъ отличительная черта большею частью состоитъ въ персонификаціи, т.-е. въ принятіи не только имени, но часто и характера личности (*персоны*), посторонней медіуму. Таковы элементарныя явленія медіумизма: разговоры посредствомъ стола, письма, или безсознательной рѣчи въ трансѣ. Мы имѣемъ здѣсь первое и самое простое проявленіе раздвоенія сознанія— этой основной медіумической черты. Явленія, принадлежащія къ этой рубрикѣ, раскрываютъ передъ нами великій фактъ двойственности психическаго существа — нетождественность нашего индивидуальнаго, внутренняго, безсознательнаго *я* съ нашимъ личнымъ, внѣшнимъ, сознательнымъ *я*; они намъ доказываютъ, что всецѣлость нашего психическаго существа — его центръ тяготѣнія—не находится въ нашемъ личномъ *я*; что это послѣднее есть только *феноменальное* проявленіе индивидуальнаго (*нуменальнаго*) *я*; что, слѣдовательно, элементы этой феноменальности (необходимо личные) могутъ имѣть характеръ множественный— нормальный, анормальный, фиктивный – смотря по условіямъ организма (сонъ естественный, сомнамбулизмъ, медіумизмъ)».

Къ этой первой изъ трехъ категорій, установленныхъ нашимъ авторомъ, принадлежатъ явленія, вообще признаваемыя наукою. Никто не отрицаетъ фактовъ перемежающагося сознанія и раздвоенія личности въ натуральномъ или искусственномъ сомнамбулизмѣ. Въ этомъ смыслѣ и въ этихъ предѣлахъ всякій ученый можетъ допустить и медіумическія явленія. Разумѣется, это принципіальное допущеніе не означаетъ признанія реальности (хотя бы психопатической) за всѣми явленіями, происходящими на спиритическихъ сеансахъ. Причиной этихъ явленій можетъ быть, и слишкомъ часто бываетъ, не дѣйствительное раздвоеніе сознанія, а просто поддѣлка и обманъ, съ чѣмъ, какъ мы видѣли, согласенъ и А. Н. Аксаковъ.

Второй группѣ явленій, уже не пользующихся признаніемъ со стороны правовѣрной науки, онъ даетъ слѣдующее полное опредѣленіе:

«2. *Анимизмъ*. Этимъ словомъ я обозначаю безсознательныя психическія явленія, имѣющія мѣсто *внѣ предѣловъ тѣлесной сферы медіума* (умственное общеніе между людьми—*телепатія*, движеніе предметовъ безъ прикосновенія — *телекинетія*, явленіе прижизненныхъ призраковъ — *телефанія*, пластическое дѣйствіе на разстояніи—*телесоматія*, матеріализація). Мы имѣемъ здѣсь кульминаціонное явленіе психическаго раздвоенія; психическіе элементы переступаютъ за предѣлы тѣла и проявляются на разстояніи посредствомъ дѣйствій не только психическихъ, но и физическихъ и даже пластическихъ, до полной объективаціи или экстернализаціи,—доказывая черезъ это, что психическій элементъ можетъ быть не только простымъ явленіемъ сознанія, но и центромъ субстанціальной силы, мыслящей и организующей, могущей поэтому временно организовать подобіе органа, видимаго или невидимаго для нашихъ глазъ и производящаго физическія дѣйствія».

Реальность явленій этого второго рода рѣшительно отвергается огромнымъ большинствомъ людей положительной науки, но находитъ себѣ болѣе или менѣе смѣлыхъ и послѣдовательныхъ защитниковъ между философами-метафизиками, для которыхъ основы всякаго бытія имѣютъ психическій, а не вещественный характеръ. Такъ, Шопенгауэръ, исходя изъ своей метафизической воли, свободной отъ условій пространства, времени и механической причинности, признавалъ не только факты ясновидѣнія, прорицанія и прямого общенія субъектовъ на разстояніи, но и всевозможныя *магическія* дѣйствія; также и Гартманъ на основаніи видоизмѣненныхъ и дополненныхъ принциповъ своего учителя допускаетъ дѣйствительность двухъ выше перечисленныхъ родовъ явленій, насколько ими не предполагается вмѣшательство отшедшихъ «духовъ».

Но нашъ авторъ, признавая, что по общему характеру, или внѣшнему виду, *всѣ* медіумическія явленія *могутъ* быть включены въ первыя двѣ категоріи (т.-е. объясняемы внутреннимъ или внѣшнимъ психическимъ раздвоеніемъ), находитъ однако въ своемъ обширномъ опытномъ матеріалѣ такія явленія, особенная дѣйствительность которыхъ, со стороны ихъ умственнаго содержанія, требуетъ, по его убѣжденію, именно этой, отвергаемой философомъ безсознательнаго, гипотезы и заставляетъ отнести ихъ въ новую, третью категорію:

«3. *Спиритизмъ*. Подъ этимъ словомъ обозначаются тѣ же, по

внѣшнему виду, явленія персонизма и анимизма, когда дѣйствующая причина ихъ находится не только внѣ медіума, но и внѣ нашей сферы бытія: мы имѣемъ здѣсь земное проявленіе индивидуальнаго *я*, посредствомъ тѣхъ элементовъ личности, которые имѣли силу удержаться около индивидуальнаго центра послѣ его отрѣшенія отъ тѣла и которые могутъ проявиться черезъ медіумизмъ, т.-е. черезъ ассоціацію съ однородными психическими элементами живущаго на землѣ существа. Изъ чего выходитъ, что спиритическія явленія, по своимъ внѣшнимъ формамъ, совершенно сходны съ явленіями персонизма и анимизма и отличаются отъ нихъ только по умственному содержанію, свидѣтельствующему о посторонней самостоятельной личности.

«Разъ факты этой послѣдней рубрики признаны,—ясно, что гипотеза, изъ нихъ вытекающая, можетъ одинаково прилагаться и къ фактамъ двухъ первыхъ рубрикъ, такъ какъ она—дальнѣйшее развитіе двухъ предшествующихъ гипотезъ. Затрудненіе въ томъ, что очень часто всѣ три гипотезы могутъ имѣть мѣсто при объясненіи одного и того же факта: такъ, напримѣръ, простое явленіе персонизма можетъ быть фактомъ и анимическимъ, и спиритическимъ. Задача, слѣдовательно, состоитъ въ томъ, чтобы рѣшить, на которой изъ трехъ гипотезъ остановиться, а не задаваться мыслію, что которой-нибудь одной изъ нихъ достаточно для объясненія всѣхъ фактовъ. Критика требуетъ не идти далѣе той, которая удовлетворительно объясняетъ данный случай.

«Итакъ, *великая ошибка поборниковъ спиритизма* состоитъ въ томъ, что всѣ явленія, извѣстныя подъ этимъ общимъ именемъ, приписываются ими «духамъ». Самое слово: спиритизмъ—сбиваетъ съ толка. Оно должно быть замѣнено другимъ, болѣе общимъ, не содержащимъ въ себѣ никакой гипотезы, никакого ученія, какъ, напримѣръ, слово *медіумизмъ*, которое мы давно уже ввели у себя».

Замѣчу, съ своей стороны, что и этотъ терминъ далеко не удовлетворителенъ, ибо онъ не можетъ прилагаться къ обширной и важной группѣ явленій телепатическихъ и телефаническихъ, возникающихъ непосредственно или самопроизвольно безъ всякаго медіума; развѣ только признать всѣхъ людей медіумами, но тогда у этого термина не оказывается никакого опредѣленнаго содержанія и онъ теряетъ raison d'être. Я предлагаю названіе *психурія*, указывающее на тотъ общій характеръ всей

этой области, что въ ней *душа дѣйствуетъ* (или предполагается дѣйствующею), какъ субстанціальная сила, а не проявляется только, какъ пассивная функція мозга. Требованіе А. Н. Аксакова, чтобы общій терминъ не содержалъ въ себѣ никакой гипотезы, никакого ученія, кажется мнѣ неисполнимымъ.

Переходя къ спеціальному содержанію книги А. Н. Аксакова, я долженъ замѣтить, что въ теоретической части своего спора съ Гартманомъ онъ рѣшительно правъ. Нѣмецкій философъ, допуская гипотетически, безъ самостоятельнаго изслѣдованія, реальность одной половины медіумическихъ явленій, какъ производимыхъ особою «нервною силою» медіума, связанной съ состояніемъ ясновидѣнія и т. п., останавливается передъ явленіями матеріализаціи и видитъ въ нихъ субъективныя галлюцинаціи присутствующихъ, сознательно или безсознательно внушенныя медіумомъ; при этомъ онъ запутывается въ противорѣчія и нелогичности, побѣдоносно обличаемыя нашимъ авторомъ.

Такъ, относительно столь обычнаго въ спиритизмѣ появленія на сеансахъ рукъ видимыхъ и осязаемыхъ, Гартманъ говоритъ слѣдующее: «Что касается собственно галлюцинацій осязанія, то открытой остается здѣсь и та возможность, что испытываемое давленіе невидимыхъ или призрачныхъ рукъ, ногъ и т. д., зависитъ отъ системы динамическихъ линій давленія и натяженія,— системы, представляющей аналогъ давящей поверхности руки— безъ лежащаго за этою поверхностью вещественнаго тѣла, т. е. такой системы, которую можно предположить на основаніи получаемыхъ отпечатковъ». Такимъ образомъ, справедливо замѣчаетъ Аксаковъ, галлюцинація осязанія перестала бы быть галлюцинаціей и превратилась бы въ дѣйствительное «давленіе динамическихъ линій», или въ динамическое дѣйствіе медіумической нервной силы; итакъ, когда я держу въ своей рукѣ руку матеріализованную,—видъ этой руки былъ бы галлюцинаціей; но осязаніе ея было бы реальнымъ,—я сжималъ бы въ своей рукѣ систему линій нервной силы. Естественно возникаетъ вопросъ: почему же видъ руки, временно появившейся, долженъ быть галлюцинаціей? Если система линейныхъ силъ можетъ сдѣлаться осязаемой, то она могла бы точно также сдѣлаться и видимой; не представляется логичнымъ давать нервной силѣ предикатъ *осязаемости* и отказывать ей въ предикатѣ *видимости*, когда утвержденіе и отрицаніе предиката имѣютъ одно и то же осно-

ваніе. Или, говоря иначе, нѣтъ логики въ томъ, чтобы принимать реальную, объективную причину для дѣйствія осязанія и отрицать ту же самую реальную, объективную причину, когда рѣчь идетъ о томъ же явленіи и о томъ же воспринимающемъ субъектѣ».

Когда появляющіяся на сеансахъ руки не ограничиваются одними прикосновеніями, а приводятъ въ движеніе тяжелые предметы, то Гартманъ находитъ возможнымъ допустить и это, не измѣняя своей точки зрѣнія. «Дѣйствительное перемѣщеніе предметовъ, говоритъ онъ, оказывающееся по окончаніи сеанса, можетъ служить доказательствомъ, что произошли дѣйствительно объективныя перемѣщенія матеріальныхъ вещей. Если эти движенія совершаются не внѣ сферы дѣйствій нервной силы медіума, и родъ явленія и его размѣры не лежатъ за предѣлами тѣхъ дѣйствій, которыя эта сила можетъ произвести, то нѣтъ повода допускать какую либо другую причину явленія, кромѣ упомянутой нервной силы. Медіумъ въ состояніи сомнамбулизма соединилъ, въ такомъ случаѣ, галлюцинацію появляющагося образа съ представленіемъ объ имѣющихъ произойти перемѣщеніяхъ предметовъ и безсознательно произвелъ эти перемѣщенія при помощи своей медіумической нервной силы, оставаясь при этомъ въ увѣренности, что перемѣщенія эти произведены собственною силою представляющихся фантастическихъ образовъ,—черезъ переносъ своей галлюцинаціи на зрителей онъ невольно передалъ и имъ убѣжденіе, что происшедшія перемѣщенія дѣйствительно произведены тѣми призраками, которые представлялись въ галлюцинаціяхъ».— «Логическая несостоятельность этого объясненія, справедливо возражаетъ А. Н. Аксаковъ, увеличилась на одну степень, тогда какъ, съ другой стороны, свидѣтельство зрѣнія и осязанія подтвердилось соотвѣтствующимъ физическимъ дѣйствіемъ».

До очевидной несообразности доходитъ объясненіе Гартмана по отношенію къ отпечаткамъ, получающимся отъ матеріализованныхъ рукъ (въ мягкой глинѣ, на мукѣ, или на закопченной бумагѣ). «Весьма естественно, говоритъ нашъ авторъ, что уже давно старались получить отпечатки рукъ, только моментально появлявшихся на сеансахъ и потомъ исчезавшихъ, такъ какъ подобный отпечатокъ служилъ бы положительнымъ доказательствомъ, что въ этихъ случахъ мы имѣемъ дѣло не съ галлюцинаціей, но съ реальнымъ образованіемъ какого-то тѣла.... Но

для Гартмана это заключеніе не годится. Чтобы остаться вѣрнымъ своей теоріи нервной силы, онъ даетъ ей здѣсь необычайное развитіе: эта сила можетъ не только передвигать предметы, но даже производить и пластическія дѣйствія. По его мнѣнію, подобный оттискъ производится «системою давленій и натяженій нервной силы, дѣйствующей на разстояніи (ein System von Druck- und Zuglinien der fernwirkenden Nervenkraft)». А когда тѣло (или, какъ здѣсь, рука), производящее этотъ результатъ, *видимо*, это опять, какъ въ предшествующемъ случаѣ, галлюцинація,—комбинація реальнаго результата съ дѣйствіемъ галлюцинаторнымъ... Я вижу появляющуюся руку—это галлюцинація; я вижу эту руку, трогаю ее и осязаю,—чувство осязанія считается реальнымъ, но видъ ея есть галлюцинація. Я вижу, какъ эта рука движетъ неодушевленный предметъ, пишетъ; физическое дѣйствіе, ею произведенное, реально, но видъ ея—галлюцинація. Я вижу, какъ эта рука производитъ отпечатокъ, доказывающій, что это подлинно рука,—отпечатокъ признается реальнымъ, но видъ ея—галлюцинаторнымъ. Итакъ, свидѣтельство нашихъ чувствъ признается для цѣлаго ряда реальныхъ дѣйствій, но оно отвергается только для спеціальной формы воспріятія впечатлѣній зрѣнія, несмотря на то, что одинъ изъ полученныхъ результатовъ—реальный и пребывающій оттискъ—доказываетъ согласность свидѣтельства зрѣнія и осязанія съ этимъ полученнымъ результатомъ. И такимъ же образомъ, съ другой стороны, мы имѣемъ явленіе, которое обладаетъ всѣми признаками тѣлесности и которое таковымъ себя доказываетъ всѣми дѣйствіями, какія только тѣло можетъ вообще произвести: оно видимо, оно осязаемо, движетъ другое тѣло, оставляетъ пребывающіе слѣды, отпечатывается даже на другомъ тѣлѣ—всѣ эти предикаты признаются за нимъ самимъ Гартманомъ, какъ реальные, объективные, за исключеніемъ только видимости». Очевидно, для такого двойственнаго отношенія нѣтъ никакихъ логическихъ основаній.

«И эта логика,—продолжаетъ А. Н. Аксаковъ,—намъ покажется еще болѣе странною, если мы попросимъ Гартмана дать намъ въ смыслѣ его собственной философіи опредѣленіе понятія о тѣлѣ. Матерія, отвѣтитъ онъ намъ, не что иное, какъ «система атомныхъ силъ» (Philos. des Unbew., изд. 1872 г., стр. 474). Такимъ образомъ, когда я держу въ своей рукѣ другую естественную руку, я держу, по Гартману, систему атомныхъ силъ, и онъ не

отказываетъ ей въ предикатѣ видимости, и такое свидѣтельство чувствъ моихъ онъ не считаетъ галлюцинаціей. Но когда я держу въ своей рукѣ руку, такъ называемую «матеріализованную», которую вижу и осязаю и *которой Гартманъ даетъ то же самое опредѣленіе*, такъ какъ онъ признаетъ ее за систему линейныхъ силъ (ein System von Kraftlinien), то въ этомъ случаѣ, говоритъ онъ, чувство осязанія реально, но зрительное впечатлѣніе этой руки—галлюцинація. Почему? На основаніи какой логики?» Я думаю, всякій согласится съ заключеніемъ нашего автора, что гипотеза галлюцинаціи послѣ всѣхъ уступокъ, допускающихъ объективную реальность того же явленія для другихъ чувственныхъ воспріятій, представляется, съ точки зрѣнія логики, совершенно несостоятельной. Столь же несостоятельнымъ кажется намъ и предположеніе какой-то «нервной силы», цѣлесообразно дѣйствующей и притомъ *внѣ тѣла* своего обладателя, на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи отъ него.

А съ исключеніемъ этихъ двухъ произвольныхъ и искусственныхъ предположеній вопросъ сводится къ такой дилеммѣ: или объективное проявленіе трансцендентальнаго существа, или просто обманъ. Устранить второй членъ этой дилеммы, представляющій съ разу самое естественное объясненіе, во всякомъ случаѣ, гораздо труднѣе, чѣмъ разрушить досужія измышленія нѣмецкаго метафизика. Съ этимъ согласенъ и нашъ авторъ. «Величайшее для меня затрудненіе,—говоритъ онъ,—состояло въ выборѣ фактовъ.... Я сказалъ въ началѣ, что цѣль моего труда не въ томъ, чтобы защищать факты,—это такъ, когда я становлюсь на точку зрѣнія Гартмана; но долженъ сказать, что я имѣлъ также въ виду и болѣе общую точку зрѣнія и всегда старался представить такіе факты, которые, по условіямъ своей обстановки, всего бы лучше соотвѣтствовали требованіямъ критики. Здѣсь-то и представляется величайшая трудность, здѣсь-то и уязвимое мѣсто, ибо никакія условія, никакія мѣры предосторожности при наблюденіяхъ не помогутъ убѣдить въ фактѣ, пока этотъ фактъ не находитъ себѣ мѣста въ общественномъ пониманіи. Съ другой стороны, *возможность обмана*, сознательнаго или безсознательнаго—возможность, *которую всегда легко предположить и отсутствіе которой никакъ нельзя доказать*, еще болѣе усиливаетъ затрудненіе».

Совершенно устранить это затрудненіе нельзя, его можно

только ослабить тщательнымъ подборомъ фактовъ наиболѣе убѣдительныхъ. До нѣкоторой степени эта цѣль достигнута нашимъ авторомъ. Разсказы изъ первыхъ рукъ о таинственныхъ явленіяхъ, неподготовленныхъ, неожиданныхъ и тягостныхъ для лицъ, имъ подвергшихся, производятъ на безпристрастнаго читателя впечатлѣніе полной реальности. Такова, въ особенности, сложная исторія «чертовщины» въ семействѣ Щаповыхъ на Уралѣ, а также сообщенія отравившейся дѣвицы, желавшей предотвратить бѣду отъ своего родственника. По крайней мѣрѣ, въ самихъ этихъ разсказахъ нѣтъ ничего такого, что поддерживало бы скептическое къ нимъ отношеніе. Нельзя сказать того же о различныхъ явленіяхъ, происходившихъ при участіи профессіональныхъ медіумовъ, хотя бы явленія эти и были засвидѣтельствованы оттисками, фотографіями и т. п. Если, какъ замѣчаетъ самъ авторъ, дѣло сводится, въ концѣ концовъ, къ нравственному довѣрію, то почтенное сословіе медіумовъ успѣло себя зарекомендовать такъ, что для оказанія ему хотя малѣйшей степени довѣрія не представляется никакихъ объективныхъ основаній. А исходя изъ совершенно законнаго въ настоящемъ случаѣ недовѣрія, я не вижу никакой возможности осуществить такія условія опыта, при которыхъ была бы исключена возможность обмана со стороны лицъ, сдѣлавшихъ обманъ своею спеціальностью и средствомъ существованія *). Да и помимо профессіональныхъ медіумовъ, нашъ авторъ требуетъ слишкомъ много отъ своихъ читателей, если желаетъ, чтобъ они полагались на свидѣтельство лицъ, принадлежащихъ большею частью къ той категоріи, которую нашъ старинный законъ обозначалъ, какъ «иностранцевъ, поведеніе коихъ неизвѣстно». Такъ напримѣръ, разсказавши о полной матеріализаціи предполагаемаго духа Кэти Кингъ при медіумической помощи миссъ Флоренсъ Кукъ, онъ самъ замѣчаетъ: «для человѣка непосвященнаго (?) всего естественнѣе предположить,

*) Отвлеченно говоря, можно, разумѣется, придумать условія, съ достаточною вѣроятностью исключающія всякій обманъ. Такъ, напримѣръ, можно было бы устроить сеансъ на открытой вершинѣ холма, въ ясный лѣтній день, въ купальныхъ костюмахъ, а медіума, зашивши предварительно въ мѣшокъ изъ легкой, но прочной матеріи, положить въ свѣже-вырытую яму, слегка прикрывши только-что выпиленными досками. При такихъ условіяхъ, активный обманъ съ его стороны былъ бы мало вѣроятенъ, но насколько мнѣ извѣстно, на подобныя условія медіумы никогда не соглашаются.

что роль Кэти продѣлывалась другимъ лицомъ, являющимся чрезъ искусно устроенный проходъ». Противъ этого предположенія, къ которому и я имѣю основанія присоединиться, рискуя оказаться «непосвященнымъ», А. Н. Аксаковъ выставляетъ соображеніе рѣшительно недостаточное. «Но сеансы эти,—говоритъ онъ,—не всегда происходили на квартирѣ семейства Куковъ. И мнѣ самому довелось еще разъ видѣть Кэти на сеансѣ, происходившемъ 16—28 октября, на дому у г. Люксмора, богатаго человѣка, бывшаго мирового судьи. Гостей было человѣкъ пятнадцать» и т. д. Конечно, качество богатаго человѣка и бывшаго мирового судьи устраняетъ, вообще говоря, подозрѣнія въ корыстномъ мошенничествѣ; но это качество совершенно совмѣстимо съ возможностью для почтеннаго г. Люксмора быть обманутымъ со стороны медіума и кого-нибудь изъ пятнадцати гостей, о которыхъ читателю не сообщается ничего внушающаго довѣрія. А. Н. Аксаковъ имѣетъ право требовать нравственнаго довѣрія *къ себѣ*, по крайней мѣрѣ, со стороны тѣхъ, кто знаетъ его лично или литературно; но на какомъ основаніи можетъ онъ расчитывать на наше довѣріе къ г. Люксмору и его пятнадцати гостямъ, т.-е. именно къ «иностранцамъ, поведеніе коихъ неизвѣстно?»

Если профессіональные медіумы со всѣми своими злоупотребленіями получили неподобающее имъ значеніе въ области психургіи, то это отчасти зависѣло отъ увлеченія самыхъ серьезныхъ спиритуалистовъ экспериментальною методою. Увлеченіе это, котораго весьма нечуждъ и нашъ авторъ, основано, мнѣ кажется, на недоразумѣніи. Между тѣми экспериментами, которымъ такъ много обязаны физика, химія и нѣкоторыя другія положительныя науки, и тѣми экспериментами, которые производятся на спиритическихъ сеансахъ, сходство только номинальное. Вся сила научнаго эксперимента состоитъ въ его повторяемости при тѣхъ же условіяхъ, и для этого самыя условія должны: 1) быть извѣстны, 2) приведены въ простѣйшій видъ и 3) находиться въ распоряженіи экспериментатора. Между тѣмъ, въ опытахъ собственно спиритическихъ (предполагая подлинность явленій) главныя условія, именно тѣ трансцендентальныя существа или «духи», которые дѣйствуютъ на медіума — 1) опредѣленно не извѣстны, 2) по предположенію, крайне-сложны и 3) никогда не находятся въ распоряженіи экспериментатора. Къ тому же, наука едва ли можетъ допустить такіе эксперименты, одно изъ усло-

вій которыхъ есть интересъ въ поддѣлкѣ явленій, а именно это условіе неизбѣжно присуще спиритическимъ сеансамъ съ профессіональными медіумами. Всѣмъ этимъ исключается серьезная аналогія между экспериментами научными и экспериментами спиритическими. Соотвѣтственно этому, и въ книгѣ Аксакова всѣ дѣйствительно убѣдительные факты принадлежатъ къ числу безъискусственныхъ, самопроизвольно возникшихъ и, слѣдовательно, только наблюдаемыхъ и констатируемыхъ, а не экспериментируемыхъ явленій.

На основаніи самой этой книги можно видѣть, что несомнѣнные успѣхи психургіи за послѣдніе полвѣка обусловлены не развитіемъ спиритическихъ экспериментовъ, а другими факторами, изъ коихъ главнѣйшіе суть: 1) Усиленное изученіе той психургической окраины, которая дѣйствительно допускаетъ приложеніе экспериментальной методы,—разумѣю явленія гипнотизма, которыя, по выраженію нашего автора, вошли клиномъ въ сферу положительной науки. 2) Опытъ систематической обработки извѣстій и наблюденій изъ области телепатіи и телефаніи *). 3) Участіе нѣмецкихъ философовъ-метафизиковъ въ объясненіи психургическихъ явленій; трудами Гелленбаха, Дю-Преля и отчасти самого Гартмана въ значительной степени обусловленъ и тотъ несомнѣнно удачный опытъ *естественной классификаціи* этихъ явленій, который данъ А. Н. Аксаковымъ въ его книгѣ.

**Владиміръ Соловьевъ.**

---

*) Имѣю въ виду особенно обширный трудъ трехъ англійскихъ ученыхъ The phantasms of the living, сокращенный русскій переводъ котораго изданъ тѣмъ же А. Н. Аксаковымъ („Прижизненные призраки и другія телепатическія явленія". Спб. 1893 г.).

# КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

## I. Обзоръ книгъ.

**W. Pater.** Plato and Platonism, a series of Lectures. Lond. and New-York, 1893, pp. 259.

Подъ платонизмомъ мы должны подразумѣвать не «нео-платонизмъ какого бы то ни было рода, но руководящіе принципы ученія Платона», разсматриваемые «въ тѣсной связи съ нимъ самимъ, какъ онъ представленъ въ своихъ собственныхъ сочиненіяхъ». Эти принципы авторъ истолковываетъ по руководству исторической методы, требующей, чтобы «всякій литературный памятникъ былъ насколько возможно больше поставленъ въ совокупность тѣхъ умственныхъ, общественныхъ и матеріальныхъ условій, среди которыхъ онъ произведенъ» (p. 5).

Сообразно съ этимъ, книга начинается анализомъ основныхъ элементовъ платонизма, то-есть ученій Гераклита (принципъ движенія), элейцевъ (принципъ постоянства), пиѳагорейцевъ (принципъ числа), Сократа (принципъ логическаго реализма). Каждое изъ этихъ ученій разсмотрѣно въ связи съ общей обусловившей ихъ культурой. Глава «Платонъ и софисты» вводитъ насъ въ центръ современной Платону общественной и философской жизни.

Этотъ предварительный анализъ служитъ почвой для выясненія «той своеобразности въ индивидуальномъ геніи Платона, которая дала ему возможность силою воли возвышаться надъ средою и идти собственнымъ путемъ» (p. 112). Своеобразность эта состоитъ въ томъ, что «въ Платонѣ страсть къ истинѣ господствовала надъ склономъ, или шла по склону нѣкоторыхъ неискоренимыхъ предрасположеній его природы, которыя сами по

себѣ ей нѣсколько противоположны». Хотя платонизмъ есть «выразительное свидѣтельство въ пользу незримаго, трансцендентальнаго, не подлежашаго опыту», однако эта «сдержанность или суровость» есть лишь слѣдствіе «самоукрощенія или контроля надъ разносторонне отзывчивой, богатой чувственной природой» (р. 114).

Общая характеристика ученія Платона ставитъ на видъ, что «платонизмъ не есть формальная теорія или совокупность теорій, но стремленіе, или группа стремленій—мыслить или чувствовать и разсуждать» сообразно съ «тѣми выдающимися особенностями самого Платона и его умственнаго строя, которыя объединяются и находятъ свое полное выраженіе въ томъ, что скорѣе комментаторы Платона, чѣмъ самъ Платонъ, называютъ теоріей идей». На дѣлѣ, эта «теорія»—не что иное, какъ особый способъ разсматривать и обсуждать общіе термины, абстрактныя понятія, идеалы,—словомъ, всѣ тѣ термины и понятія, которые выражаютъ въ общей формѣ частныя представленія нашего индивидуальнаго опыта (р. 136).

Этотъ особый способъ есть діалектика, или искусство обсуждать вопросъ съ различныхъ точекъ зрѣнія,—такъ, однако, чтобы въ концѣ получалось впечатлѣніе, «въ которомъ душа обхватываетъ заразъ, какъ бы единымъ актомъ воображенія, чрезъ всѣ переходы долгаго разговора, всѣ на первый взглядъ противоположныя препирательства всѣхъ участниковъ разговора» (р. 165). Платоновы діалоги—письменное изображеніе этой діалектики. Они вводятъ новую форму въ философскую литературу. Въ раннее время, когда «философія была еще дѣломъ интуиціи, воображенія, была сангвиничной, часто смутной и темной», преобладала форма поэмы. Но природная интуиція съежилась въ догматическую систему, и наступилъ періодъ формальныхъ трактатовъ съ ихъ «трескомъ сухихъ костей». Совершенное философское настроеніе занимаетъ середину между этими противоположностями: оно съ различныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія *пытаетъ* всю богатую, лежащую передъ ней, дѣйствительность и выражаетъ эти свои попытки въ «Опытахъ» (Essay). Платонъ былъ родоначальникомъ философскихъ «Опытовъ» (р. 158).

По своимъ нравственнымъ основамъ платонизмъ «есть высоко сознательное воспроизведеніе и утвержденіе (reassertion) одного изъ двухъ составныхъ элементовъ эллинскаго генія, — именно,

того духа жителей нагорной стороны, въ которомъ ранніе дорійскіе предки лакедемонянъ обособили свое отличительное настроеніе въ противоположность подвижному, морскому, текучему характеру прибрежнаго іонійскаго населенія» (pp. 182—183). «Государство» Платона есть протестъ противъ «горючести (flamboyance) или текучести въ вещахъ и людскихъ мысляхъ о нихъ» (p. 214). Развитію этихъ положеній посвящены двѣ главы: «Лакедемонъ» и «Государство».

Та же точка зрѣнія положена въ основу анализа «Эстетики Платона», которымъ заканчивается книга.

Хотя книга не испещрена ссылками и цитатами, она свидѣтельствуетъ о широкомъ знакомствѣ съ Платоновыми діалогами и объ еще болѣе широкой общей эрудиціи автора. Новую литературу о Платонѣ Пэтеръ оставляетъ, повидимому, безъ вниманія. Но это лишь способствуетъ главному достоинству труда—его оригинальности. Главный недостатокъ книги, помимо важныхъ пробѣловъ въ изложеніи Платонова ученія (космологія, напримѣръ, вовсе не затронута)—витіеватый и оттого порою темный слогъ. Ясности не способствуютъ и частыя краткія сближенія между мыслью Платона и другихъ писателей, какъ древнихъ, такъ и новыхъ. Для лицъ образованныхъ эти краткія сопоставленія не нужны; для начинающихъ, на которыхъ собственно и разсчитываетъ книга, они не только ничего не объясняютъ, но затемняютъ пониманіе, отвлекая мысль излишней номенклатурой.

О томъ, насколько правильно освѣщаетъ эта новая книга воззрѣнія Платона, пусть судитъ всякій, кто считаетъ себя достаточно знакомымъ съ его сочиненіями, такъ какъ и въ настоящее время остается во всей силѣ замѣчаніе «платоническаго философа» Оригена, что «Платона никто не знаетъ вполнѣ».

**А. Гиляровъ.**

**Fr. Paulhan.**—«Les caractères. (Bibliothèque de philosophie contemporaine. Paris, 1894 г.).

Опытная психологія неоднократно пыталась выдвинуть ту или иную сторону психической жизни, какъ общую основу, благодаря которой можно было бы все безконечное разнообразіе человѣческихъ характеровъ свести къ сравнительно небольшому числу основныхъ психическихъ типовъ. Книга Полана представляетъ одну изъ такихъ попытокъ.

Въ первыхъ двухъ, чисто теоретическихъ, частяхъ Поланъ подробно развиваетъ свой принципъ классификаціи характеровъ; третья часть, практическая, даетъ нѣкоторыя указанія для примѣненія предлагаемаго имъ принципа ко всякому данному конкретному случаю.

Это сочиненіе является прямымъ продолженіемъ другой книги того же автора: «Умственная дѣятельность и элементы духа» *), въ которой авторъ пытался установить основные законы умственной дѣятельности. Вотъ эти законы (какъ ихъ устанавливаетъ Поланъ): 1) *Законъ систематической ассоціаціи,* который состоитъ въ томъ, что «каждый психическій фактъ способенъ возбуждать такіе психическіе факты, которые могутъ гармонически соединяться съ нимъ для одной общей цѣли». 2) *Законъ систематическаго задержанія или отбора* (inhibition), состоящій въ томъ, что «каждый психическій фактъ стремится устранить тѣ психическіе факты, которые не могутъ гармонировать съ нимъ». 3) *Законъ контрастовъ,* который у Полана является комбинаціей первыхъ двухъ,—и 4) *Законы ассоціаціи по сходству и смежности,* которые авторъ считаетъ лишь особыми формами систематической ассоціаціи.

*Характеръ*—въ общеупотребительномъ, житейскомъ смыслѣ слова—означаетъ индивидуальность, т. е. различныя свойства ума, большую или меньшую степень активности и т. п., отличающія данную личность.

Съ научной точки зрѣнія, характеръ можно разсматривать, какъ *конкретное проявленіе абстрактныхъ психологическихъ законовъ.* «Свести всѣ черты сложныхъ человѣческихъ характеровъ къ простѣйшимъ психическимъ элементамъ—говоритъ Поланъ— и къ простѣйшимъ формамъ великихъ психологическихъ законовъ, раскрывая ихъ сложныя комбинаціи,—вотъ цѣль науки о характерахъ».

Въ первой части книги авторъ даетъ рядъ основныхъ психическихъ типовъ, принимая за основаніе классификаціи *«преобладаніе той или другой формы психологической ассоціаціи»,* причемъ типы располагаются по степени связности, въ *нисходящемъ* порядкѣ (постепенное ослабленіе систематической ассоціаціи):

*1-я группа* типовъ характеризуется *преобладаніемъ системати-*

*) См. рецензію о ней въ „Вопр. фил. и псих.“, кн. II.

*ческой ассоціаціи*. Это типы: *уравновѣшенный* и *объединенный*. И тотъ и другой типъ отличаются душевною гармоніей; разница между ними та, что въ первомъ гармонія обусловливается *равновѣсіемъ* наклонностей и чувствъ; во второмъ—*подчиненіемъ* всѣхъ наклонностей какой-нибудь одной или нѣсколькимъ — *господствующимъ*.

*2-я группа*. Типы, характеризующіеся *преобладаніемъ систематическаго задержанія: владѣющіе собой (maîtres de soi)* и *разсудительные*. Первые отличаются *борьбой* склонностей антагонистовъ; вторые — задержкой *всѣхъ* вообще проявленій психической жизни.

*3-я группа*. Типы, характеризующіеся *преобладаніемъ ассоціацій по контрасту: безпокойные, нервозные, противорѣчивые*. Явленіе контраста объясняется обратной реакціей сильныхъ наклонностей. У *противорѣчивыхъ* эта реакція направлена не на собственныя чувства, а на чувства и желанія другихъ людей. Къ этой же группѣ относится еще одинъ типъ—людей *нерѣшительныхъ, щепетильныхъ* (scrupuleux), которые постоянно мучатся угрызеніями совѣсти по поводу ошибокъ часто ничтожныхъ и даже воображаемыхъ.

*4-я группа* типовъ характеризуется *преобладаніемъ ассоціацій по смежности и сходству*. Опредѣленныхъ типовъ этой группы авторъ не даетъ. Ассоціаціи по *смежности* и *сходству*, какъ основныя формы, присущи всѣмъ вообще людямъ, особенно обладающимъ такъ называемой *хорошею памятью*. Наклонность къ этого рода ассоціаціямъ замѣчается сильнѣе у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ, и особенно рѣзко проявляется у дѣтей.

*5-я группа* — типы, характеризующіеся *независимою дѣятельностью психическихъ элементовъ* (полное отсутствіе систематической ассоціаціи): *импульсивные*, такъ называемые, *люди минуты*.

Проявленію *импульсивнаго* типа способствуютъ всѣ обстоятельства, которыя почему-либо нарушаютъ или только ослабляютъ единство нашего *я*, причемъ типъ можетъ проявиться въ болѣзненно-преувеличенномъ видѣ (*истеричные* субъекты). У очень многихъ людей импульсивность въ обыденной жизни сдерживается чисто внѣшними обстоятельствами, каковы: религіозныя вѣрованія, страхъ высшей власти, чье-нибудь моральное вліяніе, привычная рутина жизни и т. д. Такіе люди могутъ принять, временно, характеръ *уравновѣшеннаго* типа. Но стоитъ внѣшней

уздѣ ослабѣть, какъ это мы видимъ въ такъ называемыя *переходныя* эпохи (напримѣръ, во время революцій),—страсти разыгрываются, и люди, самые безобидные въ обыкновенное время, совершаютъ ни съ чѣмъ несообразные, часто звѣрскіе, поступки.

Другой типъ этой группы представляютъ *сложныя* личности (съ «раздвоеннымъ сознаніемъ»), которыми наука очень много занималась въ послѣднее время. Это типъ скорѣе патологическій.

Вотъ основные психическіе типы, къ которымъ Поланъ сводитъ все разнообразіе существующихъ человѣческихъ характеровъ. Эти типы носятъ нѣсколько абстрактный, схематическій характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, для полной оцѣнки какой-нибудь личности, ея моральнаго и умственнаго значенія, недостаточно опредѣлить, что она принадлежитъ хотя бы, напр., къ *объединенному* типу,—для этого необходимо указать *степень развитія* и *содержаніе* объединяющей наклонности: сильна она или слаба, принадлежитъ ли она къ возвышеннымъ или къ низменнымъ сторонамъ человѣческой природы. (*Господствующее* значеніе могутъ имѣть самыя разнородныя наклонности: жадность, любовь къ богатству, религіозное чувство и т. д.).

Поэтому, Поланъ, наряду съ вышеприведенной *основною* классификаціей психическихъ типовъ, даетъ еще двѣ другія классификаціи,—два ряда дополнительныхъ опредѣленій типовъ. Въ первомъ изъ нихъ за основаніе классификаціи приняты *особыя качества* наклонностей (въ отношеніи степени ихъ развитія). Такъ, въ каждомъ основномъ типѣ (уравновѣшенномъ, объединенномъ и др.) наклонности могутъ быть *сильны* или *слабы, гибки* или *прямолинейны* и т. д.; впрочемъ, нѣкоторыя качества наклонностей бываютъ связаны исключительно съ какимъ-нибудь однимъ изъ основныхъ типовъ, напр., *устойчивость* наклонностей—необходимое свойство *объединеннаго* типа и, наоборотъ, немыслима у *импульсивныхъ* и т. д.

Вторая дополнительная классификація основывается на *содержаніи* наклонностей и даетъ рядъ *конкретныхъ* типовъ, характеризующихся *преобладаніемъ извѣстной опредѣленной наклонности*. Типовъ этихъ очень много,—столько же, сколько преобладающихъ наклонностей и расположены они въ *восходящемъ* порядкѣ, т.-е. отъ низшихъ къ высшимъ.

На первой ступени стоятъ типы съ преобладаніемъ чисто зооло-

гическихъ наклонностей (напр., типъ *обжоры*); далѣе слѣдуютъ типы, характеризующіеся преобладаніемъ разнаго рода *чувствованій* (любовь къ деньгамъ, любовь къ богатству, расточительность, любовь къ славѣ, къ власти и т. д.). Таковы типы *скупцовъ, властолюбцевъ, честолюбцевъ* и др. На высшей ступени стоятъ типы съ преобладаніемъ наклонности къ *творчеству* (художественно-музыкальному, литературному); сюда принадлежатъ выдающіеся художники, композиторы, поэты, ученые. Самая высшая форма этого типа—люди съ наклонностью къ отвлеченному, философскому мышленію.

Эта часть книги страдаетъ излишней раздробленностью, вслѣдствіе чего мѣстами даже трудно бываетъ провести точное разграниченіе между отдѣльными типами.

Въ третьей и послѣдней части книги авторъ даетъ нѣкоторыя указанія для практическаго примѣненія своего метода.

Во 1-хъ, онъ указываетъ на *множественность типовъ въ одномъ и томъ же индивидуумѣ*. Не нужно забывать, что въ жизни чистыхъ типовъ почти не бываетъ; большей частью встрѣчаются смѣшанные характеры, т.-е. въ одномъ лицѣ соединяются черты, принадлежащія психическимъ типамъ различныхъ категорій.

Во 2-хъ, авторъ рекомендуетъ величайшую осмотрительность и осторожность при опредѣленіи даннаго человѣческаго характера, самую строгую оцѣнку *господствующихъ наклонностей:* одна и та же наклонность можетъ имѣть совершенно неодинаковое значеніе, смотря по тому, съ какими другими наклонностями она соединяется. Напр., *разсѣянность* можетъ быть результатомъ неспособности дѣятельно сосредоточить на чемъ-нибудь свое вниманіе и, равно, результатомъ чрезмѣрнаго сосредоточенія вниманія на одномъ опредѣленномъ предметѣ.

Въ 3-хъ, Поланъ совѣтуетъ при опредѣленіи характеровъ принимать въ соображеніе ихъ подвижность,—то, что онъ называетъ «*l'état d'évolution du caractère*». Подъ этимъ «état d'évolution» авторъ разумѣетъ вліяніе на измѣненія характера различныхъ обстоятельствъ физическаго и моральнаго свойства, каковы: болѣзнь, горе и радость, случайныя впечатлѣнія, перемѣна среды и т. д.; но при этомъ авторъ совершенно игнорируетъ, такъ сказать, естественную эволюцію характеровъ, т. е. тѣ необходимыя ступени, которыя проходитъ каждый человѣческій характеръ отъ дѣтства до зрѣлаго возраста.

Въ заключеніе книги, Поланъ даетъ образецъ примѣненія своего метода на практикѣ,—очень яркую и интересную характеристику личности Густава Флобера.

**Е. Хлопина.**

**A. Chuquet** J. J. Rousseau. Paris, 1893, pp. 201 (Les grands écrivains français).

Ж. Ж. Руссо несомнѣнно долженъ быть поставленъ во главѣ передовыхъ людей послѣднихъ двухъ столѣтій. Его значеніе въ политической исторіи общеизвѣстно. Въ ученіи о воспитаніи онъ былъ первымъ ревностнымъ поборникомъ возвращенія къ природѣ. Въ философіи онъ стяжалъ неувядаемую славу «исповѣдью Савойскаго священника» — лучшею проповѣдью деизма, одинаково превосходной по содержанію и по формѣ. Воздѣйствіе его религіозныхъ и другихъ теорій можно прослѣдить у цѣлаго ряда мыслителей, не только французскихъ, но и иностранныхъ, и прежде всего — нѣмецкихъ, напримѣръ, у Канта и Фихте, чтобы не упоминать о менѣе знаменитыхъ. Въ литературѣ онъ былъ родоначальникомъ современнаго натурализма и сантиментализма. Бальзакъ и Жоржъ-Зандъ—его духовныя дѣти. Отъ него же ведетъ начало и демократическая окраска современнаго французскаго романа. Безъ него не существовали бы ни «Поль и Виржини» Бернардена де Ст. Пьерра, ни «Вертеръ» Гёте, ни «Атала» Шатобріана. Имъ вдохновлены лучшія пантеистическія тирады у Байрона *). Какъ поэтъ и стилистъ, онъ также не малая величина. Въ своей «Новой Элоизѣ» онъ впервые заставилъ человѣка «дышать одною жизнью съ природой» и впервые оправилъ романъ въ великолѣпную раму природы. По стилистическимъ достоинствамъ его сочиненія занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ во французской литературѣ. Не много образцовъ могли бы, напримѣръ, идти въ уровень съ знаменитымъ: L'aurore un matin me parut si belle etc. (Confessions, liv. IV). Еще безподобнѣе «Rêveries du Promeneur solitaire»: это музыкальная мелодія въ прозѣ, притомъ вполнѣ сознательная, такъ какъ Руссо былъ замѣчательный музыкантъ и умѣлъ передавать толпившіеся въ его головѣ звуки не только нотами, но и прозой. Нравствен-

*) Существуетъ спеціальная монографія: Schmidt, Rousseau und Byron, Greifsw. 1888 (Авторъ хорошо знакомъ съ Байрономъ, но съ Руссо не всегда изъ первыхъ рукъ).

ная природа Руссо совершенно исключительная. Едва ли въ комъ другомъ можно найти такое смѣшеніе противорѣчій: неутолимой жажды любви съ непобѣдимой мизантропіей, влеченія къ общительности съ исканіемъ одиночества, одушевленія всеобщею равноправностью съ слабостью къ знати, мечтательной любви съ распутствомъ, крайней деликатности и нѣжности съ грубымъ цинизмомъ и т. д.

Вся эта «болѣзнь Руссо» такого рода, что надъ ней и по настоящее время задумываются врачи.

Казалось бы, что о такомъ выдающемся и своеобразномъ человѣкѣ должна существовать неисчерпаемая литература. На дѣлѣ, она не особенно богата количествомъ, а качествомъ прямо скудна. Монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ, главнымъ образомъ, біографическимъ, появляются изъ года въ годъ, особенно въ послѣднее время *); но нельзя указать ни на одинъ общій трудъ о Руссо, который бы удовлетворялъ современному положенію вопроса **). Лучшее свидѣтельство о равнодушіи къ Руссо—отсутствіе сколько-нибудь порядочнаго новаго полнаго собранія его сочиненій. Выпущенное недавно (1884—1887) Гашеттомъ грошевое изданіе по своей микроскопической печати годно только для справокъ. И какъ жалко это изданіе въ сравненіи съ великолѣпными новыми изданіями современниковъ Руссо — Вольтера и Дидро! А между тѣмъ, сколь ни велики эти геніи, они все-таки ниже Руссо, такъ какъ больше разрушали, чѣмъ творили, Руссо же прежде всего творилъ. Хорошее изданіе его сочиненій все еще «ожидается».

Удовлетворительныхъ популярныхъ очерковъ о Руссо тоже не много. Книжка Шюкэ—одна изъ лучшихъ. Она основана на новѣйшихъ данныхъ. Авторъ не скрываетъ недостатковъ Руссо, но не умаляетъ и его достоинствъ. Но что всего цѣннѣе, въ нѣкоторыхъ страницахъ чувствуется какъ бы незримое присутствіе самого Руссо. Насколько позволялъ объемъ книги, значеніе Руссо выяснено съ достаточной обстоятельностью. Жаль только, что весьма блѣдно очерчены близкія къ нему лица; относительно

*) Одна изъ послѣднихъ біографій — Beaudouin, La vie et les oeuvres de J. J. Rousseau. Paris, 1892 (Сочиненія Руссо затронуты только поверхностно).

**) Съ этимъ положеніемъ знакомитъ Delmont: J. J. Rousseau d'après les derniers travaux de la critique et d'histoire (въ Université catholique за 1892).

M-me Warens это тѣмъ менѣе извинительно, что она своего рода жемчужина и что о ней въ послѣдніе годы добыты новыя, не лишенныя интереса, свѣдѣнія *). Вообще же книжка написана такъ живо и увлекательно, что многіе прочтутъ ее, не отрываясь.

**А. Гиляровъ.**

**L. Lyon.** La Philosophie de Hobbes (Bibliothèque de philosophie contemporaine). Paris, 1893, pp. 220.

Книга даетъ документальное и подробное изложеніе жизни, дѣятельности и ученія Гоббса. Даже придирчивая критика едва ли можетъ указать какіе-нибудь важные пробѣлы въ этой работѣ, а для читателя не спеціалиста лучшей ея рекомендаціей можетъ служить то, что неинтересное само по себѣ содержаніе вышло подъ перомъ автора интереснымъ, насколько это вообще въ данномъ случаѣ возможно. Въ особенности можетъ быть полезной эта книга тѣмъ юристамъ, которымъ не охота рыться въ политическихъ трактатахъ Гоббса, но необходимо обстоятельно познакомиться съ ихъ содержаніемъ.

**А. Гиляровъ.**

---

## Новыя книги и брошюры, полученныя редакціей.

**Борисовскій.** Безкорыстіе и чистота христіанской нравственности. 39 стр. (Отд. оттискъ изъ журнала «Вѣра и Разумъ» за 1893 годъ).

**Заборскій, К. И.** О памяти зрительныхъ воспріятій. Юрьевъ. 1894. 32 стр. (диссертація на степень д-ра медицины).

**Касса взаимопомощи при Общ. для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.** Отчетъ за 1893 г. и проч. Спб., 1894. 36 стр.

**Уставъ кассы взаимопомощи** при Общ. для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

**Krestoff, K.** Lotze's metaphysischer Seelenbegriff. Halle a. S. 1890. 83 S. (Inaugural-Dissertation).

**Васильевъ, проф.** Николай Ивановичъ Лобачевскій. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Имп. Каз. унив. 22 окт. 1893 г. Казань, 1894. 40 стр.

---

*) Mugnier, Madame Warens et J. J. Rousseau. Paris 1891.

**Отчетъ** мѣстнаго распорядительнаго комитета, организованнаго Физико-математ. Общ. для составленія капитала имени Н. И. Лобачевскаго. № 2. Казань, 1894. 10 стр.

**Отчетъ** о дѣятельности Физико-математическаго Общества при Имп. Каз. унив. за третій годъ его существованія. Казань, 1894. 16 стр.

**Отчетъ** Пензенской Общественной имени М. Ю. Лермонтова библіотеки за 1893 г. Пенза, 1894. 29 стр.

**Соколовъ, М. Е.** Введеніе въ философію. Петровскъ, Саратов. губ. 1894. 9 стр.

**Страховъ, свящ.** Нѣсколько словъ о христіанской любви въ ея отношеніи къ духовной природѣ человѣка. М. 1893. (Оттискъ изъ журн. «Чтенія въ Общ. Люб. Дух. Просв.). 15 стр.

**Тихомировъ, П.** Философія В. Д. Кудрявцева. М. 1894. 45 стр. (Отд. оттискъ изъ янв. книжки «Чтеній въ Общ. Любит. Дух. просв.» 1894 г.).

**Токарскій, А. А.** Психическія эпидеміи (Изъ 20-й кн. журнала «Вопросы Фил. и Псих.»). М. 1893. 23 стр. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.

**Фалькенбергъ.** Исторія новой философіи отъ Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени съ приложеніемъ краткаго философскаго словаря. Переводъ студентовъ С.-Петерб. унив. подъ ред. проф. А. И. Введенскаго, со 2 нѣм. изданія. Спб. 1894. 587 стр. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 40 к.

## II. Обзоръ журналовъ.

**Philosophische Monatshefte, XXIX B., Hefte 7—10.**

A. Baur. Pierre Jurieu (Peter Juräus) als Staatsphilosoph.

Въ этой статьѣ дается очеркъ политической философіи Петра Жюрьё, протестантскаго богослова, мыслителя и литературнаго противника Боссюэта. Основнымъ принципомъ политической теоріи Жюрьё является положеніе, что верховная власть принадлежитъ въ свомъ источникѣ народу. Такимъ образомъ, воззрѣнія Жюрьё въ XVII в. напоминаютъ—подчасъ почти дословно—явившуюся въ слѣдующемъ столѣтіи знаменитую политическую теорію Руссо.

P. Lorentz. Ueber die Aufstellung von Postulaten als philosophische Methode bei Kant.

По мнѣнію автора, метода выставленія постулатовъ, какъ она дана въ Критикѣ практическаго разума, вовсе не обусловлена природой предметовъ, возможность которыхъ она хочетъ доказать, а вызвана специфической окраской постулируемыхъ предметовъ въ смыслѣ приближенія ихъ къ ученію положительной религіи; логически метода постулатовъ соединена съ ученіемъ о высшемъ благѣ и вытекающей отсюда антиноміей практическаго разума,—элементами совершенно чуждыми общему строю системы. Если снять съ постулируемыхъ предметовъ специфически-религіозную окраску, то для доказательства ихъ нѣтъ надобности прибѣгать къ особой «методѣ постулатовъ»; они могутъ быть доказаны на основаніи общихъ принциповъ критической философіи.

W. Enoch. Franz Brentanos Reform der Logik.

Авторъ ставитъ вопросъ: опровергнута ли Аристотелевская

логика извѣстной попыткой Брентано? Критика логическаго ученія Брентано приводитъ автора къ отрицательному отвѣту: логика Брентано не только не даетъ ничего новаго, что выдерживало бы критику, но и пользуется подчасъ опровергаемыми ею ученіями старой логики для проведенія своихъ взглядовъ.

K. Garbe. Ueber den Zusammenhang der indischen Philosophie mit der griechischen.

Неоднократно дѣлались попытки объяснить такъ или иначе сходство ученій греческой философіи съ ученіями Упанишадъ, Веданты, Санкьи. Вопросъ рѣшался въ смыслѣ или заимствованія, или самостоятельнаго развитія греческаго духа. Авторъ склоняется вообще въ сторону первой части альтернативы, хотя и не рѣшается высказать аподиктическаго сужденія. Но за то въ ученіи Пиѳагора онъ видитъ несомнѣнное вліяніе индійской философіи и подчеркиваетъ здѣсь такіе общіе пиѳагореизму и индійскимъ источникамъ факты, какъ ирраціональное число $\sqrt{2}$, развитая въ Calvasûtra'хъ такъ называемая Пиѳагорова теорема и т. п., далѣе указываетъ на сближеніе загадочнаго названія пятаго элемента ὅλκας съ санскритскимъ âkâça. Точно также авторъ видитъ индійское вліяніе въ ученіяхъ гностиковъ и неоплатониковъ.

K. Groos. Aestetisch und schön.

Авторъ видитъ основную ошибку современной эстетики въ томъ, что она отожествляетъ «эстетическое» съ «прекраснымъ». По мнѣнію автора, область прекраснаго является только частью въ широкой области эстетически-дѣйствующаго.

P. Natorp. Zu den Vorfragen der Psychologie.

Эта статья представляетъ отвѣтъ Фолькельту и Циглеру по поводу ихъ критикъ, направленныхъ на сочиненіе Наторпа «Einleitung in die Psychologie nach kritischer Methode». Авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія критическаго идеализма.

Съ октября 1894 года предполагается соединеніе Philosophsiche Monatshefte и Archiv für Geschichte der Philosophie въ одинъ журналъ.

**А. Басистовъ.**

---

**Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie,** hrggb. von Avenarius. 1893 кн. 1, 2, 3 и 4 и 1894 кн. 1.

Риль. Понятіе о наукѣ у Галилея.—Если задача философіи заключается въ провѣркѣ источниковъ и путей знанія

и въ установленіи границъ познанія (какъ это принимаетъ Риль), то однимъ изъ творцовъ новой философіи, по мнѣнію Риля, должно признать Галилея. Галилей первый установилъ истинное значеніе опыта въ связи съ научнымъ процессомъ познанія. Ни опытъ, ни мышленіе порознь не ведутъ къ познанію; этого достигаетъ только ихъ соединеніе. Лучшее доказательство этого заключается въ примѣненіи чистой математики къ явленіямъ внѣшняго міра.

Гуссерль. Элементарная логика Фойгта.— Статья носитъ чисто полемическій характеръ и самостоятельнаго значенія не имѣетъ.

Эренфельсъ. Теорія цѣнностей и этика. — Эта большая статья примыкаетъ къ книгѣ Визера «Естественная цѣнность» (Вѣна, 1889). Изложивъ предварительно теорію цѣнности, какъ она разработана въ политической экономіи, авторъ дѣлаетъ попытку опредѣлить цѣнность психологически, поставивъ ее въ зависимость отъ желанія обладать данною вещью, и затѣмъ полученное такимъ образомъ опредѣленіе обобщаетъ не только на предметы потребленія, но и на вопросы нравственности.

Петцольдъ. Къ вопросу объ обоснованіи этики.— Статья представляетъ обстоятельный критическій разборъ книги Штаудингера «Das Sittengesetz». Darmstadt. 1887.—Естественными и необходимыми условіями нравственности Штаудингеръ считаетъ сознаніе и чувство свободы, а основнымъ принципомъ—полное взаимное соотвѣтствіе всѣхъ цѣлей. Поэтому для сознанія нравственности необходимо ясное міровоззрѣніе, вытекающее изъ принциповъ разума. Общность цѣлей всего человѣчества составляетъ высшее благо и есть нравственный идеалъ. Съ приближеніемъ къ этому идеалу увеличивается и общая сумма счастья. Обязанность осуществленія высшаго блага составляетъ долгъ. Во второй половинѣ статьи Петцольдъ разсматриваетъ также этическое ученіе Авенаріуса и старается согласить его съ положеніями Штаудингера.

Ахелисъ. Философское значеніе этнологіи.— Стремящаяся въ небо метафизика, по мнѣнію Ахелиса, въ настоящее время отжила свой вѣкъ, и любимою наукой мыслителей стала причастная земнымъ интересамъ психологія. Методъ изъ чисто-спекулятивнаго и догматическаго сталъ точнымъ, индуктивнымъ, научнымъ.

Однимъ изъ средствъ научной психологіи является изученіе психическаго строя первобытныхъ племенъ. Указавъ на недостатки психометріи, на то, что она даетъ указанія на психику развитаго субъекта, на ограниченность и элементарность ея приложеній; упомянувъ о шаткости изученія психологіи дѣтскаго возраста и животныхъ, авторъ указываетъ на заслуги (дѣйствительныя и возможныя) этнологической психологіи, которая можетъ дать много новыхъ матеріаловъ по вопросамъ психологіи, теоріи познанія и этики. На нѣсколько такихъ вопросовъ и указываетъ авторъ.

Шуппе. Подтвержденіе наивнаго реализма.— Въ этомъ открытомъ письмѣ къ Авенаріусу, написанномъ по поводу книгъ Авенаріуса «Kritik der reinen Erfahrung» и «Der menschliche Weltbegriff», Шуппе заявляетъ, что его обыкновенно всѣ считаютъ идеалистомъ, между тѣмъ какъ это основывается на какомъ-то недоразумѣніи, ибо онъ вполнѣ стоитъ за наивный реализмъ и уже давно доказывалъ тѣ положенія, къ которымъ теперь пришелъ и Авенаріусъ. Письмо состоитъ изъ ряда выписокъ изъ разныхъ сочиненій Шуппе, доказывающихъ его истинную точку зрѣнія.

Отвѣтомъ на это открытое письмо служитъ статья Вилли: Теоретико-познавательное «я» и естественное понятіе о мірѣ.

Кромѣ этихъ статей, въ тѣхъ же номерахъ журнала помѣщенъ переводъ статьи проф. Московскаго университета *Н. А. Звѣрева*, первоначально напечатанной во II книгѣ «Вопросовъ Философіи и Психологіи» (1890 г.), а также нѣсколько менѣе важныхъ и интересныхъ статей.

**М. Петрункевичъ.**

---

**Книговѣдѣніе**, ежемѣсячный библіографическій журналъ (съ иллюстраціями). Органъ Московскаго Библіографическаго Кружка. №№ 1 и 2. М. 1894 г.

Органъ Библіографическаго Кружка своимъ появленіемъ и своимъ содержаніемъ заслуживаетъ вниманія людей, интересующихся философскими науками. Цѣль изданія—очень широкая и заслуживающая полнаго сочувствія въ принципѣ, такъ какъ отъ успѣшнаго достиженія ея зависитъ раціональная постановка такой существенно важной вспомогательной отрасли знанія,

какъ библіографія, — важной въ особенности для такой, напр., двусторонней науки, какъ психологія, касающаяся, съ одной стороны, біологіи, съ другой — исторіи, исторіи литературы и искусствъ. Однако же, почтенная редакція «Книговѣдѣнія», задавшись широкою задачею—«собрать во-едино разсыпанную храмину русскихъ библіографовъ» и сдѣлать журналъ «настольнымъ справочнымъ изданіемъ для большой публики», хотя бы «лишь въ очень отдаленномъ будущемъ», едва ли удовлетворитъ своею классификаціею книгъ по отдѣльнымъ рубрикамъ спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ знанія, которые «нерѣдко зло посмѣиваются надъ каталогами нашихъ библіографическихъ журналовъ», не стремящихся къ системѣ «*строго логической* и въ то же время практически удобной для быстрыхъ справокъ». Въ классификаціи «Книговѣдѣнія» (принятой, впрочемъ, съ оговорками, какъ бы въ видѣ опыта, въ ожиданіи дѣльныхъ замѣчаній по этому вопросу) есть нѣкоторые недостатки на нашъ взглядъ: логика, напр., поставлена, какъ и должно быть, въ рубрику «философіи», а «методологія, исторія и философія науки, искусства etc. помѣщаются подъ соотвѣтствующими рубриками науки, искусства и т. д.»,—между тѣмъ такихъ рубрикъ вовсе нѣтъ, а есть только рубрики отдѣльныхъ «наукъ», «искусствъ» и т. д. И это, очевидно, не случайность. Сверхъ того, многіе отдѣлы, и какъ разъ между ними философскій, расчленены очень недостаточно. Отсюда, подъ рубрикою «философія» показываются чисто-педагогическія книги; рубрика «соціологія» фигурируетъ вмѣстѣ съ «правомъ», а подъ обѣими значатся, напр., такія книги, какъ «положеніе о трактирномъ промыслѣ», «циркулярныя распоряженія государственнаго банка» и т. п.; въ «естествознаніи» скомканы и географія, и сельское хозяйство, и технологія, а подъ рубрикою «ремесло и спортъ» нагромождены—военное и горное дѣло и т. п.

Несмотря на этотъ недостатокъ, въ «Книговѣдѣніи» можно отмѣтить цѣлый рядъ очень интересныхъ статей и замѣтокъ. Укажемъ, напримѣръ, на помѣщенныя въ № 2 журнала свѣдѣнія о первой систематической библіографіи за XVIII вѣкъ, составленной Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ, составителемъ полнѣйшаго извѣстнаго намъ каталога книгъ XVIII вѣка, хранящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и предназначеннаго къ печати въ «Книговѣдѣніи». Бантышъ-

Каменскій дѣлилъ философскія книги прежде всего на два класса: in genere и in specie, а затѣмъ послѣдній — на логику, метафизику, физику, натуральную исторію и, наконецъ, этику, какъ философію нравственную, экономическую, политическую и юридическую.

О дѣятельности Библіографическаго Кружка сообщены пока совсѣмъ отрывочныя свѣдѣнія то тутъ, то тамъ, а вторая книга журнала начинается длиннымъ извлеченіемъ изъ отчета IX археологическаго съѣзда въ Вильнѣ и особенно его «археографическаго отдѣленія». Что же касается современности, то пока она стушевывается и только въ классификацію введены двѣ оригинальныя рубрики: «популяризація научныхъ знаній» и «текущая жизнь», хотя въ этой послѣдней въ обѣихъ книгахъ фигуруетъ почему-то «Вырожденіе» Макса Нордау, вышедшее двумя изданіями, вмѣстѣ съ брошюрою о «Торговыхъ рядахъ на Красной площади въ Москвѣ», вторымъ изданіемъ «Дневника Башкирцевой» и т. п.

Мы охотно желаемъ полнѣйшаго успѣха такому полезному литературному предпріятію, какъ журналъ «Книговѣдѣніе», преслѣдующій такую важную и симпатичную цѣль, какъ хроника и исторія книжнаго и журнальнаго дѣла въ Россіи.

**В. Я.**

# Психологическое Общество.

---

## CXIII. Отчетъ о годичномъ (распорядительномъ) засѣданіи 24-го января 1894 г.

Засѣданіе открыто въ 8 ч. вечера въ новомъ зданіи университета подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Грота, при секретарѣ Н. А. Иванцовѣ, въ присутствіи гг. почетныхъ членовъ: М. М. Троицкаго и Б. Н. Чичерина, г. члена-учредителя Н. А. Звѣрева, гг. дѣйствительныхъ членовъ: Н. А. Абрикосова, А. П. Басистова, П. В. Безобразова, А. С. Бѣлкина, К. Н. Вентцеля, В. А. Гольцева, З. С. Горской, Г. Н. Дурдуфи, Н. А. Елеонскаго, В. Н. Ивановскаго, П. А. Каленова, С. С. Корсакова, Л. М. Лопатина, А. Н. Маклакова, А. Г. Петровскаго, Л. И. Поливанова, Н. П. Постовскаго, В. П. Преображенскаго, П. В. Преображенскаго, Г. А. Рачинскаго, Г. И. Россолимо, В. П. Сербскаго, А. А. Токарскаго, кн. С. Н. Трубецкого, кн. Д. Н. Цертелева, Н. И. Шишкина, Е. А. Шмидта и чл. соревноват. А. С. Гончаровой.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Доложенъ и утвержденъ протоколъ происходившаго 22-го января 1894 г. засѣданія Совѣта Общества.

Содержаніе протокола:

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Грота, при секретарѣ Н. А. Иванцовѣ, въ присутствіи гг. членовъ Совѣта—Л. М. Лопатина, В. П. Преображенскаго, С. С. Корсакова и Н. А. Абрикосова.

1. Установленъ порядокъ распорядительнаго годичнаго засѣданія 24-го января.

2. Обсуждался порядокъ выбора должностныхъ лицъ Обще-

ства, имѣющій быть произведеннымъ въ означенномъ засѣданіи Общества. Постановлено: предложить Обществу, по примѣру прежнихъ выборовъ, намѣчать кандидатовъ записками и затѣмъ подвергать установленной баллотировкѣ шарами. Исключеніе, по примѣру прежнихъ выборовъ, можетъ быть допущено лишь въ томъ случаѣ, если на какую-либо должность будетъ предложено лишь одно лицо, или прочіе кандидаты, получившіе меньшее количество записокъ, отъ баллотировки откажутся, и такимъ образомъ результатъ баллотировки будетъ самъ собою очевиденъ. Далѣе, постановлено предложить Обществу производить выборы должностныхъ лицъ въ томъ составѣ, въ какомъ Совѣтъ Общества будетъ утвержденъ по новому Уставу (§ 6 проэкта); лица, избранныя во вновь устанавливаемыя должности, имѣютъ немедленно приступить къ исправленію своихъ обязанностей, считаясь временно, до утвержденія Устава г-мъ министромъ, исправляющими соотвѣтственныя должности.

3. Прослушанъ отчетъ секретаря о дѣятельности Общества за истекшій годъ.

4. Прослушанъ отчетъ казначея о состояніи денежныхъ суммъ Общества за истекшій годъ.

5. Вновь обсуждался проэктъ пересмотрѣннаго Устава Психологическаго Общества и сдѣланы нѣкоторыя поправки и измѣненія.—Относительно способа обсужденія Устава Совѣтъ постановилъ: предложить Обществу баллотировать его по отдѣльнымъ параграфамъ открытою подачей голосовъ, при чемъ предсѣдатель имѣетъ предварительно указать тѣ замѣчанія, которыя ему были своевременно сдѣланы членами Общества.

3) Читанъ и подвергнутъ обсужденію «Проэктъ пересмотрѣннаго Устава Психологическаго Общества», разосланный гг. членамъ Общества, согласно вышеуказанному предложенію Совѣта.

Проэктъ пересмотрѣннаго и исправленнаго Обществомъ въ годичномъ засѣданіи Устава Психологическаго Общества прилагается къ этому протоколу *).

4) Доложенъ г. секретаремъ Н. А. Иванцовымъ составленный имъ «Краткій отчетъ о дѣятельности Московскаго Психологическаго Общества за 1893 г.». Отчетъ при семъ прилагается *).

5) Предсѣдателемъ было заявлено о выходѣ въ «изданіяхъ» Об-

---

*) Приложено къ подлинному протоколу.

щества: первой половины сочиненія Куно-Фишера «Артуръ Шопенгауэръ» въ переводѣ С. Н. Грумъ-Гржимайло, подъ редакціей В. П. Преображенскаго, и о печатаніи второй половины этой книги.

6) Читанъ и утвержденъ отчетъ г. казначея Н. А. Абрикосова о состояніи суммъ Общества къ 24-му января 1894 года.

7) Читанъ отчетъ гг. завѣдующихъ хозяйственными дѣлами журнала «Вопросы Философіи и Психологіи».

Провѣрка отчета о расходахъ поручена будущему составу казначеевъ Общества.

8) На основаніи § 4-го Устава Общества были произведены выборы въ почетные члены Общества слѣдующихъ лицъ: дѣйств. чл. Общ. гр. *Л. Н. Толстого*, дѣйств. чл. Общ. *Н. Н. Страхова*, члена учредителя Общ. *А. Я. Кожевникова* и германскаго философа *Эдуарда ф. Гартмана*.

Всѣ предложенныя въ почетные члены лица были избраны, получивъ слѣдующее число шаровъ: гр. *Л. Н. Толстой* 25 избир. и 5 неизб., *Н. Н. Страховъ* 21 избир. и 9 неизб., *А. Я. Кожевниковъ* 23 избир. и 7 неизб. и *Эд. ф. Гартманъ* 24 избир. и 6 неизбир.

9) Произведены выборы на новое трехлѣтіе должностныхъ лицъ, согласно предложенію Совѣта Общества, упомянутому въ вышеприведенномъ протоколѣ его засѣданія 22-го января 1894 г., причемъ были подвергнуты закрытой баллотировкѣ шарами кандидаты на должности двухъ товарищей предсѣдателя, секретаря, второго товарища казначея и библіотекаря; кандидаты на остальныя должности баллотировкѣ не подвергались, такъ какъ получили преобладающее число голосовъ по запискамъ.

Избранными оказались:

| | | | |
|---|---|---|---|
| На должность предсѣдателя | | *Н. Я. Гротъ* | 26 изб. |
| » » | 1-го тов. предс. | *Л. М. Лопатинъ* | 24 изб. и 5 неизб. |
| » » | 2-го » » | *С. С. Корсаковъ* | 25 изб. и 4 неизб. |

На должность секретаря, вслѣдствіе отказа баллотироваться на эту должность занимавшаго ее въ предшествующее трехлѣтіе дѣйств. члена Н. А. Иванцова, избранъ *А. С. Бѣлкинъ*, получивъ 17 избир. и 9 неизбир. шаровъ.

Дѣйств. членъ А. Н. Маклаковъ предложилъ Обществу выразить свою благодарность Н. А. Иванцову за его труды по исполненію обязанностей секретаря Общества въ теченіе трехъ лѣтъ. Члены Общества благодарили Н. А. Иванцова.

Вслѣдъ затѣмъ вновь избранный секретарь Общества А. С. Бѣлкинъ, согласно вышеупомянутому постановленію Совѣта Общества, приступилъ къ исполненію обязанностей секретаря.

Далѣе были избраны:

На должности товарищей секретаря—*В. Н. Ивановскій* и *А. А. Токарскій*, получивъ по 22 голоса избир.

На должность казначея *Н. А. Абрикосовъ*, получивъ 22 голоса избир.

На должность товарищей казначея *А. А. Абрикосовъ*, получивъ 22 голоса избир. и *Г. А. Рачинскій* — 20 гол. избир. и 2 неизб.

На должность редактора «Трудовъ» Общества *В. П. Преображенскій*, получивъ 21 голосъ избир.

На должность библіотекаря *А. Г. Петровскій*, получивъ 24 гол. избир. и 2 неизб.

10) Были произведены выборы въ члены ревизіонной комиссіи по дѣламъ журнала на 1894 годъ.

Избранными оказались:

По запискамъ— кн. *С. Н. Трубецкой* 18-ю голосами и *П. В. Преображенскій* 17-ю голосами и посредствомъ баллотировки— *П. А. Каленовъ*, получивъ 20 избир. и 1 неизб. шаръ.

11) Прочитано предложеніе дѣйств. члена Н. А. Иванцова отъ 23-го апрѣля 1893 г., обсужденіе котораго Общество въ своемъ засѣданіи 9-го октября 1893 года постановило перенести въ годичное распорядительное засѣданіе.

Предложеніе дѣйств. члена Н. А. Иванцова заключается въ слѣдующемъ:

a) Переводамъ, печатаемымъ Обществомъ за извѣстное вознагражденіе переводчикамъ, присвоить названіе «Изданій Психологическаго Общества», оставивъ прежнее названіе «Трудовъ» за самостоятельными статьями и переводами, отдаваемыми Обществу его членами въ даръ.

b) Не совмѣщать платнаго редакторства «Изданій» Общества съ почетнымъ званіемъ библіотекаря и редактора «Трудовъ Общества», по крайней мѣрѣ, принципіально.

c) Предоставить Совѣту Общества завѣдованіе «Изданіями Общества», т.-е. опредѣленіе пригодности доставляемыхъ переводовъ, назначеніе редакторовъ, распредѣленіе вознагражденія и т. под. въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

---

Въ виду, однако, того, что за это время уже состоялось переизданіе «Пролегоменъ ко всякой будущей метафизикѣ» Им. Канта въ переводѣ Влад. Серг. Соловьева и были начаты переговоры съ нѣкоторыми лицами относительно другихъ переводовъ, согласно постановленію, состоявшемуся въ годичномъ распорядительномъ засѣданіи Общества 23-го января 1893 г., противорѣчащему пунктамъ 1-му и 2-му вышеприведеннаго предложенія,—дѣйств. членъ Иванцовъ снялъ свое заявленіе съ обсужденія.

При этомъ предсѣдатель Общества заявилъ, что на основаніи постановленія Общества, указаннаго въ пунктѣ 3-мъ протокола засѣданія Общества 23-го января 1893 г., по его инициативѣ, Обществу доставлены для изданія въ серіи его «Трудовъ» слѣдующіе переводы классическихъ произведеній по философіи: 1) переводъ сочиненій Шеллинга «О свободѣ воли» и «Бруно», сдѣланный Э. Л. Радловымъ; 2) переводъ «Критики практическаго разума» Канта, сдѣланный студентами Московскаго университета; 3) переводъ первой половины «О человѣческомъ разумѣ» Локка, сдѣланный студентомъ историко-филологическаго факультета Савинымъ (вторая половина перевода обѣщана къ осени 1894 г.); 4) въ Изданіяхъ—переводъ сочиненія Эдуарда Гартмана «Критическое обоснованіе трансцендентальнаго реализма», сдѣланный оставленнымъ при университетѣ по каѳедрѣ философіи А. П. Басистовымъ; 5) переводъ діалога Платона «Федръ», сдѣланный преподаватемъ Костромской гимназіи М. В. Мурашевымъ.

Опредѣлено: заявленія Н. Я. Грота и Н. А. Иванцова принять къ свѣдѣнію.

Засѣданіе закрыто въ 12 ч. 45 мин. ночи.

---

## Извлеченіе изъ отчета о дѣятельности Московскаго Психологическаго Общества за 1893 годъ.

Въ истекшемъ году *Совѣтъ Общества* состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя *Н. Я. Грота*, товарища предсѣдателя *Л. М. Лопатина*, кандидата товарища предсѣдателя *С. Н. Трубецкого*, секретаря *Н. А. Иванцова*, а за время пребыванія его за границей *Ю. П. Бартенева* и *В. Н. Ивановскаго*, товарища секретаря

*Н. М. Горбова*, библіотекаря и редактора Трудовъ Общества *В. П. Преображенскаго*, казначея *Н. А. Абрикосова* и товарища казначея *С. С. Корсакова*.

*Въ составѣ Общества* произошли слѣдующія измѣненія: въ число дѣйствительныхъ членовъ избрано вновь 13 лицъ и въ число членовъ-соревнователей 1 лицо. Въ истекшемъ году Общество понесло двѣ крупныя потери въ составѣ своихъ дѣйствительныхъ членовъ въ лицѣ *П. Е. Астафьева*, всегда принимавшаго самое живое и горячее участіе въ засѣданіяхъ Общества, и *Д. А. Столыпина*—учредителя первой преміи при Обществѣ за философскія сочиненія. Къ 24 января 1894 года Общество состоитъ изъ 14 почетныхъ членовъ, 152 дѣйствительныхъ (считая въ томъ числѣ и членовъ учредителей), 39 членовъ-соревнователей и 4 членовъ-корреспондентовъ, итого 209 членовъ. Въ истекшемъ году Общество имѣло *14 засѣданій*, изъ которыхъ одно—сотое по счету, состоявшееся 21 фев. 1893 года,—торжественное. Въ этихъ засѣданіяхъ были доложены и подверглись обсужденію слѣдующія 13 сообщеній:

*1*) *Д. П. Кониссн*—О китайскомъ философѣ Лаоси.

*2*) *Г. И. Россолимо* — О мозговомъ органѣ музыкальной способности.

*3*) *О. П. Герасимова* — О вліяніи воспитанія на развитіе пессимизма въ нашемъ обществѣ.

*4*) *В. П. Сербскаго*—Психологія Мейнерта.

*5*) *Н. А. Иванцова*—«Четыре метода» Милля.

*6*) *В. А. Гольцева* — Нѣкоторыя замѣчанія о сознаніи, снѣ и творчествѣ.

*7*) *П. А. Каленова*—Вѣра и знаніе.

*8*) *В. Ѳ. Долгинцева*—О значеніи арабской философіи.

*9*) *С. С. Корсакова*—Къ психологіи микроцефаловъ.

*10*) *Л. М. Лопатина* – О подвижныхъ ассоціаціяхъ представленій.

*11*) *П. Д. Боборыкина*—Формулы и термины въ области прекраснаго.

*12*) *В. Р. Буцке*—Анализъ условій мѣста и времени при ассоціаціи идей.

*13*) *Н. Я. Грота*—О значеніи идеи параллелизма въ психологіи.

Журналъ «*Вопросы Философіи и Психологіи*» съ 1-го ноября

1893 г. переданъ прежнимъ его издателемъ, *А. А. Абрикосовымъ*, въ собственность Психологическаго Общества со всѣмъ книжнымъ матеріаломъ, находящимся въ конторѣ журнала, и ея обстановкой, за что Общество постановило выразить *А. А. Абрикосову* свою искреннюю признательность и поднести ему адресъ. Вслѣдствіе этого перехода изданія журнала въ руки Психологическаго Общества, произошли нѣкоторыя измѣненія въ составѣ редакторскаго персонала: избранъ и утвержденъ, по предложенію *Н. Я. Грота*, вторымъ редакторомъ журнала *Л. М. Лопатинъ*. Редакціонный комитетъ журнала составился изъ 5 лицъ: двухъ редакторовъ и трехъ членовъ Общества: *В. П. Преображенскаго, В. А. Гольцева* и *С. С. Корсакова* въ качествѣ представителей наукъ философскихъ, общественныхъ и біологическихъ.

Въ истекшемъ году Общество продолжало печатаніе принятыхъ отъ прежняго издателя журнала «Вопросы Философіи и Психологіи» переводовъ сочиненій: *Паульсена* — «Введеніе въ философію» и *Куно-Фишера* — «Артуръ Шопенгауэръ» и издало 2-мъ изданіемъ переводъ «Пролегоменъ» Канта, Вл. С. Соловьева.

Въ связи съ расширеніемъ дѣятельности Психологическаго Общества явилась необходимость въ пересмотрѣ его *Устава*, что и было возложено Обществомъ на Совѣтъ его. Къ годичному засѣданію Совѣтъ представилъ Обществу проэктъ желательныхъ, по его мнѣнію, измѣненій и дополненій.

Въ истекшемъ году Общество принимало участіе въ чествованіи слѣдующихъ лицъ и учрежденій: петербургскаго проф. Военно-Медицинской Академіи по каѳедрѣ психіатріи *И. П. Мержеевскаго*, по поводу исполнившагося 30-лѣтія его ученой дѣятельности; Казанскаго университета и Казанскаго Математическаго Общества—по поводу празднованія имъ 100-лѣтней годовщины дня рожденія русскаго геометра *Н. И. Лобачевскаго*; дѣйств. чл. Общества *Л. И. Поливанова* — по поводу празднованія 25-лѣтняго юбилея его гимназіи и *Московскаго Математическаго Общества*—по поводу исполнившагося 25-лѣтія со дня его основанія.

## Отчетъ казначея Психологическаго Общества о состояніи суммъ Общества

*съ 24 января 1893 г. по 24 января 1894 г.*

| | | | | |
|---|---|---|---|---|
| Оставалось на 24 января 1893 г. . . . . | — | — | 77 | 89 |
| **Поступило:** | | | | |
| Взносовъ дѣйствительныхъ членовъ . 215.— | | | | |
| » членовъ-соревнователей . 120.— | 335 | — | | |
| Пособіе отъ университета . . . . . . . | 400 | — | | |
| Продано трудовъ Общества на . . . . . | 498 | 26 | | |
| Процентовъ на капиталъ Общества . . . | 160 | 83 | 1.394 | 09 |
| По сч. журнала «Вопросы Философіи и Психологіи» . . . . . . . . . . . . | — | — | 4.500 | — |
| Всего поступило . | — | — | 5.971 | 98 |
| **Выдано:** | | | | |
| По устройству засѣданій О-ва . . 89.50 | | | | |
| За книги и журналы . . . . . . 165.70 | | | | |
| » публикаціи въ газетахъ . . . 30.40 | | | | |
| » напечатаніе бланковъ и пр. . . 71.11 | | | | |
| » » II вып. труд. О-ва 2-мъ изд. 264.38 | | | | |
| » » протокол. О-ва въ журн. . 400.— | | | | |
| Канцелярск., почтов. и пр. расходы 197.30 | | | | |
| Панихида и вѣнокъ на гробъ П. Е. Астафьева . . . . . . . . . 65.— | 1.283 | 39 | | |
| *Внесено* въ теченіе года на текущ. счетъ И. В. Юнкеръ и К° . . . . . 5613.56 | | | | |
| За вычетомъ взятыхъ по чекамъ . 975. . | 4.638 | 56 | 5.921 | 95 |
| Остатокъ на 24 января 1894 г. . . . . . | — | — | 50 | 03 |

## Состояніе капиталовъ Общества на 24 января 1894 г.

| | | | | |
|---|---|---|---|---|
| На вкладахъ Моск. Учетнаго Банка (2 билета за №№ 34778 и 34779 на имя Московскаго Психологическаго Общества) | 3.540 | — | | |
| На текущемъ счету въ конторѣ И. В. Юнкеръ и К° | 5.417 | 41 | | |
| У казначея Общества | 50 | 03 | 9.007 | 44 |
| Изъ этихъ суммъ принадлежатъ: | | | | |
| Капиталу преміи Д. А. Столыпина | 1.040 | — | | |
| Капиталу журнала «Вопросы Философіи и Психологіи» | 4.500 | — | | |
| Капиталу собственному Психологическаго Общества | 3.467 | 44 | 9.007 | 44 |

### CXIV. Отчетъ о засѣданіи 5-го февраля 1894 года.

Засѣданіе было открыто въ 8 час. 45 мин. вечера въ залѣ Правленія университета подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Л. М. Лопатина, при секретарѣ А. С. Бѣлкинѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Н. А. Абрикосова, А. П. Басистова, М. В. Безобразовой, Я. А. Боткина, К. М. Быковскаго, В. Е. Гіацинтова, Н. А. Елеонскаго, В. Н. Ивановскаго, Н. А. Иванцова, П. А. Каленова, Ѳ. С. Коробкина, С. С. Корсакова, гр. И. А. Мамуна, Б. К. Млодзѣевскаго, И. Ф. Огнева, А. Г. Петровскаго, Н. П. Постовскаго, В. П. Преображенскаго, Г. А. Рачинскаго, В. П. Сербскаго, А. А. Токарскаго, В. Д. Шервинскаго, Н. И. Шишкина, Е. А. Шмидта, гг. членовъ-соревнователей: А. А. Андреевой, Ю. Л. Любенковой, Ѳ. Д. Селивачева и В. Н. Фаминскаго и посторонней публики.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1. Дѣйств. членъ Общества П. А. Каленовъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Споръ разсудка съ вѣрой» *).

2. Читанъ протоколъ предыдущаго засѣданія и утвержденъ.

3. Л. М. Лопатинъ сообщилъ, что онъ, въ качествѣ представителя Общества, принесъ отъ Общества поздравленіе члену-учредителю Общества проф. Н. И. Стороженку на его юбилеѣ.

4. Доложено письмо С. А. Муромцева, въ которомъ онъ сообщаетъ о передачѣ въ даръ библіотекѣ Общества журнала «La philosophie positive» t. XXVI—XXIX и «Revue philosophique» t. I—VI. Постановлено благодарить С. А. Муромцева за его пожертвованіе.

5. Происходили пренія по реферату П. А. Каленова. Въ преніяхъ принимали участіе—Н. А. Елеонскій, А. А. Токарскій и Л. М. Лопатинъ.

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. 45 мин. вечера.

### Тезисы къ реферату П. А. Каленова:

«Споръ разсудка съ вѣрою».

1. Вѣра, въ отличіе отъ знанія, есть принятіе чего-либо за истину, *безъ логической провѣрки разсудкомъ.*

2. Вѣра сознательная, въ отличіе отъ наивной и слѣпой, есть признаніе чего-либо за истину не только безъ провѣрки разсудкомъ, но даже *наперекоръ протесту разсудка.*

3. Два основныхъ догмата сознательной вѣры: свобода воли и бытіе Бога — суть постулаты двухъ коренныхъ чувствъ и вызываемой этими чувствами коренной дѣятельности человѣка: догматъ свободы — постулатъ чувства своего «я» и своей сознательной дѣятельности вообще; догматъ бытія Божія — постулатъ космическаго чувства и дѣятельности нравственной.

4. Въ неразрывной связи съ коренными чувствами заключается сила убѣдительности этихъ догматовъ и неопровержимость, которую они сохраняютъ, несмотря на протестъ разсудка.

5. Протестъ разсудка происходитъ отъ того, что разсудокъ въ своей дѣятельности (истолкованіи явленій), руководясь закономъ достаточнаго основанія (модификаціей основного закона логики—закона тождества и противорѣчія), отправляется, какъ

*) Напечатанъ въ первомъ отдѣлѣ 22 й (мартовской 94 г.) книжки журнала.

отъ аксіомы-гипотезы, отъ идеи естественной необходимости, прямымъ отрицаніемъ которой являются идеи божественнаго всемогущества и свободной воли.

6. Протестъ разсудка направленъ: во 1-хъ, противъ вмѣшательства вѣры въ явленія, благодаря которому эти явленія, какъ вызванныя или божественнымъ всемогуществомъ, или свободною волей, оказываются нарушающимъ естественную необходимость чудомъ, т. е. абсурдомъ; во 2-хъ, противъ попытки раціонализировать догматы, т.-е. исправить заключающееся въ нихъ внутреннее противорѣчіе и положить ихъ въ основаніе дальнѣйшихъ теоретическихъ изслѣдованій.

7. Разумъ, какъ высшая инстанція въ спорѣ вѣры и разсудка, повелѣваетъ: вѣрѣ ограничиться своей законной функціей «практическаго регулятора воли», не пытаясь стать теоретическимъ основоположеніемъ мышленія; а разсудку — изслѣдовать по возможности естественную необходимость явленій, не отрицая въ нихъ элемента недоступнаго ему, чудеснаго.

8. Въ спорѣ разсудка съ вѣрой проявляется фактъ внутренней борьбы психическихъ элементовъ, усложняющей въ человѣкѣ обще-животную борьбу за существованіе со внѣшнимъ міромъ.

## CXV. Отчетъ о засѣданіи 19-го марта 1894 года.

Засѣданіе было открыто въ 8 час. 35 мин. вечера въ залѣ Правленія университета подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Л. М. Лопатина, при секретарѣ А. С. Бѣлкинѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: А. В. Адольфа, А. П. Басистова, Н. В. Бугаева, З. С. Горской, Н. Я. Грота, Н. А. Звѣрева, В. Н. Ивановскаго, Н. А. Иванцова, П. А. Каленова, Ѳ. С. Коробкина, С. С. Корсакова, А. Г. Петровскаго, Н. П. Постовскаго, В. П. Преображенскаго, Г. А. Рачинскаго, Н. И. Ржондковскаго, Г. И. Россолимо, В. П. Сербскаго, А. А. Токарскаго, кн. С. Н. Трубецкого, А. Е. Фаворскаго, кн. Д. Н. Цертелева и Н. И. Шишкина, гг. членовъ-соревнователей: А. Ѳ. Гартвига и В. Н. Фаминскаго и гостей по запискамъ членовъ.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдушаго засѣданія.

2. Предсѣдательствующій заявилъ о смерти дѣйств. члена Общества Н. І. Нерсесова. Присутствовавшіе почтили память Н. І. Нерсесова вставаніемъ.

3. Доложено, что, согласно постановленію Общества, Совѣтъ Общества поднесъ 24-го февраля благодарственный адресъ А. А. Абрикосову. Въ поднесеніи участвовали члены Совѣта — Л. М. Лопатинъ, С. С. Корсаковъ, В. Н. Ивановскій, А. Г. Петровскій, А. А. Токарскій и А. С. Бѣлкинъ и дѣйств. чл. П. А. Каленовъ.

4. Л. М. Лопатинъ доложилъ, что онъ, вмѣстѣ съ членами Совѣта—А. Г. Петровскимъ, Г. А. Рачинскимъ и А. С. Бѣлкинымъ, передалъ члену-учредителю Психологическаго Общества проф. А. Я. Кожевникову 6-го марта, въ день празднованія двадцатипятилѣтія его профессорской дѣятельности, поздравленіе отъ лица Общества и дипломъ на званіе почетнаго члена Психологическаго Общества.

5. Н. Я. Гротъ прочиталъ письма А. Я. Кожевникова и Н. Н. Страхова, въ которыхъ означенныя лица благодарятъ Общество за избраніе ихъ въ почетные члены.

6. Л. М. Лопатинъ доложилъ, что дѣйств. членъ Е. И. Челпановъ, находящійся въ настоящее время въ Берлинѣ, передалъ дипломъ на званіе почетнаго члена Общества Эд. ф. Гартману, который выражаетъ Обществу свою благодарность за избраніе.

7. Дѣйств. членъ Д. Н. Цертелевъ прочиталъ рефератъ подъ заглавіемъ—«Пространство и время, какъ формы явленій» *).

8. Происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ принимали участіе: А. А. Токарскій, Л. М. Лопатинъ, Н. Я. Гротъ, Н. В. Бугаевъ и Н. А. Звѣревъ.

9. Прочитанъ протоколъ засѣданія Совѣта Общества 26-го февраля 1894 года.

Содержаніе протокола:

Присутствовали члены Совѣта: А. А. Абрикосовъ, Н. А. Абрикосовъ, А. С. Бѣлкинъ, Л. М. Лопатинъ, Н. Я. Гротъ, Г. А. Рачинскій, В. Н. Ивановскій, А. Г. Петровскій, С. С. Корсаковъ, А. А. Токарскій и членъ редакціоннаго комитета В. А. Гольцевъ.

§ 1. Согласно рѣшенію Общества, состоявшемуся 5-го февраля 1894 г., Совѣтъ обсуждалъ вопросъ о печатаніи протоколовъ годичнаго и обыкновенныхъ засѣданій Общества и постановилъ:

«Предложить Обществу печатать въ журналѣ, на основаніи протоколовъ, отчеты о засѣданіяхъ. Въ эти отчеты должны вхо-

*) Напечатанъ въ первомъ отдѣлѣ настоящей книжки журнала.

дить тезисы или краткое изложеніе реферата, существенныя возраженія гг. оппонентовъ, отвѣты на нихъ референта и сообщенія о важнѣйшихъ дѣлахъ и постановленіяхъ Общества. Отчеты эти должны печататься въ той формѣ, какая каждый разъ будетъ одобрена Совѣтомъ Общества».

Этотъ пунктъ протокола вызвалъ возраженія и послѣ преній было рѣшено сдѣлать *слѣдующее добавленіе къ нему*: «Если же кто-нибудь изъ членовъ Общества пожелаетъ, чтобы тотъ или другой пунктъ протокола былъ непремѣнно напечатанъ или выпущенъ въ отчетѣ о засѣданіи, онъ заявляетъ объ этомъ при чтеніи протокола въ засѣданіи Общества и вопросъ объ этомъ рѣшается большинствомъ голосовъ».

§ 2. Слушалось отношеніе ректора Московской Духовной Академіи архимандрита Антонія за № 318 къ Совѣту Психологическаго Общества, въ которомъ онъ заявляетъ о своемъ желаніи выйти изъ числа членовъ Общества.

Отношеніе арх. Антонія было прочитано въ засѣданіи Общества. Постановлено: считать а. Антонія, согласно его желанію, выбывшимъ изъ числа членовъ Общества.

Засѣданіе было закрыто въ 11 час. 45 мин. вечера.

## Текстъ адреса, поднесеннаго Московскимъ Психологическимъ Обществомъ Алексѣю Алексѣевичу Абрикосову.

Многоуважаемый
Алексѣй Алексѣевичъ!

Московское Психологическое Общество въ засѣданіи 30-го октября 1893 года постановило публично выразить Вамъ глубокую свою признательность за то участіе, которое вы приняли въ основаніи и упроченіи постояннаго органа философіи и психологіи въ Россіи.

Четыре съ половиной года назадъ, когда немногочисленные въ то время члены Психологическаго Обществa едва успѣли сплотиться, когда Общество не имѣло еще никакихъ матеріальныхъ средствъ и только-что начало серію своихъ изданій, не зная, къ какимъ результатамъ приведетъ его эта дѣятельность, при господствовавшемъ еще тогда среди русскаго общества предубѣжденіи противъ философіи,—Вы повѣрили въ будущее русской философской науки и великодушно предложили свою ма-

теріальную помощь въ изданіи философскаго журнала. Вы, конечно, предвидѣли значительные матеріальные недочеты и шли на жертвы.

Въ теченіе трехъ лѣтъ Вы покрывали изъ своихъ средствъ убытки, которые приносило новое литературное предпріятіе, несмотря на явное сочувствіе къ нему со стороны русскаго общества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Вы употребили усилія, чтобы дать дѣлу правильную постановку, привести въ полный порядокъ отчетность журнала и согласовать расходы его съ возможнымъ приходомъ. Результатомъ Вашихъ стараній, проникнутыхъ любовью къ дѣлу и опытностью, было то, что на четвертый годъ изданіе философскаго журнала окупилось, причемъ, въ интересахъ дѣла, вы пожертвовали еще около 2.000 рублей на значительное увеличеніе размѣровъ двухъ послѣднихъ книгъ журнала.

Оставаясь вѣрнымъ принципу, что изданіе журнала «Вопросы Философіи и Психологіи»—не коммерческое предпріятіе, а чисто-литературное и интеллектуальное, Вы отказались отъ возмѣщенія всѣхъ потерь, Вами понесенныхъ, и передали журналъ Психологическому Обществу въ теперешнемъ цвѣтущемъ его состояніи, со всѣмъ принадлежащимъ журналу значительнымъ книжнымъ имуществомъ.

Нижеподписавшіеся члены Московскаго Психологическаго Общество симъ свидѣтельствуютъ Вамъ свою искреннюю признательность за Вашъ щедрый даръ и выражаютъ пожеланія, чтобы возможно большее число русскихъ людей, обладающихъ матеріальными средствами, слѣдовали Вашему примѣру и съ вѣрою въ будущее русской науки столь же безкорыстно поддерживали литературныя начинанія, имѣющія единственною задачей—просвѣщеніе родины.

Слѣдуютъ подписи.

---

## Списокъ членовъ Психологическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, по 15-ое мая 1894 года.

### Почетные члены:

1. **Троицкій**, Матвѣй Михайловичъ (членъ-учредитель).
2. **Легонинъ**, Викторъ Алексѣевичъ (членъ-учредитель).
3. **Козловъ**, Алексѣй Александровичъ.

4. **Соловьевъ**, Владиміръ Сергѣевичъ.
5. **Сѣченовъ**, Иванъ Михайловичъ.
6. **Чичеринъ**, Борисъ Николаевичъ.
7. **Кожевниковъ**, Алексѣй Яковлевичъ (членъ-учредитель).
8. **Страховъ**, Николай Николаевичъ.
9. **Толстой**, гр. Левъ Николаевичъ.
10. **Бэнъ**, Александръ (Англія).
11. **Вундтъ**, Вильгельмъ (Германія).
12. **Гартманъ**, Эдуардъ ф. (Германія).
13. **Гельмгольцъ**, Германъ ф. (Германія).
14. **Дю Буа-Реймонъ**, Эмиль (Германія).
15. **Рибо**, Томасъ (Франція).
16. **Рише**, Шарль (Франція).
17. **Сэджвикъ**, Генри (Англія).
18. **Целлеръ**, Эдуардъ (Германія).

### Члены учредители:

19. **Анучинъ**, Дмитрій Николаевичъ. } Проф. Москов. Унив.
20. **Богдановъ**, Анатолій Петровичъ. } Проф. Москов. Унив.
21. **Бугаевъ**, Николай Васильевичъ. } Проф. Москов. Унив.
22. **Звѣревъ**, Николай Андреевичъ. } Проф. Москов. Унив.
25. **Ковалевскій**, Максимъ Максимовичъ.
24. **Колоколовъ**, Георгій Евграфовичъ. } Профессора Москов. Унив.
25. **Миллеръ**, Всеволодъ Өедоровичъ. } Профессора Москов. Унив.
26. **Муромцевъ**, Сергѣй Андреевичъ.
27. **Стороженко**, Николай Ильичъ. } Проф. Москов. Унив.
28. **Фортунатовъ**, Филиппъ Өедоровичъ. } Проф. Москов. Унив.
29. **Чупровъ**, Александръ Ивановичъ. } Проф. Москов. Унив.

### Дѣйствительные члены:

30. **Абрикосовъ**, Алексѣй Алексѣевичъ.
31. **Абрикосовъ**, Николай Алексѣевичъ.
32. **Адольфъ**, Андрей Викентьевичъ, препод. гимназіи.
33. **Баженовъ**, Николай Николаевичъ, психіатръ.
34. **Бартеневъ**, Юрій Петровичъ.
35. **Басистовъ**, Алексѣй Павловичъ.
36. **Безобразова**, Марія Владиміровна, д-ръ филос. Бернскаго Универс.
37. **Безобразовъ**, Павелъ Владиміровичъ, прив. доц. Моск. Унив.

38. **Воборыкинъ**, Петръ Дмитріевичъ, писатель.
39. **Бобровъ**, Евгеній Александровичъ, и. д. э. о. пр. Юрьев. Унив.
40. **Боголѣповъ**, Николай Павловичъ, проф. Моск. Унив.
41. **Боткинъ**, Яковъ Алексѣевичъ, психіатръ.
42. **Вѣлкинъ**, Алексѣй Сергѣевичъ, прив. доц. Моск. Унив.
43. **Брунъ**, Михаилъ Исакіевичъ, прис. повѣр.
44. **Вуцке**, Викторъ Романовичъ, психіатръ.
45. **Выковскій**, Константинъ Михайловичъ, академикъ архитек.
46. **Вагнеръ**, Владиміръ Александровичъ, препод. ест. наукъ.
47. **Введенскій**, Александръ Ивановичъ, проф. С.-Пб. Унив.
48. **Введенскій**, Алексѣй Ивановичъ, проф. Моск. Дух. Акад.
49. **Вентцель**, Константинъ Николаевичъ.
50. **Веселовскій**, Алексѣй Николаевичъ, проф. Моск. Унив.
51. **Викторскій**, Сергѣй Ивановичъ, прис. повѣр., прив. доц. Московскаго Унив.
52. **Виноградсвъ**, Павелъ Гавриловичъ, проф. Моск. Унив.
53. **Вульфертъ**, Антонъ Карловичъ, проф. Демидовскаго лицея.
54. **Вырубовъ**, Григорій Николаевичъ, писатель.
55. **Гамбаровъ**, Юрій Степановичъ, проф. Моск. Унив.
56. **Герасимовъ**, Осипъ Петровичъ, препод. гимназіи.
57. **Герье**, Владиміръ Ивановичъ, проф. Моск. Унив.
58. **Гіацинтовъ**, Владиміръ Егоровичъ, препод. гимназіи.
59. **Гиляровъ**, Алексѣй Никитичъ, проф. Кіевскаго Унив.
60. **Голицынъ**, кн. Борисъ Борисовичъ, адъюнктъ Акад. Наукъ.
61. **Гольцевъ**, Викторъ Александровичъ, писатель.
62. **Горбовъ**, Николай Михайловичъ.
63. **Горская**, Зинаида Степановна, психіатръ.
64. **Гротъ**, Николай Яковлевичъ, проф. Моск. Унив.
65. **Данилевскій**, Василій Яковлевичъ, проф. Харьк. Унив.
66. **Де-Роберти**, Евгеній Валентиновичъ, писатель.
67. **Дерюжинскій**, Владиміръ Өедоровичъ, проф. Юрьевск. Унив.
68. **Дриль**, Дмитрій Андреевичъ, д-ръ уголовнаго права.
69. **Дурдуфи**, Григорій Николаевичъ, докт. мед.
70. **Елеонскій**, Николай Алексанровичъ, свящ., проф. Моск. Ун.
71. **Жуковскій**, Николай Егоровичъ, проф. Моск. Унив.
72. **Зеленогорскій**, Өедоръ Александровичъ, проф. Харьк. Унив.
73. **Зерновъ**, Дмитрій Николаевичъ, проф. Моск. Унив.
74. **Зографъ**, Николай Юрьевичъ, проф. Моск. Унив.
75. **Ивановскій**, Владиміръ Николаевичъ.

76. **Иванцовъ**, Николай Александровичъ, прив. доц. Моск. Унив.
77. **Иванюковъ**, Иванъ Ивановичъ.
78. **Казанскій**, Александръ Павловичъ, пр. доц. Новорос. Унив.
79. **Каленовъ**, Петръ Александровичъ, препод. гимназіи.
80. **Камаровскій**, гр. Леонидъ Алексѣевичъ, проф. Моск. Унив.
81. **Капнистъ**, гр. Павелъ Алексѣевичъ, попеч. Моск. Уч. Окр.
82. **Каринскій**, Михаилъ Ивановичъ, проф. С.-П. Дух. Акад.
83. **Карѣевъ**, Николай Ивановичъ, проф. С.-Петерб. Универс.
84. **Ключевскій**, Василій Осиповичъ, проф. Моск. Унив.
85. **Колубовскій**, Яковъ Николаевичъ.
86. **Кониссн**, Даніилъ Павловичъ.
87. **Корелинъ**, Михаилъ Сергѣевичъ, проф. Моск. Унив.
88. **Корниловъ**, Александръ Александровичъ, прив. доц. Моск. Унив.
89. **Коробкинъ**, Өедоръ Семеновичъ, препод. гимназіи.
90. **Корсаковъ**, Сергѣй Сергѣевичъ, проф. Моск. Унив.
91. **Коршъ**, Өедоръ Евгеніевичъ, проф. Моск. Унив.
92. **Ланге**, Николай Николаевичъ, прив. доц. Новорос. Унив.
93. **Ланнъ**, Фердинандъ, писатель.
94. **Леонова**, Ольга Васильевна, врачъ.
95. **Лесевичъ**, Владиміръ Викторовичъ, писатель.
96. **Лопатинъ**, Левъ Михайловичъ, проф. Моск. Унив.
97. **Лютославскій**, Вик. Франц., прив. доц. Казан. Унив.
98. **Маклаковъ**, Алексѣй Николаевичъ, проф. Моск. Унив.
99. **Мамуна**, гр. Иванъ Андреевичъ, врачъ.
100. **Масарикъ**, Өома Осиповичъ, проф. Чешскаго Ун. въ Прагѣ.
101. **Мензбиръ**, Михаилъ Александровичъ, проф. Моск. Унив.
102. **Милюковъ**, Павелъ Николаевичъ, прив. доц. Моск. Унив.
103. **Минцловъ**, Рудольфъ Рудольфовичъ, прис. пов.
104. **Митрофановъ**, Павелъ Ильичъ.
105. **Михайловскій**, Николай Константиновичъ, писатель.
106. **Михайловскій**, Викторъ Михайловичъ, пр. доц. Моск. Унив.
107. **Млодзѣевскій**, Болеславъ Корнеліевичъ, проф. Моск. Унив.
108. **Мокіевскій**, Павелъ Васильевичъ, докт. мед.
109. **Мороховецъ**, Левъ Захаровичъ, проф. Моск. Унив.
110. **Некрасовъ**, Павелъ Алексѣевичъ, проф. и рект. Моск. Унив.
111. **Немировичъ-Данченко**, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
112. **Оболенскій**, Леонидъ Егоровичъ, писатель.
113. **Огневъ**, Иванъ Флоровичъ, проф. Моск. Унив.

114. **Охоровичъ**, Юліанъ.
115. **Павловъ**, Алексѣй Степановичъ, проф. Моск. Унив.
116. **Петровскій**, Александръ Григорьевичъ, врачъ.
117. **Плевако**, Ѳедоръ Никифоровичъ, прис. пов.
118. **Поливановъ**, Левъ Ивановичъ, директоръ гимназіи.
119. **Поспѣховъ**, Дмитрій Васильевичъ, проф. Кіевск. Дух. Акад.
120. **Постовскій**, Николай Павловичъ, психіатръ.
121. **Преображенскій**, Василій Петровичъ.
122. **Преображенскій**, Петръ Васильевичъ, прив. доц. Моск. Унив.
123. **Радловъ**, Эрнестъ Львовичъ, библ. Импер. Публ. библ.
124. **Рачинскій**, Григорій Алексѣевичъ.
125. **Ржондковскій**, Николай Ивановичъ, прис. пов.
126. **Россолимо**, Григорій Ивановичъ, прив. доц. Моск. Унив.
127. **Ротъ**, Владиміръ Карловичъ, прив. доц. Моск. Унив.
128. **Рузскій**, Николай Виттовичъ, прив. доц. Моск. Унив.
129. **Рутковскій**, Л. В., прив. доц. С.-Пет. Унив.
130. **Савей-Могилевичъ**, Ѳедоръ Андреевичъ, психіатръ.
131. **Сербскій**, Владиміръ Петровичъ, прив. доц. Моск. Унив.
132. **Серджи**, Джіованни, проф. антропологіи въ Римѣ.
133. **Сикорскій**, И. А., проф. Кіев. Унив.
134. **Смирновъ**, Аполлонъ Ивановичъ, проф. Казан. Унив.
135. **Смирновъ**, Ѳедоръ Александровичъ, препод. гимн.
136. **Соболевскій**, Василій Михайловичъ, редакторъ Русск. Вѣдом.
137. **Сокальскій**, Иванъ Петровичъ, проф. Харьк. Унив.
138. **Соколовъ**, Павелъ Петровичъ, проф. Моск. Дух. Акад.
139. **Столѣтовъ**, Александръ Григорьевичъ, проф. Моск. Унив.
140. **Струве**, Генрихъ Егоровичъ, проф. Варшав. Унив.
141. **Танѣевъ**, Владиміръ Ивановичъ, прис. пов.
142. **Тимирязевъ**, Клементій Аркадьевичъ, проф. Моск. Унив.
143. **Тимковскій**, Николай Ивановичъ, писатель.
144. **Токарскій**, Ардаліонъ Ардаліоновичъ, прив. доц. Моск. Унив.
145. **Трубецкой**, кн. Евгеній Николаевичъ, проф. Кіев. Унив.
146. **Трубецкой**, кн. Сергѣй Николаевичъ, прив. доц. Моск. Ун.
147. **Улянцкій**, Владиміръ Антоновичъ, прив. доц. Моск. Унив.
148. **Успенскій**, Сергѣй Николаевичъ, психіатръ.
149. **Умовъ**. Николай Алексѣевичъ, проф. Моск. ун.
150. **Фаворскій**, Андрей Евграфовичъ, прис. пов.
151. **Филипповъ**, Александръ Никитичъ, проф. Юрьевск. Унив.
152. **Фонъ-Тешъ**, Павелъ Павловичъ, докт. медиц.

—

153. **Фонъ-Штейнъ**, Станиславъ Θеодоровичъ, прив. доц. Моск. Ун.
154. **Цвѣтаевъ**, Иванъ Владиміровичъ, проф. Моск. Унив.
155. **Цертелевъ**, кн. Дмитрій Николаевичъ, д-ръ философіи.
156. **Цингеръ**, Василій Яковлевичъ, проф. Моск. Унив.
157. **Челпановъ**, Егоръ Ивановичъ, прив. доц. Кіев. Унив.
158. **Чижъ**, Владиміръ Θеодоровичъ, проф. Юрьев. Унив.
159. **Шварцъ**, Александръ Николаевичъ, проф. Моск. Унив.
160. **Шервинскій**, Василій Дмитріевичъ, проф. Моск. Унив.
161. **Шишкинъ**, Николай Ивановичъ, препод. гимн.
162. **Шмидтъ**, Евгеній Александровичъ, препод. инст.
163. **Штейнъ**, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
164. **Эртель**, Александръ Ивановичъ, писатель.
165. **Якоби**, Павелъ Ивановичъ, психіатръ.
166. **Ярковскій**, Иванъ Осиповичъ, инженеръ-технологъ.

### Члены-соревнователи:

167. **Абрикосова**, Марья Филипповна.
168. **Абрикосова**, Глафира Алексѣевна.
169. **Абрикосовъ**, Александръ Алексѣевичъ.
170. **Андреева**, Александра Алексѣевна.
171. **Бобровъ**, А. Н.
172. **Брюхатовъ**, А. Д.
173. **Ганненфельдъ**, Александръ Павловичъ.
174. **Гартвигъ**, Андрей Θеодоровичъ.
175. **Глики**, Юлія Ивановна.
176. **Гольденвейзеръ**, Моисей Соломоновичъ.
177. **Гончарова**, Анна Сергѣевна.
178. **Долгинцевъ**, Василій Θеодоровичъ.
179. **Кандауровъ**, Дмитрій Петровичъ.
180. **Колобашкинъ**, Николай Николаевичъ.
181. **Лазаревъ**, Иванъ Θеодоровичъ.
182. **Любенкова**, Юлія Львовна.
183. **Львовъ**, кн. Д. П.
184. **Мазаровичъ**, Николай Ивановичъ.
185. **Маклакова**, Лидія Филипповна.
186. **Мальковская**, Софья Александровна.
187. **Мамонтовъ**, Михаилъ Анатоліевичъ.
188. **Мамонтовъ**, Анатолій Ивановичъ.
189. **Новожиловъ**, Иванъ Михайловичъ.

190. **Павловъ**, Александръ Владиміровичъ.
191. **Петрункевичъ**, А. С.
192. **Погожева**, А. В.
193. **Панафидинъ**, С. В.
194. **Рачинскій**, Николай Петровичъ.
195. **Ремезовъ**, Иванъ Дмитріевичъ.
196. **Ржаницынъ**, Алексѣй Руфовичъ.
197. **Ржевскій**, Владиміръ Алексѣевичъ.
198. **Свентицкая**, Марья Хрисанѳовна.
199. **Селивачевъ**, Ѳ. Д.
200. **Столповскій**, Петръ Адамовичъ.
201. **Сѣриковъ**, Сергѣй Владиміровичъ.
202. **Угримова**, Марья Павловна.
203. **Угримовъ**, Иванъ Александровичъ.
204. **Фаминскій**, Василій Неофитовичъ.
205. **Ходолей**, Н. Ю.
206. **Шахъ-Назаровъ**, Семенъ Григорьевичъ, врачъ.

### Члены-корреспонденты:

207. **Гелеръ фонъ Равенсбургъ**, предс. Берлин. Психол. Общ.
208. **Максъ Дессуаръ**, секретарь того же общества.
209. **А. Байерсдерферъ**, предс. Мюнхен. Психол. Общества.
210. **Шренкъ фонъ Нотцингъ**, его секретарь.
211. **Левицкій**, И. Н.
212. **Демковъ**, М. И.

*Примѣчаніе.* Членскіе взносы принимаются въ конторѣ журнала «Вопросы философіи и психологіи», а во время засѣданій въ залѣ засѣданія бухгалтеромъ конторы. Иногороднихъ членовъ просятъ адресовать свои взносы въ контору журнала «Вопросы философіи и психологіи», на имя казначея общества Николая Алексѣевича Абрикосова. Взносъ для дѣйств. чл. 5 р., а для членовъ-соревнователей 10 р. въ годъ. Совѣтъ Общества обращаетъ вниманіе гг. членовъ Общества на § 9 Устава.

# Извѣстія и замѣтки.

**Къ юбилею Лобачевскаго.** Въ дѣятельности Физико-математическаго Общества при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ въ третьемъ году его существованія (1893) видное мѣсто занимало чествованіе столѣтняго юбилея дня рожденія Лобачевскаго.

Кромѣ устройства двухъ торжественныхъ засѣданій, 23 и 24 октября, посвященныхъ памяти Н. И. Лобачевскаго, Физико-математическое Общество издало къ юбилею Лобачевскаго особый сборникъ подъ заглавіемъ: «Объ основаніяхъ геометріи», заключающій въ себѣ переводы выдающихся мемуаровъ по неэвклидовой геометріи (Бельтрами, Риманна, Гельмгольца, Ли, Пуанкаре) съ добавленіемъ переписки Гаусса съ Шумахеромъ. Во вторыхъ, Физико-математическое Общество организовало особый комитетъ для составленія капитала, имѣющаго цѣлью достойное увѣковѣченіе имени Лобачевскаго. Почетными членами этого комитета состоятъ въ настоящее время 112 извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, изъ которыхъ 55 живутъ за границею.

Не менѣе важенъ тотъ результатъ дѣятельности Физико-математическаго Общества, который заключается въ широкомъ распространеніи въ Россіи свѣдѣній о дѣятельности Лобачевскаго: отнынѣ, какъ это уже и имѣло мѣсто въ рѣчи предсѣдателя IX съѣзда русскихъ естествоиспытателей, происходившаго на святкахъ 1893—4 г. въ Москвѣ, проф. К. А. Тимирязева, имя Лобачевскаго будетъ всегда упоминаться однимъ изъ первыхъ между именами выдающихся русскихъ научныхъ дѣятелей.

О возрастаніи интереса къ научной дѣятельности Лобачевскаго, кромѣ большого числа статей, появляющихся въ научныхъ и другихъ журналахъ, свидѣтельствуетъ и усилившійся спросъ на его сочиненія *) и быстрое распространеніе вышеупомянутаго сборника «Объ основаніяхъ геометріи». Напечатанный въ незначительномъ числѣ экземпляровъ, онъ въ настоящее время почти весь распроданъ; если позволятъ средства Общества, оно приступитъ ко второму изданію сборника.

Съ 23 октября 1893 г., по постановленію Общества, библіотека его имѣетъ особый отдѣлъ подъ названіемъ «Bibliotheca Lobatchevskiana», въ который поступило болѣе 40 названій книгъ, пожертвованныхъ учеными, занимавшимися неэвклидовою геометріей.

Во второмъ «Отчетѣ мѣстнаго распорядительнаго комитета, организованнаго Физико-математическимъ Обществомъ для составленія капитала имени Н. И. Лобачевскаго» помѣщенъ перечень празднествъ и торжественныхъ собраній ученыхъ Обществъ и учрежденій, которыми была почтена память геніальнаго русскаго математика въ различныхъ городахъ Россіи, а также перечислены статьи и замѣтки, которыми общая и научная пресса, какъ русская, такъ и иностранная, отмѣтили 22 октября 1893 г., столѣтнюю годовщину дня рожденія Лобачевскаго.

Къ 10 февраля 1894 г. капиталъ Лобачевскаго составлялъ 7.086 р. $38^1/_2$ коп., изъ которыхъ 6.019 р. $10^1/_2$ коп. поступило изъ различныхъ мѣстъ Россіи, 720 р. 39 коп. присланы изъ-за границы (изъ Германіи, С. Америки, Франціи, Англіи, Австріи, Голландіи, Италіи и др. государствъ), остальные составились изъ процентныхъ денегъ и др. поступленій.

---

## Коммиссія по организаціи домашняго чтенія.

Первое сообщеніе о цѣляхъ Комиссіи было напечатано въ 20 кн. «Вопросовъ Философіи и Психологіи» (стр. 140 второго

---

*) Въ настоящее время 1-й томъ сочиненій Лобачевскаго (сочиненія на русскомъ языкѣ) вышелъ изъ продажи.

отдѣла). Недавно вышелъ отчетъ за первый годъ существованія ея (1893—94), изъ котораго мы и заимствуемъ слѣдующія данныя.

Какъ возможные предметы дѣятельности Комиссіи, намѣчены были:

1) Руководство домашнимъ чтеніемъ.

2) Составленіе для этой цѣли списковъ книгъ и постановка темъ для чтенія.

3) Сношенія съ библіотеками и иными учрежденіями и лицами, съ цѣлью распространенія рекомендуемыхъ Комиссіей книгъ, а также комиссіонная дѣятельность для облегченія сношеній читателей съ книгопродавцами и образованіе собственной библіотеки для снабженія читателей книгами.

4) Издательская дѣятельность.

5) Организація публичныхъ чтеній въ столицѣ и провинціи.

На ближайшую очередь Комиссія поставила разработку задачъ, намѣченныхъ пунктами 1 и 2. Съ этою цѣлью Комиссія рѣшила обратиться къ спеціалистамъ по различнымъ отдѣламъ знанія съ просьбой принять участіе въ составленіи программъ домашняго чтенія и въ руководствѣ самымъ чтеніемъ по имѣющимъ быть выработанными программамъ. Около 90 лицъ изъ профессоровъ и преподавателей г. Москвы отозвались съ величайшею готовностью на приглашеніе Комиссіи.

Для руководства домашнимъ чтеніемъ Комиссія ежегодно предполагаетъ издавать списки темъ для чтенія и письменныхъ работъ, съ подробнымъ объясненіемъ каждой темы, съ перечнемъ относящихся къ ней книгъ (главъ, страницъ), съ указаніями относительно порядка занятій по намѣченнымъ книгамъ, со спискомъ вопросовъ, основанныхъ на данной темѣ и на прочитанныхъ для нея сочиненіяхъ, и съ другими указаніями, какія будутъ признаны полезными для успѣшной постановки домашняго чтенія.

Предлагаемыя для чтенія темы дѣлятся на двѣ категоріи: систематическаго чтенія и чтенія по спеціальнымъ темамъ.

*Систематическое чтеніе* раздѣлено на 6 отдѣловъ: 1) по наукамъ физико-химическимъ, 2) біологическимъ, 3) философскимъ, 4) общественнымъ, 5) историческимъ, 6) по литературѣ. По каждому отдѣлу полный курсъ проходится въ 4 года.

*Спеціальныя темы*, обнимающія болѣе или менѣе значительный отдѣлъ науки или касающіяся отдѣльныхъ вопросовъ, могущихъ интересовать читателей, либо по связи съ общимъ

міросозерцаніемъ, либо по связи съ вопросами текущей жизни, — назначаются каждый годъ изъ всѣхъ отдѣловъ знанія, по которымъ Комиссія признаетъ нужнымъ вести домашнія чтенія и будетъ имѣть въ своей средѣ спеціалистовъ. Темы, разъ объявленныя въ изданіи Комиссіи, могутъ быть выбираемы читателями и въ слѣдующіе года, въ случаѣ если заглавія ихъ перепечатаны въ спискѣ темъ, который будетъ прилагаться къ каждому выпуску изданія.

*Примѣчаніе.* Желательно также, чтобы сами читатели указывали предметы занятій, могущіе ихъ интересовать. Подобныя указанія могли бы быть приняты Комиссіей во вниманіе, и соотвѣтственныя темы поставлены послѣ обсужденія ихъ обычнымъ порядкомъ.

Книги, указываемыя для каждой темы (какъ спеціальной, такъ и общей) распредѣляются по тремъ категоріямъ: a) *Необходимыя.* Изученіе ихъ считается обязательнымъ для лицъ, желающихъ пользоваться руководствомъ Комиссіи. Относительно пользованія этими книгами дѣлаются ближайшія указанія въ изданіи Комиссіи. *Всѣ* книги этой категоріи должны быть указываемы на русскомъ языкѣ. b) *Рекомендуемыя.* Къ нимъ Комиссія совѣтуетъ обращаться для болѣе основательнаго изученія поставленной темы всѣмъ, кто имѣетъ интересъ и возможность. Рядомъ съ русскими книгами здѣсь могутъ быть указываемы и иностранныя. c) *Справочныя.* Эти книги указываются для тѣхъ изъ читателей, которые во время чтенія заинтересуются какимъ-либо спеціальнымъ вопросомъ и пожелаютъ пріобрѣсти о немъ болѣе точныя свѣдѣнія. Въ этомъ отдѣлѣ могутъ быть указываемы и изданія дорогія или распроданныя, въ предположеніи, что они могутъ быть доступны нѣкоторымъ читателямъ въ публичныхъ или частныхъ спеціальныхъ библіотекахъ.

Участіе читателей въ занятіяхъ, предлагаемыхъ Комиссіей, можетъ выразиться, кромѣ пріобрѣтенія изданій Комиссіи: a) въ письменныхъ обращеніяхъ читателей къ Комиссіи за разъясненіями встрѣтившихся при чтеніи недоумѣній и возникшихъ при занятіяхъ поставленными темами вопросовъ; b) въ краткихъ отчетахъ о прочитанномъ—въ формѣ отвѣтовъ, по возможности, періодическихъ—на вопросы, поставленные Комиссіей по каждой темѣ и книгѣ; c) въ представленіи болѣе или менѣе обширныхъ самостоятельныхъ письменныхъ работъ.

Право пользованія руководствомъ Комиссіи оплачивается денежными взносами, размѣры которыхъ будутъ установлены передъ выходомъ въ свѣтъ перваго выпуска изданія Комиссіи.

По всѣмъ категоріямъ книгъ (т. е. необходимыхъ, рекомендуемыхъ и справочныхъ) Комиссія принимаетъ на себя порученія читателей касательно покупки книгъ по цѣнамъ, выставленнымъ въ изданіяхъ Комиссіи. Стоимость заказа должна быть оплачена при самомъ заказѣ, вмѣстѣ со стоимостью пересылки. Почтовые расходы и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ сношеній съ Комиссіей оплачиваются читателями, независимо отъ упомянутыхъ выше взносовъ.

Подробныя программы чтенія и списки книгъ Комиссія предполагаетъ опубликовать осенью текущаго года. Къ отчету пока приложено общее распредѣленіе систематическаго чтенія на четыре года. Приводимъ это распредѣленіе въ краткомъ извлеченіи (для отдѣла философскихъ наукъ—въ полномъ видѣ).

## I. Науки о природѣ.

a) Неорганизованной:

*Годъ 1-й*: Физика. Механическій отдѣлъ физики. Ученіе о теплотѣ. Ученіе о звукѣ. Ученіе о свѣтѣ. Кристаллографія. Общая химія. На немногихъ простѣйшихъ примѣрахъ выясняются здѣсь основные законы химіи. Излагается систематика элементовъ. Описываются важнѣйшіе металлоиды и металлы съ ихъ главнѣйшими соединеніями.— *Годъ 2-й*: Физика. Ученіе объ электричествѣ и магнетизмѣ. Органическая химія. Систематика углеродистыхъ соединеній. Важнѣйшіе типы и реакціи ихъ. Обращается вниманіе на природныя органическія тѣла, на ихъ синтезъ и на химическіе процессы организованной природы. Кристаллофизика и кристаллохимія. Систематическое повтореніе основныхъ положеній и выводовъ химіи (теоретическая и физическая химія).— *Годъ 3-й*: Астрономія. Физическая географія. Ученіе о воздухѣ и о водѣ (метеорологія и климатологія).— *Годъ 4-й*: Химія и физика земной коры (минералогія, петрографія, динамическая геологія).

b) Организованной.

*Годъ 1-й*: Общій обзоръ органическихъ формъ, какъ введеніе

къ изученію біологіи. Анатомія человѣка съ краткимъ обзоромъ важнѣйшихъ жизненныхъ отправленій человѣческаго тѣла. Органографія цвѣтковыхъ растеній въ связи съ опредѣленіемъ ихъ. Практическія занятія по опредѣленнымъ программамъ.—*Годъ 2-й*: Сравнительная анатомія съ гистологіей и эмбріологіей животныхъ. Гистологія и анатомія растеній. Изученіе споровыхъ растеній. Курсъ этого года долженъ имѣть цѣлью выясненіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей животныхъ и растительныхъ организмовъ, главнымъ образомъ, въ морфологическомъ отношеніи, что дастъ возможность занимающимся съ достаточною основательностью усвоить себѣ принципы систематической группировки животныхъ и растеній.—*Годъ 3-й*: Физіологія животныхъ и растеній, т. е. подробное изученіе ихъ со стороны свойственныхъ имъ жизненныхъ явленій въ связи съ необходимыми указаніями изъ области прикладного естествознанія.—*Годъ 4-й*: Палеонтологія, біологическая географія и изученіе исторіи развитія органическаго міра. Другими словами, въ теченіе этого года животныя и растенія должны быть изучены въ порядкѣ ихъ распредѣленія во времени и пространствѣ, а равно и въ ихъ филогенетическихъ отношеніяхъ.

## II. Науки о человѣкѣ.

### 1. Науки философскія.

По этому отдѣлу проф. Н. Я. Гротомъ и прив. доц. А. С. Бѣлкинымъ представлены двѣ параллельныя программы. По программѣ проф. Грота систематическій курсъ чтенія по философскимъ наукамъ предполагается расположить въ слѣдующемъ порядкѣ:

Годъ I. Психологія и логика.
Годъ II. Исторія философіи.
Годъ III. Теорія познанія и метафизика.
Годъ IV. Этика (и соціологія), эстетика и педагогика.

Это распредѣленіе мотивировано проф. Гротомъ слѣдующимъ образомъ: «Психологія справедливо признается въ настоящее время основной философскою наукой, такъ какъ въ ней естественно лежитъ корень всѣхъ болѣе спеціальныхъ наукъ, изучающихъ различныя частныя области душевныхъ отправленій человѣка: дѣятельность мышленія и ея законы (логика), дѣятельность по-

знавательную, т.-е. условія, средства, предѣлы и пріемы или методы познанія (теорія познанія), дѣятельность нравственную (этика), процессы и задачи художественнаго творчества (эстетика), задачи и пріемы воспитанія и образованія людей (педагогика). Психологія, правда, не составляетъ еще науки вполнѣ опредѣлившейся въ своемъ содержаніи, пріемахъ изслѣдованія и отношеніи къ другимъ наукамъ нефилософскаго круга, но то богатое содержаніе идей, фактовъ, наблюденій и экспериментовъ, которое она накопила въ теченіе болѣе двадцати вѣковъ, можетъ быть съ пользою изучаемо въ началѣ философскаго самообразованія, при надлежащемъ руководствѣ спеціалистовъ, такъ какъ именно изъ этого изученія выясняются дѣйствительныя задачи философіи, какъ цѣлаго, и отдѣльныхъ, спеціальныхъ наукъ, входящихъ въ это цѣлое или систему.

Но изученіе психологіи идетъ успѣшнѣе, если оно сопровождается изученіемъ *логики*, такъ какъ формальный методъ логики въ изученіи процессовъ мысли не только пріучаетъ строже и отчетливѣе относиться къ критическому процессу отвлеченнаго мышленія, неизбѣжному для всякаго, приступающаго къ изученію философіи, но и прекрасно дополняетъ тѣ индуктивные пріемы изученія душевной жизни и дѣятельности, которые свойственны новѣйшей психологіи. Содержаніе и форма въ душевной дѣятельности такъ тѣсно связаны, что параллельное изученіе ихъ элементовъ и законовъ развитія не только естественно, но и необходимо. Психологія дополняетъ и поправляетъ логику, логика расширяетъ и углубляетъ пониманіе психологическихъ проблемъ. Это двѣ элементарныя и основныя философскія науки.

Когда усвоено пониманіе задачъ и основного содержанія психологіи и логики, то возникаетъ новая задача—ознакомленія съ исторіей развитія не только этихъ наукъ, но и всѣхъ тѣхъ, съ судьбою которыхъ тѣсно связана была ихъ разработка. А таковыми являются всѣ философскія науки; поэтому изученіе исторіи философіи является ближайшею необходимостью. Изъ исторіи философіи выясняется тѣсная связь развитія психологіи и логики не только съ судьбою общихъ міросозерцаній отдѣльныхъ мыслителей, народовъ, эпохъ, но и съ двумя другими спеціальными науками, входящими въ область философіи и пытающимися провѣрить самыя глубокія основанія психологическаго и логическаго изслѣдованія и подвести ихъ итоги. Мы говоримъ о метафизикѣ

и теоріи познанія. Дѣло идетъ, конечно, не о той догматической метафизикѣ, которая ранѣе Локка, Юма и Канта произвольно строила хитросплетенныя системы понятій о томъ, что едва ли доступно пониманію и познанію человѣка, руководствуясь при этомъ одною лишь безпредѣльною субъективною фантазіей и не вникая въ природу, происхожденіе и объективное значеніе этихъ понятій. Дѣло идетъ о метафизикѣ новой, критической, основанной на изслѣдованіи и провѣркѣ объективной цѣнности всѣхъ понятій и познаній человѣческаго ума. Эта метафизика отчасти совпадаетъ съ теоріей познанія въ обширномъ смыслѣ слова, но имѣетъ, однако, и самостоятельныя задачи—дать синтезъ результатовъ объективной теоріи познанія и субъективныхъ наукъ о содержаніи и формахъ душевной дѣятельности человѣка — психологіи и логики, провѣрить, при помощи данныхъ теоріи познанія, или науки объ объективной цѣнности и закономѣрности понятій нашего ума, основныя положенія и результаты психологическаго и логическаго анализа, а также построить и опредѣлить на почвѣ этой провѣрки основныя аксіомы нашего общаго міросозерцанія, нашего ученія о мірѣ, о дѣйствительно существующемъ или реальномъ, объ отношеніи реальнаго къ идеальному — Критическая теорія познанія даетъ только матеріалъ и основанія для этого построенія, но для того, чтобъ его осуществить, нужна наука, которая бы свела въ одно цѣлое субъективную теорію и объективную критику процессовъ познанія, окончательно установила незыблемыя основы понятій объ *идеальномъ* и *реальномъ*, подвела итоги ихъ отношеніямъ и связала въ одно цѣльное теоретическое міровоззрѣніе результаты анализа упомянутыхъ наукъ. Изученіе исторіи этой проблемы неизбѣжно ведетъ къ изученію самой проблемы, ея постановки и попытокъ рѣшенія при теперешнемъ состояніи человѣческихъ знаній. И потому, вслѣдъ за усвоеніемъ общаго содержанія исторіи философіи, необходимо теоретическое изученіе проблемъ теоріи познанія и метафизики.

Когда эта задача выполнена, только тогда является возможность и возникаетъ право на самостоятельное *критическое* изученіе задачъ и содержанія *прикладныхъ* философскихъ наукъ— этики, какъ науки не описательной, а нормативной, эстетики и педагогики, принципы и методы построенія которыхъ всегда всецѣло зависѣли отъ современнаго состоянія и основныхъ началъ психологіи, логики, теоріи познанія и метафизики.

Противъ изложеннаго плана можно возразить только одно, что интересъ къ философіи всегда пробуждается въ массѣ читающей публики — стремленіемъ къ разрѣшенію вопросовъ этическихъ, соціальныхъ, эстетическихъ и педагогическихъ. Слѣдовательно, надлежало бы изученіе соотвѣтствующихъ прикладныхъ наукъ поставить во главу систематическаго изученія философіи. Но на это отвѣтимъ: тѣмъ лучше, если интересъ къ философіи возбужденъ и прочно обоснованъ практическими запросами и глубокими духовными потребностями личности въ выработкѣ устойчиваго нравственнаго идеала, устойчиваго критерія оцѣнки прекраснаго, устойчивыхъ правилъ воспитанія и развитія подрастающихъ поколѣній. Это — лучшее ручательство за терпѣніе и выдержку приступающаго къ изученію философіи. Но отсюда не слѣдуетъ, что спеціалисты, берущіеся руководить этимъ изученіемъ, должны поощрять господствующее и весьма распространенное у насъ стремленіе построить принципы практической жизни и дѣятельности безъ предварительнаго изученія и усвоенія теоретическихъ основаній и законовъ всей душевной дѣятельности человѣка. Надо начинать съ начала, и тотъ, кто желаетъ выработать въ себѣ цѣльное и устойчивое міросозерцаніе, приложимое къ жизни, долженъ терпѣливо пройти весь указанный нами кругъ знаній, размышленій, опытовъ и провѣрокъ. И четыре года работы—весьма незначительный срокъ для того, кто относится къ упомянутой задачѣ серьёзно. Строго говоря, это четырехлѣтнее изученіе философіи только символъ смѣняющихся моментовъ непрерывнаго, во всю жизнь продолжающагося сознательнаго приближенія къ выработкѣ цѣльнаго міросозерцанія, прочныхъ идеаловъ и принциповъ жизни. Но мы не исключаемъ своимъ планомъ возможности и даже пользы другихъ плановъ изученія философскихъ наукъ, соотвѣтствующихъ инымъ потребностямъ и запросамъ читателей и взглядамъ спеціалистовъ, имѣющихъ руководить домашнимъ чтеніемъ».

Программа, представленная прив.-доц. А. С. Бѣлкинымъ, предлагаетъ нѣсколько иную послѣдовательность чтенія и иной способъ изученія философскихъ наукъ:

«Первый вопросъ (т.-е. вопросъ о *послѣдовательности* чтенія) рѣшается чрезъ разсмотрѣніе взаимнаго отношенія философскихъ наукъ; второй (т.-е. о *способѣ* изученія различныхъ философскихъ наукъ) —чрезъ разсмотрѣніе ихъ современнаго состоянія, какъ наукъ.

Обращаясь къ взаимному отношенію философскихъ наукъ, мы замѣчаемъ, что среди нихъ *логика* и *психологія* являются основными, отъ которыхъ болѣе или менѣе зависятъ остальныя науки, и которыя поэтому должны изучаться ранѣе другихъ наукъ.

Что касается взаимнаго отношенія *логики* и *психологіи*, т.-е. вопроса о томъ, съ какой изъ этихъ наукъ, какъ болѣе самостоятельной, слѣдуетъ начать курсъ философіи, то я предложилъ бы поставить на первомъ мѣстѣ *логику*, а не *психологію*, по слѣдующимъ соображеніямъ: хотя, казалось бы, логику слѣдуетъ изучать, какъ часть психологіи, въ виду того, что логика есть ученіе объ извѣстныхъ, такъ называемыхъ, логическихъ, умственныхъ процессахъ, а ученіе объ умѣ вообще входитъ въ психологію, какъ ея часть, но нельзя забывать, что для пониманія ученій логики, тѣмъ не менѣе, нѣтъ необходимости въ предварительномъ основательномъ изученіи психологіи, и что, въ своемъ ученіи о методахъ, логика совершенно независима отъ психологіи; наоборотъ, — для правильнаго пониманія методовъ психологическихъ изслѣдованій и вообще психологическихъ ученій необходимо предварительное изученіе логики (въ подтвержденіе моей мысли укажу хотя бы такъ часто встрѣчающуюся персонификацію законовъ духа вслѣдствіе забвенія ученія логики о томъ, что такое законы природы).

Что касается вопроса о томъ, *какъ слѣдуетъ изучать философскія науки*, — то рѣшеніе его зависитъ, какъ было указано, отъ того, въ какомъ состояніи находится въ настоящее время каждая изъ философскихъ наукъ. Разсматривая ихъ съ этой точки зрѣнія, мы видимъ, во 1-хъ, что *логика* и *психологія* организовались въ отдѣльныя самостоятельныя науки, а потому могутъ быть изучаемы въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся въ настоящее время; во 2-хъ, что такія науки, какъ *этика*, *метафизика* и *теорія познанія* представляютъ собой только выраженіе мнѣній того или другого философа, а потому должны изучаться не иначе, какъ въ курсѣ исторіи философіи.

Что касается *эстетики* и *педагогики*, то наиболѣе удобнымъ представляется—ограничиться относительно *эстетики* психологическимъ ученіемъ объ эстетическихъ волненіяхъ, *педагогику* же изучать желающимъ, какъ добавленіе къ психологіи, въ виду того, что она близко примыкаетъ къ ней и представляетъ собой практическое приложеніе законовъ психологіи.

На основаніи этихъ соображеній, можетъ быть предложена слѣдующая программа: 1-й годъ—логика, 2-й—психологія и для желающихъ—педагогика, 3-й и 4-й—исторія философіи.

Чтенію по исторіи философіи должно предшествовать ознакомленіе съ вопросами философіи вообще».

## 2. Науки общественно-юридическія.

Планъ всего курса дѣлится на два отдѣла: а) на «строеніе общества» (такъ сказать, статику) и б) на «дѣятельность общества» (динамику). Въ каждомъ отдѣлѣ изученіе разбивается, по мѣрѣ возможности, на двѣ стадіи: оно начинается съ общей теоріи соотвѣтствующаго ряда явленій и затѣмъ переходитъ къ исторіи и современному состоянію изучаемыхъ отраслей общественной жизни въ одномъ или нѣсколькихъ современныхъ государствахъ.

*Годъ 1-й:* 1) Общія понятія объ обществѣ, его строеніи, функціяхъ и органахъ. 2) Экономическій строй (теорія политической экономіи).—*Годъ 2-й*: 1) Семейный строй. 2) Юридическій строй. 3) Политическій строй. 4) Исторія и современное состояніе Англіи: а) въ экономическомъ отношеніи, б) въ политическомъ отношеніи. 5) Исторія и современное состояніе Россіи: а) въ экономическомъ отношеніи, б) въ политическомъ отношеніи.—*Годъ 3-й*: Дѣятельность общества. Управленіе. 1) Понятіе объ управленіи и его устройство въ Англіи, Франціи, Германіи и Австріи. 2) Сельскохозяйственная экономія и политика. 3) Промышленная экономія и политика. 4) Экономія торговли. 5) Деньги, кредитъ и банки.—*Годъ 4-й*: Дѣятельность общества (продолженіе). Соціальная политика. 1) Рабочій вопросъ. 2) Ассоціаціи и артели. 3) Колонизація. 4) Санитарная политика. 5) Народное образованіе. 6) Призрѣніе бѣдныхъ. 7) Финансы. 8) Международная политика.

## 3. Исторія.

*1-й курсъ.* Общія свѣдѣнія по антропологіи и первобытной культурѣ. Исторія Востока, Греціи и Рима.

*2-й курсъ.* Средневѣковая исторія, включая Возрожденіе. Русская исторія до Смутнаго времени.

*3-й курсъ.* Новая исторія, начиная съ Реформаціи до французской революціи. Русская исторія XVII и XVIII вѣка.

*4-й курсъ.* Новѣйшая исторія, начиная съ французской революціи. Русская исторія XIX вѣка.

*5-й курсъ* (дополнительный). Методика исторіи и обзоръ философско-историческихъ системъ. Повторительный систематическій курсъ русской исторіи.

## 4. Литература.

Предметъ *перваго* года составитъ изученіе классическихъ литературъ—греческой и римской.

По греческой литературѣ должны быть изслѣдованы основныя отрасли античнаго творчества: *эпосъ* и *драма*. Въ заключеніе занимающіеся должны познакомиться съ эстетическими теоріями Аристотеля.

Въ области римской литературы — занятія сосредоточатся на *эпосѣ* и *лирикѣ* золотой эпохи. Изъ работъ критическаго характера должна быть разобрана художественная система Горація, легшая впослѣдствіи въ основу новаго классицизма.

*Второй* годъ будетъ посвященъ литературѣ среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія.

*Третій годъ*. Исторія европейскихъ литературъ XVII и XVIII вѣковъ до революціи включительно. Среди литературъ XVII вѣка первое мѣсто долженъ занимать французскій классицизмъ, и по своему вліянію на другія литературы, и потому, что онъ представилъ типичнѣйшіе образцы господствовавшей школы. То же мѣсто займетъ и просвѣтительная литература Франціи въ XVIII вѣкѣ. Одновременно будетъ идти изученіе англійскаго романа и нѣмецкаго романтизма, связаннаго съ дѣятельностью Шиллера и Гёте.

*Четвертый годъ* будетъ посвященъ новѣйшей литературѣ—съ конца XVIII вѣка до послѣдняго времени. Здѣсь чтенію памятниковъ должно предшествовать изученіе главнѣйшихъ литературно-общественныхъ теченій: реакціоннаго, романтическаго, реалистическаго, натуральнаго. Наравнѣ съ художественною литературой въ XIX вѣкѣ видное общественное вліяніе стала оказывать періодическая печать. Выясненіе этого вліянія и главнѣйшихъ моментовъ въ развитіи журналистики закончитъ четвертый годъ.

Изученіе исторіи русской литературы распредѣляется между тремя послѣдними годами предыдущей программы. Первый годъ посвящается ознакомленію съ народнымъ творчествомъ въ главныхъ его видахъ и съ искусственной словесностью до Петра;

второй—спеціальному, подробному изученію восемнадцатаго вѣка, въ связи съ просвѣтительнымъ движеніемъ на Западѣ (о чемъ въ ту же пору будутъ сообщены свѣдѣнія и въ курсѣ иностранной литературы) и первой четверти 19 вѣка; третій — изученію словесности 19 вѣка до восьмидесятыхъ годовъ.

---

**Касса взаимопомощи при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.** По уставу «Кассы взаимопомощи при литературномъ фондѣ» предполагаются слѣдующіе три мотива къ участію въ ней лицъ ученой и литературной профессіи:

а) желаніе обезпечить семью на случай смерти (взаимная страховка на этотъ случай);

б) желаніе обезпечить самого себя (страховка отъ инвалидности и пенсіи),

в) и наконецъ, желаніе прійти на помощь своимъ собратьямъ и сохранить по себѣ добрую память оставленіемъ капитала въ общую пользу кассы, при посредствѣ весьма необременительныхъ взносовъ.

Всѣ нужныя свѣдѣнія о кассѣ можно почерпнуть изъ ея Устава и брошюры: «Касса взаимопомощи при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ». Спб. 1894 г., изъ которой видно, что въ началѣ текущаго года состояло членовъ кассы 208.

12 марта текущаго года, на основаніи параграфовъ 49 и 50 Устава кассы и постановленія общаго собранія членовъ ея, бывшаго въ С.-Петербургѣ 13 февраля того же года, открыто въ Москвѣ отдѣленіе означенной кассы, причемъ, согласно пп. 5 и 9 правилъ объ учрежденіи и дѣятельности московскаго отдѣленія, общимъ собраніемъ членовъ этого отдѣленія избраны на должность: *предсѣдателя* правленія (бюро) отдѣленія Александръ Петровичъ Лукинъ (Хлѣбный пер., 22) и *членовъ:* Ѳедоръ Адамовичъ Коршъ (Бол. Дмитровка, д. Мятлева, 22), Михаилъ Алексѣевичъ Саблинъ (Бол. Власьевскій пер., д. Офросимовой), Викторъ Александровичъ Фидлеръ (Бол. Грузинская, д. Серебряковой, кв. 4) и Александръ Ивановичъ Чупровъ (Арбатъ, Бол. Толстовскій пер., д. Лисицына); согласно постановленію того же собранія, правленіе московскаго отдѣленія, въ засѣданіи 25 марта, избрало на должность: *секретаря*—В. А. Фидлера и *казначея*—М. А. Саблина.

Лица, принадлежащія къ литературной или ученой профессіи и желающія поступить въ число членовъ московскаго отдѣленія кассы, могутъ обращаться съ своими заявленіями въ правленіе отдѣленія, въ квартиру предсѣдателя А. П. Лукина (для личныхъ объясненій и справокъ—ежедневно отъ 11 до 12 часовъ утра); въ такихъ заявленіяхъ должны быть указаны данныя, требуемыя параграфомъ 20 Устава. («...Въ заявленіи должны быть указаны: данныя о литературной или ученой дѣятельности заявителя, возрастъ его, разрядъ избираемыхъ имъ платежей, порядокъ ихъ взноса и адресъ...»).

3-го мая, въ залѣ московскаго собранія врачей состоялось общее собраніе членовъ московскаго отдѣленія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ В. А. Гольцевъ и секретаремъ В. А. Фидлеръ. По открытіи засѣданія, предсѣдатель правленія отдѣленія А. П. Лукинъ обратилъ вниманіе собранія на отрадный фактъ ростущаго сочувствія къ кассѣ, на что указываетъ прежде всего быстрое увеличеніе числа членовъ московскаго отдѣленія. Открытое 12-го марта текущаго года въ составѣ 32 московскихъ участниковъ, оно въ тотъ же день пополнилось 25 новыми членами. Особенный интересъ представляли подлежавшіе обсужденію собранія вопросы о привлеченіи издателей къ увеличенію пенсіоннаго фонда кассы и объ отчисленіяхъ изъ гонорара для обезпеченія платежей участниковъ кассы и поощренія послѣднихъ къ избранію высшихъ разрядовъ членскихъ платежей. По обсужденіи этихъ вопросовъ, предложенныхъ правленіемъ кассы, собраніе отнеслось сочувственно къ основной мысли сдѣланныхъ предложеній и избрало комиссію изъ 6 членовъ и 3 кандидатовъ къ нимъ для болѣе детальной разработки возбужденныхъ вопросовъ. Избранію этой комиссіи предшествовала баллотировка кандидатовъ изъ числа тѣхъ лицъ, заявленія которыхъ, на основаніи § 20 Устава, были предварительно разсмотрѣны въ правленіи отдѣленія. Въ результатѣ произведенной баллотировки избранными въ члены московскаго отдѣленія кассы оказались 43 человѣка.

---

Подъ редакціей *Н. Н. Ланге* готовится къ печати переводъ сочиненія *Гюйо*: «Современныя англійскія ученія о нравственности».

# Объ изданіи сочиненій Г. С. Сковороды.

## Отъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

Согласно съ постановленіемъ состоящаго при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ Историко-филологическаго Общества 5 апрѣля 1894 г. принимаются предварительные взносы на издаваемыя Обществомъ сочиненія Г. С. Сковороды.

Философъ и поэтъ Григорій Саввичъ Сковорода былъ просвѣтителемъ мѣстнаго слободско-украинскаго общества, преимущественно передового его слоя—дворянства, во второй половинѣ прошлаго столѣтія и своей просвѣтительною дѣятельностью подготовилъ почву для открытія Харьковскаго университета. Изъ круга его ближайшихъ учениковъ и друзей вышли самые щедрые жертвователи на университетъ. Съ другой стороны, нравственно-воспитательное вліяніе Г. С. Сковороды простиралось и на народъ, который усвоилъ нѣкоторыя религіозно-нравственныя его стихотворенія. Изъ многочисленныхъ произведеній Г. С. была напечатана лишь ничтожная часть и притомъ крайне неудовлетворительно.

Въ виду предстоящаго столѣтія со дня кончины Г. С. Сковороды (29 октября 1894 г.) Харьковское Историко-филологическое Общество озаботилось собраніемъ его неизданныхъ сочиненій и въ настоящее время располагаетъ цѣлою коллекціей его рукописей; часть ихъ находится въ библіотекѣ Харьковскаго университета, но другая, болѣе значительная, прислана на время въ Харьковъ изъ Церковно-археологическаго музея Кіевской Духовной академіи и, съ Высочайшаго соизволенія Его Императорскаго Величества, изъ Императорской Публичной библіотеки въ Петербургѣ и Румянцевскаго музея въ Москвѣ (послѣднія

рукописи особенно драгоцѣнны, потому что представляютъ автографы Сковороды и подлинное «Житіе» его, написанное Ковалѣнскимъ). Общество нынѣ переписало всѣ эти новые богатые матеріалы и съ мая 1894 г. приступаетъ къ изданію сочиненій Г. С. Сковороды, какъ философскихъ (9 названій, изъ коихъ 6 не изданныхъ), такъ и литературныхъ.

Въ составъ книги войдутъ слѣдующія статьи: 1) Критико-біографическая и библіографическая статья проф. Д. И. Багалѣя, 2) Житіе Г. С. Сковороды, составленное М. И. Ковалѣнскимъ, 3) Нарцисъ, или узнай себя, 4) Правда вѣры, 5) О древнемъ мірѣ, 6) Бесѣда: двое, 7) О душевномъ мирѣ, 8) Алфавитъ міра, 9) Начальная дверь ко христіанскому добронравію, 10) Благодарный Еродій, 11) Харьковскія басни, 12) Борьба Архистратига Михаила съ сатаною, 13) Садъ божественныхъ пѣсней, 14) Убогій жайворонокъ, 15) Израильскій змій, 16) Плутархъ о спокойствіи души, 17) Ода Сидронія объ уединеніи и 18) Письма. Означенныя статьи издаются въ одномъ томѣ, объемомъ приблизительно въ 35 печатныхъ листовъ, съ приложеніемъ портрета Г. С. Сковороды, по экземпляру, сохранившемуся въ музеѣ изящныхъ искусствъ Харьковскаго университета. Изданіе это должно выйти въ свѣтъ къ 29 октября 1894 г. Для ближайшаго завѣдованія этимъ дѣломъ избрана редакціонная комиссія въ составѣ пяти профессоровъ: А. С. Лебедева, М. С. Дринова, Д. И. Багалѣя, Ѳ. А. Зеленогорскаго и Н. Ѳ. Сумцова.

**Цѣна** по подпискѣ **3 рубля** съ пересылкою (по выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ повышена). Иногородніе подписчики благоволятъ обращаться непосредственно въ Харьковскій университетъ, въ Историко-филологическое Общество.

лѣченія основывается на повторномъ психическомъ воздѣйствіи, и его дѣйствительность служитъ наилучшимъ доказательствомъ, что наша мысль, при извѣстномъ ограниченіи и недѣятельности воли, оказываетъ громадное вліяніе на наше тѣло.

Въ русскомъ изданіи авторомъ сдѣланы нѣкоторыя дополненія. Переводъ отличается тщательностью.

Очень сочувственно отзывается А. Б. въ „Рус. Жиз.“ № 286.

124. Вечтомовъ, А. Ученіе Гартмана о бѣдственности человѣческой жизни и критика этого ученія. „Вѣра и Раз.“ № 1, отд. филос., стр. 24—50; № 3, 124—158.

Изложеніе ученія Гартмана сдѣлано на основаніи изложеній А. А. Козлова и отчасти кн. Цертелева („Современный пессимизмъ въ Германіи“, Спб. 1885). Но со времени выхода книги г. Козлова „Сущность мірового процесса“ (1873—1875) прошло чуть не 20 лѣтъ, и гартмановская „Философія безсознательнаго“ въ новѣйшихъ изданіяхъ увеличилась едва ли не вдвое противъ первыхъ изданій. Метафизика Гартмана, по мнѣнію автора, нелѣпа и противорѣчива. Этотъ философъ прибѣгаетъ къ насильственному расторженію явленій душевной жизни человѣка и представляетъ ихъ въ одномъ только мрачномъ цвѣтѣ; онъ клевещетъ на человѣческую природу и принижаетъ ее, предъявляя къ жизни только чисто эвдемонистическія требованія.

125. (Викторовъ, П. П.) Краткое сообщеніе о его публичной лекціи по психологіи музыки. „Рус. Вѣд.“ № 106.

126. Виндельбандъ. Исторія древней философіи. Съ приложеніемъ Виндельбанда „Августинъ и средніе вѣка“ и Фуллье „Исторія схоластики“. Переводъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ. Подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. Спб. Тип. Скороходова. VII+380 стр. 2,000 экз. 2 р.

Книга можетъ служить очень хорошимъ пособіемъ при изученіи исторіи философіи. Переводъ въ общемъ сдѣланъ хорошо,—встрѣчаются только незначительные недосмотры. Къ сожалѣнію, указанія на русскую библіографію, даже въ тѣхъ скромныхъ рамкахъ, которыя намѣчены редакторомъ въ его предисловіи, страдаютъ неполнотою.

Сочувственно отзываются: „Рус. Мысль“ 10, 466с.; А. В. А. въ „Филол. Обозр.“ т. V, стр. 24с.; „Нов. Вр.“ № 6,298 (10-го сентября); А. Л. въ „Книж. Вѣс.“ 10, 291. Хвалитъ книгу М. Ф—въ въ „Нов.“ № 346, но указываетъ нѣкоторыя погрѣшности редакціи. Благопріятный отзывъ даетъ и Н. Г. въ „Вопр. филос.“ кн. 20, отд. II, стр. 109сс.

127. (Виндельбандъ). Windelband, W. Geschichte der Philosophie. Freiburg i. B. 1892.

Отзывъ изъ „Deutsche Rundschau“ въ „Міp. Божьемъ“ 12, 208.

128. Виноградовъ, Н. С., свящ. О значеніи религіи въ жизни человѣка. „Чтенія въ общ. люб. дух. просв.“ 2, отд. I, стр. 151—183.

Читано въ засѣданіи 27-го января. И наблюденія надъ историческою жизнью народовъ, а также надъ современнымъ состояніемъ гражданскаго общества, и опытъ повседневной жизни съ несомнѣнностью доказываютъ великое значеніе

религіи какъ для общества, такъ и для личности. Подъ ея опредѣляющимъ вліяніемъ совершался ходъ человѣческой цивилизаціи и духовное совершенствованіе каждаго человѣка.

129. Виноградовъ, П. Г. Первыя главы аѳинской Политіи Аристотеля. „Филол. Об.", т. III, кн. 2, 97—109.

Главы 1, 2, 3 и 4, ихъ составъ, послѣдовательность мыслей и особенности построенія.

130. Виноградовъ, П. Г. Т. Н. Грановскій. „Рус. Мысль" 4, 44—66.

Публичная лекція въ пользу московскаго комитета грамотности. Затронуты кружки сороковыхъ годовъ съ ихъ увлеченіемъ философіей. Истинная сила Грановскаго заключалась въ историческомъ синтезѣ, въ способности сводить разрозненные и разнохарактерные факты въ одно цѣлое.

Въ обычномъ духѣ отзывается о западникахъ Ю. Николаевъ: Литературныя замѣтки. Люди сороковыхъ годовъ. „Моск. Вѣд." № 109.

Неискренность, искусственность и фальшивость находитъ въ концѣ статьи г. Виноградова Наблюдатель: Пестрыя замѣтки. Наши „западники." „Гражд." № 141. Ошибку западниковъ онъ видитъ въ ихъ отношеніи къ народу.

Виноградовъ, П. Г. См. Алексѣй Введенскій, кн. Евг. Трубецкой.

131. Вирховъ, Рудольфъ. Портретъ и небольшая замѣтка. „Юж. Край" № 4,169 (21-го февраля).

132. Вирховъ, Руд. Школа и наука. Рѣчь, произнесенная при вступленіи въ должность ректора берлинскаго университета 15-го октября 1892 г. Переводъ съ нѣмецкаго М. Р. М. Тип. и изданіе скоропечатни Левенсонъ. 26 стр. 1,200 экз. 30 коп.

Разсматривается вопросъ о томъ, чего можно требовать отъ университета, и какая подготовка нужна для вступленія въ среду его слушателей.

Вирховъ, Руд. См. Мензбиръ, Тверской, Эльбе.

133. В—нъ, А. Еще о теоріяхъ народничества. „Вѣс. Евр." 2, 760—807.

О статьяхъ В. В. (Попытки обоснованія народничества) и С. А. Ан—скаго (Очерки народной литературы), помѣщенныхъ въ „Рус. Бог." за 1892 г. Съ одной стороны, заслуживаетъ въ народничествѣ всякаго уваженія ревностное стремленіе служить народу, оберегая при томъ его достоинство отъ насильственнаго вмѣшательства въ его внутренній міръ и стараясь найти разумное развитіе земледѣльческимъ основамъ его быта. Но, съ другой стороны, поражаетъ въ немъ путаница историческихъ и теоретическихъ понятій вмѣстѣ съ туманнымъ представленіемъ о самомъ народномъ прогрессѣ.

Отвѣтомъ В. В. служитъ статья: Критикъ народничества. „Рус. Бог." 4, 1—32. По мнѣнію В. В., серьезнаго опроверженія его взглядовъ отъ А. В—на и нельзя было ожидать, такъ какъ А. В—нъ не понимаетъ ихъ, отчасти по причинѣ составленныхъ имъ ложныхъ предвзятыхъ мнѣній о предметѣ, отчасти благодаря незнакомству его съ разсматриваемымъ направленіемъ нашей общественной мысли.

134. Волковъ, А. Блаженный Августинъ по его „Исповѣди" (Confessiones). „Стран." 8, 375—396; 9, 3—16.

Характеристика знаменитаго отца церкви.

135. Волконскій, С. М., кн. Искусство и нравственность. Очеркъ. „Вѣс. Евр.“ 4, 620—651.

Нравственность и искусство представляютъ изъ себя двѣ раздѣльныя области. Само ихъ проникновеніе въ жизнь на столько различно, что исключаетъ обязательность совпаденія: они очерчены различными границами. Принципъ нравственности—обузданіе, она исключаетъ извѣстныя формы развитія жизни; принципъ искусства—свобода, оно допускаетъ всѣ формы развитія жизни.

Статья излагается въ „Книж. Нед.“ 5, 258—263.

По мнѣнію В. Г. (Фантазія и жизнь. „Книжки Недѣли“ 3, 213сс.), кн. Волконскій пришелъ къ невольному отрицанію самого искусства.

А. М. Скабичевскій: Литературная хроника. „Нов.“ №№ 157, 164 и 171. Кн. Волконскій сидитъ между двумя стульями, такъ что у него нельзя разобрать, какъ же онъ смотритъ на искусство—метафизически, т.-е. ограничиваетъ его культомъ красоты, или же реально, т.-е. видитъ въ немъ болѣе усовершенствованный языкъ для выраженія всего нашего душевнаго содержанія. Несочувственно относится къ кн. Волконскому и Ив. Ивановъ: Замѣтки читателя. „Рус. Вѣд.“ № 133, а также Ю. Николаевъ: Литературныя замѣтки. Современный эклектизмъ. „Моск. Вѣд.“ № 102.

По мнѣнію А. Огнева (Столичная печать. „Колосья“ 4, 191с.), кн. Волконскій хочетъ обнять необъятное.

Отчетъ о преніяхъ въ обществѣ неофилологіи, гдѣ кн. Волконскій читалъ свою статью въ видѣ реферата, даетъ М. К(удряшевъ): Нравственность и эстетика. „Нов.“ № 32 и 54.

Володиміровъ. См. Хрулевъ.

136. Волынскій, А. Литературныя замѣтки. „Сѣв. Вѣс.“ 1, 127—170.

Между прочимъ, и о книгѣ Чернышевскаго: „Критическія статьи“. Авторъ упрекаетъ его въ буржуазномъ утилитаризмѣ.

137. Волынскій, А. Литературныя замѣтки. „Сѣв. Вѣс.“ 2, 116—146.

Литературная характеристика Н. Н. Страхова, главнымъ образомъ, на основаніи его статьи о справедливости, милосердіи и святости. Въ небольшой статьѣ г. Страховъ раскрылъ какъ бы тайну своего сердца. Мысли выражены безъ всякой яркости и логической силы, съ ненужными уступочками совершенно противоположнымъ началамъ. Въ ученіи г. Страхова святость отрицаетъ и законъ юридическій, и законъ любви. Остановившись на буддизмѣ на основаніи книги Маріано (Buddismo e Cristianesimo. Неаполь 1892), г. Волынскій приходитъ къ выводу, что разсужденіе г. Страхова есть разсужденіе на христіанскую тему подъ буддійскимъ угломъ зрѣнія.

За эту статью превозноситъ г. Волынскаго В. Чуйко: Журнальное обозрѣніе. „Од. Лист.“ № 49.

138. Волынскій, А. Литературныя замѣтки. „Сѣв. Вѣс.“ 3, 108—141.

По поводу книги г. Мережковскаго о причинахъ упадка русской литературы затронуты современныя направленія въ русской критикѣ. Вырожденіе русской критики начинается съ Чернышевскаго. Въ его „Эстетическихъ отношеніяхъ“ нѣтъ философской глубины, чисто критическаго таланта, нѣтъ ни психологи-

ческаго, ни эстетическаго разбора; по вопросамъ искусства, по отвлеченнымъ интересамъ научной истины, это цѣлое гнѣздо логическихъ ошибокъ.

Нападки на Чернышевскаго возмутили „Вѣс. Евр.“ 5, 454сс., а замѣтка „Вѣс. Евр.“ нашла себѣ отголосокъ у Н. К. Михайловскаго: Литература и жизнь. „Рус. Бог.“ 9, 79—85. Г. Волынскаго взялъ подъ свою защиту Ю. Николаевъ: Литературныя замѣтки. Нѣчто о преданіи. „Моск. Вѣд.“ № 164. По его словамъ, воззрѣнія шестидесятыхъ годовъ—мутная волна, которая, отхлынувъ, оставила послѣ себя лишь гнилую тину.

Самъ г. Волынскій выступилъ со статьею: Отвѣтъ „Вѣстнику Европы“ („Сѣв. Вѣс.“ 6, 114—123), гдѣ старается оправдать свои нападки требованіями правды. Кто, обладая правдой, держитъ ее подъ спудомъ, тотъ поступаетъ, какъ жалкій, немощный рабъ обстоятельствъ. Между идеалистическими принципами, которые защищаются „Сѣв. Вѣс.“, и ретроградными теоріями нѣтъ и не можетъ быть логической связи. По поводу этого отвѣта „въ безшабашной наглости“ упрекаетъ г. Волынскаго Журналистъ: Журнальныя замѣтки. „Сар. Днев.“ № 141. Онъ же посвящаетъ замѣткѣ отъ редакціи „Сѣв. Вѣс.“ нѣсколько довольно энергическихъ строкъ въ № 225 (Журнальныя замѣтки).

Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда статей и замѣтокъ въ разныхъ журналахъ на защиту своего постояннаго сотрудника выступила редакція „Сѣв. Вѣс.“ въ замѣткѣ: Отъ редакціи. О нѣкоторыхъ полемическихъ пріемахъ (8, 118—121). Эту защиту едва ли можно признать убѣдительной, хотя тутъ вѣрно отмѣчены неточности въ показаніяхъ противниковъ г. Волынскаго. См. Маленькая хроника. „Нов. Вр.“ № 6,259 (2-го августа). Такъ какъ редакція „Сѣв. Вѣс.“ затронула и „Русскую Мысль“, то этотъ послѣдній журналъ выступилъ со своею отповѣдью (9, 453с.). Неодобрительно къ редакціи „Сѣв. Вѣс.“ относится и М. Плотниковъ: Журнальное обозрѣніе. „Волж. Вѣст.“ № 241.

Защитникомъ г. Волынскаго является В. В. Чуйко: Письмо въ редакцію („Сѣв. Вѣс.“ 10, 157—168), горько жалующійся на пониженіе современныхъ литературныхъ нравовъ. Указывая—иногда довольно вѣрно—промахи противниковъ г. Волынскаго, г. Чуйко едва ли основательно видитъ въ походѣ противъ г. Волынскаго посягательство на свободу слова и мысли. Суть спора въ томъ тонѣ, какимъ отличаются статьи г. Волынскаго.—Резонно и спокойно отвѣчаетъ г-ну Чуйко „Вѣс. Евр.“ 12, 912сс. (Изъ общественной хроники).—Сочувственно цитируетъ письмо г. Чуйко Л. Тихомировъ: Наша публицистика. Изъ газетъ и журналовъ. „Рус. Об.“ 11, 391—394.

139. Волынскій, А. Литературныя замѣтки. Бѣлинскій. „Сѣв. Вѣс.“ 10, 120—156; 11, 129—171; 12, 146—196.

Вторая статья вся посвящена философскому движенію сороковыхъ годовъ. Особенно подробно разсматриваются философскіе взгляды Станкевича. Подвергаются критикѣ обычные въ русской литературѣ взгляды на систему Гегеля. Критика Бѣлинскаго выступила съ общими философскими и эстетическими опредѣленіями безъ твердаго руководящаго принципа, но за то она была воодушевлена высокими нравственными цѣлями.

Авторъ предъявляетъ къ Бѣлинскому чрезмѣрно высокія требованія. Едва ли справедливо ставить знаменитому критику на видъ то, что онъ не усвоилъ критическихъ пріемовъ философскаго идеализма, и обвинять его въ сбивчи-

вости понятій, въ зловредномъ вліяніи на послѣдующій ходъ русской культуры и т. п. Бѣлинскій былъ слишкомъ живою натурой, чтобы не отзываться на всѣ сколько-нибудь жизненныя теченія своего времени. Отсюда противорѣчія въ его взглядахъ на одни и тѣ же вопросы.

Въ сильныхъ выраженіяхъ нападаетъ на г. Волынскаго В. Буренинъ: Критическіе очерки. По поводу писемъ отъ читателей. „Нов. Вр." № 6,326 (8-го октября). По его мнѣнію, г. Волынскій въ своей путаной характеристикѣ Бѣлинскаго старается унизить знаменитаго критика, между строками воспѣвая себя критикомъ-философомъ несравненно выше Бѣлинскаго.

140. Волынскій, А. Наука, философія и религія. (Cogitata metaphysica). „Сѣв. Вѣстн." 9, 179—201.

Наука, философія, религія—три сферы мышленія, чрезъ которыя проносится духъ человѣка, чтобы достигнуть своей послѣдней цѣли—сліянія съ безконечнымъ. Наука—система понятій, переведенныхъ на языкъ философскаго идеализма, сведенныхъ къ своему психологическому корню, разобранныхъ со всею смѣлостью философскаго анализа. Наука—часть философіи, первая ступень духовнаго подъема, первый лучъ того свѣта, который разгорится въ религіи въ цѣлое солнце. Философія есть ученіе объ идеальномъ началѣ жизни въ широкомъ смыслѣ, полный переводъ нашихъ знаній и убѣжденій на языкъ идеализма. Начинаясь съ психологіи, она поднимается на болѣе высокую ступень въ логикѣ и завершаетъ свое развитіе въ теоріи познанія.

Статья г. Волынскаго вызвала много толковъ, не благопріятныхъ для ея автора. М. Филипповъ: Ребяческій идеализмъ. (Cogitata metaphysica г. Волынскаго). „Рус. Бог." 9, 69—78. По мнѣнію г. Филиппова, плохо переваренное ученіе Канта, обрывки гегельянства и спинозизма, все это, взятое вмѣстѣ, превратилось въ „ученіи" г. Волынскаго въ наборъ громкихъ словъ, направленныхъ яко бы противъ матеріализма, а въ сущности противъ всякаго научнаго изслѣдованія.

Надъ г. Волынскимъ смѣется г. Буренинъ: Критическіе очерки. Начитанные поэты и критики. „Нов. Вр." № 6,305 (17-го сентября). Онъ называетъ молодого философа критическимъ и философскимъ лягушонкомъ, раздувающимся въ Левіаѳана.

Статью г. Волынскаго ставитъ въ связь съ „Недѣланіемъ" Л. Н. Толстого М. К—скій: Журнальная хроника. „Сынъ От." № 246. Вся философія г. Волынскаго представляетъ собою весьма запутанное, сбивчивое и затуманенное бойкими фразами изложеніе воззрѣній Канта.

Не менѣе рѣзко относится къ статьѣ г. Волынскаго и М. Протопоповъ: Письма о литературѣ. „Рус. Мысль" 12, 224сс. Онъ называетъ ее вздорной и напыщенной болтовней. Въ этомъ отношеніи г. Протопопову сочувствуетъ В. Буренинъ: Критическіе очерки. „Нов. Вр." № 6,403 (24-го декабря). Больше объективности въ замѣткѣ „Странника" 9, 182с. (Обзоръ журналовъ). См. также А. Огневъ: Столичная печать. „Колосья" 10, 161с.

Волынскій, А. См. Меньшиковъ, О. Т. В.

141. Вопросы философіи и психологіи. Подъ ред. проф. Н. Я. Грота. М. Тип. Кушнерева. 2500 экз.

Въ общемъ сочувственный отзывъ о 16-й книгѣ въ „Рус. Мысли" (отдѣлъ библіографическій) 2, 63сс.; о 17-й тамъ же 4, 169с.; о 20-й тамъ же 12, 57с. О 16-й и 17-й книгахъ Д. „Рус. Вѣд." № 101. Отчету предшествуетъ краткій очеркъ развитія философіи въ Россіи.

Рѣзко порицаетъ направленіе журнала (по поводу 17-й книги и особенно статьи Н. В. Бугаева) Н. Соболевъ: Философскій миражъ. „Нов." № 137 Пока существуютъ „Вопросы философіи", русское метафизическое поле не перестанетъ производить сорныя травы. Объ 18-й кн. несочувственный отзывъ см. Филипповъ.

См. также М. Протопоповъ, Л. Тихомировъ, Филипповъ.

Вордъ (Ward). См. Мокіевскій.

142. (Вормсъ). Worms, R. La morale de Spinoza.

Замѣтка въ „Мірѣ Бож." 2, 215 изъ Rev. Bleue.

143. Воротынскій, Б. И. Рефераты по психіатріи, неврэпатологіи и экспериментальной психологіи. „Невролог. Вѣс." т. I, вып. 1, стр. 125—181: вып. 2, стр. 233—256; вып. 3, стр. 181—201.

Довольно обстоятельные рефераты работъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ авторовъ.

Воротынскій, Б. И. См. Бехтеревъ, Боткинъ, Вундтъ, Корсаковъ, Ланге, Розенбахъ, Россолимо, Сикорскій, Тиченеръ, Хрулевъ, Чижъ.

Воскресенскій, К. См. Абрамовъ.

144. (Воспитаніе). О воспитаніи, наслѣдственности и обученіи. Казань 1892. Тип. унив. 38 стр. 20 коп.

По мнѣнію „Рус. нач. учит." 5, 240 — 243, брошюра отличается безсвязностью и малограмотностью изложенія. Тутъ и проблески правдивыхъ наблюденій, и безтолковое блужданіе возбужденной мысли; тутъ и пытливое исканіе новыхъ путей, и безшабашная голословная критика современности.

145. Впечатлѣнія раненыхъ на полѣ сраженія. „Санит. Дѣло", № 29—30, стр. 300, а также „Рус. Вѣд." № 250 и „Міръ Бож." 11, 203с.

Очень любопытныя наблюденія, по иностраннымъ источникамъ.

146. Вульфертъ, А. Антрополого-позитивная школа уголовнаго права въ Италіи. Критическое изслѣдованіе. Выпускъ II и послѣдній. Ярославль. Тип. Фалька. IV+566+II стр. 200 экз. 3 р. 50 к.

Разборъ ученія Ломброзо и его школы. Въ первомъ выпускѣ, вышедшемъ въ 1887 г. (М. Тип. Исленьева VIII+500 стр.), содержится разборъ наиболѣе общихъ основъ ученія послѣдователей Ломброзо о человѣческой преступности и о способахъ борьбы съ нею, а во второмъ заключается критика спеціальныхъ отдѣловъ этой доктрины, посвященныхъ уголовному процессу и карательной системѣ.

Книга представлена въ московскій университетъ въ качествѣ докторской диссертаціи. Отчетъ о диспутѣ см. „Рус. Вѣд." № 135. Сочувственный отзывъ о книгѣ Г. Д.: Новый трудъ по уголовному процессу. „Рус. Вѣд." № 133.

147. Вундтъ, В. Гипнотизмъ и внушеніе. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Колубовской. Изданіе журнала „Вопросы философіи и психологіи". М. Тип. Кушнерева. 84 стр. 1,200 экз. 75 коп.

Энергическая отповѣдь не въ мѣру пылкимъ поклонникамъ гипноза. По мнѣнію Вундта, корень всѣхъ этихъ увлеченій въ безсознательной склонности ко всему таинственному. Между тѣмъ явленія гипноза вполнѣ поддаются объясненію съ точки зрѣнія современной науки, и Вундтъ, на основаніи своихъ прежнихъ работъ по механикѣ нервовъ, пытается дать гипотезу, которая бы удовлетворительно объясняла главнѣйшія группы гипнотическихъ явленій. Онъ рѣшительно противъ практическаго примѣненія гипноза, исключая развѣ тѣ случаи, когда врачу больше уже не къ чему прибѣгнуть.

О нѣмецкомъ подлинникѣ (Philos. Stud., т. VIII) см. Я. Колубовскій: Вундтъ о гипнотизмѣ и внушеніи („Вопросы фил." кн. 14, отд. II, стр. 74—80) и Б. И. Воротынскій въ „Невр. Вѣст." т. I, вып. 1, стр. 153—156. О русскомъ переводѣ см. очень сочувственныя статьи Эльпе: Научныя письма. Вундтъ о гипнотизмѣ и внушеніи. „Нов. Вр." №№ 6,083 и 6,090 (4-го и 11-го февраля), а также замѣтки —вой, „Образ." 7—8, 97—102, и въ „Сбор. Нивы" 3, 722. Рецензія о французскомъ переводѣ изъ „Rev. scientif." въ „Міp. Бож." 7, 243.

Обстоятельной критикѣ статью Вундта подвергаетъ П. Мокіевскій: Вундтъ о гипнотизмѣ и внушеніи, „Рус. Бог." 10, 1—19, являющійся сторонникомъ гипотезы раздробленія личности. По его мнѣнію, сферы приложенія гипнотизма и психофизіологіи совершенно отличны одна отъ другой: исходнымъ пунктомъ психофизіологіи является довольно развитое самосознаніе, тогда какъ къ низшимъ формамъ психической эволюціи она не приложима, и здѣсь-то является на помощь гипнотизмъ. Упрекъ въ грубой логической ошибкѣ, которую будто бы дѣлаетъ Вундтъ, едва ли основателенъ: первая изъ приведенныхъ на стр. 16 посылокъ не частная, какъ думаетъ г. Мокіевскій, а общая, и тогда выводъ вполнѣ возможенъ.

148. Вундтъ, В., проф. Связь философіи съ жизнью въ послѣднія сто лѣтъ. Рѣчь, произнесенная по случаю избранія въ ректоры лейпцигскаго университета. Переводъ І. Юровскаго. (Международная библіотека). Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса. Тип. Исаковича. 40 стр. 1,200 экз. 15 к.

Отчасти по случаю столѣтія французской революціи Вундтъ бросаетъ взглядъ на связь философіи, и въ частности нравственной проблемы, съ исторіей. Какъ французская революція была воплощенною философіей французской просвѣтительной эпохи, такъ этика Канта является возведеннымъ въ философскую систему государственнымъ и нравственнымъ сознаніемъ монархіи Фридриха Великаго. Трудно вообразить себѣ большее противорѣчіе, чѣмъ между этикой Канта и тѣми нравственными воззрѣніями, которыя нашли свое выраженіе въ „Деклараціи правъ человѣка". Но и Кантова этика испытала въ одномъ пунктѣ вліяніе духа времени. И тутъ единственнымъ дѣйствительнымъ объектомъ нравственной дѣятельности является единичная личность. Нашъ вѣкъ получилъ въ наслѣдство задачу, которая заключается въ преодолѣніи индивидуализма, въ установленіи нравственнаго міросозерцанія, которое признало бы значеніе отдѣльной личности, но въ то же время не забывало бы и о самостоятельномъ значеніи нравственнаго общенія. Но какъ идеи отдаленнаго прошлаго отразились

на современной жизни, такъ и, наоборотъ, теченіе новѣйшей исторіи оказало, въ свою очередь, вліяніе на философское развитіе идей. Въ настоящее время все сильнѣе выступаетъ на первый планъ нравственная проблема. Если прошлое столѣтіе смотрѣло на нравственность съ односторонней точки зрѣнія права или долга, то въ настоящее время наше нравственное міровоззрѣніе проникнуто мыслью, что долгъ и право суть понятія, всюду связанныя между собой. Если прошлое столѣтіе считало единичную личность реальнымъ объектомъ нравственныхъ цѣлей, то наше современное воззрѣніе отличается убѣжденіемъ, что политическое и нравственное общество стоитъ выше единичной личности. Наконецъ, если просвѣтительная философія видѣла въ интеллектуальной дѣятельности духа высшее благо, то современная психологія и этика признали, что высшую человѣческую дѣятельность представляетъ выросшая изъ чувства и направляющая и мышленіе, и внѣшнія дѣйствія воля.

Интересная рѣчь Вундта переведена очень хорошимъ языкомъ.

Вундтъ. См. Гохеггеръ.

149. Выносливость человѣческаго организма. „Прав. Вѣс." № 158. „Рус. Вѣд." № 203.

150. Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи. Изданіе подъ ред. проф. И. П. Мержеевскаго. Спб. Тип. Стасюлевича.

Довольно сочувственный отчетъ о 1892 г. въ „Рус. Мысли" 2, 79с. (библіографическій отдѣлъ).

151. Вѣтринскій, Ч. Ипполитъ Тэнъ и „натуралистическій" методъ. „Рус. Жизнь" № 72.

Галилей. См. Зиловъ, Н. Корсаковъ.

152. (Галлюцинація). Объ обманахъ чувствъ. (По поводу международнаго ценза галлюцинацій). Статья Ф. Бр. «Колосья» 1, 53—71; 2, 33—90.

Разсматриваются разныя группы галлюцинацій и иллюзій по иностраннымъ источникамъ.

153. Гальперинъ, Д. С. Очерки первобытнаго права. Изслѣдованіе. Изданіе юридическаго книжнаго магазина Н. К. Мартынова. Спб. Тип. Сойкина. V+300 стр. 2 руб.

Большая часть книги посвящена древнерусскому праву. Въ первичныхъ группахъ авторъ не отрицаетъ начала индивидуализма. По мнѣнію «Жур. гражд. и угол. права» (№ 2, 78—82), изслѣдованіе это заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Гамерлингъ. См. Чешихинъ.

154. (Гардіа). Guardia, J. M. Исторія медицины отъ Гиппократа до Бруссэ и его послѣдователей. Съ согласія автора съ французскаго перевела Надежда Петерманъ, подъ редакціей А. Дохмана. Казань 1892. Тип. Ильяшенко. X+534 стр. 3 р. 50 к.

Въ книгѣ, написанной живо и интересно, нерѣдко фигурируютъ представители философіи съ древнѣйшихъ временъ до новой эпохи.

Очень сочувственный отзывъ въ „Рус. Мысли" 1,25.

Гардіа. См. Ивановскій.

155. (Гарнеръ.) Языкъ обезьянъ. Замѣтка Г. В. «Міръ Бож.» 5, 189сс. О попыткахъ Гарнера изучать языкъ обезьянъ при помощи фонографа.

Гарскій, Л. См. Песковскій.

156. (Гартманъ, Б.) Hartmann, B. Die Analyse des kindlichen Gedankenkreises. Anaberg 1890.

Довольно сочувственная замѣтка Н. Горбова. «Вопр. филос.» кн. 17, отд. II, стр. 82—86.

157. (Гартманъ, Э.) Hartmann, E. Zur Geschichte und Begründung des Pessimismus. Leipzig 1892.

Довольно сочувственный отзывъ Н. Мазаровича въ «Вопрос. филос.» кн. 16, отд. II, стр. 90сс.

Гартманъ, Э. См. Аксаковъ, Басистовъ, Вечтомовъ, Гохеггеръ, Дю-Прель Каро, Фаджи.

158. (Гаузеръ, Каспаръ). Замѣтка о сочиненіи герцогини Клевеландской «The true story of Kaspar Hauser». «Истор. Вѣс.» 7, 259.

Гаусгоферъ. См. Булгаковъ.

159 Гауссъ, Бельтрами, Риманнъ, Гельмгольцъ, Ли, Пуанкаре. Объ основаніяхъ геометріи. Изд. физико-математическаго общества къ столѣтнему юбилею Н. И. Лобачевскаго. Казань. Тип. университетская. VII+121 стр. и 2 таблицы чертежей, 250 экз. 1 руб.

Въ этомъ сборникѣ, предназначенномъ для того, чтобы выяснить все значеніе Лобачевскаго въ наукѣ, помѣщены статьи частію чисто математическаго характера, частію же имѣющія непосредственное отношеніе къ философскимъ основамъ знанія. Больше всего отведено мѣста Бельтрами: Опытъ объясненія неевклидовой геометріи (стр. 1—37), Основная теорія пространствъ съ постоянной кривизной (стр. 38—66). Гипотезамъ, лежащимъ въ основаніи геометріи посвящены мемуары Риманна: О гипотезахъ, лежащихъ въ основаніи геометріи (стр. 67—82), Гельмгольца: О фактахъ, лежащихъ въ основаніи геометріи (стр. 83—102), Ли: Замѣчанія на мемуаръ Гельмгольца (стр. 103—108), Пуанкаре: Объ основныхъ гипотезахъ геометріи (стр. 109—121).

Гегель. См. Волынскій, П. Соколовъ.

Гейлинксъ. См. Радловъ.

160. (Геккель.) Новая естественноисторическая религія Геккеля. «Моск. Вѣд.» №№ 144 и 151.

Статья Я. изъ серіи его „Научныхъ писемъ" (письмо CXXIII). Девизомъ статьи авторъ поставилъ: бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ.

Геккель. См. Иванцовъ.

161. Гексли, Томасъ. Эволюція и этика. Рѣчь. Переводъ К. Т. «Рус. Мысль» 9, 108—129.

Примѣчанія, которыми сопровождается рѣчь въ подлинникѣ, почти цѣли-

комъ опущены. По мнѣнію автора, этическій прогрессъ общества зависитъ не отъ подражанія космическому процессу, еще менѣе отъ уклоненія отъ него, а отъ борьбы съ нимъ. Разумъ, превратившій собрата волка въ вѣрнаго защитника овцы, успѣетъ же, наконецъ, побороть въ цивилизованномъ человѣкѣ инстинкты дикаря. Статья написана съ обычнымъ остроуміемъ Гексли.

Гельмгольцъ. См. Гауссъ, Гориневскій, Ивановскій.

Генгаусъ. См. Швецовъ.

162. (Геній). Близокъ ли геній къ сумасшествію? «Каз. Тел.» № 40. Замѣтка на модную тему о ненормальности геніальныхъ людей.

Георгіевскій, Гр. См. Вл. Соловьевъ.

Герике. См. Булгаковъ.

Гермесъ Трисмегистъ. См. Вл. Соловьевъ.

163. Герней, Э., Майерсъ, Ф., Подморъ, Ф. Прижизненные призраки и другія телепатическія явленія. Съ англійскаго «Phantasms of the living». Сокращенный переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ Влад. Соловьева. Изданіе А. Н. Аксакова. Спб. Тип. Демакова. VI+XLI+472 стр. 700 экз. 2 руб.

Часть книги, а именно пять послѣднихъ главъ, сокращенно переведена съ англійскаго самимъ редакторомъ. Въ общемъ, русское изданіе гораздо полнѣе французскаго. Въ предисловіи Вл. С. Соловьевъ предлагаетъ называть оккультическія явленія психургическими. По его мнѣнію, изученіе психургическихъ явленій можетъ похвалиться многими успѣхами, но ни одинъ изъ нихъ еще не упроченъ окончательно.—Что касается многочисленныхъ фактовъ, собранныхъ въ этомъ изданіи, то едва ли хотя одинъ изъ нихъ можетъ считаться вполнѣ провѣреннымъ и твердо установленнымъ.

164. (Гертъ, Э.) Изложеніе его статьи въ «The British Medical Journal» о лѣченіи гипнотизмомъ. «Нов. Вр.» № 6102 (23 февраля).

165. Герье, В. Ипполитъ Тэнъ (1828—1893). «Рус. Вѣд.» № 73 и 79.

Одна изъ лучшихъ статей въ русской литературѣ, появившихся по случаю смерти французскаго философа. Здѣсь Тэнъ разсматривается и какъ историкъ, и какъ философъ. Научный методъ далъ въ исторіи тѣ же результаты, какъ и въ психологіи. Какъ основное понятіе психологіи, человѣческое *я*, превратилось въ «вереницу событій», такъ и событіе 1789 г. превратилось въ миріаду событій, и изъ него отлетѣла душа, оно утратило то, что придавало ему индивидуальный характеръ, обаяніе и вліяніе, такъ сказать, исторической личности. Художественный образъ былъ для Тэна неразлучнымъ спутникомъ идеи. Художественными образами, нерѣдко весьма реалистическими, изобилуютъ сочиненія Тэна и часто ими заканчиваются. Художественные образы дорисовываютъ его мысль и часто ее замѣняютъ, они не только облекаютъ идею, но иногда служатъ ей оправданіемъ и даже источникомъ. Въ замѣчательной степени въ Тэнѣ соединялись сухой анализъ съ пластикой воображенія и страсть къ научной «фактической» истинѣ съ творчествомъ художника.

Гётчесонъ. См. Вл. Соловьевъ.

Гефдингъ. См. Колубовскій.

Гижицкій. См. Алексѣй Введенскій.

166. Гильти, проф. Идеализмъ въ практической жизни. Переводъ А. Острогорскаго. «Образ.» 11, 239—252.

См. слѣдующую статью.

167. Гильти. Искусство работать. Переводъ А. Острогорскаго. «Образ.» 1, 6—14.

Первая глава изъ труда бернскаго проф. Hilty «Glück». См. также «Міръ Бож.» 4, 227с. Рецензія изъ Literar. Centralblatt тамъ же 7, 238. Изъ той же книги Гильти переведены въ «Образованіи» и другія главы. См. слѣдующія статьи.

168. Гильти, проф. Хорошія привычки. Переводъ А. Острогорскаго. «Образ.» 3, 117—125.

169. Гильти, проф. Искусство имѣть время. Переводъ А. Острогорскаго. «Образов.» 4, 165—177.

170. Гильти, проф. Мысли Эпиктета. Переводъ А. Острогорскаго. «Образ.» 5—6, 229—259.

171. Гильти, проф. Счастье. Переводъ А. Острогорскаго. «Образ.» 10, 173—190.

Увѣренность въ существованіи нравственнаго порядка, трудъ и сила воли—необходимыя условія счастья.

Гиляровъ-Платоновъ, Н. П. См. Шаховской.

172. Гиляровъ, А. Н., проф. Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы (1881—1893). (Оттискъ изъ «Университетскихъ Извѣстій» за 1892 и 1893 г., іюнь, іюль, сент. и окт.). Кіевъ 1894. Тип. университетская (В. Завадскаго). VII+399 стр. 650 экз. 3 р.

Хотя существуютъ цѣнныя монографіи по гипнотизму, но нѣтъ труда, который бы давалъ документальный сводъ экспериментально провѣреннаго разнообразнаго матеріала, пояснялъ этотъ матеріалъ различными теоріями и освѣщалъ то и другое общими пріемами философской критики. Авторъ стремится по возможности пополнить этотъ пробѣлъ. Сгруппировавъ факты, характеризующіе явленія гипноза, и изложивъ самые разнообразные взгляды на него, авторъ приходитъ къ заключенію, что мы до сихъ поръ не знаемъ ни того, что такое гипнотизмъ, ни его причинъ. Тѣмъ не менѣе гипнотизмъ важенъ во многихъ отношеніяхъ: онъ далъ поучительный урокъ самодовольной учености, до сихъ поръ отворачивавшейся отъ него; онъ освѣтилъ много доселѣ непонятныхъ историческихъ фактовъ; онъ получилъ примѣненіе въ терапіи. Изученіе явленій гипноза служитъ мощнымъ подспорьемъ для доказательства основной психофизіологической истины монизма, что въ живомъ организмѣ невозможно обособлять душу отъ тѣла, такъ какъ то и другое лишь двоякое выраженіе одного и того же неизвѣстнаго.

По мнѣнію К., въ «Жур. мин. нар. пр.» 11, 184—190, книга г. Гилярова, имѣя чисто компилятивный характеръ, отличается богатствомъ матеріала и довольно обстоятельно знакомитъ читателя съ положеніемъ вопроса. Предъяв-

лять къ ней высокія научныя требованія нельзя. Рецензентъ не одобряетъ нѣкоторыхъ пріемовъ автора.

Сочувственно отзывается «Рус. Мысль» 12, 580с. и А. Токарскій въ «Вопр. филос. и псих.» кн. 20, отд. II, стр. 121сс.

Гиляровъ, А. Н. См. Бенаръ, Бернетъ, Колубовскій, Лайтфутъ, Фарреръ, Штёкль.

173. Гинтовтъ, С. Музей и библіотека древней Александріи. «Гимназія» 10, 451—465.

Статья компилятивнаго характера.

174. (Гипнозъ). Изъ темной области душевныхъ явленій. «Нов. Вр.» прилож. къ № 6153 (17 апрѣля).

Англійскій романистъ задумалъ написать романъ, герой котораго умираетъ отъ голоду. Съ этою цѣлью онъ побывалъ въ Россіи у голодающихъ, а также у проф. Люиса, который путемъ гипноза показалъ ему картину голода. Всѣ собранные факты романистъ помѣстилъ въ Pall Mall Gazette.

175. Гипнозъ съ лѣчебною цѣлью. «Рус. Жизнь» № 166. «Нов. Вр.» № 6220 (24 іюня).

Постановленіе медицинскаго совѣта, ограничивающее примѣненіе гипнотизма.

176. (Гипнозъ). Явленіе гипноза у холоднокровныхъ животныхъ. «Прав Вѣс.» № 279.

Небольшая замѣтка.

177. (Гипнотизмъ). Искъ за гипнотическія внушенія. «Нов. Вр.» № 6158 (22 апрѣля).

Искъ къ д-ру Кубли. Истица оказалась страдающею маніей преслѣдованія. Опроверженіе со стороны д-ра Кубли въ № 6201 (5 іюня). См. также Л: Вымогательство или психическое разстройство? «Нов.» № 113.

178. (Гипнотизмъ). О гипнотизмѣ. „Книжки Недѣли" 1, 261—265 (Изъ иностранныхъ изданій).

179. (Гипотезы). О гипотезахъ. «Прав. Вѣс.» № 135.

Воображеніе имѣетъ значеніе неизбѣжнаго и необходимаго элемента въ развитіи философской и научной мысли, а гипотеза не что иное, какъ проявленіе воображенія.

Гирнгаймъ. См. Радловъ.

180. (Гисслеръ). Giessler, M. Aus den Tiefen des Traumlebens.

Замѣтка въ «Мірѣ Бож.» 1, 244 изъ D. Literaturzeitung.

181. Глаголевъ, С. С. Антропологическая проблема въ настоящее время. «Чт. въ общ. люб. дух. просв.» 10, отд. I, стр. 272 — 327; 11, 363 — 398; 12, 537—585.

Статья, повидимому, служитъ продолженіемъ статьи, приведенной здѣсь подъ № 184.

182. Глаголевъ, С. Вопросъ о безсмертіи души. «Вопр. фил. и псих.» кн. 19, отд. II, стр. 1—19; кн. 20, стр. 1—26.

Изъ чтеній по «Введенію въ богословіе». Авторъ хочетъ показать, что въ распоряженіи науки нѣтъ данныхъ противъ ученія о безсмертіи души, а также, что безсмертіе должно быть необходимо предполагаемымъ постулатомъ для человѣчества. Разсматривая вопросъ о томъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать безсмертіе, авторъ выясняетъ, что такое душа и личность. Изъ теорій о сущности души онъ останавливается на теоріяхъ матеріализма, психическаго атомизма, пантеизма и психическаго индивидуализма.

183. Глаголевъ, С. Дарвинизмъ и право (S. Novicow. La théorie de Darwin et la justice. Rev. Scient. № 4). «Рус. Об.» 3, 484—493.

Авторъ находитъ въ г. Новиковѣ невысокія моральныя качества въ соединеніи съ незнаніемъ дѣла.

184. Глаголевъ, С. О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человѣческаго. «Чтенія въ общ. люб. дух. просв.» отд. 1, 1, стр. 11 — 61; 2, 199—254; 4, 409—441; 6, 631—659.

Это изслѣдованіе ставитъ себѣ цѣлью показать, что только библейское ученіе о происхожденіи человѣчества съ своей философской стороны можетъ успокоить духъ человѣка и сдѣлать для него дѣйствительность разумною и отрадною, а также, что въ историческихъ, географическихъ, хронологическихъ и вообще научныхъ указаніяхъ Библія не стоитъ въ противорѣчіи съ научными открытіями, а напротивъ, даже подтверждаетъ ихъ. Отчетъ о статьѣ даетъ «Стран.» 5, 134—140 (Обзоръ журналовъ).

Окончаніемъ служитъ, повидимому, статья, приведенная здѣсь подъ № 181.

185. Глаголевъ, С. Что такое преступленіе? (Ferrero. Les têtes criminelles. Rev. scient. № 2) «Рус. Об.» 2, 966—972.

Попытка Ферреро дать генетическое опредѣленіе преступленія несостоятельна. Вѣрованія его обусловлены предвзятою теоріею и плохимъ знаніемъ фактовъ.

186. Глаголевъ, С. С. Чудо и наука. «Бог. Вѣст.» 6, 477—514. Отдѣльно Сергіевъ Посадъ, тип. Снегиревой. Ц. 40 коп.

Люди, отвергающіе чудо, должны представлять міръ вѣчнымъ, безконечнымъ, самосохраняющимся, но такое міропониманіе не можетъ быть выражено въ понятныхъ и логичныхъ формулахъ. Едва ли въ согласіи съ требованіями логики находится монизмъ, сливающій безконечное и конечное въ одно неразрывное цѣлое. Чудомъ авторъ называетъ то, чего мы по своей природѣ не можемъ понять.

Сочувственный откликъ статья встрѣтила у М. Южнаго: Литературно-критическій фельетонъ. «Гражд.» № 165, и въ «Моск. Цер. Вѣд.» № 46 стр. 647.

Глаголевъ, С. См. Надаякъ, Чемена.

Гланвиллъ. См. Радловъ.

Глинка, Д. Г. См. Яновскій.

187. Гнѣдичъ, П. Единобрачіе и многобрачіе. Бьёрнстерне-Бьёрнсонъ, его этическія лекціи, призывъ къ сѣверной молодежи и его этическія комедіи. «Рус. Вѣс.» 1, 194—218.

Щекотливый вопросъ практической этики о половыхъ отношеніяхъ рѣшается норвежскимъ писателемъ въ смыслѣ вѣрности одного одной.

Гоббесъ. См. Гротъ, Радловъ.

188. Говоровъ, К. Къ вопросу о задачахъ искусства. «Набл.» 4, 165—186.

На тему о тенденціозности въ искусствѣ. Статья полемическаго характера (особенно противъ гг. Скабичевскаго и Протопопова).

Гогоцкій, С. С. См. Колубовскій.

189. Годлевскій, С. Основы современнаго развитія. Очеркъ умственныхъ стремленій XIX вѣка. Спб. Тип. Авсѣенка. 80 стр. 910 экз. 60 коп.

Авторъ старается поставить въ связь развитіе философскихъ идей съ развитіемъ общественной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Весь смыслъ настоящей эпохи заключается въ борьбѣ убѣжденій съ потребностями и страстями, въ ассимиляціи идей жизнью. Въ области философіи эта борьба сказалась послѣдовательною смѣной цѣлаго ряда призрачныхъ метафизическихъ системъ и паденіемъ вѣры въ возможность абсолютнаго знанія, наряду съ безпримѣрнымъ развитіемъ научныхъ знаній, которое неизбѣжно должно привести къ сознанію необходимости умственнаго объединенія человѣчества.

Обстоятельный и довольно благопріятный отчетъ въ «Рус. Бог.» 8, 68—72. Не совсѣмъ сочувственно отзывается С. К., «Вопр. филос. и псих.» кн. 20, отд. II, стр. 120с.

190. Головачевъ, П. М. Роль семьи и школы въ дѣлѣ воспитанія. «Рус. Шк.» 1, 46—58.

Сдѣланъ небольшой сводъ опредѣленій воспитанія.

Головинъ, К. См. Л. Тихомировъ.

Голубинскій, Ѳ. А. См. Колубовскій.

Голуховскій, І. См. Колубовскій.

Гольбахъ. См. Радловъ.

191. Гольцевъ, В. А. «Энциклопедическій словарь» Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 143.

192. Гольцевъ, В. О пессимизмѣ въ современной литературѣ. «Волж. Вѣс.» № 79.

По поводу книги Пелисье.

193. Гольцевъ, В. А. О снѣ и творчествѣ. Рефератъ въ психолог. обществѣ. Отчетъ въ «Вопр. филос. и псих.» кн. 18, отд. II, стр. 160сс.

194. Гольцевъ, В. Раздѣленіе труда, какъ факторъ нравственности. «Рус. Вѣд.» № 190.

По поводу книги Дюркгейма: De la division du travail social.

195. Гольцевъ, В. Соціологія на экономической почвѣ. «Рус. Мысль» 11, 143—155.

Изложивъ соціалистическія воззрѣнія Лоріа (Achille Loria. Les bases économiques de la constitution sociale. Paris), авторъ подвергаетъ ихъ критикѣ. Для Лоріа всѣ неэкономическія формы общественнаго строя являются необходимымъ послѣдствіемъ экономическихъ отношеній, несущественною надстройкою надъ основами этихъ отношеній. Право, религія и нравственность вытекаютъ изъ тѣхъ же отношеній. Г. Гольцевъ, возражая Лоріа, указываетъ на противорѣчія въ его взглядахъ и является его принципіальнымъ противникомъ. — За эту статью журналъ получилъ второе предостереженіе.

Гольцевъ, В. А. См. Боборыкинъ, Каблицъ.

196. Горбатовъ, П. А. Бесѣда о «движеніи». Спб. Тип. А. Пожаровой. 22 стр. 500 экз. 25 коп.

На обложкѣ этой брошюры можно видѣть списокъ прежнихъ трудовъ автора, касающихся ученія о движеніи и теоріи единства и непрерывности матеріи. По словамъ автора, въ предыдущихъ сочиненіяхъ движеніе разсматривалось при различныхъ условіяхъ состоянія тѣлъ и частицъ, а въ предлагаемой брошюрѣ онъ желаетъ только напомнить о томъ же, при согласованіи положеній съ началами теоретической механики. Въ туманныхъ разсужденіяхъ г. Горбатова иногда бываетъ очень трудно добраться до смысла. Укажемъ напримѣръ, на слѣдующую фразу: напряженія, «расходящіяся по сферическимъ поверхностямъ, будутъ въ пространствахъ между атомами противоположно пересѣкающимися, а съ внѣшнихъ сторонъ атомовъ совпадающими; т.-е. вліяніе поддерживающаго напряженія къ атому будетъ для другого захватывающимъ напряженіемъ» (стр. 5).

Горбовъ, Н. См. Б. Гартманъ.

Горгій. См. Вл. Соловьевъ.

197. Гориневскій, В. В., д-ръ. Значеніе развитія органовъ чувствъ и ручной умѣлости по взгляду проф. Гельмгольца. «Образов.» 4, 186—189.

На основаніи статьи въ Populäre wissenschaftliche Vorträge.

198. Городецкій, Ив. Яковъ Фрошаммеръ (1821—1893). Некрологъ. „Вопр. филос. и псих.“ кн. 19, отд. II, стр. 127—130.

Фрошаммеръ былъ борцомъ за умственную независимость, ревнителемъ педагогики, другомъ и адвокатомъ учительскаго сословія.

199. Горскій-Платоновъ, П. И. Непротивленіе злу. «Бог. Вѣс.» 1, 165—168.

Отрывокъ изъ большой статьи, навѣянной, несомнѣнно, ученіемъ Л. Толстого. Здѣсь все не похоже на автора «Крейцеровой Сонаты».

Госсе (Haussay). См. Оболенскій, Орловъ.

200. (Гохеггеръ). Роль современной философіи въ дѣлѣ воспитанія. Статья Ив. Г. «Вѣс. Восп.» № 5, стр. 1 — 12; № 6, стр. 29 — 47; № 7, стр. 18—30; № 8, стр. 6—33.

На основаніи статей Hochegger'а въ Neue Bahnen 1893 года подъ такимъ

же заглавіемъ. Выдвигая философское значеніе педагогики и различая въ современной философіи историко-идеалистическое, натуралистически-позитивистическое и примирительное теченіе, авторъ останавливается на типичныхъ представителяхъ каждаго теченія и указываетъ ихъ значеніе въ дѣлѣ воспитанія. Для характеристики перваго направленія онъ беретъ Фрошаммера и Гартмана, для второго — Спенсера и для третьяго — Паульсена, Вундта и Дильтея. Всѣ они въ большей или меньшей степени тяготѣютъ къ спеціальнымъ наукамъ. Въ педагогикѣ до сихъ поръ господствовало интеллектуалистическое направленіе. Подъ вліяніемъ современной философіи педагогика начинаетъ покидать эту одностороннюю точку зрѣнія.

Грановскій, Т. Н. См. П. Г. Виноградовъ.

Гризингеръ. См. Розенбахъ.

201. Грингмутъ, В. Враги живописи. I. Импрессіонизмъ. II. Фотографія. М. Тип. универ. 95 стр. 600 экз. 30 коп.

Надъ европейскимъ искусствомъ во второй половинѣ XIX в. пронеслась пагубная антихудожественная эпидемія, поразившая всѣ виды искусства, но обрушившаяся съ особенной силой на тѣ именно три вида его, которые наше время выдвинуло впередъ, — на литературу, музыку и живопись. Чтобы постичь красоту мірозданія, художникъ не нуждается въ кропотливыхъ экспериментахъ и логическихъ умозаключеніяхъ: онъ постигаетъ въ минуты вдохновенія ту *невидимую* красоту *видимаго* міра, которая составляетъ конечную цѣль его искусства. Авторъ ожесточенно нападаетъ на импрессіонизмъ и фотографію, какъ на враговъ искусства. По его мнѣнію, импрессіонизмъ абсолютную безсодержательность и отсутствіе смысла считаетъ вѣнцомъ искусства.—Брошюра, не смотря на фельетонный характеръ, заслуживаетъ вниманія и не лишена вѣрныхъ замѣчаній.

По поводу брошюры г. Грингмута Ю. Николаевъ: Литературныя замѣтки. Въ чемъ причина упадка искусства? «Моск. Вѣд.» № 130. Для искусства страшно пониженіе общаго философскаго міросозерцанія. Сочувственно отзывается «Рус. Вѣс.» 8, 347сс. Подробный отчетъ даетъ «Прав. Вѣст.» № 187—189.

Громовъ. См. Зеленогорскій.

202. Гротъ, Н. Я. Декартъ. «Энцикл. Слов.» Брокгауза и Ефрона, т. X. стр. 303—308.

203. Гротъ, Н. Я. Замѣтка редакціи. «Вопр. филос. и псих.» кн. 20, стр. V—VII.

По поводу четырехлѣтняго существованія журнала и перехода его въ собственность Московскаго Психологическаго общества.

204. Гротъ, Н. Я. Нравственные идеалы нашего времени. (Фр. Ницше и Л. Толстой). «Вопр. фил. и псих.» кн. 16, отд. I, стр. 129—154. Отдѣльно: Изданіе 2-е. М. Тип. Кушнерева. 26 стр. 300 экз. 30 коп.

Ницше—представитель западно-европейской изломанности, Толстой—носитель идеаловъ восточно-европейской непосредственности. Одинъ—защитникъ чистаго языческаго міросозерцанія и мечтаетъ перомъ своимъ навсегда раздѣ-

латься съ религіозно-нравственными идеалами христіанства; другой ведетъ энергическую борьбу съ міросозерцаніемъ позитивно-научнымъ и языческимъ, во имя окончательной побѣды въ жизни человѣчества высшихъ нравственныхъ идеаловъ христіанства. Оба они рѣшительно протестуютъ противъ всего внутренняго духа и строя жизни современнаго человѣчества, противъ традиціонной внѣшней организаціи христіанскаго общества; оба стремятся дать въ жизни человѣка торжество разуму и трезвому анализу. Коренное же различіе обоихъ мыслителей сводится къ противоположному взгляду ихъ на человѣческую природу. Мораль Толстого стоитъ неизмѣримо высоко, и крайность его заключается въ чрезмѣрномъ и узкомъ идеализмѣ и спиритуализмѣ.

По поводу взглядовъ г. Грота на Толстого выступилъ свящ. І. Филевскій со статьей: Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого («Вѣр. и Раз.», отд. церков., № 11, 711—750), гдѣ, въ противоположность г. Гроту, онъ доказываетъ, что ошибки Толстого заключаются и въ морали: она имѣетъ только образъ христіанской нравственности. Мимоходомъ авторъ полемизируетъ и противъ извѣстной статьи Н. Н. Страхова «Толки объ Л. Н. Толстомъ».

Иного взгляда на значеніе христіанства держится С. Кулябка: Письмо къ редактору. «Вопр. фил. и псих.» кн. 17, отд. II, стр. 130 — 136. По его мнѣнію, дальнѣйшій нравственный прогрессъ человѣчества будетъ заключаться только въ болѣе широкомъ приложеніи къ жизни христіанскихъ основъ, совмѣстныхъ съ самой высшей формой развитія человѣческаго общежитія.

Со статьей Н. Я. Грота знакомитъ своихъ читателей «Стран.» 2, 312сс. (обзоръ журналовъ). Не называя имени г. Грота, эксплуатируетъ его статью М. А. Орловъ: За границей. „Трудъ" 5, 461сс.

См. также Скриба, Тихомировъ.

205. Гротъ, Н. Основные моменты въ развитіи новой философіи. «Вопр. филос. и псих.» отд. II, кн. 8, стр. 42 — 57; кн. 9, стр. 1 — 18; кн. 10, стр. 1—18; кн. 13, стр. 1—17; кн. 17, стр. 1—25; кн. 20, стр. 41- 93.

Это въ передѣланномъ видѣ лекціи по исторіи новой философіи, читанныя авторомъ въ московскомъ университетѣ и политехническомъ музеѣ. Здѣсь разсмотрѣны: Беконъ, Гоббесъ, Декартъ, Спиноза, Локкъ, Беркли, Лейбницъ, Юмъ, Кантъ и др. Ближайшею задачей философіи будущаго, по мнѣнію автора, должно быть устраненіе коренного противорѣчія философіи Канта, заключающагося въ томъ, что, принимая апріорныя и абсолютныя формы познанія и дѣятельности человѣка, онъ въ то же время не допускалъ возможности познанія объективно необходимаго и безусловнаго. Реформа совершится не на почвѣ Кантовской теоріи знанія, а на почвѣ какой то совершенно новой, еще никому невѣдомой точки зрѣнія, радикально устраняющей ошибки Канта и въ то же время способной не менѣе надежно обосновать всѣ великія истины интеллектуальнаго, нравственнаго и эстетическаго бытія. Только на почвѣ новой усовершенствованной и глубже обоснованной психологіи вообще, и психологіи чувства и воли въ частности, можно найти новый фундаментъ и для теоріи знанія, и для теоріи бытія, и для философскаго ученія объ основахъ и устояхъ нравственной дѣятельности.

206. Гротъ, Н. Я. П. Е. Астафьевъ. Некрологъ. «Вопр. филос. и псих.» кн. 18, отд. 1, стр. 116—121.

Черезчуръ преувеличенная оцѣнка покойнаго философа, какъ человѣка.

Гротъ, Н. Я. См. Астафьевъ, Александръ Введенскій, Виндельбандъ, Колубовскій, Скриба.

207. (Груберъ.) Gruber, H. Der Positivismus vom Tode August Comte's. Замѣтка въ «Мірѣ Бож.» 3,240 изъ Rev. philos.

Груберъ. См. Ивановскій, Орловъ.

208. Грудовъ, В. М. О загробной жизни или о томъ, какъ живутъ люди послѣ смерти. Составлено на основаніи ученія священнаго писанія и твореній святыхъ отецъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. М. Тип. Вильде. 64 стр.

Книжка, имѣющая нѣкоторое отношеніе къ библейской психологіи, разсчитана, повидимому, на читателей лубочной литературы.

Гуго Викторинецъ. См. Вл. Соловьевъ.

209. (Гумпловичъ.) Gumplowicz L. Die sociologische Staatsidee. Graz.

Давая отчетъ о книгѣ, Л. С. «Вѣс. Евр.» 10, 850сс., говоритъ: „несостоятельность основныхъ взглядовъ Гумпловича на столько очевидна, что нѣтъ надобности останавливаться на нихъ подробно".

Гумпловичъ. См. Гольцевъ.

Гуръ. См. Ивановскій.

210. Гусевъ, А. Ѳ. „Энциклопедическій словарь" Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 922.

211. Гусевъ, А. Основныя «религіозныя» начала гр. Л. Толстого. Апологетическое сочиненіе. Казань. Тип. универ. 427 стр. 2 р.

Въ этомъ изданіи содержится все то, что авторъ печаталъ въ «Чтеніяхъ общ. люб. дух. просв.» подъ заглавіемъ «Основныя правила въ нравоученіи графа Л. Толстого» (см. ниже). Значительно расширено только введеніе (стр. 1—31), и прибавлена новая обширная глава о сущности религіи вообще и христіанской - въ частности (стр. 274—423). По мнѣнію г. Гусева, гр. Толстой является самымъ непримиримымъ врагомъ всякой религіи, и то, что онъ выдаетъ за религію, не имѣетъ ничего общаго съ нею. Онъ пожертвовалъ всѣми самыми важными и дорогими для человѣчества духовными интересами ради чисто животныхъ потребностей человѣческаго существованія. Онъ думаетъ, будто жизнь человѣческая получитъ несомнѣнный смыслъ и станетъ вполнѣ счастливою только въ томъ случаѣ, если люди, забывъ живого Бога и все идеальное, высшее, поставятъ единственной задачей своей жизни самоотверженное служеніе матеріальному благоденствію другъ друга.

212. Гусевъ, А. Основныя правила въ нравоученіи графа Л. Толстого. М. Тип. Снегиревой. 212 стр. 1 руб. Первоначально въ «Чтеніяхъ въ общ. люб. дух. просв.» 1892, отд. I, 10, 341—412; 12, 609—660; 1893, 1, отд. I, стр. 62—150.

Взгляды Л. Н. Толстого, по мнѣнію автора, рѣшительно противоположны и несогласимы съ христіанскимъ ученіемъ о непротивленіи злому, о негнѣвли-

вости, о бракорасторженіи, о клятвѣ, о судахъ, о патріотизмѣ и войнѣ, о христіанской любви къ ближнему.

Сочувственный отзывъ о книгѣ въ «Сынѣ От.» № 94; о статьяхъ въ «Чтеніяхъ» см. «Стран.» 5, 141сс. (Обзоръ журналовъ).

213. Гусевъ, А., проф. Религіозность, какъ основа нравственности. Противъ автономистовъ. 2-е, вновь переработанное и значительно дополненное изданіе. Казань 1894. Универ. типогр. 193 стр. 1 р.

Новое изданіе книги г. Гусева до такой степени расширено и переработано, что на него можно смотрѣть, какъ на новый трудъ автора. Изложивши исторію идейной борьбы противъ союза нравственности съ религіею и указавъ размѣры этой борьбы въ новѣйшее время, авторъ группируетъ доводы автономистовъ въ пользу совершеннаго и безповоротнаго разрыва нравственности съ религіею, выбирая по преимуществу самыхъ яркихъ представителей этого ученія. Далѣе идетъ критика мнѣній автономистовъ о непознаваемости божества, объ отсутствіи убѣдительныхъ доказательствъ бытія Божія, о крайнемъ разнообразіи представленій божества, о разнородности исповѣдуемыхъ людьми религій и о мнимомъ разгромѣ христіанскихъ догматическихъ истинъ при помощи науки и философіи. Разобравъ затѣмъ доводы автономистовъ противъ связи нравственности съ религіею (по ихъ мнѣнію, такая связь наноситъ только ущербъ достоинству и свободной волѣ человѣка), а также ихъ взглядъ, что нравственность совсѣмъ не нуждается въ указанной свыше нормѣ, авторъ переходитъ къ положительному обоснованію ученія о мотивахъ нравственно-доброй жизни и о средствахъ къ ея достиженію. Автономная мораль, отрывающая человѣка отъ религіи, отъ живого общенія и единенія съ Богомъ въ земной и загробной жизни, безмѣрно вредитъ человѣческой нравственности и истинно человѣческому счастію. Въ заключеніе авторъ обращается съ призывомъ ко всѣмъ, кто не согласенъ съ его взглядами, добросовѣстно и основательно опровергнуть все главное и существенное, что сказано въ его трудѣ по адресу автономистовъ.—Едва ли, впрочемъ, этотъ вызовъ можетъ считаться обязательнымъ для противниковъ г. Гусева, и потому напрасно онъ грозитъ, въ случаѣ отсутствія такого опроверженія его взглядовъ, видѣть нравственно-предосудительное посягательство на интересы человѣческой нравственности и счастія въ каждой статьѣ, защищающей автономную этику.

Курьезныя разсужденія вызываетъ книга г. Гусева у Ю. Николаева: Литературныя замѣтки. Автономная мораль. «Моск. Вѣд.» № 325. По его мнѣнію, ученіе автономистовъ—тоже заимствованное, а вовсе не автономное И если христіанство заимствовало свое ученіе отъ Бога, то автономисты заимствовали свое...отъ древняго змія (!!). Онъ былъ первымъ автономистомъ, онъ создалъ эту философію и научилъ ей нашихъ прародителей. Отвергнувъ Бога на небесахъ, они признаютъ бога на землѣ въ видѣ автономнаго разума, автономной воли.

214. Гусевъ, Ѳ. Ѳ. «Энциклопедическій словарь» Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 922.

215. Гутниковъ, З. Матеріалы къ изученію о химическомъ составѣ го-

ловного мозга у человѣка. Диссертація на степень доктора медицины. Харьковъ. Университ. тип. IX+412 стр. 3 р.

Очень обстоятельное изслѣдованіе, основанное на экспериментальныхъ данныхъ.

Гюйгенсъ. См. Бобылевъ.

216. Гюйо. Статья С. Л. «Энциклопедическій словарь» Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 963.

Гюйо. См. Козловъ.

217. Гюнтеръ. «Энциклопедическій словарь» Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 969.

218. (Данвиль). Danville, G. Любовь съ психологической и патологической точекъ зрѣнія. Перев. И. Ѳ. Іорданскаго. Подъ ред. проф. А. И. Смирнова. Казань. Тип. универ. 32 стр. Первоначально въ приложеніи къ «Невр. Вѣст.» т. I, вып. 3.

Любовь, являясь съ точки зрѣнія физіологической дифференцированнымъ продуктомъ эмоціональнаго развитія, а съ точки зрѣнія психологической—частною разновидностью общаго механизма сознанія, служитъ результатомъ нормальнаго психическаго развитія. Отсюда понятно, что любовь въ своемъ совершенномъ видѣ встрѣчается лишь у людей. Съ этой же точки зрѣнія можно объяснить разныя свойства любви, а также сходство любовной страсти съ явленіями вырожденія.

Статья Данвиля, помѣщенная въ Revue philos., апр., послужила матеріаломъ для статьи Л. Е. Оболенскаго: Любовь, какъ душевная болѣзнь. «Нов.» № 103.

Данилевскій, Н. Я. См. Милюковъ, Вл. Соловьевъ.

219. Данилло, С. Н. Вліяніе ядовъ на сознаніе человѣка. Отчетъ о лекціи въ Собраніи врачей. «Нов. Вр.» № 6114 (7 марта).

Данилло, С. Н. См. Кюллеръ.

220. Данилло, С. Обзоръ работъ по гипнотизму. „Вѣстн. клин. и судеб. психіатр. и невропат.“, годъ X, вып. I, стр. 299—305.

Revue de l'hypnotisme; Zeitschrift für Hypnotismus; Lysing: Phénomènes hypnotiques chez les animaux (Annales de psychiatrie 1892, ноябрь); Lloyd-Tuckey: The value of Hypnotism in chronic Alcoholism, London 1892; Schrenk-Notzing: Die Suggestions-Therapie bei krankhaften Erscheinungen des Geschlechtssinnes, 1892; Babinski: Hypnotisme et hysterie, Paris 1891.

221. Дарвинизмъ. Статья Н. К. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, томъ X, стр. 132.

222. (Дарвинъ). Чарльзъ Дарвинъ и его теорія. (Life and Letters of Charles Darwin including an autobiographical chapter. Edited by Fr. Darwin). Статья М. А. „Рус. Мысль“ 5, 50—72; 6, 1—23; 12, 112—139.

Разсматриваются нѣкоторыя возраженія противъ теоріи Дарвина, и затѣмъ кратко излагается исторія ея возникновенія, появленія въ печати и первона-

чальнаго распространенія. Въ статьѣ много любопытныхъ и поучительныхъ данныхъ.

Дарвинъ. См. Глаголевъ, Чемена, Энгельгардтъ.

223. (Д'Аркуръ, герц.) Политическія проявленія подражательности. Переводъ М. „Рус. Об.“ 8, 731—744; 10, 787—797.

Сокращенный переводъ послѣднихъ главъ сочиненія: Quelques réflexions sur les lois sociales (1886). Статья направлена противъ либеральнаго государственнаго строя.

224. Двойное „я“ въ современной наукѣ и литературѣ. „Книжки Недѣли“ 3, 253—259 (отдѣлъ: Изъ иностранныхъ изданій).

Низшее *я* нашло себѣ много отраженій въ современной литературѣ. Одни видятъ въ немъ успокоеніе (Родъ) и будущность человѣчества (Эфейръ), другіе отождествляютъ его съ безсознательными инстинктами и требуютъ христіанской проповѣди для борьбы съ нимъ (Бурже), или признаютъ его непреодолимымъ (Зола). Нѣкоторые отождествляютъ его съ кровожадностью и сладострастіемъ и видятъ въ абсолютномъ цѣломудріи необходимое условіе человѣческаго счастія.

225. Дебольскій, Н. Г. Философія феноменальнаго формализма. I. Метафизика. Выпускъ первый. Спб. 1892. Тип. Яздовскаго. 177 стр. 1 руб. 25 коп.

По мнѣнію автора, коренная задача метафизики ума, съ рѣшеніемъ которой связана вся ея участь, заключается въ томъ, чтобы, показавъ, что предметомъ чистой мысли служитъ умъ какъ такой, обнаружить, что отсутствіе творческой силы въ нашемъ умѣ зависитъ именно отъ того, что онъ не вполнѣ умъ; выяснить, что въ понятіи полнаго ума необходимо данъ аттрибутъ творчества; установить, по законамъ самого ума, возможность происхожденія неполнаго ума отъ полнаго творческаго ума, т. е. отъ Бога. Для разрѣшенія этой задачи нѣтъ надобности открывать какія-нибудь новыя начала, нужна только здравая критика началъ уже существующихъ. Такой именно критики можно ожидать отъ русской философіи.

Отдавая должное недюжинному философскому уму автора, Ѳ. Шперкъ („Вопр. филос. и псих.“ кн. 18, отд. II, стр. 95—98) полагаетъ, что изъ его философіи вычеркиваются не только „самопознаніе ума“, но и мысль, какъ таковая, и въ ней остаются лишь символы, слова, представляющія собой тѣ начала, которыя, какъ сверхчувственные элементы, безсознательно управляютъ чувственнымъ воспріятіемъ. Въ такомъ же родѣ относится къ г. Дебольскому и П. В. Тихоміровъ: Возможна ли метафизика ума. „Чт. въ общ. люб. дух. просв.“ 3, отд. II, стр. 97—132. Онъ признаетъ за книгой много не заурядныхъ достоинствъ. Авторъ ея сдѣлалъ все, чтобы представить главную свою мысль какъ можно убѣдительнѣе. Однако, по мнѣнію критика, гегельянство если и можно раставрировать, то только правовѣрное, а не преобразованное въ феноменальный формализмъ.

Дебольскій, Н. Г. См. Колубовскій.

226. (Деволь). Dewaule. Condillac et la psychologie anglaise contemporaine.

Замѣтка въ „Мiр. Бож.“ 3, 240 изъ Polybibl.

Декартъ. См. Гротъ, Фулье.

Дель (Döll). См. Дюрингъ.

227. (Дельбефъ). Delboeuf, J. L'hypnotisme devant les chambres législatives belges. Paris. Рефератъ. „Пед. Сбор.“ 6, 635с.

Дельбефъ. См. Орловъ.

228. Демковъ, М. И. Греческiе софисты (по новымъ изслѣдованiямъ). «Гимназiя» 1—2, 36—56.

Этими „новыми“ изслѣдованiями оказываются, какъ видно изъ выноски къ заглавiю, труды Рѣдкина, Гилярова, кн. С. Трубецкаго и переводъ Платона, сдѣланный Карповымъ. Работа чисто компилятивная.

Демокритъ. См. Радловъ.

Деревицкiй, А. См. Аристотель, Аррea, Дорьякъ.

Дерингъ. См. Алексѣй Введенскiй.

229. (Де Роберти). De Roberty, E. La recherche de l'unité. Paris. Félix Alcan. VI+230 p. 2 fr. 50 c. (Bibliothèque de la philosophie contemporaine).

Новый этюдъ автора тѣсно примыкаетъ къ предыдущей серiи его философскихъ работъ. Здѣсь читатель встрѣтится съ закономъ трехъ фазисовъ метафизики, съ закономъ психической полярности и другими положенiями, выставленными въ прежнихъ сочиненiяхъ г. де Роберти. Въ единствѣ логическомъ, по его мнѣнiю, слѣдуетъ видѣть ту почву, въ которой коренятся всѣ многочисленныя разновидности историческаго монизма, распадающiяся на двѣ группы: монизмъ научный и монизмъ трансцендентный. Монистическая проблема можетъ быть рѣшена высшею психологiей, у которой, впрочемъ, въ настоящее время пока еще нѣтъ достаточныхъ данныхъ для успѣшнаго рѣшенiя этой проблемы. Вступивъ въ перiодъ разума, философiя вмѣсто того, чтобы оставаться многообразной, дифференцированной, частичной, какъ это было съ метафизикой, станетъ единой, интегрированной и всеобщей. Такая философiя будетъ избѣгать индуктивныхъ гипотезъ, такъ какъ онѣ пригодны при опредѣленiи лишь частей цѣлаго, а при изслѣдованiи самого цѣлаго заводятъ насъ въ антиномiи; она будетъ идти дедуктивнымъ путемъ къ все менѣе и менѣе отвлеченному, отъ составныхъ частей къ ихъ совокупности, къ однородному понятiю о вселенной. Такимъ путемъ она прiобрѣтетъ религiозный авторитетъ и будетъ руководить нравственною жизнью человѣчества.

По мнѣнiю В. Чуйко („Вопр. филос.“ кн. 19, отд. II, стр. 94—97), авторъ не выяснилъ въ достаточной мѣрѣ своей основной точки зрѣнiя. Въ книгѣ г. де Роберти попадаются мѣткiя замѣчанiя, но въ общемъ онъ не даетъ яснаго представленiя о томъ, какую роль понятiе единства играетъ въ психологiи и логикѣ, и какое возможно въ будущемъ рѣшенiе этой важной проблемы.

Довольно сочувственный отчетъ Л. въ „Вѣс. Евр.“ 9, 394с.

Де Роберти. См. Ивановскiй, Колубовскiй, Соболевъ.

Дефо. См. Лесевичъ.

230. Дехтеревъ, В. Г. Гипнотизмъ и педагогика. Изложеніе доклада и преній по поводу его въ Педагогическомъ Музеѣ. „Рус. Шк." 4, 250—259, а также въ „Краткомъ обзорѣ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній" за 1892—93 г., стр. 136—141 (см. также „Пед. Сбор." 10, приложеніе).

Докладчикъ находитъ возможнымъ примѣнять гипнотическое внушеніе если не всегда, то во всякомъ случаѣ довольно часто въ педагогической практикѣ.

Джаншіевъ, Г. См. Вульфертъ.

231. Джаппъ, Александръ. Вѣжливость и услужливость животныхъ. „Нов. Вр.", прилож. къ № 6362 (13-го ноября).

Любопытныя замѣтки по зоопсихологіи.

Джевонсъ. См. Слешинскій.

Джеддъ. См. Н. С., Жизнь.

Джонсъ (Jones). См. Мокіевскій.

Дидро. См. Веселовскій.

Диксонъ. См. Мокіевскій.

Дильтей. См. Алексѣй Введенскій, Гохеггеръ.

232. Диминскій, С. Евреи, ихъ вѣроученіе и нравоученіе. Изслѣдованіе. Изд. 2-е. Спб. Тип. И. Скороходова. LXXXIII + 218 стр. 1,012 экз. 2 руб.

Первому изданію этой книги была посвящена Вл. С. Соловьевымъ очень несочувственная замѣтка въ „Сѣв. Вѣст." За эту замѣтку на г. Соловьева съ ожесточеніемъ нападаетъ издатель книги г. Ясинскій въ обширномъ предисловіи, гдѣ онъ доказываетъ, что покойный Диминскій былъ знатокомъ Талмуда и вообще всего, что касается еврейства.

233. (Дицъ). Diez, M. Theorie des Gefühls zur Begründung der Aestheik. Stuttgart.

Рец. изъ Liter. Centralbl. въ „Міръ. Бож." 7, 238.

Діаманди. См. Орловъ.

Діогенъ изъ Аполлоніи, Лаэртійскій и изъ Синопа. См. Радловъ.

234. Доброклонскій, А. Очерки изъ исторіи новѣйшаго періода русской церкви. „Душеп. Чт."

О „ереси" Л. Н. Толстого 10, 206с.

235. Добросмысловъ, Д. Философія Н. И. Пирогова по его „Дневнику". „Вѣр. и Раз.", отд. филос., № 6, 280 — 298; № 7, 324 — 342; № 9, 411—428.

Редакція сочла необходимымъ заявить, что статья доставлена авторомъ одновременно съ выходомъ 16-й книги „Вопросовъ филос.", гдѣ помѣщена статья г. Пясковскаго о Пироговѣ. Указавши на Пирогова, какъ на авторитетнаго апологета самостоятельнаго значенія философіи, авторъ группируетъ его

взгляды по вопросамъ о познаніи, объ основныхъ началахъ міровoго бытія, о принципахъ практической жизни и въ заключеніе указываетъ на тѣ признаки въ философіи Пирогова, которые могутъ считаться типичными вообще для русской философіи: это, во-первыхъ,—гармоничность, въ которой у него умозрѣніе находится съ чувственнымъ опытомъ, самобытное духовное начало съ началомъ вещественнымъ, спиритуализмъ и идеализмъ съ матеріализмомъ, а во-вторыхъ,—религіозный духъ его философіи.

Статья г. Добросмыслова излагается въ „Прав. Вѣс." № 209, откуда въ свою очередь дѣлаетъ выдержки „Рус. Жизнь" № 254.

236. (Доказательства). Къ ученію объ уголовныхъ доказательствахъ. «Прав. Вѣс.» № 170.

Вопросъ о томъ, что можетъ служить источникомъ для уголовнаго суда въ познаніи искомой по дѣлу истины, не можетъ быть разрѣшенъ a priori, а вполнѣ зависитъ отъ состоянія научныхъ знаній.

237. Долгинцевъ, В. Ѳ. О значеніи арабской философіи. Рефератъ въ Психолог. обществѣ. Отчетъ въ «Вопр. филос. и псих.» кн. 18, отд. II, стр. 166сс.

238. Домбровскій, И. Смерть. Психологическій этюдъ. Переводъ съ пол. В. В. „Каз. Тел." № 34, 44—46, 52, 53, 66—69, 78.

Анализъ предсмертнаго состоянія въ видѣ дневника. Этюдъ относится къ области не научной, а художественной литературы.

239. Дорофеевъ, Г. По поводу „Новаго способа разъясненія процессовъ дедукціи". „Гимназія" 6—7, 225—237.

По поводу статьи г. Сланскаго („Пед. Сб." 1892, 10—12), которую авторъ считаетъ невѣрной по своей основной мысли и полной логическихъ промаховъ.

240. (Дорьякъ.) Dauriac, L. Introduction à la psychologie du musicien. Paris 1891.

Несочувственная замѣтка А. Деревицкаго, „Рус. Об." 5, 390—398.— Замѣтка въ „Мірѣ Бож." 2, 216 изъ Rev. philos.

241. (Достоевскій). Пастырское изученіе людей и жизни по сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго. Подпись: С. С. Б. „Бог. Вѣс." 10, 41—79. Вышло и отдѣльнымъ оттискомъ. Сергіевъ Посадъ, тип. Снегиревой. 39 стр.

Сочиненія Достоевскаго должны быть цѣнны для всякаго, даже независимо отъ его міровоззрѣнія, ибо методъ мышленія автора—методъ индуктивный, психологическій, интуитивный. Покаяніе и возрожденіе, грѣхопаденіе и исправленіе —вотъ около чего вращается жизнь его героевъ. Но Достоевскій, будучи великимъ учителемъ личной добродѣтели, вовсе не отворачивается отъ общественныхъ, народныхъ и культурныхъ идеаловъ.

Очень сочувственно отзывается М. Южный: Литературно-критическій фельетонъ. „Гражд." № 307. Совсѣмъ иного взгляда держится Ю. Николаевъ: Литературныя замѣтки. Духовный журналъ о Достоевскомъ. „Моск. Вѣд." № 311. По его мнѣнію, авторъ весьма поверхностно знакомъ съ сочиненіями Достоевскаго и весьма превратно толкуетъ его мысли, точно такъ же какъ и ученіе отцовъ церкви. Мысли автора не ясны и сбивчивы.—Статья о

Достоевскомъ принадлежитъ перу одного изъ видныхъ представителей русскаго духовенства, еще три года тому назадъ помѣщавшаго свои статьи въ „Моск. Вѣд." Поэтому читателю едва-ли не покажется загадочнымъ такой отзывъ одного изъ постоянныхъ сотрудниковъ той же газеты. На г. Николаева нападаетъ Н. Р. въ „Гражд." № 327 (Неудачная критика).

Достоевскій. См. Случевскій.

242. (Дреэръ.) Dreher, E. Объ эстетическомъ воспитаніи молодежи. „Вѣс. Восп." № 5, стр. 144—163.

Изъ журнала Die neue deutsche Schule 1891, дек. Ученіе о прекрасномъ, по мнѣнію автора, должно слѣдовать методу точныхъ естественныхъ наукъ. Но для созданія истиннаго ученія о прекрасномъ необходимо, чтобы дуалистическое міросозерцаніе вступило въ свои полныя права.

243. (Дриль). Болѣзнь, порокъ и преступленіе. Отчетъ о засѣданіи уголовнаго отдѣленія спб. юрид. общ. „Нов. Вр." № 6364 (15-го ноября); „Сынъ От." № 312; „Рус. Жиз." № 306; „Нов." № 315.

Отчетъ о преніяхъ по поводу доклада въ „Рус. Жиз." № 338, „Нов." № 344 (Безплодные дебаты).

244. Дриль, Д. А. Что говорилось на международномъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ. „Рус. Мысль" 2, 88—104; 3, 60—78.

Центральнымъ вопросомъ конгресса авторъ считаетъ вопросъ о существованіи анатомически опредѣленнаго преступнаго типа, рѣшенный отрицательно. Отчетъ г. Дриля имѣетъ совершенно иное освѣщеніе, чѣмъ отчетъ о томъ же предметѣ г. Чижа („Вопр. филос." кн. 16).

Дробишъ. См. Колубовскій.

245. Друммондъ, Генри, проф. Какъ преобразить нашу жизнь. Переводъ съ англійскаго С. Долгова. Изд. 2-е. Москва. Тип. И. Сытина и К°. 39 стр., 3.600 экз. 25 коп.

246. Друммондъ, Генри, проф. Миръ съ вами. Рѣчь. Переводъ съ англійскаго С. Долгова. Изд. 2-е. Москва. Тип. И. Сытина и К°. 31 стр., 3.600 экз. 25 к.

247. Друммондъ, Генри, проф. Самое великое въ мірѣ. Рѣчь. Переводъ съ англійскаго С. Долгова. Изд. 2-е. Москва. Тип. И. Сытина и К°. 39 стр., 3.600 экз. 25 к.

Первымъ изданіемъ всѣ эти брошюры духовно-нравственнаго содержанія вышли въ одной книжкѣ. Съ цѣлью большей доступности переводчикъ разбилъ ее на три довольно изящныя брошюрки, прибавивъ къ каждой изъ нихъ по одинаковому предисловію.

248. Дрюммондъ. Самое великое въ мірѣ. Миръ съ вами. Преображенная жизнь. Три рѣчи. Съ англійскаго И. К. К. Изданіе И. А. Морозова. М. Тип. Полякова. 95 стр., 3.600 экз.

Изданіе, очевидно, разсчитано на обширный кругъ читателей и потому въ видахъ удешевленія напечатано на плохой бумагѣ.

Дунсъ Скотъ. См. Вл. Соловьевъ.

249. Дурдикъ, Іос. Статья И. Л. „Энциклоп. словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. XI, стр. 246.

Дурново, И. С. См. Вл. Соловьевъ.

Духовецкій, Ѳ. См. Вс. Соловьевъ.

250. Духовныя размышленія свѣтскаго человѣка. „Гражд.“ № 188, 215, 223, 230, 244.

Сквозь христіанскую кротость у автора просвѣчиваетъ далеко не христіанская ненависть къ философамъ.

251. Душа (въ этнологическомъ отношеніи). „Энцикл. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. XI, стр. 278с.

252. Душа человѣка и животныхъ по ученію церкви. Статья П. Л. Изданіе редакціи журнала „Русскій Паломникъ“. Спб. Тип. Штейна. 24 стр. 35 экз. Первоначально въ книжкахъ иллюстрированнаго журнала „Русскій Паломникъ“ кн. III. Въ отдѣльномъ изданіи на обложкѣ стоитъ полное имя автора: П. Лавровскій.

Между положеніями христіанской догматики и данными опытной психологіи нѣтъ существеннаго различія. При составленіи своего поверхностнаго очерка авторъ не принялъ во вниманіе богатой литературы по библейской психологіи.

253. (Душевно-больные). Вліяніе барометрическихъ колебаній на душевно-больныхъ. „Прав. Вѣст. № 63.

По статьѣ, помѣщенной въ Jahrbücher für Psychiatrie.

254. Душевно-больные и ихъ призрѣніе на Руси. Статьи А. К. „Нов. Вр.“, прил. къ №№ 6313 (25-го сентября), 6320 (2-го октября) и 6327 (9-го октября).

Краткій историческій очеркъ правительственныхъ и общественныхъ мѣропріятій о душевно-больныхъ. Очерку предпослано описаніе важнѣйшихъ формъ душевныхъ заболѣваній. Въ № 6313 помѣщены портреты И. П. Мержеевскаго и И. М. Балинскаго.

255. (Душевно-больные). О нравственности душевно-больныхъ. „Прав. Вѣс.“ № 109.

Затронута отчасти рѣчь проф. Чижа на съѣздѣ врачей, помѣщенная въ видѣ статьи въ кн. 7 „Вопросовъ филос.“

256. Дю-Буа-Реймонъ. Статья Г. М. Г. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. XI, стр. 362с.

257. (Дюма, А.) Возрожденіе мистицизма въ современномъ европейскомъ обществѣ. Замѣтка N***. „Нов.“ № 142.

Приведено письмо Дюма изъ Temps отъ 3-го іюля по поводу рѣчи Золя.

Дюма, Ж. См. Булгаковъ.

Дюнанъ. См. Ивановскій.

258. Дю-Прель, Карлъ, д-ръ. Возраженіе Гартмана на отвѣтъ ему Аксакова. „Ребусъ“ № 24, стр. 237сс; № 25, стр. 249с.; № 26, стр. 257с.; № 27, стр. 265с.

Изъ Psychische Studien за 1891 г.

259. Дю-Прель, Карлъ, д-ръ. Какъ я сдѣлался спиритомъ. „Реб." № 38, стр. 361с.; № 39, стр. 369сс.; № 40, стр. 381с.

Изъ журнала Die Zukunft.

Дю-Прель. См. Орловъ.

260. Дюрингъ. „Энциклоп. слов." Брокгауза и Ефрона, т. XI, стр. 394с.

261. Дюрингъ, Е. Критическая исторія общихъ принциповъ механики. Сочиненіе, удостоенное философскимъ факультетомъ геттингенскаго университета первой преміи Бенеке. Съ приложеніемъ дидактической главы объ изученіи физико-математическихъ наукъ. Съ 3-го нѣмецкаго изданія, увеличеннаго и частію переработаннаго, перевелъ Н. Маракуевъ. Изданіе переводчика. М. Тип. Кушнерева. XX + 531 стр. 600 экз. 4 руб.

Переводъ надѣлавшаго много шуму сочиненія Дюринга сдѣланъ тщательно, но нѣсколько тяжелымъ языкомъ. Переведена и вступительная замѣтка Дюринга о внѣшней судьбѣ книги.

Сочувственно отзывается А. Л. Корольковъ, „Пед. Сб." 7, 81.

262. Дюрингъ, Е. Курсъ національной и соціальной экономіи, со включеніемъ наставленія къ изученію и критикѣ теоріи народнаго хозяйства и соціализма. Переводъ съ 3-го изданія. Спб. Тип. Шредера. XIV + 556 стр.

Довольно тщательно сдѣланное изданіе.

Несочувственная замѣтка въ „Рус. Мысли" 2, 72сс., В. Г. въ „Недѣлѣ" № 3, 92—98. Осторожность въ пользованіи книгою рекомендуетъ „Вѣс. Евр." 2 (обл.). По мнѣнію „Сѣв. Вѣс." 6, 60с., Дюрингъ незаслуженно удостоился чести быть переведеннымъ на русскій языкъ. Это вздорный и претенціозный трудъ.

263. Дюрингъ, Е. Цѣнность жизни. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія Ю. М. Антоновскаго, съ біографическимъ очеркомъ Деля и портретомъ Дюринга. Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство". Спб. 1894. Тип. Б. Вольфа. 14 + LXXXIII + 222 стр., 1.200 экз. 1 р. 50 коп.

Печаталось первоначально въ приложеніи къ „Рус. Бог." за 1892 г. Къ отдѣльному изданію прибавленъ въ сокращенномъ переводѣ, съ дополненіемъ обширныхъ выписокъ изъ автобіографіи Дюринга, очеркъ Деля о жизни и значеніи нѣмецкаго философа (на основаніи брошюры Döll: Eugen Dühring. Etwas von dessen Charakter, Leistungen und reformatorischem Beruf. Leipzig). Переводъ г. Антоновскаго нѣсколько тяжеловатъ.

Съ полнымъ сочувствіемъ говоритъ о книгѣ Дюринга Л. Е. Оболенскій: Обо всемъ. Борецъ противъ мірового отчаянія и пессимизма. „Од. Лист." № 275. Книгу Дюринга необходимо держать около себя, какъ лучшаго друга, который разсѣетъ сомнѣнія и отчаяніе въ каждую данную минуту, когда мрачная полоса набѣжитъ на душу. Такого же рода отзывъ даетъ „Нед." № 47, стр. 1507. О статьѣ г. Оболенскаго въ свою очередь сочувственно отзывается Вл. Радугинъ, „Колосья" 11, 249сс.

Дюрингъ. См. Астрономовъ.

Дюркгеймъ, Э. См. Гольцевъ.

Елеонскій, Н. А. См. С. Страховъ.

264. Елпидинскій, Яковъ. Религіозно-нравственное міровоззрѣніе Плутарха Херонейскаго. Спб. Тип. А. Катанскаго и К°. II+461+II стр., 500 экз. 3 р.

Это обстоятельное изслѣдованіе не имѣетъ въ виду рѣшить какія-нибудь важныя задачи по исторіи философіи, но знакомитъ читателя съ однимъ изъ источниковъ нашихъ свѣдѣній о греческой философіи. Авторъ задался цѣлью представить міровоззрѣніе херонейскаго мыслителя, основываясь на его подлинныхъ сочиненіяхъ. Въ его изслѣдованіи не мало также мѣста отводится сравненіямъ съ предшествовавшими и современными Плутарху мыслителями. Въ заключеніе авторъ затрогиваетъ вопросъ, можно ли назвать Плутарха философомъ, и рѣшаетъ его утвердительно. Плутархъ занимался вопросомъ о познаніи, старался выяснить понятіе о Богѣ и Его отношеніи къ міру, о происхожденіи міра, о природѣ человѣка и его назначеніи, о его обязанностяхъ къ Богу, семьѣ, обществу, государству и къ животнымъ. По своимъ принципамъ Плутархъ очень близокъ къ христіанству, хотя онъ совершенно не знакомъ съ Новымъ Завѣтомъ. Ученіе Плутарха свидѣтельствуетъ о высокомъ развитіи его естественнаго нравственнаго чувства и благородствѣ его души, умѣвшей не только вездѣ найти и оцѣнить доброе и прекрасное, но и заставить другихъ полюбить его и отвращаться отъ всего дурного и низкаго. Онъ съ поразительною психологическою и жизненною правдою разбираетъ естественные мотивы нравственной дѣятельности человѣка и, показывая превосходство духовныхъ инстинктовъ человѣческой природы предъ низшими животными поползновеніями ея, возбуждаетъ интересъ къ добру, истинѣ и правдѣ.

265. Ельницкій, К. Янъ Амосъ Коменскій и его педагогическія идеи. Публичная лекція, прочитанная въ день празднованія 300-лѣтняго юбилея Я. А. Коменскаго, для увеличенія средствъ общества попеченія о начальномъ образованіи въ Омскѣ. Спб. Тип. В. Дрессенъ и М. Гутзацъ. 30 стр., 1.000 экз. 20 к.

Краткій очеркъ жизни и дѣятельности славянскаго педагога, не представляющій чего-нибудь выдающагося.

266. Ермиловъ, В. Юбилей великой книги. „Рус. Мысль" 12, 101—111.

По поводу двухсотлѣтняго юбилея „Мыслей о воспитаніи" Локка, читано въ учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ. Педагогическія идеи Локка въ полномъ объемѣ не осуществлены еще и до сихъ поръ.

Ермиловъ, В. См. Квикъ, Ланге.

Ефименко. См. Сковорода.

267. (Жане, Поль). Единство философіи. Переводъ К. „Вѣра и Раз.", отд. филос., № 13, стр. 30—44.

Изъ Revue philos., февраль. Философія есть мысль о мысли. Наука мыслитъ міръ, философія мыслитъ самую мысль о мірѣ.

Жане, Поль. См. Ивановскій.

268. (Желиховская, В. П.) Е. П. Блаватская и современный жрецъ истины. Отвѣтъ г-жи Игрекъ г. Соловьеву. Спб. Тип. Суворина. 177 стр. 1200 экз. 50 коп.

См. Вс. Соловьевъ. Полемика очень часто переходитъ на чисто личную почву. На читателя непріятно дѣйствуютъ разоблаченія, касающіяся самыхъ интимныхъ сторонъ жизни покойной основательницы теософическаго общества. Не пощадила г. Вс. Соловьева и г-жа Желиховская.

Отзывы: „Нов. Вр.“ № 6137 (1-го апрѣля); „Нов.“ № 91; „Гражд.“ № 94 (дневникъ издателя). Послѣдній отзывъ не въ пользу автора.

269. Желиховская, В. П. Наканунѣ четвертаго измѣренія. „Нов.“ № 184.

Излагается вступленіе къ статьѣ Стэда, подъ тѣмъ же заглавіемъ, въ Review of Reviews объ опытахъ въ области автоматической телепатіи или психографіи.

270. Желиховская, В. П. Неизвѣданные міры и непознанныя силы. „Нов.“ № 270, 275, 340, 344.

Авторъ въ своихъ статьяхъ намѣревается сообщать „мнѣнія людей, извѣстныхъ въ литературѣ, о гипотезахъ или новыхъ открытіяхъ въ области отвлеченныхъ знаній“. На самомъ же дѣлѣ, рѣчь идетъ объ оккультическихъ и спиритическихъ явленіяхъ на основаніи статей, появляющихся въ иностранныхъ изданіяхъ.

271. Желиховская, В. П. Современная черная магія. „Моск. Вѣд.“ № 344.

Рѣчь идетъ о гипнотическихъ опытахъ, которымъ авторъ совершенно не сочувствуетъ.

272. (Жерменъ). Женщина-философъ. „Вѣс. ин. лит.“ 9, 243—247.

Компилятивная замѣтка о предшественницѣ Конта — Софіи Жерменъ съ попыткой выяснить ея значеніе въ исторіи развитія европейской мысли.

273. Животный магнетизмъ и его примѣненіе къ лѣченію. (Изъ отчета парижскаго международнаго магнетическаго конгресса). Изданіе редакціи журнала „Ребусъ“. Спб. Тип. Демакова. 164 стр. 600 экз. 75 коп.

Излагаются сообщенія, сдѣланныя на конгрессѣ. Едва-ли можно признать какое-нибудь научное значеніе за всѣми этими сообщеніями. Вотъ болѣе интересныя изъ положеній, единогласно принятыхъ конгрессомъ: 1) человѣческій магнетизмъ имѣетъ цѣлебную силу; 2) магнетическій сонъ не составляетъ непремѣннаго условія при лѣченіи болѣзней, но, если онъ наступаетъ, лѣченіе идетъ быстрѣе; 3) гипнотизмъ не слѣдуетъ смѣшивать съ магнетизмомъ; 4) необходимо основаніе магнетической школы для научной подготовки магнетизеровъ, хотя, впрочемъ, магнетизмомъ могутъ заниматься и любители; 5) магнетизмъ по своему дѣйствію можетъ быть разграниченъ на двѣ отдѣльныя вѣтви—физіологическую и психическую.

274. „Жизненный токъ“ и его измѣреніе. „Прав. Вѣс.“ № 126.

Объ опытахъ д-ра Барадюка.

275. (Жизнь). Вліяніе различныхъ обстоятельствъ на продолжительность жизни. „Прав. Вѣс." № 183.

276. (Жизнь). Явленія жизни въ „мертвой природѣ". Статья Н. С. „Рус. Вѣд." № 301 и 315.

Этотъ любопытный очеркъ составленъ по Сабатье (Essai sur la vie et la mort) и Джедду (La régénération des cristaux. Rev. Scient. 1891, № 26, перв. полугодіе). Если бы жизни, хотя бы въ самомъ элементарномъ, зачаточномъ видѣ, не было въ „мертвой" природѣ, то немыслима она была бы и въ органическомъ мірѣ.

277. (Жоли). Joly, H. Le socialisme chrétien. Paris. Отзывъ Л. С(лонимскаго). „Вѣс. Евр." 7, 419сс.

278. Завитневичъ, В. З. Къ вопросу объ историческомъ призваніи русскаго народа (изъ журнала „Труды кіевской духовной академія" 11, 341—365). Кіевъ. Тип. Г. Корчакъ-Новицкаго. 25 стр.

Западъ, выказавъ величайшее могущество въ дѣлѣ подчиненія себѣ силъ и законовъ физической природы, оказался совершенно безсильнымъ въ дѣлѣ уразумѣнія основъ человѣческаго духа. Единственный положительный результатъ, котораго достигла европейская философія въ основныхъ пунктахъ своего ученія, состоитъ въ томъ, что она тщательно разрушила все, во что прежде вѣрилъ человѣкъ; всѣ же созидательныя попытки ея творчества дали въ результатѣ почти одинъ только пустоцвѣтъ. Утвердить ослабѣвшую и расшатавшуюся мысль на прочномъ основаніи, примирить ее съ даннымъ въ откровеніи религіозно-нравственнымъ идеаломъ и водворить такимъ образомъ въ душѣ гармонію ея силъ, способностей и стремленій, воспитать по этому идеалу человѣческую волю такъ, чтобъ она, отказавшись отъ эгоизма, поставила центромъ своихъ стремленій благо ближняго и въ немъ нашла одинъ изъ главныхъ источниковъ своего личнаго счастья,—вотъ та великая задача, которую исторія поставила цивилизаціи будущаго, и къ рѣшенію которой призванъ русскій народъ. Эта роль должна выпасть на его долю не потому, что онъ надѣленъ какими-нибудь особенными дарованіями, или избранъ для этой миссіи высшею силой, но просто потому, что указанная задача ясно сознана и выдвинута жизнію какъ разъ въ тотъ моментъ, когда русскій народъ, достигнувъ въ своемъ политическомъ могуществѣ необходимыхъ гарантій, обезпечивающихъ свободу и безопасность мирнаго труда, и сознавъ необходимость освободиться отъ рабскаго подчиненія чужому вліянію, еще совершенно юный, бодрый, полный свѣжихъ силъ, сталъ на путь свободнаго самобытнаго развитія.

279. Загоскинъ, Н., проф. Николай Ивановичъ Лобачевскій. (22 октября 1793 г.—12 февраля 1856 г.). „Волж. Вѣс." № 271.

Довольно обстоятельный очеркъ жизни и дѣятельности знаменитаго математика.

280. Закревскій, И. Объ ученіяхъ уголовно-антропологической школы. Критическій очеркъ. Харьковъ. Тип. Дарре. 233 стр. 700 экз. Первоначально въ „Журн. гражд. и угол. пр." 1891, № 9, стр. 71—126; № 10, стр. 1—87; 1893, № 1, стр. 65—132.

Книга состоитъ изъ статей, печатавшихся въ 1891 и 1893 гг. въ „Журн. гражд. и уг. пр.", съ небольшими дополненіями. Къ нимъ прибавлена статья на французскомъ языкѣ изъ Rev. scientif. 8-го апр. 1893 г. Уголовно-антропологическая школа, по мнѣнію автора, смѣло затронула коренные вопросы соціологіи и уголовнаго права, вызвала энергическое умственное движеніе во всей Европѣ, не только между юристами, но и между психіатрами, медиками и тюрьмовѣдами. Это движеніе породило множество научныхъ трудовъ, дало толчокъ огромному числу новыхъ изслѣдованій и, между прочимъ, расшевелило ученыхъ криминалистовъ, застывшихъ на теоріи „злой воли", какъ источника всякой преступности. Шумныя, ожесточенныя, болѣе рѣшительныя, чѣмъ вѣрныя нападки приверженцевъ новаго направленія на юридическую школу уголовнаго права вызвали отпоръ со стороны представителей послѣдней, и при взаимной тщательной критикѣ обнаружили слабые пункты въ ученіяхъ обоихъ лагерей. Эта полемика уяснила, съ одной стороны, что притязанія уголовныхъ антропологовъ на открытіе стройной системы невѣдомыхъ до того научныхъ истинъ, по меньшей мѣрѣ, неосновательны и слишкомъ самонадѣянны. Стало очевиднымъ, что въ ученіи антропологовъ заключается много неточнаго, недостаточно провѣреннаго, крайне гипотетичнаго. Съ другой стороны, представители классической школы не могли не почувствовать, что почва, на которой они строятъ одно изъ главнѣйшихъ положеній уголовнаго права—о нравственной виновности, основанной на метафизическомъ понятіи о свободѣ воли, какъ бы заколебалась у нихъ подъ ногами, и что нѣкоторые изъ современныхъ юридическихъ институтовъ едва ли выдержатъ напоръ смѣлой и вѣрной критики, направленной противъ нихъ.—Въ книгѣ подробно излагаются ученія Ломброзо, Гарафало, Ферри.

На основаніи этого труда даетъ цѣлый рядъ фельетоновъ г. Эльпе: Научныя письма. Уголовно-антропологическая школа. „Нов. Вр." № 6185 (20 мая), 6199, 6213 и 6217 (3-го, 17-го и 21 іюня). Сочувственный отзывъ въ „Вѣс. Евр." 6 (обл.). Хорошимъ популярнымъ очеркомъ считаетъ эту книгу „Сѣв. Вѣс." 9, 74с. Такого же мнѣнія „Журн. гражд. и угол. пр." № 7, 41.

281. (Зеландъ, Н.) Seeland, N. Le Tempérament au point de vue psychologique et anthropologique. Congrès International d'Anthropologie. Moscou. Tome II, p. 91—154.

Въ своей работѣ авторъ поставилъ себѣ задачу найти общее опредѣленіе и классификацію темпераментовъ, которая была бы доступна провѣркѣ при помощи повседневнаго наблюденія и въ то же время не страдала коренными противорѣчіями. Онъ имѣетъ также въ виду выяснить при помощи общепризнанныхъ антропологическихъ методовъ, существуетъ ли опредѣленное отношеніе между темпераментами и физическимъ складомъ человѣка. Свои антропологическія наблюденія авторъ производилъ, главнымъ образомъ, надъ солдатами ташкентскаго гарнизона.

Темпераментъ находится въ зависимости отъ строенія нервныхъ центровъ. Они вліяютъ не только на психическія проявленія въ собственномъ смыслѣ этого слова, но сказываются также въ тѣхъ смутныхъ элементарныхъ ощущеніяхъ непроизвольнаго характера, которыя составляютъ основу такъ называемаго душевнаго склада. Душевный складъ можетъ быть положительнымъ

или здоровымъ, отрицательнымъ или болѣзненнымъ. Отрицательный складъ—принадлежность меланхолическаго темперамента и его родичей—нервнаго и холерическаго. Темпераменты положительнаго характера составляютъ три главныя группы: средній, жизнерадостный и флегматическій. По силѣ настроенія высшее мѣсто принадлежитъ жизнерадостному, по постоянству же настроенія—флегматическому. Кромѣ того существуютъ темпераменты переходные между отрицательною и положительною группою. Запасъ силъ, присущихъ нервнымъ центрамъ и темпераменту, какъ ихъ психическому проявленію, увеличивается или уменьшается подъ вліяніемъ психическихъ и соматическихъ причинъ. Отрицательная этіологія, т.-е. причины пониженія нервныхъ силъ и темперамента, извѣстны болѣе причинъ ихъ повышенія. Хотя порядочное количество индивидуальныхъ и врожденныхъ вліяній отличается случайностью, тѣмъ не менѣе самыя глубокія перемѣны, безъ сомнѣнія, коренятся въ волѣ.

Работа г. Зеланда встрѣчена сочувственно въ заграничной періодической печати. См. Science et Progrès. Revue Universelle. Edition C, № 7; Natur № 15 (Halle a. d. Saale) отзывается о статьѣ автора какъ о bahnbrechende Arbeit.

Заточниковъ, Вл. См. Розановъ.

Звѣревъ, Н. А. См. Е. Трубецкой.

282. Зеленогорскій, Ѳ. А., проф. Матеріалы для исторіи Харьковскаго университета. Вліяніе натурфилософіи Шеллинга. „Зап. Харьк. унив." кн. 4, стр. 25—36.

Излагается содержаніе рѣчей двухъ профессоровъ Харьковскаго университета—Коритари и Громова, находившихся подъ вліяніемъ Шеллинга.

283. Зеленогорскій, Ѳ. А. Общая характеристика движенія философіи въ послѣдніе три вѣка въ ея главнѣйшихъ направленіяхъ. Харьковъ. Тип. Дарре. 23 стр. 20 коп. — Первоначально въ „Зап. Харьк. унив." кн. 2, отд. оффиц., стр. 1—23.

Рѣчь на актѣ. Взоръ автора съ особенными ожиданіями останавливается на системѣ Лейбница, которая, по его мнѣнію, имѣетъ сродство съ философско-научнымъ направленіемъ XIX в. Если доселѣ естественныя науки вліяли на нравственно-политическія и историческія науки, то въ будущемъ можно ожидать обратнаго или, по крайней мѣрѣ, взаимнаго вліянія.

Зигертъ. См. Каптеревъ.

284. (Зиловъ, П. А., проф.). Галилео Галилей. Чествованіе его памяти по случаю трехсотлѣтія вступленія его на каѳедру математики въ Падуанскомъ университетѣ. (Протоколъ публичнаго засѣданія варшавскаго общества естествоиспытателей 1-го февраля 1893 г.). Варшава. Тип. варшав. учеб. округа. II+45 стр. 1 портр. 200 экз. Рѣчь проф. Зилова вышла также отдѣльно, безъ протокола засѣданія. Ц. 50 к.

Брошюра содержитъ краткій обзоръ дѣятельности Галилея и изложеніе его ученія о движеніи. Все это составлено для публичнаго засѣданія проф. Зиловымъ.

285. (Зиммель). Simmel, G. Einleitung in die Moralwissenschaft.

выраженнаго Вами желанія знать мое впечатлѣніе отъ опыта надъ интересующей Васъ больной.

Благодарю Васъ, что сдѣлали меня участникомъ этого опыта, дѣйствительно подтверждающаго, что «есть въ мірѣ вещи, которыя не снились и мудрецамъ», а не только *намъ* (грѣшнымъ и немудрымъ), какъ заключила M-lle М—ва».

Сергѣй Строгановъ.

Слушали: письмо д-ра Ховрина къ А. Н. Аксакову, отъ 20-го апрѣля 1893 года, слѣдующаго содержанія:

«Какъ видно изъ Вашего послѣдняго письма, рѣшеніе М—вой контрольной задачи Рус. Общ. Экспериментальной Психологіи оказалось не такъ доказательнымъ для ясновидѣнія, какъ я могъ ожидать. Недоказательность эта обусловливалась тѣмъ, что внутренній конвертъ протертъ съ двухъ боковыхъ сторонъ, такъ что черезъ оставшіяся его половинки можно было прочесть и провѣрить прочитанное, что и привело въ смущеніе уважаемыхъ членовъ Общества. Такимъ образомъ, съ этимъ письмомъ я лишаюсь возможности доказать то, что дѣйствительно существуетъ, то, что дѣйствительно не должно подлежать сомнѣнію, т. е. способность ясновидѣнія М—вой, и это тѣмъ досаднѣе, что порча конверта, не говорю,—могла, а прямо произошла не по винѣ М—вой, а какъ слѣдствіе извѣстнаго способа обращенія съ нимъ, и притомъ неустранимаго. Вы помните, какъ я уже о томъ неоднократно писалъ и о чемъ должны хорошо знать члены Общества, что М—ва при попыткахъ отгадыванія сильно мнетъ письма, что выражалось тѣмъ, что она, наприм., перебирала и перетирала письмо между пальцами, мяла его въ комокъ и теребила на всѣ лады, иногда же прямо дѣлала попытки порвать, что продолжалось иногда до ½ ч. и болѣе, смотря по интенсивности двигательнаго возбужденія. Предупреждая объ этомъ, я просилъ даже, чтобы не были положены сургучныя печати, но при этомъ предоставлялъ Обществу право придумать какой угодно контроль, лишь былъ бы онъ доказателенъ. И вотъ, Общество придумало свой контроль, какъ нѣчто доказательное въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ былъ сразу и наглядно доказать или неподдѣльность факта, или обнаружить фальсификацію. Получилось же, къ сожалѣнію, что-то неопредѣленное, даже скорѣе обнаруживающее фальсификацію тамъ, гдѣ дѣйствительно суще-

ствуетъ несомнѣнный фактъ. Я одного не понимаю, почему Общество, придумывая строгій контроль для констатированія такого важнаго факта, какъ ясновидѣніе, предположило, что внутренній конвертъ, еслибъ онъ былъ полотняный, затруднилъ бы для М—вой рѣшеніе задачи. Разъ предположить, что она ясновидящая, то для ея способности разница между такими средами, какъ бумага и полотно, не должна была бы составлять особыхъ препятствій, тѣмъ болѣе что можно было взять полотно не менѣе тонкое, чѣмъ любая бумага, но за то неизмѣримо плотнѣе, чѣмъ послѣдняя. Если бы соблюдена была эта предусмотрительность, то навѣрное, какъ и Вы справедливо замѣтили, опытъ оказался бы гораздо доказательнѣе. Радуюсь только одному, что цѣлость наружнаго конверта и его печатей остались неприкосновенными и если экспертиза не обнаружитъ ничего подозрительнаго, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то я буду вполнѣ удовлетворенъ и за себя, и за свою больную. Еслибы даже предположить, что М—ва фокусница и умѣла вскрыть искусно наружный конвертъ, то непонятнымъ становится, для чего ей понадобилось намѣренно портить внутренній конвертъ. Вѣроятно, у нея достало бы умѣнья и терпѣнья, чтобы такъ же поступить и съ этимъ, какъ и съ наружнымъ, лишь бы только доказать свою способность. Для меня лично порча внутренняго конверта, при цѣлости наружнаго, не имѣла бы никакого значенія и вотъ почему по полученіи Вашего письма, я самъ сначала недоумѣвалъ, какимъ образомъ внутренній защищенный конвертъ могъ подвергнуться порчѣ? Съ цѣлью выясненія себѣ этого недоразумѣнія, я сдѣлалъ подобный же конвертъ, вложилъ въ него запечатанное въ обыкновенный бумажный конвертъ письмо, заклеилъ наружный прочно и затѣмъ въ теченіе трехъ дней подвергалъ письмо тѣмъ же самымъ манипуляціямъ, какимъ подвергала М—ва контрольное письмо Общества. Сверхъ ожиданія, въ теченіе этихъ дней, по вскрытіи наружнаго конверта, оба бока внутренняго бумажнаго оказались не только потертыми, но даже протертыми насквозь. Еслибы манипуляціи продолжать дольше, то обѣ его стороны навѣрно отдѣлились бы другъ отъ друга. Если Вы сами потрудитесь произвести подобный же опытъ, то убѣдитесь, что найденная порча внутренняго конверта контрольнаго письма должна быть при этомъ необходимою. Примите при этомъ во вниманіе, что М—ва подвергала подобной порчѣ контрольное письмо въ те-

ченіе цѣлыхъ недѣль. Нужно удивляться, какъ еще остался цѣлъ наружный конвертъ и его печати.

Теперь я отвѣчу на Ваши вопросы.

*1-й воп.* Записанъ ли у Васъ каждый приступъ къ чтенію, при комъ именно состоялось послѣднее чтеніе и какова картина этого процесса?

*Отв.* Самъ лично я не велъ записи, но, по моему желанію, М—ва ведетъ дневникъ своей болѣзни, начиная съ сентября мѣсяца 1891 г. подъ моимъ контролемъ. Въ этотъ дневникъ она вписываетъ, помимо своихъ болѣзненныхъ припадковъ и ощущеній, также всѣ мои личныя замѣчанія и наблюденія относительно опытовъ съ чтеніемъ писемъ. Такимъ образомъ, имѣется довольно подробный дневникъ, заключающій въ себѣ весьма цѣнный матеріалъ для исторіи ея болѣзни. Выписку изъ этого дневника, касающуюся до чтенія писемъ, начиная съ 14 января 1893 года, я Вамъ при семъ прилагаю. Что касается до вопроса, при комъ именно состоялось послѣднее чтеніе, то объ этомъ я уже писалъ Вамъ: чтеніе произведено ею одной, безъ свидѣтелей; о картинѣ процесса этого чтенія Вы узнаете изъ дневника.

*2 вопр.* Были ли свидѣтели при Вашихъ личныхъ опытахъ чтенія въ Вашемъ присутствіи, и можете ли Вы представить эти свидѣтельства?

*Отв.* Всѣ мои опыты, равно какъ и опыты съ контрольнымъ письмомъ Общества, я по необходимости долженъ былъ производить одинъ безъ свидѣтелей по слѣдующимъ причинамъ: у себя въ квартирѣ, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я не могъ производить какія-либо наблюденія. Гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ это было еще менѣе удобно и могло бы повредить М—вой, какъ больной, за ея отлучки изъ больницы. Оставалась одна возможность производить наблюденія и опыты только или въ пріютѣ Св. Елисаветы, гдѣ она помѣщается, или въ моемъ отдѣленіи лѣчебницы душевно-больныхъ, гдѣ имѣются сравнительно бо́льшія удобства для наблюденій, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Конечно, въ лѣчебницѣ мнѣ могли бы помочь въ моихъ наблюденіяхъ мои товарищи, но, къ сожалѣнію, желающихъ систематически посвятить себя этимъ опытамъ между ними не нашлось. Да оно и понятно: каждое такое наблюденіе по необходимости должно было отрывать наблюдателя отъ его прямыхъ обязанностей иногда на часъ и болѣе, что для каждаго было неудобно, да притомъ имъ, какъ людямъ мало заинтере-

сованнымъ въ моихъ опытахъ и не совсѣмъ довѣряющимъ способности ясновидѣнія, не было цѣли терять время на эти опыты. При этихъ условіяхъ, если каждый изъ моихъ товарищей и могъ быть свидѣтелемъ, то только случайнымъ, что въ моихъ наблюденіяхъ не имѣло никакого значенія въ смыслѣ достовѣрности свидѣтельства, тѣмъ болѣе что случайное или *новое лицо, особенно недовѣрчиво относящееся къ М—вой, только затрудняло мои личные опыты*. Это зависило отъ того, что М—ва боялась казаться въ глазахъ другихъ смѣшной своими конвульсіями и капризами, которыми въ большей или меньшей степени сопровождается каждый приступъ отгадыванія. Понятно, что при этомъ ей весьма трудно сосредоточиться въ самой себѣ, на своихъ внутреннихъ ощущеніяхъ, что для успѣха опыта составляетъ все. Даже мнѣ самому лично только въ послѣднее время удалось добиться того, что она совершенно перестала стѣсняться меня во время опытовъ, чѣмъ я и объясняю удачное чтеніе моихъ закрытыхъ писемъ въ моемъ присутствіи. Но при этомъ удача происходитъ только въ томъ случаѣ, если она видитъ *полное довѣріе къ себѣ; стоитъ только мнѣ выразить сомнѣніе—и опытъ не удавался*. Какъ доказательство вліянія привычки и довѣрія М—вой на успѣхъ опытовъ, я приведу два опыта съ закрытыми записками фельдшерицы моего отдѣленія О. Н. Куфаевой, къ которой она относится болѣе довѣрчиво, нежели къ другимъ. *1-ый опытъ:* 27-го января въ моемъ присутствіи Куфаева написала для задачи короткую фразу: «приходите ко мнѣ сегодня», которая и отдана была М—вой для чтенія въ конвертѣ. Несмотря на всѣ усилія, М—ва ничего не могла сдѣлать въ теченіе 10-ти минутъ и принуждена была отказаться отъ рѣшенія задачи. Тогда я переписалъ ту фразу своею рукой и отдалъ ей тоже въ конвертѣ для отгадыванія, внушивши ей, что она непремѣнно должна узнать написанное. Послѣ этого записка прочтена была не болѣе какъ въ 3 минуты. Затѣмъ недавно, 12-го апрѣля, Куфаева написала ей другую фразу: «вы должны прочитать мою записку», тоже удачно прочтенную М—вой, только вмѣсто слова «*мою*» она прочла «*эту*». Записка была дана такъ сложенною, что не было никакой возможности ни просмотрѣть, ни что-либо прощупать. Записка написана Куфаевой въ то время, когда М—ва была въ другой комнатѣ. Объ этихъ опытахъ можно справиться у Куфаевой, которая не откажется сообщить о подробностяхъ

опытовъ. Мои попытки заставить М—ву читать письма при другихъ мало знакомыхъ ей лицахъ почти никогда не достигали цѣли. Такъ, подобныя попытки кончились ничѣмъ при докторахъ Скворцовѣ, Андреевѣ. Впрочемъ, какъ я уже Вамъ писалъ, разъ при моихъ товарищахъ, Андреевѣ и Какушкинѣ, она прочла по одному слову. Опытъ съ запиской д-ра Исполатова 28-го января удался только отчасти. Дана была фраза въ закрытомъ конвертѣ: «все въ мірѣ превратно». На верху фразы поставленъ крестъ. Рѣшеніе задачи происходило въ присутствіи моемъ и д-ра Исполатова, причемъ содержаніе записки я не зналъ. Число словъ фразы и знакъ-крестъ были отгаданы довольно скоро, отгадываніе же фразы продолжалось не менѣе $1/2$ ч., причемъ она сильно мяла и терла конвертъ между пальцами, но узнать что-либо чрезъ конвертъ отказалась. Тогда эта записка была ей дана безъ конверта, но дѣло все-таки подвигалось туго, изъ всей фразы отгаданы были только два слова: «все» и «въ мірѣ». О своихъ личныхъ опытахъ, которые я принужденъ былъ производить безъ свидѣтелей, я могу сообщить Вамъ слѣдующее: по возвращеніи въ концѣ декабря изъ Петербурга, я замѣтилъ, что способность М—вой по отношенію къ моимъ закрытымъ письмамъ значительно усилилась. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ и за неимѣніемъ возможности производить наблюденія въ присутствіи другихъ лицъ, я рѣшился производить эти наблюденія одинъ, чтобы хотя для себя лично выяснить, не употребляетъ ли М—ва какихъ-либо уловокъ при чтеніи закрытыхъ писемъ. Этотъ мой скептицизмъ былъ вызванъ послѣ моего сообщенія о М—вой и демонстраціи мною ящика съ письмомъ въ Обществѣ Экспериментальной Психологіи. Демонстрированный ящикъ и для меня лично оказался неубѣдительнымъ, хотя до сихъ поръ недоумѣваю, какимъ образомъ шнурки могли быть растянуты и крышка ящика открылась свободно. Я не могу никакъ допустить, чтобы была стачка между М—вой и моей прислугой, а тѣмъ болѣе между ею и моими домашними. Самъ же я ни разу не давалъ М—вой въ руки ящика и единственная моя оплошность состояла въ томъ, что я часто оставлялъ ящикъ у себя въ кабинетѣ незапертымъ. Но пусть эти мои наблюденія, по существу весьма важныя, будутъ имѣть сомнительный характеръ. Но за то опыты, произденные мною начиная съ 14-го января текущаго года, окончательно убѣдили меня въ дѣйствитель-

ности способности ясновидѣнія М—вой. Всѣ свои закрытыя письма я давалъ М—вой при такихъ условіяхъ, что она не имѣла возможности ни видѣть, какъ они пишутся, ни догадаться о смыслѣ писаннаго, такъ какъ я писалъ записки или дома, или во время писанія высылалъ ее въ другую комнату и писалъ при закрытыхъ дверяхъ. Записки давались или въ конвертахъ, или свернутыми такимъ образомъ, что снаружи не было никакой возможности просмотрѣть написанное. Вручивши записку, я во все время опыта зорко слѣдилъ, чтобы она какъ-нибудь не могла развернуть записку или распечатать конвертъ. Словомъ, весь процессъ чтенія происходилъ непрерывно на моихъ глазахъ. Получивши записку, М—ва начинала усиленно перебирать и тереть ее между пальцами, какъ бы стараясь прощупать, волновалась, капризничала, сжимала записку въ кулакѣ или даже дѣлала попытку порвать, почему часто приходилось ее удерживать. Затѣмъ, видимо, усиленно сосредоточивалась и въ это время просила, чтобъ я сидѣлъ неподвижно, что я охотно выполнялъ, помѣщаясь противъ больной и не спуская съ нея глазъ. Черезъ 3—4 минуты М—ва прежде всего объявляла, сколько словъ во всей фразѣ, затѣмъ начинала говорить, какія слова заключаетъ въ себѣ фраза и затѣмъ уже объявляла всю фразу. Такъ какъ эти опыты я производилъ для себя лично, не имѣя въ виду имѣть ихъ какъ доказательства, то многіе изъ нихъ давно уже уничтожены и забыты, и еслибы сама М—ва не постаралась случайно сохранить нѣкоторые изъ нихъ, то я не могъ бы Вамъ представить никакихъ документальныхъ данныхъ для доказательства моихъ личныхъ опытовъ. Къ моему величайшему удовольствію, оказались записанными и числа производства опытовъ. Такимъ образомъ, были отгаданы слѣдующія фразы и въ слѣдующія числа: 14-го января. Даны въ конвертѣ двѣ фразы, отгаданныя весьма свободно. Эти задачи М—ва препроводила Вамъ при своемъ письмѣ.

15-го января. Даны тамъ же двѣ фразы, отгаданныя одна за другою: 1) Земля столкнется съ Юпитеромъ. 2) Что я буду сегодня дѣлать?—Эти задачи были даны безъ конвертовъ, но записки были такъ сложены, что просмотрѣть что-либо было нельзя.

18-го января дана была на руки въ запечатанномъ конвертѣ слѣдующая задача: «Pater noster qui in coelis» *).

*) Подобная задача во всякомъ случаѣ затруднительна, она должна была копировать текстъ безъ его пониманія.

На конвертѣ положены густые чернильные знаки. Этимъ опытомъ я еще разъ хотѣлъ провѣрить, не употребляетъ ли М—ва для распечатыванія влажности. При густо наложенныхъ чернильныхъ чертахъ, во всякомъ случаѣ, при употребленіи влажности должна быть, хотя въ лупу, замѣтна расплывчатость знаковъ. Конвертъ былъ возвращенъ совершенно чистымъ. При разсматриваніи въ лупу нельзя было замѣтить никакихъ признаковъ расплывчатости знаковъ. Нужно замѣтить, что М—ва не умѣетъ читать по латыни.

1-го февраля. Была дана на руки еще задача съ цѣлью провѣрить, употребляетъ ли М—ва при распечатываніи влажность, безъ которой невозможно было вскрыть конвертъ этой задачи. Задача была слѣдующаго содержанія: «не всегда легко бываетъ читать и мои закрытыя письма». Эта записка писана на листѣ плотной почтовой бумаги, вложенномъ еще въ другой такой же. Затѣмъ бумага записки свернута пополамъ и опущена въ конвертъ своими свободными концами, а перегибъ наружу къ открывающейся части его. Къ серединѣ сгиба съ внутренней стороны приклеена однимъ концомъ весьма тонкая и притомъ надорванная въ нѣсколькихъ мѣстахъ бумажная полоска, которая выходитъ затѣмъ на переднюю поверхность записки. Нижній перегибъ полоски также приклеенъ ко дну конверта, а отъ конца полоски идетъ нитка, которая затѣмъ пропущена иглою наружу черезъ конецъ закрывающейся части конверта. Снаружи нитка завязана узломъ и припечатана сургучною печатью. При запечатываніи конверта записка была приклеена къ внутренней поверхности его адресной стороны, равно какъ и закрывающаяся часть конверта тоже по бокамъ нитки была приклеена. По запечатаніи конверта на его склейкахъ сдѣланы густые чернильные знаки. Устраивая такой контроль, я имѣлъ собствено 4 контроля: чтобы распечатать конвертъ, нужно было, во-первыхъ, испортить сургучную печать; во-вторыхъ, нужно было употребить сильную влагу, чтобы отмочить приклеенное письмо, безъ чего нельзя было вынуть самую записку, а это нельзя было сдѣлать безъ расплыва чернильныхъ знаковъ; въ-третьихъ, при открываніи конверта нитка натягивалась и должна была порвать полоску, приклеенную ко дну конверта, чего весьма трудно было избѣжать даже лицу предупрежденному о контролѣ; въ-четвертыхъ, при выниманіи записки, приклеенная полоска тоже должна была по-

рваться весьма свободно на надрѣзахъ. Избѣжать порчи контрольныхъ знаковъ этого письма едва ли возможно даже самому ловкому искуснику въ распечатываніи писемъ, не знакомому съ ихъ расположеніемъ въ непрозрачномъ письмѣ. Это контрольное письмо было отдано М—вой на руки для прочтенія безъ свидѣтелей. На другой день, т.-е. 2-го февраля, письмо было возвращено вѣрно прочитаннымъ безъ всякихъ признаковъ порчи сургучной печати и чернильныхъ контрольныхъ знаковъ. Лупа не обнаружила никакой въ нихъ расплывчатости.

27-го января. Дана мною въ запечатанномъ конвертѣ фраза: «не держите меня; мнѣ нужно ѣхать на съѣздъ врачей», отгаданная вѣрно въ моемъ присутствіи. Того же числа былъ произведенъ описанный уже выше опытъ съ письмомъ Куфаевой и 28-го опытъ съ запиской д-ра Исполатова. Вотъ все, что я могу сообщить Вамъ по поводу моихъ личныхъ опытовъ. Будутъ ли они заслуживать какого-либо довѣрія со стороны Общества, или нѣтъ—это вопросъ другой. Я только хотѣлъ сообщить Обществу, что я видѣлъ, какъ видѣлъ и къ какому пришелъ убѣжденію по отношенію способности М—вой.

*3 вопр.* Какъ часто Вы контролировали конвертъ контрольнаго письма Общества и записывали ли Вы эти дни?

*Отв.* Какъ часто я производилъ контроль письма Общества, то объ этомъ, кажется, я уже писалъ Вамъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ. Теперь же повторяю: я всегда тщательно осматривалъ наружный конвертъ, какъ только представлялся для этого случай, т.-е. каждый разъ, когда она являлась ко мнѣ съ письмомъ, и всякій разъ, когда приходилось у ней бывать въ пріютѣ, что происходило иногда въ самое неопредѣленное время, и всегда при осмотрѣ конверта ничего подозрительнаго не находилъ въ его наружномъ видѣ. Особенно прочность кнопокъ не давала повода подозрѣвать какія-либо уловки въ распечатываніи. Въ послѣдній разъ я тщательно разсмотрѣлъ конвертъ наканунѣ рѣшенія задачи, т.-е. 20-го числа, и, какъ всегда, ничего не нашелъ въ немъ подозрительнаго. Ваше желаніе относительно справокъ о кнопкахъ я выполнилъ болѣе чѣмъ нужно, побывавъ во всѣхъ магазинахъ, гдѣ только можно было подозрѣвать найти подобныя приспособленія. Я былъ въ слѣдующихъ магазинахъ: у Шютца, Петерса, Рорбаха, считающихся инструментальными и оптическими, далѣе—въ книжныхъ магазинахъ: Булыгина, Зотова, Аб-

рамова, торгующихъ всѣми письменными принадлежностями, былъ въ такъ называемыхъ аптекарскихъ магазинахъ: Доможировой, Крюченкова, Лана, торгующихъ также всѣми письменными принадлежностями, дѣтскими игрушками и всѣми возможными новинками, былъ даже въ переплетомъ магазинѣ Москалева, но нигдѣ ничего подобнаго кнопкамъ, наложеннымъ на контрольное письмо Общества, не нашелъ. На мои вопросы торговцамъ означенныхъ магазиновъ, гдѣ можно найти подобныя приспособленія, мнѣ отвѣчали: «гдѣ-нибудь въ Москвѣ или Петербургѣ»; адреса же магазиновъ, гдѣ продаются подобныя кнопки, никто не могъ сообщить. Дальше искать было негдѣ *).

«Не могу воздержаться отъ нѣкоторыхъ соображеній по поводу контрольнаго письма Рус. Общ. Экспериментальной Психологіи. При тѣхъ условіяхъ, что М—ва сильно мнетъ письма при процессѣ чтенія, контроль, придуманный Обществомъ, въ сущности, никогда не могъ быть доказательнымъ. Обществомъ было упущено изъ виду одно очень важное обстоятельство, это— сила и интенсивность, съ какими могла М—ва мять письмо, поэтому порча даже наружнаго конверта еще ничего не можетъ говорить ни за, ни противъ ея способности. Конвертъ она могла даже порвать и все-таки прочесть письмо помощью ясновидѣнія. Слѣдовательно, для Общества предстояло придумать такого рода контроль, который бы могъ наглядно или подтвердить способность ясновидѣнія, или обнаружить фальсификацію. По-моему, контроль долженъ бы быть придуманъ вродѣ слѣдующаго: приготовить подобное же письмо, какъ придумано было Обществомъ, только не въ одномъ, а въ двухъ полотняныхъ конвертахъ, изъ которыхъ внутренній долженъ быть изъ самаго тонкаго, прочнаго полотна, наружный пусть былъ бы такимъ же, только между кнопками наружнаго конверта должны быть положены еще сургучныя именныя печати. Внутренній конвертъ долженъ быть запечатанъ кнопками и сургучными печатями. Затѣмъ, какъ само письмо, такъ и внутренній конвертъ должны быть приклеены другъ къ другу. Можно было бы устроить во внутреннемъ конвертѣ и еще кое-что, наприм.: тонкая полоска

*) Предположить, что М—ва могла выписать сама кнопки, нельзя, потому что она такъ бѣдна, что никогда даже рубля не имѣетъ въ рукахъ, а за это время, какъ мнѣ извѣстно, никто ей денегъ не присылалъ и не давалъ.

папиросной бумаги, прикрѣпленная къ письму и конвертамъ такимъ образомъ, что при вскрытіи конвертовъ она могла бы необходимо разрываться. Приготовивъ такимъ образомъ конвертъ, на него слѣдовало бы сдѣлать какую-нибудь не разрываемую, тоже контролированную обложку, напримѣръ, изъ твердаго картона. Самый конвертъ нѣтъ необходимости толсто завертывать; достаточно завернуть въ одинъ листъ бумаги, чтобы предохранить сургучныя печати, въ случаѣ если М—ва стала бы въ припадкѣ стучать по письму кулаками или чѣмъ-либо бить по немъ. За то, чтобы не утруждать способность М—вой отгадываніемъ побочныхъ контрольныхъ деталей, какъ наприм., чернильныхъ знаковъ на конвертахъ, въ какую бумагу обернуто письмо и т. д., нужно было бы ихъ описать, чтобы М—ва могла прямо приняться за текстъ письма, такъ какъ особенная способность М—вой заключается въ томъ, что она прежде, нежели дойти до отгадыванія текста, должна сначала опредѣлить всѣ малѣйшія, даже побочныя, не идущія къ дѣлу, детали, что и было причиною затрудненія отгадыванія контрольнаго письма Общества. Почему именно у М—вой является потребность отгадывать всѣ, даже не идущія къ дѣлу, детали, это объяснить трудно, только она не можетъ обойтись безъ этого и не въ состояніи приступить къ чтенію самой сути, т.-е. текста, прежде, нежели не узнаетъ всѣхъ мелочей. Изъ всего процесса отгадыванія контрольнаго письма Вы видите, что она шла постепенно, сначала узнала обертку, потомъ наружный видъ наружнаго конверта, затѣмъ знаки на внутреннемъ конвертѣ и только послѣ опредѣленія всѣхъ подробностей, могла приступить къ чтенію текста. На отгадываніе каждой детали она употребила не меньше силъ, чѣмъ на отгадываніе самаго текста. Ей пришлось, въ сущности, рѣшить не одну задачу, а цѣлый десятокъ, чѣмъ объясняется медленность рѣшенія самаго главнаго, т.-е. текста. Если бы былъ устроенъ Обществомъ контроль вродѣ описаннаго мною, то, конечно, оно имѣло бы доказательства, что письмо не могло находиться непосредственно въ рукахъ отгадывающей, оно должно быть тогда совершенно непомятымъ и чистымъ, а слѣдовательно, съ перваго же раза убѣдительнымъ*). Въ самое послѣднее время М—вой была дана еще одна за-

*) При развитіи въ послѣднее время способности М—вой подобный контроль далъ бы очень хорошіе результаты въ смыслѣ доказательности.

дача однимъ изъ моихъ знакомыхъ, дѣлопроизводителемъ тамбовскаго почтово-телеграфнаго округа Сергѣемъ Алексѣевичемъ Строгановымъ. Помимо непрозрачности конверта, онъ придумалъ еще внутренній контроль такихъ свойствъ, что приспособленныя внутри конверта тонкія бумажныя полоски должны при вскрытіи разрываться; кромѣ того, онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приклеилъ записку къ конверту и запечаталъ своей именной сургучной печатью, сдѣлавъ надпись на склейкахъ. Текстъ письма мнѣ былъ неизвѣстенъ. Письмо вручено М—вой 15-го апрѣля, 16-го я его видѣлъ цѣлымъ, непомятымъ и совершенно чистымъ. 17-го апрѣля она явилась сама, прося находиться при процессѣ отгадыванія. При этомъ она просила не давать ей письма въ руки во время самаго процесса, чтобы не помять его. Весь процессъ отгадыванія сопровождался бурнымъ волненіемъ и конвульсіями. Въ это время я только изрѣдка подносилъ письмо къ ея головѣ, но не давалъ ей его въ руки. Все чтеніе продолжалось не болѣе 20—30 минутъ. Записка отгадана такъ: «есть въ мірѣ вещи, которыя не снились намъ». Это письмо отдано въ тотъ же день автору для точнаго и строгаго контроля. Отгаданное оказалось вѣрнымъ. Сургучная печать осталась совершенно неприкосновенною. Насколько доказательна задача С. А. Строганова, пусть онъ самъ сообщитъ вамъ объ этомъ, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ считаться вполнѣ умѣлымъ, надежнымъ экспертомъ, какъ опытный чиновникъ почтоваго вѣдомства.

Послѣ опытовъ послѣдняго времени способность М—вой значительно развилась и усилилась, и еслибы нашлись два-три лица, пожелавшія систематически заняться изслѣдованіемъ этого явленія, то я увѣренъ, что она проявила бы ее въ присутствіи другихъ въ самой доказательной формѣ. Будетъ очень жаль, если этотъ феноменъ пропадетъ безслѣдно для русскаго психизма. Съ своей стороны, я взялъ отъ способности М—вой все, что только можно было взять для того, чтобы придти къ тому или другому положительному убѣжденію, и дальше въ этомъ смыслѣ мои личные опыты больше не могутъ имѣть для меня значенія, и потому эти опыты, во всякомъ случаѣ нелегкіе и утомительные, я, конечно, долженъ буду оставить, какъ не имѣющіе теперь для меня лично больше смысла. Пришелъ же я къ убѣжденію въ дѣйствительномъ существованіи способности М—вой не рядомъ случайныхъ наблюденій, но почти двухлѣтнимъ системати-

ческимъ изслѣдованіемъ и вполнѣ строгимъ сознательнымъ отношеніемъ къ вопросу безъ всякаго, съ моей стороны, увлеченія. Дай Богъ, чтобы случай помогъ демонстративно подтвердить мои наблюденія, чѣмъ буду вполнѣ нравственно удовлетворенъ за мой, по справедливости, нелегкій трудъ на пользу русской экспериментальной психологіи. Затѣмъ, я могу о М—вой сообщить еще одинъ фактъ: 13-го апрѣля ей была подъ внушеніемъ сдѣлана докторомъ Яковлевымъ операція вырѣзыванія ножомъ миндалевидныхъ железъ. Операція была безболѣзненна. Въ моментъ самой операціи чувствительность была совершенно потеряна, и М—ва не проявила ни малѣйшаго рефлекса, какъ будто рѣзали не ее, несмотря на то, что операція производилась въ области, гдѣ уже одно прикосновеніе вызываетъ даже у людей здоровыхъ сильный рефлексъ. Д-ръ Яковлевъ дѣлаетъ подобныя операціи не тонзилотомомъ, а ножомъ, что гораздо продолжительнѣе, нежели инструментомъ. Menstrua у М—вой по-прежнему открываются только подъ вліяніемъ внушенія.

Послѣ того, какъ я сдѣлалъ справки въ магазинахъ о кнопкахъ, не счелъ нужнымъ объ этомъ скрыть отъ М—вой. Она не только не обидѣлась, но видимо была довольна контролемъ Общества, и сожалѣетъ только, что не могла сохранить письмо Общества въ его надлежащемъ видѣ.

Считаю не лишнимъ представить Вамъ также письмо ко мнѣ Строганова по поводу рѣшенія данной имъ задачи М—вой.

Съ нетерпѣніемъ жду результатовъ экспертизы контрольнаго письма Общества и мнѣніе уважаемыхъ членовъ Общества, о чемъ, надѣюсь, Вы не откажете меня увѣдомить.»

---

Послѣ сего былъ прочтенъ дневникъ г-жи М—вой, который опредѣлено приложить къ протоколу въ извлеченіи.

Почетный членъ Общества А. Н. Аксаковъ доложилъ Обществу слѣдующую экспертизу, сдѣланную имъ надъ конвертами, отправленными г-жѣ М—вой съ задачей Общества.

«Первымъ дѣломъ моимъ было задѣлать полотняный конвертъ точно такимъ же образомъ, какъ былъ задѣланъ конвертъ, переданный д-ру Ховрину для опыта. Это было для меня тѣмъ легче, что я же и задѣлывалъ въ присутствіи Общества помя-

нутый конвертъ. Попытки мои, сдѣланныя въ томъ направленіи, чтобы выяснить коренной въ этомъ дѣлѣ вопросъ: *возможно ли вскрыть конвертъ, запечатанный металлическими кнопками, и вновь запечатать его таковыми безъ оставленія видимыхъ слѣдовъ*, привели меня къ слѣдующимъ результатамъ.

При помощи тонкаго, остроконечнаго инструмента, напримѣръ, шила, подводя его подъ выдающіяся снаружи плечики каждой лапки, можно каждую такую лапку при нѣкоторомъ усиліи вытянуть наружу, причемъ она должна неизбѣжно разогнуться. По окончаніи извлеченія всѣхъ шести лапокъ на поверхности конверта, несмотря на полную мою осторожность при этой операціи, остались явные слѣды—царапины и легкіе разрывы бумажной обложки конверта, свидѣтельствующіе о томъ, что печать подвергалась насилію.

Если лапки кнопки разогнуть съ внутренней стороны конверта (что было продѣлано мною особо съ другимъ конвертомъ), то кнопка вынимается свободно и чисто; разница оставляемыхъ на конвертѣ слѣдовъ отъ извлеченія кнопокъ этими двумя способами становится наглядной (для видимости прилагаю образецъ). Но разгибаніе лапокъ внутри заклееннаго и запечатаннаго конверта *очевидно невозможно.*

По извлеченіи кнопокъ изъ верхняго клапана конверта, отклейка его отъ конверта при помощи положенія на него мокрой тряпки оказалась возможной. По высушеніи конверта подъ прессомъ, слѣды на его поверхности отъ вынутыхъ кнопокъ сдѣлались еще явственнѣе, вслѣдствіе набуханія отъ влаги.

Теперь оставалось продѣлать главное: на прежнія мѣста, пробитыя лапками, вставить и припечатать новыя металлическія кнопки. При этомъ я приложилъ величайшее стараніе къ тому, чтобы лапки новой кнопки были вставлены въ мѣста прежнихъ лапокъ. Въ результатѣ оказалось, что хотя болѣе или менѣе поврежденное поле конверта, находившееся подъ дискомъ старой кнопки, и было закрыто новою кнопкой, но тѣмъ не менѣе ближайшая вокругъ диска новой кнопки поверхность конверта носитъ достаточно слѣдовъ учиненнаго извлеченія, чтобы тотчасъ же отличить эту кнопку отъ неприкосновенной. Кромѣ того, не менѣе доказательной уликой новаго запечатанія является видъ лопатокъ новой кнопки на внутренней сторонѣ конверта. По многократномъ испытаніи печатанія этимъ способомъ оказалось,

что ни разу лапки кнопки не загибаются одинаково и что большею частью хоть одна изъ нихъ загибается не внутрь диска, какъ требуетъ того машинка, а въ бокъ или попадаетъ внутрь между клапаномъ и конвертомъ. Такъ случилось и на прилагаемомъ здѣсь конвертѣ съ двумя металлическими кнопками, вставленными на мѣсто старыхъ: на одной изъ двухъ кнопокъ двѣ лапки загнулись въ бокъ, причемъ около одной изъ нихъ *ясно видно пустое мѣсто прежняго прокола* и чрезъ лапку другое мѣсто, окрашенное прежнимъ проколомъ красной лапки.

Разсматривая же оригиналъ посланнаго конверта даже въ лупу, нельзя усмотрѣть на немъ ни на одной печати, ни съ наружной стороны, ни съ внутренней *ничего такого, что указывало бы хотя на какую-нибудь попытку извлеченія кнопокъ.*

При этомъ необходимо имѣть въ виду, что сказанное выше относительно извлеченія кнопокъ и замѣны ихъ новыми, во всякомъ случаѣ, *обусловливается тѣми непремѣнными условіями,* чтобы больной субъектъ д-ра Ховрина имѣлъ въ своихъ рукахъ такую же машинку для печатанія писемъ; между тѣмъ представляется крайне невѣроятнымъ, чтобы г-жа М. могла найти въ Тамбовѣ такую машинку, которая и здѣсь мало кому извѣстна и была найдена только въ одномъ магазинѣ.

Но такъ какъ второй внутренній конвертъ оказался съ протертыми краями, то представляется такое возраженіе: середина полотнянаго конверта оставалась безъ металлической кнопки (по случаю наложенія таковой на средину внутренняго конверта); поэтому не могли ли быть отмочены и отклеены концы всѣхъ четырехъ клапановъ наружнаго конверта, отогнуты и внутреннее письмо извлечено? Для отвѣта на этотъ вопросъ мною былъ приготовленъ пакетъ, совершенно схожій съ Тамбовскимъ; бумажная печать Общества, наклеенная по серединѣ, и всѣ четыре клапана въ пространствѣ между четырьмя кнопками были отмочены, печать снята и клапаны отогнуты. Этотъ конвертъ при семъ прилагается. Сколько я понимаю, внутреннее письмо не могло бы быть извлечено чрезъ сдѣланное отверстіе иначе, какъ очень смятымъ; при его плотности и упругости, образуемой двумя листами вложенной въ него плотной почтовой бумаги, въ 8-ю долю, сложенной вдвое, такой способъ извлеченія оставилъ бы явные слѣды; ничего подобнаго на внутреннемъ конвертѣ не замѣтно.

При этомъ нельзя не упомянуть, что при вскрытіи концовъ клапановъ открывается доступъ къ лапкамъ кнопокъ изнутри; слѣдовательно, представляется, повидимому, возможность осторожно разогнуть ихъ и извлечь кнопки безъ наружныхъ поврежденій конверта. По провѣркѣ на дѣлѣ, это оказалось весьма труднымъ, ибо лапокъ кнопокъ почти не видно, поэтому приходилось бы дѣйствовать какимъ-нибудь остріемъ ощупью и горизонтально; эти старанія оставили бы на полотнѣ явственные слѣды. Такимъ образомъ, уликами послужили бы какъ эти царапины на полотнѣ, такъ и случайные слѣды отъ прежнихъ въ немъ пробоинъ лапками. Понятно, что и въ этомъ случаѣ имѣніе машинки остается непремѣннымъ условіемъ.

Если считать эти два послѣдніе пункта ослабляющими цѣнность продѣланнаго опыта, а также и то обстоятельство, что бока внутренняго конверта оказались потертыми, то вину въ этомъ приходится Обществу взять на себя.

Второй полотняный конвертъ казался лишнимъ усугубленіемъ трудности опыта, а наложеніе металлической кнопки на середину наружнаго конверта оказалось невозможнымъ по наложеніи таковой на середину внутренняго конверта. Еслибъ этотъ внутренній конвертъ былъ также полотняный и еслибъ наружный былъ запечатанъ пятью кнопками, то опытъ былъ бы безупречный. 4 мая 1893 года.»

По выслушаніи этого доклада и по обсужденіи всего вопроса, собраніе пришло къ слѣдующему заключенію: *весьма вѣроятно, что фактъ ясновидѣнія въ данномъ случаѣ былъ неподдѣльный, а потому крайне желательно, чтобы опыты съ г-жей М—вой были продолжены.*

## Приложеніе къ протоколу 7-го мая.

Извлеченіе изъ дневника С. А. М—вой за 1892—93 годы.

*24-го декабря.* Открылись регулы по внушенію. Былъ приложенъ магнитъ къ низу живота, послѣ 2—3 схватокъ черезъ 5 минутъ очень сильныя регулы. Срокъ регулъ 19-го декабря прошелъ, самостоятельно онѣ не открылись. Потребности къ отгадыванію письма не было.

*30-го декабря.* Тоска, не ѣла, не спала, внушеніе прекращало тоску на 2—3 часа, затѣмъ она снова возвращалась и доходила

до неистовства: плакала, стремилась куда-то убѣжать, рвала на себѣ волосы, платье. Была сильная потребность къ отгадыванію. Старалась читать письмо, мяла его, терла между пальцами, хотѣла его порвать.

Служанка отняла письмо. Посылала за А. Н. (д-ромъ Ховринымъ), но онъ почему-то не пошелъ.

Январь 1893 года.

*1-го января.* Въ 6 час. вечера самостоятельно впала въ гипнотическій сонъ. Въ теченіе $^1/_2$ часа въ такомъ состояніи увидѣла знаки на внутреннемъ конвертѣ. По пробужденіи чувствовала себя совершенно здоровой. Потребность къ отгадыванію пропала. Въ 7 часовъ заявила А. Н., что видѣла знаки, что, повидимому, затрудняло отгадываніе самаго текста.

*2—3-го янв.* Чувствовала себя совершенно здоровою. Потребности къ отгадыванію не было.

*4-го янв.* А. Н. потребовалъ отъ меня чтеніе письма. Я ему говорила, что потребности у меня нѣтъ, но онъ вѣрно не повѣрилъ. Попытка кончилась полною неудачей, послѣ стала волноваться, ночь не спала и, въ общемъ, чувствовала себя плохо.

*12 — 13-го янв.* Спала плохо, сильно волновалась съ утра, опять потребность къ отгадыванію письма. Идти къ А. Н. было напрасно, тогда я взялась одна за письмо, и что же вышло? Въ 1 ч. дня я самостоятельно впала въ гипнотическій сонъ. Посылали за Хов., но онъ не пошелъ, а сидѣлка меня не могла разбудить, и я проспала до 12-ти час. слѣдующаго дня, т.-е. 13-го января. Ничего не видѣла. Послѣ такого состоянія сильная истерика; А. Н. не принялъ меня, а просилъ обратиться къ другому врачу.

*14-го января.* Съ утра плохо, никакія лѣкарства не помогаютъ. Пошла къ А. Н. и заявила, что я рѣшительнно не могу оставаться безъ внушителя. А. Н. былъ такъ добръ, обратилъ вниманіе на мои страданія, сдѣлалъ мнѣ внушеніе, послѣ чего я успокоилась и попросила дать мнѣ для отгадыванія записочку. Опытъ удался, и я стала совершенно покойна.

*15-го января.* Спала хорошо. Съ утра волновалась, потребность къ отгадыванію, даны были двѣ записки А. Н. безъ конверта, отгаданы удачно. Во время отгадыванія сильно волновалась, капризничала, послѣ сеанса успокоилась.

# ВОП[illegible]

и

# ПСИХОЛ[illegible]ГИИ.

## ИЗДАНІЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧ[illegible]СКАГО ОБЩЕСТВА.

**Годъ пятый**

(съ 1-го января 1894 г.).

---

## УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

На годъ (съ 1-го января 1894 г. по 1-е января 1895 г.) безъ доставки **6** р., съ доставкой въ Москвѣ — **6** руб. **50** коп., съ пересылкой въ другіе города — **7** руб., за границу—**8** руб. Члены Психологическаго Общества, учащіеся, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 р.

Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторахъ редакціи.

Полные экземпляры журнала за первый годъ (№№ 1—4) распроданы, отдѣльно продаются оставшіеся въ небольшомъ числѣ экз. 3-й книги по 2 руб. съ перес. Полные годовые экземпляры журнала: за **второй** годъ (№№ 5—9) по 6 р. 50 к., съ перес. 7 р., за **третій** годъ (№№ 10—14) по 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.; отдѣльно **№ 15** (переходный между 3-мъ и 4-мъ годами) 2 р. съ перес.; за **четвертый** годъ (№№ 16—20) 6 р. 50 к., съ перес. 7 р. При выпискѣ полныхъ годовыхъ экз. одновременно за **два** года уступается 1 р.; за **три** года—2 р. Можно выписывать наложеннымъ платежомъ, при чемъ взимается съ каждаго руб. по 2 коп., но не менѣе 10 коп. за каждое порученіе. Сверхъ того, можно пріобрѣтать по 1 р. 25 коп. (съ пер. 1 р. 50 к). слѣдующія отдѣльныя книги журнала, оставшіяся лишними сверхъ полнаго комплекта: 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13 и 14, а **№ 21**—за 2 р., съ пересылкой—за 2 р. 25 к.

За всякую перемѣну адреса уплачивается 20 коп.; въ случаѣ неполученія какого-либо номера журнала просятъ увѣдомлять объ этомъ контору не позже выхода слѣдующаго за неполученнымъ номера. Во избѣжаніе задержки въ высылкѣ слѣдующихъ книгъ журнала редакція проситъ поспѣшить взносомъ разсроченной части подписной платы.

Въ журналѣ помѣщаются платныя объявленія исключительно о книгахъ и художественныхъ изданіяхъ, по 10 руб. за страницу.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ **„Новаго Времени"** (С.-Пб., Москва, Одесса и Харьковъ), **Карбасникова** (С.-Пб., Москва, Варшава), **Вольфа** (С.-Пб. и Москва), **Оглоблина** (Кіевъ), **Башмакова** (Казань) и **другихъ**, принимается въ конторѣ журнала: **Москва, Пречистенка, Левшинскій пер., д. Авдѣева.**

---

1. Всѣ статьи, доставляемыя въ редакцію, въ случаѣ надобности, подлежатъ, на основаніи постановленія редакціоннаго комитета, сокращенію и редакціоннымъ поправкамъ. 2. Время напечатанія статей и распредѣленіе ихъ по книжкамъ опредѣляются редакторами сообразно наличному матеріалу. 3. Статьи, присылаемыя въ редакцію безъ обозначенія условій, поступаютъ въ полное распоряженіе редакціи. 4. Размѣръ оплаты статей гонораромъ опредѣляется по особымъ правиламъ, выработаннымъ комитетомъ. 5. Статьи, не принятыя редакціей, высылаются авторамъ *обратно лишь при* полной оплатѣ почтовыхъ расходовъ. 6. Въ виду затруднительности *скораго прочтенія* всѣхъ присылаемыхъ статей, иногороднимъ авторамъ предлагается *ждать отвѣта редакціи* въ теченіе шести мѣсяцевъ.

*Всѣ* статьи для журнала должны быть доставляемы въ московскую конт[illegible] *дакціи. Въ* теченіе лѣтняго времени по редакціоннымъ дѣламъ просятъ [illegible]